

НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ
Заснований у жовтні 2010 р.
Виходить 2 рази на рік

ВІСНИК

УНІВЕРСИТЕТУ імені АЛЬФРЕДА НОБЕЛЯ

BULLETIN OF ALFRED NOBEL UNIVERSITY

СЕРІЯ **ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ**

SERIES «PHILOLOGY»

**АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ
ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ**

НЕКЛАСИЧНІ ПРАКТИКИ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВА

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

**АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ
ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ**

**АСПЕКТИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ПРОБЛЕМАТИКИ
СХІДНИХ МОВ ТА ЛІТЕРАТУР**

**АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ
ТА ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ**

СУЧАСНІ АСПЕКТИ ЛІНГВОДИДАКТИКИ

ПЕРЕКЛАДОЗНАВЧІ СТУДІЇ

РЕЦЕНЗІЇ, ХРОНІКИ НАУКОВОГО ЖИТТЯ

IN MEMORIAM

Програмні цілі – висвітлення результатів новітніх досліджень та досягнень філологічної науки за всіма напрямками і аспектами її розвитку та практичного застосування.

Для наукових працівників, фахівців-лінгвістів, літературознавців, перекладознавців, студентів, широкого кола науковців і дослідників всіх напрямів розвитку філології.

Матеріали публікуються змішаними мовами.

Журнал «Вісник Університету імені Альфреда Нобеля». Серія «Філологічні науки» затверджений у Переліку наукових фахових видань рішенням Атестаційної колегії Міністерства освіти і науки України (наказ від 24.10.2017 р. № 1413).

Журнал затверджено до друку і до поширення через мережу Інтернет за рекомендацією вченої ради Університету імені Альфреда Нобеля (протокол № 1 від 27 лютого 2020 р.).

Журнал «Вісник Університету імені Альфреда Нобеля». Серія «Філологічні науки» зареєстровано у міжнародних наукометричних базах і директоріях *Ulrich's Periodicals Directory*, *Directory of Open Access Journals (DOAJ)*, *Index Copernicus*, *Science Index (PIHL)* та індексується в інформаційно-аналітичній системі Національної бібліотеки України імені Вернадського та *Google Scholar*.

Свідоцтво про державну реєстрацію
КВ № 22576-12476ПР від 20.02.2017 р.

1 (19) 2020

РЕДАКЦІЙНА РАДА

Голова редакційної ради

Б.І. ХОЛОД, доктор економічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)

Заступник голови редакційної ради

А.О. ЗАДОЯ, доктор економічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)

Члени редакційної ради

С.Б. ВАКАРЧУК, доктор фізико-математичних наук,
професор (Університет імені Альфреда Нобеля,
м. Дніпро)
В.А. ПАВЛОВА, доктор економічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)
С.В. ПЕТКОВ, доктор юридичних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)
А.А. СТЕПАНОВА, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)
О.Б. ТАРНОПОЛЬСЬКИЙ, доктор педагогічних наук,
професор (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

Головний редактор серії

А.А. СТЕПАНОВА, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)
Відповідальний секретар

О.М. ТУРЧАК, кандидат філологічних наук, доцент
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)

Члени редакційної колегії

Н.О. ВИСОЦЬКА, доктор філологічних наук,
професор (Київський національний лінгвістичний
університет)
Я.В. ГАЛКІНА, кандидат філологічних наук, доцент
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)
А.А. ЗЕРНЕЦЬКА, доктор філологічних наук, професор
(Національний педагогічний університет
імені М.П. Драгоманова, м. Київ)
Н.В. ЗІНУКОВА, кандидат педагогічних наук, доцент
(Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)
О.О. КОРНІЄНКО, доктор філологічних наук, професор
(Національний педагогічний університет
імені М.П. Драгоманова, м. Київ)
А.В. ЛЕПЕТЮХА, кандидат філологічних наук,
доцент (Харківський національний
педагогічний університет імені Г.С. Сковороди)
О.І. МОРОЗОВА, доктор філологічних наук, професор
(Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна)
В.Д. НАРІВСЬКА, доктор філологічних наук, професор
(Дніпровський національний університет
імені Олеся Гончара)
В.Г. НІКОНОВА, доктор філологічних наук, професор
(Київський національний лінгвістичний університет)
Л.К. ОЛЯНДЕР, доктор філологічних наук, професор
(Східноєвропейський національний університет
імені Лесі Українки, м. Луцьк)
І.В. ПРУШКОВСЬКА, доктор філологічних наук, доцент
(Київський національний університет
імені Тараса Шевченка)
Л.І. ТАРАНЕНКО, доктор філологічних наук, доцент
(НТУУ «Київський політехнічний інститут
імені Ігоря Сікорського»)
О.Б. ТАРНОПОЛЬСЬКИЙ, доктор педагогічних наук,
професор (Університет імені Альфреда Нобеля, м. Дніпро)
Т.В. ФІЛАТ, доктор філологічних наук, професор
(ДЗ «Дніпропетровська медична академія
МОЗ України»)
Н.Л. ЮГАН, доктор філологічних наук, професор
(Київський національний університет
імені Тараса Шевченка)

EDITORIAL COUNCIL

Head of Editorial Council

BORYS KHOLOD, Doctor of Economics, Full Professor,
Alfred Nobel University, Dnipro

Deputy Head of Editorial Council

ANATOLI ZADOLA
Doctor of Economics, Full Professor, Alfred Nobel University, Dnipro

Members of Editorial Council

SERGIY VAKARCHUK
Dr. of Physics and Mathematics, Full Professor,
Alfred Nobel University, Dnipro
VALENTYNA PAVLOVA
Doctor of Economics, Full Professor, Alfred Nobel University, Dnipro
SERGIY PIETKOV
Doctor of Law, Full Professor Alfred Nobel University, Dnipro
ANNA STEPANOVA
Doctor of Philology, Full Professor, Alfred Nobel University, Dnipro
OLEG TARNOPOLSKY
Doctor of Pedagogy, Full Professor, Alfred Nobel University, Dnipro

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

ANNA STEPANOVA
Doctor of Philology, Full Professor, Alfred Nobel University, Dnipro
Executive Assistant
OLENA TURCHAK
PhD in Philology, Assistant Prof., Alfred Nobel University, Dnipro

Editorial Board Members

NATALIIA VYSOTSKA
Doctor of Philology, Full Professor, Kyiv National Linguistic
University
YANA GALKINA
PhD in Philology, Associate Prof., Alfred Nobel University, Dnipro
ALLA ZERNETSKAYA
Doctor of Philology, Associate Prof., National Pedagogical
Dragomanov University, Kyiv
NATALIIA ZINUKOVA
PhD in Pedagogy, Associate Prof., Alfred Nobel University, Dnipro
OKSANA KORNIYENKO
Doctor of Philology, Full Professor, National Pedagogical
Dragomanov University, Kyiv
ANASTASIIA LEPETIUKHA
PhD in Philology, Assistant Professor, H.S. Skovoroda Kharkiv
National Pedagogical University
OLENA MOROZOVA
Doctor of Philology, Full Professor, V.N. Karazin Kharkiv National University
VALENTINA NARIVSKAYA
Doctor of Philology, Full Professor, Oles Honchar Dnipro National
University
VERA NIKONOVA
Doctor of Philology, Full Professor, Kyiv National Linguistic University
LUIZA OLIANDER
Doctor of Philology, Full Professor, Lesya Ukrainka Eastern
European National University, Iutsk
IRYNA PRUSHKOVSKA
Doctor of Philology, Associate Prof., Taras Shevchenko National
University of Kyiv
LARYSA TARANENKO
Doctor of Philology, Professor, NTUU "Igor Sikorsky Kyiv
Polytechnic Institute"
OLEG TARNOPOLSKY
Doctor of Pedagogy, Full Professor, Alfred Nobel University, Dnipro
TATYANA FILAT
Doctor of Philology, Full Professor, Dnipropetrovsk Medical
Academy of Health Ministry of Ukraine
NATALIIA YUHAN
Doctor of Philology, Full Professor, Taras Shevchenko National
University of Kyiv

МІЖНАРОДНА РЕДАКЦІЙНА РАДА

М.П. АБАШЕВА, доктор філологічних наук, професор
(Пермський державний гуманітарно-педагогічний
університет, Російська Федерація)
Н.В. БАРКОВСЬКА, доктор філологічних наук, професор
(Уральський державний педагогічний університет,
Російська Федерація)
Н.Л. БЛИЩ, доктор філологічних наук, професор
(Білоруський державний університет,
Білорусь)
О.Ю. ВІЛЛІС, PhD з філології, доцент
(Гарвардський університет, США)
Г.Б. МАДІЄВА, доктор філологічних наук, професор
(Казахський національний університет
імені Аль-Фарабі, Казахстан)
Г.Л. НЕФАГІНА, доктор філологічних наук, професор
(Академія Поморська в Слупську,
Польща)
КЬОКО НУМАНО, магістр філології, професор
(Токійський державний університет
міжнародних досліджень, Японія)
Л. СІРИК, доктор філологічних наук, професор
(Університет імені Марії Склодовської-Кюрі у Любліні,
Польща)
А.Б. ТЕМІРБОЛАТ, доктор філологічних наук, професор
(Казахський національний університет
імені Аль-Фарабі, Казахстан)
Т. ЯНСЕН, PhD з філології
(Університет Уельсу Триніті Сент Девід,
Велика Британія)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

MARINA ABASHEVA
Doctor of Philology, Full Professor, Perm State Humanitarian
Pedagogical University (Russian Federation)
NINA BARKOVSKAYA
Doctor of Philology, Full Professor, Ural State
Pedagogical University (Russian Federation)
NATALIA BLISHCH
Doctor of Philology, Full Professor, Belarusian State University
(Belarus)
OKSANA WILLIS
PhD in Philology, Assistant Professor, Harvard University (USA)
GULMYRA MADIYEVA
Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National
University (Kazakhstan)
GALINA NEFAGINA
Doctor of Philology, Full Professor, Pomeranian University
in Slupsk (Poland)
KYOKO NUMANO
Master in Philology, Full Professor, Tokyo State University
of Foreign Studies (Japan)
LUDMILA SIRYK
Doctor of Philology, Full Professor, Maria Curie-Skłodowska
University in Lublin (Poland)
ALUA TEMIRBOLAT
Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National
University (Kazakhstan)
THOMAS JANSEN
PhD in Philology, Associate Professor, University of Wales
Trinity Saint David (United Kingdom of Great Britain)

Усі права застережені. Повний або частковий передрук і переклади
дозволено лише за згодою автора і редакції. При передрукуванні
посилання на «**Вісник Університету імені Альфреда Нобеля**».
Серія «Філологічні науки» обов'язкове.

Редакція не обов'язково поділяє
точку зору автора і не відповідає
за фактичні або статистичні помилки,
яких він припустився.

Редактори *М.С. Кузнецова, О.О. Шевцова*

Комп'ютерна верстка *А.Ю. Такій*

Підписано до друку 4.06.2020. Формат 70×108/16. Ум. друк. арк. 35,70.

Тираж 300 пр. Зам. № .

Адреса редакції та видавця:

49000, м. Дніпро,
вул. Січеславська Набережна, 18.
Університет імені Альфреда Нобеля
Тел/факс (056) 720-71-54.
e-mail: rio@duan.edu.ua

Віддруковано у ТОВ «Роял Принт».
49052, м. Дніпро, вул. В. Ларіонова, 145.
Тел. (056) 794-61-05, 04
Свідоцтво ДК № 4765 від 04.09.2014 р.

ЗМІСТ

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

- Оляндэр Л.К.**
Николай Гоголь в диалогическом поле гоголианы XX – начала XXI вв.
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-1 10
- Пасько Л.В.**
Inter Arma Silent Musae: о ситуации в американской литературе 1860–1870-х годов
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-2 31
- Раковская Н.М.**
К вопросу о границах критического текста
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-3 43

НЕКЛАСИЧНІ ПРАКТИКИ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВА

- Шестакова Э.Г.**
Реальное шоу и театральная культура: проблемы взаимного перечеркивания
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-4 52

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

- Богданова О.В., Евграфова Л.В.**
«Петербургский текст» Виктора Пелевина (рассказ «Хрустальный мир»)
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-5 68
- Венгринюк М.І.**
Функції етнокультурних стереотипів у художньому тексті (на матеріалі роману Гарпер Лі «Вбити перемішника»)
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-6 76
- Потницьева Т.Н.**
«We must love one another or die...». Слияние молитв (У.Х. Оден – С. Моэм – Д. Томас)
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-7 84
- Синило Г.В.**
Диалог культур, поэтика памяти и библейская архетекстуальность в поэзии Пауля Целана
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-8 96
- Федоренко Л.О.**
(Пост)-брехтівський театр: Lehrstück як макросистема
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-9 113

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

- Анненкова Е.С.**
«Оставьте в мире память о себе»: автобиографизм как творческая стратегия Галины Кузнецовой
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-10 122
- Буряк О.Ф.**
Фантастичні елементи в малій прозі Любові Пономаренко
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-11 133
- Гарашева Е.М.**
Готический роман в английской литературе XVIII–XIX вв.
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-12 142
- Кулакевич Л.М.**
Запільницький роман Ю. Шпола «Золоті лисенята»: перший український наратив-квест
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-13 151
- Лаврусенко М.І.**
Митець у постколоніальному світі в романі Володимира Даниленка «Клуб „Старий Пегас”»
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-14 161
- Shevchenko L.O.**
La Imagen del Mundo y del Hombre en la Retórica Barroca
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-15 170

АСПЕКТИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ПРОБЛЕМАТИКИ СХІДНИХ МОВ ТА ЛІТЕРАТУР

Багірова А.С. Отражение тюркской истории в этнонимах произведений Исы Гусейнова DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-16	178
Бахшалиева И.Т. Художественное отражение в азербайджанском романе 1930–1950-х гг. проблемы женской эмансипации DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-17	187
Жила В.Г. Фразеологічна репрезентація негативних емоцій у корейській лінгвокультурі DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-18	196
Кулиева Д.Р. Актуальное членение и процесс речетворчества в азербайджанском языке DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-19	204
Мамедова Р.Г. О языковых особенностях «Кабус-наме» DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-20	211
Мусаева И.А. Политика гегемонистских государств в тексте исторических романов (на материале романа Ю.В. Чаманзаминли «Между двух огней») DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-21	220

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ ТА ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ

Аббасова В.В. Современные подходы к понятию социально-культурной метафоры DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-22	233
Василик О.Б. Типи номінації еклезіонімів Уманщини XVIII–XIX ст. DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-23	242
Гордій О.М. Фразеологічні експресиви і комунікативи сучасної німецької мови в онлайн-ЗМІ DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-24	251
Гречухіна І.Д., Сахно І.П. Лексико-тематична група назв закладів ресторанного бізнесу (контрастивний аспект) DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-25	260
Гусейнова Д.Ф. Особенности речевых актов в дискурсах «вопрос – ответ» DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-26	268
Искендерова А.Р. Особенности анализа различных функциональных стилей с точки зрения текста и дискурса DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-27	278
Koval I.I. Die Konzeptualisierung der Menschenschönheit Mit den Phraseologischen Einheiten der Deutschen Sprache DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-28	286
Мілева І.В., Ходаківська М.О. Використання асоціативного психолінгвістичного експерименту для визначення евфемістичності висловів DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-29	296
Молгамова Л.О. Фреймова модель імені концепту <i>DEATH</i> DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-30	304
Паламар Н.І. Особливості кінцівки похвальної промови DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-31	311
Турчак О.М. Епітет як творчий елемент ідіостилю Григора Тютюнника DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-32	319
Tsimbal I.V. Les Particularités Lexicales et Stylistiques des Titres de la Presse D’actualité Française Dans le Contexte de L’épidémie de Coronavirus DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-33	327

Шапочкіна О.В.

Типологія інертивних конструкцій з дієприкметником II: на матеріалах германських мов (VI–XIII ст.)
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-34 335

Шиян Н.Ю.

Гіперо-гіпонімічні відношення термінів (на матеріалі термінів біології сучасної англійської мови)
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-35 344

Штатная Е.И.

Структурно-синтаксические особенности заголовочного комплекса
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-36 353

СУЧАСНІ АСПЕКТИ ЛІНГВОДИДАКТИКИ

Гриців Н.М., Шийка Ю.І.

Етнокультурна складова у двомовній освіті: вступні зауваження
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-37 361

Zinukova N.V.

Professional Competence in Consecutive Interpreting for Masters of Arts in Philology: Theoretical Basis
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-38 370

ПЕРЕКЛАДОЗНАВЧІ СТУДІЇ

Мельник О.М., Нікіфорова Т.В.

Відтворення реалій у науково-популярному тексті (на матеріалі розвідки Кейт Фокс «Спостерігаючи за англійцями»)
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-39 380

РЕЦЕНЗІЇ, ХРОНІКИ НАУКОВОГО ЖИТТЯ

Шестакова Э.Г.

«Но остались стихи – тонкий пепел певучего сердца...». Рецензия на книгу: Daniel Andrzej Banasiak «Поэтический ансамбль “Русские боги” Даниила Андреева в аспекте интертекстуальности» (Uniwersytet Łódzki, Łódź, 2019)..... 388

IN MEMORIAM

Памяти Валентины Даниловны Наривской (1946–2020) 395

НАШІ АВТОРИ 403

OUR AUTHORS 406

CONTENTS

TOPICAL PROBLEMS OF THEORY OF LITERATURE AND LITERARY CRITICISM

- Luiza K. Oliander**
Nikolay Gogol in Gogoliana Dialogic Field of the 20th – Early 21st Centuries
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-1 10
- Liudmyla V. Pasko**
Inter Arma Silent Musae: on Situation in American Literature in 1860–1870s
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-2 31
- Nina M. Rakovskaya**
To the Question of the Critical Text Boundaries
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-3 43

NON-CLASSICAL LITERARY STUDIES

- Eleonora G. Shestakova**
Reality Show and Theater Culture: Problems of Mutual Crossing Out
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-4 52

LITERARY TRADITIONS: THE DIALOGUE OF CULTURES AND EPOCHS

- Olga V. Bogdanova, Ludmyla V. Yevgrafova**
“Petersburg Text” by Victor Pelevin (Story “The Crystal World”)
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-5 68
- Myroslava I. Venhryniuk**
The Functions of Ethnocultural Stereotypes in a Literary Text
(Based on the Novel “To Kill A Mockingbird” by Harper Lee)
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-6 76
- Tatyana N. Potnitseva**
“We Must Love One Another or Die...” The Conversation of Prayers
(W.H. Auden – S. Maugham – D. Thomas)
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-7 84
- Galina V. Sinilo**
Dialogue of Cultures, Poetics of Memory and Biblical Archetextuality in the Paul Celan’s Poetry
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-8 96
- Larysa O. Fedorenko**
(Post)-Brecht Theatre: Lehrstück as a Macrosystem
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-9 113

TOPICAL ISSUES OF AESTHETICS AND POETICS OF A LITERARY WORK

- Elena S. Annenkova**
“To Leave the Memories about Yourself in the World”: Autobiographism as G. Kuznetsova’s Artistic Strategy
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-10 122
- Olena F. Buriak**
Fantastic Elements in the Small Prose by Lyubov Ponomarenko
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-11 133
- Yegyana M. Garasheva**
Gothic Novel in the English Literature of the 18–19th Centuries
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-12 142
- Lyudmyla M. Kulakevych**
Y. Shpol’s Underground Novel “Zoloti Lyseniata” (“Little Golden Foxes”):
The First Ukrainian Narrative Quest
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-13 151
- Maria I. Lavrusenko**
An Artist in the Postcolonial World in the Novel By Volodymyr Danylenko “The Club ‘Old Pegasus’”
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-14 161
- Ludmila O. Shevchenko**
The Images of the World and a Man in Baroque Poetry
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-15 170

ASPECTS OF SOCIOCULTURAL PROBLEMATICS OF ORIENTAL LANGUAGES AND LITERATURE

Ainura S. Bagirova Reflection of Turkish History in Ethnonyms of Isa Huseynov's Works DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-16	178
Ilhama T. Bakhshalieva Artistic Reflection of the 1930–1950s Problems of Women's Emancipation in the Azerbaijanian Novel DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-17	187
Viktoriya G. Zhyla Phraseological Representation of Negative Emotions in Korean Linguistic Culture DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-18	196
Dilyara R. Kuliyeva Actual Division of the Sentence and Process of Creating Speech in the Azerbaijani Language DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-19	204
Rena H. Mammadova About Language Features of "Qabus Nameh" DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-20	211
Irada A. Musaeva The Policy of Hegemonic States in the Text of Historical Novels (Based on Y.V. Chamanzamin's Novel "Between Two Flames") DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-21	220

TOPICAL PROBLEMS OF LINGUISTICS AND LINGUOCULTUROLOGY

Vyusalya V. Abbasova Modern Approaches to the Concept of Social and Cultural Metaphor DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-22	233
Oksana B. Vasylyk Types of Ecclesiastical Nomination in Uman Region of the 18-19th Centuries DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-23	242
Oksana M. Hordii Expressive and Communicative Phraseology of Modern German in Internet Media DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-24	251
Iryna D. Grechukhina, Iryna P. Sachno The Lexical-Thematic Group of Catering Industry Establishment Names (Comparative Aspect) DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-25	260
Dzhamalya F. Huseynova Features of Speech Acts in "Question-Answer" Discourses DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-26	268
Abida R. Iskenderova Features of Various Functional Styles Analysis from the Point of View of Text and Discourse DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-27	278
Iryna I. Koval The Conceptualization of Human Beauty by Phraseological Units of the German Language DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-28	286
Iryna V. Milieva, Mariia O. Khodakivska Use of Associative Psycholinguistic Experiment for Determining the Euphemistic of Phrases DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-29	296
Lilia O. Molhamova Framework Model of the Name of the DEATH Concept DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-30	304
Nataly I. Palamar Specificities of the Laudatory Speech Closing Part DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-31	311
Olena M. Turchak Epitaph as a Creative Element of Hryhir Tiutiunyk's Idiostyle DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-32	319

Inna V. Tsymbal Lexical and Stylistic Features of the French News Press Headlines in the Context of the Coronavirus Epidemic DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-33	327
Olga V. Shapochkina Typologie of Inertive Constructions with Participle II: on the Materials of the Old Germanic Languages (6-13th Centuries) DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-34	335
Natalia Yu. Shyian Hyper-Hyponymic Relationships (on the Material of Biological Models in Modern English) DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-35	344
Yelena I. Shtatnaya Structural and Syntactic Features of the Headline Complex DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-36	353

MODERN LINGUODIDACTIC ASPECTS

Nataliia M. Hrytsiv, Juliia I. Shyyka Ethnocultural Component in Bilingual Education: Introductory Remarks DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-37	361
Nataliia V. Zinukova Professional Competence in Consecutive Interpreting for Masters of Arts in Philology: Theoretical Basis DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-38	370

TRANSLATION STUDIES

Oksana M. Melnyk, Tetyana V. Nikiforova Reproduction of Nationally Biased Units in the Popular-Scientific Text (on the Material of Kate Fox's Research "Watching the English") DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-39	380
---	-----

REVIEWS, SCIENTIFIC LIFE CHRONICLES

Eleonora G. Shestakova "But the verses remained – the Thin Ashes of the Singing Heart..." Book Review: Daniel Andrzej Banasiak "The Poetry Ensemble" "Russian Gods" by Daniil Andreev in the Aspect of Intertextuality"	388
---	-----

IN MEMORIAM

In memoriam of Valentina D. Narivskaya (1946-2020)	395
--	-----

OUR AUTHORS	403
-------------------	-----

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

УДК 821.161.1'06.09

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-1

Л.К. ОЛЯНДЭР,

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой славянской филологии
Восточноевропейского национального университета
имени Леси Украинки (г. Луцк)*

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ ГОГОЛИАНЫ XX – НАЧАЛА XXI вв.

На основе трудов П. Поспелова, Ю. Манна, Г. Гуковского, Ю. Лотмана, Ю. Барабаша, О. Богдановой, В. Воропаева, И. Золотусского, В. Ерофеева, И. Есаулова, Н. Крутиковой, О. Крюковой, П. Михеда, Е. Сверстюка, В. Шевчука, В. Мельниченко и др. дается представление о (поли)диалогическом поле гоголианы XX – начала XXI вв., о тех интенциях, которые вызываются результатами осмысления творчества писателя. Учитываются философские концепции В. Розанова, Л. Шестова, В. Подороги, К.Ж. Делёза, М. Фуко, М. Хайдеггера и др. Акцентируется внимание на тенденции познать Н.В. Гоголя всеохватно с учетом культурного трансфера. Отмечается – в опоре на мысли А. Степановой – то, что Н. Гоголь стоит у истоков экзистенциальных процессов, получивших свое развитие в межвоенный период XX в. Но детально рассматриваются лишь три ракурса: – Первый установившийся ракурс – это Н. Гоголь – романтик – сатирик – реалист. – Второй актуализирующийся ракурс – принадлежность Н. Гоголя к русской или украинской национальной литературе. – Третий ракурс – постижение личности писателя, а также философский и религиозный аспекты его творчества. Доказано, что анализ О. Богдановой повести «Шинель», построенный на «дантевской утопии “ад – чистилище – рай”», приводит реципиента к мысли, что Н. Гоголь был предтечей подлинного Ф. Ницше. Подчеркивается и различие: у Н. Гоголя не Übermensch, а надежда на исправление человека благодаря христианству. Установлено, что Н. Гоголь породил гоголиану, которая по сути является бесконечным процессом познания человеком, народом, человечеством самого себя.

Ключевые слова: анализ, диалог, креативность, культурный трансфер, миробраз, (поли)диалогическое поле, реципиент, синекдоха, символ, Н. Гоголь, А. Пушкин.

На основі праць П. Поспелова, Ю. Манна, Г. Гуковського, Ю. Лотмана, О. Богданової, В. Воропаєва, І. Золотуського, В. Єрофєєва, А. Єсаулова, Н. Крутикової, О. Крюкової, П. Міхеда, Є. Сверстюка, В. Шевчука, В. Мельниченка та ін. складається уявлення про (полі)діалогічне поле гоголіани XX – початку XXI ст., про ті інтенції, які викликаються результатами осмислення творчості письменника. Враховуються філософські концепції В. Розанова, Л. Шестова, В. Подороги, К.Ж. Дельоза, М. Фуко, М. Хайдеггера та ін. Акцентовано увагу на тенденції пізнати М.В. Гоголя всеохоплюю з урахуванням культурного трансферу. Відзначається – в опорі на думку А. Степанової – те, що М. Гоголь стоїть біля витоків екзистенційних процесів, які стали розвиватися в міжвоєнний період XX ст. Але детально розглядаються лише три ракурси. – Перший усталений ракурс – це М. Гоголь – романтик – сатирик – реалист. – Другий ракурс, що актуалізується – приналежність М. Гоголя чи до російської, чи до української літератури. – Третій ракурс – осягнення особистості письменника, а також філософський та релігійний виміри його творчості. Доведено, що аналіз О. Богданової повісті «Шинель», побудований на «дантівській утопії “пекло – чистилище – рай”», призводить реципієнта до думки, що

М. Гоголь був предтечею не сфальсифікованого Ф. Ніцше». Підкреслено і відмінність: у М. Гоголя не Übermensch, а надія на виправлення людини завдяки християнству. Встановлено, що М. Гоголь породив гоголіану, яка, по суті, є нескінченим процесом пізнання людиною, народом, людством самого себе.

Ключові слова: аналіз, діалог, креативність, культурний трансфер, світообраз, (полі) діалогічне поле, реципієнт, синекдоха, символ, М. Гоголь, О. Пушкін.

Мелодия в руках большого музыканта способна на богатые вариации, простому слушателю она может показаться полностью преобразившейся, тогда как в глубине – в совершенно ином смысле – она пребывает неизменной.

Освальд Шпенглер. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность.

...Совершившийся в XX веке, особенно ко второй его половине, выход Гоголя на авансцену **мировой культуры, ощущение его как необычайно актуального художника, предвосхитившего тенденции иррациональности и абсурдизма в современном искусстве**, – именно это событие выдвинуло указанную параллель двух имен как историко-литературную проблему.

Легко понять, что прежде всего бросилось в глаза сходство повестей «Нос» и «Превращение». Виктор Эрлих, которому принадлежит приоритет научной постановки вопроса «Кafka и Гоголь», уделил этому сходству большую часть своей статьи»

Юрий Манн. Франц Kafka и Гоголь (О судьбе одной постромантической традиции).

«...наше отношение к Гоголю до сих пор нередко носит, прямо скажем, «школьный» характер. Общий смысл его художественного творчества нам представляется ясным, простым, однозначным. Гоголь – гениальный социальный сатирик. Эта формула никак не вмещает всего Гоголя, в ней есть доля правды, но далеко не вся правда, она слишком узка для Гоголя. наше отношение к Гоголю до сих пор нередко носит, прямо скажем, «школьный» характер. Общий смысл его художественного творчества нам представляется ясным, простым, однозначным. Гоголь – гениальный социальный сатирик. Эта формула никак не вмещает всего Гоголя, в ней есть доля правды, но далеко не вся правда, она слишком узка для Гоголя. <...>

Гоголь же со своей стороны предстал как художник, загадка которого неисчерпаема, то есть, стало быть, как истинный творец.

Ерофеев. Розанов против Гоголя

Ерофеевский тезис: *Гоголь – неисчерпаемая загадка*, которая, говоря словами Ю.В. Манна, никогда не будет разгадана до конца – объясняет актуальность поднятой проблемы, но частично, ибо творчество Н. Гоголя (1809–1852) **многоуровневое**, о чем свидетельствуют прежде всего монография Ю.Я. Барабаша «Если я забуду тебя, Иерусалим... Гоголь и Шевченко. Сравнительно-типологические опыты» (Харьков, 2001), его статьи – «Гоголь и украинская барочная проповедь XVIII в.» (М., 1992), «“Художник Петербургский!”: Гоголь и Шевченко: в едином культурном пространстве» (2003), монография В.А. Воропаева «Николай Гоголь: Опыт духовной биографии» (М., 2008), «Н.В. Гоголь и современная культура. VI Гоголевские чтения» (М., 2005), антология «Н.В. Гоголь: pro et contra» (СПб., 2009), новеллы-эссеи В.О. Отрошенко «Гоголиана. Писатель и пространство» (2016), статьи О.В. Богдановой «“Мне отмщение и Аз воздам”. “Мертвые души” в “Шинели” Н.В. Гоголя» (2017), А.И. Есаулова «Гоголь и Розанов: проблемное поле в свете судьбы России» (2019), концептуальные подходы П.В. Михеда [13], М.К. Наенко [41] и др.

Неизменный интерес представляют уже «Гоголезнавчі студії» (2014), где широко представлені україно- і російськомовна бібліографія і особливо значимі теми для пони-

мания роли Н. Гоголя в развитии славянских и других литератур Европы – «Гоголь на пути в Рим в 1840 г. Из истории общения писателя с современниками» И.А. Виноградова (Москва), «Гоголь і польська література 30 – 40-х років XIX ст. (проблеми вивчення)» П.В. Михеда (Киев), что особенно актуально в наши дни, «Путевая эдемософия: в просторе Гоголя» А.П. Люсого (Москва), «Гоголь у дзеркалі своїх біблійних цитат». Р.-Д. Кайля (Бонн) и др. [13]. Не следует выпускать из виду и видеодоклад П.В. Михеда «“Тарас Бульба” Миколи Гоголя і “Гайдамаки” Тараса Шевченка як віхи розвитку національної свідомості» [40]. Но говоря о том, как представлена в гоголиане тема Гоголь і Шевченко, особое внимание необходимо – с учетом теоретических положений ученого – сосредоточить на М.К. Наенко, на продуктивности полученных им результатов, имеющих и методологическое значение при осмыслении типологических и специфических процессов, происходящих в русской, украинской и других литературах. И все это надо брать в диалогическом по своей природе контексте, куда входят и такие тонкие наблюдения, которые имеются в статье Н. Крутиковой [28], что требует специального и подробного исследования.

Анализируя эти заглавия / претексты, нетрудно заметить, что они одновременно подчеркивают существующее понимание того, что загадкой является и сама личность писателя. Все это способствовало и способствует тому, что в современной многонациональной гоголиане четко обозначились тенденции рассматривать творчество Н.В. Гоголя (1809–1852) в различных ракурсах, в т. ч. и тех, что были «забыты» или «полузабыты», а теперь актуализировались вновь. В результате взятая целостно гоголиана представляет собой огромное диалектическое (поли)диалогическое поле, т. е. такой пространственно-временной континуум, где для реципиента все предстает в едином хронотопе: *тут и сейчас*. В центре (поли)диалогического поля находятся топосы России и Украины, но захватываются и другие топосы, например, Болгарии, Польши, Словении или Германии. Безусловно, отсчет своего времени гоголиана начинает с выхода первых произведений писателя. Однако в нашем случае ее (поли)диалогическое поле «усечено» и ограничено более узкими временными рамками. Поэтому цель статьи состоит не в том, чтобы дать аналитический обзор существующим исследованиям творчества писателя, а в том, чтобы хотя бы в самих общих чертах составить представление о (поли)диалогическом поле гоголианы XX – начала XXI вв. и о тех интенциях, которые вызываются результатами осмысления творчества Н. Гоголя, достигнутыми в течение этого периода. При этом важно не упускать из виду то, что в начале XXI в. четко обозначилась тенденция познать Н. Гоголя всеохватно и, как указывают исследователи, с учетом культурного трансфера, который очень многое обосновывает в системе литературных взаимодействий [31]. На наш взгляд, важно услышать голос каждого в контексте голосов, стремясь прежде всего к пониманию – к этому и призывает А. Есаулов в статье «Гоголь и Розанов: проблемное поле в свете судьбы России» (2019). Именно этот подход в органическом сочетании с другими подходами позволяет проследить, как и какими своими сторонами раскрывается гоголевский миробраз в пространстве межкультурного диалога, тем более, что сам писатель – тут необходимо учесть его публицистику, критику, теоретические и эстетические взгляды, глубокие суждения о разных видах искусств, – дает обширный материал для размышлений. Многие проясняет статья Н. Гоголя «Последний день Помпеи» (август 1834), которая является не только глубочайшей искусствоведческой работой, но своеобразной программой изучения его творчества, стимулируя обращать внимание на смыслообразующие функции пластики, цвета и света в его изобразительно-выразительной системе. И не только это, но и звуки, жесты, позы... Еще более широко об этом судит И.В. Науман:

«Единство Гоголя-художника и Гоголя-журналиста, литературного критика, – пишет он, – дает возможность не только охватить творчество писателя в целом, но и понять взаимосвязь между задачами критики и мировоззрением писателя в целом, но и художественной литературы в данную эпоху» [42, с. 13–14].

И если внимательно присмотреться к современным исследованиям украинских ученых творчества писателя, то в этом аспекте особенно значима – и не только содержанием, но и характером дискурса – книга Е.А. Сверстюка (1928–2014) «Гоголь і українська ніч:

есеї» (2015), где, кстати сказать, с тончайшим пониманием охарактеризовано отношение А. Пушкина к Н. Гоголю [50, с. 95, 218–224]. Уже в ее заглавии привлекает к себе внимание емкость смысла, заключенного в символическом образе *украинской ночи*, его многовекторность. Необычность сверстюковской коммуникативной стратегии проявляется в том, что современный информированный реципиент, только лишь прочитав заглавие книги, невольно оживляет свое непосредственное визуальное восприятие гоголевского живописного полотна в повести «Майская ночь» (1829–1830), где главенствует таинственный свет. А вместе с ним ассоциативно на память приходит и «Лунная ночь на Днепре» (1880) А.И. Куинджи (1842–1910), которая эмоционально так созвучна с гоголевским текстом, что кажется интерпретацией его. И вернее будет воспринять эти два текста как своеобразный дуэт. А дистанция во времени создания этих картин наводит на мысль о вечности: такую ночь видели до Гоголя, до Куинджи, такой ее будут видеть всегда. Но ночь – образ-архетип, который вызывает свои коннотации – это ведь и «Ночь на Ивана Купала». Искусствоведы отмечают, что в «ночных художественных стилях» преобладает архитектурная космологичность, человеческие измерения уступают место мистике и трансцендентности, что свойственно и Н. Гоголю. Из этих свойств в дискурсе Е. Сверстюка актуализуются два – космологичность и трансцендентность, – что позволило автору в дальнейшем акцентировать глубину трагедии «духовной людини в бездуховній цивілізації» [50, с. 164] и в то же время определить православие как опору, которая не давала писателю сломаться.

«Гоголеві, – пише он, – українська релігійна традиція дала багато: вона заклала той фундамент, з якого людина підіймається до ідеалу служіння Богам» [50, с. 78].

Одновременно *ночь*, характеризующаяся непостижимым в своей таинственности определением: *українська*, напрямую соотносится Е. Сверстюком с Украиной, с его тревогой и заботой о ней. Но интересно то, что с такими же чувствами тревоги за Россию обращается к Н. Гоголю и И. Есаулов¹, а в свое время – и Томас Манн, с думами о Германии. [37]. Конечно, Е. Сверстюк и И. Есаулов находятся в диалогических отношениях, однако их позиции сближаются, когда Е. Сверстюк акцентирует то, что Н. Гоголь борется со злом, утверждая добро, а И. Есаулов – идею Воскресения, указывая на пасхальность гоголевского творчества.

Как известно, Н. Гоголь играет исключительную роль в развитии славянских литератур, но не только². Осмысляя это положение в контексте нашей современности, Атанасов Гинко образно сказал, что гоголевский «гений принадлежит трем великим государствам – России, Украине и Польше» и является «мостом дружбы всех славян, всех славянских языков и литератур». [12].

¹ И. Есаулов, анализируя противоречивые оценки Н. Гоголя у В. Розанова, с пониманием относясь к полному отрицанию им писателя в конце своей жизни, в итоге подчеркнул, что окончательным результатом явилось горькое розановское признание гоголевской правоты. И Есаулов подчеркнул, что этого не сделали ни В.В. Ерофеев (1990), ни С.Б. Джимбинов (2013). Ученый, указав на дискуссионный характер статьи В. Ерофеева «Розанов против Гоголя», назвал ее интересной. И действительно это так. На наш взгляд, значимо то, что В. Ерофеев подчеркнул парадигматическую позицию В. Розанова к самому пониманию литературного процесса, говоря, что для В. Розанова «не только новейшая, но и догоголевская литература, и прежде всех Пушкин, также враждебны Гоголю. «Не в нашей только, но и во всемирной литературе, – утверждал в другой (в «Легенде о Великом инквизиторе» – Л. О.) статье Розанов, – он стоит одиноким гением». «Мнимые», с его точки зрения, преемники Гоголя из русских писателей: Тургенев, Достоевский, Островский, Гончаров, Л. Толстой – обнаружили тонкое понимание внутренних движений человека, найдя за действиями, за положениями, за отношениями «человеческую душу, как скрытый двигатель и творец всех видимых фактов». Именно эта черта объясняет, по Розанову, всех перечисленных писателей, и именно этой черты – «только ее одной и только у него одного – нет у Гоголя» [20, с. 3].

Соглашаясь с И. Есауловым в том, что у В. Ерофеева много спорного, отметим, что и он сам – возможно даже намеренно – вызывает дискуссию. Вот почему его статью следует читать не только в сб. «Н.В. Гоголь и пути развития русской литературы» [21], но на сайте, где он приводит и мнения своих слушателей. Это интересно возникновением новых ракурсов прочтения писателя, который снова, как и во времена В. Розанова, проходит через души людей.

² Интересна концепция Е. Дмитриевой, где Н. Гоголь представлен в широком западноевропейском контексте: между языками и культурами [19].

Однако в этой оценке следовало бы конкретизировать вторую часть высказывания. Нельзя не вспомнить хотя бы повести болгарского писателя Любена Каравелова (1834–1879) “Българи от старо време” («Болгары старого времени», 1872), сербского писателя Милована Глишича (1847–1908) «Ноћ на мосту» («Ночь на мосту»), комедию Б. Нушича (1864–1938) «Сумњиво лице» («Подозрительная личность», 1888). И также нельзя забывать и произведения писателей других славянских литератур.

На наш взгляд, с одной стороны, идя путем всестороннего анализа конкретного текста, можно проследить на многих его уровнях все многообразие гоголевского воздействия, которое стимулировало креативные способности того или иного художника, а с другой – выявить наиболее важные моменты для диалога. Конкретизированное таким образом исследование творчества Н. Гоголя в контексте литературной жизни славянских и других народов является важным моментом в изучении реализма XIX в. и последующих эпох, что формирует представление о характере литературных процессов в целом. Именно эта проблема поставлена в книге «Н.В. Гоголь и славянские литературы» (2012), где содержатся материалы Международной конференции, посвященной двухсотлетию со дня рождения писателя, которая прошла в Москве 10–11 ноября 2009 г. в Институте славяноведения Российской Академии Наук. В современной гоголиане поражает многоаспектность ракурсов видения гоголевского творчества [2; 4; 9; 10; 21; 22; 26; 31; 34; 49 и др.]. Эта же многоаспектность характерна и для зарубежного гоголеведения, представленного работами Дж. Брукса [55], О. Джоу [56], Р. Джулиани [57], Б. Зейдель-Дреффке [58–59], С. Крус [60], Л. Людвик [61], П. Тьергена [62], М. Флейзер [63], О. Хашеми [64], А. Эббинхауза [65–67] и др. Но в этой статье внимание будет сосредоточено лишь на трех аспектах.

Первый и установившийся ракурс – это Н. Гоголь – романтик – сатирик – реалист. Писатель, который, говоря словами Г.Н. Пospelова (1899–1992), «творчески мыслил очень смело, очень активно и самостоятельно», который «сказал новое слово в области русской литературы», который «заял своё особенное и выдающееся место в развитии русской национальной художественной культуры», который сумел в сатирических образах сохранять *психологическую достоверность* [48]. Опираясь на работы В. Белинского, вступая с ним иногда в полемику, а так же на мнение Н. Чернышевского, Г. Пospelов, Г.А. Гуковский (1902–1950) и многие другие исследователи рассматривают прежде всего социальный план его произведений, не оставляя при этом без внимания вопросы гоголевского мастерства, в т. ч. специфики стиля.

– *Второй ракурс*, актуализирующийся сейчас – принадлежность Н. Гоголя к русской или украинской национальной литературе³.

– И наконец, *ракурс третий* – постижение личности писателя, а также философский и религиозный аспекты его творчества, включая *жизнетворчество*.

Но какой бы аспект ни был избран исследователем, он так или иначе касался гоголевской личности. И встречаются моменты, когда такое касание дает наиболее ясное представление о сокрытой природе художественного таланта писателя и даже, возможно, о глубинных нитях душевной привязанности его к гениальному актеру М. Щепкину (1788–1863). В. Мельниченко в своей монографии «Микола Гоголь у Москві» (2014), опираясь на эпистолярный, поясняет дружбу двух великих художников тем, что «Щепкін був для Гоголя

³ Проблема возникла не сегодня. Об украинстве Н. Гоголя в «Вестнике Европы» в 1902 г. писал А. Ефименко в статье «Национальная двойственность в творчестве Гоголя». Достаточно вспомнить широко известные высказывания А. Ахматовой, О. Мендельштама. Это один из тех вопросов, который вышел за рамки литературоведения не только в Украине, но и в России. Выступления по этой проблеме не всегда равноценны и научно обоснованны. Однако есть и серьезные исследования, к которым относятся монография В. Агеевой «Сорочинський ярмарок на Невському проспекті: Українська рецепція Гоголя» (2003), книги и статьи В. Мельниченко, Е. Сверстюка, В. Шевчука и др. Но особой глубиной отличаются подходы в трудах П.В. Михеда, который считает спор этот схоластичным, ибо Н. Гоголь на «подобие святого» (выражение Г. Грабовича) принадлежал и той и другой литературе. Это суждение ученый озвучил в видеовыступлении «Павло Михед про невідомі факти з життя М. Гоголя [40]. В зарубежном литературоведении проблему принадлежности Гоголя одновременно к русской и украинской литературам исследовал А. Эббинхаус (см. его статью «Николай Гоголь: между украинским и русским национализмом» [66]).

живим уособленням України», тем, що писатель «дедалі більше прихилився до Москви, жив у Римі, а хотів відчувати Україну». В. Мельниченко правомерно видит в этом причину того, що Н. Гоголь «душею лине до свого земляка» [39, с. 62]. Однако, на наш взгляд, было и другое, возможно, не менее весомое обстоятельство: их сближали схожесть эстетических позиций и родство особого художественного дара – дара *перевоплощения*. Именно эта способность служила обоим средством сначала понять *Иного* – что не всегда означает *принять*, – а понять, интерпретировать его. Иными словами, Н. Гоголь, как и его друг, входил в образ. И доказательством тому служит его недовольство игрой актеров и намерение самому сыграть «загадочного» Хлестакова [35, с. 293]. Не случайно Е. Сверстюк называет его «актором і комедіографом» [50, с. 73]. Ведь если М. Щепкин результаты такого *перевоплощения* осуществлял в сценических образах, то Н. Гоголь – в слове, что было необходимым этапом в его работе. И приводимое И. Золотусским письмо, в котором писатель Н. Гоголь ведет себя, как Хлестаков, проясняет многое:

«Уже в первом письме Гоголя из Павловска, – акцентирует И. Золотусский, – приписка: “Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское Село, так:

Его Высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. А вас прошу отдать Н.В. Гоголю”.

В следующем письме он спрашивает маменьку: “Помните ли вы адрес? на имя Пушкина” Тут содержится прямое преувеличение. И уж тем более, как он хвастается в письме к Данилевскому, он не мог встречаться “каждый вечер” с Пушкиным и Жуковским в Царском. Во-первых, потому, что он не мог отлучаться от своего ученика. Во-вторых, сами Жуковский и Пушкин не имели времени проводить свои вечера с ним, ибо Жуковский был занят при наследнике, и жизнь его зависела от распорядка жизни двора, к которому учитель князя Васильчикова не был допущен, а Пушкин жил в это время с юной женой, проводил с ней первые медовые месяцы и не очень стремился к общению» [23, с. 38].

Вдумываясь в проводимый И. Золотусским анализ гоголевских писем, реципиент по ассоциации вспоминает Хлестакова, кичащегося своими мнимыми высокими связями, тем, что он «с Пушкиным на дружеской ноге...», и настолько близок с ним, что может даже фамильярничать.

Да, до замысла «Ревизора» еще очень далеко, но тип Хлестакова уже внутренне, исподволь осваивается Н. Гоголем.

Это говорит о том, что Н. Гоголь прежде, чем создать свои образы, «вынашивал» их в себе, а отсюда и особая естественность, и убедительность каждого созданного им характера, каждого типа. Видимо, и при изображении самой России он избрал тот же путь, идя через «*перевоплощение*» себя из украинца в русского, ощущая одновременно и конфликтность ментальностей двух народов, и их близость. Отсюда и его «признания» в письме к С. Аксакову от 21. 02. 1841, которые В. Мельниченко приводит в своей монографии «Микола Гоголь у Москві»: «Теперь я Ваш. Москва моя родина» [39, с. 64], употребляя при этом выражение «зросійщений Гоголь», судя по контексту, несколько иронично, ибо писатель «залишався з українською душею» [39, с. 65]. Все это говорит, что *перевоплощение* не означает изменения самого себя, на чем фактически настаивал еще Г. Гуковский, упорно подчеркивая факт принадлежности писателя к украинскому народу⁴. В результате и украинская душа Н. Гоголя, и его способность к *перевоплощению*, взаимодействуя между собой, позволяли увидеть Россию одновременно и со стороны, глазами человека выросшего в иных условиях жизни, и изнутри, т. е. глазами «актера», вошедшего в образ. Очевидно, что автобиографический материал может частично пролить свет и на особенности тех ракурсов видения действительности, которые оказывают решающее воздействие на ее моделирование художником.

Сегодня внимание исследователей обращено к гоголевскому наследию как к целостности. И то, что Н. Гоголь проявлял себя и как историк, и критик, и частично как фило-

⁴ Однако и у И. Золотусского не все так однозначно, о чем говорит взятое им в эпиграф майское письмо Н. Гоголя к матери от 1825 г.: «Я думаю, все переменилось, но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам Родины...» [23].

соф и религиозный мыслитель, уже не остается на маргиналах гоголианы. Немалый интерес представляет диссертация И.В. Наумана «Николай Васильевич Гоголь – эстетик и литературный критик» (2012). И хотя автор не ставил целью проецировать результаты своих изысканий на гоголевскую поэтику, он приводит к мысли, что статьи Н. Гоголя по искусству позволяют расставлять в ней новые акценты. Ведь совсем не случайно писатель так тонко охарактеризовал смыслообразующую роль *света* в картине К. Брюллова в своей статье «Последний день Помпеи (Картина Брюллова)», подчеркивая одновременно *движение*, свойство, которое, по мысли Ю. Лотмана (1922–1993), было присуще и самому Н. Гоголю [35, с. 90–292].

Н. Гоголя поражает у К. Брюллова выразительность освещения, тот «эффект, который разлит в природе, который происходит от *сражения* света с тенью» (курсив мой. – Л.О.), что ассоциативно соотносится со сверхзадачей гоголевского творчества – выразить противоборство *добра* и *зла*. Писателя восхищает смелость, энергичность художника.

«Создание и обстановку своей мысли, – пишет Н. Гоголь, – произвел он необыкновенным и дерзким образом: он схватил молнию и бросил ее целым потоком на свою картину. Молния у него залила и потопила все, как будто бы с тем, чтобы все выказать, чтобы ни один предмет не укрылся от зрителя [16, с. 131].

Анализируя этот фрагмент, нетрудно заметить, что Н. Гоголь фактически «перевел» картину с языка предметности на язык слов, усиливая при этом экспрессию движений. Одновременно, опираясь на цепь глаголов, он создал портрет самого художника, раскрыл его темперамент. Вся картина построена на замысле: *создать*, на деянии-поступке: *схватил и бросил* (решимость и энергия) – и его следствии: *залила и потопила*, что вело к цели: *все высказать*.

Иными словами, глаголы, выстроенные писателем по принципу градации, служат кодами для креативного реципиента, позволяя ему создать в своем воображении за границами текста портрет К. Брюллова-мастера и раскрыть характерные черты его личности:

«В его картинах, – акцентирует Н. Гоголь, – целое море блеска. *Это его характер* (курсив мой. – Л.О.). Тени его резки, сильны; но в общей массе и исчезают в свете. Они у него, так же как в природе, незаметны. Кисть его можно назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклость прекрасного тела у него как будто просвечивает и кажется фарфоровою; свет, обливая его сиянием, вместе проникает его. Свет у него так нежен, что кажется фосфорическим. Самая тень кажется у него как будто прозрачною и, при всей крепости, дышит какою-то чистою, тонкою нежностью и поэзией» [16, с. 136].

Очевидно, что в этом столкновении *сильная Тьма* терпит сокрушающее поражение от *фосфорического Света*, который *сверкает, просвечивает, сияет, проникает*. И речь идет о борьбе сил обреченного *зла* с непобедимым *доброт*.

И одновременно процитированный фрагмент текста свидетельствует о закономерности гоголевского понимания К. Брюллова, в котором он видел своего единомышленника, в чем убеждают строчки из гоголевской повести «Майская ночь»:

«...Небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете.

Аверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине

«Еще белее, еще лучше блестят при месяце толпы хат, еще ослепительнее вырезаются из мрака низкие их стены» [15, с. 17].

Приведенный эпизод убеждает, что в описании украинской ночи Н. Гоголем господствует то же *море блеска*, тот же *оригинальный, особенный свет*, и все так же живо и свежо, и совершенно, как у К. Брюллова, но при этом и мысли, и само освещение, и весь колорит были гоголевскими. А *движение* было более энергичным.

Его ночь в сознании XX и XXI вв. (В. Маяковский, Е. Сверстюк) обладает особенно выраженно всеми признаками символа, который соотносится с Украиной и менталитетом украинца.

И не случайно, особенно если брать украинское литературоведение, то в нем актуализировалось намерение представить Н. Гоголя прежде всего писателем украинским. Не остались в стороне от этой проблемы и русские исследователи: одни из них – в частности И.П. Золотусский⁵ [23], – взяв за основу язык, считают Н. Гоголя русским писателем; другие, поставив во главу угла национальную ментальность, – украинским. Наиболее ярким примером такого подхода в русской гоголиане служит статья писателя М.Ф. Антонова «Николай Гоголь – гениальный украинский русскоязычный писатель» [1].

Более сложно эта проблема представлена О. Крюковой, которая относит Н. Гоголя к русским писателям, одновременно акцентируя его украинскую ментальность:

«Обращение Гоголя к национально-историческому прошлому и украинскому фольклору, – пишет исследовательница, – ...делает цикл “Вечера на хуторе близ Диканьки” литературным пространством, сотканным из ярко выраженных доминант национальной идентичности. Но это произведение русского писателя, написанное на русском языке для русского читателя, который после прочтения “Вечеров...” должен приобщиться к миру, столь любимому Н. В. Гоголем. И не случайно, что лейтмотивом гоголевского цикла становится воспоминание о потерянном рае, в котором угадываются черты утраченной запорожской вольности» [29, с. 22].

Но, несмотря на кажущуюся раздвоенность Н. Гоголя, он выступает как целостная личность. В связи этим необходимо остановиться на монографии В. Мельниченко «Микола Гоголь у Москві» (2014). а также таких статьях, как «Одиночество Николая Гоголя (готовы ли мы к новому прочтению нашего классика?)» В. Казарина и др.

«Гоголь, – по мысли В.П. Казарина (Симферополь), – утверждает, во-первых, что малороссийское начало ничем не уступает великорусскому по значимости и масштабу, и, во-вторых, что без него общерусское явление просто не может успешно состояться. Вместе с малороссийским может, еще и создав при этом «нечто совершеннейшее в человечестве», а без него – нет. Эти два начала у Гоголя расположены не вертикально, подразумевая подчинение одного другому, а горизонтально, утверждая их полное равенство» [25, с. 66].

Однако эта мысль о «малороссийском начале» у Н. Гоголя на фоне признания писателя В. Шевчука, которое он, размышляя об украинском фольклоре и его отражении в художественной литературе, сделал в интервью с Еленой Некорой, звучит не так однозначно.

«Переді мною, – говорить В. Шевчук, – відкривалося щось таке велике, дивовижне – ціла загублена культура, в якій я просто закохався, якою я вражався, захоплювався. ...Я тоді постановив створити анти-Гоголя, бо в Гоголі, як, до речі, і в Довженку, мене вельми дратував їхній «малорусизм» – та естетика, яка подавала українську ментальність через екзотику, не без насмішки (з гумором); мене ж фольклорна народна проза зацікавила з іншого боку, я б сказав, психологічного, бо фантастику і демонологію, ба й готизм я розглядав як стан душі, образний його відбиток» [45].

Мысли В. Шевчука, входящего в (поли)диалогическую гоголиану со своим ракурсом видения, подчеркивают стимулирующее воздействие Н. Гоголя на творческую энергию писателя, направленную на художественное освоение украинского характера и Украины как значимой и суверенной части человечества путем углубления в фольклор, но и на многое другое. Иными словами, В. Шевчук, акцентируя на самопознании, углубляется в проблему экзистенции, что надо учитывать при рассмотрении его позиции в гоголиане. И тут привле-

⁵ Очень определенно говорил о Н. Гоголе-украинце Г. Гуковский: «Пожалуй, в «Майской ночи», – пишет исследователь, – более, чем в первом рассказе книги, выступает лишь одна черта, – впрочем, немаловажная, – конкретно и идейно ответственно характеризующая носителя речи, поэта-автора; это – черта национального определения: он – не только восторженный поклонник Украины, не только изобразитель и знаток ее (таково задание образа, обуславливающее ряд объяснений, даваемых им русскому читателю насчет украинского быта, языка и т. п.), но он – сам украинец, и его духовный тип и характер выражает склад ума и души украинского народа вообще [18, с. 48].

кает к себе внимание его фундаментальный двухтомный труд – «Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть» (2005), где писатель, рассматривая украинское барокко, семь раз вспоминает имя Н. Гоголя. Эти фрагменты, выделенные из повествования, составляют опорные моменты для формирования в сознании реципиента четкой сюжетной линии в тексте:

– «...Чи не під впливом цієї пісні (“Ой Боже ж наш, Боже милостивий”⁶ – Л.О.) в “Різдвяній ночі” М. Гоголь посилав Вакулу в Петербург» [51, с. 367].

– «Микола Гоголь був споріднений із козацьким полковником О. Гоголем та козацьким поетом XVIII ст. Танським...» [51, с. 408]

– «У часі, коли жив Г. Сковорода, мандрівні дяки зійшли чи сходили зі сцени, розпорядженням Катерини II їм забороняли мандрувати, і поступово вони виродилися в тих, з яких кепкували пізніше Г. Квітка-Основ'яненко чи М. Гоголь» [51, с. 582].

– «... Пізніше романтики (Т. Шевченко, П. Куліш) закидали Г. Сковороді за найбільший недолік оту його мову, бо вважали, що таким шляхом українська література не може йти... і справді довелося вибирати за літературну російську мову (її взяв В. Капніст, М. Гоголь, В. Нарезний та інші), чи обидві разом (П. Куліш, М. Костомаров, Г. Квітка-Основ'яненко, Марко Вовчок, Є. Гребінка, навіть Т. Шевченко та ін...)» [51, с. 593–594].

– «...В. Капніст... пише... комедію “Ябеда”... цей твір російський, бо відбиває не українську ментальність, а таки російську, як і “Ревізор” М. Гоголя...» [51, с. 623]

– «... Учнем В. Капніста був українець-таки Микола Гоголь, який і в “Ревізорі”, і в “Мертвих душах” використав метод свого попередника і не тільки розвинув його, а й вивів до рівня світових мистецьких вершин» [51, с. 629].

Прочитанные подряд шевчуковские акценты на имени Н. Гоголя создают яркое впечатление о том, как из украинского казачества, его культуры и литературы выростал гениальный художник, «у сфері моральній», по мысли К.В. Мачульского (1892–1948), «гениально одарований» и воспринимаемый Е. Сверстюком как «письменник містичних глибин і дивних прозрінь» [50, с. 85].

Вдумываясь в ход мыслей В. Шевчука, нельзя не отметить взвешенность и обоснованность его вывода относительно В. Капніста, вывода, который распространяется с еще большей правотой и на Н. Гоголя:

«...Не варто робити з В. Капніста тільки українського письменника. Він твердо й свідомо входив також у контекст тодішньої російської літератури» [52, с. 629].

Одновременно нетрудно заметить, что сегодня во всех рассматриваемых работах так или иначе стоит вопрос о природе человека.

В связи с этими вечными вопросами, заостренными трагическими событиями Первой и Второй мировых войн, когда, по признанию польского писателя Т. Ружевича (1921–2014), Ното *zariens* предстал и *монстром*, в России в свою очередь усилилось внимание и к тем концепциям гоголеведения, которые сложились в русском зарубежье. В частности были изданы труды П.М. Бицилли (1879–1953) – «Трагедия русской культуры...» и др., осмысляя которые, М.А. Васильева выдвинула на первый план проблему человека [7].

И закономерно усилился интерес не только к «Мертвым душам», но и к повести «Шинель» [3]. Г. Гуковский, Ю. Лотман, Ю. Манн и другие оценивали эту повесть в разных ракурсах, придавая ей особое значение. В результате в (поли)диалогическом поле открылись острые дебаты. Вступая в него, О. Богданова увидела гоголевскую «Шинель» в «несколько ином» разрезе, который позволил ей с особым вниманием акцентировать онтологический аспект повести и прояснить тем самым в ней характер художественно-философских мыслей М. Гоголя о *Человеке, о его сущности*. Еще не рассматривая статью детально, а priori можно сказать, что представленные наблюдения не частное добавление: они, стимулируя тезаурус реципиента, направляют его к философии Ф. Ницше (1844–1900). И хотя в статье речь о немецком философе не идет, однако имеющаяся фраза-маркер отсылает к его философскому роману «Как говорил Заратустра». («Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen» (1883–1885):

«... Гоголь дважды – кольцеобразно и акцентовано – подчеркивает, что герой “взбирался по лестнице”, т. е. он поднимается вверх... Лестничный пролет задает координатную сетку (“серпянку”), благодаря которой должно произойти восхождение Акакия Акакиевича в чистилище» [6, с. 132].

Таким образом богдановское концептуальное видение Н. Гоголя, базирующееся и на детальном текстовом анализе повести «Шинель», утверждает в мысли, что Н. Гоголь в определенном смысле был предтечей читавшего его подлинного Ф. Ницше [47, с. 460], мечтавшего о совершенном человеке, а не того, которого в свою угоду исказила фашистская идеология. К сожалению, именно она и пошла гулять по миру. И надолго «забылись» лекции М. Хайдеггера 1936–1940 гг. о проблемах искусства у Ф. Ницше и еще более ранние статьи Вяч. Иванова (1866–1949), например, такие, как «Ницше и Дионис» (1904), где почти с упоением утверждалось:

«Ницше возвратил миру Диониса, в этом было его посланничество и его пророческое безумие. Как падение “вод многих”, прошумело в устах его Дионисово имя. Дионисово сделало его властителем наших дум и ковачем грядущего» [24, с. 27].

И, как отмечают современные исследователи, только в середине XX в. благодаря усилиям У. Кауфмана, автора книги «Ницше: философ, психолог, антихрист» (1950), а также философов К.Ж. Делёза, М. Фуко и др. идеи Ф. Ницше будут окончательно денацифицированы.

В наше время истинное понимание взглядов Ф. Ницше устанавливается в трудах таких философов, как В. Подорога [47] и др.

Ф. Ницше предстает в диалоге с Н. Гоголем и Ф. Достоевским. Конечно, у Н. Гоголя не *Übermensch*, а мечта и надежда на исправление человека, на основе христианства [22; 50]. В связи с этим иначе и глубже воспринимается признание Ф. Достоевского: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя». Теперь оно вбирает в себя все новые имена писателей мирового масштаба, в т. ч. и Т. Манна (1875–1955), которого, как доказывает Н. Колихалова, привлекало у Н. Гоголя и Ф. Ницше, свойственное им «стремление сохранить целостное видение жизни» [27; с. 464]. Показательна ее статья «И в России Гоголя, и в Германии Ницше...» (К истории формулы Томаса Манна «Святая русская литература»), где она пишет:

«Формула “святая русская литература” в своих вариациях, помимо тематического (прямого) смысла, кодирует и фокусирует все узловые моменты творчества Т. Манна. Обратимся теперь к парности “Россия Гоголя/Германия Ницше”. <...> здесь Т. Манн идет не от “своих”, а к “своим”, т. е. от Гоголя к Ницше, и ищет черты не столько различия, сколько общности» [27, с. 462].

Это только один пример, но говорящий, что перед реципиентом, входящим в диалогическое поле, где встречаются в диспуте художественно-философские миры Н. Гоголя, Ф. Достоевского и Ф. Ницше, весь литературный процесс предстает таким единством, в котором стержнем проходит борьба за человека в человеке.

И это находит отражение у О. Богдановой. Ее гоголевская статья/глава в «Современном взгляде на русскую литературу» носит двухчастное заглавие: «“Мне отмщение и Аз воздам”. “Мертвые души” в “Шинели” Н.В. Гоголя» и тем самым – как претекст – чрезвычайно насыщено заключенным в нем содержанием. Писатель своей «философизированной» концепцией человека уже поставлен между Пушкиным и Толстым, хотя имени его О. Богданова не называет... Это видение места Н. Гоголя в литературном процессе возникает благодаря ожиданию, вызванному заглавием, но только не следует это понимать упрощенно, как передал-принял-передал эстафету, а мысль о зеркальном отражении «Мертвых душ» в «Шинели».

Анализируя эту статью/главу, необходимо осознать роль и значение эпиграфа в системе нарратива богдановской статьи...

В эпиграфе помещены слова А. Пушкина, процитированные из «Авторской исповеди» Н. Гоголя:

«Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение. – это просто грех» [14].

Однако в гоголевском и богдановском текстах эти слова звучат с разными оттенками заключенного в смысле: у Н. Гоголя как совет, понуждение к созданию серьезного и большого произведения, где бы могла отразиться вся Россия; а в статье – как высокая оценка уже осуществленного. Но кроме того, сам факт приведения этой цитаты – уже указание на особую преемственность в творческих замыслах: Н. Гоголь осуществил – конечно, в своем, гоголевском видении – то, что задумывал А. Пушкин. Ведь за этими словами в подтексте для информированного читателя звучит и гоголевское свидетельство:

«...Он... отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему) [6].

В этом свидетельстве Н. Гоголя останавливает на себе особое внимание фраза: «по словам его, он бы *не отдал другому никому*», которая говорит о том, что Пушкин из рук в руки передал, как эстафету, не только сюжет, но и тему-цель: *показать Россию*. А это в свою очередь наталкивает на мысль, что, когда речь заходит о традиции, целесообразно говорить не о преемственности как следованию за предшественником, а о преемственности через встречу⁶ двух гениев, ибо Н. Гоголь разрабатывал тему по-своему, неоднократно подчеркивалось такими учеными, как Ю. Лотман, который говорил «глубине различий между творческим миром Пушкина и Гоголя» [36, с. 246].

Однако есть *встречи* и *встречи*: одни происходят в «едином» *временипространстве* (М. Бахтин), другие в едином пространстве и разном историческом времени («*встреча*» Н. Гоголя, Ф. Кафки и В. Набокова).

Говоря о реальной встрече Н. Гоголя с А. Пушкиным, необходимо помнить, что реальной временной дистанции не было.

«Нельзя забывать, – отмечал Г. Гуковский, – что они писали в одни и те же годы. Гоголь определился как писатель еще до завершения пути Пушкина. Лермонтов погиб еще до выхода в свет «Мертвых душ» (первого тома). Это была ведущая, передовая группа, так сказать, ударная группа наступления реализма» [18, с. 15].

⁶ Думается, что наиболее продуктивно понимать продолжение традиции не как «следование след в след», а как «встречу» равновеликих, находящихся в различных не только исторических, но и культурологических ситуациях. Можно предположить, что и А.Г. Гачева близка к такому пониманию традиции, если ее философская монография озаглавлена «Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: Встречи в русской культуре» (2008). И это, действительно, так. Взять, к примеру, из обширной мировой дон-жуанианы такие произведения, как «Дон-Жуан» Байрона, «Каменный гость» А. Пушкина и «Кам'яний господарь» Леси Украинки. В приведенном ряду первое слово принадлежит Байрону. Он своеобразный «запевала». А. Пушкин, подхватывая его голос, ведет собственную партию, затем вступает Л. Украинка со своей художественно-философской вариацией темы. А в результате диалога этих произведений, проблема Дон-Жуана получает многостороннее, объемное освещение. Реальная встреча Н. Гоголя с А. Пушкиным – особенно наглядна в этом отношении. Тут не следует забывать суждение П.М. Бицилли (1879–1953), высказанное им в статье «Проблема человека у Гоголя»: «Пушкинское влияние на Гоголя обусловлено их конгенитальностью – сколь, на поверхностный взгляд, ни далеки они как художники слова друг от друга» [44, с. 726]. И правомерна мысль Г. Гуковского, который, имея в виду тему Петербурга, акцентировал внимание именно на творческом характере встречи двух великих мастеров слова: «Не забудем, – настаивал ученый, – что пушкинская поэма писалась одновременно с созданием первых петербургских повестей Гоголя. Невозможно решить, кто из двух гениальных людей повлиял здесь на другого и было ли здесь вообще какое-либо влияние, да и незачем ставить этот неразрешимый вопрос, имеющий отношение более к истории личных связей Пушкина с молодым Гоголем, чем к их творчеству» [18]. Косвенно, это подтверждается и мыслью Л. Шестова: «Легенда о Дон Жуане самая трудная тема, которая когда-либо была задана поэтам – и я, не колеблясь скажу, что во всей мировой литературе никто с ней так не справился, как Пушкин» [53, с. 328]. Нетрудно заметить, что тут представлено широкое диалогическое поле, где встретились в соревновании художники слова. Это диалогическое поле не замкнулось ни во времени, ни в пространстве. что глубоко и разносторонне раскрыто в монографии А.Е. Нямцу (1950–2018) «Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования)» (2007). Особая «встреча» с Н. Гоголем произошла у Л. Каравелова (1834–1879) в его повести «Българи от старо време» (1872).

Удачное выражение «ведущая, передовая группа», в свою очередь, меняет наше представление о ходе развития литературного процесса. В нашем привычном сознании – он линейен, ибо следуют один за другим: Пушкин – Лермонтов – Гоголь и т. д. А в действительности, как показал Г. Гуковский, сначала образовалось его ядро, состоящее из трех писателей, а дальше от этого ядра и шли пути как ответвления, пути, по которым двигалась русская литература.

Однако главное предназначение пушкинских слов в контексте богдановской статьи состоит в указании на основную цель написания «Шинели» – поднять проблему человека в гоголевской концепции. Вступая в (поли)диалогическое поле гоголианы, О. Богданова не столь категорична, как **полемично заостренный В. Ерофеев, и не говорит о «школьном подходе»**, а формулирует свою задачу более корректно и диалектично:

«Принято считать⁷, – вступает она в диалог, – что в центре повести “Шинель” стоит образ “маленького человека”, безжалостно задавленного столичным городом или погубленного равнодушием чиновничьего мира» [6, с. 124].

И становится очевидным, что имеется в виду, конечно, не только он, но прежде всего Г. Пospelов, который писал:

«Башмачкин не только бедный чиновник, он – задавленный, забытый человек, он один из тех людей, которые поработаны и унижены в своём человеческом достоинстве другими людьми, напрасно горящимися своим высоким положением в обществе» [См.: 48].

Кстати, в этом высказывании ученого необходимо заострить внимание на мысли о *человеческом достоинстве*, что у О. Богдановой в дальнейшем получает свое развитие. А пока исследовательница **говорит о недостаточности утверждать, что «образ гоголевского героя в традиции пушкинского вектора его “маленьких людей”»**, ибо «наблюдения над текстом приводят к несколько иной репрезентации более обширных идей и мотивов (как у Пушкина, так и у Гоголя)» [6, с. 124].

Опираясь на многочисленные слова-маркеры, О. Богданова поднимает бытийные проблемы, подходя наиболее близко к Г. Гуковскому, по крайней мере, **в некоторых моментах**. Вот один из них, наиважнейший:

«...Шинель», – говорил ученый, – вещь неизмеримо гениальная, что образ Акакия Акакиевича мог стать и стал символом человеческого бытия, угнетенного несправедливым общественным укладом и требующего защиты» [18, с. 345].

В этом фрагменте, связующим, но более разделяющим фактором взгляды Г. Гуковского и О. Богдановой является понятие *бытия*. В отличие от своего предшественника она сосредоточена на *бытии*, взятом не столько в социальном плане (оно только внешне фонировано), сколько в онтологическом. **Ею акцентируются библейские мотивы [6, с. 128]**. Г. Гуковский приходит к выводу:

«Бытовое становится таким образом трагическим, потому что оно несет в себе судьбу человека и влечет за собой высокие мысли, – а эта судьба и мысли эти трагичны. Эпизод с шинелью из анекдота стал трагедией, притом трагедией социальной, трагедией унижения человеческого достоинства, угнетения человека» [18].

⁷ Надо отметить, что для дискурса О. Богдановой характерно, не только ссылаться на того или иного исследователя, но и обнажать типологические моменты в их концепциях. В связи с этим в ее гоголевской статье наряду с неоднократным употреблением слова принято велика частотность и контекстуальных синонимичных словосочетаний к нему – по утверждению специалистов, исследователи давно обратили внимание [6, с. 123], исследователи многократно искали [6, с. 124], если согласиться со специалистами [6, с. 128], как принято считать в современной школе (в т. ч. и высшей) и т. д. Этим исследовательница не только заявила о своем вхождении в диалог, но и создала образ самого (поли)диалогического поля.

Но если сопоставить богдановский текст с текстом Г. Гуковского, то выясняется, что он говорит о следствии, а причина лежит в *мертвой душе*. Вот почему О. Богданова вкладывает иной, не социальный смысл в понятие «маленького человека» – вечного Акакия Акакиевича. И как ключевое акцентируется, что «в самом начале повествования в тексте “Шинели” лежит антитеза»: вечное противопоставляется сиюминутному, мертвое – живому, молодое – старому, демоническое – сакральному, «в конечном счете («через посредство множественности деталей)» у Н. Гоголя адское противостоит райскому [6, с. 128]. Что касается Акакия Акакиевича, то он должен был пройти путь из ада в чистилище, а затем в рай, но этого не только не происходит, но и не может произойти. А в результате писатель отказывается от реализации идеи: провести своих героев по этому пути.

Здесь не ставится задача детально анализировать работу О. Богдановой, а поэтому ограничимся только двумя моментами.

На наш взгляд, обращаясь к тексту «Шинели», важно осмыслить смысл созвучий, в том числе и в понимании гоголевских многомерных символов, исходя из лосевского понимания *многомерности символа* как такового [33, с. 228–225]. В *многоголосой гоголиане* голос О. Богдановой, во-первых, созвучен – хотя и отдаленно – с голосом Л. Шестова. Именно Л. Шестов почуствовал в судьбе и творчестве Гоголя «прикосновение страшного ангела», увидел в нем человека наделенного «проклятым даром второго видения», благодаря чему он поставил вопросы, настоятельно требующие ответов, но «на которые нет ответов» [34, с. 211–213]. И неважно, имела ли или нет исследовательница в виду мысли философа: голоса сами находят друг друга. Во-вторых, мысли О. Богдановой соотносятся и с поспеловскими и лотмановскими мыслями, обретая при этом свои смысловые оттенки. Так, если у Г. Пospelова *шинель* ассоциируется с *подругой* и *женой*, с которой герой пойдет по жизненному пути, а у Ю. Лотмана – с *домом* и *подругой*, то у О. Богдановой – акцентируется не столько образ подруги, сколько *жены*. Очень близко, но какая огромная разница в понимании оттенков многомерного символа *шинели*... Г. Пospelов акцентирует мотив содружества, спасающего от одиночества. У Ю. Лотмана *шинель* как символ – это «дом ...особое пространство любви и уюта» [35, с. 267], и добавим: *защита, т. е. дом – моя крепость*, что, в свою очередь, способствует остановке внимания реципиента и на мечтах пушкинского бедного Евгения, думающего своими трудами вместе с женой построить свой *дом-семью*, где бы он был главою. У О. Богдановой же *шинель* – *синекдоха*, превращающаяся в символ, – это необходимость *жены* как такого спутника на жизненной дороге (у Лотмана это *путь*, и ученый настаивает на различии), с которым преодолеваются все трудности, в т. ч. бытовые. Именно вместе с образом *жены – хранительницы домашнего очага* – возникает ощущение не только сердечной теплоты, душевного понимания, единения, но ощущение уверенности, что все препятствия на жизненном пути будут преодолены: ведь именно о них думал пушкинский бедный Евгений. Иными словами, акцентируется «*мысль семейная*». В результате в диалогическом поле возникает не столько *диалог / спор*, сколько *диалог / углубление*, раскрывающий многомерность *шинели* как *образа / символа*. Путь к истине лежит через осмысление многомерности гоголевских символов в самом диалоге. И это важная особенность диалогического поля гоголианы.

Нельзя обойти вниманием и такой значимый фрагмент, в котором подмечено то, что раньше никем не замечалось.

«Любопытно и то обстоятельство, – пишет О. Богданова, – что *гражданский чин титулярного советника* в 1830-х гг. соответствовал придворному чину *камер-юнкера*. Последующая ассоциация в отечественном (национальном) сознании неизбежно пробуждает имя А.С. Пушкина и заставляет задуматься о семантике литературного типа т. н. “маленького человека” и усомниться в релевантности его облегченной социологизированной (конфронтальной) трактовки» [6, с. 127].

Не случайно О. Богданова ассоциативно вспомнила А. Пушкина – да и Н. Гоголя – и тем дала почувствовать и осознать то, что значимость личности не равняется и даже в основе своей не определяется чином, должностью, положением в обществе. И в этом контексте розановское: «*маленький, незаметный чиновничек*»... «*сжег николаевскую Русь*», – направляет воображение и мысль не только к «Медному всаднику», но и к самому Н. Гоголю,

давая возможность предположить в нем надежду на *Воскресение*, видимо, жившую в нем, и тогда, когда он писал «Мертвые души», а предположив это, еще глубже осознать его как личность трагическую: **ведь, когда эта надежда ушла, он не смог жить. Более того, очевидно, что трагедия такого рода выходит за рамки единичного существования.**

Размышляя над гоголианой, думается, что требует осмысление и положение К.Г. Кацадзе.

Общественная мысль (та ее составляющая, которая узко поняла пафос Белинского) увидела в Гоголе едва ли не ярого обличителя правящего класса и тех, кто находится под его покровительством, а также защитника «маленького человека», чьи права недемократично попирают в невежественной стране. То есть, по большому счету, представителя слова карающего. Хотя были и те, кто прозорливо увидел в его героях изображение общечеловеческой пошлости, неизбежно живущей в каждом и временно побеждаемой лишь прямым указанием на нее (но навсегда – постоянным стремлением к духовному идеалу): «он определяет сам себя как аналитика человеческой пошлости, но не как оправдателя ее, чем хотела бы, может быть, видеть его так называемая натуральная школа, не совсем понявшая своего учителя...» [26].

И если осознать всю сложность диалогических отношений, которые сложились в гоголиане, взятой в контексте европейской литературы, то станет очевидным, что Н. Гоголь стоит у истоков процессов, получающих свое развитие в межвоенный период XX в., **суть которых точно определена А. Степановой:**

«Думается, – пишет исследовательница, – фаустовская тема в литературе XX века развивается параллельно с темой экзистенциальной и к концу 30-х гг. постепенно сближается с последней, впадая в эстетику экзистенциализма, – в культурном сознании акцент смещается с вечного познания к самопознанию» [51, с. 329].

Завершением сказанного является мысль: Н. Гоголь породил *гоголиану*, которая уже сама по себе, по сути своей является бесконечным процессом *познания* человеком, народом и человечеством самого себя. Справедливые слова Ю. Лотмана о том, что многообразные сюжеты одного автора очень часто могут быть описаны как единый сюжет» [35, с. 238], – можно отнести и к гоголиане. Ее диалогическое поле убеждает в том, что *многомерный Н. Гоголь* позволяет разным народам искать и находить пути к себе, уясняя свой *мирообраз*. Этот процесс разнообразно протекает в разных литературах и в наши дни. Н. Гоголь понуждает человека с беспощадной смелостью заглянуть правде в глаза, увидеть мир и себя в этом мире. Например, Е. Сверстюк, обращаясь к трагической личности Н. Гоголя с целью исследования его умения заглядывать **«у таємничі глибини душі», остро «відчуваючи метафізичне зло»,** раскрывая «інтуїтивний дар Н. Гоголя схоплювати правду про час і дух народів на шляху до осягнення свого призначення». А П. Михед, оценивая повесть «Тарас Бульба» как **тризну, фактически призывает своего современника к ответственности за судьбы народа** [44]. С ним согласуется и А.В. Баль, которая, анализируя роман А. Иванова «Блуда и МУДО» (СПб.: Азбука, 2011), сопоставляет два художественных мира: лермонтовский и гоголевский. А это вызывает новые коннотации, стимулирующие интенции, которые вызываются не только ивановским романом, но и балеvской статьей.

«... В романе А. Иванова, – пишет А. Баль, – гоголевский каталог сюжетов оказывается востребован для осмысления проблемы героя времени современной эпохи. **Соблюдение гоголевской последовательности** рассмотрения ипостасей героя времени, с одной стороны, позволяет Иванову во всей полноте осмыслить и обозначить факт универсальности логики классика. С другой стороны, аллюзии на гоголевских героев в структуре образа Моржова обнажают очевидное противоречие между традиционными ценностными системами и современными» [2, с. 27].

Отталкиваясь от этой балеvской мысли, нетрудно предположить и новые направления художественно-философской мысли, в т. ч. и указанные А. Степановой, которые действительно стимулируются творчеством Н. Гоголя, актуальность которого только возрастает в наши дни.

Список использованной литературы

1. Антонов М.Ф. Николай Гоголь – гениальный украинский русскоязычный писатель / М.Ф. Антонов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/a/antonow_m_f/gogolj.shtml (последнее обращение 14.03.2020).
2. Баль В.Ю. Гоголевская традиция и тема героя времени в романе А. Иванова «Блуда и МУДО» / В.Ю. Баль // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 39. – С. 21–28.
3. Башкеева В.В. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в трудах российских литературоведов XX в. / В.В. Башкеева, С.С. Гармаева // Вестник Бурятского гос. ун-та. – 2015. – Вып. 2. – С. 74–79.
4. Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / А. Белый. – М.: МАЛП, 1991. – 351 с.
5. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии: монография / П.М. Бицилли. – Москва ; Берлин: Директ-Медия, 2017. – 496 с.
6. Богданова О.В. Современный взгляд на русскую литературу XIX – середины XX вв. (классика в новом прочтении) / О.В. Богданова. – СПб.: ИПК Береста, 2017. – 569 с.
7. Васильева М.А. Проблема человека в трудах Петра Бицилли о Гоголе / М.А. Васильева // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2015. – № 4 (22). – С. 10–15.
8. Виноградов В.В. Язык Гоголя / В.В. Виноградов // Литературный архив (АН СССР. Ин-т русской литературы). Н.В. Гоголь. Материалы и исследования / под ред. В.В. Гиппиуса. – М.-Л.: Наука, 1936. – Вып. 2. – С. 286–376.
9. Виноградова З.В. *Гоголь* в литературном процессе 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / З.В. Виноградова. – СПб., 2004. – 24 с.
10. Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии / В.А. Воропаев. – М.: Паломник, 2008. – 320 с.
11. Гачева А.Г. Ф.М. Достоевский и Н.Ф. Федоров: Встречи в русской культуре / А.Г. Гачева. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 570 с.
12. Гинко А. *Гоголь и славянская литература: путь к сердцу* / А. Гинко // Известия ДГПУ. – 2009. – № 2. – С. 73–86.
13. Гоголезнавчі студії: Вип. IV (21) / за ред. П. Михеда. – Ніжин: ФОП Лук'яненко В.В. ТПК «Орхідея», 2014. – 306 с.
14. Гоголь Н.В. Авторская исповедь / Н.В. Гоголь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-gogol/89308-avtorskaya-isproved-nikolay-gogol/read/page-2.html> (Последнее обращение 14.03.2020).
15. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки / Н.В. Гоголь // Собр. соч.: в 9 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 2. – С. 16–47.
16. Гоголь Н.В. Последний день Помпеи (Картина Брюллова) / Н.В. Гоголь // Собр. соч.: в 7 т. – М.: Худож. лит., 1967. – Т. I. – С. 130–137.
17. Григорьев А. Гоголь и его последняя книга / А. Григорьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0520.shtml (последнее обращение 14.03.2020).
18. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя / Г.А. Гуковский. – Л.: ГИХЛ, 1959. 524 с.
19. Дмитриева Е.Е. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Е. Дмитриева. – М., 2011. – 40 с.
20. Ерофеев В. Розанов против Гоголя / В. Ерофеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/EROFEEW_WI/rozanovprotivgogolya.txt (последнее обращение 14.03.2020).
21. Есаулов И.А. Гоголь и Розанов: проблемное поле в свете судьбы России / И.А. Есаулов // Н.В. Гоголь и пути развития русской литературы: К 200-летию И.С. Тургенева. Восемнадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, Москва, 1–3 апреля, 2018 г. – М.: Новосибирский издательский дом, 2019. – 255 с.
22. Золотусский И.П. Гоголь / И.П. Золотусский. – М.: Молодая гвардия, 1979. – 512 с.
23. Золотусский И.П. *Чей писатель Гоголь – русский или украинский. Ответы на вопросы читателей «Ленты.ру»* / И.П. Золотусский [Электронный ресурс]. – Режим досту-

па: <https://sir-michael.ru/2009/04/02/chejj-pisatel-gogol-russkijj-ili-ukrainskijj/> (последнее обращение 14.03.2020).

24. Иванов Вяч. Родное и вселенное / Вяч. Иванов. – М.: Республика, 1994. – 426 с.

25. Казарин В.П. Одиночество Николая Гоголя (Готовы ли мы к новому прочтению творческого наследия нашего классика?) / В.П. Казарин // Гоголезнавчі студії. – 2014. – Вип. IV (21). – С. 57–68.

26. Кацадзе К.Г. Преобразующая власть слова: автор и внефабульные образы писателей в прозе Гоголя / К.Г. Кацадзе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://domgogolya.ru/science/researches/1130/> (последнее обращение 14.03.2020).

27. Колихалова Н.Г. И в России Гоголя, и в Германии Ницше... (К истории формулы Томаса Манна “Святая русская литература”) / Н.Г. Колыханова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-v-rossii-gogolya-i-v-germanii-nitsshe-k-istorii-formuly-tomasa-manna-svyataya-russkaya-literatura> (последнее обращение 14.03.2020).

28. Крутикова Н.Е. Слово Гоголя в украинике Бунина (очерк) / Н.Е. Крутикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/27822/12-Krutikova.pdf?sequence=1> (последнее обращение 14.03.2020).

29. Крюкова О.С. Романтический образ Украины в русской литературе XIX века / О.С. Крюкова. – М.: Наука, 2017. – 127 с.

30. Кузубова Т.С. Метафизический миры Достоевского и Ницше: дис. ... д-ра филол. наук / Т.С. Кузубова. – Екатеринбург, 2001. – 346 с.

31. Купрата Н.Я. Вплив М.В. Гоголя на українську та російську літератури / Н.Я. Купрата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.oneu.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/1711/1/> (последнее обращение 14.03.2020).

32. Лобачева В.Д. Культурный трансфер: определение, структура роль в системе литературных взаимодействий / В.Д. Лобачева // Вестник ТГПУ. – 2010. – Вып. 8 (98). – С. 23–27.

33. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1976. – 320 с.

34. Лашов В.В. Лев Шестов и Николай Гоголь / В.В. Лашов // Научные ведомости. – 2009. – № 16 (1). – С. 211–216.

35. Лотман Ю.М. О реализме Гоголя / Ю.М. Лотман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ruthenia.ru/reprint/trudy_ii/lotmanj.pdf (последнее обращение 14.03.2020).

36. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю.М. Лотман // В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 235–349.

37. Манн Т. Искусство романа / Т. Манн // Собр. соч.: в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1961. – Т. 10. – С. 272–286.

38. Манн Ю. Поэтика Гоголя / Ю. Манн. – М.: Художественная литература, 1988. – 413 с.

39. Мельниченко В.Ю. Гоголь у Москві / В.Ю. Мельниченко. – К.: Либідь, 2014. – 544 с.

40. Михед П.В. «Тарас Бульба» Миколи Гоголя і «Гайдамаки» як віха національної самосвідомості / П.В. Михед. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=xQ8d6MaFi1Q> (последнее обращение 14.03.2020).

41. Наенко М.К. Шевченко і Гоголь у зарубіжній транскрипції / М.К. Наенко // Літературознавство. Фольклористика. Культурологія. – 2019. – Вип. 29–31. – С. 329–340.

42. Науман И.В. Николай Васильевич Гоголь – эстетик и литературный критик: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Науман. – М., 2012. – 25 с.

43. Н.В. Гоголь и славянские литературы / под ред. Н.Л. Будаговой. – М.: Индрик, 2012. – 568 с.

44. Н.В. Гоголь: pro et contra / под ред. С.А. Гончарова. – СПб.: Изд-во РХГА, 2009. – 1040 с.

45. Некора О. Анти-Гоголь та його «Сад...» / О. Некора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://olena-nekora.livejournal.com/40416.html> (последнее обращение 14.03.2020).

46. Отрошенко В.О. Гоголиана. Писатель и пространство / В.О. Отрошенко. – М.: АСТ, 2016. – 319 с.
47. Подорога В.А. Лекция «История Бога в Новое время». 28 авг. 2015 г. / В.А. Подорога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=оJrPgyJSNMM> (последнее обращение 14.03.2020).
48. Пospelов Г.Н. Творчество Н.В. Гоголя / Г.Н. Пospelов. – М.: Учпедгиз, 1953. – 280 с.
49. Савинова А.Г. Синестезия как своеобразие миромоделирования и особенность стиля прозы Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Г. Савинова. – Томск, 2010. – 29 с.
50. Сверстюк Є.О. Гоголь і українська ніч: есеї / Є.О. Сверстюк. – К.: ТОВ «Клію», 2015. – 768 с.
51. Степанова А.А. Поэтология фаустовской культуры. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг. / А.А. Степанова. – Днепропетровск: Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля, 2013. – 496 с.
52. Шевчук В. Муза Роксоланська: Українська література XVI–XVIII століть. Книга друга. Розвинене бароко. Пізнє бароко / В. Шевчук. – К.: Либідь, 2005. – 728 с.
53. Шестов Л. Умозрение и апокалипсис. Религиозная философия Вл. Соловьева / Л. Шестов // Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – С. 319–385.
54. Эйхенбаум Б. Как сделана «Шинель» Гоголя / Б. Эйхенбаум // О прозе. – Л.: Художественная литература, 1969. – С. 306–326.
55. Brooks J. How Tolstoevskii pleased readers and rewrote a Russian myth / J. Brooks // Slavic Review. – 2005. – Vol. 64. – Issue 3. – P. 538–559. DOI: 10.2307/3650141.
56. Zhou O. The “Metaphysical Meaning” of “Tearful Laughter”: Sketch of Gogol’s “Portraits” / O. Zhou // Foreign Literature Studies. – 2017. – Vol. 39. – Issue 6. – P. 46–55.
57. Giuliani R. Gogol – Goethe – Rome, Or a Triangle with Arabesques // R. Giuliani // Имагология и компаративистика. – 2016. – № 5. – С. 82–102. DOI: 10.17223/24099554/5/6.
58. Seidel-Dreffke B. Major Topics of Religiously Focused Analysis on Gogol in West-European Literary-Criticism of the 2nd-half of the 20th Century / B. Seidel-Dreffke // Zeitschrift fur Slawistik. – 1992. – Vol. 37, Issue 3. – P. 442–451.
59. Seidel-Dreffke B. Observations on the Interpretation of Gogol “Nevskii Prospekt” / B. Seidel-Dreffke // Wiener Slavistisches Jahrbuch. – 1992. – Vol. – 38. – P. 267–278.
60. Krys S. Intertextual parallels between Gogol` and Hoffmann: A case study of Vii and the Devil`s Elixirs / S. Krys // Canadian-American Slavic Studies. – 2013. – Vol. 47. – Issue 1. – P. 1–20. DOI: 10.1163/221023912X642709.
61. Lydic L. “Noseological” Parody, Gender Discourse, and Yugoslav Feminisms: Following Gogol`s “Nose” to Ugresic`s “Hot Dog on a Warm Bun” / L. Lydic // Comparative Literature. – 2010. – Vol. – 62. – Issue 2. – P. 161–178. DOI: 10.1215/00104124-2010-004.
62. Thiergen P. Images of Arcadia in Russian Literature of the 18th – 19th Centuries / P. Thiergen // Имагология и компаративистика. – 2015. – № 4. – С. 69–110. DOI: 10.17223/24099554/4/4.
63. Flaiser M. Terminology Studies in the History of the “A. Philippide” Institute of Romanian Philology from Iasi / M. Flaiser // Clasic si Modern in Cercetarea Filologica Romaneasca Actuala. – Iasi: Editura University Alexandru Ioan Cuza Publ., 2018. – P. 183–192.
64. Hashemi O. The Symbolists` Myths on N.V. Gogol` (Based on the Literary Criticism at the Turn of the Twentieth Century) / O. Hashemi // Russian Literature. – 2017. – Vol. 93-94. – P. 153–198. DOI: 10.1016/j.ruslit.2017.11.005.
65. Ebbinghaus A. Konfusion und teufelsanspielungen in N.V. Gogol`s “Revizor” / A. Ebbinghaus // Russian Literature. – 1993. – Vol. 34. – Issue 3. – P. 291–310. DOI: 10.1016/0304-3479(93)90016-L.
66. Ebbinghaus A. Nikolai Gogol: between Ukrainian and Russian nationalism / A. Ebbinghaus // Osteuropa. – 2009. – Vol. 59. – Issue 1. – P. 164–166.
67. Ebbinghaus A. Zur Komödienstruktur der „Lenit`ba” von N.V. Gogol` / A. Ebbinghaus // Zeitschrift fur Slawistik. – 1996. – Vol. 41. – Issue 1. – S. 3–19.

NIKOLAY GOGOL IN GOGOLIANA DIALOGIC FIELD OF THE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Luiza K. Oliander. Lesya Eastern European National University (Ukraine)

E-mail: olk32@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-1

Key words: *analysis, dialogue, creativity, cultural transfer, worldview, (poly) dialogic field, recipient, synecdocha, symbol, N. Gogol, A. Pushkin.*

Based on the works of P. Pospelov, Yu. Mann, G. Gukovsky, Yu. Lotman, Yu. Barabash, O. Bogdanova, V. Voropaev, I. Zolotusky, V. Erofeev, I. Yesaulov, N. Krutikova, O. Kriukova, P. Mikhed, Ye. Sverstiuk, V. Shevchuk, V. Melnichenko, etc. it is given an idea of the (poly) dialogical field of Gogoliana of the 20th – beginning of the 21st centuries, about those intentions that are caused by the results of comprehension of the writer's work. The philosophical concepts of V. Rozanov, L. Shestov, V. Podoroga, K.Zh. Deleuze, M. Foucault, M. Heidegger and others are taken into account. Attention is focused on the tendency to know N.V. Gogol comprehensively taking into account the cultural transfer that clarifies a lot in the literary interactions system. The importance was emphasized – to hear everyone's voice in the context of voices, striving first of all for understanding – and this is what I. Yesaulov calls for in his article "Gogol and Rozanov: a problem field in the light of Russia's fate". This approach, combined with other approaches, makes it possible to examine how and by what ways Gogol's world view is revealed in the space of intercultural dialogue. Extensive material for reflection is provided by N. Gogol with his journalism, criticism, theoretical and aesthetic views, and deep thoughts about various types of art. His "Last Day of Pompeii" is a kind of program for the poetics study, stimulating the focus on the meaning-forming functions of plastic, colour and light in the Gogol's visual-expressive system. It is noted, based on the thoughts of A. Stepanova, that N. Gogol is at the origins of existential processes that developed in the interwar period of the XXth century. But only three perspectives are considered in detail:

- The first established perspective is N. Gogol – a romantic – a satirist – a realist.

- The second current perspective is the affiliation of N. Gogol to Russian or Ukrainian national literature.

- The third perspective is the comprehension of the writer's personality, as well as the philosophical and religious aspects of his work. It is established that such a touch on Gogol's personality gives the most clear idea of the hidden nature of his artistic talent. It is proved that O. Bogdanova's analysis of the novel "The Overcoat", built on the "Dante utopia «hell – purgatory – paradise»", leads the recipient to the idea that N. Gogol was the forerunner of F. Nietzsche genuine, appearing in dialogue between N. Gogol and F. Dostoevsky. The difference is also emphasized: N. Gogol does not have *Übermensch*, but the hope of correcting man thanks to Christianity. It is established that N. Gogol gave birth to *Gogoliana*, which is an endless process of the knowledge of a person, people, humanity of themselves.

References

1. Antonov, M.F. *Nikolai Gogol – genialnyi ukrainskii russkoiazychnyi pisatel* [Nikolay Gogol – brilliant Ukrainian Russian-language writer]. Available at: http://samlib.ru/a/antonow_m_f/gogolj.shtml (Accessed 14 March 2020).
2. Bal, V.Yu. *Gogolevskaia traditsiia i tema gerioia vremeni v romane A. Ivanova «Bluda i MUDO»* [Gogol tradition and the theme of time hero in A. Ivanov's novel "Bluda and MUDO"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2015, no. 39, pp. 21–28.3.
3. Bashkeeva, V.V., Garmayeva, S.S. *Povest N.V. Gogolia «Shinel» v tudakh rosiiskikh literaturovedov XX v.* [Story by N.V. Gogol "The Overcoat" in Russian literature criticism of the 20th century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universitetata* [Bulletin of Buryat State University], 2015, vol. 2, pp. 74-79.
4. Bely, A. *Masterstvo Gogolia: Issledovaniie* [Gogol's Mastery: Research]. Moscow, MALP Publ., 1991, 351 p.
5. Batsilli, P.M. *Tragediia russkoi kultury: issledovaniia, statii, retsenzii* [Tragedy of Russian culture: research, articles, reviews]. Moscow/Berlin, Direct-Media Publ., 2017, 496 p.
6. Bogdanova, O.V. *Sovremenniy vzgliad na russkuiu literaturu XIX – serediny XX vv. (Klassika v novom prochtenii)* [Modern look at Russian literature of the 19th –20th centuries (New reading classics)]. Saint Petersburg, IPK Beresta Publ., 2017, 569 p.
7. Vasileva, M.A. *Problema cheloveka v trudakh Petra Bitsilli o Gogole* [The problem of man in Peter Bicilli's works about Gogol]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia* [Human Science: Humanitarian Studies], 2015, no. 4 (22), pp. 10-15.

8. Vinogradov, V.V. *Yazyk Gogolia* [Gogol's language]. *Literaturnyi arkhiv. (AN SSSR. In-t russkoi literatury). N.V. Gogol. Materialy i issledovaniia* [Literary archive (USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature). N.V. Gogol. Materials and research]. Moscow, Leningrad, 1936, vol. 2, pp. 286-376.
9. Vinogradova, Z.V. *Gogol v literaturnom protsesse 1920-kh godov*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Gogol in the literary process of the 1920s. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2004, 24 p.
10. Voropaev, V.A. *Nikolai Gogol: Opyt dukhovnoi biografii* [Nikolay Gogol: experience in spiritual biography]. Moscow, PalomnikPubl., 2008, 320 p.
11. Gacheva, A.G. *F.M. Dostoyevskii i N.F. Fedorov: Vstrechi v russkoi kulture* [F.M. Dostoyevsky and N.F. Fedorov: Meetings in Russian Culture]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008, 570 p.
12. Ginko, A. *Gogol i slavianskaia Literatura: put k serdtsu!* [Gogol and Slavic Literature: the way to the heart!]. *Izvestiia DGPU* [Bulletin of DSPU], 2009, no 2, pp. 73-86.
13. Mykhed, P. (ed.) *Hoholeznachii studii* [Gogol study studios]. Nizhyn, FOP Lukianenko, ТРК "Orkh-idea" Publ., 2014, vol. 4 (21), 306 p.
14. Gogol, N.V. *Avtorskaia ispoved* [Author's confession]. Available at: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-gogol/89308-avtorskaya-ispoved-nikolay-gogol/read/page-2.html> (Accessed 14 March 2020).
15. Gogol, N.V. *Vechera na khutore bliz Dikanki* [Evenings on a Farm Near Dikanka]. *Sobranie sochinenii: v 9 tomah* [Collected works: in 9 volumes]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1994, vol. 2, pp. 16-47.
16. Gogol, N.V. *Poslednii den Pompei (Kartina Briullova)* [The Last Day of Pompeii (Bryullov's picture)]. *Sobranie sochinenii: v 7 tomah* [Collected works: in 7 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967, vol. 1, pp. 130-137.
17. Grigoriev, Ap. *Gogol i yego posledniaia kniga* [Gogol and his last book]. Available at: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0520.shtml (Accessed 14 March 2020).
18. Gukovsky, G.A. *Realizm Gogolia* [Gogol Realism]. Leningrad, GIKHL Publ., 1959, 524 p.
19. Dmitrieva, Ye.Ye. *Gogol v zapadnoyevropeiskom kontekste: mezhdru yazykami i kulturami*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Gogol in a Western European context: between languages and cultures. Extended abstract. of Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011, 40 p.
20. Yerofeev, V. *Rozanov protiv Gogolia* [Rozanov vs Gogol]. Available at: <https://www.rulit.me/books/rozanov-protiv-gogolya-read-43653-1.html> (Accessed 14 March 2020).
21. Yesaulov, I.A. *Gogol i Rozanov: problemnoie pole v svete sudby Rossii* [Gogol and Rozanov: problem field in the light of Russia's fate]. *N.V. Gogol i puti razvitiia russkoi literatury: K 200-letiiu I.S. Turgeneva. Vosemnadtsatye Gogolevskie chteniia: sb. nauch. statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [N.V. Gogol and ways of Russian literature development: On the 200th anniversary of I.S. Turgenev. Eighteenth Gogol Readings: Collection of scientific articles on the materials of the International Scientific Conference]. Moscow, Novosibirsky izdatelsky dom Publ., 2018, 255 p.
22. Zolotussky, I.P. *Gogol* [Gogol]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1979, 512 p.
23. Zolotussky, I.P. *Chei pisatel Gogol – russkii ili ukrainskii. Otvety na voprosy chitatelei «Lenta.ru»* [Whose writer is Gogol – Russian or Ukrainian]. Available at: <https://sir-michael.ru/2009/04/02/chej-pisatel-gogol-russkij-ili-ukrainskij/> (Accessed 14 March 2020).
24. Ivanov, V. *Rodnoie i vselennoie* [Native and Universe]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 426 p.
25. Kazarin, V.P. *Odinochestvo Nikolaia Gogolia (Gotovy li my k novomu prochteniiu tvorcheskogo nasledia nashogo klassika?)* [Loneliness of Nikolay Gogol (Are we ready for a new reading of our classic's literary heritage?)]. *Hoholeznachii studii* [Gogol study studios], 2014, vol. 4 (21), pp. 57-68.
26. Katsadze, K.G. *Preobrazuiushchaia vlast slova: avtor i vnefabulnyie obrazy pisatelei v proze Gogolia* [Transforming power of the word: author and extra-fabulous images of the writers in Gogol's prose]. Available at: <http://domgogolya.ru/science/researches/1130/> (Accessed 14 March 2020).
27. Kolikhalova, N.G. *I v Rossii Gogolia, i v Germanii Nitszhe... (K istorii formuly Tomasa Manna "Sviataia russkaia literatura")* [Both in Gogol's Russia and in Nietzsche's Germany ... (On the history of Thomas Mann's formula "Holy Russian literature")]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-v-rossii-gogolya-i-v-germanii-nitszhe-k-istorii-formuly-tomasa-manna-svyataya-russkaya-literatura> (Accessed 14 March 2020).
28. Krutikova, N.Ye. *Slovo Gogolia v ukrainike Bunina (Ocherk)* [Gogol word in Bunin's Ukraine studies (Essay)]. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/27822/12-Krutikova.pdf?sequence=1> (Accessed 14 March 2020).
29. Kriukova, O.S. *Romanticheskii obraz Ukrainy v russkoi literature XIX veka* [Romantic image of Ukraine in Russian literature of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 2017, 127 p.
30. Kuzubova, T.S. *Metafizicheskie miry Dostoievskogo i Nitszhe*. Diss. dokt. philol. nauk [Metaphysical worlds of Dostoevsky and Nietzsche. Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2001, 346 p.
31. Kuprata, N.Ya. *Vplyv M.V. Hoholia na ukrainsku ta rosiisku literatury* [M.V. Hogol's influence on Ukrainian and Russian Literature]. Available at: <http://dspace.oneu.edu.ua/jspui/bitstream/123456789/1711/1/> (Accessed 14 March 2020).

32. Lobacheva, V D. *Kulturnyi transfer: opredelenie, struktura rol v sisteme literaturnykh vzaimodeistvii* [Cultural transfer: definition, structure, role in literary interactions system]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of TSPU], 2010, vol. 8 (98), pp. 23-27.
33. Losev, A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [Symbol Problem and Realistic Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976, 320 p.
34. Lashov, V.V. Lev Shestov i Nikolai Gogol [Lev Shestov and Nikolay Gogol]. *Nauchnye vedomosti* [Scientific Sheets], 2009, no 16 (1), pp. 211-216.
35. Lotman, Yu.M. *O realizme Gogolia* [About Gogol's Realism]. Available at: https://www.ruthenia.ru/reprint/trudy_ii/lotmanj.pdf (Accessed 14 March 2020).
36. Lotman, Yu.M. *Khudozhestvennoie prostranstvo v proze Gogolia* [Literary space in Gogol's prose]. *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin, Lermontov, Gogol* [At poetic word school. Pushkin, Lermontov, Gogol]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988, pp. 235-349.
37. Mann, Th. *Iskusstvo romana* [Art of the novel]. *Sobranie sochinenii: v 10 tomah* [Collected works: in 10 volumes]. Moscow, GIKhL Publ., 1961, vol. 10, pp. 272-286.
38. Mann, Yu. *Poetika Gogolia* [Gogol's Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1988, 413 p.
39. Melnychenko, V.Yu. *Hohol u Moskvi* [Gogol in Moscow]. Kyiv, Lybid Publ., 2014, 544 p.
40. Mykhed, P.B. «Taras Bulba» Mykola Hoholia i «Haidamaky» Tarasa Shevchenka yak vikhy rozvytku natsionalnoi svidomosti [Mykola Gogol's "Taras Bulba" and Taras Shevchenko's "Haydamaky" as milestones in national consciousness development]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=xQ8d-6MaFi1Q> (Accessed 14 March 2020).
41. Naienko, M.K. *Shevchenko i Hohol u zarubizhnii transkryptsii* [Shevchenko and Gogol in foreign transcription]. *Literaturoznavstvo. Folklorystyka. Kulturolohiia* [Literary Studies. Folklore. Culturology], 2019, Vol. 29-31, pp. 329-340.
42. Nauman, I.V. *Nikolai Vasilievich Gogol – estetik i literaturnyi kritik*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Nikolay Gogol is aesthician and literary critic. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2012, 25 p.
43. Budagova, N.L. (ed.) *N.V. Gogol i slavianskie literatury* [N. Gogol and Slavic Literatures]. Moscow, Indrik Publ., 2012, 568 p.
44. Goncharov, S.A. (ed.) *N.V. Gogol: pro et contra* [N. Gogol: pro et contra]. Saint Petersburg, RKhGA Publ., 2009, 1040 p.
45. Nekora, O. *Anty-Hohol ta yoho «Sad...»* [Anti-Gogol and its "Garden..."]. Available at: <https://ole-na-nekora.livejournal.com/40416.html> (Accessed 14 March 2020).
46. Otroshenko, V.O. *Gogoliana. Pisatel i prostranstvo*. [Gogoliana. Writer and space]. Moscow, ASTPubl., 2016, 319 p.
47. Podoroga, V.A. *Lektsiia «Istoriia Boga v Novoie vremia»* [Lecture "History of God in Modern Times"], 2015. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=oJrPgyJSNMM> (Accessed 14 March 2020).
48. Pospelov, G.N. *Tvorchestvo N.V. Gogolia* [N. Gogol's work]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1953, 280 p.
49. Savvinova, A.G. *Sinesteziia kak svoebrazie miromodelirovaniia i osobennost stilia prozy N.V. Gogolia*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Synaesthesia as a peculiarity of world modeling and a feature of N. Gogol's prose style. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2010, 29 p.
50. Sverstiuk, Ye.O. *Hohol i ukrainska nich: yesei* [Hohol and Ukrainian Night: Essays]. Kyiv, KlioPubl., 2015, 768 p.
51. Stepanova, A.A. *Poetologiiia faustovskoi kultury. "Zakat Yevropy" Osvalda Shpenglera I literaturnyi protsess 1920-1930-h gg.* [Poetology of Faustian culture. "The Decline of the West" by Oswald Spengler and literary process of the 1920-1930s]. Dnepropetrovsk, Alfred Noble University Publ., 2013, 496 p.
52. Shevchuk, V. *Muza Roksolanska: Ukrainska literatura XVI–XVIII stolit. Knyha druha. Rozvynene baroko. Piznie baroko* [Roxolanese Muse: Ukrainian Literature of the 16th-18th Centuries. Book 2. Developed Baroque. Late Baroque]. Kyiv, Lybid Publ., 2005, 728 p.
53. Shestov, L. *Umozrenie i apokalipsis. Religioznaia filosofiia VI. Solovieva* [Reflection and Apocalypse. Soloviev's Religious Philosophy]. Moscow, Raritet Publ., 1995, pp 319-385.
54. Eikhenbaum, B. *Kak sdelana "Shinel" Gogolia* [How Gogol's "Overcoat" is made]. *O prose* [About prose]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969, pp. 306-326.
55. Brooks, J. How Tolstoevskii pleased readers and rewrote a Russian myth. *Slavic Review*, 2005, vol. 64, issue 3, pp. 538-559. DOI: 10.2307/3650141.
56. Zhou, O. The "Metaphysical Meaning" of "Tearful Laughter": Sketch of Gogol's "Portraits". *Foreign Literature Studies*, 2017, vol. 39, issue 6, pp. 46-55.
57. Giuliani, R. Gogol – Goethe – Rome, Or a Triangle with Arabesques. *Imagologiya i Komparativistika – Imagology and Comparative Studies*, 2016, vol. 5, pp. 82-102. DOI: 10.17223/24099554/5/6.

58. Seidel-Dreffke, B. Major Topics of Religiously Focused Analysis on Gogol in West-European Literary-Criticism of the 2nd-half of the 20th Century. *Zeitschrift fur Slawistik*, 1992, vol. 37, issue 3, pp. 442-451.
59. Seidel-Dreffke, B. Observations on the Interpretation of Gogol "Nevskii Prospekt". *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 1992, vol. 38, pp. 267-278.
60. Krys, S. Intertextual parallels between Gogol` and Hoffmann: A case study of Vii and the Devil's Elixirs. *Canadian-American Slavic Studies*, 2013, vol. 47, issue 1, pp. 1-20. DOI: 10.1163/221023912X642709.
61. Lydic, L. "Noseological" Parody, Gender Discourse, and Yugoslav Feminisms: Following Gogol's "Nose" to Ugresic's "Hot Dog on a Warm Bun". *Comparative Literature*, 2010, vol. 62, issue 2, pp. 161-178. DOI: 10.1215/00104124-2010-004.
62. Thiergen, P. Images of Arcadia in Russian Literature of the 18th – 19th Centuries. *Imagologiya i Komparativistika – Imagology and Comparative Studies*, 2015, vol. 4, pp. 69-110. DOI: 10.17223/24099554/4/4.
63. Flaiser, M. Terminology Studies in the History of the "A. Philippide" Institute of Romanian Philology from Iasi. Botosineanu, L. (ed.) *Clasic si Modern in Cercetarea Filologica Romaneasca Actuala*. Iasi, Editura University Alexandru Ioan Cuza Publ., 2018, pp. 183-192.
64. Hashemi, O. The Symbolists` Myths on N.V. Gogol` (Based on the Literary Criticism at the Turn of the Twentieth Century. *Russian Literature*, 2017, vol. 93-94, pp. 153-198. DOI: 10.1016/j.ruslit.2017.11.005.
65. Ebbinghaus, A. *Konfusion und teufelsanspielungen in N.V. Gogol's "Revizor"* [Confusions and Allusions to the Devil in N.V. Gogol's "Revizor"]. *Russian Literature*, 1993, vol. 34, issue 3, pp. 291-310. DOI: 10.1016/0304-3479(93)90016-L.
66. Ebbinghaus, A. Nikolai Gogol: between Ukrainian and Russian nationalism. *Osteuropa*, 2009, vol. 59, issue 1, pp. 164-166.
67. Ebbinghaus, A. *Zur Komödienstruktur der „Zhenit'ba" von N.V. Gogol`* [The Structure of Gogol Comedy "Zhenitba"]. *Zeitschrift fur Slawistik*, 1996, vol. 41, issue 1, pp. 3-19.

Одержано 8.11.2019.

УДК 821.111(73)–311.6
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-2

Л.В. ПАСЬКО,
*кандидат філологічних наук,
доцент Центра научных исследований и преподавания
иностранных языков Национальной академии наук Украины (г. Киев)*

INTER ARMA SILENT MUSAE:¹ О СИТУАЦИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1860–1870-х гг.

В статье анализируются факторы, определившие специфику американской литературы 60–70-х гг. XIX в., и особенности формирования книжного рынка тех лет. Показано, что в кратком временном срезе произошло небывалое смешение понятий и явлений самого разного порядка: идеологических, эстетических, философских, политических. Исследуются обстоятельства, в результате которых американская литература оказалась неподготовленной к восприятию трагической действительности.

Ключевые слова: романтическое сознание, областническая литература, местный колорит, реалистическая эстетика, идеология, политическая мода, Бостонская школа.

У статті аналізуються фактори, які визначили стан американської літератури в 60–70-х рр. XIX ст. та вплинули на формування книжкового ринку цього періоду. У сучасному літературознавстві утвердилася цілком об'єктивна точка зору на літературну ситуацію 1860–1870-х рр. у США як на період кризи романтичного світогляду, рубіж у розвитку американської літератури, який стався під впливом творів найкращих представників європейської реалістичної школи і визначив її поворот в бік реалізму. Але, як і будь-яке інше узагальнення, ця теза дає вкрай одностороннє уявлення про загальну літературну ситуацію, що склалася в Сполучених Штатах у цей період. Гостро відчувалася потреба у нових формах та методах відтворення дійсності, які б відповідали духовним потребам часу, новому етапу розвитку американського суспільства. Ці нові тенденції виникли у літературі не відразу, а як наслідок взаємопроникнення та тривалої еволюції художніх елементів та принципів реалістичної та романтичної поетики, традиції якої в американській літературі були дуже живучі. Внаслідок цього з'явився особливий тип оповідання – не романтичний, не реалістичний, а перехідний для обох цих методів, причому він виявився результатом взаємодії не лише романтичної та реалістичної естетик, а й, значною мірою, результатом ідеології того періоду, даниною політичній моді. У країні запанував цілковитий хаос ідей та відчуттів, породжених війною. Американська література 1860–1870-х рр. характеризувалася складною взаємодією найрізноманітніших явищ: сентиментальності довоєнної прози, традиції витонченості, відродження легенди про Кавалерів та лицарську мужність, елементів готики, ідей аболіціоністського руху, хоча і послабленого, але все ще досить значущого явища, та зародків реалізму. Протягом короткого відтинку часу виникла безпрецедентна суміш понять та явищ абсолютно різного стилю: ідеологічних, естетичних, філософських та політичних. І це хаотичне нашарування не стільки літературних течій, скільки превалюючих літературних стилів, естетичних та ідеологічних пристрастей рівною мірою вплинуло як на північний, так і на південний роман. До яких наслідків це призвело і як вони були сприйняті найвідомішими письменниками того часу, і розповідає ця стаття.

Ключові слова: романтичний світогляд, обласницька література, місцевий колорит, реалістична естетика, ідеологія, політична мода, Бостонська школа.

В отечественном и американском литературоведении утвердился достаточно объективный, с нашей точки зрения, взгляд на Гражданскую войну как на период кризиса романтического сознания, рубеж в развитии американской литературы, обозначивший её поворот к реализму. Однако, как и любое другое обобщение, этот

¹ Inter arma silent Musae (лат.) – Когда говорят пушки, музы молчат.

тезис даєт крайне одностороннее представление об общей литературной ситуации, сложившейся в США после окончания войны. Коренные изменения, затронувшие социальную и политическую сферы жизни нации, не оставили в стороне литературу. Настоятельно ощущалась необходимость новых художественных форм и методов освоения действительности, которые отвечали бы запросам времени, соответствовали очередному этапу в развитии американского общества.

Под влиянием достижений величайших мастеров европейской реалистической школы – О. де Бальзака, Стендаля (Анри Мари Бейля), У.М. Теккерея, Ч. Диккенса, Г. Ибсена, Л.Н. Толстого, Т. Харди – и как обобщение богатых традиций устного народного творчества (прежде всего народного юмора) и аболиционистского движения в американской литературе начали утверждаться принципы эстетики реализма. Обострённое внимание к сложнейшим социальным и общественно-политическим процессам, охватившим страну после войны, и, одновременно, интерес к обыденной, повседневной жизни, морально-психологическим проблемам определили реалистическую направленность творчества таких писателей второй половины XIX в., как Генри Джеймс, Уильям Дин Хоуэллс, Джон Уильям Де Форест, Марк Твен, Стивен Крейн. Определённым этапом в утверждении реалистических тенденций в областной литературе стало правдивое «живописание обычаев, нравов и языка» [1, с. 407] представителями школы «местного колорита»: Брет Гартом, Хэмлингом Гарлендом, Сарой Орн Джуитт, Мэри Ноэллис Мэрфри, а также Джорджем Вашингтоном Кейблом, Джоэлем Чэндлером Харрисом и Кейт Шопен, у которых «передача специфики места» выступает составной частью более широкой, универсальной концепции действительности» [2, с. 23].

Однако новые явления возникли в американской литературе не вдруг, а в результате взаимопроникновения и длительной эволюции художественных элементов и принципов реалистической и романтической поэтики, традиции которой в американской литературе были очень живучи. В результате сложился особый «тип повествования, который не был ни романтическим, ни реалистическим, а переходным для двух этих методов...» [3, р. 23]. Причём его можно считать не только продуктом взаимодействия романтической и реалистической эстетики, но в значительной степени порождением идеологии данного периода или данью политической моде. Ведь после насыщенных событиями 1850-х гг. (принятие закона о беглых рабах, компромисс «Канзас-Небраска», казнь Джона Брауна) в стране воцарился полный хаос мыслей и чувств, порождённый войной. При этом, по свидетельству Лесли Фидлера, у «Civil War Romance», защищавшего дело Конфедерации, было гораздо больше шансов стать бестселлером: людям «свойственно сентиментальничать по поводу тех, кто потерпел поражение» [4, р. 153].

Американская литература 1860–1870-х гг. характеризовалась сложным взаимодействием очень разнородных явлений. Сентиментальность довоенной прозы и «традиция утончённости», зародившаяся в недрах «Бостонской школы» последователей «браминов», которые присвоили себе «роль судей высшей инстанции по делам американской литературы» [5, с. 91], сочетались со значительно ослабевшим, но всё ещё представлявшим общественно значимую силу аболиционистским движением (романы Луизы Мэй Олкотт или Йеремии Клеменса). А элементы готики и возрождение «легенды о кавалерах и рыцарской доблести» (произведения Д.И. Кука) поразительным образом сосуществовали с теми «ростками реализма», которые уже в этот период проникли в американский роман (произведения Г. Морфорда и Д.У. Де Фореста). В кратком временном срезе произошло небывалое до тех пор смешение понятий и явлений самого разного порядка: идеологических, эстетических, философских и политических [6, с. 36]. И это хаотичное наложение не литературных течений, а доминирующих литературных вкусов, эстетических и идеологических пристрастий в равной степени затронуло как северный, так и южный роман («Личная ответственность. История великих преобразований» Ипеса Сарджента, «Семья Макдональдов, или Пепелища домов южан. История похода Шермана» Уильяма Генри Пека). Таким образом, американская литература 1860–70-х гг. была порождением компромиссов: между старым и новым, между литературой интеллектуальной (своеобразным идеологическим центром которой стал журнал «Атлантик Мансли») и популярной, тяготевшей к традиционному жанру «готансе» (средоточием её были журналы «Нью-Йорк Леджер», «Норф Американ Ревью», а с 1871 г. и «Сауверн Мэгезин»).

Роман, выдержанный в духе сентиментальных произведений довоенных лет, не только не утратил своих позиций, но приобрёл ещё большую популярность. В его проблематике не было полемической заострённости, а сюжет чаще всего сводился к мелодраме. Причину небывалого расцвета сентиментальности в литературе середины XIX ст. историки американской литературы видят в том, что роман куперовской традиции, предоставлявший небывалые возможности для изображения походов протагониста, не мог быть «идеальной формой для прославления достоинств современного общества, основанного на рабстве. Приходилось защищать не мужество и отвагу героя или щёголя-аристократа, а систему социальных отношений – пасторальное царство благонравного феодального порядка. Наиболее эффективной оказалась здесь сентиментальная традиция» [1, с. 144–145].

Американская литература первой половины XIX в. выкристаллизовала образ божеественно прекрасной героини романа, а пуританская мораль строго очертила для неё рамки дозволенного в проявлении чувств. По поводу таких героинь Карл Ван Дорен сказал, что именно они, будучи потенциальными читательницами, «устанавливали границы в освещении сексуальных вопросов, за которые роман не мог переступить» [7, р. 209]. Поскольку традиционный южный уклад ограничивал сферу женской компетенции исключительно домом, героине этих произведений отводилась чисто «орнаментальная роль» в повествовании. Она появлялась в начале романа, а затем «возникала» лишь в конце, чтобы к удовольствию читателей воссоединиться со своим возлюбленным. Этот неизменный «happy end», столь импонирующий «утончённой» читательской аудитории анализируемого периода, восходил ещё к национальному мифу о «Новом Адаме», заведомо «обречённом» на счастье в Новом свете.

В произведениях этого периода очень часто использовался такой композиционный приём, как «затруднённый брак», который станет самым распространённым в «Civil War Romance» XIX ст. В основе его – конфликт между чувством и долгом, между любовью к стороннице противоположного лагеря и преданностью своему региону: Лили Равенел – капитан Колберн («Мисс Равенел уходит к северянам», 1867) Дж.У. Де Фореста, Эллис – Кларенс Брант («Кларенс», 1895) Ф. Брет Гарта, Маргарет Дин – Чэд Буфорд («Маленький посланец иного мира», 1903) Д. Фокса и др. Мотив трагической любви, препятствием которой служит различное общественное положение или непримиримость враждующих лагерей, не случайно чаще всего использовался в роли пружины для развития сюжета. Этот тип художественного конфликта позволял раскрыть психологический контекст описываемой эпохи, её внутренний драматизм. Любовь квартиронки к белому аристократу или офицеру-северянину, например, – излюбленная тема Анны Элизабет Дикинсон («Каков ответ?», 1868) и Лидии Марии Френсис Чайлд («Романтическая республика», 1867). Неразрешённость антинормы чувства и долга, личного и общественного начал, восходящая к поэтике классицизма, относится к числу «вечных» конфликтов. Классическим примером его реализации можно считать «Историю Тома Джонса, найдёныша» Г. Филдинга и многочисленные романы В. Скотта (напр., «Роб Рой», «Вудсток», «Талисман», «Айвенго» и др.). Очевидно, «вечностью» подобных коллизий можно объяснить плодотворность данного типа конфликта в произведениях о Гражданской войне романов двадцатого столетия: дочь виргинского плантатора Луиза Кейбл Риджли – офицер-федералист Дэвид Декстер («Бронированные гиганты», 1980 Ван Вик Мейсона), дочь фермера-южанина Кальпурния – лейтенант северян («Таверна в Элькхорне», 1980 Дугласа Джоунза) и др.

Однако ощущению реальности конфликта, его подлинного драматизма мешал утвердившийся в американской литературе культ прекрасного и возвышенного. «Традиция утончённости» не допускала изображения трагических сторон войны, проникновения в её сущность. Таким образом, реальная действительность вступала в явное противоречие с приёмами её воссоздания в американской прозе: «Идеальный герой или героиня, созданный по канонам, установленным в американском романе, мог появиться лишь в мелодраме, а не в трагедии». «Парализующий эффект» культа утончённости и идеализации проявился в неспособности литературы отвечать потребностям времени – отразить подлинную моральную атмосферу военных лет. Роман «как серьёзный жанр» был поставлен на «грань банкротства» [8, с. 74–75]. «Табу» на изображение реальных, а не идеализированных героев, подлинной, а не «скроенной» по определённым образцам жизни, сковало развитие

всего художественного творчества в США. Облик реальной войны, взволновавший Эмброза Бирса, укрепивший веру Уолта Уитмена в простого человека, был слишком обескураживающим для литературы тех лет. Она оказалась неподготовленной к восприятию трагической действительности.

Однако, помимо указанных тенденций, определивших идейно-художественное своеобразие американской литературы 60–70-х гг. XIX ст., значительное влияние на общую тональность прозы тех лет, на формирование книжного рынка оказали и факторы иного порядка. В годы войны и последовавшей за ней Реконструкции произошла значительная «феминизация» жизни страны, особенно южных штатов, в результате которой в литературу пришло огромное число непрофессиональных писательниц. Издательства были наводнены наспех написанными произведениями «на злобу дня». По подсчётам Ричарда Лайвли, около половины всех романов о войне было создано писательницами (преимущественно южанками) [9, с. 23]. Объяснение этому социокультурному феномену не может быть однозначным. В значительной степени, это было следствием успеха движение «феминизма». По свидетельству историков литературы, на Юге в этот период уровень образования женской аудитории был чрезвычайно высок. Это способствовало большому притоку женщин высших слоёв общества в литературу, а также определило структурный состав читательской аудитории, оказавшей значительное влияние на литературный рынок [1, с. 43]. Немалую роль сыграли и так называемые реформистские «женские журналы», издававшиеся на Севере («Сибил», «Артурз лейдиз хоум мэгезин», «Лейдиз репозитори»). Они помещали на своих страницах политические комментарии о ходе боевых действий, призывали к широкому вовлечению женщин в движение за политические и экономические реформы. В публикациях этих журналов утверждалось, что рабство способствовало упадку «южной цивилизации», деградации высших слоёв южного общества. Реформистская пресса признавала за женщинами не только роль матери, жены, хранительницы домашнего очага, но и активных борцов за победу в войне. Основной акцент делался на роль женщин как граждан в преобразовании общества. Характерно, что уже в 1865 г. в журнале «Лейдиз репозитори» измена южан провозглашалась «непростительным грехом», который Юг будет искупать долгие годы [10, с. 39]. Поскольку большинство «женских журналов» имело просеверную ориентацию (издавались они, преимущественно, в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии), в годы войны они потеряли большую часть своих южных подписчиков. Южанам нужна была трибуна для пропаганды взглядов своего лагеря. И хотя в 1871–1875 гг. в Балтиморе стал издаваться «Саузерн мэгезин», продолжавший традиции довоенной южной литературы, в качестве арены для своей пропагандистской деятельности они избрали литературу. Для Юга, не желавшего смириться с поражением в войне, вступление на литературную стезю многочисленных романисток тех лет стало попыткой «литературной реабилитации» «проигранного дела» («lost cause»). Лозунги южных Кавалеров, пафос их борьбы был перенесён в литературу, где писательницы Юга яростно отстаивали своё «правое дело».

В годы войны человек вне партии приравнивался к человеку без родины [11, с. 44]. Ярво выраженная пропагандистская направленность произведений военных лет требовала от писателя чёткой политической ориентации. Однако именно это обстоятельство отстранило от проблематики Гражданской войны многих талантливых писателей, считавших художественное творчество не совместимым с политикой. В 1867 г. Уильям Дин Хоуэллс писал: «...наша война оставила нам не только бремя огромного национального долга, но и возложила большую ответственность на литературу, с которой последняя до сих пор плохо справляется» [12, с. 121]. Слова У.Д. Хоуэллса относились, прежде всего, к поколению американских писателей, вступивших в литературу в 60-х гг. XIX ст. (Марк Твен, Генри Джеймс, сам Хоуэллс и др.), а также к общепризнанным авторитетам американской литературы: Г. Мелвиллу, Г. Адамсу, Г. Джеймсу, У.К. Брайэнту, О.У. Холмсу. По разным причинам – мировоззренческим, эстетическим, идеологическим – Гражданская война почти не затронула творчество многих талантливых писателей «старой» и «новой» школы американской литературы [13, с. 199]. По мнению Джеймса Кокса, «великим писателям – будь то романист, поэт или историк» – предстояло самим определиться, переносить ли реальную жизнь в мир воображаемый и станет ли война опытом их существования [14, с. 185].

Натаниэль Готорн в 1850-х гг. жил и работал за границей и не был очевидцем потрясений этого десятилетия, а по возвращении на родину в 1860 г. так и не смог чётко определить свою позицию. В начале войны в одном из писем (от 16 мая 1861 г.) он писал: «Если бы пришлось выбирать, я бы выступил на стороне северян» [15, с. 91; 96–97]. Однако вскоре трагические реалии войны побудили его усомниться в разумности доводов аболиционистов. Отношение Натаниэля Готорна к происходящему нельзя назвать политической индифферентностью. Это было резкое неприятие действительности, притупившее в нём желание писать. В июле 1862 г. в ежемесячном журнале «Атлантик мансли», который с 1857 г. издавался в Бостоне, он опубликовал пространное эссе «Преимущественно о военных делах» («Chiefly About War-Matters»), в котором описал свои впечатления от посещения Вашингтона и Виргинии, а также встречи с президентом Линкольном. Но это эссе мало напоминало путевые заметки. По словам Цинтии Уочтелл, Н. Готорн откровенно «издевается над всем сокровенным и осмеивает всё мирское». Он не щадит ни генералов, ни солдат, и вместо прославления их героизма и выражения скорби в адрес погибших доводит свой «чёрный юмор до уничижительного эффекта» [16]: «Когда природа не наделяет молодого человека никакими другими явными способностями, она, по всей видимости, уготовила ему участь быть солдатом» [17]. О казни Джона Брауна Н. Готорн написал, что «ещё никого не вешали настолько обоснованно», поскольку «любой здравомыслящий человек, если смотреть на этот вопрос без сентиментальности, должен был почувствовать интеллектуальное удовлетворение, увидев его повешенным» [17]. А некоторые комментарии писателя кажутся откровенно кощунственными: «Пуля настолько быстро и просто – через крошечное отверстие – даёт возможность измученной душе воспользоваться случаем испустить дух» [17]. Подобная позиция Н. Готорна вызвала резкое неприятие его друзей, а также ближайшего окружения. Н. Готорн и сам осознавал, что его взгляды вызовут резкое неприятие просеверной читательской аудитории журнала «Атлантик мансли» [18, с. 149]. В начале 1863 г. он отправил в Англию письмо своему другу, Генри Брайту, в котором жаловался, что сторонники войны не считают его лояльным человеком, открыто обвиняя в предательстве [16].

У Германа Мелвилла война, обострившая противоречия американской демократии, лишь усугубила ощущение неистребимости «вселенского зла», присутствующего как природе, так и обществу. В итогах войны он увидел пародию на демократические идеалы и устремления «Нового света». В своих размышлениях о судьбе американской нации и «особой» роли Юга, которые нашли отражение в сборнике стихов «Батальные сцены и разные стороны войны» («Battle-Pieces and Aspects of the War», 1866) и в эпической поэме «Клэрел» (1876), Г. Мелвилл поставил под сомнение необходимость кровопролития на Потомаке (стихотворения: «Размышления», «Конфликт убеждений»). Читатели и критики неоднозначно восприняли эти произведения писателя. Показательным является тот факт, что на 13 февраля 1868 г. было продано лишь 486 из 1260 изданных копий его стихов о войне [19, с. 422]. В отличие от членов своей семьи, сам Г. Мелвилл не принимал участия в военных действиях, был на фронте только один раз во время своей краткой поездки в 1864 г., а информацию о происходящем черпал из журналистских сводок [20, с. 54]. У.Д. Хоуэллс, редактор журнала «Атлантик», в феврале 1867 г. опубликовал резко критическую рецензию на военные стихи Г. Мелвилла [21, с. 115–116]. Все его персонажи, пишет Хоуэллс, «кажутся настолько же отстранёнными от реальной жизни, как и он сам». А «негативные достоинства» этой работы проявляются настолько, «что она не только не напоминает вам поэзию, которую вы когда-либо читали, но и жизнь, которую вы все знаете» [22]. Не согласен с подобной точкой зрения американский профессор Стэнтон Гарнер. Он считает, что и интеллектуально, и психологически Г. Мелвилл настолько проникся глубиной национальной трагедии, что у читателей невольно возникал вопрос, откуда писатель, который не был очевидцем всех тех событий, черпал материал, который питал его вдохновение: «Это справедливый вопрос, – пишет автор, – и цель этой книги – ответить на него» [23, с. 2]. Отдельный раздел своей монографии С. Гарнер посвятил анализу сборника «Батальные сцены и

разные стороны войны». Одним из аргументов автора в пользу его гипотезы является то, что именно этот стихотворный сборник прервал многолетнее творческое молчание Г. Мелвилла. По мнению С. Гарнера, Г. Мелвилл пытался отойти от сиюминутной оценки событий, которые легли в его основу, чтобы дать более взвешенную, осознанную их характеристику [23 с. 388]. Подобную точку зрения разделяет и М. Джалал. Он считает, что поэзия Г. Мелвилла не получила должной оценки, вызвав некое замешательство в среде литературных критиков. Причину этого он видит в том, что в «Батальных сценах и разных сторонах войны» писатель проявил себя и как поэт, и как романист, использовал «широкий круг тем, характеров и тональностей, которые приводили в замешательство критиков и нарушали единство книги», но при этом создали «полифоническую, или драматическую поэзию» [24, р. 71]. Но даже после таких публикаций в литературной критике возобладало мнение о том, что именно отчуждённость Г. Мелвилла от предмета его изображения привела к тому, что после его смерти его поэзия была практически забыта [25].

Когда началась война, брат двадцатитрёхлетнего Генри Адамса, Чарльз Френсис младший, и многие из его друзей записались добровольцами в армию. Но Генри Адамс предпочёл работать личным секретарём своего отца, которого Линкольн направил на государственную службу в Англию. За ходом событий он наблюдал из Лондона. Некоторые отголоски войны можно найти в его романе «Демократия» (1880), но это лишь элегические картины прошлого, всплывающие в сознании сестры героини, Сибиллы [26].

Уильяму Дину Хоуэллсу исполнилось 24 года, когда началась война. По словам Уильяма Соммерса, «многие его близкие друзья сразу же пошли в армию добровольцами». Подобная мысль, по мнению У. Соммерса, могла возникнуть и у самого Хоуэллса, но, «очевидно, ему удалось успокоить свою совесть, убедив себя в том, что войну можно вести и на дипломатическом фронте» [27]. Вскоре после начала военных действий, в 1861 г., У.Д. Хоуэллс отбыл в Венецию консулом Соединённых Штатов. Ещё до отъезда за границу он писал в одном из своих писем о намерении создать роман, «действие которого происходит в ...столице в тот критический момент, когда началась запись первых волонтёров на войну...» [28 с. 20]. Но замысел этот так и остался не воплощённым. Вероятно, военная проза, поступавшая в редакцию журнала «Атлантик монсли», редактором которого вплоть до 1881 г. был У.Д. Хоуэллс, противоречила его творческому кредо и не могла вдохновить писателя на осуществление первоначальных намерений. И хотя в своё время он обвинял Г. Мелвилла «в отстранённости от реальной жизни», именно «У.Д. Хоуэллс, некогда известный, а потом практически забытый, ... всегда оставался отчуждённым. Он наблюдал и писал, практически не вмешиваясь в политику» [29, с. 6]. Именно поэтому его даже называли «реалистом, который избегает реальности» [30]. Биограф писателя считал, что У.Д. Хоуэллс чисто психологически не допускал мысли о воинской службе. Когда он уехал консулом в Венецию, «он, вероятно, поставил личные амбиции выше долга перед нацией», и «чувство вины, связанное с Гражданской войной, преследовало его до конца жизни» [13, с. 199].

У Сэмюэля Ленгхорна Клеменса, по свидетельству историков литературы, отношение к войне было очень сложным [31]. Он вырос в традиционном семействе «старого, доброго Юга», в котором представление о рабстве было как о чём-то «справедливом, праведном, священном». А посягательство на уклад столь привычной для него жизни воспринималось как «катастрофа и вызывало скептицизм в отношении новых, пусть и великих идей, которые отстаивали проповедники и политики» [32, с. 4]. Чтобы отстоять своё «правое дело», он сначала с оружием в руках стал на сторону Конфедерации. Но уже через две недели дезертировал и долгое время скрывался на Западе, чтобы избежать серьёзного наказания (либо повешение, либо конфискация имущества). Свой поступок он впоследствии объяснял тем, что совершенно не разбирался в политике, а война для него оказалась жестоким разочарованием. Работая в разных газетах, в начале 1863 г. он взял себе псевдоним Марк Твен. Затем, под влиянием своего брата-аболициониста, неоднократно выступал в поддержку федерального правительства, а впоследствии занял пацифистскую позицию [33]. Вскоре, после окончания боевых действий, Марк Твен написал два рассказа-пародии на во-

енную литературу тех лет: «Подлинная история великого говяжьего контракта» («*The Facts in the Case of the Great Beef Contract, 1867*») и «Сиамские близнецы» («*Personal Habits of the Siamese Twins, 1868*») [34]. Комическая завязка первого рассказа постепенно перерастает в острую социальную сатиру с элементами гротеска. Показывая злосключения нескольких поколений «счастливых» обладателей говяжьего контракта Джона Уилсона Макензи, Марк Твен подвергает резкой критике многочисленные бюрократические препоны, которые могут свести на нет любые благие начинания. Во втором рассказе, «Сиамские близнецы», эффект комической стилизации явно преобладает над элементами сатиры: *«Во время войны они принадлежали к разным партиям, но оба сражались с одинаковой храбростью: Энг – на стороне юнионистов, а Чанг – на стороне конфедератов. Недалеко от Севен-Окса один взял другого в плен. Но, поскольку доказательства этого пленения у каждого из них были совершенно одинаковые, пришлось созывать Генеральный военный совет, чтобы решить, кто именно из них взял в плен, а кто – взят. Совет долго не мог прийти к окончательному решению, но, в конце концов, согласились признать их обоих пленными, а затем – произвести взаимный обмен»* [35].

Особо следует остановиться на том отклике, который события тех лет нашли в произведениях Уолта Уитмена. «Певец простого народа», как его называют, хотел видеть обновлённую Америку, достойную трагических жертв Гражданской войны. Поэт был убеждён, что если американское общество не осознает уникальную и неповторимую индивидуальность каждой отдельной личности, не станет на путь подлинно демократического расцвета нации, то все жертвы войны окажутся напрасными, поскольку будут преданы такому же забвению, как идеалы гуманизма. Однако в послевоенной действительности Соединённых Штатов Америки вырисовывалась совсем иная модель будущего. Исследователи творчества У. Уитмена отмечают, что неудовлетворённость поэта перспективами развития страны проявилась в том, что он стал выступать «пророком прошлого» [36, с. 278]. В его послевоенных стихах возникает последняя и самая пронзительная тема – «боль и долг памяти», которая в художественном отношении выразилась в появлении нового поэтического образа – «лунного света» – символа утраченных надежд [36]. Военный опыт поэта нашёл отражение в ряде новых стихотворений, которые, подобно лунному свету, были рассеяны по «Листьям травы» («*Leaves of Grass*») [37], сделав тему войны всепоглощающей. Она проникла во все стихотворения книги, окрасив их мотивом искупления вины перед многочисленными жертвами за неосуществлённые идеалы [36, с. 121].

По мнению У. Уитмена, проникнуться всей глубиной народной трагедии можно было лишь на поле брани или в лазаретах. Но именно эта сторона войны была неприемлема для «утончённой» литературы 1860–70-х гг. XIX ст. А целая плеяда выдающихся американских писателей военного поколения оказалась безучастной к катаклизмам тех лет.

В ноябре 1914 г., вскоре после начала первой мировой войны, корреспондент газеты «Нью Йорк Таймс» попросил У.Д. Хоуэллса оценить, как отразится начавшаяся война на литературе. Хоуэллс ответил «очень просто, без лишних эмоций, как будто речь шла о какой-то знакомой аксиоме: “Когда говорят пушки, музы молчат” (“*War Stops Literature*”)» [38, с. 1–2]. Он добавил, что не верит, что великие события порождают великую литературу. По его мнению, это касалось и американской литературы о Гражданской войне, поскольку любая война – это переворот от цивилизации к варварству. За Гражданской войной в США последовала экспансия – интеллектуальная, социальная, экономическая. Война не даёт поэту, романисту, драматургу сам литературный материал, она не наделяет человека творческими возможностями. «Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю огромное количество книг, которые она породила, – вспоминает Хоуэллс, – я осознаю, что думаю о том, что уже забыто. Все эти многочисленные стихи и рассказы, созданные в таком количестве и казавшиеся такими важными в 60-х... Мы читали их тогда, когда они были написаны, но сейчас, очевидно, их никто не читает. Они были литературой, но то, о чём они были написаны, перестало представлять художественный интерес» [38, с. 3–4]. Именно это, на наш взгляд, имел в виду Рейнхард Айзенс, когда писал о том, что особенностью художественного отображения историче-

ских событий является то, что они воспринимаются в парадигмах времени [39]. Меняющееся со временем сознание людей склонно идеализировать или даже «мифологизировать» историческое прошлое, либо, в силу тех или иных причин, предавать его забвению. В американской литературе события Гражданской войны превратились в миф, который, как нечто непреходящее, не подлежит оспариванию, но, применительно к художественному творчеству, имеет право на сугубо личностное его восприятие. Так и создаются легенды.

Список использованной литературы

1. Литературная история Соединенных Штатов Америки: в 3-х томах / под ред. Р.Л. Спиллера, У. Торпа, Г.М. Джонсона, Г.С. Кэнби. Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977–1979. – Т. 2. – 526 с.
2. Яценко В.И. Литература Юга США. 1865–1900 гг. / В.И. Яценко. – Иваново: ИвГУ, 1984. – 79 с.
3. Pattee F.L. A History of American Literature since 1870 / F.L. Pattee. – New York: Cooper Square Publishers, 1968. – 447 p.
4. Fiedler L. Love and Death in the American Novel / L. Fiedler. – New York: Criterion Books, 1960. – 603 p.
5. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. Американская литература со времени её возникновения до 1920 года: в 3-х томах / В.Л. Паррингтон / пер. с англ., ред. и коммент. В. Маликова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962–1963. – Т. III. – 600 с.
6. Романтические традиции американской литературы 19 века и современность / отв. ред. Я.Н. Засурский. – М.: Наука, 1982. – 351 с.
7. Van Doren C. The American Novel / C. Van Doren. – New York: The Macmillan Company, 1945. – 406 p.
8. Smith H.N. Democracy and the Novel. Popular Resistance to Classic American Writers / H.N. Smith. – New York: Oxford University Press, 1978. – 204 p.
9. Lively R.A. Fiction Fights the Civil War. An Unfinished Chapter in the Literary History of the American History / R.A. Lively. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011. – 240 p.
10. Endres K.L. The Women's Press in the Civil War: A Portrait of Patriotism, Propaganda, and Prodding / K.L. Endres // Civil War History. – 1984. – March. – Vol. 29. – No. 1. – P. 31–53.
11. Aaron D. The Unwritten War. American Writers and the Civil War / D. Aaron. – New York: Alfred A. Knopf, 2003. – 385 p.
12. The Atlantic Monthly. – 1867. – July. – Vol. XX. – No. CXVII. – P. 120–122.
13. Crowley J.W. Howells's Obscure Hurt / John W. Crowley // Journal of American Studies. – Vol. 9. – No. 2. – August, 1975. – P. 199–211.
14. Cox J.M. Walt Whitman, Mark Twain and the Civil War / J.M. Cox // The Sewanee Review. – Vol. 69. – No. 2. – April – June. – 1961. – P. 185–204.
15. Stewart R. Hawthorne and the Civil War / R. Stewart // Studies in Philology. – 1937. – January. – Vol. XXXIV. – No. 1. – P. 91–106.
16. Wachtell C. Nathaniel Hawthorne's Funny Civil War / C. Wachtell // The New York Times. – 2013. – May 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2013/05/17/nathaniel-hawthornes-funny-civil-war/> (последнее обращение 10.03.2020).
17. Hawthorne N. Chiefly About War Matters by a Peaceable Man / N. Hawthorne [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eldritchpress.org/nh/cawm.html> (последнее обращение 10.03.2020).
18. Moore T.R. Hawthorn as Essayist: Our Old Home and "Chiefly About War Matters" / Thomas R. Moore // Critical Insights: Nathaniel Hawthorne. – Ed. J.T. Lynch. – N.J.: Salem Press, Inc., 2009. – P. 133–157.
19. Scholnick R.J. Politics and Poetics: The Reception of Melville's 'Battle-Pieces and Aspects of the War' / Robert J. Scholnick // American Literature. – Vol. 49. – No. 3. – Nov. 1977. – P. 422–430.

20. Hsu H. War, Ekphrasis, and Elliptical Form in Melville's "Battle-Pieces" / H. Hsu // *Nineteenth-Century Studies*. – Penn State University Press, 2002. – P. 51–71.
21. Dikant T. "Shedding a Little Ink": Melville's Victorian War Poetry / Th. Dikant // "Leviathan" – *A Journal of Melville Studies*. – Vol. 21. – No. 3. – Oct. 2019. – P. 115–132.
22. Howells W.D. Reviews and Literary Notices. A Review by William Dean Howells of Herman Melville's "Battle-Pieces and Aspects" and Aspects of War" / W.D. Howells // *The Atlantic*. – 1867. – February Issue [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://theatlantic.com/magazine/archive/1867/02/reviews-and-literary-notice/308618/> (последнее обращение 10.03.2020).
23. Garner S. *The Civil War World of Herman Melville* / S. Garner. – Kansas: University Press of Kansas, 1993. – 560 p.
24. Jamal M. "Battle-Pieces and Aspects of the War" – The Novelist as Poet: A Study in the Dramatic Poetry of Herman Melville / M. Jamal // *American Studies International*. – Vol. 39. – No. 2. – Jun. 2001. – P. 71–85.
25. Barkhorn E. Herman Melville's Mediocre Civil War Poetry / E. Barkhorn // *The Atlantic*. – August 1. – 2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://theatlantic.com/entertainment/archive/2011/08/herman-melvilles-mediocre-civil-war-poetry/242887/> (последнее обращение 10.03.2020).
26. McHugh C. Henry Adams. American Historian / Ch. McHugh // *Encyclopedia Britannica*. – (Updated – March, 2020) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://britannica.com/biography/Henry-Adams-American-historian> (последнее обращение 10.03.2020).
27. Sommers W. William Dean Howells as the Civil War Consul in Venice / W. Sommers // *American Diplomacy*. – June 2014 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://american-diplomacy.web.unc.edu/2014/06/william-dean-howells-as-the-civil-war-consul-in-venice/> (последнее обращение 10.03.2020).
28. Smith R.W. *The Civil War and its Aftermath in American Fiction, 1861–1899* / R.W. Smith. – Chicago: University of Chicago Press, 1934. – 57 p.
29. White R. *The Republic for Which It Stands. The United States during Reconstruction and the Gilded Age, 1865–1896* / R. White. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 968 p.
30. Parks E.W. A Realist Avoids Reality: W.D. Howells and the Civil War // *E.W. Parks // South Atlantic Quarterly*. – 52 (1953). – P. 93–97.
31. Eckman M.V. Mark Twain and the American Civil War / M.V. Eckman // *Mark Twain Journal*. – Spring / Fall 2013. – Vol. 51. – No. 1/2. – P. 86–97.
32. Fulton J.B. *The Reconstruction of Mark Twain: How a Confederate Bushwhacker Became the Lincoln of our Literature (Conflicting Worlds: New Dimensions of the American Civil War)* / J.B. Fulton. – New York: LSU Press, 2011. – 256 p.
33. Brooks R.B. Mark Twain's Civil War Experience / R.B. Brooks // *Civil War Saga*. – October 5, 2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://civilwarsaga.com/mark-twains-civil-war-experience/> (последнее обращение 10.03.2020).
34. Twain M. *The Complete Short Stories of Mark Twain* / Mark Twain. – Ed. by Charles Neider. – New York: Bantam Classics, 1984. – 848 p.
35. Twain M. Personal Habits of the Siamese Twins / M. Twain [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://twain.lib.virginia.edu/Wilson/Siamese.html> (последнее обращение 10.03.2020).
36. Thomas M.W. *The Lunar Light of Whitman's Poetry* / M.W. Thomas. – Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1987. – 313 p.
37. Whitman W. *Leaves of Grass* / W. Whitman. – Simon Schuster. – August 1st, 2006. – 624 p.
38. Howells W.D. War Stops Literature / W.D. Howells // *Literature in the Making by some of its Makers* (Ed. by Joyce Kilmer). – New York: Andesite Press, 2015. – P. 1–5.
39. Isensee R. Fiction as Reconstruction of History: Narratives of the Civil War in American Literature / R. Isensee // *American Studies Journal*. – Sept. 2009. – Vol. 5. – No. 53 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://asjournal.org/53-2009/narratives-of-the-civil-war-in-american-literature/> (последнее обращение 10.03.2020).

INTER ARMA SILENT MUSAE: ON SITUATION IN AMERICAN LITERATURE IN 1860-1870s

Liudmyla V. Pasko, Research and Educational Center for Foreign Languages of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv).

E-mail: l-v-p-2011@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-2

Key words: *romantic consciousness, regional literature, local color, realistic esthetics, ideology, political fashion, Boston School.*

The article analyzes factors that determined the state of American literature in the 60–70s of the 19th century and their influence on the state of book market of that period. In literary criticism there is a rather objective view of 1860–1880s in American literature development as a period of a certain crisis of romantic consciousness and a turn to realism which took place under the influence of the works by the best representatives of the European realistic school. But, as any other generalization, this thesis gives a very one-sided idea of the general literary situation that occurred in the USA after the Civil War. But everything new appears in literature not at once, but as the result of interpenetration and long-lasting evolution of artistic elements and principles of realistic and romantic poetics the traditions of which in American literature had been very enduring (deep-rooted). As the result of it, there appeared a special type of narration – neither romantic, nor realistic – but transitional for both of these methods, with it being the product of not only interaction of romantic and realistic aesthetics, but, to a great extent, the result of the ideology of that period or a tribute to the political mode. Reigning in the country was an absolute chaos of ideas and feelings. The American literature of the 60–70s of the 19th century was characterized by an intricate interrelation of such heterogeneous phenomena as sentimentalism of prewar prose, genteel tradition, the reborn legend of a Cavalier and the knights' gallantry (the works by J.E. Cooke), the elements of gothic, and the abolitionists movement, born in the depths of the Boston School, and though weakened, but still a socially significant force (L.M. Alcott and Y. Clemens), and the beginnings of realism (works by H. Morford and J. W. De Forest). Within a short cut of time, there occurred an unprecedented mixture of notions and phenomena of various kinds: ideological, aesthetic, philosophical, and political ones. And this chaotic stratification of not literary trends, but prevailing literary styles, aesthetic and ideological bias influenced equally the novels of the North and the South. Thus, the American literature of the 60 – 70s of the 19th century was the result of compromises: between intellectual literature (with the ideological center in the "Atlantic Monthly" journal) and popular one, longing towards the traditional genre of 'romance' (focused in such journals as "New York Ledger", "North American Review", and since 1871 – "Southern Magazine"). But besides, during the years of the war and the Reconstruction that followed, there occurred a special book-market greatly influenced by a substantial feminization of the life of the country, especially in southern states, which brought to literature a great number of non-professional female writers. Publishing houses were flooded with novels hastily written on the topic of the day. According to Richard Lively, about half of all the literary works published at that time were created by female writers, mainly from the South. The article analyzes the consequences of this phenomenon and how it was perceived by the greatest writers of that time – N. Hawthorne, H. Melville, H. Adams, W.D. Howells, H. James, Mark Twain, and W. Whitman.

References

1. Spiller, R.L., Thorp, W., Johnson, T.H., Canby, H.S., Jones, H.M., Wecter, D. (eds.) *Literaturnaya ictorija Sojedinennyh Shtatov Ameriki: V 3-h tomah* [Literary History of the United States of America: In 3 volumes]. Moscow, Progress Publ., 1977-1979, vol. 2, 526 p.
2. Jatsenko, V.I. *Literatura Juga SSHA. 1865–1900 gg.* [The Literature of the American South. 1865-1900]. Ivanovo, IvGU Publ., 1984, 79 p.
3. Pattee, F.L. *A History of American Literature since 1870.* New York, Cooper Square Publishers, 1968, 447 p.
4. Fiedler, L. *Love and Death in the American Novel.* New York, Criterion Books, 1960, 603 p.
5. Parrington, V.L. *Osnovnye techeniya amerikanskoy mysli. Amerikanskaya literatura so vremen eye vozniknoveniya do 1920 goda: v 3 tomakh* [Main Currents in American Thought: An Interpretation of American Literature from the Beginning to 1920: in 3 volumes]. Moscow, Foreign Literature Publ., 1962-1963, vol. 3, 600 p.
6. Zasurskiy, Y.N. (Ed.) *Romanticheskie traditsii amerikanskoy literatury 19 veka i sovremennost'* [Romantic Traditions of the 19th Century American Literature and the Contemporary Life]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 351 p.
7. Van Doren, C. *The American Novel.* New York, The Macmillan Company, 1945, 406 p.

8. Smith, H.N. *Democracy and the Novel. Popular Resistance to Classic American Writers*. New York, Oxford University Press, 1978, 204 p.
9. Lively, R.A. *Fiction Fights the Civil War. An Unfinished Chapter in the Literary History of the American History*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 2011, 240 p.
10. Endres, K.L. *The Women's Press in the Civil Press: A Portrait of Patriotism, Propaganda, and Prodding. Civil War History*. March, 1984, vol. 29, no. 1, pp. 31-53.
11. Aaron, D. *The Unwritten War. American Writers and the Civil War*. New York, Alfred A. Knopf, 2003, 385 p.
12. *The Atlantic Monthly*. 1867, July, vol. XX, no. CXVII, pp. 120-122.
13. Crowley, J.W. *Howell's Obscure Hurt*. In: *Journal of American Studies*, vol. 9, no. 2, August, 1975, pp. 199-211.
14. Cox, J.M. *Walt Whitman, Mark Twain and the Civil War. The Sewanee Review*, 1961, vol. 69, no. 2, April – June, pp. 185-204.
15. Stewart, R. *Hawthorne and the Civil War. Studies in Philology*, 1937, January, vol. XXXIV, no 1, pp. 91-106.
16. Wachtell, C. *Nathaniel Hawthorne's Funny Civil War. The New York Times*, 2013, May 17. Available at: <https://opinionator.blogs.nytimes.com/2013/05/17/nathaniel-hawthornes-funny-civil-war/> (Accessed 10.03.2020).
17. Hawthorne, N. *Chiefly About War Matters by a Peaceable Man*. Available at: <http://www.eldritch-press.org/nh/cawm.html> (Accessed 10.03.2020).
18. Moore, T.R. *Hawthorn as Essayist: Our Old Home and "Chiefly About War Matters"*. *Critical Insights: Nathaniel Hawthorne*. Ed. by J.T. Lynch. N.J., Salem Press, Inc., 2009, pp. 133-157.
19. Scholnick, R.J. *Politics and Poetics: The Reception of Melville's "Battle-Pieces and Aspects of the War"*. *American Literature*, 1977, vol. 49, no. 3, November, pp. 422-430.
20. Hsu, H. *War, Ekphrasis, and Elliptical Form in Melville's "Battle-Pieces"*. *Nineteenth Century Studies*. Penn State University Press, 2002, pp. 51-71.
21. Dikant, T. *"Shedding a Little Ink": Melville's Victorian War Poetry. "Leviathan" – A Journal of Melville Studies*, 2019, vol. 21, no. 3, pp. 115-132.
22. Howells, W.D. *Reviews and Literary Notices. A Review by William Dean Howells of Herman Melville's "Battle-Pieces and Aspects" and Aspects of War. The Atlantic*, 1867, February Issue. Available at: <https://theatlantic.com/magazine/archive/1867/02/reviews-and-literary-notice/308618/> (Accessed 10.03.2020).
23. Garner, S. *The Civil War World of Herman Melville*. University Press of Kansas, 1993, 560 p.
24. Jamal, M. *"Battle-Pieces and Aspects of the War" – The Novelist as Poet: A Study in the Dramatic Poetry of Herman Melville. American Studies International*, 2001, vol. 39, no. 2, pp. 71-85.
25. Barkhorn, E. *Herman Melville's Mediocre Civil War Poetry. The Atlantic*, 2011, August 1. Available at: <https://theatlantic.com/entertainment/archive/2011/08/herman-melvilles-mediocre-civil-war-poetry/242887/> (Accessed: 10.03.2020).
26. McHugh, C. *Henry Adams. American Historian. Encyclopedia Britannica*, (updated March, 2020). Available at: <https://britannica.com/biography/Henry-Adams-American-historian> (Accessed last 10.03.2020).
27. Sommers, W. *William Dean Howells as the Civil War Consul in Venice. American Diplomacy*, June 2014. Available at: <https://americandiplomacy.web.unc.edu/2014/06/william-dean-howells-as-the-civil-war-consul-in-venice/> (Accessed 10.03.2020).
28. Smith, R.W. *The Civil War and its Aftermath in American Fiction, 1861-1899*. Chicago, University of Chicago Press, 1934, 57 p.
29. White, R. *The Republic for Which It Stands. The United States during Reconstruction and the Gilded Age, 1865-1896*. Oxford University Press, 2017, 968 p.
30. Parks, E.W. *A Realist Avoids Reality: W.D. Howells and the Civil War. South Atlantic Quarterly*, 1953, no. 52, pp. 93-97.
31. Eckman, M.V. *Mark Twain and the American Civil War. Mark Twain Journal*, 2013, spring / fall, vol. 51, no. 1/2, pp. 86-97.
32. Fulton, J.B. *The Reconstruction of Mark Twain: How a Confederate Bushwhacker Became the Lincoln of our Literature (Conflicting Worlds: New Dimensions of the American Civil War)*. New York, LSU Press, 2011, 256 p.
33. Brooks, R.B. *Mark Twain's Civil War Experience. Civil War Saga*, 2011, October 5. Available at: <https://civilwarsaga.com/mark-twains-civil-war-experience/> (Accessed 10.03.2020).
34. Twain, Mark. *The Complete Short Stories of Mark Twain*. Ed. by Charles Neider. New York, Bantam Classics, 1984, 848 p.
35. Twain, Mark. *Personal Habits of the Siamese Twins*. Available at: <https://twain.lib.virginia.edu/Wilson/Siamese.html> (Accessed 10.03.2020).

36. Thomas, M.W. *The Lunar Light of Whitman's Poetry*. Cambridge (Mass.); London, Harvard University Press, 1987, 313 p.

37. Whitman, W. *Leaves of Grass*. *Simon Schuster*, 2006, 624 p.

38. Howells, W.D. War Stops Literature. In: *Literature in the Making by Some of Its Makers* (Ed. by Joyce Kilmer), New York, Andesite Press, 2015, pp. 1-5.

39. Isensee, R. Fiction as Reconstruction of History: Narratives of the Civil War in American Literature. *American Studies Journal*, 2009, 2009, vol. 5, no. 53. Available at: <https://asjournal.org/53-2009/narratives-of-the-civil-war-in-american-literature/> (Accessed 10.03.2020).

Одержано 19.12.2019.

УДК 82.09

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-3

Н.М. РАКОВСКАЯ,

кандидат филологических наук, доцент,

заведующая кафедрой мировой литературы

Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ КРИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статті йдеться про те, що сучасна гуманітарна наука спрямована на синтез її складових: філософії, історії, культури тощо. У цьому аспекті виникає зацікавленість дослідженням тексту, який, з точки зору М. Бахтіна, є розташованим у центрі гуманітаристики. Художній текст є дослідженим достатньою мірою як з точки зору лінгвістики, лінгвопоетики, так і в аспекті літературознавства. Разом із тим осмислення критичного тексту до сьогоденного моменту є невідрефлексованою проблемою. Критичний текст багато в чому визначається часом і простором, в якому він створюється. Внаслідок цього позначається безпосередній зв'язок з культурно-історичними епохами. Інтерпретація меж критичного тексту осмислюється не лише жанровими дефініціями, композиційними конструкціями, але, перш за все, світобаченням, створенням різноманітних моделей свідомості і мислення, орієнтованих на гетерогенність філософсько-естетичних ідей.

Визначається, що поняття межі тексту є вельми умовним. Межі характеризуються прозорістю, розпливчатістю, можуть мати нечіткі орієнтири. У статті доводиться, що межі перш за все проявляються в структурованому просторі тексту. Вони пов'язані з поняттями «край» («межа») і «подія», і орієнтовані, на відміну від «країв» та «подій», на особистісне, суб'єктивне сприйняття критиком межі тієї чи іншої епохи та переходу в іншу просторову сферу. Критик переживає події як розрив у часі та просторі, руйнацію цілісності, історії та свого особистого «я». Внаслідок зазначених чинників виникають відчуття «подій на межі». У такому випадку межі корелюють з екзистенцією бачення світу, про що свідчать опозиції «час – вічність», «закритість – відкритість», «знання – віра». Межі критичного тексту наповнюються ментальними значеннями. Критичний текст виявляється пов'язаним із культурним трансфером, тобто зверненістю до різних культур і цивілізацій, просторових історій. Виникає ре-інтеграція культурного знання. Парадоксальність, метафоризація чітко простежуються в структурі тексту: критик – текст – читач.

Методи дослідження: рецептивний, структурно-семіотичний, феноменологічний.

Ключові слова: критика, межі, модель, парадокс, подія, границя.

Современная гуманитарная наука стремится к синтезу её составляющих: философии, истории, культуры и т.д. В этом плане возникает интерес к исследованию текста, который, с точки зрения М. Бахтина, находится в центре гуманитаристики. Художественный текст в разных аспектах исследован современными учёными, как лингвистами, так и литературоведами. Вместе с тем осмысление критического текста до сегодняшнего времени остаётся неотрефлексированным. В статье актуализируется проблема интерпретации критического текста с точки зрения определения его внешних и внутренних границ. Значимость критического текста и его границ во многом определяется временем и пространством, в котором он создаётся. Вследствие этого обозначается непосредственная связь с культурно-историческими эпохами. Интерпретация границ критического текста ориентирована не только на жанровые дефиниции, композиционные конструкции, но прежде всего отражает мировидение критика, создание различных моделей сознания и мышления.

В статье указывается, что понятие «границы» весьма условно. Границы характеризуются прозрачностью, зыбкостью, могут иметь нечёткие ориентиры. В статье доказывается, что границы прежде всего проявляются в структурированном пространстве текста. Они связаны с понятиями «предел» и «событие», но ориентированы, в отличие от «пределов» и «событий», на личностное, субъективное восприятие критиком рубежа той или иной эпохи и перехода в иную пространственную сфе-

ру. Критик переживает события как разрыв во времени и пространстве, разрушение целостности истории и своего личного «я». Вследствие указанных факторов возникают «события на пределе». В таком случае границы коррелируют с экзистенцией или интерсубъективностью. Об этом свидетельствуют оппозиции «время – вечность», «замкнутость – открытость», «знание – вера». Возможны ситуативные границы, подчёркивающие процесс переосмысления ценностей. В таком случае смысловые поля наполняются ментальными значениями. Критический текст оказывается связанным с культурным трансфером, то есть обращённостью к разным культурам и цивилизациям, пространственным историям. Возникает ре-интеграция культурного знания. Рассматривается парадоксальность, метафоризация в структуре текста, определяя его сущностные границы.

Ключевые слова: критика, границы, модель, парадокс, событие, предел.

Современная гуманитарная наука находится в постоянном поиске. Об этом, в частности, свидетельствуют литературоведческие практики, использующие теоретические знания философской, психоаналитической, социокультурной мысли. Не случайно художественный текст, его осмысление в разных аспектах, по определению М. Бахтина [3, с. 365], является исходной точкой всякой гуманитарной дисциплины. Концепции М. Бахтина, Ю. Лотмана, Ж. Женетта, С. Зенкина, Р. Барта, А. Греймаса, Ж. Батая, В. Тюпы, Ю. Кристевой, М. Мамардашвили, А. Пятигорского и др. актуализировали интерпретацию текста с точки зрения его границ и внетекстовых связей.

Вошли в научный оборот такие понятия как интертекст, гипертекст, свертхтекст и т.д., имеющие свои разнообразные границы. Однако их трактовка в целом ряде работ неоднозначна и часто противоречива. Что касается критического текста и его границ, то данная проблема отрефлексирована явно недостаточно.

Как нам представляется, понятие «граница текста» является весьма условной, ибо границы характеризуются прозрачностью, зыбкостью, в связи с чем не могут иметь четкого определения. Ряд литературоведов полагают, что понятия границы, отграничения, разграничения, контура, рамки, предела находятся в одном ряду. Думается, что границы прежде всего проявляются в структурированном пространстве текста, который, по определению Р. Барта, является «галактикой означающих», в связи с чем Р. Барт называет теорию текста гифологией, что означает «ткань» или «паутина» [2]. На наш взгляд, разница между границами и пределами очевидна. Пределы связаны с проблемой переходности, сменой культурно-исторических эпох, эстетических парадигм, временных циклов и, в онтологическом аспекте, являются пределами человеческого бытия.

Более того, предел подводит нас к пониманию «События» в историко-философском контексте. Здесь важны масштабы исторического времени, определяющие смену культурных парадигм, то есть превалирует объективный подход и аналитика. Граница не столь четко связана с объективным фактором. Выделяя ее, мы прежде всего ориентируемся на личностное, субъективное восприятие конца времен и перехода в иную пространственную сферу. В определенной степени граница в критическом тексте означает отношение к памяти, традициям, связанное с движением литературного процесса, изменчивости типов литературы и культуры, появлением разнообразных форм мышления и сознания, в том числе рефлексивного сознания, и его воплощения в индивидуальных авторских концепциях. Отметим, что в критической рефлексии наблюдается иной ракурс видения «события». Критик переживает «событие» часто как разрыв во времени и пространстве, разрушение целостности как историко-философского явления и своего личностного «я». Вследствие указанных факторов наблюдается духовный и душевный кризис, ощущение критика в ситуации абсурда, попытка выйти из него либо игровыми включениями в текст, либо парадоксальностью суждений. На наш взгляд, возникает одновременно ощущение «события на пределе», обозначенное экзистенциальными границами. В этом же плане предлагаются модели выживания, преодоление чувства обреченности, смертности, выхода в параллельные миры. Появляются границы смыслового пространства, которые носят диалогический характер. Они часто основываются на оппозициях: время – вечность, замкнутость – открытость. Еще Н.И. Надеждин указывал на необходимость вычленения границ в различных культурных эпохах. Так он полагал, что античное искусство характеризуется «размыканием времен», средневековое – «прерыванием времён» [14]. Если продолжить эту линию, то на

наш взгляд, в постмодерной литературе происходит «разрыв времен», в авангарде «выпадение из целостного времени». Безусловно указанную точку зрения не следует воспринимать как абсолютную, но тем не менее, она позволяет более четко выстроить связи между границами критического текста, культурно-историческими эпохами, макро- и микроконтекстами. Ю. Лотман связывает данную проблему с завершенностью или незавершенностью текста как целого, или фрагмента текста как части целого. Уточнение литературоведом неизбежно актуализирует проблему не только терминологического понятия «граница», но, прежде всего, обозначает системный подход к интерпретации текста как целого. В связи с этим для нас важно, что Ю. Лотман делает акцент на понимании текста как единицы коммуникативного и рецептивного ряда [13]. Это имеет особое значение, когда речь идет об интерпретации критического текста, в котором определяются границы и взаимосвязи между концепцией писателя, его авторской моделью, интерпретацией критика и рецепцией читателя. Границы критического текста и художественного текста различны. В критическом тексте границы проявляются в модели мира, представленной в диалогическом контексте: автор, критик, читатель. Границы подвижны, не завершены, диалого-проблемны. Полемика, как правило, является центростремительным началом в критическом тексте на протяжении всех этапов развития литературно-критического процесса.

Однако каждый период имеет существенные отличия; так в XVIII – нач. XIX вв. центр условной границы «полемики» находится в диалогах, связанных с появлением новых литературных направлений; либо трактовках понятий «риторичность» – «художественность». В конце XIX – нач. XX вв. критика характеризуется активной включенностью в религиозно-философское знание. Спорным является суждение С. Зенкина, полагающего, что в XX в. происходит разрыв между литературой, критикой и философией. На наш взгляд, практически каждый значимый критик создавал свою модель мироздания, свою «религию» и с этой точки зрения трактовал творческий процесс в целом, и индивидуальность писателя в частности [10, с. 512]. Менялись мышление и сознание, следовательно, слово, стиль, жанр (Е.М. Черноиваненко). Возникали в тексте новые границы, которые были близки к оппозициям: дилемма знания и веры; божественное и профанное, духовное и телесное. Их интерпретация вела к дополнительным смысловым значениям парадокса, парадоксальности, антипарадоксальности, метафоры, метафоризации, текстуальности, и интертекстуальности. Таким образом, границы критического текста оказывались связанными с декодированием фикциональных смыслов, значимости поступка в философском смысле слова (жизнь и идеи; идеи и поступки), образа и вещи как семиотических объектов [11]. Из этих границ складываются так называемые мыслительные схемы, «внутренние формы мысли», свидетельствующие об особенностях мышления (гносеология и онтология как уровни мышления). Интерпретация образа, вещи определяли суть феноменологического смысла, в связи с опытом телесного самосознания. Возникает необходимость в определении границ критического текста как философско-эстетических (М. Бахтин, Ю. Лотман), семиотических (Ж. Женетт, Р. Барт), ментальных (В. Тюпа, С. Бочаров, П. Зюмтор). Эти границы с точки зрения С. Зенкина можно определить, как «границы компетенции».

В этом аспекте можно размышлять и о парадоксальности как условной границы, неотъемлемо связанной с антиномичностью и центробежностью (А. Боронин [5]). Думается, что сигналы-сообщения и знаки-символы, существующие в тексте, являются своеобразными ключами к определению «мерцающих» границ.

Об этом свидетельствуют подходы к интерпретации критического текста Анджея Валицкого, Бруно Шульца (Польша), Анны Степановой, Надежды Сподарец (Украина), Шона Берка (Шотландия), англоамериканских литературоведов (Питера Барри, Томаса Иглтона, Е. Добренко и др. В указанных работах критический текст рассматривается в широком культурном контексте. С точки зрения семиозиса исследуют проблему границ текста лингвисты (А. Боронин, Н. Кондратенко, А. Вежбицкая, Т. Рымарь).

Что же касается критической рефлексии, в рамках которой формируется текст, то ей свойственны оппозиции знания и веры, разума и чувства, времени и вечности, и возникающие вследствие этого границы текста. Очевидно, что критическая рефлексия конца XIX – начала XX вв. сформировалась под влиянием западноевропейских философских и эстетических систем. Значительную роль сыграли концепции русских философов Вл. Соловьёв-

ва, П. Флоренского, С. Булгакова. В статьях критиков религиозно-философского сознания отразилось ощущение приближающейся катастрофы, апокалипсиса, обусловленное трагической историей рубежа эпох, в связи с чем возникает «отвержение» рационализма, тяготение к интуитивному и бессознательному. Смысловое поле наполняется метафизическими и трансцендентальными значениями, которые реализуются в знаковой системе и блоках информации. Можно согласиться с точкой зрения А. Жеребина о том, что пространство этого периода характеризуется «повышенной семиотической активностью» [9, с. 305].

Этот фактор заставляет задуматься о четком употреблении категорий, в частности, таких, как: критическая рефлексия, критический текст, границы текста и связанные с ними понятия «взаимовлияние» и «взаимоотражение». При всей очевидной близости они всё же принципиально различны. Об этом писал Т. Элиот, размышляя о функциональной традиции в статье «Назначение поэзии и назначение критики». Р.Т. Громьяк в статье «О предмете литературной критики» предсказывал, что новации в теоретических исканиях могут стать препятствием для точного показателя различных стратегий чтения критического текста, принципиально отличающегося от художественного. Об этом же неоднократно писали С. Бочаров, В. Тюпа и др. На наш взгляд, критический текст следует рассматривать, как метатекст, имеющий свою научную парадигму, как имплицитированный текст, определяющий «условности», характер внутритекстовых связей и отношений, внутренние и внешние границы, внутренние комментарии. Внутренние и внешние границы (в том числе пограничные ситуации) чаще всего связаны с интересом к классической традиции, стремлением её переосмыслить, трансформировать и актуализировать. Возникают, с точки зрения А. Бема, так называемые «литературные припоминания», которые неотъемлемо связаны с «чувством» истории. «Чувство» истории основывается на восприятии прошлого (обратная перспектива по П. Флоренскому) [16] не только как прошедшего, но и как настоящего. Более того, очевидно, что понимание традиции в аспекте её трансформации предполагает особый творческий ракурс, о чём, в частности, свидетельствует бахтинская концепция «памяти жанра», широко вошедшая в литературоведческий оборот. А.П. Чудаков отмечал, что бахтинское открытие носит явный след генетической теории начала века. В одной из записей в черновых тетрадах о Ф.М. Достоевском М. Бахтин писал о «культурно-исторической телепатии», имея в виду передачу и воспроизведение «через пространства и времена» сложных философских, ментальных и художественных комплексов. Более того, критическая рефлексия воспринимает литературу как «резонантное пространство», своеобразное эхо в её внутреннем мире, порождающее дальнейшие отклики. В. Топоров отмечает: «Существованья ткань (имеется в виду литературная ткань) сквозная по своей самой идее резонантна и порождает сближение или повторение, соотносимые с бытием текста, усиливает их смыслы, преодолевая энтропическую тенденцию» [15].

Понятия «восприятия и взаимовлияния», как известно, были предметом дискуссий представителей формальной школы. Иные акценты они приобрели в рецептивной эстетике и поэтике. В работе «История литературы, её проблемы и задачи» Ф. Водичка указывал, что целью исследования могут быть лишь те критические тексты, которые «показывают, как происходит встреча текста художественного произведения и культурно-исторической эпохи». В таком случае реципиентом становится не только читатель, но и сам литературный критик, получающий статус «попечителя литературной нормы» [6, с. 12]. Харольд Блум также связывает понятие рецепции с процессами взаимовлияния и взаимоотражения. В работе «Страх влияния» он утверждает, что влияние менее всего выражается в имитации образов. Процесс взаимосвязей границ и взаимовлияний, с его точки зрения, происходит в культурном контексте, в связи с чем концепция читателя рассматривается как «активная трансформирующая сила» [4]. Эта точка зрения разделяется Х.Р. Яуссом, заметившим, что существенное влияние авторских текстов на реципиента не препятствует наличию многообразных трактовок в критике [18, с. 42]. **Смысл прочитанного постигается только в процессе сложного взаимодействия между критиком, читателем и текстом.** Безусловно, каждому субъекту, каждому временному и пространственному ракурсу присуще своё видение текста, своя интерпретация авторского смысла, зависящая от конвенций той или

иной эпохи, от эстетического опыта читателя. Главное, на что указывают Х.Р. Яусс и Х. Блум, и чем существенно отличается их идея, заключается в следующем: в рецепции нужно уделять внимание не только личности исследуемого писателя, но и личности реципиента, его «горизонту ожидания». В таком случае границы можно усмотреть в акте общения читателя с художественным текстом, учитывая резонантное пространство литературы. Вместе с тем отметим, что Х.Р. Яусс полагал: взаимовлияние характерно больше для литературного процесса, взаимоотражение – для литературно-критического [18, с. 64].

В этом аспекте, как нам представляется, важны влияния и отражения философской критики 20–30-х гг. XIX в. в работах Л. Шестова, органической – в статьях В. Розанова, эстетической – в размышлениях И. Анненского и т. д. Таким образом, взаимоотражение следует понимать как взаимное восприятие, понимание и освоение художественного текста в пространстве культур, вступивших в диалог. Именно эти явления становятся мерцающими границами текста.

Заметим, что культурный диалог характеризуется в критическом тексте абсолютно индивидуальным восприятием различных систем. Например, для Л. Шестова важен С. Кьеркегор, для В. Розанова – А. Шопенгауэр, И. Анненского и А. Закржевского сближает Ф. Ницше. Б. Эйхенбаум замечал: «влияние – частный случай более обширного и сложного явления. Литература эпохи представляет собой не простое собрание единичных, разрозненных или только частично связанных между собой произведений, а некое сложное соотношение, некий исторический контекст» [17, с. 503]. Из этого следует, что тексты могут «встречаться» независимо от намерений их авторов, могут служить предметом «контекстного анализа», реконструирующего общую систему художественного мышления (Ш. Берк) [19]. **В таком случае результатом становится значительная межкультурная интерференция, единая метаструктура, что и подтверждает мысль о том, что критический текст наполняется энергией различных диалогически взаимодействующих субъектов.**

Что же касается термина «интертекстуальность», употребляемого практически в каждой литературоведческой работе (при этом термин трактуется абсолютно с разных, противоречивых точек зрения), следует учесть, что текстуальные и паратекстуальные «вкрапления» в критическом тексте связаны только с функцией лейтмотивов, играющих роль определённых скреп. Интертекстуальность в данной ситуации носит единственный характер и не расширяет, как отмечает Ж. Женетт [8], «смысловой потенциал» текста.

С нашей точки зрения, в литературоведении часто происходит подмена понятий. Для критической рефлексии конца XIX – начала XX вв. характерна интерсубъективность, неразрывно связанная с проблемами границ между взаимовлиянием и взаимоотражением. Процесс интерпретации проясняет читателю семантику текста, исходя из интенций сознания критика. Например, у И. Анненского в статье «Господин Прохарчин» цитируется «Гробовщик» А. Пушкина: «Гробовщик пришёл домой пьян и сердит». Наутро ночной кошмар, оказавшийся только сном, вытесняется из его сознания. С точки зрения И. Анненского, впоследствии этот текст находит отражение в тексте Ф. Достоевского, ибо герой Ф. Достоевского, гонимый экзистенциальным страхом, выходит из своего одичалого уединения в город, и видит бедность, пьянство, пожар... Эти картины соединяются в его предсмертном бреде, возникает чувство, «что он во всем виноват». «Пушкинского гробовщика его вещее сновидение ни к чему не приводит, – замечает критик, – оно скоро забывается, в то время как герой Ф. Достоевского приходит к ощущению собственной вины» [1, с. 138]. **Таким образом, в системе И. Анненского пушкинские мотивы вошли в литературную почву как эхо, то есть стали частью резонантного пространства.** В критике конца XIX – начала XX вв. они приобрели экзистенциальную сущность (оппозиция жизнь – смерть), что, на наш взгляд, является проявлением интерсубъективности. Ассимилирующая, резонирующая способность писателя и критика становится очевидной. Заметим, К. Леонтьев, размышляя о Ф. Достоевском, отмечал, что пушкинский мотив «сеятеля свободы» входит в философский мир писателя («Братья Карамазовы») [12]. «Великий Инквизитор» произносит свой монолог перед молчащим Христом. Он обращается к Спасителю как сеятелю свободы и демонстрирует результат его проповеди свободы, как

поражение. «Не ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными». Но вот ты теперь увидел этих «свободных людей». И люди обрадовались, что их вновь повели, как стадо». Ощутима семантическая близость к пушкинскому «К чему стадам дары свободы», но факт знакомства Ф.М. Достоевского со стихотворением А.С. Пушкина окончательно не установлен. Следовательно, речь идёт о «литературном припоминании» и о том, что М. Бахтин назвал «культурно-исторической телепатией». Вряд ли здесь следует использовать термин «интертекстуальность», если понимать его как особую категорию постмодернистского текста, способствующую текстообразованию. Нам представляется, что интерпретация К. Леонтьева объясняется его интерсубъективностью. Что же касается интертекстуальности, то её в критическом тексте можно обозначить как мерцающую границу.

Более того, если обратиться к К. Юнгу, «присутствующему» в системе Ю. Кристевой, то следует уточнить, что К. Юнг, в отличие от Ю. Кристевой, размышляет и о психике писателя, и о психологизме в художественном тексте. Он отмечает, что «великое творение может быть порождено только душой человечества». В системе Ю. Кристевой понятие «душа» исключено, поэтому ряд литературоведов называет данную теорию «механической» (см. В. Тюпа). Вместе с тем в литературной критике конца XIX – начала XX вв. понятие «душа» чрезвычайно важно. Это не просто метафора психической деятельности, обусловленная закономерностями чувственно-предметного мира, а неизъяснимая бесконечность и непредсказуемая творческая стихия, о чём свидетельствуют статьи Л. Шестова о Ф. Достоевском, В. Розанова – о Н. Гоголе, И. Анненского – о Г. Ибсене и т.д. Последователи Ю. Кристевой часто используют её интересные и глубокие размышления, меняя их акценты, и тогда «результат получается один: деконструкция вместо реконструкции, груда обломков вместо целого» (Р. Лахман).

Думается, что целесообразно вспомнить наблюдения К. Леонтьева в его критическом этюде «Анализ, стиль и веяния. О романах графа Л.Н. Толстого» [12, с. 281]. Критик включил в систему общих историко-философских вопросов те замечания, которые были уже известны читателям. Так, П.В. Анненков отмечал, что «речевая ткань» персонажей свидетельствует о том, что Л. Толстой писал «не разумом своей эпохи, а другим, позднейшим», что отразилось в стилистике текста [Цит. по: 12, с. 299]. К. Леонтьев возводит частное наблюдение П. Анненкова в ранг культурологической проблемы: в романе Л. Толстого неизбежно должны были сойтись и встретиться «веяния» разных культурно-исторических эпох. Критик указывает, что для Л. Толстого не важно, как рассуждают его герои, а важна «общепсихическая музыка произведения». «Пьер Безухов и князь Андрей, – размышляет К. Леонтьев, – не читали ещё ни «Лишнего человека», ни «Бедных людей», не знали ещё ни Онегина, ни Печорина, ни Гегеля, ни Шопенгауэра. Но всё это знал уже автор «Войны и мира». Поэтому здесь не может идти речь о прямой перекличке книг и имён, а всё это «умственное и психологическое содержание полувекового развития...» [12, с. 292]. Таким образом, речь идёт о границах взаимоотражения и литературном «припоминании» в резонантном пространстве. Восприятие критиком мира и человека через своё рефлексивное «Я», очевидно, и является проявлением интерсубъективности (как одной из значимых границ текста). Как отмечает Э. Гуссерль, интерсубъективность – это опыт индивидуального «Я», направленный на постижение своей рефлексии и рефлексии сообщества, его бесконечного пространства и, в дальнейшем, формирование интенциональной общности («Пятая картезианская медитация» [7]). Неслучайно И. Анненский назвал свою работу «Книга отражений». Метафорическое объяснение И. Анненского следующее: «Я же писал здесь о том, что мною владело, что я хотел сберечь в себе, сделав собою» [1, с. 276]. Таким образом, метафора становится определённым опознавательным знаком, если её рассматривать как весь текст с теми разнообразными смыслами, которые возникают в связи с интерпретацией критика. Метафора, как мы полагаем, это развёртывание фигуры речи до максимального предела, и так же, как и парадокс, подчёркивает их объединяющую философичность, эстетизм и экзистенцию.

Отметим ещё один аспект: если к поставленной проблеме применить тезаурусный подход (В. Луков), то становится ясно, что можно определить ещё ряд границ, ориентируясь на гипотезу о триодном строе знания (своё – чужое – чуждое). В критическом

тексте, на наш взгляд, можно выделить следующие стадии: априорная стадия (полеми-ческое пространство), тезаурусный щелчок (интерпретация резонантного пространства, мерцание смыслов) и тезаурусный катарсис (итог, вывод). Если полагать, что тезаурус-ный подход рассматривается как подход системный, связанный с «освоением субъек-том целостных фрагментов реальности», полиреальности, необходимостью рациональ-ного или иррационального освоения мира, то он непременно ориентируется на мыш-ление, сознание и рефлексю, выражаемые в знаках сращения смысла и чувственного восприятия. Вследствие этого возникает парадоксальность как неотъемлемая составля-ющая и условная граница коммуникативно-рецептивной системы. Заметим, что в крити-ческом тексте парадокс обусловлен противоречивостью сознания, авторефлексивностью и циркулярностью. Более того, парадокс возникает в связи с переходностью эпохи, её не-классическими, неупорядоченными периодами, которые М. Фуко обозначает как перио-ды эпистемологического беспокойства.

Таким образом, трансформации культурных и литературных текстов, рассмотрение их с точки зрения «резонантного пространства», метафоризацию и парадоксальность, можно определить как особые границы критического текста, связь между которыми приводит к пониманию его целостности.

Список использованной литературы

1. Анненский И.Ф. Книга отражений / И.Ф. Анненский. – М.: Наука, 1979. – 680 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика, Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 2007. – 606 с.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7-ми томах / М.М. Бахтин. – М.: Языки славян-ских культур, 2010. – Т. 2. – 797 с.
4. Блум Х. Избранное / Х. Блум. – Урал: УГУ, 2008. – 840 с.
5. Боронин А.А. О понятии «граница» в лингвистике (к интерпретации художественно-го текста и его сегментов) / А.А. Боронин // Вестник Сургутского государственного педаго-гического университета. – 2011. – № 4 (15). – С. 46–50.
6. Водичка Ф. История литературы, её проблемы и задачи. Фрагменты / Ф. Водичка // Славяне. – 1958. – № 1. – С. 10–16.
7. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Э. Гуссерль. – М.: Академический проект, 2010. – 229 с.
8. Женетт Ж. Фигуры: в 2-х т. / Ж. Женетт – М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1998. – Т. 1. – 944 с.
9. Жеребин А.И. Абсолютная реальность: «молодая Вена» и русская литература / А.И. Жеребин. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 360 с.
10. Зенкин С. Работы по теории литературы / С. Зенкин. – М.: Новое литературное обо-зрение, 2012. – 560 с.
11. Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты / С. Зенкин. – М.: Новое ли-тературное обозрение, 2017. – 368 с.
12. Леонтьев К.Н. О романах гр. Л.Н. Толстого / К.Н. Леонтьев // Сочинения: в 12 то-мах. – М.: Типография В. М. Саблина, 1912. – Т. 8. – 357 с.
13. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2010. – 704 с.
14. Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика / Н.И. Надеждин. – М.: художе-ственная литература, 1972. – 572 с.
15. Топоров В.Н. О «резонантном» пространстве литературы (несколько замечаний) / В.Н. Топоров // Studies in Slavic Literature and Poetics. – 1993. – Vol. XX. – P. 16–61.
16. Флоренский П. Столп и утверждение истины / П. Флоренский. – М.: Печатное Дело, 1994. – 848 с.
17. Эйхенбаум Б. О прозе. Сборник статей / Б. Эйхенбаум. – Л.: Художественная лите-ратура, 1969. – 507 с.
18. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения Х.Р. Яусс // Но-вое литературное обозрение. – 1995. – № 12. – С. 34–84.
19. Burke S. The Death and Return of the Author / S. Burke. – Edinburg: Edinburg Univer-ситет Press, 2002. – 206 p.

TO THE QUESTION OF THE CRITICAL TEXT BOUNDARIES

Nina M. Rakovskaya, Odessa I.I. Mechnikov National University (Ukraine)

E-mail: versedr@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-3

Key words: *criticism, boundaries, model, paradox, event, limit.*

The article indicates that modern humanities seeks to synthesize its components: philosophy, history, culture, etc. In this regard, interest arises in the study of the text, which, from the point of view of M. Bakhtin, is in the center of humanities. The literary text has been studied to a sufficient degree, both from the point of view of linguistics, linguistic poetics, and in the aspect of literary criticism. At the same time, comprehension of a critical text remains a non-reflex problem to this day. Critical text is largely determined by the time and space in which it is created. As a result of this, a direct connection with the cultural-historical epochs is indicated. The interpretation of the boundaries of a critical text is comprehended not only by genre definitions, compositional constructions, but first of all by worldview, the creation of various models of consciousness and thinking, oriented towards heterogeneous philosophical and aesthetic ideas.

It is determined that the concept of a text border is very arbitrary. Borders are characterized by transparency, fluctuations, and may have fuzzy landmarks. The article proves that the boundaries are primarily manifested in the structured space of the text. They are associated with the concepts of "limit" and "event", and, unlike the "limits" and "events", are oriented towards the personal, subjective perception by the critic of the boundary of a particular era and the transition to a different spatial sphere. The critic experiences events as a gap in time and space, the destruction of integrity, history and his personal "I". As a result of these factors, sensations of "events to the limit" arise. In this case, the boundaries correlate with the existence of a vision of the world, as evidenced by the opposition "time – eternity", "isolation – openness", "knowledge – faith." The boundaries of the critical text become situational, emphasizing the process of rethinking values. The semantic fields are filled with mental values. The critical text turns out to be connected with cultural transfer, that is, an appeal to different cultures and civilizations, spatial histories. There is a re-integration of cultural knowledge. Paradoxicality, metaphorization are clearly observed in the structure of the text: critic – text – reader.

Research methods: receptive, structural-semiotic, phenomenological. There is a fundamental difference between the boundaries of literary and critical text. A critical text has, as a rule, philosophical and aesthetic motivation. It is enclosed in copyright codes, message signs, symbol signs. The critical text is characterized by the conversion and transformation of historical memory, if necessary, its actualization.

In the future, the study of boundaries of different levels can be implemented in a systematic approach to critics of various philosophical and aesthetic concepts and models, which will contribute to understanding the text as a unit of a communicative and receptive series.

References

1. Annenskiy, I.F. *Kniga otrazheniy* [Book of reflections]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 680 p.
2. Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika, Poetika* [Selected works: Semiotics, Poetics]. Moscow, Progress Publ., 2007, 606 p.
3. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochineniy: v 7-mi tomakh* [Collected works: in 7 volumes]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010, vol. 2, 797 p.
4. Bloom, H. *Izbrannoe* [Selected works]. Ural, UGU Publ., 2008, 840 p.
5. Boronin, A.A. *O ponyatii "granitsa" v lingvistike (k interpretatsii khudozhestvennogo teksta i ego segmentov)* [On the concept of "boundary" in linguistics (to the interpretation of a literary text and its segments)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2011, vol. 4 (15), pp. 46-50.
6. Vodichka, F. *Istorija literatury, ejo problemy i zadachi. Fragmenty* [The history of literature, its problems and tasks. Fragments]. *Slavjane* [Slavs], 1958, vol. 1, pp. 10-16.
7. Husserl, E. *Kartezijskie meditatsii* [Cartesian meditations]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2010, 229 p.
8. Genette, G. *Figury: v 2 tomakh* [Figures: in 2 volumes]. Moscow, Izdatelstvo M. i S. Sabashnikovyykh Publ., 1998, vol. 1, 944 p.
9. Zhrebina, A.I. *Absolyutnaya real'nost': "molodaya Vena" i russkaya literatura* [Absolute reality: "Young Vienna" and Russian literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2009, 360 p.
10. Zenkin, S. *Raboty po teorii literatury* [Works on the theory of literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 560 p.

11. Zenkin, S. *Teoriya literatury: problemy i rezultaty* [Literary Theory: Problems and Results]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 368 p.
12. Leontyev, K.N. *O romanah grafa L.N. Tolstogo* [On the novels by Count L.N. Tolstoy]. *Sochineniya: v 12 tomah* [Collected works: in 12 volumes]. Moscow, Tipografija V.M. Sablina Publ., 1912, vol. 8, 357 p.
13. Lotman, Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2010, 704 p.
14. Nadezhdin, N.I. *Literaturnaya kritika. Estetika* [Literary criticism. Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, 572 p.
15. Toporov, V.N. *O "rezonantnom" prostranstve literatury (neskol'ko zamechaniy)* [On the "resonant" space of literature (a few comments)]. *Studies in Slavic Literature and Poetics*, 1993, vol. XX, pp. 16-61.
16. Florenskiy, P. *Stolp i utverzhdenie istiny* [The Pillar and Ground of the Truth]. Moscow, Pechatnoe Delo Publ., 1994, 848 p.
17. Eikhenbaum, B. *O proze. Sbornik statey* [About prose. Collection of articles]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969, 507 p.
18. Jauss, H.R. *Istoriya literatury kak provokatsiya literaturovedeniya* [History of literature as a provocation of literary criticism]. *Novoe Literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1995, no. 12, pp. 34-84.
19. Burke, S. *The Death and Return of the Author*. Edinburg, Edinburg Universitet Press, 2002, 206 p.

Одержано 6.12.2019.

НЕКЛАСИЧНІ ПРАКТИКИ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВА

УДК 82.0, 82-1/-9, 82-2

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-4

Э.Г. ШЕСТАКОВА,

доктор филологических наук (г. Донецк)

РЕАЛЬНОЕ ШОУ И ТЕАТРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМНОГО ПЕРЕЧЕРКИВАНИЯ

Реальное шоу и театральная культура изначально и довольно-таки очевидно обнаруживают множество точек как отталкивания, так и пересечения. В основе почти всех реалити-шоу лежат минимальные житейские ситуации, что изначально и чётко отражается в названии, концепции, структуре шоу, его поэтике. Массовый зритель смотрит реалити-шоу как представление о чужой, но близкой и понятной по многим ценностно-смысловым, идейным взглядам жизни. Оно одновременно оказывается и спектаклем (телесериалом), и рассказом о подлинных, самых обыкновенных людях. Для интеллектуального зрителя явна взаимосвязь, во-первых, наиболее удачных реалити-шоу и культурного кода эпохи Просвещения, нацеленного на повышенную роль, ценность театра и театральности. Во-вторых, реалити-шоу и хэппенинга, инвайремент, митшпиля, театральной антропологии, новой драмы, документального театра и популярной на рубеже наших столетий словесности эго-документа, non-fiction, документальной литературы. Однако при всей бесспорности взаимосвязи и внутреннего родства реального шоу и театральной культуры неправильно ограничиться только таким подходом, который предлагает хотя и справедливую, но однонаправленную трактовку их взаимоотношений. Как представляется, необходимо изменить систему координат, в которой рассматриваются проблемы соотношения, взаимосвязи реального шоу и театральной культуры. Реалити-шоу балансирует на тонкой, провокационной грани, используя реальную повседневность, физическое и духовное присутствие обыкновенного человека в качестве разыгрываемого, представляемого текста о них самих. Реалити-шоу не всегда удаётся удержаться на этой грани в стремлении заставить игрока быть максимально зрелищным и естественным в этой зрелищности, рассчитанной на публичность. Однако возможность для обыкновенного человека публично играть с собой и в себя, изменить свою повседневность и всю жизнь делает реальное шоу популярным. Оно выступает своеобразной, уникальной, объединившей массы обыкновенных людей экспериментальной площадкой, на которой разыгрываются как раз принципы повседневной жизни и человек может одновременно и быть собой, и играть в себя.

Ключевые слова: театральная культура, реалити-шоу, художественное произведение, медиатекст.

Реальне шоу і театральна культура достатньо очевидно виявляють безліч точок як відштовхування, так й перетину. В основі майже всіх реаліті-шоу лежать мінімальні життєві ситуації, що чітко відбивається в назві, концепції, структурі шоу, його поетиці. Массовий глядач дивиться реаліті-шоу як виставу про чуже, але близьке і зрозуміле з багатьох ціннісно-смыслових, ідейних позицій життя. Воно одночасно виявляється і виставою (телесеріалом), і розповіддю про справжніх, самих звичайних людей. Для інтелектуального глядача зрозумілий взаємозв'язок, по-перше, найбільш вдалих реаліті-шоу і культурного коду епохи Просвітництва, спрямованого на підвищену роль, цінність театру і театральності. По-друге, реаліті-шоу і хеппенінгу, інвайременту, митшпилю, театральної антропології, нової драми, документального театру і популярній на межі наших століть словесності его-документу, non-fiction, документальної літератури. Утім, попри всю безсумнівність взаємозв'язку і внутрішньої спорідненості реального шоу і театральної культури, неправильно обмежитися лише таким підходом, який пропонує хоч і справедливе, але односпрямоване тракту-

вання їхніх взаємовідносин. Необхідно змінити систему координат, в якій розглядаються проблеми співвідношення, взаємозв'язки реального шоу і театральної культури. Реаліті-шоу балансує на тонкій, провокаційній межі, використовуючи реальну повсякденність, фізичну та духовну присутність звичайної людини в якості того, що розігрується, тексту про них самих, який репрезентується. Реаліті-шоу не завжди вдається втриматися на цій межі в прагненні змусити гравця бути максимально видовищним і природним у цій видовищності, що розраховані на публічність. Однак можливість для звичайної людини публічно грати із собою і в себе, змінити свою повсякденність і все життя робить реальне шоу популярним. Воно виступає своєрідним, унікальним, що об'єднав маси звичайних людей, експериментальним майданчиком, на якому розігруються як раз принципи повсякденного життя і людина, що може одночасно бути собою, і грати в себе.

Ключові слова: театральна культура, реаліті-шоу, художній твір, медіатекст

Проблеми пересечения, принципы и направления взаимодействия реального шоу и театральной культуры давно являются предметом научных интересов как отечественной [1–8], так и зарубежной [9–17] гуманитаристики, что весьма закономерно. Реальное шоу – представитель экранных массмедиа, массовой коммуникации – и театральная культура изначально и довольно-таки очевидно и для зрителей, и для исследователей обнаруживают множество точек как отталкивания, так и пересечения. В целом они дают убедительные и прочные основания для вывода о том, что реалити-шоу относится к одной из «современных форм телетеатра», которая восходит к «*commedia dell'arte*» и другим импровизационным формам театра [1, с.142–166].

Массовый зритель смотрит реалити-шоу как представление о чужой, но близкой и понятной по многим ценностно-смысловым, идейным взглядам жизни. В основе почти всех реалити-шоу лежат минимальные житейские ситуации, что изначально и чётко отражается в названии, концепции, структуре шоу, его поэтике: «Званный ужин», «МастерШеф», «Битва кондитеров», «Остров искушений», «Барышня – крестьянка», «Вилла невест», «Свадьба за 48 часов», «4 свадьбы», «Оденься к свадьбе», «Красота по...», «Модель по...», «Обыск и свидание», «Свидание с мамой», «Взвешенные и счастливые», «Здравствуйте, я ваша мама», «СуперНяня». Эти незатейливые, но типичные житейские ситуации, отображающие цели, мечты, желания, устремления обыкновенного человека нашего времени, в течение нескольких сезонов в каждой серии шоу повторяются и воспроизводятся (разыгрываются) разным набором участников. Участники реалити-шоу вне национальной, государственной принадлежности объединены общими проблемами, целями, желаниями, мечтами и представляют один тип героев. Точнее, это то, что Дм. Овсяннико-Куликовский в работе «История русской интеллигенции» называл *общественно-психологическим* типом, героем эпохи, иллюстрацией и репрезентантом которых выступали Чацкий, Онегин, Печорин, Рудин, Обломов, *лишние люди, маленькие люди, новые люди*. Современная гуманитаристика, начиная со второй половины XX в., возводит такие типы к литературной, общественно-литературной мифологии как части социальной мифологии (М. Фуко). Аналогично и в реалити-шоу участники объединяются по принципу понятности, близости интересов, устремлений, индивидуальных черт характера, высокой вероятности их осуществления, актуализированных массмедийным типом зрелищности и направленных на создание рейтинговости проекта. Реальное шоу одновременно оказывается и спектаклем (телесериалом), и рассказом о подлинных, иногда даже знакомых и при этом самых обыкновенных людях. Об этом свидетельствуют и специальные программы, статьи, развлекательные шоу, документальные фильмы, интервью с участниками проекта по истечении определённого времени: от недели до года после выхода серии о них.

Для интеллектуального зрителя явна взаимосвязь наиболее удачных реалити-шоу и, во-первых, культурного кода эпохи Просвещения, нацеленного на повышенную роль, ценность театра и театральности [18–29]. Во-вторых, реалити-шоу и *хэппенинга, инвайремента, митшпиля, театральной антропологии, новой драмы, документального театра*, которые относятся к экспериментальному направлению театральной культуры второй половины XX – начала XXI ст. и соотносятся с популярной на рубеже наших столетий словесностью *эго-документа, поп-fiction, документальной литературы* [30–37].

Реальное шоу воспринимается зрителем в качестве некоего облегченного, растиражированного, окончательно утратившего статус интеллектуального действия, рассчитанного

на развлечение, поучение, приобщение массового зрителя к основам театральности и возможностям PR-коммуникаций. Почти все реалити-шоу пользуются спросом у начинающих или угасающих «звёзд» шоу-бизнеса, спорта, актёров, светских львиц, львов, определённой страты политиков, бизнесменов, пытающихся создать имидж делового человека, профессионала успешного во всех сферах жизни. Это тоже отображается в реалити-шоу, начиная с его названия и заканчивая интервью, документальными фильмами, рекламными акциями от спонсоров, предложениями различного рода путешествий, свиданий, гастролей участников на официальных сайтах шоу. Герои и даже ведущие, члены жюри реалити-шоу оказываются востребованными медийными лицами, использовавшими проекты для создания имиджа, житнетекста по законам театральной культуры. Это характерно для таких проектов, как, например, «Холостяк», «Холостячка», «Барышня – крестьянка», «Званный ужин», «Оденься к свадьбе», «МастерШеф», «Адский повар», «Лучший кондитер», «Ледниковый период», «Танцюю для тебя», «Блондинка в шоколаде», «Семейство Кардьяш», «Без мандата», «Офис», «Кандидат», «Царевна-Лебедь», «Операция "Красота"», «Кулинарное путешествие», «Едим дома», «Дом-2». Например, такое реальное шоу, как украинский вариант «МастерШеф», способствовало появлению и активному уже самостоятельному развитию развлекательного шоу «Все буде смачно», в котором принимают участие и герои всех выпусков и реалити-шоу «Взвешенные и счастливые», идущего на том же канале СТБ.

Постепенно формируется впечатление (и во многом справедливое), что реальное шоу – это оригинальное явление, образованное и успешно существующее на устойчивой, жизнеспособной и саморазвивающейся *промежуточной территории* (Я. Мукаржовский), созданной интенциями и усилиями художественной, театральной культур, масс-медиа и повседневности обыкновенного человека. В итоге может сложиться мнение, что реальное шоу и театральная культура сосуществуют в некоем взаимном дополнении и в разделённых сферах влияния «высокой» и «низкой» культур.

Однако при всей бесспорности взаимосвязи и внутреннего родства реального шоу и театральной культуры неправильно ограничиться только таким подходом, который предлагает хотя и справедливую, но однонаправленную трактовку их взаимоотношений. Она приведёт к закономерным, но не всегда достаточно обоснованным, учитывающим сложность и объёмность проблемы, и вследствие этого не совсем к корректным выводам о том, что реальное шоу: во-первых, это традиционное проявление, осуществление художественного начала в медиатексте. При всей значимости документального и фактажного начал в структуре и поэтике реалити-шоу его участники выстраивают себя подобно образам (героям) фольклорного и художественного произведений.

Во-вторых, его необходимо рассматривать в контексте мироощущения, мировоззрения, художественных поисков и открытий эпохи авангардизма. Для нее характерно предельное внимание к человеку в трагических, пограничных обстоятельствах обнаружившейся свободы; погруженности в удовольствия опасной игры со своими различными масками, состояниями и создаваемыми ими провокационными ситуациями; максимальная активизация роли зрительского восприятия и участия [31, с. 435–634; 38; 39]. Важно помнить, что такое отношение к игре и представлению отчасти уходит своими корнями в эпоху Просвещения, когда «театрализация жизни во второй половине XVIII в. достигла своего апогея: театральная иллюзия казалась реальнее самой реальности» [26]. Об аналогичных процессах писали многие исследователи, рассматривая своеобразное слияние театральности и реальной жизни, например, Ю. Лотман, анализируя поведение Александра I [20].

В-третьих, это своеобразное ценностно значимое и востребованное театральное представление для зрителя рубежа новых тысячелетий, подобное тому, которое возникло после Великой французской буржуазной революции и получило название драмы, мелодрамы [18]. Реальное шоу позволяет обыкновенному человеку нашей эпохи не только увидеть *простейшие ситуации выбора и принятия решения* или другими словами *простейшие житейские ситуации* (М. Фуко), ставшие предметом эстетического изображения и разыгрываемые на сцене или разыгрывать их на фоне условных декораций. Реальное шоу даёт возможность человеку и самому через разыгрывание таких ситуаций

на территории своей жизни перечувствовать, пережить различные реальные обстоятельства, а также попробовать кардинально изменить свою жизнь. Условность, театрализация *простейших житейских ситуаций* реализуется в подлинности событий и проблем *живой жизни* обыкновенного человека. Это тот блок вопросов, который не позволяет однозначно утверждать, что реальное шоу – это низовая разновидность современной театральной культуры, использующая возможности масс-медиа и медиакультуры для существования в новых условиях.

Можно сформулировать эти вопросы и под таким углом зрения: позволит ли такое, действительно типологически верное и продуктивное, сопоставление театральной культуры и реалити-шоу понять их сущность как самостоятельных проявлений словесно-культурного процесса? Не заставит ли оно ограничиться общепризнанной констатацией сближения, взаимопроникновения форм «высокой» и «низкой» культур, отнеся реальное шоу к разновидностям массмедийно-театральных экспериментов, поисков новых форм массовых зрелищ для массового человека? Не направит ли такого рода сопоставление, по сути, по правильному, магистральному, но одному пути: выяснение и исследование культурных кодов театральной культуры, а также театральности Просвещения, романтизма, реализма, модернизма, авангардизма, постмодернизма в реалити-шоу? Не приведёт ли этот, в принципе правильный путь, к сужению понимания природы, сущности и реального шоу, и театральной культуры? Не окажется ли при таком подходе театральная культура традиционно доминирующим, сильным и заранее ценностно маркированным художественным началом по отношению к *как бы* вторичному массмедийному началу, рассчитанному на массового, не обремененного высоким стандартом вкуса, интеллектуально-эстетическими, морально-этическими претензиями зрителя и участника реалити-проекта? Не заставит ли такого рода логика признать, например, что реальное шоу – это разновидность популярных в 60–80 гг. XX в. среди интеллектуалов новых жанров театральной культуры, например хэппенинга, упрощённых, адаптированных и приспособленных под коммерческие цели на рубеже наших столетий масс-медиа для массового человека? Будет ли такое утверждение верным по сути? Что нужно сделать, чтобы избежать такого – однонаправленного, а потому ведущего к упрощению, – понимания проблемы взаимодействия реалити-шоу и театральной культуры? Что нужно для того, чтобы не попасть в ловушку изоморфности, *ложных рядов предшественников* (Ж. Кангийем) и избежать некорректных выводов в отношении этих подобных явлений, в основе которых лежит игра? Как представляется, необходимо изменить систему координат, в которой рассматриваются проблемы соотношения, взаимосвязи реального шоу и театральной культуры, переместив акцент на аспекты их взаимного перечеркивания и того, что же оно значит и что за этим следует. Поиски ответов на эти вопросы и составляют основную цель и задачи статьи.

Что же значит перечёркивание реальным шоу и театральной культурой друг друга и почему именно так надо формулировать проблему, а не вести речь, например, об использовании реалити-шоу приёмов, методов, основ театральной культуры? Почему же и, главное, в каком ракурсе важно увидеть и исследовать перечёркивание реалити-шоу и театральной культурой друг друга, если при первичном приближении вполне логично говорить об эксплуатации реальным шоу форм театральной культуры? Как в равной мере при первичном приближении закономерно говорить и о новых открывшихся возможностях для театральной культуры осуществить давно искомое максимальное слияние эстетической и реальной, повседневной реальностей. Особенно если при этом вспомнить о том, какую роль этой проблеме театральной культуры и шире театральности отводили теоретики и практики театра, в частности, Н. Евреинов, А. Арто, сторонники «театральной антропологии».

Казалось бы, что эти два явления из различных сфер культуры – художественного творчества и социальности, массмедийности – максимально повёрнуты друг к другу и помогают себе с помощью обнаруженных близкородственных возможностей, приёмов, средств максимально полно и успешно осуществиться в новых культурных условиях. Ведь реальное шоу – это то, что изначально, последовательно, целенаправленно играет с повседневностью и обыкновенным человеком, делая их предметом публичного изображения, пред-

ставления, медиатекстом при максимальном сохранении их (человека и его повседневности) естественности. Обыкновенный человек в реальном шоу добровольно и сознательно занимается житнетворчеством, становится житнетекстом, хотя и не так, как это было предложено в теориях и практике Просвещения, русского символизма или европейского романтизма XIX в. и модернизма XX в. Реалити-шоу изначально не знает ориентации на ценность художественности, самодовлеющего эстетизма, художественной реальности и «житнетоворчества как “обдуманной театрализации жизни” (выражение Л.Я. Гинзбург), которое вполне может быть лишено театральности» [40, с. 68–69].

Для реалити-шоу, как и для европейской культуры, важна театральность двух типов, о которых писал В. Хализев: «Это, во-первых, театральность самораскрытия человека, и, во-вторых, театральность его самозначения» [40, с. 66]. В. Хализев так характеризует эти типы: «Театральность самораскрытия осуществляется главным образом в патетическом слове и жесте. <...> Человек действует на высшем пределе своего темперамента. <...> Другая форма театральности связана с тем, что человек преобразует себя и демонстрирует окружающим совсем не то, что он являет собой на самом деле. <...> Подобной театральности сопутствует оперирование маской в прямом или переносном значении слова» [40, с. 66, 67].

Оба типа театральности участники и герои реального шоу старательно реализуют и демонстрируют зрителям, одновременно искренне настаивая на естественности, высшей и исключительной жизненности всего происходящего и своих реакций. Зачастую такое поведение не является манипуляцией или же тривиальной игрой на публику, о чем свидетельствуют настоящие стрессовые ситуации, эмоции, чувства радости, обиды, боли, унижения, победы, отчаяния, страха, счастья и т.п., пережитые во всей их полноте и публично. Реальное шоу – это своеобразный парадокс, в котором повседневность и естественность обыкновенного человека сознательно и целенаправленно взаимодействуют с театральностью. В этом плане реальное шоу максимально близко подошло через практику *живой жизни* обыкновенного человека к идеям «театральной антропологии». Как пишет А. Шестакова: «Программа “театральной антропологии” состоит в “изучении биологического и культурного поведения человека в условиях представления, то есть человека, использующего свое физическое и духовное присутствие в соответствии с принципами, отличными от принципов повседневной жизни”. <...> При этом ситуация актера рассматривается “театральными антропологами” как ситуация человека вообще, а сам театр как экспериментальная модель культуры и человеческого бытия» [32, с. 3, 4].

Реалити-шоу балансирует на тонкой и провокационной грани, используя реальную повседневность, физическое и духовное присутствие обыкновенного человека в качестве разыгрываемого, представляемого текста о них самих. Причём реалити-шоу не всегда удаётся удержаться на этой грани в стремлении заставить игрока быть максимально зрелищным и естественным в этой зрелищности, рассчитанной на публичность. В итоге реалити-шоу продуцирует не только положительные или же кардинально драматически измененные жизни, но и тяжелые нервные срывы, смерти участников, судебные иски. Однако возможность для обыкновенного человека публично играть с собою и в себя, изменить свою повседневность и всю жизнь делает реальное шоу, особенно периода жанрового становления, таким популярным. Реальное шоу выступает своеобразной, уникальной, объединившей массы обыкновенных людей экспериментальной площадкой, на которой разыгрываются как раз принципы повседневной жизни и человек может одновременно и быть собою, и играть в себя. Реальность и театральность в реалити-шоу почти сливаются и почти так, как об этом мечтал Н. Евреинов, писавший в начале XX в.: «Не накануне ли мы чудесного века маски, позы и фразы?» [Цит. по 40, с. 68]. Именно поэтому не случайно, что поздние реалити-шоу всё больше стремятся к явной условности театрализации, откровенной масс-медийной зрелищности, активно, агрессивно используют PR-методы, принципы, приёмы, а быстрое жанровое развитие демонстрирует тяготение реального шоу к традиционным развлекательным жанрам: шоу талантов, ток-шоу. Удержаться на тонкой и постоянно ускользающей грани реальности и игры, естественности и маски, позы оказывается крайне сложно и для жанра реалити-шоу, и, главное, для обыкновенного человека, принявшего правила игры в себя и с собою.

Однако в ранних реалити-шоу произошло и то, о чём мечтали и чего хотели добиться представители неклассической театральной культуры: вовлечение зрителя в действие. Реальное шоу это максимально полно осуществляет и с помощью кастингов различных проектов, рассчитанных на простого человека; возможности для любого человека, заплатившего или выигравшего в конкурсе, отобедать в элитном ресторане или провести романтический ужин с героем реалити-шоу, что в определённой мере традиционно. Реальное шоу достигает максимального вовлечения зрителей в действие ещё и тем, что зритель может голосовать за или против героев шоу, отчасти выбирать для них задания, наказания, поощрения, обсуждать поведение, образ героев, ведущих, жюри проекта; участвовать в рекламных, PR-акциях, викторинах проекта, в шоу, сопровождающих основной реалити-проект. Более того, зритель может занять место в любимом шоу, став его героем. Кроме того, участники, ведущие, жюри реалити-шоу (т. е. его актёры) и зрители больше не разделены и даже не нуждаются в символическом пространстве театра и/или телестудии. Местами действия в реалити-шоу удачно, и с точки зрения неклассической театральной культуры, и с точки зрения рейтинговости массмедиа, рекламы и PR стали реальными дома, квартиры героев проекта, рестораны, модельные агентства, деревушки, салоны красоты, свадебных платьев, клиники эстетической медицины, снятые специально для проекта настоящие замки, виллы, острова.

Ведущие, члены жюри, приглашенные актёры, «звёзды» шоу, ресторанный, модельного бизнеса, кулинарии, организаторы торжеств и т. д., которые активно участвуют в создании медиатекста реалити-шоу, оказываются не только частью рекламной, PR-коммуникации, но и театральной культуры. Они, наряду с участниками реального шоу, тоже выстраивают медиатекст, внося в него сильный, довольно-таки чётко обозначенный и зачастую ключевой элемент театральной игры, реализуемый на её, обладающем повышенной знаковой, языком. Если обыкновенные люди – герои реалити-шоу – могут, будучи захваченными происходящими с ними событиями, подлинными эмоциями, быть непосредственными, максимально полно погруженными в происходящее, создаваемое ими *здесь-и-сейчас*, то ведущие, жюри, специальные гости реалити-шоу этого не делают. Для них, как профессионалов, характерно театральное поведение, обусловленное, как пишет Ю. Лотман в статье «Семиотика сцены» (1980) «коренными законами сцены», когда «человек, который произносит речи или совершает поступки в жизни, имеет в виду слух и восприятие своего собеседника. Сцена воспроизводит то же поведение, однако природа адресата здесь двойна: речь обращается к другому персонажу на сцене, но на самом деле она адресуется не только ему, но и публике» [20, с. 589].

Примечательно, что это свойство сценической речи, шире – театральной культуры во всех реалити-шоу, начиная с ранних «Большого брата», «За стеклом» и до последних жанровых трансформаций «Дома-2», ощущается и воплощается участниками проекта. Об это свидетельствуют и определённые масс-медийные, художественно-публицистические и аналитические жанры, которые активно и целенаправленно участвуют в создании сложного жанрово-стилистического, риторического единства реального шоу. Это жанры, в которых сильна рефлексия, реализующаяся через речевую деятельность. Прежде всего, это интервью, беседа, монолог, рассказ героев проекта о себе, рассказы их родственников, друзей, коллег, соседей о том, какими являются герои в обычной жизни и что их могло привести на проект, обсуждение, анализ, самоанализ событий и ситуаций прошедшего дня, конкретной ситуации, предстоящего или уже выполненного задания, конкурса, причин и мотивов своего поведения, поступков других. Эти жанры заставляют участников реального шоу дистанцироваться от себя, почувствовать в процессе рефлексии, саморефлексии и учесть в процессе выстраивания своей риторики фактор публики и отчасти парадокс актёра.

В связи с этим вполне естественным образом возникает вопрос. Может быть, всё же логичнее и правильнее сформулировать проблему не взаимного перечёркивания, а всё же взаимного дополнения, обогащения реалити-шоу и театральной культуры в аспекте парадокса искусства, особенно если вспомнить, как его интерпретировал Ю. Лотман? Он вполне справедливо писал в «Тезисах к проблеме “Искусство в ряду моделирующих систем”» (1967): «Над вымыслом слезами обольюсь. Блестящая характеристика двойной природы

художественного поведения: казалось бы, сознание того, что перед нами вымысел, должно исключать слезы. Или же обратное: чувство, вызывающее слезы, должно заставить забыть, что перед нами вымысел. На деле оба эти – противоположные – типы поведения существуют одновременно и одно углубляет другое» [20, с. 394].

В этом плане реальное шоу оказывается *как бы* удачной и наглядной иллюстрацией парадокса искусства, реализованного для массового зрителя средствами и возможностями массмедийного зрелища. Оно в полной мере воплощает и элемент вымысла, и подлинные чувства, изменения жизни: ведь зачастую разыгрываемые в реалити-шоу житейские ситуации являются смоделированными по законам художественного творчества и театральной культуры, но от этого они не перестают влиять на судьбу человека, и живущего в границах шоу, и вышедшего из его пространства. Реальное шоу знает и реализует, как и произведение искусства и переживающий его зритель, нормы и закономерности художественного поведения, которое в то же время максимально актуализировано проблемами массмедийной зрелищности и *живой жизни* людей, согласившихся быть причастными реалити-проектам.

Например, в одном из самых известных реальных шоу «Званный ужин» никогда не показывают семью героя, который принимает гостей, хотя постоянно рассказывают о членах его семьи, их взаимоотношениях и действие происходит, как правило, дома у хозяина вечера. Равно как в этом шоу не демонстрируют и неизбежную черную кухонную работу: чистка овощей, фруктов перед их приготовлением, мытье посуды, уборка мусора и т.д. Но зато рассказывают, всё чаще иллюстрируя фото- и видеоматериалами, о хобби героев, их месте работы, отдыха. Аналогично происходит и в «МастерШеф», когда вся натуралистичность приготовления блюд и уборки помещения, бытовой жизни на проекте остаётся за кадром во всех национальных вариантах реалити-шоу, но зато есть видеointервью, видеорассказы близких и друзей участников. Аналогично и во всех национальных вариантах – американском, польском, итальянском – «Оденься к свадьбе» неизбежные, но монотонно-однообразные переодевания невест, напряженное и во многом искусственное ожидание их выхода родственниками, друзьями не демонстрируются. Зато есть довольно-таки пространные, подобные вставным новеллам, рассказы, видеоматериалы о жизни героев шоу, обстоятельствах знакомства жениха и невесты, их жизни. В реалити-шоу «Свидание с мамой» героини (дочь и мать) демонстрируют в собственном доме и производят, как бы нечаянно и вскользь, в разговоре перед свиданием только то, что потом должно быть выигранным моментом в свидании мамы потенциальной невесты и жениха. Смысловой и эстетический акцент в реальном шоу делается на главном для него: в «Званом ужине» это процесс приготовления блюд и ритуал приёма гостей; в «МастерШеф» – постепенный профессиональный рост участников; в «Оденься к свадьбе» – стремление сделать счастливой невесту в её особенный день, дать ей возможность быть собою, но и одновременно воспитывать в ней такт, умение общаться с близкими людьми; формирование имиджа свадебного салона; в «Свидание с мамой» – создание идеального образа девушки и её семьи. Это главное эстетико-смысловое ядро выстраивается по законам драматического искусства, знающего и чтящего вымысел как возможность для организаторов и героев шоу «...воплотить свой взгляд на мир»; как «...средство создания органического целостного образного мира; при его неизменном участии творятся "лабиринты сцеплений" (Л. Толстой), обладающие смысловой насыщенностью и эстетической выразительностью» [41, с. 153].

При разговоре о реалити-шоу и театральной культуре важно учитывать, что «сфера вымысла – отдельные компоненты формы произведения (стечения обстоятельств, составляющие сюжет; неповторимо-индивидуальные черты персонажей и их поведения; бытовые детали и их сочетания), но не формообразования» [41, с. 154]. В реальном шоу вымысел одновременно помогает отсечь избыточные, «неговорящие» детали, избежать излишней монотонной натуралистичности и реалистичности, и без искажения реальности, объективности, фактажности, документальности и достоверности, сосредоточиться на существенном. В реалити-шоу и организаторы, и ведущие, и жюри, и герои стремятся максимально полно использовать не только ситуации, индивидуальные черты характеров людей, но «говорящие» бытовые детали, нюансы

житейских разговоров, будничных жестов, чтобы максимально полно превратить их в «лабиринты сцеплений» (Л. Толстой), подобные художественно-драматическому и документальному произведению.

Но в то же время реальное шоу максимально ориентировано на стихийность повседневности и *живую жизнь* обыкновенного человека, готового их изменить посредством участия в проекте. Например, в реалити-шоу типа «Операция "Красота"», «Взвешенные и счастливые», «Свадьба за 48 часов», «4 свадьбы», «Дорогая, мы убиваем детей», «От пацанки до панянки», «Давай попробуем», «Беременная в 16», «Меняю жену» герои шоу и даже их близкие, которые остаются за кадром, действительно меняют свою жизнь. Иногда это происходит не вследствие удачно реализованного с помощью реального шоу жизненного задания (похудеть, исправить внешность, усовершенствовать профессиональное мастерство, найти более престижную работу), а вопреки ожидаемым результатам. В таком случае предполагаемая весёлая свадьба может обернуться расставанием или серьёзными взаимными обидами, публичным унижением («Свадьба за 48 часов», «4 свадьбы», «Давай попробуем», «Остров искушений»), мечты о лёгком, авантюрно-анекдотическом обмене женами – разводом («Меняю жену»), эстетическое преобразование внешности и всей жизни – серьёзными медицинскими и психолого-эмоциональными проблемами («Операция "Красота"», «Царевна Лебедь»). Так или иначе, но во время реалити-шоу или после него, но люди реально женятся или отменяются реальные свадьбы, объясняются в любви, кардинально меняют внешность с помощью пластики, а с нею и жизнь, влюбляются, получают шанс на новую работу или оказываются безработными. Об этом свидетельствуют и статьи, документальные фильмы, повествующие о жизни героев после проекта, и интервью бывших участников реалити-шоу СМИ, в которых организаторы проекта и произошедшие там события освещаются не всегда с положительной стороны. Следовательно, реальное шоу – это то, что обнаруживает подлинную, порой трагическую коллизию вымысла и реальности на *промежуточной территории* (Я. Мукаржовский) *живой жизни*, повседневности, массовой медиа и театральной культуры.

Однако это не означает превалирования идеи взаимодополнения реалити-шоу или театральной культуры. В уже упоминавшейся статье Ю. Лотмана есть мысль, которую, как представляется, необходимо учесть, чтобы понять, что реальное шоу и театральная культура находятся в отношениях изначального и последовательного взаимного перечёркивания. Она касается сущности игры, которая лежит и в основе произведений искусства, в том числе и драматического, и реалити-шоу. Ю. Лотман, рассуждая о принципах, правилах, природе отношения игры к «соответствующей ей жизненной ситуации», пишет: «В жизни на всякую реально существующую ситуацию наложено большое количество ограничений, которые обуславливают возможность перехода её только в одно последующее состояние. В игровой модели все ограничения, не обусловленные её правилами, снимаются. Поэтому у игрока всегда есть выбор, а действия его имеют альтернативу... <...> С этим связана и условность времени в игре, её обратимость, возможность "переиграть". ... одно и то же событие в жизненной и игровой ситуации имеет различную информационную ценность» [20, с. 393].

В реалити-шоу эта идея игры реализуется парадоксальным образом. В основе любого реального шоу лежит и разыгрывается типичная реально существующая ситуация, объединяющая группу людей. Это ситуация приготовления к свадьбе, событие самой свадьбы, званого ужина, соблазнения, ухаживания, изменения привычек, внешности, черт и свойств характера, а с ними и уклада жизни. Понятно, что у каждого участника реалити-шоу свои конкретные жизненные обстоятельства, причины, возможности, цели и задачи, которые привели его (или семейную, влюблённую пару) на проект. Но эти типичные реально существующие в жизни конкретных людей ситуации в реальном шоу, не переставая быть реально существующими, составляющими порой общие, очень серьёзные жизненные и социальные, при этом ещё и индивидуальные проблемы конкретных людей, становятся игрой и представлением. Эти существующие в жизни конкретных людей ситуации, которые одновременно есть и *простейшие житейские ситуации* (М. Фуко), и всегда, неизменно глубоко индивидуальны по своему характеру, предстают как схематично-типичные, могут даже иметь альтернативное решение, могут быть «переиграны» в пространстве реалити-шоу,

имея в то же время необратимые последствия в *живой жизни*. Это реализуется в двух основных типах «переигрывания», которые обнаруживают тонкую, но значимую грань соприкосновения стихии *живой жизни* и условной реальности, а также ценностную значимость эстетических границ.

Во-первых, «переигрывание» осуществляется в жизни конкретных участников конкретной серии реалити-шоу. Они могут увидеть и даже отчасти осуществить альтернативные варианты ситуации. Например, невеста, жених могут отказаться от предложенного платья, выбранного сценария или вообще свадьбы («Свадьба за 48 часов», «Оденься к свадьбе», «4 свадьбы»). В «Званом ужине» можно после проигрыша или победы получить второй шанс и возможность принять участие в битве проигравших или супербитве. В реалити-шоу, например, «Меняю жену», «Остров искушений», «От пацанки до панянки», «Барышня – крестьянка» нечасто и ненадолго, но участнику можно, поддавшись эмоциям, приостановить участие в проекте, решить, сможет он или нет продолжать дальше играть по предложенным правилам. Эти нервные срывы фиксируются камерой, о них сообщается зрителям, которых информируют об окончательном решении героя проекта и том, как он после эмоционального надрыва справляется с ролью жены, невесты, повара, артиста и т. д. Момент выхода из игровой реальности, включение этого же момента в медиатекст реалити-шоу, а затем продолжение представления по заранее известному общему сценарию простой житейской ситуации и отличает реальное шоу от театральной культуры. Этот момент демонстрирует невозможность подобного решения проблемы «переигрывания» даже в самых смелых театральных экспериментах, где подобного рода театральные ходы и/или же импровизации подчиняются не житейской логике и чувствам обыкновенного человека, а интеллектуально-эстетическим задачам и целям.

В отличие от театральной культуры, которая постоянно ощущает самодовление своих эстетических границ, потребность их сохранения как гарантии самосохранения, не растворения в стихийности и безобразности *живой жизни*, реалити-шоу не знает этих проблем. Наоборот. Для реалити-шоу главным оказывается разыграть в игровой, моделирующей системе реально существующие ситуации из жизни конкретных, как правило, обыкновенных людей, не страшась, а стремясь к вере и доверию в демонстрируемую реальность и простоту, обыденность поведения, чувств, жестов участников. Как справедливо отмечает А. Шестакова: «Главной задачей “театра участия” было приведение в соответствие сущности человека и его видимого образа – путем элиминирования условностей театра и культуры. Этот “театр” обещал вождественное ощущение “реальности, в которую можно верить”. Искомая реальность отождествлялась с естественностью и спонтанностью, однако случайный характер его участников обернулся проблемой дилетантизма. Возникла потребность в организации их спонтанности, а вместе с нею – и замысел “театра истоков”» [32, с. 16].

У реального шоу таких проблем не возникает и не может возникнуть. Оно изначально ориентировано на своеобразную двойную спонтанность и внутри игрового пространства, и на естественную эмоциональную реакцию участников реалити-шоу на увиденное пространство, условия жизни, на правила, которые необходимо выполнять, на партнёров по проекту, с которыми необходимо взаимодействовать. Эта своеобразная двойная спонтанность обязательно включается в медиатекст реалити-шоу, образуя его неповторимое целое. Реальное шоу эксплуатирует дилетантизм, превращая его в свой язык.

Во-вторых, альтернативы и «переигрывание» действия, основанного на реально существующей житейской ситуации, могут осуществляться в реалити-шоу посредством разыгрывания этой типичной ситуации в разных сериях различными игроками. Неизменность двух составляющих создает иллюзию обратимости времени и событий в реалити-шоу. Это неизменность простейшей житейской ситуации (свадьба, званый ужин, пластическая операция, недельная жизнь в другой семье в роли жены, ухаживания, соблазнения малознакомых людей, возможность изменить отношения с детьми и/или родителями). И неизменность того, что эту простейшую житейскую ситуацию выбора и решения воплощают и публично разыгрывают герои с приблизительно одинаковым набором жизненных проблем, целей, задач, ориентаций, мечтаний. Иллюзия обратимости *как бы* предлагает множество решений, точнее, нюансов решений одной пробле-

мы, при этом обнаруживая и возможность для игроков, и зрителей реализовать эти решения в уже не в игровой реальности *живой жизни*. Реальное шоу *как бы* снимает детерминированность *живой жизни* конкретного человека, пары, семьи, масштабируя и настойчиво повторяя в качестве театрального представления минимальную реально существующую, стереотипную житейскую ситуацию. В этом плане реалити-шоу не продолжает, а одновременно отрицает и утверждает возможности искусства, в том числе и театральной культуры.

Рассуждая о морально-нравственной силе искусства, Ю. Лотман в статье «О природе искусства» (1990) настаивал: «Оно даёт нам выбор там, где жизнь выбора не даёт. И поэтому мы получаем выбор в сфере искусства, перенося его в жизнь. <...> Искусство стремится быть похожим на жизнь, но оно не есть жизнь. И мы никогда не спутаем их. Анекдот о человеке, спасающем Дездемону, свидетельствует не о торжестве искусства, а о полном его непонимании. Искусство – модель жизни. И разница между ними велика. Поэтому преступление в искусстве – это исследование преступления, изучение того, что есть преступление. А в жизни есть только преступление. В одном случае изображение вещи, в другом – сама вещь. И все многочисленные легенды о том, как художники создают произведения, неотличимые от жизни, заменяют искусство жизнью, возникают в области наивного взгляда на искусство» [20, с. 402].

Если экстраполировать и продолжить эту идею в отношении реалити-шоу, то можно увидеть, что оно изначально и последовательно осуществляется парадоксальным образом, на уникальном перекрёстке *живой жизни* и условной реальности искусства, масс-медиа, когда вещь, человек, ситуация и их изображение существуют в одних смысловых, эстетических, масс-медийных и житейских пределах. Реальное шоу – это и модель жизни, и сама жизнь, познающая, проверяющая, изменяющая свою сущность через силу, возможности, ловушки высокой, трагической игры и масс-медиа. В реалити-шоу существует любовь, обида, унижение, свобода, радость, тоска, предательство, победа, поражение, кардинальное изменение внешности, нежелательная беременность, воспитание ребёнка и их постижение, исследование, изучение посредством разыгрывания и добровольного, публичного представления. Под таким углом зрения и необходимо говорить о проблемах взаимного перечёркивания реального шоу и театральной культуры.

Взаимное перечёркивание реалити-шоу и театральной культуры – это не отрицание, нивелирование, уничтожение их взаимосвязей и возможности выстраивания прочной *промежуточной территории* (Я. Мукаржовский). Если бы это было так, то реальное шоу не смогло бы ни возникнуть как медиатекст, ни тем более стать популярным и развиваться. Оно бы ограничилось жанровой разновидностью досуговых программ типа «Скрытая камера», «Улыбнитесь, вас снимают» и пространством элементарного комического, ориентированного на невзыскательные, почти примитивные вкусы массовой аудитории. Это жанровая разновидность реалити-шоу, которая использует шок, спонтанность, быстроту, естественность реакции заурядного человека в неожиданной, грубо-анекдотичной, стрессовой ситуации, примитивно эксплуатирует давнюю мечту театральной культуры преодолеть разрыв между жизнью и культурой. Её реализовать пытались в арлекинадах представители русского модернизма начала XX в., затем в 30-х гг. А. Арто и другие экспериментаторы в сфере театральной культуры на протяжении всего века. Однако её максимальная актуализация в реалити-шоу не приводит ни к образованию *промежуточной территории* (Я. Мукаржовский), не делает эту раннюю жанровую разновидность жизнеспособной, а демонстрирует перечёркивание принципов театральной культуры в смысле их уничтожения. Развитие реалити-шоу, его жанрово-стилистическое, композиционное, образное, риторическое усложнение, сращение с PR-коммуникацией и развлекательными журналистскими жанрами, стремление использовать традиционные масс-медийные и театральные, литературные жанры для собственного упрочнения и обогащения свидетельствует о его эстетической и масс-медийной силе. Это, с одной стороны. А с другой – о необходимости для реального шоу применять основы и принципы театральной культуры не в качестве подражания и не в качестве откровенного и банального эксплуатирования, а прежде всего в качестве перечёркивания как возможности в этом процессе выявить новые смыслы и ценности театральности, значимые для обыкновенного человека XXI в.

Взаимное перечёркивание, как постоянный процесс, жанрово-стилистическое и риторическое развитие, не означает и развития реалити-шоу, театральной культуры в параллельных реальностях «высокой» и «низкой» культур, когда объединяющими моментами будут формально-содержательные, формально-структурные элементы и симуляция, своеобразное использование художественности в реальном шоу и документальности, предельно максимальной достоверности жизни в экспериментальных формах театра. Взаимное перечёркивание – это, прежде всего, попытки в новых культурных условиях тотальности масс-медиа и массмедийности реалити-шоу и театральной культуры перейти за установленные традициями и сферами их существования эстетические границы. Это попытки освоения и реализации в инородных для себя пространствах, когда важным оказывается не отказ от своей сущности, её принципиальная трансформация, а расширение возможностей существования, новое постижение и проверка своих внутренних субстанциальных границ. Для театральной культуры невозможно разрушение принципов и моделей художественности, эстетического даже на территории масс-медиа. Вследствие чего театральное представление остаётся моделью жизни, если и влияющей на личность и судьбу актёра, то только как в хрестоматийно известном случае с А. Арто.

Взаимное перечёркивание реалити-шоу и театральной культуры – это ещё и значимая попытка, возможность осуществиться поверх уже известных, общепринятых и общепризнанных смыслов, не стирая их, а масштабируя, делая их прозрачными и более рельефными за счёт процесса взаимного отражения. В процессе такого перечёркивания реалити-шоу и театральная культура выступают своеобразными зеркальными фонами друга для друга, когда перечёркиваемые смыслы обнаруживают свою значимость не в качестве отжившего, устаревшего, отрицаемого, нивелируемого, а в качестве давно искомого и необходимого начала. Взаимное перечёркивание реалити-шоу и театральной культуры – это ещё и возможность почти естественным образом проникнуть на территорию повседневности и жизни обыкновенного человека и утверждать там взаимоисключающие, существующие только в перечёркиваемом виде смыслы и модели коммуникации. В процессе взаимного перечёркивания реалити-шоу и театральная культура одновременно делают участника проекта и героем представления (в театральном смысле), и героем медиасобытия. Они оставляют ему право на переживание эмоций спонтанное, естественное и при этом же сознательно публичное, рассчитанное на чужое и постороннее восприятие.

Жизнетекст героев реалити-шоу – это то, что образуется и существует в результате и благодаря стремлению и процессу перечёркивания принципов театральной культуры, значимых в то же время только в моменте своего перечёркивания, как спора, игры с ними, но не их уничтожения или же полного отрицания. В противном случае эстетические границы и реалити-шоу, и театральной культуры обнаружат не только свою исчерпанность, но и разрушение *промежуточной территории* (Я. Мукаржовский), что приведёт к двум последствиям. Во-первых, к тривиальным постановочным сценам, разыгрыванию средствами экранных масс-медиа житейских ситуаций, как, например, в «Судебных делах». Во-вторых, к максимально естественному, но не интересному и не востребованному ни искусством, ни масс-медиа наблюдению за житейской рутинной. Это то, что уже лежит за сферой действия и реалити-шоу, и театральной культуры, например, *сетевой вайеризм* (П. Вирилио). Для них, несмотря на моменты и сближения, и перечёркивания, стремления, казалось бы, в разнородные направления, важно иное. В процессе их взаимодействия значимо прояснение и осуществление парадокса искусства рубежа наших веков, когда с ростом технических возможностей масс-медийности может показаться, что «...искусство погубило, вместо подобия жизни ворвалась сама жизнь», но «жизнь мало технически внести, её надо художественно освоить» [20, с. 403]. Методы, принципы, направления художественного освоения действительности – это то, что и объединяет театральную культуру и реальное шоу, и демонстрирует неизменную важность их взаимного перечёркивания как условия самостоятельности и жизненности каждого из этих явлений.

Список использованной литературы

1. Новикова А. Телевидение и театр: пересечения закономерностей / А. Новикова. – М.: Едиториал, УРСС, 2004. – 176 с.
2. Гуцал Е.А. Реалити-шоу на современном российском телевидении / Е.А. Гуцал : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 18 с.
3. Гуцал Е.А. Реалити-шоу: некоторые аспекты типологии / Е.А. Гуцал // Известия Уральского государственного университета. – 2009. – № 1/2 (62). – С. 179–184.
4. Шестакова Э.Г. Мелодраматическое начало в реалити-шоу / Э.Г. Шестакова // Homo communicans: человек в пространстве межкультурных коммуникаций IV. – Щецин: GRAFFORM, 2014. – С. 251–262.
5. Шестакова Э.Г. Острота ситуации: пересечение медийной и театральной культур в реалити-шоу / Э.Г. Шестакова // Новый филологический вестник. – 2012. – № 3 (22). – С.116–125.
6. Jensen A.P. Theatre in a Media Culture: Production, Performance and Perception Since 1970 / A.P. Jensen. – McFarland and Company, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amazon.com/Theatre-Media-Culture-Production-Performance/dp/0786428775> (последнее обращение 08.02.2020).
7. Bishop K.W. How Zombies Conquered Popular Culture: The Multifarious Walking Dead in the 21st Century (Contributions to Zombie Studies) / K.W. Bishop. – McFarland and Company, 2015. – 236 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amazon.com/Zombies-Conquered-Popular-Culture-Contributions/dp/0786495413> (последнее обращение 08.02.2020).
8. Phillipov M. Escaping to the country: Media, nostalgia, and the new food industries / M. Phillipov // Popular Communication. – 2016. – № 14 (2). – P. 111–122.
9. Burdfield C. Media Experiences: Engaging with Drama and Reality Television / C. Burdfield // Critical Studies in Television. – 2019. – Vol. 14. – Issue 4. – P. 530–532. DOI: 10.1177/1749602019872273a.
10. Kosciesza A. Media Experiences: Engaging with Drama and Reality Television / A. Kosciesza // International Journal of Communication. – 2020. – Vol. 14. – P. 2334–2337.
11. De Leone L. Argentinian Rural Imaginations: The Countryside as the Crossroads of Contemporary Artistic Expressions / L. De Leone // Cuadernos de Literatura. – 2016. – Vol. 20. – Issue 40. – P. 181–203. DOI: 10.11144/Javeriana.cl20-40.irac.
12. Youssef M. Best in Show: Reality Theatre, Performative Authenticity, and the 2015 Federal Election / M. Youssef // Canadian Theatre Review. – 2016. – Vol. 166. – P. 10–14. DOI: 10.3138/ctr.166.002.
13. Brandt S.L. Donald Trump, the Reality Show: Populism as Performance and Spectacle / S.L. Brandt // Lili-Zeitschrift fur Literaturwissenschaft und Linguistik. – 2020. – Vol. 50. – Issue 2. – P. 303–321. DOI: 10.1007/s41244-020-00170-3.
14. Shitrit M.H., Cohen J. Why Do We Enjoy Reality Shows Is It Really All About Humiliation and Gloating? / M.H. Shitrit, J. Cohen // Journal of Media Psychology-Theories Methods and Applications. – 2018. – Vol. 30. – Issue 2. – P. 104–111. DOI: 10.1027/1864-1105/a000186.
15. Karsay K., Schmuck D. “Weak, Sad, and Lazy Fatties”: Adolescents’ Explicit and Implicit Weight Bias Following Exposure to Weight Loss Reality TV Shows / K. Karsay, D. Schmuck // Media Psychology. – 2019. – Vol. 22. – Issue 1. – P. 60–81. DOI: 10.1080/15213269.2017.1396903.
16. Hill A., Askanius T. Live reality television: Care structures within the production and reception of talent shows / A. Hill, T. Askanius, K. Kondo // Critical Studies in Television. – 2019. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 7–21. DOI: 10.1177/1749602018774458.
17. Gvion L. Resourcefulness, advocacy, gratitude: Three ethnic narratives in Master Chef Israel / L. Gvion // European Journal of Cultural Studies. – 2019. – Vol. 22. – Issue 5–6. – P. 908–924. DOI: 10.1177/1367549418810076.
18. Иванов И. Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века / И. Иванов // Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел историко-филологический. – М.: Университетская типография, 1895. – Вып. 22. – 767 с.

19. Аникст А.А. Теория драмы на Западе в первой половине XIX века. Эпоха романтизма / А.А. Аникст. – М.: Наука, 1980. – 343 с.
20. Лотман Ю. Об искусстве / Ю. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2005. – 704 с.
21. Пастораль в театре и театральность в пасторали / под ред. Т.В. Саськовой. – М.: Издательство МГОПУ, 2001. – 172 с.
22. *Theatricality* / Edited by Tracy Davis and Thomas Postlewait. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 240 p.
23. Клементьева Н.В. Пасторальная традиция в русской художественной культуре начала XX века / Н.В. Клементьева : автореф. дис. ... канд. культурол. наук. – Киров, 2006. – 24 с.
24. Костелянец Б.О. Драма и действие: Лекции по теории драмы / Б.О. Костелянец. – М.: Совпадение, 2007. – 502 с.
25. Сарафанова Н.В. Традиции русского народного театра в литературе авангарда 1910–1930-х годов (кубофутуризм, имажинизм, ОБЭРИУ) / Н.В. Сарафанова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 28 с.
26. Берлова М.С. Театр короля / М.С. Берлова : дис. ... канд. иск. наук. – М., 2011. – 160 с.
27. Полозова Е.А. Культурная обусловленность инноваций во французском театре второй половины XVIII века. / Е.А. Полозова : автореф. дис. ... канд. культурол. наук. – Саранск, 2007. – 19 с.
28. Palmer B. *Theatricality and performance in Victorian literature and culture* / Beth Palmer // *Victorian Network*. – 2011. – Volume 3. – Issue 2. – P. 1–6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.victoriannetwork.org/index.php/vn/article/view/22> (Последнее обращение 08.02.2020).
29. Театральные термины и понятия. Материалы к словарю. Вып. III / под ред. В.М. Мироновой. – СПб.: РИИИ, 2015. – 297 с.
30. Гончарова-Грабовская С.Я. Поэтика современной русской драмы (конец XX – начало XXI века) / С.Я. Гончарова-Грабовская – Минск: БГУ, 2003. – 70 с.
31. Боров Ю. Эстетика / Ю. Боров – М.: Русь-Олимп: АСТ: Астрель, 2005. – 829 с.
32. Шестакова А.В. Феномен «театральной антропологии» в европейской культуре второй половины XX века / А.В. Шестакова : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2008. – 22 с.
33. Новейшая драма XX–XXI вв.: проблема конфликта: материалы научно-практического семинара / под ред. Т.В. Журчевой. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2009. – 108 с.
34. Ранкс О.К. Поэтика условного театра в Испании в первой трети XX века (Х. Бенавенте, М. де Унамуну, Х. Грау) / О.К. Ранкс : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 26 с.
35. Левченко О.Г. Театр у системі філософської антропології / О.Г. Левченко – К.: НЦТМ імені Леся Курбаса, 2012. – 296 с.
36. Липовецкий М. Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «новой драмы» / М. Липовецкий, Б. Боймерс – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 376 с.
37. Макаров А.В. «Новая драма»: поиск литературоведческой оптики для описания метатеатральных экспериментов / А.В. Макаров // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2012. – № 6 (17) – С. 85–89.
38. Джурова Т.С. Концепция театральности в творчестве Н.Н. Евреинова. / Т.С. Джуров : автореф. дис. ... канд. искусств. наук. – СПб., 2007. – 18 с.
39. Утехин И.В. Театр и семиотика поведения в концепции Н.Н. Евреинова / И.В. Утехин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/500/38500/files/spr0000006.pdf> (Последнее обращение 08.02.2020).
40. Хализев В.Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование) / В.Е. Хализев – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 260 с.
41. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

REALITY SHOW AND THEATER CULTURE: PROBLEMS OF MUTUAL CROSSING OUT

Eleonora G. Shestakova, Donetsk (Ukraine)

E-mail: shestakova_eleonora@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-4

Key words: theater culture, reality shows, fiction text, media text.

The article substantiates the problem of the relationship between reality shows and theater culture. Real show – a representative of on-screen mass media, mass communication – and theatrical culture is initially and quite obvious to both the audience and researchers, there are many points of both repulsion and intersection. Almost all reality shows are based on minimal an everyday situation, which is initially and clearly reflected in the title, concept, structure of the show, its poetics. The mass viewer watches a reality show as an idea of someone alien else's, but close and understandable in many values, semantic, ideological views of life. A real show at the same time turns out to be a performance (television series), and a story about genuine, most ordinary people. For the intellectual viewer, the relationship between the most successful reality shows and, firstly, the cultural code of the Enlightenment, aimed at the increased role, value of theater and theatricality, is obvious. Secondly, reality shows and happenings, environment, theatrical anthropology, new drama, documentary theater, which relate to the experimental direction of the theatrical culture of the second half of the 20th – beginning of the 21st centuries, and correlate with the literature of ego-document, non-fiction, non-fiction, popular at the turn of the century. However, the relationship and the inner kinship of a real show and theatrical culture, it is wrong to limit to only such an approach. It seems that it is necessary to change the coordinate system, which considers the problems of correlation, the relationship of real shows and theater culture. The search for answers to these questions is the main goal and objectives of the article. A reality show balances on a thin and provocative edge, using real everyday life, the physical and spiritual presence of an ordinary person as a playable, presented in the text about themselves. Moreover, the reality show does not always manage to stay on this border in an effort to make the player be as spectacular and natural as possible in this spectacle, designed for publicity. As a result, the reality show produces not only positive, but also dramatic changes. However, the opportunity for an ordinary person to publicly play with himself and play in himself, to change his daily routine and his whole life makes a real show popular. It acts as a kind of unique, uniting the masses of ordinary people as an experimental platform on which just the principles of everyday life are played out and a person can simultaneously be himself and play in himself.

References

1. Novikova, A. *Televidenie i teatr: peresechenija zakonmernostej* [Television and theater: intersections of patterns]. Moscow, Editorial, URSS Publ., 2004, 176 p.
2. Gucal, E.A. *Realiti-shou na sovremennom rossijskom televidenii*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Reality show on modern Russian television. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2008, 18 p.
3. Gucal, E.A. *Realiti-shou: nekotorye spekty tipologii* [Reality show: some typology aspects]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Ural State University Journal], 2009, no. 1/2 (62), pp. 179-184.
4. Shestakova, E.G. *Melodramaticheskoe nachalo v realiti-shou* [Melodramatic beginning in a reality show]. *Homo communicans: chelovek v prostranstve mezhkul'turnyh kommunikacij IV* [Homo communicans: a person in the space of intercultural communications IV]. Shhecin, GRAFFORM Publ., 2014, pp. 251-262.
5. Shestakova, E.G. *Ostrota situacii: peresechenie medijnoj i teatral'noj kul'tur v realiti-shou* [The severity of the situation: the intersection of media and theater cultures in a reality show]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin], 2012, no. 3 (22), pp. 116-125.
6. Jensen, A.P. *Theatre in a Media Culture: Production, Performance and Perception Since 1970*. McFarland and Company, 2007. Available at: <https://www.amazon.com/Theatre-Media-Culture-Production-Performance/dp/0786428775> (Accessed 08 February 2020).
7. Bishop, K.W. *How Zombies Conquered Popular Culture: The Multifarious Walking Dead in the 21st Century* (Contributions to Zombie Studies). – McFarland and Company, 2015. – 236 p. Available at: <https://www.amazon.com/Zombies-Conquered-Popular-Culture-Contributions/dp/0786495413> (Accessed 08 February 2020).
8. Phillipov, M. Escaping to the country: Media, nostalgia, and the new food industries. *Popular Communication*, 2016, no. 14 (2), pp. 111-122.
9. Burdfield, C. Media Experiences: Engaging with Drama and Reality Television. *Critical Studies in Television*, 2019, vol. 14, issue 4, pp. 530-532. DOI: 10.1177/1749602019872273a.

10. Kosciesza, A. Media Experiences: Engaging with Drama and Reality Television. *International Journal of Communication*, 2020, vol. 14, pp. 2334-2337.
11. De Leone, L. Argentinian Rural Imaginations: The Countryside as the Crossroads of Contemporary Artistic Expressions. *Cuadernos de Literatura*, 2016, vol. 20, issue 40, pp. 181-203. DOI: 10.11144/Javeriana.cl20-40.irac.
12. Youssef, M. Best in Show: Reality Theatre, Performative Authenticity, and the 2015 Federal Election. *Canadian Theatre Review*, 2016, vol. 166, pp. 10-14. DOI: 10.3138/ctr.166.002.
13. Brandt, S.L. Donald Trump, the Reality Show: Populism as Performance and Spectacle. *Lilli-Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 2020, vol. 50, issue 2, pp. 303-321. DOI: 10.1007/s41244-020-00170-3.
14. Shitrit, M.H., Cohen, J. Why Do We Enjoy Reality Shows Is It Really All About Humiliation and Gloating? *Journal of Media Psychology-Theories Methods and Applications*, 2018, vol. 30, issue 2, pp. 104-111. DOI: 10.1027/1864-1105/a000186.
15. Karsay, K., Schmuck, D. "Weak, Sad, and Lazy Fatties": Adolescents' Explicit and Implicit Weight Bias Following Exposure to Weight Loss Reality TV Shows. *Media Psychology*, 2019, vol. 22, issue 1, pp. 60-81. DOI: 10.1080/15213269.2017.1396903.
16. Hill, A., Askanius, T., Kondo, K. Live reality television: Care structures within the production and reception of talent shows. *Critical Studies in Television*, 2019, vol. 14, issue 1, pp. 7-21. DOI: 10.1177/1749602018774458.
17. Gvion, L. Resourcefulness, advocacy, gratitude: Three ethnic narratives in Master Chef Israel. *European Journal of Cultural Studies*, 2019, vol. 22, issue 5-6, pp. 908-924. DOI: 10.1177/1367549418810076.
18. Ivanov, I. *Politicheskaja rol' francuzskogo teatra v svjazi s filosofiej XVIII veka* [The political role of the French theater in connection with the philosophy of the 18th century]. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Otdel istoriko-filologičeskij* [Scientific Notes of Imperial Moscow University. Department of History and Philology], 1895, issue 22, 767 p.
19. Anikst, A.A. *Teorija dramy na Zapade v pervoj polovine XIX veka. Jepoha romantizma* [The theory of drama in the West in the first half of the 19th century. The era of romanticism]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 343 p.
20. Lotman, Yu. *Ob iskusstve* [About Art]. Saint Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2005, 704 p.
21. Saskova, T.V. (ed.) *Pastoral' v teatre i teatral'nost' v pastorali* [Pastoral in theater and theatricality in pastoral]. Moscow, Izdatel'stvo MGOPU Publ., 2001, 172 p.
22. Davis, T., Postlewait, Th. (eds) *Theatricality*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 240 p.
23. Klementyeva, N.V. *Pastoral'naja tradicija v ruskoj hudozhestvennoj kul'ture nachala XX veka*. Avtoref. diss. kand. kultur. nauk [Pastoral tradition in the Russian Art of the beginning of the 20th century. Extended abstract of cand. cultur. sci. diss.]. Kirov, 2006, 24 p.
24. Kostelyanec, B.O. *Drama i dejstvie: Lekcii po teorii dramy* [Drama and Act: Lectures on Drama Theory]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2007, 502 p.
25. Sarafanova, N.V. *Tradicii russkogo narodnogo teatra v literature avangarda 1910–1930-h godov (kubofuturizm, imazhinizm, OBERIU)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Traditions of Russian folk theater in the literature of the avant-garde of the 1910s and 1930s (cubofuturism, imagism, OBERIU). Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008, 28 p.
26. Berlova, M.S. *Teatr korolja*. Avtoref. diss. kand. iskusstv. nauk [King's Theater. Extended abstract of cand. Art. sci. diss.]. Moscow, 2011, 160 p.
27. Polozova, E.A. *Kul'turnaja obuslovlennost' innovacij vo francuzskom teatre vtoroj poloviny XVIII veka*. Avtoref. diss. kand. kultur. nauk [The cultural conditionality of innovation in the French theater of the second half of the 18th century. Extended abstract of cand. cultur. sci. diss.]. Saransk, 2007, 19 p.
28. Palmer, B. Theatricality and performance in Victorian literature and culture. *Victorian Network*, 2011, volume 3, issue 2, pp. 1-6. Available at: <http://www.victoriannetwork.org/index.php/vn/article/view/22> (Accessed 08 February 2020).
29. Mironova, V.M. (ed.) *Teatral'nye terminy i ponjatija. Materialy k slovarju. Vypusk III* [Theatrical terms and concepts. Materials for the dictionary. Issue III]. Saint Petersburg, RIII Publ., 2015, 297 p.
30. Goncharova-Grabovskaya, S.Ya. *Poetika sovremennoj russkoj dramy (konec XX – nachalo XXI veka)* [Poetics of modern Russian drama (late of the 20th – early of the 21st century)]. Minsk, BGU Publ., 2003, 70 p.
31. Borev, Yu. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, Rus'-Olimp; AST; Astrel Publ., 2005, 829 p.
32. Shestakova, A.V. *Fenomen «teatral'noj antropologii» v evropejskoj kul'ture vtoroj poloviny XX veka*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The phenomenon of "theatrical anthropology" in European culture of the second half of the 20th century. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008, 22 p.
33. Zhurcheva, T.V. (ed.) *Novejšhaja drama XX–XXI vv.: problema konflikta: materialy nauchno-praktičeskogo seminara* [The latest drama of the 20th-21st centuries: the problem of conflict: materials of a scientific and practical seminar]. Samara, Univers grupp Publ., 2009, 108 p.

34. Ranks, O.K. *Poetika uslovnogo teatra v Ispanii v pervoy treti XX veka (H. Benavente, M. de Unamuno, H. Grau)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Poetics of conditional theater in Spain in the first third of the 20th century (H. Benavente, M. de Unamuno, H. Grau). Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011, 26 p.

35. Levchenko, O.G. *Teatr u sistemi filosofskoy antropologii* [Theater in Philosophical Anthropology system]. Kiev, NCTM im. Lesya Kurbasa Publ., 2012, 296 p.

36. Lipovetsky, M., Boymers, B. *Performansy nasilija: literaturnye i teatral'nye jeksperimenty «noj dramy»* [Performances of violence: literary and theatrical experiments of the "New Drama"]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 376 p.

37. Makarov, A.V. (2012). «*Novaya drama*»: *poisk literaturovedcheskoj optiki dlya opisaniya metateatral'nyh jeksperimentov* ["New Drama": a search for literary optics to describe metatheatrical experiments]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2012, no. 6 (17), pp. 85-89.

38. Dzhurova, T.S. *Koncepciya teatral'nosti v tvorchestve N.N. Avtoref. diss. kand. iskusstv. nauk Evreinova* [The concept of theatricality in N.N. Evreinov's work. Extended abstract of cand. Art. sci. diss.]. Saint Petersburg, SPbGATI Publ., 2007, 18 p.

39. Utehin, I.V. *Teatr i semiotika povedeniya v koncepcii N.N. Evreinova* [Theater and semiotics of behavior in N.N. Evreinov's concept]. Available at: <http://window.edu.ru/resource/500/38500/files/spr0000006.pdf> (Accessed 08 February 2020).

40. Halizev, V.E. *Drama kak rod literatury (poetika, genezis, funkcionirovanie)* [Drama as a literary genre (poetics, genesis, functioning)]. Moscow, Izdatelstvo MGU Publ., 1986, 260 p.

41. Nikoliukin, A.N. (ed.) *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatii* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, NPK "Intelvak" Publ., 2003, 1600 p.

Одержано 21.11.2019.

ЛІТЕРАТУРНІ ТРАДИЦІЇ: ДІАЛОГ КУЛЬТУР ТА ЕПОХ

УДК 82-32

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-5

О.В. БОГДАНОВА,

*доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института филологических исследований
Санкт-Петербургского государственного университета,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института образовательного регионоведения
Российского государственного педагогического университета*

Л.В. ЕВГРАФОВА,

*аспирант кафедры русской литературы
Российского государственного педагогического университета
(г. Санкт-Петербург)*

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ» ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА (РАССКАЗ «ХРУСТАЛЬНЫЙ МИР»)

В статье рассматривается понятие «петербургский текст» в связи с творчеством московского прозаика Виктора Пелевина и выявляются особенности «стороннего» взгляда на традиционную литературную мифологию города. Для анализа использован синтез основополагающих методов и принципов научного исследования, среди которых прежде всего стоят историко-типологический, поэтологический, структурный, интертекстуальный, в их взаимосвязи и дополнительности. В ходе исследования достигнуто новое прочтение текста современного прозаика, по-новому увидена литературная традиция, простирающаяся в современной русской прозе, обозначены образы-маркеры, свидетельствующие о неординарном восприятии событий национальной истории, города-знака, личностей-персоналий исторического прошлого. В работе показано, что мистический дух Петербурга-Петрограда рассматривается современным прозаиком как мистическое пространство, допускающее распространение зла по всей России, начиная с октября 1917 г. Интертекстуальные аллюзии, выявленные в тексте рассказа (от А.С. Пушкина к А.А. Блоку), позволяют понять контекст изображаемого прошлого, исторический хронотоп рассказа и одновременно вывести интерпретацию «петербургского текста» на уровень города-знака, вечного мистического зла, проникшего в русский мир через ворота-Петроград. Образ пелевинского города-текста создается интертекстуальными слоями, соединяющими фольклор, литературу, философию, религию. Корреляция этих нитей порождает образ открывшегося пути в ад, образ города, не защищенного ни архангельскими чинами, ни человеческим долгом, ни интеллектуальным знанием. Как показано в работе, за этим комплексом хрупкости «хрустального мира» стоит собственно пелевинское видение «петербургского текста», масштабно создаваемого в русской литературе начиная с XIX в. (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и др.), выявлен мистико-трагический ракурс «петербургского текста», простирающийся на современном этапе восприятия истории и образно-художественно оцененный московским прозаиком.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, проза, рассказ «Хрустальный мир», хронотоп, интертекст, философия, город-знак, «петербургский текст».

У статті розглядається поняття «петербурзький текст» у зв'язку з творчістю московського прозаїка Віктора Пелевіна і виявляються особливості «стороннього» погляду на традиційну літературну міфологему міста. Для аналізу використаний синтез основоположних методів і принципів наукового дослідження, серед яких насамперед стоять історично-типологічний, поетологічний, структурний, інтертекстуальний, у їхньому взаємозв'язку і додатковості. У ході дослідження досягнуто нове прочитання тексту сучасного прозаїка, по-новому побачена літературна традиція, яка проступає у сучасній російській прозі, позначені образи-маркери, що свідчать про неординарне сприйняття подій національної історії, міста-знака, особистостей, персоналій історичного минулого. У роботі показано, що містичний дух Петербурга-Петрограда розглядається сучасним прозаїком як містичний простір, який допускає поширення зла по всій Росії, починаючи з жовтня 1917 р. Інтертекстуальні аллюзії, виявлені в тексті оповідання (від О.С. Пушкіна до О.О. Блока), дозволяють зрозуміти контекст зображуваного минулого, історичний хронотоп оповідання, і водночас вивести інтерпретацію «петербурзького тексту» на рівень міста-знака, вічного містичного зла, що прориває у російський світ через ворота-Петроград. Образ пелевінського міста-тексту створюється інтертекстуальними прошарками, що з'єднують фольклор, літературу, філософію, релігію. Кореляція цих нитей породжує образ, який відкриває шлях до пекла, образ міста, не захищеного ні архангельськими чинами, ні людським обов'язком, ні інтелектуальним знанням. Як показано в роботі, за цим комплексом крихкості «кришталевому світу» стоїть особисте пелевінське бачення «петербурзького тексту», масштабно створюваного в російській літературі, починаючи з XIX ст. (О.С. Пушкін, М.В. Гоголь, Ф.М. Достоевський та ін.), виявлено містико-трагічний ракурс «петербурзького тексту», що проступає на сучасному етапі сприйняття історії і образно-художньо оцінений московським прозаїком.

Ключові слова: Віктор Пелевін, проза, оповідь «Кришталевий світ», хронотоп, інтертекст, філософема, місто-знак, «Петербурзький текст».

Тема Петербурга являється «сквозной» в руской літературі як XIX, так і XX вв. Хрестоматійні такі поняття, як Петербург А. Пушкіна, Н. Гоголя, Ф. Достоевського или «петербургский текст» А. Битова, И. Бродского, «ленинградский текст» С. Довлатова. Каким же предстает Петербург в прозе москвича Виктора Пелевина?

Уже только хронотоп связывает рассказ Пелевина «Хрустальный мир» с «петербургским текстом», т. к. события в рассказе происходят в ночь с 24 на 25 октября 1917 г., место действия – Петроград, улица Шпалерная. Герои рассказа – два молодых юнкера Юрий и Николай, патрулирующие улицу, охраняющие подход к «штабу революции» Смольному.

Согласно реалиям времени молодые герои-юнкера несут патруль на лошадях, выходясь над «пустой и темной» [1, с. 294] Шпалерной. Слова, произнесенные (пропеты) одним из героев рассказа под воздействием кокаина, – «За ним повсюду всадник медный!» [1, с. 295] – еще теснее привязывают пелевинский текст к мистическому Петербургу, отсылают к поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» [2]. В соответствии с намеченной интертекстуальной перекличкой герои Пелевина в ночной тишине Петрограда, на пронизывающем ветру, во мраке холодного осеннего города оказываются почти напрямую соотношенными то ли с образом «бронзового истукана», то ли «маленького человека», в данном случае – травестированного пушкинского всадника. При этом уже в самом начале текста Пелевина звучит мысль: «каждый <...> знает, что человек вовсе не царь природы» [1, с. 294], т. е. величественность в человеке принципиально отрицается и «(медный) всадник» действительно низвергается прозаиком до «маленького человека». Более того, в прочитываемой аллюзии эксплицируется иронический ракурс: если гордый и всеильный пушкинский Петр «Россию поднял на дыбы», то пелевинский Юрий пытается «поднять лошадь на дыбы» [1, с. 295], но она «в ответ на его усилия присела на задние ноги», лишь «после нескольких пируэтов» Юрий едва «справился с лошадью» [1, с. 295]. Масштаб хронотопа сужается, как мельчает и образ всадника.

Тот же герой – Юрий – упоминает и имя Карла XII, шведского короля, побежденного Петром I в битве под Полтавой [1, с. 299]. Аллюзийный план усиливается и нагнетается. Отсылка к мотиву наводнения, звучащему в пушкинской «петербургской повести» («словно какую-то плотину прорвало» [1, с. 298]), поддерживает интертекстему.

Между тем рассказовое пространство включает в себя и множество реалий иного плана, интертекстуальные отсылки к другим текстам и другому времени. Одной из них стано-

вится лозунг-надпись, протянутой между двумя фонарными столбами, – «Ура Учредительному собранию!» [1, с. 295], которая, с одной стороны, конкретизирует исторический (реальный) хронотоп событий, с другой – снова эксплицирует интертекстуальный план: служит аллюзией к поэме А. Блока «Двенадцать» («Вся власть Учредительному собранию!» [3]), то есть создает еще один (временной и эстетический) пласт «петербургского текста» – наряду с «золотым веком» намечает константы «века серебряного». И тогда образы пелевинских героев-юнкеров обретают уже известный, **по Блоку, абрис, в них начинают проступать** привычные контуры «белого» офицерства посреди «черной» петроградской ночи. Мотив кокаина, имя Мережковского, вид «перламутровой коробочки» [1, с. 294], упоминание декадентов и знаменитого кафе «Бродячая собака» [1, с. 308] усиливают эту временную локализацию.

Образ Петербурга-Петрограда выстраивается в рассказе «Хрустальный мир» метонимически – через «часть от целого», через описание Шпалерной. Улица изображена «темной и таинственной», покрытой туманом. Этот туман – реальная природная составляющая осенней погоды Петрограда, но этот туман – и субъективное видение окружающего персонажами пелевинского рассказа. В «туманном» образе улицы и города угадывается сопутствующий и характерный для раннего рассказового творчества Пелевина субстанциальный мотив – сон. Юнкеру Николаю грезятся «темные пагоды», «черная туча» и «какие-то два воина» [1, с. 300]¹.

Образы героев-воителей, вбирающие в себя черты иррациональной тайны «петербургского текста», обрисовываются и раскрываются Пелевиным постепенно: характеры складываются из мистико-поэтических примет уже намеченных слагаемых «золотого» и «серебряного» века, но в действие вступает и праистория, более глубокие и древние времена. В собственных именах персонажей, точнее в их фамилиях – юнкеров зовут Юрий Попович и Николай Муромцев – слышны отзвуки имен былинных русских богатырей и, как следствие, возникает абрис фольклорных героев-легенд, призванных охранять рубежи родной земли. Семантика (контентность) традиционных былинных персонажей Алеши Поповича и Ильи Муромца проецируется на образы Юрия и Николая.

Ранее намеченное образно-нарративное «снижение» парадоксальным образом дополняется и совмещается с «возвышением» как образов персонажей, так и художественного пространства, их окружающего: «В домах горело только пять или шесть окон, и они походили на стены той самой расщелины, за которой, если верить древнему поэту, расположен вход в ад» [1, с. 303]. Реально-исторический хронотоп рассказа мистифицируется и обобщается – оказывается, что герои охраняют вход в ад, и два героя-всадника – те самые архангелы Михаил и Гавриил, которые были упомянуты выше. В подтверждение этой аллюзии в тексте появляется экфрагис, рассказ Юрия о докторе Штейнере, который показывал ему гравюру, где два «длинноволосых, в одной руке – копье, другой – песочные часы, все в латах, и вроде один из них – я...» [1, с. 303]. Как известно, святые Михаил и Гавриил нередко изображаются на иконах с копьем и песочными часами. Время реально-историческое таким образом трансформируется во время мистическое, библейское, *над*историческое, надвременное. Возникает незримый образ воронки времени, любимый Пелевиным образ исторического портала.

Дальнейшее описание Петрограда нагнетается все большими и точными деталями, аккумулирующими мифологический характер хронотопа и происходящих в его рамках событий. «Улица уже давно казалась мертвой – но только в том смысле, что с каждой новой минутой все сложнее было представить себе живого человека <...> В другом, *нечеловеческом смысле* она, наоборот, оживала» [1, с. 305]. В тексте происходит постепенное нагнетание атмосферы, человеческий мир замирает, новый загадочный и мистический мир начинает загадочно вырисовываться. «Закрашенные глаза» кариатид [1, с. 304] усиливают мотив слепоты окружающего мира, сна города и мира. Порождается образ-картина из стихот-

¹ Образ «двух воинов» характерен для рассказового творчества Пелевина. Так, в раннем рассказе «Спи» появляются два представителя небесного воинства – архангелы Михаил и Гавриил. См. об этом подробнее [4, с. 298–278].

ворения Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека», с той разницей, что у Пелевина ощутимее проявляются нотки мистического, пронизанного нечистой силой города («Опять завывало в водосточных трубах – это при том, что никакого ветра на самой улице не чувствовалось» [1, с. 302]). Безличная форма наррации («завывало...») усиливает ощущение присутствия таинственных сил.

Появление в повествовании капитана Приходова на «молодой белой кобыле» приносит в рассказ положительный (цветовой и эмоциональный) акцент. Капитан возникает в сопровождении двенадцати юнкеров, что делает его похожим на блоковского Христа: «<...> Идут двенадцать человек. // В белом венчике из роз – / Впереди Иисус Христос <...>» [3]. Приходов (NB: ономазиология, «говорящее имя» – от «приход», «явление...») предупреждает героев об опасности, и с его отъездом «улица опять превратилась в ущелье, ведущее в ад» [1, с. 303]. Редкие фонари, горящие на Шпалерной, кажутся «мистическими светящимися воротами» [1, с. 301]. С каждым новым мгновением Петроград обретает все более мистический, менее контурированный мрачно-фантастический, пугающе-угнетающий облик. Шпалерная становится связующим звеном (проходом-ущельем) между адом и раем, а два юнкера-архангела призваны защитить подход к Смольному-аду, быть готовыми к решающей битве со злом. Константный мотив тумана придает городу черты ирреальной вневременности («все закрывал туман», «клубы тумана сползали вниз по стенам», «клубы черного тумана», «один из клубов тумана, налившись какой-то особенной чернотой...» [1, с. 299]) – фольклорной, литературной, библейской, мистической.

Фигуративным олицетворением-воплощением мистического зла в рассказе Пелевина становится (традиционный) образ пса, философский образ мировой и русской литературы (см. Гете «Фауст», Блок «Двенадцать», Булгаков «Мастер и Маргарита» и др.). У Пелевина – «где-то снова завывали псы <...>» [1, с. 299]. «Холодный ветер» (блоковский «дикий ветер») заключает в себе нечто-то дьявольское, дополняя образ-маркер преддверия ада. Единственным колором, фигурирующим в рассказе, наряду с «неколористическими» черным и белым, становится желтый («на самой середине мостовой появилось несколько бутылок с ярко-желтыми этикетками», «пролетарий толкал вместительную желтую тележку», «две бутылки с ядовито-желтыми этикетками» [1, с. 304]). Желтый отблеск редких фонарей дополняется желтым светом луны, осеняющей Петроград своим холодным сиянием, порождая ассоциации с желтыми языками адава пламени, колористикой преисподней.

Как известно, мистическая природа Петербурга (соответственно и «петербургского текста») была художественно выявлена Пушкиным и Гоголем, но начало свое миф о городе берет еще во времена Петра I (хорошо известно проклятие, брошенное низвергнутой и отправленной в монастырь первой женой Петра, «быть городу пусту»). И если у Блока-розенкрейцера образ Христа в поэме «Двенадцать» появляется в момент рождения нового мира и становится воплощением «новой нравственности» (позади него – «холодный пес», воплощение низвергаемого антихристового племени), то в рассказе Пелевина наоборот – силу обретает антихрист, близится конец эпохи Христа, потому у «входа в ад» должны стоять два воина-архангела, чтобы удержать «адские врата» на запоре. Но силы зла наступают: все признаки этого дает писатель (желтый, ядовитый, лунный цвет доминирует). Мистическая природа города предвещает начало царствия змея, доминирование желтого цвета (в фольклоре цвета измены) говорит о мутации-измене всему человеческому.

Композиция «Хрустального мира» опосредована образом спирали, каждый виток представляет собой кольцо, круг. Образ замкнутого кольца несколько раз встречается в рассказе: «стена, кольцом окружающая античный город...» [1, с. 294], «круглая монета» [1, с. 294], «это из эсеровских кругов» [1, с. 298], «тусклый металлический диск» [1, с. 305], «серебряная лепешка» [1, с. 307], «глаза женщины <...> круглы и безумны» [1, с. 309]. Семантика каждого повествовательного кольца составляют периоды «золотого», «серебряного» и «бронзового» веков.

Последний – бронзовый – период оказывается у Пелевина маркирован знаками современности. Среди них – имя героя Юрия Поповича. Наряду с указанными интертекстуальными «былинными» и «литературными» связями ассоциативно (на звуковом уровне)

возникает образ современного комика-клоуна: от Юрия Поповича один шаг до Юрия Попова (прием травести). Среди деталей появляется «расхожий» пословичный образ, который также может быть отнесен к современности: конец ствола карабина Юрия напоминает «голову маленького стального индюка» [1, с. 299], и соответственно актуализирует поговорку: «индюк думал-думал да в суп попал» (вновь прием травести). Но еще более «говорящим» оказывается выход Пелевина на современность. Ведя рассказ о начале XX в., о 1917-м годе, автор «незаметно», но намеренно внедряет в историческое время знаки сегодняшнего: о кокаине – «Такой боевики перед терактом нюхают» [1, с. 302], «утапливая» эти «modern-знаки» (в данном случае – слова) в потоке речи, в мозаике деталей исторического момента. И тогда повествование «фактически» начинается с современности («боевики» и «теракты» [1, с. 302]), затем погружается в Серебряный век («достал из-под шинели серебряную ложечку» [1, с. 305]), углубляется в пушкинскую эпоху («смертельно ядовитый гад» [1, с. 305]; вновь из «Медного всадника» – только теперь Фальконе: бронзовый конь раздавливает гада) и снова возвращается в современность, более или менее отдаленную («Николай тихо выругался по-английски» [1, с. 307]). Образуется замкнутый цикл, повторяемость, бесконечность, что позволяет Пелевину напомнить о том, что вся история представляет собой некий замкнутый круг. В рассказе же описывается тот момент, когда человечество находится (как бы) в точке «агонии», «разложения», на стадии своеобразного «конца» (или «начала»).

Как уже отмечалось, образ Петрограда-Петербурга в тексте Пелевина пронизан мистическим духом. Это страшный, мрачный, загадочный, но главное – «двузначный» город, таящий в себе бытийные противоречия.

Вплотением темной, страшной, адской силы в рассказе Пелевина становится некто «третий», в образе которого легко узнаваем Ленин. Его первое появление – «темная фигура, крадущаяся вдоль стены со стороны Литейного проспекта» [1, с. 297–298]. Во всем его облике есть нечто «неприметное» и противоречивое («Лицо его с получеховской бородкой...», «хитро прищуренные глазки, которые, казалось, только что подмигнули в обе стороны и по совершенно разным поводам...» [1, с. 296]). «Николаю он показался похожим на специализирующегося по многотысячным рысакам конокрада» [1, с. 297]. Подобное сравнение возникает не случайно. Если вспомнить параллель «юнкера // всадники», обратиться к образу Петра I, **восседающего на коне и поднявшего «на дыбы» Россию**, окажется, что Ленин посвягает именно на этого «рысака» (ассоциация: рысак // рука), т. е. **на «петровскую» (до- и послепетровскую) Россию, для чего ему и надо пододбаться к Смольному.**

В образе Ленина проступает авторская (почти соц-артовская) ирония: «В правой руке господин имел трость, которой помахивал взад-вперед в том смысле, что просто идет себе тут, никого не трогает и не собирается трогать, и вообще знать ничего не желает о творящихся вокруг безобразиях» [1, с. 297]. Картавость героя, отраженная в тексте, несет определенную смысловую нагрузку. Например, фраза «все 'гавно» [1, с. 297] прочитывается двояко, воспроизводя картавость персонажа и одновременно давая оценку происходящему.

Второе появление Ленина на Шпалерной – в облике «жирной женщины в шляпе с густой вуалью» [1, с. 303] – усиливает демоническое начало персонажа, его «решительность» в достижении цели. Сказанная Юрием фраза – «вперед нельзя. Назад можно, вперед нельзя» – являет собой кольцо. В ответ: «**Donnerwetter! – про-бормотала женщина**» [1, с. 303]. Исползованное немецкое слово-фраза, с одной стороны, напоминает об идущей Первой мировой войне (с немцами, и тогда «жирная женщина» – немецкий шпион), с другой стороны – воспроизводит иронично звучащую в знаменитом фильме «Свадьба в Малиновке» фразу «**Donnerwetter, frau madame**», тем самым привнося иронию и одновременно (вновь) отражая историческую реальность (но других) описываемых событий, Гражданской войны. Появление и уход Ленина всегда происходят незаметно для юнкеров: «той <<жирной женщины>> уже след простыл» [1, с. 304], ибо герой-Ленин неуловим как призрак. А вой собаки, в котором «было столько тоски и ненависти» [1, с. 304], дополняет и усиливает ощущение «адских корней» героя и «адища» города.

Третья встреча с Лениным является и последней, и значимой. Во-первых, символично число три, фольклорно-сказочная троичность, вневременной мотив, закрепляющий цикличность и замкнутость. И в то же время – указание на вневременность событий, их бытийный характер. Во-вторых, символично то, каким образом происходит появление героя: «один из клубов тумана, налившись какой-то особенной чернотой, отделился от слоившейся между домами темной мглы» [1, с. 308]. В этой связи следует вспомнить появление **Воланда и его креатуры в «Мастере и Маргарите» Булгакова**. Пелевин тем же мотивом подчеркивает потустороннее, зловещее, «темное» в образе Ленина. У «странного существа» были характерные портретные ленинские черты: «бугры лысого черепа и отсвечивающий красным прищуренный глаз», в руках он держал гитару, резонатор которой «имел форму пентаграммы» [1, с. 310, звезда – символ революции]. Женщина, переодетая медсестрой, «была не то чтобы толстой, но какой-то оплывшей, словно мешок с крупой» [1, с. 306, судя по последней – образно-звуковой – детали, можно предположить, что имеется в виду Крупская]. «Маленький колпак с красным крестом», «косо» [1, с. 309] стоящий на голове символизирует нечто шутовское, ненастоящее. «Жизнь – игра, а люди в ней – актеры...», потому демон Ленин, (новый) вершитель (новой) эпохи, постоянно переодевается-перевоплощается, и в этом кроется его многоликость и обезличенность (одновременно), театр, маскарад, балаган.

В последнем эпизоде рассказа отчетливо звучит тема времени. Капитан Приходов отдал юнкерам часы, которые были обнаружены рядом с убитыми инвалидом и медсестрой. Случайно нажав на часы, Николай услышал знакомую мелодию – «Аппассионату» [1, с. 307] Бетховена, которая, как известно, была любимым музыкальным произведением Ленина. Символический образ «ленинских» часов становится знаком начала отчета нового времени (хотя пока – в рамках пелевинского рассказа – часы остаются в руках Юрия).

Мистическое пространство текста Пелевина, как уже было сказано, насквозь пронизывает мотив наркотиков, кокаина и эфедрина, которые принимают герои-стражи, юнкера-архангелы. Состояние «кайфа» и «отходняка» [1, с. 316] коррелирует с мотивами тумана и сна. Николай: «Сначала он был где-то возле фонарей, а потом, когда фонари оказались рядом, он отступил в клубящийся у пересечения с Литейным туман и пока выжидал» [1, с. 309]. «Отходняк» становится и метонимическим заместителем злой силы, знаменует перемены (к худшему). В унисон состоянию героя на улице появляется «черная собака», за ней – незнакомец. «Он оказался усатым мужиком средних лет в кожаном картузе и блестящих сапогах – типичным сознательным пролетарием» [1, с. 312]. Он, служащий «фирмы “Карл Либкнехт и сыновья”» [1, с. 317], объясняет Юрию и Николаю, что везет лимонад для «всех петроградских постов и караулов» [1, с. 317]. В описании героя нет ничего подозрительного (к тому же у него есть пропуск), но в эпизоде присутствует желтый цвет («пролетарий толкал вместительную желтую тележку», «две бутылки с ядовито-желтыми этикетками» [1, с. 317]), который, как уже было сказано, заключает в себе отрицательную коннотацию. Когда Юрий попросил Николая проверить, что в тележке, пролетарий пнул ее, и «внутри картаво загрохотали бутылки» [1, с. 317]. Пролетария пропустили, «скоро он растворился в тумане», а вместе с ним и картавый господин Ленин.

Как и во всем раннем рассказовом творчестве Пелевина, в «Хрустальном мире» достаточно сильно проступает философская струя. Почти в самом начале повествования Юрий спрашивает Николая: «Как ты себя понимаешь?» [1, с. 298], как видно, в форме «вечного вопроса»: герои пытаются осмыслить себя в этом мире, понять, зачем живут, есть ли у человека предназначение («Но миссия-то у тебя есть?» [1, с. 299]). Мировая литература на протяжении всей истории своего существования задавалась «вечными вопросами», Пелевин продолжает эту традицию и формулирует свою версию ответа. В «Хрустальном мире» он воплощается в мотиве недоступной пониманию человека некой «миссии». По Пелевину, «миссия есть у каждого», но «человек чаще всего не догадывается, в чем его миссия, и не узнает того момента, когда выполняет действие, ради которого был послан на землю» [1, с. 299].

О наличии исторической миссии Юрий узнает от доктора Штейнера, который сказал ему, что тот «должен сыграть огромную роль в истории» [1, с. 299]. Как воин-архангел, Юрий стоит «на неком посту» и защищает «мир от древнего демона», воплощенного (по Пелевину) в облике Ленина [1, с. 299]. Однако эта роль оказывается героем не выполненной или невыполнимой, т. к. на сломе эпох персонаж теряет реальное представление о собственной миссии: «Ведь нынешняя культура находится на грани гибели. Ведь это... уже агония. Или даже начало разложения» [1, с. 297].

Пелевин-автор прибегает к философским аналогиям. Отражением идей переломной эпохи для него становятся идеи немецкого философа Шпенглера (1880–1936), основная концепция которого состояла в том, что история культур переживает периоды возникновения, расцвета и умирания («культура может быть молодой, старой и умирающей» [6]), и учение доктора Штейнера (1861–1925), который отличался уклоном в теософию и спиритизм, а в пелевинском тексте оказывается выразителем идеи мистического предвидения [7]. Юрий становится действующим лицом периода смешения времен, его путь к исполнению миссии оказывается (за)туманен. Однако в конце рассказа Пелевин (его герой) упоминает о Стриндберге, его представлении о новом человеческом типе, возникающем на рубеже эпох: этим героем у шведского писателя становятся сильные, героические фигуры, определяющие ход истории в их столкновении с массой. По-видимому, воплощением такого типа героя для Пелевина должен был стать и Юрий (= Георгий, победоносец), однако его миссия не была разгадана героем.

В финале рассказа у Пелевина возникает образ былой России – «хрустального мира». Россия стоит на рубеже эпох, переживает нестабильность, шаткость положения, отражающиеся в метафоре: «...померещился огромный белый город, увенчанный тысячами золотых церковных головок, – город, как бы висящий в воздухе внутри огромного хрустального шара» [1, с. 316]. Пелевинское видение страны перекликается с представлением о Руси Даниила Андреева из «Розы мира». По Андрееву, «это – архитектурный ансамбль, осью которого является белый кристалл – белый собор с золотыми куполами и столпообразной колокольней, вокруг него – сонм часовенок и малых церквей, часто многоцветных, но почти всегда златоглавых...» [5, с. 20]. **Охранять хрустальный шар были призваны Юрий (Георгий-победоносец) и Николай (Угодник),** которые «сквозь клубы тумана мчались на конях навстречу какому-то чудовищу» [1, с. 316], однако в темном мареве осеннего города герои не разглядели своего пути, не осуществили миссию.

Таким образом, в «Хрустальном мире» Пелевин представляет Петербург-Петроград мистическим и мифическим градом, в котором пересекаются времена, сменяются эпохи, ищут свои пути и сбиваются с дороги герои. Образ пелевинского города-текста создается интертекстуальными слоями, соединяющими фольклор, литературу, философию, религию. Корреляция этих нитей порождает образ открывшегося пути в ад, не защищенного ни архангельскими чинами, ни человеческим долгом, ни интеллектуальным знанием. И за этим комплексом хрупкости «хрустального мира» рождается собственно пелевинское видение «петербургского текста», его драматический ракурс.

Список использованной литературы

1. Пелевин В. Generation 'П'. Рассказы / В. Пелевин. – М.: Вагриус, 1999. – 303 с.
2. Пушкин А.С. Медный всадник / А.С. Пушкин. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/451/p.1/index.html> (последнее обращение 31.03.2020).
3. Блок А. Двенадцать / А. Блок. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html> (последнее обращение 31.03.2020).
4. Богданова О.В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы / О.В. Богданова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 799 с.
5. Андреев Д. Роза мира / Д. Андреев. – М.: Мир Урании, 2001. – 605 с.
6. Шпенглер О. Закат Западного мира / О. Шпенглер. – М: Альфа-книга, 2014. – 1085 с.
7. Штейнер Р. Философия свободы. Основные черты одного современного мировоззрения / Р. Штейнер. – Ереван: Ной, 1993. – 596 с.

“PETERSBURG TEXT” BY VICTOR PELEVIN (STORY “THE CRYSTAL WORLD”)

Olga V. Bogdanova, Saint Petersburg State University; Russian State Pedagogical University (Russian Federation).

Ludmyla V. Yevgrafova, Russian State Pedagogical University (Russian Federation).

E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-5

Key words: *Victor Pelevin, the prose, story “The Crystal world”, chronotope, intertextuality, filosofeme, city-sign, “St. Petersburg text”.*

The article considers the concept of “Petersburg text” in connection with the work of the Moscow prose writer Victor Pelevin and reveals the features of the “third-party” view of traditional literary mythology. For the analysis the synthesis of fundamental methods and principles of scientific research is used, among which are primarily historical-typological, poetological, structural, intertextual, in their interrelation and complementarity. The study achieved a new reading of the text of the modern writer. During the analysis discovered a new literary tradition that emerges in contemporary Russian prose, demonstrated the images-markers showing an extraordinary perception of events of national history, city-sign and personalities from historical past. As shown in the work, the mystical spirit of St. Petersburg-Petrograd is considered by the modern prose writer as an admission of evil that spread throughout Russia, starting from October 1917. Intertextual allusions revealed in the text of the story (from A.S. Pushkin to A.A. Blok) allow to understand the context of time, the historical chronotope of the story, and at the same time to bring it to the level of the eternal mystical evil that penetrated into the Russian world through the gate-Petrograd. The image of Pelevin city-text is created by intertextual layers connecting folklore, literature, philosophy, religion. The correlation of these threads gives rise to the image of the opened way to hell, image of the city, not protected by any Archangel ranks, nor human duty, nor intellectual knowledge. As shown in the work, behind this complex of fragility of the “crystal world” is actually Pelevin’s vision of “St.-Petersburg text”, created on a large scale in Russian literature since the nineteenth century (A.S. Pushkin, N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky, etc.), revealed the mystical and tragic perspective of the “Petersburg text”, emerging at the present stage of perception of history and figuratively-artistically evaluated by the Moscow prose writer.

References

1. Pelevin, V. *Generation ‘P’. Rasskazy* [Generation ‘P’. Tales]. Moscow, Vagrius Publ., 1999, 303 p.
2. Pushkin, A.S. *Mednyj vsadnik* [The Bronze Horseman]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/451/p.1/index.html> (Accessed 31 March 2020).
3. Blok, A. *Dvenadcat’* [The Twelve (poem)]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html> (Accessed 31 March 2020).
4. Bogdanova, O.V. *Postmodernizm v kontekste sovremennoy russkoy literatury* [Postmodernism in the context of modern Russian literature]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo St-Petersburg State University Publ., 2004, 799 p.
5. Andreev, D. *Roza mira* [Rose of the World]. Moscow, Mir Uranii Publ., 2001, 605 p.
6. Spengler, O. *Zakat Zapadnogo mira* [The Decline of the West]. Moscow, Alfa-kniga Publ., 2014, 1085 p.
7. Shtejner, R. *Filosofiya svobody. Osnovnye cherty odnogo sovremennogo mirovozzreniya* [Philosophy of freedom. The main features of a modern worldview]. Erevan, Noy Publ., 1993, 596 p.

Одержано 22.11.2019.

УДК 811.161. 2

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-6

М.І. ВЕНГРИНЮК,
*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри філології та перекладу
Івано-Франківського національного технічного університету нафти і газу*

ФУНКЦІЇ ЕТНОКУЛЬТУРНИХ СТЕРЕОТИПІВ У ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ (НА МАТЕРІАЛІ РОМАНУ ГАРПЕР ЛІ «ВБИТИ ПЕРЕСМІШНИКА»)

У статті розкрито функційне навантаження та особливості вербалізації етнокультурних стереотипів у художньому тексті. На матеріалі роману Гарпер Лі «Вбити пересмішника» доведено, що художній текст, у якому закодують потужний експресивно-образний потенціал, здатний максимально виразно представити різні аспекти міжкультурної взаємодії, емоційно й переконливо розкрити особливості етнічних комунікативних контактів, «оживити» сприйняття «свого» і «чужого» у свідомості читача. З'ясовано, що в художньому тексті етнокультурні стереотипи виконують ряд функцій: кваліфікативно-оцінну, емоційно-репрезентативну, функцію внутрішньокмунікативної прогресії художнього тексту.

Зазначено, що роман Гарпер Лі «Вбити пересмішника» обрано для аналізу не випадково, адже тут найповнішою мірою представлено різні рівні взаємодії між представниками двох культур. За допомогою системи яскравих художніх образів авторка розкриває глибину проблеми, яка стосується сприйняття «інших» – людей, що належать до чужого етнічного середовища.

Встановлено, що з етнокультурними стереотипами, які функціонують за принципом бінарної опозиції «свій – чужий», тісно пов'язане позитивне і негативне оцінне маркування персонажів у художньому тексті. Акцентовано на тому, що етнокультурний стереотип може бути поштовхом для активізації різних емоцій персонажів, як-от: гніву, ненависті, роздратування, недовіри, страху тощо. Актуалізуючись у сильних позиціях художнього тексту, зокрема ключових діалогах і монологах, етнокультурний стереотип «працює» не тільки на розгортання комунікативних ходів комунікантів, а й за безпечення єдності і цілісності текстової канви.

Наголошено на тому, що в романі Гарпер Лі «Вбити пересмішника» етнокультурний стереотип формує каркас для втілення ідейно-тематичного задуму автора – розкриття негативних наслідків насильства і расової нерівності в суспільстві.

Ключові слова: етнокультурний стереотип, функції етнокультурних стереотипів, внутрішньокмунікативна прогресія художнього тексту, бінарна опозиція «свій – чужий», оцінність.

В статье раскрыта функциональная нагрузка и специфика вербализации этнокультурных стереотипов в художественном тексте. На материале романа Харпер Ли «Убить пересмешника» отмечено, что художественный текст, в котором закодирован мощный экспрессивно-образный потенциал, способен максимально выразительно представить различные аспекты межкультурного взаимодействия, а также эмоционально и убедительно раскрыть особенности этнических коммуникативных контактов, «оживить» восприятие «своего» и «чужого» в сознании читателя. Установлено, что в художественном тексте этнокультурные стереотипы выполняют ряд функций: квалификативно-оценочную, эмоционально-репрезентативную, функцию внутренней коммуникативной прогрессии художественного текста.

Отмечено, что роман Харпер Ли «Убить пересмешника» выбран для анализа не случайно, ведь здесь в полной мере представлены различные уровни взаимодействия между представителями двух культур. С помощью системы ярких художественных образов автор раскрывает глубину проблемы, которая касается восприятия «других» – людей, принадлежащих к чужой этнической среде.

Установлено, що с етнокультурними стереотипами, которые функционируют по принципу бинарной оппозиции «свой – чужой», тесно связана положительная и отрицательная оценочная маркировка персонажей в художественном тексте. Акцентировано на том, что этнокультурный стереотип может быть импульсом для активизации различных эмоций персонажей (гнева, ненависти, раздражения, недоверия, страха и т. д.). Актуализируясь в сильных позициях художественного текста (ключевых диалогах и монологах), этнокультурный стереотип «работает» не только на развертывание коммуникативных ходов коммуникантов, но и на обеспечение единства и целостности текстовой канвы.

Отмечено, что в романе Харпер Ли «Убить пересмешника» этнокультурный стереотип формирует каркас для воплощения идейно-тематического замысла автора – раскрытия негативных последствий насилия и расового неравенства в обществе.

Ключевые слова: этнокультурный стереотип, функции этнокультурных стереотипов, внутренняя коммуникативная прогрессия художественного текста, бинарная оппозиция «свой – чужой», оценочность.

У зв'язку з посиленням міжкультурних контактів дослідження етнокультурних стереотипів – стандартизованих уявлень про певний етнос – набуло в сучасній лінгвістиці особливої актуальності.

Ще на початку ХХ ст. відомий американський журналіст, дослідник Волтер Ліппман зауважив, що наше бачення світу опосередковане стереотипами – певними мисленневими структурами, які дозволяють пристосовуватись людині до світу. Стереотипи, глибоко проникаючи в підсвідомість, спрощують уявлення про навколишню дійсність, формують ціннісні орієнтири, визначають межі «свого» (зрозумілого, перевіреного, очікуваного) і «чужого» (незвичного, сумнівного, ворожого).

Численні приклади, які наводить В. Ліппман, переконують, що в стереотипній картині світу люди і предмети займають чітко визначені місця. Для яскравішого пояснення психологічної природи стереотипу дослідник вдається до метафоричних засобів: «Ми почуваємо себе в цьому світі так, ніби вдома. Ми вписані в нього. Ми його складова частина. Нам відомі всі ходи і виходи. Тут усе неймовірно знайоме, нормальне, надійне. Гори та яри цього світу розташовані там, де ми звикли їх бачити» [1, с. 108]. Зрештою, зауважує дослідник, «якщо в цьому світі люди, яких ми поважаємо, виявляються негідниками, а ті, яких ми зневажаємо, – благородними, то такий світ діє на нерви» [1, с. 109].

Ідею про те, що будь-яка інформація проходить крізь щільний фільтр стереотипних уявлень людини про певний фрагмент дійсності, підтримують і сучасні науковці. Сьогодні вчення про стереотипи набуло інтерпарадигмального характеру і залучило до свого арсеналу дані з психології, етнології, етнолінгвістики і культурології. Учені намагаються подати якнайповнішу дефініцію поняття «стереотип», розкрити його різномірну структуру, функційне навантаження в мовленні та описати засоби вербальної актуалізації. До розкриття феномену етнокультурного стереотипу активно долучилися як вітчизняні [3; 4; 6], так і зарубіжні [2; 5; 8; 9; 10; 11; 12] дослідники.

Встановлено, що є різні види стереотипів. Етнокультурний вирізняється з-поміж інших тим, що відображає спільне й повторюване в баченні одного етносу іншим. Фінський дослідник Я. Лехтонен виділяє чотири різновиди етнокультурних стереотипів: прості авто- і гетеростереотипи (що ми думаємо про себе і про «чужих») та переносні авто- і гетеростереотипи (наші припущення про те, що «чужі» думають про нас і про себе). Учений ілюструє свої положення яскравими прикладами. Так, простий автостереотип фінів полягає в тому, що вони вважають себе працьовитими і чесними; простий гетеростереотип фінів пов'язаний з тим, що фіни вважають шведів гордими і самозакоханими. Переносний автостереотип фінів такий: фіни переконані, що шведи вважають їх (фінів) недолюдими і відсталими. Переносний гетеростереотип фінів: фіни вважають, що шведи оцінюють себе як розумних і цивілізованих [див.: 5].

Дослідник В.Б. Кашкін зазначає, що у всіх різновидах етнокультурних стереотипів потрібно вбачати єдиний стрижень – бінарну опозицію. Навіть визначаючи і оцінюючи іншу націю, народ завжди має на увазі себе, свої власні характеристики, свої кордони в поведінковому континумі [5].

На думку М.О. Шутової, етнокультурні стереотипи, існуючи у свідомості й підсвідомості людини, реконструюються й у мові – в етимологічному й переносному значеннях, в ідіомах, у синтаксичних конструкціях. Дослідниця зазначає: «Повна характеристика етнокультурних стереотипів складається з плану змісту і плану вираження мовних одиниць, що їх позначають. Це ті критерії, на основі яких встановлено семантичні (топіки), формальні (ідіоми) та формально-семантичні (формули) типи етнокультурних стереотипів...» [3, с. 212].

Для глибшого розуміння цього лінгво- та етнокультурного феномену наведемо кілька його дефініцій. Отже, етнокультурний стереотип – це:

– лінгвокультурна модель, поширена в певному лінгвокультурному середовищі, у якій зафіксовані уявлення цього середовища про певну націю [2];

– історично закріплений умовний образ, що існує у свідомості як стабільний знак і належить до суспільної і мовної норми [3];

– стандартизоване, узагальнене соціальне уявлення про представників етносу, що має емоційний складник і стійкість у часі і просторі [4].

Попри змістову і структурну багатоплановість, етнокультурні стереотипи характеризуються й функційною розмаїтістю. Дослідники виокремлюють такі функції етнокультурних стереотипів: пізнавальну, комунікативну, функцію захисту позитивної ідентичності [6]. Пізнавальна полягає в тому, що стереотипи слугують для спрощення міжетнічної диференціації та «економії» сприйняття в ситуаціях міжетнічної взаємодії. Комунікативна функція тісно пов'язана з прогнозуванням поведінки іншої етнічної сторони і, відповідно, встановленням психологічної комунікативної дистанції. С.В. Сердюк слушно зазначає: «У ситуаціях міжетнічної взаємодії стереотипи не так ініціюють поведінку, як служать «гідами» поведінки» [6, с. 12]. Функція захисту позитивної етнічної ідентичності ґрунтується на механізмі виховання у її представників почуття переваги родових етнокультурних цінностей.

На нашу думку, художній текст, у якому закодований потужний експресивний потенціал, здатний максимально виразно представити різні грані етнокультурної взаємодії, панорамно та емоційно вражально розкрити особливості етнічних комунікативних контактів, «оживити» рецепцію «свого» і «чужого» у свідомості читача та експлікувати функційну багатоплановість етнокультурних стереотипів. Це й зумовило вибір теми та матеріалу нашого дослідження.

Мета роботи – розкрити функційне навантаження та мовні засоби актуалізації етнокультурних стереотипів у художньому тексті.

Для досягнення поставленої мети необхідно виконати такі завдання:

1) виявити й описати функції, які виконують етнокультурні стереотипи в художньому тексті;

2) розкрити особливості вербалізації етнокультурних стереотипів у художньому тексті (на матеріалі роману Гарпер Лі «Вбити пересмішника»).

Джерельною базою нашого дослідження послужив роман «Вбити пересмішника» відомої американської письменниці Гарпер Лі. Для аналізу цей твір обрано не випадково, адже тут найповнішою мірою представлено зіткнення двох діаметрально протилежних ментальних світів, до яких належать головні герої. Особливо гостро постає в романі проблема іншості – внутрішнього відторгнення індивідом усього чужого, яке сприймається як вороже. До кола проблем, які порушує Гарпер Лі, належать також і такі: відчуження людини в суспільстві через її расову належність, чітка стратифікація осіб відповідно до їхнього походження та ролі в спільноті, ригідність і упередженість громади у ставленні до людей з іншими кольором шкіри. За допомогою системи яскравих художніх образів авторка розкриває глибину проблеми, пов'язаної з рецепцією «інших» – тих, які не пов'язані з тобою спільністю ментальної картини світу. Увесь роман пронизує тема сегрегації людини за расовою належністю (*Шериф не наважився посадити Артура у в'язницю з неграми, тому його замкнули у підвалі суду* [7, с. 17]; *У світі існує чотири типи людей. Звичайні люди, як ми і наші сусіди, люди на кшталт Каннінгемів, що живуть у лісі, люди типу Юелів, що живуть на звалищі, й негри* [7, с. 309]; *Гадаю, ця жінка, ця місис Рузвельт, зовсім збожеволіла, просто розуму позбулася, коли приїхала сюди до Бірмінгема і спробувала посадити їх за свій стіл* [7, с. 319]).

Текст вибудовується довкола ряду етнокультурних стереотипів, які постають, на нашу думку, головним чинником внутрішньотекстової прогресії. Вони лежать в основі авторської оповіді та розгортанні комунікативних ходів персонажів. Опозиція «свій / чужий» зі свого боку формує смисловий каркас, який скріплює вузлові ідейно-тематичні центри тексту.

У романі йдеться про несправедливе звинувачення афроамериканця Тома Робінсона у згвалтуванні білої дівчини Меєли Юел. Усі намагання досвідченого і розумного адвоката Атикуса Фінча довести непричетність чоловіка до скоєння цього злочину не дали успіху. Суд присяжних виносить звинувачувальний вирок. Том Робінсон вибирає єдиний шанс звільнитися – втекти. Чоловік гине від кулі вартового. Темношкірому чоловікові «набридли всі ці шанси білих людей, і він вирішив скористатися власним шансом» [7, с. 321].

Смерть несправедливо звинуваченого Тома Робінсона не викликає подиву в білої частини населення округу. Переобтяжені вагою етнокультурних стереотипів, люди сприймають загибель темношкірого чоловіка як передбачуване:

Для Мейкома смерть Тома була типовою. Типово для негра зірватися і втікати. Типово для негрів діяти навмання, не думати про майбутнє, а отак чкурнути світ за очі при першій-ліпшій нагоді. Найкумедніше те, що Атикус Фінч міг домогтися його звільнення без покарання, але чекати? Це не для них. Ви ж знаєте, що вони за фрукти. Як прийшло, так і пішло. Ось цей хлопець, цей Робінсон, був одружений за законом і, кажуть, жив охайно й чисто, ходив до церкви, але все це тільки на поверхні, й він такий самий, як вони всі. Що з негра узяти?» [7, с. 327].

Як бачимо, у цьому текстовому сегменті подано перелік ідентифікаційних ознак, які експлікують стереотипне бачення афроамериканця білою частиною населення міста Мейкома. Повторення лексеми «типово» за принципом градації окреслює й увиразнює образ «чужого» – представника іншої культурної спільноти. Це людина, яка не вміє аналізувати, чинить навмання, не думає про майбутнє, піддається інстинктам, а не розуму. Однобокий погляд на поведінку особи, яка належить до протилежного табору, виявляє сутність етнокультурних стереотипів – спрощувати, протиставляти, давати поверхові узагальнювальні кваліфікації. У цьому контексті етнокультурний стереотип виконує **кваліфікативно-оцінну функцію**. Він сприяє виокремленню в образі персонажа певних стереотипно узагальнених рис і їх оцінному маркуванню, зазвичай зі знаком «мінус».

Етнокультурний стереотип функціонує за принципом бінарної опозиції. У художньому тексті він не тільки сприяє позитивній чи негативній характеристиці образів персонажів, а й забезпечує емоційно-експресивне відображення всього того, що представляє іншу культуру. Інакше кажучи, етнокультурний стереотип «працює» на відтворення емоційного стану персонажів у художньому тексті, виконуючи **емоційно-репрезентативну функцію**. Він є відправною точкою для актуалізації різних емоцій – від позитивних (головно щодо представників свого етносу) до негативних (зазвичай щодо «чужих»). «Стереотипи наповнені почуттями, які з ними асоціюються. Вони – бастион нашої традиції, і, заховавшись за стінами цього бастиону, ми можемо почувати себе в безпеці, – стверджує В. Ліппман і додає: – У свідомості, обтяженій упередженнями ... почуття нагадують киплячу лаву, яка захоплює за собою все, що трапляється їй на шляху» [1, с. 109].

У романі Гарпер Лі «Вбити пересмішника» події й ситуації, пов'язані зі стереотипним уявленням про афроамериканців, викликають у білої частини населення округу інтенсивно наснажену гаму почуттів:

1) роздратування (напр.: *...вони дуже знахабніли, ще трохи – і вони схочуть одружатися з нами* [7, с. 335]);

2) зневагу (*Хоча тобі навряд чи хочеться високо тримати голову, і не дивно, – з таким-от батьком* [7, с. 151]);

3) страх (*...я вже вже років п'ятнадцять прошу округ очистити від чорномазих оте кубло, бо поруч з ними жити небезпечно* [7, с. 239]; *...жодна порядна жінка тепер не почувается безпечно у власному ліжку* [7, с. 317]);

4) ненависть (*У нас удома кажуть, що твій татусь – ганьба Мейкома, а того чорномазого слід повісити на водокачці* [7, с. 107]);

5) ганьбу (*...коли він став чорнолюбцем, нам уже і на вулицях Мейкома більше не можна буде показатися* [7, с. 115]);

б) недовіру (*Вважаю, це не надто гарна звичка, Атикусе. Це їх розбещує. Ти же знаєш, скільки вони базикають між собою. Все, що відбувається в місті, обговорюється в чорному кварталі ще до заходу сонця* [7, с. 215]).

Емоційне комунікативне тло аналізованого тексту підтримує ряд етнофобізмів, як-от: чорнолюбець, чорномазий, чорнолюбські нахили.

Отже, етнокультурний стереотип не тільки створює фон для посилення емоцій персонажів, а й є відправною точкою для формування загальної емоційної картини художнього тексту і реалізації його експресивної функції.

На нашу думку, з етнокультурними стереотипами також тісно пов'язана **функція внутрішньокмунікативної прогресії художнього тексту**: розгортання діалогів і монологів персонажів відбувається з опорою на етнокультурну комунікативну складову.

Розгляньмо такий сегмент художнього тексту:

Тітка зачекала, поки Келпурнія вийде до кухні, а тоді виголосила:

– Не розмовляй так у їхній присутності.

– Як «так» і в чийй присутності? – поцікавився Атикус.

– Так, як-от щойно, у присутності Келпурнії. Ти сказав, що Бракстон Андервуд зневажає негрів.

– Кел це і без мене знає. Як і весь Мейком.

...

– Все, що говорить за цим столом, може бути сказано при Келпурнії. Їй відомо, як багато вона важить для нашої сім'ї.

– Вважаю, це не надто гарна звичка, Атикусе. Це їх розбещує. Ти же знаєш, скільки вони базикають між собою. Все, що відбувається в місті, обговорюється в чорному кварталі ще до заходу сонця [7, с. 215].

Як бачимо, в основі розгортання діалогу – стереотипне уявлення одного з комунікантів про те, що темношкірих людей не можна вводити в коло свого спілкування, оскільки будь-яке сказане слово може бути неправильно й однобічно проінтерпретоване. Негативне оцінює ставлення до осіб з протилежного етнокультурного табору есплікується насамперед за допомогою граматичної заміни форми однини займенника «вона». Комунікант вживає форму множини («у їхній присутності», «це їх розбещує») з певною ілюктивною метою – деіндивідуалізувати особистість (служницю-афроамериканку Келпурнію) і наділити її поведінковими стереотипними рисами, властивими темношкірому суспільному прошарку населення округу. Розширює імпліцитне комунікативне тло розмови і лексема «так», яка актуалізує в контексті ряд латентних смислів – «відверто, щиро», «як з рівними», «без остраху».

В іншому випадку етнокультурний стереотип, покладений в основу розгортання діалогу, може зумовити актуалізацію комічної ситуації. Розгляньмо приклад:

– Де це вас носило, хіба ви не чули галасу?

– А що трапилося? – спитав Джемі.

– Містер Редлі стріляв у негра, який заліз у його город.

– Та невже? І убив?

– Ні, – відповіла міс Стефані, – він стріляв у повітря. Той від страху аж побілів. Каже, якщо хтось побачить тут білого негра, це той самий [7, с. 75].

Етнокультурне упередження «темношкіра людина здатна посягати на чуже майно» породжує в уяві мейкомців стереотипний образ злодія. Це однозначно один з представників афроамериканців. Комізм у діалозі забезпечує оксиморон «білий негр» та фразеологізм «побіліти від страху». Насправді ж у садибу містера Редлі проник не темношкірий.

Внутрішньокмунікативну прогресію роману «Вбити пересмішника» забезпечують не тільки діалоги, в основу розгортання яких покладено етнокультурний стереотип, а й монологи. Так, завершальна промова Атикуса Фінча на суді, спрямована на захист несправедливо звинуваченого Тома Робінсона, – це не тільки зразок експресивно й естетично вражального тексту, а й спроба подолати прірву, яку створюють етнічні упередження. Незважаючи на ряд переконливих і беззаперечних аргументів, які наводить адвокат, суд присяжних виносить звинувачувальний вирок. Причиною такого ірраціонального рішення стала глибоко вкорінена у свідомості людей система переконань, ціннісних установок і стереотипних

упереджень. «Я стверджую, що система стереотипів, що міститься в центрі наших кодексів, визначає, яку саме групу фактів ми побачимо, – зауважує В. Липпман, а далі слушно додає: – Якщо ми щось сильно ненавидимо, то легко пов'яжемо це причинно-наслідковим зв'язком з іншими речами, які ми теж ненавидимо чи яких боїмося» [1, с. 161].

Зі стереотипом, як зазначає дослідник В.Б. Кашкін, тісно пов'язаний т. зв. ефект випереджувальної інтертекстуальності – приписування співрозмовнику певних класифікаційних ознак ще до початку комунікації. Наслідки цієї антиципації прослідковуються впродовж усього комунікативного акту, події чи ряду подій [5]. Така особливість етнокультурних стереотипів покладена в основу розгортання завершальної промови адвоката Атикуса Фінча: *«Свідки звинувачення, за винятком шерифа округу Мейком, постали перед вами, джентльмени, і перед цим судом у цілковитій впевненості, що їхні свідчення ніхто не піддасть сумніву, у впевненості, що ви, джентльмени, повірите їм, виходячи з припущення – хибного припущення, – що всі негри брешуть, що всі негри загалом аморальні, що всі негри становлять загрозу для білих жінок...»* [7, с. 279].

Один із риторичних прийомів, який використовує Атикус Фінч, щоб переконати суд присяжних, – градація, в основу якої покладено нагромадження означального займенника «всі» та неозначеного займенника «деякі» (...*деякі негри брешуть, деякі негри аморальні, деякі негри становлять загрозу для жінок* [7, 279]).

Етнокультурний стереотип може бути **одним із важливих засобів забезпечення зв'язності і цілісності художнього тексту**. У нашому випадку, актуалізуючись у сильних позиціях роману «Вбити пересмішника» (ключових діалогах, завершальній кульмінаційній промові Атикуса Фінча, наскрізній репрезентації символу «пересмішник»), етнокультурний стереотип «працює» на забезпечення єдності текстових сегментів, позначених тим самим ідейно-тематичним спрямуванням. Інакше кажучи, етнокультурний стереотип пов'язує валентними зв'язками текстотвірні доміанти.

У ключі сказаного визначальним для забезпечення змістової та ідейної цілісності роману є образ пересмішника – пташки, у яку заборонено стріляти. Вбити пересмішника, який не завдає людям шкоди, а тільки співає їм на радість, – великий гріх. Наскрізним імпліцитним мотивом звучить ідея про те, що людина часом приймає неусвідомлені ірраціональні рішення, керуючись не здоровим глуздом, а своїми упередженнями, страхом бути не такою, як усі, – тим, що в романі означено займенниками «щось», «щось таке»: *Ті дванадцятьтеро людей, присяжні Тома, у повсякденному житті – розсудливі люди, але ти бачив, як щось встало між ними і розсудливістю. Те саме ти бачив тієї ночі під в'язницею. Та юрба розійшлася, але зовсім не тому, що вони дослухалися розуму, а тому, що там були ми. Є щось таке в нашому світі, від чого люди втрачають голову – вони не можуть бути справедливими, навіть якби й спробували* [7, с. 301].

Отже, етнокультурні стереотипи, відображаючи стандартизовані уявлення людей про певний етнос, виконують у художньому тексті ряд функцій: кваліфікативно-оцінну, емоційно-репрезентативну, функцію внутрішньоконунікативної прогресії художнього тексту (розгортання авторської оповіді, діалогів і монологів персонажів). Етнокультурний стереотип, актуалізуючись у сильних позиціях художнього тексту, може бути одним із важливих засобів забезпечення його зв'язності і цілісності.

Перспективою дослідження є виявлення й опис особливостей актуалізації етнокультурних стереотипів у різножанрових дискурсах.

Список використаних джерел

1. Липпман У. Общественное мнение / Уолтер Липпман ; пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
2. Некрасова А.Е. Этнические стереотипы в медийном дискурсе: механизмы интерпретации и попытка классификации / А.Е. Некрасова // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 141–147.
3. Шутова М.О. Контенсивно-формальна типологічна таксономія етнокультурних стереотипів / М.О. Шутова // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія. – 2014. – № 1. – Т. 17. – С. 205–214.

4. Тяпкіна Н.І. Реалізація етнічних стереотипів у вітчизняному інформаційному просторі / Н.І. Тяпкіна, А.І. Лисак // *Держава і регіони. Серія: Соціальні комунікації*. – 2015. – № 3 (23). – С. 74–77.

5. Кашкин В.Б. Этнонимы и территория национальной души / В.Б. Кашкин, С. Пейхёнен // *Русское и финское коммуникативное поведение*. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – С. 62–70.

6. Сердюк С.В. Функції етнічних стереотипів та їхня роль у формуванні етнічної ідентичності / С.В. Сердюк // *Наукові записки Національного університету «Києво-Могилянська академія». Теорія та історія культури*. – 2001. – Т. 19. – С. 10–14.

7. Лі Г. Вбити пересмішника / Гарпер Лі / пер. з англ. Тетяни Некряч. – К.: Видавнична група КМ-БУКС, 2016. – 384 с.

8. Velchev I. The Overcoming of Ethnocultural Stereotypes in the Novella of Saladin and Melchizedek from Boccaccio's Collection of Novellas "The Decameron" (Instructional project) / I. Velchev // *Bulgarski Ezik i Literature-Bulgarian Language and Literature*. – 2020. – Vol. 62. – Issue 1. – P. 9–18.

9. Atkinson R. Liberating lawyers: Divergent parallels in *Intruder in the Dust* and *To Kill a Mockingbird* / R. Atkinson // *Duke Law Journal*. – 1999. – Vol. 49. – Issue 3. – P. 601–748.

10. Dare T. Lawyers, ethics, and 'To Kill a Mockingbird' (Harper Lee) / T. Dare // *Philosophy and Literature*. – 2001. – Vol. 25. – Issue 1. – P. 127–141.

11. Best R.H. Panopticism and the Use of "th Otherse" in *To Kill a Mockingbird* / R.H. Best // *Mississippi Quarterly*. – 2009. – Vol. 62. – Issue 3-4. – P. 541–552.

12. Rui Y.P., Fan Y. A moral criticism on the growing-up theme in *To Kill a Mockingbird* / Y.P. Rui, Y. Fan // *Foreign Literature Studies*. – 2006. – Vol. 28. – Issue 6. – P. 119–129.

THE FUNCTIONS OF ETHNOCULTURAL STEREOTYPES IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE NOVEL "TO KILL A MOCKINGBIRD" BY HARPER LEE)

Myroslava I. Venhryniuk, Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas (Ukraine)

E-mail: myroslava-v@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-6

Key words: ethnocultural stereotype, functions of ethnocultural stereotypes, intra-communicative progression of a literary text, «us – them» binary opposition, evaluation.

This article deals with the functions and features of verbalization of ethnocultural stereotypes in a literary text. The novel "**To Kill a Mockingbird**" by Harper Lee proves that a literary text, encoded with powerful expressive potential, can emphatically present different edges of intercultural interaction, panoramically and emotionally reveal the peculiarities of ethnic communicative contacts, "activate" the reception of "us" and "them" in the mind of the reader.

The novel "**To Kill a Mockingbird**" by Harper Lee has been analyzed for a good reason. It presents fully the collision of two diametrically opposite mental worlds, to which the main characters belong.

The article finds out that ethnocultural stereotypes perform the following functions in a literary text: qualitatively evaluative, emotionally representative, the function of intra-communicative progression of a literary text.

It has been established that the ethnocultural stereotype functions on the principle of binary opposition. Pursuant thereto, ethnocultural stereotypes are closely related to the positive and negative evaluation of characters in a literary text.

The ethnocultural stereotype not only contributes to the positive or negative characterization in a literary text but also provides an emotionally representative reflection of everything that embodies another or foreign culture. Stated another way, the ethnocultural stereotype "acts" to reproduce the emotional state of characters in a literary text. It is the initial point for different emotions actualization – from the positive ones (mainly for the representatives of their ethnic group) to the negative ones (mainly for "them" or "strangers").

Ethnocultural stereotypes have also been proven to be closely linked to the function of intra-communicative progression of a literary text. It indicates that the development of characters' dialogues and monologues is based on an ethnocultural communicative component.

An ethnocultural stereotype can be one of the important tools to assure the coherence, connectivity and integrity of a literary text. In the present case, actualizing in the strong positions of the novel "To Kill a Mockingbird" (key dialogues, the final culminating speech of a lawyer, open representation of the "mockingbird" symbol), the ethnocultural stereotype "operates" to ensure the unity of textual segments, marked by the same themes.

In this sense, the image of a mockingbird – a bird that is forbidden to kill – is crucial to ensuring the content and ideological integrity of the novel. It is a great sin to kill a mockingbird who does no harm to people but only sings to them and makes them happy. The implicit motive is the idea that people sometimes make unconscious irrational decisions, guided not by common sense, but by their prejudices, fear of not being ordinary.

References

1. Lippman, U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]. Moscow, Public opinion Publ., 2004, 384 p.
2. Nekrasova, A.E. *Jetnicheskie stereotipy v medijnom diskurse: mehanizmy interpretacii i popytka klassifikacii* [Ethnic Stereotypes in Mass Media Discourse: Mechanisms of Interpretation and Attempt at Classification]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Journal of Moscow University. Linguistics and Intercultural Communication], 2009, no. 2, pp. 141-147.
3. Shutova, M.O. *Kontensyvno-formal'na typolohichna taksonomiia etnokul'turnykh stereotypiv* [Intense and Formal Typological Taxonomy of Ethnocultural stereotypes]. *Visnyk KNUU. Serija Filolohiia* [Journal of Kyiv National Linguistic University. Philology], 2014, no. 1, vol. 17, pp. 205-214.
4. Tyapkina, N.I., Lysak, A.I. *Realizatsiia etnichnykh stereotypiv u vitchyznianskomu informatsijnomu prostori* [Formation of Ethnic Stereotypes in the Media]. *Derzhava i rehiony. Sotsial'ni komunikatsii* [State and Regions. Social Communications], 2015, no. 3 (23), pp. 74-77.
5. Kashkin, V.B., Pjojhonen, S. *Jetnonimy i territorija nacional'noj dushi* [Ethnonyms and Territory of the National Soul]. *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish Communicative Behavior]. Voronezh, VGTU Publ., 2000, pp. 62-70.
6. Serdiuk, S.V. *Funktsii etnichnykh stereotypiv ta ikhnia rol' u formuvanni etnichnoi identychnosti* [Functions of Ethnic Stereotypes and their Role in the Formation of Ethnic Identity]. *Naukovi zapysky Natsionalnogo universitetu Kyivo-Mohilanska akademii. Teoriia ta istoriia kul'tury* [NaUKMA Research Papers. History and theory of culture], 2001, no. 19, pp. 10-14.
7. Li, H. *Vbyty peresmishnyka* [To Kill a Mockingbird]. Kyiv, KM-BUKS Publ., 2016, 384 p.
8. Velchev, I. **The Overcoming of Ethnocultural Stereotypes in the Novella of Saladin and Melchizedek from Boccaccio's Collection of Novellas "The Decameron"** (Instructional project). *Bulgarski Ezik i Literature-Bulgarian Language and Literature*, 2020, vol. 62, issue 1, pp. 9-18.
9. Atkinson, R. **Liberating lawyers: Divergent parallels in Intruder in the Dust and To Kill a Mockingbird.** *Duke Law Journal*, 1999, vol. 49, issue 3, pp. 601-748.
10. Dare, T. Lawyers, ethics, and 'To Kill a Mockingbird' (Harper Lee). *Philosophy and Literature*, 2001, vol. 25, issue 1, pp.127-141.
11. Best, R.H. Panopticism and the Use of "th Otherse" in To Kill a Mockingbird. *Mississippi Quarterly*, 2009, vol. 62, issue 3-4, pp. 541-552.
12. Rui, Y.P., Fan, Y. A moral criticism on the growing-up theme in To Kill a Mockingbird. *Foreign Literature Studies*, 2006, vol. 28, issue 6, pp. 119-129.

Одержано 12.12.2019.

УДК 821.111

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-7

Т.Н. ПОТНИЦЕВА,
доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

«WE MUST LOVE ONE ANOTHER OR DIE...» СЛИЯНИЕ МОЛИТВ (У.Х. ОДЕН – С. МОЭМ – Д. ТОМАС)

У фокусі дослідження – феномен збігу провідницьких роздумів про наслідки війн, людиноненависництва у творчості різноманітних письменників ХХ ст.

Одне з провідницьких суджень було висловлено у поетичних рядках англо-американського поета В.Х. Одена (1907–1973), у його славетному вірші «1 вересня 1939» (September, 1, 1939, надруковане в американському часопису *The New Republic* у жовтні 1939). Вірш було написано під впливом від подій цього першого дня II Світової війни, а насправді, – з приводу будь-якого Апокаліпсису, який загрожує людині і людству.

Сучасний автор статті про цей вірш Одена Йєн Сенса (Jan Sansom) визначить його як «один з найзначущих творів 20 століття», чие довге життя пояснюється тим, що у ньому надані «прості відповіді на складні питання, що не є завжди приємними». Називаючи свою статтю «Придатна поема для непридатного часу» (*The right poem for the wrong time*), її автор цілком слушно підкреслює актуальність думок Одена і сьогодні. Це було зі всією очевидністю продемонстровано у вересні 2001 р., коли після терористичного акту у Нью-Йорку оденовські рядки звучали по національному радіо США.

Глобальність наслідків першого дня передбачають слідом за Оденом не так вже і багато людей. А голос і тих, хто це усвідомлював, ще не розрізняються серед багатьох інших. Таким був голос С. Моєма, який опинився у перші дні війни у Франції. С. Моєм поділяє патріотизм країни, що зазнала віроломного нападу ворога. Письменник виявився, як слушно зазначає один з сучасних авторів статті про С. Моєма, «не стороннім спостерігачем національної трагедії». Але будучи, як відомо з біографії письменника, у якійсь мірі і «громадянином світу», він, рефлектуючи над сутністю того, що трапляється навколо, відкривав інші сторони цієї сутності, часто-густо доходючи до аналогічних оденовським провідницьких висновків.

В історії, про яку йдеться в оповіданні «Нескорена» (*The Unconquered*, 1943), С. Моєм, спостерігаючи ганебні картини падіння Франції, наново осмислює пафосні гасла перших днів війни про незламність французів перед ворогом і про їх неминучу перемогу. Створений в оповіданні образ французької дівчини Аннет – своєрідної Жанни Д'Арк чи Свободи на барикадах – викликає суміш почуттів: і повагу до її нескореності ворогу, німецькому солдатату, який згвалтував її, і жах від вчинку – вбивства новонародженої дитини від німця – який є протиприродним для людини, жінки, перш за все. В обох – в Гансі, і в Аннет – війна ініціювала ту ненависть, яка у відсутності любові призводить до знищення іншого і, в кінці кінців, до самознищення. Моєм, як здається, підхоплює оденовське *We must love one another or die*. Ця думка впливає з підтексту подій, що зображуються, у боротьбі людиноненависті з людяністю, яку переживають усі.

У співзвучність підтексту оповіді С. Моєма і оденовських рядків вливається ще один твір – поема Ділана Томаса (Dylan Thomas, 1914–1953) «Злиття молитв» (*The Conversation of Prayers*) із збірника «На порозі смерті» (*Deaths and Entrances*, 1946), сама назва якого відсилає до онтологічної проблеми «Нескореної» та інших творів С. Моєма воєнних часів.

Ключова біблійна алюзія у вірші Д. Томаса – це алюзія на історію Самсона, який покохав філістимлянку, але перебуває у жорстокій боротьбі з її народом. Ця жорстока боротьба на знищення призвела у кінцевому результаті до загибелі як народу, так і Самсона. У всьому цьому відчутним є образне відображення думки Одена *We must love one another or die*.

І Оден, і С. Моєм, і Д. Томас співзвучні у розумінні того, про що попереджають людей, – будь-яке протистояння у ворожнечі на будь-якій підставі – війни, расовій, національній, політичній, культурній тощо нетерпимості – це шлях до «згасання свого зодіаку», до самознищення.

Ключові слова: Оден, Моєм, Томас, поезія, тема війни, людяність, самознищення.

В фокусе исследования – феномен совпадения провидческих размышлений о последствиях войн, человеконенавистничества в творчестве различных писателей XX в.

Одно из лидерских суждений было высказано в поэтических строках англо-американского поэта У.Х. Одена (1907–1973), в его знаменитом стихотворении «1 сентября 1939» (September, 1, 1939, напечатано в американском журнале *The New Republic* в октябре 1939). Стихотворение было написано под влиянием событий этого первого дня второй Мировой войны, а на самом деле, – по поводу любого Апокалипсиса, который грозит человечеству.

Современный автор статьи об этом стихотворении Одена Йен Сенса (Jan Sansom) определит его как «один из самых значимых произведений XX века», чья долгая жизнь объясняется тем, что в нем предоставлены «простые ответы на трудные вопросы, не всегда приятные». Называя свою статью «Подходящая поэма для неподходящего времени» (The right poem for the wrong time), ее автор вполне справедливо подчеркивает актуальность мнений Одена и сегодня. Это было со всей очевидностью продемонстрировано в сентябре 2001 г., когда после террористического акта в Нью-Йорке оденовские строки звучали по национальному радио США.

Глобальность последствий первого дня предвидят вслед за Оденом не так уж и много людей. А голоса и тех, кто это осознавал, еще не различаются среди многих других. Таким был голос С. Моэма, который оказался в первые дни войны во Франции. С. Моэм разделяет патриотизм страны, подвергшейся вероломному нападению врага. Писатель оказался, как справедливо отмечает один из современных авторов статьи о С. Моэме, «не сторонним наблюдателем национальной трагедии». Но будучи, как известно из биографии писателя, в какой-то мере и «гражданином мира», он, рефлекслируя над сущностью того, что происходит вокруг, открывал другие стороны этой сущности, часто доходя до аналогичных оденовским провидческих выводов.

В истории, о которой идет речь в рассказе «Непокоренная» (The Unconquered, 1943), С. Моэм, наблюдая позорные картины падения Франции, заново осмысливает пафосные лозунги первых дней войны о стойкости французов перед врагом и об их неизбежной победе. Созданный в рассказе образ французской девушки Аннет – своеобразной Жанны Д'Арк или **Свободы на баррикадах** – вызывает смешанные чувства: и уважение к ее непокорности врагу, немецкому солдату, который изнасиловал ее, и ужас от поступка – убийства новорожденного ребенка от немца – который является противоестественным для человека, женщины, прежде всего. В обоих – в Ганси, и в Аннет – война инициировала ту ненависть, которая при отсутствии любви приводит к уничтожению другого и, в конце концов, к самоуничтожению. Моэм, как кажется, подхватывает оденовское *We must love one another or die*. Это мнение следует из подтекста изображаемых событий в борьбе человеконенавистничества с человечностью, которую переживают все.

В созвучие подтекста повествования С. Моэма и оденовских строк вливается еще одно произведение – поэма Дилана Томаса (Dylan Thomas, 1914–1953) «Слияние молитв» (The Conversation of Prayers) из сборника «На пороге смерти» (Deaths and Entrances, 1946), само название которого отсылает к онтологической проблеме «Непокоренной» и других произведений С. Моэма военных времен.

Ключевая библейская аллюзия в стихотворениях Д. Томаса – это аллюзия на историю Самсона, который полюбил филистимлянку, но находится в жестокой борьбе с ее народом. Эта жестокая борьба на уничтожение привела в конечном итоге к гибели как народа, так и Самсона. Во всем этом ощутимым является образное отражение мысли Одена *We must love one another or die*.

И Оден, и С. Моэм, и Д. Томас созвучны в понимании того, о чем предупреждают людей, – любое противостояние во вражде на любом основании – войны, расовой, национальной, политической, культурной и тому подобное нетерпимости – это путь к «угасанию своего зодиака», к самоуничтожению.

Ключевые слова: Оден, Моэм, Томас, поэзия, тема войны, человечность, самоуничтожение.

И известный французский филолог, публицист, профессор университета Париж VIII Пьер Байяр в одной из своих последних книг «“Титаник” утонет» (*Le Titanic Fera Naufrage*, 2016) призывает внимательно прислушиваться к тому, что литературные тексты говорят о будущем, «дабы с их помощью мы могли повлиять на него и даже спасти жизни» [1, с. 15]. Но, увы, мало кто прислушивался и прислушивается к провидческим мыслям и сюжетам писателей. И поэтому, Байяр абсолютно прав в своем главном выводе о том, как все-таки «плохо усваиваются уроки из литературных произведений» [1, с. 13], которые имеют непосредственную проекцию на нашу реальность.

Одно из пророческих суждений было высказано в поэтических строках англо-американского поэта Уистена Хью Одена (1907–1973), в его знаменитом стихотворении «1 сентября 1939» (September, 1, 1939, опубликовано в американском журнале *The New Republic* в октябре 1939). Стихотворение было написано под впечатлением от этого первого дня на-

чавшейся II Мировой войны, а по сути – по поводу любого Апокалипсиса, угрожающего человеку и человечеству. Накануне Войны предчувствия надвигающейся катастрофы одолевали многих, Одена в том числе. Весной 1939 г. поэт видел наплывы эмигрантов в США, в основном, евреев, которые бежали из Европы от погромов. И по этому поводу Оден напишет стихотворение «Блюз для беженцев» (*Refugee Blues*) – печальный монолог одного из эмигрантов¹:

«Гром прокатился по небу старинным проклятьем.
Гитлер восстал над Европой и крикнул: «Пора помирать им!»
«Им», дорогая, в устах его значило – нам, это значило – нам» [12, с. 146–156].

И, тем не менее, вера в невозможность Катастрофы пока еще была сильнее ее предчувствия.

Современный автор статьи о стихотворении Одена «1 сентября 1939 г.» Йен Сенсам (Jan Sansom) [25] назовет это стихотворение – «одним из величайших произведений 20 столетия», чья долгая жизнь объясняется тем, что в нем «даны простые ответы на трудные вопросы, не всегда приятные» (*simple answers to difficult questions which not necessarily a good thing*). Называя свою статью «Подходящая поэма для неподходящего времени» (*The right poem for the wrong time*), ее автор совершенно справедливо подчеркивает актуальность мыслей Одена и сегодня. Что и было продемонстрировано в сентябре 2001 г., когда после террористического акта в Нью-Йорке оденовские строки зазвучали по национальному радио США. Эта же мысль звучит в статье Стефана Барта «Перечитывая “1 сентября 1939 г.”, или Поэзия, политика и идея общества (У.Х. Оден)» (“September 1, 1939” revisited: Or, poetry, politics, and the idea of the public (W.H. Auden)) [20].

Вслушаемся в некоторые суждения поэта, которые, думаю, отзовутся в сердцах людей уже другого века:

...Those to whom evil is done
Do evil in return...

...There is no such thing
As the State
And no one exists alone... [18]

(Тем, кому сделали зло,
Ответят злом...

...Нет такого понятия «Страна».
И никто не существует сам по себе...)²

И, наконец, ключевые слова, по мнению большинства исследователей:

We must love one another or die
(Мы должны любить друг друга, иначе умрем).

К такому суждению Оден будет нередко возвращаться на разных этапах истории, которую переживает, уверяясь или разуверяясь в том выводе, к которому приходит 1 сентября 1939 г., все больше сомневаясь в самой возможности любви и терпимости к «другому». Переосмысливая чуть позже суждения, высказанные в этом произведении, поэт ска-

¹ Подробный анализ стихотворения У.Х. Одена «Блюз для беженцев» представлен в статьях У. Оденса и У. Танга «Moral Affects through “Wind” and “Bone”. Reading W.H. Auden’s “Refugee Blues” [19] и К. Хосвички «The Holocaust in British literature: From W.H. Auden’s “Refugee Blues” (1939) to David Edgar’s “Albert Speer” (2000)» [22].

² Перевод, где не обозначено специально, – мой. Т. П.

жет: «*Все это проклятое вранье. Мы в любом случае должны умереть*» (*That's a damned lie. We must die anyway*). А в следующем издании стихотворения исправит концовку – *We must love one another and die* («*Мы должны любить друг друга и умереть*»). Но и это не понравилось. В конечном итоге он даже пожелал все убрать, т. к. теперь, на его взгляд, «*вся поэма заражена неизлечимым враньем*» (*The whole poem, I realized, was infected with an incurable dishonesty*) [26, p. 168].

И. Бродский, для кого Оден был одним из любимых поэтов, и чье произведение вдохновило русского изгнанника из страны написать свой вариант на ту же тему («1 сентября 1939», 1967), так скажет по поводу поэмы американского собрата по перу: «*То, с чем он (Оден – Т.П.) нас оставил, равносильно Евангелию, названному и наполненному любовью*» [3]. Но, все же, финальные, ключевые строки оденовской поэмы остаются и до сегодняшнего дня «*не услышанным пророчеством первого дня войны*» [7]. Вывод И. Бродского: «*Любить друг друга у людей не получилось – дальше последовало то, что он (Оден) предсказывал – истребление*» [3].

Событие первого дня Войны – истребление немецкими танками польских улан – ошеломило всех, кто понял, что Война – реальна. Трагическая картина этого события – в подтексте поэмы Одена, в которой поэт поднимается до вершин философского осмысления природы и последствий зла, ненависти, нелюбви. Конкретика – лишь в деталях, позволяющих уловить глобальность переживаний поэта. Здесь есть упоминание города Линца, в котором прошло счастливое детство и юность Гитлера, недалеко от которого уже в 1938 г. появится лагерь смерти Маутхаузен:

Find what occurred at Linz.
What huge imago made
A psychopathic god...
(Узнайте же, что произошло у Линца,
Что за величественный образ
Превратился в психопатическое божество...).

Для поэта важно понять, что происходит с человеком, какая трансформация от любви к окружающему миру, родителям, их могилам до Маутхаузена? От любви до ненависти к ближнему и от ненависти к любви. Лишь одна строчка – аллюзия на историю взаимоотношений Нижинского и Дягилева – подводит к важному выводу о необходимости не универсальной любви к человечеству, а любви, какой бы причудливой она ни была, к конкретному человеку. Именно ее, осязаемую любовь к себе, во всех возможных ее проявлениях желает каждый:

What mad Nijinsky wrote
About Diaghilev
Is true of the normal heart;
For the error bred in the bone
Of each woman and each man
Craves, what it cannot have,
Not universal love
But to be loved alone.
(Что сумасшедший Нижинский написал
О Дягилеве³
Есть правда нормального сердца;
Ошибка, возвращенная в сознании

³ Речь идет о «Дневниках» Вацлава Нижинского, который он пишет в 1918–1919 гг., находясь на грани тяжелого умственного расстройства. По словам Изабель Нанти и Джамии Сало, постановщиц спектакля «Дневник Вацлава Нижинского» в театре «Компании Шан Либе» в Париже, «его дневник – не бред сумасшедшего. Это последний зов человека на пороге ухода в самые недоступные глубины своего существования. Это выворачивание души наизнанку дает возможность услышать самую отчаянную мольбу о любви» [2].

Каждой женщины и каждого мужчины
В том, что они жаждут неосуществимого –
Не универсальной любви,
А любви к самим себе)

Оден вспоминает и изгнанника Фукидида (5–4 вв. до н. э.), написавшего 8-томную историю Пелопоннесской войны, в которой анализирует поводы, причины войн:

Exiled Thucydides knew
All that a speech can say
About Democracy,
And what dictators do...
(Изгнанник Фукидид знал
Все, что можно выразить в речах
О Демократии
И о том, что делают диктаторы...)

А главное, античный автор делает важный вывод об истории, в которой *«война – это движение, а мир – покой. Человечество мечется между двумя полюсами – варварским и греческим, цивилизованным»* [16]. Анализируя труд Фукидида, немецко-американский политический философ и культуролог Лео Штраус (1899–1973) обозначает главные его выводы, которые, скорее всего, и имеет в виду Оден. Они касаются проблемы выбора между разумным и безумным, умеренным и неумеренным политическим курсом, где *«умеренность есть нечто большее, чем дальновидный расчет, ... это «нравственная доброта», которую рождает мудрость»* [16, с. 13].

Стихотворение И. Бродского «1 сентября 1939», как и стихотворение Одена, тоже наполнено конкретными образами, но они напрямую соотносятся с событием, о котором идет речь. Пронзительные метафоры-символы заставляют содрогнуться и тоже подняться до размышлений и выводов о самой сути Апокалипсиса, начавшегося 1 сентября. В этот день, когда дети идут в школу,

*«... немцы открывали полосатый
шлагбаум поляков. И с гудением танки,
как ногтем – шоколадную фольгу,
разгладили улан»* [4].

«Разгладили» тех улан, которые оказались *«на первом месте в списке мертвецов»* и за которыми последуют миллионы и миллионы жертв.

Глобальность последствий первого дня войны провидят немногие. А голоса тех, кто это осознавал, еще не различимы среди многих других. Тех, кто не до конца проникся смыслом происходящего, символами начала истребления человека человеком:

*«...Снова на ветру
шумят березы и листва ложится,
как на оброненную конфедератку⁴,
на кровлю дома, где детей не слышно».*

Английский писатель Сомерсет Моэм оказался в первые дни войны во Франции. И если до апреля 1940 г., до падения французской республики и оккупации ее немцами он еще переполнен пафосом непобедимости родины Революций, ее быстрой победе над символом зла – таким пафосом проникнута книга *«Франция в огне» (France at War, 1940)*, то после апреля 1940 г. интонация писателя изменится. По словам автора биографической книги о С. Моэме А.Я. Ливерганта, *«наступило отрезвление»* [10, с. 55] и понимание другой прав-

⁴ Конфедератка – национальный польский головной убор с четырехугольным верхом.

ды войны, о которой пойдет речь в его рассказах на военную тему. Хотя и в них останется главное – вера Моэма в то, что «*французы – храбрый и гордый народ, который освободит родину от рабства*» [10, с. 55]. Еще некоторое время эти стереотипные для того времени пафосные изречения в большей мере будут характерны для публицистики писателя. Так, в эссе «Очень личное» (*Strictly personal*, 1941) он скажет: «*Если нация ценит нечто выше свободы, она потеряет свободу, а ирония состоит в том, что, если это нечто – комфорт или деньги, она лишится и их. Нация, сражающаяся за свободу, может отстоять ее, если обладает такими ценностями, как честность и мужество, верность предвидения и самопожертвования...*» [9]. Как видно, С. Моэм разделяет патриотизм страны, подвергшейся вероломному нападению врага. Писатель оказался, как справедливо замечает один из современных авторов статьи о С. Моэме, «не сторонним наблюдателем этой национальной трагедии» (*“Maugham is not mere observer in this national tragedy”*) [27]. Но будучи, как известно из биографии писателя, в какой-то мере и «гражданином мира», осведомленным в тайнах политических интриг, он, рефлексируя над сутью происходящего, открывал его другие стороны, приходя нередко к провидческим выводам. Покинув Лазурный берег и прибыв уже в октябре 1940 г. в США, С. Моэм выбросит на глаза своего американского книгоиздателя Нелсона Даблдея (Nelson Doubleday, 1889–1949) ампулу с ядом и скажет: «*Теперь в аде необходимости нет*» [10, с. 57–58]. Этот ад он увидел во Франции и впечатление об этом воплотит в одном из рассказов «Непокоренная» (*The Unconquered*, 1943). В истории, которую расскажет С. Моэм, наблюдая позорные картины падения Франции, заново осмыслит пафосные лозунги первых дней войны о несгибаемости французов перед врагом и об их неизбежной победе. Так, он напишет о том, что был «*шокирован тем, что услышал от молодых французских офицеров*», которые рассуждали о том, что «*... было бы неплохо, если бы Гитлер захватил Францию, обустроил ее и дал им возможность жить, так, как им хочется в мире и покое*» [9].

Идеи патриотизма и гуманизма столкнутся в сознании писателя, и так будет во многих его произведениях на тему войны. Достаточно вспомнить роман «За час до рассвета (1942), экранизированный в 1944 г., правда, с прямолинейной пафосно-патриотической концовкой (главный герой романа, не готовый убивать человека, и отказавшийся поначалу воевать, в конце концов, проникается необходимостью борьбы), несвойственной для парадоксального и многовекторного мышления писателя. Как верно отмечает В. Скороденко, «*...парадоксальное сочетание вещей, казалось бы, несочетаемых, было в высшей степени свойственно Моэму, человеку и писателю*» [14, с. 5]. На эту же особенность эстетики творчества Моэма указывают в своих работах Ден Адамс [17] и Ли Чанг [28].

В фокусе рассказа, о котором пойдет речь, – история французской девушки Аннет, которая не покорилась немецкому солдату, изнасиловавшему ее в момент опьянения – и буквального, и фигурального – от легкости победы Германии над Францией, а по сути, ее капитуляции. Известно, что кроме капитуляции на Восточном фронте французские добровольцы воевали в составе Вермахта, но под другим флагом. С осени 1941 г. они принимали участие в боях на Московском направлении. Таким образом, «*одна из крупнейших европейских держав с десятком колоний, армией более, чем 2 млн. человек продержалась лишь 40 дней. Более миллиона военных попали в плен, 84 тысячи – погибших*» [13]. Сам Моэм опишет настроения во Франции этих дней – и собственное разочарование во французах, в которых он верил (*I believed in the French Army*), и их недовольство поляками, которые «*не оказали должного сопротивления немцам*» (*They were angry with the Poles because they were not putting up a greater resistance...*) [23, с. 84].

Варварское/нецивилизованное (по Фукидиду), вырвавшееся наружу у немецкого солдата Ганса (рассказ начинается с картины избияния им отца Аннет и криков изнасилованной девушки), отмечено даже его напарником Вилли: «*Так нехорошо*» (*It's not good*) [24], – упрекает он товарища по оружию. Но у Ганса пока психология победителя, которой он объясняет все: «*Где армия Франции? Победители получают все, что хотят*» (*Where was the French army? The conquerors took what they wanted*). А дальше – пассажи, в которых узнаваемы самые страшные высказывания гитлеровских вождей: «*Французы – это деградирующая нация. Они ничего не сделали, чтобы немцам жилось с ними хорошо. Мы сделаем Францию достойным государством. Мы научим вас порядку и труду... покорности и дис-*

циpline» (*"We are going to to put order into it. We are going to teach you to work/ You'll learn obedience and discipline"*). Со временем, осознавая грубость своих действий, Ганс не только проникается симпатией к семье Аннет, но, узнав о беременности девушки, желает на ней жениться и остаться на ферме во Франции. Пробуждение, а скорее возврат от варварского к цивилизованному, человеческому во многом определен у Ганса видимостью мирной ситуацией во Франции, отсутствием явного военного сопротивления французов, которое создает иллюзию благополучия. Но видимое не есть реальное. Акцентируя очевидный контраст между образом Ганса и его поведением в начале истории и в ее последующих частях, С. Моэм как бы играет и нашей оценкой происходящего, в какой-то момент заставляя, как и родителей Аннет, проникнуться симпатией к немецкому солдату, воспринимая его через призму человеческого. Но восприятие его только как врага не покидает Аннет. Насилие и унижение, которые не ощутили в достаточной мере ее соотечественники, отдавшие без боя родину врагу, испытала в полной мере она, прежде всего, как униженная и оскверненная женщина. Ее сопротивление врагу – внутреннее, психологическое – не затихает и со всей мощью обрушивается на него, когда, родив нежеланного младенца, она убивает его, утопив в ручье. Поступок девушки – не только вызов врагу, но и соотечественникам в лице собственных родителей, ублаживающих себя иллюзией благополучия. Теперь, спустя время, они уговаривают Аннет быть снисходительной к *«неприятному инциденту» (unpleasant incident)*, то бишь – к изнасилованию, ведь *«так бывало и будет с женщинами» («it happened to a woman and it won't be the last time»)*. Во всем этом – явно ироничное отношение самого автора ко всему тому, что произошло с Францией, поддавшейся естественному (природному, т. е. варварскому), а не гуманистически-патриотическому, инстинкту выживания любой ценой. Сохраняя иллюзию свободы, – по Моэму, комфорта и денег – люди на самом деле утрачивают ее. Поступок Аннет (опять же по-Моэму) – это проявление мужества и отваги (*courage*), которыми и достигается подлинная свобода. Как скажет Аннет: *«Я должна была это сделать сразу же. Я боялась, что если буду оттягивать решение, то мне просто не хватит отваги на это» (I had to do it at once. I was afraid if I waited I shouldn't have the courage"*).

Враг повергнут, побежден, унижен и *«с криком смертельно раненого животного, закрыв лицо руками, потрясенный, как пьяный, спотыкаясь, вышел из двери» ("Hans gave a great cry, the cry of an animal wounded to death; he covered his face with his hands, and staggering like a drunken man flung out of the door"*). В этой сцене С. Моэм как бы возвращает своего читателя к началу истории, к образу пьяного, но теперь уже по-другому, Ганса. Аннет отмщена, но какой ценой!

Еще недавно исследователи творчества С. Моэма подчеркивали в героине этого рассказа «гармонию мысли и действия». По мнению, скажем, А.А. Бурцева, Аннет совершает *«глубоко осознанный и выстраданный акт, ... обусловленный отказом примириться с унижением родины, признать поражение и приспособиться к обстоятельствам. Она – символ несгибаемости духа целого народа»* [5, с. 80–86]. Навряд ли кто-то будет оспаривать это суждение. Оно выводится из самого сюжета, как бы естественно подталкивающего к такому выводу. Все правильно в нем и не только с точки зрения логики советского человека и советского литературоведа. Если бы... если бы речь не шла о творчестве С. Моэма, писателя, который всегда парадоксальным образом придерживался своих суждений и акцентировал иной взгляд на проблему; который за очевидным и понятным нередко видел некую «иную правду», скрытую за «узорным покровом». Так, как помним, назывался один из его романов (*The Painted Veil*, 1925), в котором история героев была историей приподнимания «завесы», скрывавшей иную сторону «правды» о каждом из них.

С. Моэма всегда заботила проблема двойственности человеческой природы, загадка самой сути человека, нередко находящегося на пороге смерти. Об этом он сам написал в труде *«Подводя итоги» (Summing up, 1938)*: *«Люди для меня – загадка... Я не вижу особой разницы между людьми. Все они – смесь из великого и мелкого, из добродетелей и пороков, из благородства и низости...»* [11, с. 35–37]. Вот почему созданный в рассказе образ своеобразной Жанны Д'Арк или Свободы на баррикадах вызывает смесь чувств – и уважение к ее непокорности врагу, и ужас от того поступка, который противоестественен человеку, женщине, прежде всего. В обоих – в Гансе, и в Аннет – война инициировала ту нена-

висть, которая в отсутствии любви приводит и к уничтожению другого, и, в итоге, к самоуничтожению. Моэм, как кажется, подхватывает оденовское *We must love one another or die*. Эта мысль просвечивается в подтексте изображаемых событий и образов, в борьбе чело-веконенавистничества и человеческого, которую переживают здесь все. Сам писатель при-стально следит за этой борьбой, не упуская нюансов, пытаясь понять то, что может быть, и сам еще до конца не осознает. Но, думается, не осуждая, не вынося однозначный приго-вор, поскольку откровенно признавался в том, что «самому непонятно, как у людей хва-тает духу осуждать других, когда им стоит оглянуться на собственные мысли...» [11].

В созвучие подтекста рассказа С. Моэма и оденовских строк вливается еще одно произве-дение – поэма Дилана Томаса (Dylan Thomas, 1914–1953) «Слияние молитв» (*The Conversation of Prayers*) из сборника «На пороге смерти» (*Deaths and Entrances*, 1946), само название кото-рого отсылает к онтологической проблеме «Непокоренной» и других произведений С. Моэма этих военных лет⁵. Хотя, безусловно, важной оказывается и отмеченная исследователями [21] аллюзия на Джона Донна, его последнюю проповедь на пороге смерти (1623 г.), в которой про-звучали знаковые слова: «Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я один со всем чело-вечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по тебе» [8].

В стихотворении Д. Томаса в переводе В. Бетаки речь идет о двух молитвах о любви и жизни на пороге смерти, которые сливаются, чтобы усилить мощь воззвания к Богу. Одна молитва исходит

«Из уст ребенка, идущего спать...»,
другая – из уст мужчины,
«По лестнице поднимающегося
к умирающей любимой...
Да, это мечущий молнии враг,

Это сразу и ты, и он,
И с неизбежностью, сам, как Самсон,
Угасишь свой зодиак!» [15].

Библейская аллюзия на историю Самсона, возлюбившего филистимлянку, но пребы-вавшего в жестокой борьбе с ее народом, что привело в конечном итоге к гибели и народа, и Самсона – образное отражение все той же мысли Одена *We must love one another or die*.

Любое противостояние людей во вражде на любой почве – будь то война, расовая, национальная, политическая, культурная и пр. нетерпимость – это путь к «угасанию своего зодиака», к самоуничтожению. Не случайно античный исследователь войн Фукидид, поды-тоживая свои наблюдения, призывал к человечности и мудрости, «...Действия мудрости нельзя увидеть так, как можно увидеть действия военные и политические. Мудрость не высказать. Ее можно лишь вершить» [16, с. 19]. И уже наш современник, на осно-ве своего опыта продолжит мысль Фукидида: «...ни одна идеологическая система полно-стью не укладывается в границах нравственности...Хочешь делать добро обществу – борись с бесами в себе самом, их там достаточно. А всякая попытка исправлять зло в целом, спасать мир глобально мне кажется бессмысленной» [6, с. 275].

И все же, такая прозрачная и понятная мысль Уистена Одена –

We must love one another or die
(Мы должны любить друг друга, иначе умрем).

на самом деле все еще остается непостижимой человеком и человечеством, пребыва-ющим уже которое тысячелетие в войнах, неприятии и нетерпимости к другому.

Пророчество Одена, изреченное им в первый день Второй мировой войны, увы, оста-ется не услышанным, а значит, актуальным и сегодня!

⁵ Здесь стоит вспомнить роман «Лезвие бритвы» (*The Razor's Edge*, 1944), название которого взято из ведического текста «Катха-Упанишада» о трудности пути по острию бритвы, что аналогич-но пути к Спасению.

Список использованной литературы

1. Байяр П. «Титаник» утонет / П. Байяр ; пер. с фр. Елены Морозовой. – М.: Текст, 2017. – 192 с.
2. Брез М. Дневник Вацлава Нижинского / М. Брез [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://chekhovfest.ru/festival/projects/performances/dnevnik-vatslava-nizhinskogo/> (Последнее обращение 02.04.2020).
3. Бродский И. Об Одене / И. Бродский / Пер. Е. Касаткиной. – СПб.: Азбука-классика, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://brodsky.online/post/velichayshiy-um-khkh-veka-brodskiy-ob-uistene-odene/> (последнее обращение 02.04.2020).
4. Бродский И. 1 сентября 1939 г. / И. Бродский // Стихи о любви и стихи про любовь. Любовная лирика русских поэтов. Антология русской поэзии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stihi.rus.ru/1/br/i.htm> (последнее обращение 02.04.2020).
5. Бурцев А.А. Проблема характера в рассказах С. Моэма / А.А. Бурцев // Филологические науки. – 1991. – № 3. – С. 80–86.
6. Водолазкин Е. Идти бестрепетно. Между литературой и жизнью / Е. Водолазкин. – М.: АСТ, 2020. – 409 с.
7. Волков С. Печаль, сдерживаемая размером / С. Волков // Литература. – 2009. – № 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lit.1sept.ru/view_article.php?ID=200901704 (последнее обращение 02.04.2020).
8. Душенко К. Джон Донн, английский поэт, проповедник, духовный мыслитель / К. Душенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: books.google.com.ua/books?id=hnnHDwAAQBAJ@pg (Последнее обращение 02.04.2020).
9. Ионкис Г.Э. Уильям Сомерсет Моэм. Грани дарования / Г.Э. Ионкис // Моэм С. Подводя итоги. – М.: Высшая школа, 1991. – 559 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://19-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/moem-podvodya-itogi/index.htm> (последнее обращение 02.04.2020).
10. Ливергант А.Я. Сомерсет Моэм. Глава 17. На войне как на войне / А.Я. Ливергант. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 284 с.
11. Моэм С. Подводя итоги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://loveread.es/read_book.php?ID=22133 (последнее обращение 02.04.2020).
12. Оден У.Х. Блюз для беженцев / У.Х. Оден ; пер. с англ. Виктора Топорова // Иностранная литература. – 1989. – № 12. – С. 146–156.
13. Полонский И. Они тоже победители? О вкладе Франции во Вторую мировую войну / И. Полонский // Военное обозрение. – 2019. – 20 августа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/161446-oni-tozhe-pobedili-o-vklade-francii-vo-vtoruju-mirovuju-voynu.html> (последнее обращение 02.04.2020).
14. Скороденко В. Предисловие / В. Скороденко // Моэм У.С. Избранное. – М.: Радуга, 2001. – 204 с.
15. Томас Д. Собрание стихотворений 1934–1954 гг. / Д. Томас ; пер. В. Бетаки. Послесловие и комментарий Е. Кассел. – Б.м.: Salamandra. D.V.V., 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/thomas_sobranie_stikhotvoreni_1934-1953_2010.pdf (последнее обращение 02.04.2020).
16. Штраус Л. Фукидид: сущность политической истории / Л. Штраус // Электронный философский журнал. – 2016. – Вып. 21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyderleninka.ru/article/n/fukidid-suschnost-politichesoy-istorii/viewer> (Последнее обращение 02.04.2020).
17. Adams D. Somerset Maugham's Ethically Earnest Fiction / D. Adams // Cambridge Quarterly. – 2016. – Vol. 47. – Issue 1. – P. 42–67. DOI: 10.1093/camqtly/bfv039.
18. Auden W.H. September, 1, 1939 / W.H. Auden [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.poets.org/poem/September-1-1939> (последнее обращение 02.04.2020).
19. Audens W.H., Tang Y. Moral Affects through “Wind” and “Bone”. Reading W.H. Auden's “Refugee Blues” / W.H. Audens, Y. Tang // Style. – 2017. – Vol. 51. – Issue 4. – P. 442–455. DOI: 10.1353/sty.2017.0035.
20. Burt S. “September 1, 1939” revisited: Or, poetry, politics, and the idea of the public (W.H. Auden) / S. Burt // American Literary History. – 2003. – Vol. 15. – Issue 3. – P. 533–559. DOI: 10.1093/ALH/AJG035.

21. Daniggelis, P.D. Deaths and entrances / P.D. Daniggelis // *Bronte Studies*. – 2007. – Vol. 32. – Part 2. – P. 138–144. DOI: 10.1179/147489307X182899.
22. Houswitschka C. The Holocaust in British literature: From W.H. Auden's "Refugee Blues" (1939) to David Edgar's "Albert Speer" (2000) / C. Houswitschka // *Archiv fur das Studium der Neueren Sprachen und Literaturen*. – 2003. – Vol. 240. – Issue 2. – P. 272–287.
23. Maugham S. *Strictly Personal* / S. Maugham. – London and Toronto: William Heinemann Ltd., 1942. – 208 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.528066/mode/2up> (последнее обращение 02.04.2020).
24. Maugham S. *The Unconquered* / S. Maugham // *Sixty Five Short Stories* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inbooks.in/mirror1/page_id=284284 (последнее обращение 02.04.2020).
25. Sansom I. The right poem for the wrong time: W.H. Auden's September, 1, 1939 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://the-guardian.com/book/2019/aug/31/wh-auden-september-1-1939-поем> (последнее обращение 02.04.2020).
26. Wasley A. *The Age of Auden: Postwar Poetry and the American Scene* / A. Wasley. – Princeton: Princeton University Press, 2011. – 247 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.com.ua/book?id=A63jXDQVMEU&pg> (последнее обращение 02.04.2020).
27. Worstold D. Preface / D. Worstold // *Maugham S. Strictly Personal* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://goodreads.com/book/show/297993.strictly_personal (последнее обращение 02.04.2020).
28. Zhang L., Shi X. A Comparative Study on View of Women of William Somerset Maugham and William Faulkner / L. Zhang, X. Shi // 2015 4th International Conference on Social Sciences and Society (ICSSS 2015), Pt 1. – 2015. – Vol. 70. – P. 416–420.

«WE MUST LOVE ONE ANOTHER OR DIE...» THE CONVERSATION OF PRAYERS (W.H. AUDEN – S. MAUGHAM – D. THOMAS)

Tatyana N. Potnitseva, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine)

E-mail: t.potnitseva@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-7

Key words: *Auden, Maugham, Thomas, war, humaneness, self destruction.*

The investigation focuses on the phenomenon of the coincidence of the prophetic thoughts about the consequences of wars, misanthropy in the art of a variety of 20th century writers.

One of such prophetic ideas was worded in the poetic lines of Anglo-American poet W.H. Auden (1907-1973), in his famous poem "September, 1, 1939", published in the American journal *The New Republic* in October, 1939. The poem was written under the influence of the events of this first day of the II World War, but in reality – on the cause of any Revelation, which threatens a human being and the humanity.

A contemporary author of the article about this poem by Auden, Jan Sansom, defined it as "one of the greatest work of the 20th century", the long life of which is explained by the fact that it gives «simple answers to difficult questions which not necessarily a good thing". Giving such title to his article as "The right poem for the wrong time", its author justly underlines the topicality of Auden's ideas nowadays. That was demonstrated quite obviously in September, 2001, when after the terroristic act in New York the lines of Auden were heard from the USA national radio.

The global nature of the first war day consequences together with Auden foresee not many people. And the voice of those who were among them was not very much distinct. Such was the voice of S. Maugham, who turned out to be in France in the first days of the War. The writer shares the patriotism of the country that underwent the treacherous attack of the enemy. He was at that time, according to the notes of one contemporary investigator his life, "not mere observer in this national tragedy". But being, as it is known from Maugham's biography, to some extent "a citizen of the world", he, while reflecting over the essence of everything happening round him, discovered some other sides of this essence, very often coming to Auden's prophetic ideas and results.

In the history of which Maugham tells us in his short story "The Unconquered", 1943, the writer, observing disgraceful pictures of France fall, anew thinks over the pathetic slogans of the War first days crying about French army being always unbending, courageous and victorious. **The image of a French girl An-**

nette presented by S. Maugham – a kind of Jeanne d'Arc, a Freedom on barricades – causes a mixture of feelings: both the esteem for her being unconquered by the enemy who raped her, and the horror from the act – the murdering of a newborn child – that is unnatural, barbaric for any man, for a woman, first of all. In the both – Hans and Annette – the war initiated the hatred which in the absence of love leads to self-destruction. Maugham, as it seems, catches Auden's lines We must love one another or die. This thought is visible in the undercurrent of the events, in the struggle of misanthropy and humaneness which all the characters undergo.

One more literary work – the poem by Dylan Thomas (1914-1953) "The Conversation of Prayers" from the collection of poems "Deaths and Entrances", (1946), pours into the accord of the philosophical sense of Maugham's short story and Auden's poem. The very title of the collection Deaths and Entrances refers to the ontological problem of "The Unconquered" and other works of Maugham of the War period.

The key Biblical allusion in D. Thomas poem – is the allusion to the story of Solomon, who fell in love with Philistine girl while being in war with her people. His sever battle with them to exterminate them lead as a result to the death of the people as well as Samson himself. All that in a certain way illustrates again the idea of Auden We must love one another or die.

Auden, Maugham, Thomas are in accordance in their understanding of the things about which they warned others: any confrontation of people on any ground of intolerance – war, race, national, political, cultural and so forth – is the way to self destruction.

References

1. Bayard, P. «Titanik» utonet ["Titanic" will sink]. Moscow, Tekst Publ., 2017, 192 p.
2. Brez, M. *Dnevnik Vaclava Nizhinskogo* [The Diary of Vaslav Nijinsky]. Available at: <https://chekhovfest.ru/festival/projects/performances/dnevnik-vatslava-nizhinskogo/> (Accessed 02 April 2020).
3. Brodskiy, I. *Ob Odene* [About Auden]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2007. Available at: <https://brodsky.online/post/velichayshiy-um-khkh-veka-brodskiy-ob-uistene-odene/> (Accessed 02 April 2020).
4. Brodskiy, I. *1 sentjabrja 1939 g.* [September, 1, 1939]. *Stihi o ljubvi i stihi pro ljubov'. Ljubovnaya lirika russkih poetov. Antologiya russkoy poezii* [Poems about love and poems about love. Love lyrics of Russian poets. Anthology of Russian poetry]. Available at: <https://stihi.rus.ru/1/br/i.htm> (Accessed 02 April 2020).
5. Burtsev, A.A. *Problema haraktera v rasskazah S. Moyema* [The problem of character in S. Maugham's stories]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1991, no. 3, pp. 80-86.
6. Vodolazkin, Ye. *Idti bestrepetno. Mezhdou literaturoy i zhizn'ju* [Go dauntlessly. Between literature and life]. Moscow, AST Publ., 2020, 409 p.
7. Volkov, S. *Pechal', sderzhivaemaja razmerom* [Sadness, restrained by size]. *Literatura* [Literature], 2009, no. 17. Available at: https://lit.1sept.ru/view_article.php?ID=200901704 (Accessed 02 April 2020).
8. Dushenko, K. *Dzhon Donn, angliyskiy poyet, propovednik, duhovny myslitel'* [John Donne, English poet, preacher, spiritual thinker]. Available at: books.google.com.ua/books?id=hnnHDwAAQBAJ@pg (Accessed 02 April 2020).
9. Ionkis, G.Ye. *William Somerset Maugham. Grani darovaniya* [The borders of gift]. Maugham, S. *Podvodya itogi* [The Summing Up]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, 559 p. Available at: <https://19-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/moem-podvodya-itogi/index.htm> (Accessed 02 April 2020).
10. Livergant, A.Ya. *Somerset Maugham. Glava 17. Na voine kak na voine* [Somerset Maugham. Chapter 17. War like war]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2012, 284 p.
11. Maugham, S. *Podvodya itogi* [The Summing Up]. Available at: https://loveread.ec/read_book.php?z=22133 (Accessed 02 April 2020).
12. Auden, W.H. *Bluz dlya bezhencev* [Refugee Blues]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1989, no. 12, pp. 146-156.
13. Polonskiy, I. *Oni tozhe pobediteli? O vklade Francii vo Vtoruyu mirovuyu voynu* [Are they also winners? About the contribution of France to the Second world war]. *Voennoe obozrenie* [Military Review], 2019, August 20. Available at: <https://topwar.ru/161446-oni-tozhe-pobedili-o-vklade-francii-vo-vtoruju-mirovuyu-voinu.html> (Accessed 02 April 2020).
14. Skorodenko, V. *Predislovie* [Preface]. Maugham, W.S. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Raduga Publ., 2001, 204 p.
15. Thomas, D. *Sobranie stihotvoreniy 1934–1954 gg.* [Collected Poems 1934-1954]. Salamandra. D.V.V., 2010. Available at: https://imwerden.de/pdf/thomas_sobranie_stihotvoreniy_1934-1953_2010.pdf (Accessed 02 April 2020).
16. Shtraus, L. *Fukidid: sushhnost' politicheskoy istorii* [Thucydides: the essence of political history]. *Jelektronny filosofsky zhurnal* [Electronic Journal of Philosophy], 2016, issue 21. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fukidid-suschnost-politicheskoy-istorii/viewer> (Accessed 02 April 2020).

17. Adams, D. Somerset Maugham's Ethically Earnest Fiction. *Cambridge Quarterly*, 2016, vol. 47, issue 1, pp. 42-67. DOI: 10.1093/camqtly/bfv039.
18. Auden, W.H. September, 1, 1939. Available at: <https://www.poets.org/poem/September-1-1939> (Accessed 02 April 2020).
19. Audens, W.H., Tang, Y. Moral Affects through "Wind" and "Bone". Reading W.H. Auden's "Refugee Blues". *Style*, 2017, vol. 51, issue 4, pp. 442-455. DOI: 10.1353/sty.2017.0035.
20. Burt, S. "September 1, 1939" revisited: Or, poetry, politics, and the idea of the public (W.H. Auden). *American Literary History*, 2003, vol. 15, issue 3, pp. 533-559. DOI: 10.1093/ALH/AJG035.
21. Daniggelis, P.D. Deaths and entrances. *Bronte Studies*, 2007, vol. 32, part 2, pp. 138-144. DOI: 10.1179/147489307X182899.
22. Houswitschka, C. The Holocaust in British literature: From W.H. Auden's "Refugee Blues" (1939) to David Edgar's "Albert Speer" (2000). *Archiv fur das Studium der Neueren Sprachen und Literaturen*, 2003, vol. 240, issue 2, pp. 272-287.
23. Maugham, S. *Strictly Personal*. London and Toronto, William Heinemann Ltd., 1942, 208 p. Available at: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.528066/mode/2up> (Accessed 02 April 2020).
24. Maugham, S. *The Unconquered*. In: *Sixty Five Short Stories*. Available at: https://inbooks.in/mirror1/page_id=284284 (Accessed 02 April 2020).
25. Sansom, I. The right poem for the wrong time: W.H. Auden's September, 1, 1939. Available at: <https://the-guardian.com/book/2019/aug/31/wh-auden-september-1-1939-poem> (Accessed 02 April 2020).
26. Wasley, A. *The Age of Auden: Postwar Poetry and the American Scene*. Princeton, Princeton University Press, 2011, 247 p. Available at: <https://books.google.com.ua/book?id=A63jXDQVMEU&pg> (Accessed 02 April 2020).
27. Worstold, D. Preface. In: Maugham S. *Strictly Personal*. Available at: https://goodreads.com/book/show/297993.strictly_personal (Accessed 02 April 2020).
28. Zhang, L., Shi, X. A Comparative Study on View of Women of William Somerset Maugham and William Faulkner. *2015 4th International Conference on Social Sciences and Society (ICSSS 2015), Pt 1*, 2015, vol. 70, pp. 416-420.

Одержано 5.12.2019.

УДК 821.112.2.09.19'-1+821.411.16'02.09-141
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-8

Г.В. СИНИЛО,
*кандидат филологических наук,
профессор кафедры культурологии,
доцент кафедры зарубежной литературы
Белорусского государственного университета (г. Минск)*

ДИАЛОГ КУЛЬТУР, ПОЭТИКА ПАМ'ЯТИ И БИБЛЕЙСКАЯ АРХТЕКТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ ПАУЛЯ ЦЕЛАНА

Статья посвящена поэзии Пауля Целана (Paul Celan, 1920–1970), которая рассматривается как результат и наглядное воплощение плодотворного диалога культур. Мы утверждаем, что поэтика П. Целана может быть определена как «поэтика памяти», прежде всего связанной с трагическим опытом Второй мировой войны и Холокоста. Важнейшей составляющей поэтики Целана является библейская архитектуральность (в качестве генеральных архетекстов выступают Книга Иова, Книга Псалмов, Книга Плача и Песнь Песней), преломленная через призму еврейской и христианской мистики.

Ключевые слова: Пауль Целан, еврейско-немецкая поэзия, диалог культур, поэтика памяти, Библия, «осевой» архетекст, библейская архитектуральность, еврейская и христианская мистика.

Статтю присвячено поезії Пауля Целана (Paul Celan, 1920–1970), яка розглядається як результат і наочне втілення плідного діалогу культур. Ми стверджуємо, що поетика П. Целана може бути визначена як «поетика пам'яті», насамперед пов'язаної з трагічним досвідом Другої світової війни та Голокосту. Найважливішою складовою поетики Целана є біблійна архитектуральність, заломлена через призму єврейської та християнської містики. Поезія П. Целана, що сформувалася на культурному «фронтирі», моделлю якого стали його рідні Чернівці, є наочним втіленням діалогу культур – єврейської та християнської, західноєвропейської та східнослов'янської. Будучи однією з вершин німецькомовної поезії, вона ввібрала в себе традиції німецької, австрійської, російської літератури, відгомони української та румунської культур, мовних стихій їдишу та івриту. Поет спеціально вивчав Іврит, Біблію та єврейську традицію, особливо містику Каббали. Постійний діалог з Біблією дозволив П. Целану висловити в своїй поезії не тільки відчуття спорідненості різних культур, єдності роду людського, а й гострий конфлікт культур, проявом якого стали антисемітизм і Голокост.

Поетику П. Целана можна визначити як поетику пам'яті, що кровоточить, пов'язаної, як у Н. Закс і Р. Ауслендер, з трагедією єврейського народу і прагненням осмислити проблему теодицеї (у зв'язку з цим особливу значущість для нього набуває Біблійна Книга Іова). Вся поезія П. Целана являє собою особливий духовний ландшафт, в якому ховаються численні шари культури і пам'яті як особистої, так і надособистої. Особливим джерелом поетичного новаторства для П. Целана стає біблійна архитектуральність, парадоксальне переосмислення біблійних образів і мотивів. Поезія П. Целана – пряме продовження Біблії, хоча часом він веде з нею гірку суперечку. Однак це та суперечка, яку вів з Богом страждалець Іов, щоб в епіцентрі страждань знову відкрити Бога. Найбільш релевантними для Целана є Книга Іова, Книга Псалмів, Книга плачу і Пісня пісень, топика якої (особливо символіка троянди) заломлюється через містику Каббали.

Ключові слова: Пауль Целан, єврейсько-німецька поезія, диалог культур, поетика пам'яті, Біблія, «осьовий» архетекст, біблійна архитектуральність, єврейська і християнська містика.

В статье «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924) М.М. Бахтин писал: «Не должно, однако, представлять себе область культуры как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. Внутренней территории у культурной области нет:

она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце, отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [1, с. 25]. Итак, культура живет только «на границе», только в диалоге с другими культурами. По словам В.С. Библера, развившего далее концепцию диалога культур и выдвинувшего это понятие в качестве возможного основоположения философии в канун XXI в., «самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой» [2, с. 85].

Именно «на грани с иной культурой», в диалоге с иными культурами возникает подлинно новое. Ярким подтверждением этому является творчество великого поэта XX в. Пауля Целана (Paul Celan, 1920–1970), родившегося в городе Черновицы (Черновцы), который может считаться моделью культурного «фронтира». Великого поэта всегда формирует определенный ландшафт, природный и культурный, который он преобразует в ландшафт духовно-метафорический. Для П. Целана, как и для Р. Ауслендер, таким ландшафтом стал ландшафт Буковины и Черновиц, где волею судеб переплелись различные культуры и языки («городом о четырех языках» именовала Черновицы Р. Ауслендер, имея в виду немецкий, украинский, румынский языки и идиш). Но если для Р. Ауслендер какое-то время этот город казался идиллическим миром всеобщего братства, то П. Целан, который был почти на двадцать лет моложе, еще в школьном возрасте столкнулся с открытым антисемитизмом, увидел его нарастание. В 1934 г., когда ему было четырнадцать лет, он написал своей тете Минне, которая жила в Палестине: *Что касается антисемитизма в нашей школе, то я мог бы написать тебе об этом книгу объемом 300 страниц* [3, с. 499].

Тем не менее через семью Пауля Целана, тогда еще Пауля Анчеля (Antschel), проходил все тот же культурный «фронтир». Он был единственным сыном небогатого коммерсанта Лео (Арье-Лейба) Анчеля (1890–1942) и Фридерики (Фрейде, Фрицы) Шрагер (1895–1942). Отец был сторонником сионистских идей и очень хотел, чтобы сын изучал иврит, Танах и религиозную традицию, а мать была увлечена немецкой литературой. В результате Пауль год проучился в начальной немецкоязычной школе, затем три года (1927–1930) – в ивритоязычной народной школе «Safah ivriah» (*Сафа иврия* 'Еврейский язык'). В 1930–1934 гг. он продолжил учебу в румынской гимназии, продолжая самостоятельно изучать иврит. Таким образом, с раннего возраста будущий поэт погрузился в стихию разных языков – немецкого, который был разговорным языком в семье П. Целана, но также иврита, идиша, румынского, украинского. После к ним прибавятся французский, русский, английский. В 1934 г. он поступил в румынский «Лицей великого воеводы Михая», который окончил в 1938 г. Еще в лицее он начинает писать стихи. Введенные дискриминационные законы не позволили Паулю Анчелю поступить в университет в Бухаресте или Вене, где можно было изучать медицину (родители мечтали видеть сына врачом). В 1938 г. Пауль отправился учиться в медицинскую школу Университета города Тур во Франции. Путь лежал через Польшу, Германию, Бельгию, и в Берлине он воочию увидел последствия печально знаменитой «хрустальной ночи». В Париже юноша познакомился со своим дядей по материнской линии – актером Бруно Шрагером, который позже погибнет в Освенциме. В Туре Пауль Анчель начинает штудировать медицину. Одновременно он увлекается французской литературой. Летом 1939 г. поэт приезжает в родные Черновицы на каникулы. Начавшаяся Вторая мировая война помешала ему продолжить учебу во Франции, и он поступает на романское отделение Университета в Черновицах. После присоединения Буковины к Советскому Союзу в июне 1940 г. П. Целан продолжил учебу уже на русском отделении Черновицкого русско-украинского университета. Необычайно способный к языкам, поэт выучил русский язык, увлекся русской поэзией, работал переводчиком. После высылки в Сибирь большого количества интеллигенции, в том числе и еврейской, закрытия еврейских общественных учреждений П. Анчель окончательно разочаровывается в советской власти.

В июне 1941 г. румынские и немецкие войска оккупировали Буковину. Евреи Черновиц были согнаны в гетто. Здесь П. Анчель в перерывах между принудительными работами продолжает писать стихи и переводит на немецкий язык сонеты Шекспира. Укрываясь от облав и депортации в подвале ткацкой фабрики, он знакомится с Р. Ауслендер, на кото-

рую производят неизгладимое впечатление его стихи. Два поэта поддерживают друг друга, читая в темном подвале стихи своих любимых поэтов – Гёльдерлина, Тракля, Ласкер-Шюлер – и свои собственные стихи. Поэзия становится их подлинным приютом, их убежищем, их духовной родиной. В июне 1942 г. вновь начинаются массовые депортации евреев. Родители П. Целана оказываются в концлагере Михайловка на Украине. Их забрали в отсутствие сына: он так и не смог уговорить их спрятаться хотя бы на время, в чем будет винить себя всю оставшуюся жизнь. В том же году отец умрет в концлагере от тифа, а мать расстреляют как «непригодную» для работ. Сам же Пауль в конце 1942 г. был отправлен на принудительные дорожные работы в трудовой лагерь Табарешты в Молдавии. В феврале 1944 г. он возвращается в Черновицы, которые 29 марта 1944 г. освобождены Советской армией. Из пятидесяти тысяч евреев Черновицкого гетто уцелели только пять тысяч. Выжившие стали возвращаться в город, в свои дома, но местное население встречало их враждебно, дома были заняты или разграблены. П. Целану удалось вернуться в родительский дом, но душевный покой был потерян навсегда.

В 1944–1946 гг. большинство черновицких евреев покинули родной город, столь неузнаваемо изменившийся духовно. Вновь уезжает в США Р. Ауслендер. В апреле 1945 г., проучившись год на английском отделении Черновицкого университета, уезжает и П. Целан – сначала в Бухарест, где поступает на работу в издательство «Русская книга». Он активно занимается переводами из русских классиков – Лермонтова, Тургенева, Чехова, переводит пьесу К. Симонова «Русский вопрос», которую ставят в Бухарестском театре. П. Целан тесно общается с немецкоязычным еврейским поэтом Альфредом Маргуль-Шпербером, приехавшим в Бухарест из Черновиц и открывшим некогда поэтический талант Р. Ауслендер. Теперь он благословляет на поэтический путь П. Целана: молодой поэт показывает ему рукописные сборники своих стихов, которые А. Маргуль-Шпербер оценивает очень высоко. В 1947 г. в бухарестском альманахе современной поэзии «Агора» («Agora») впервые опубликованы стихи на немецком языке под псевдонимом *Celan*, который П. Анчель создал как анаграмму своей фамилии в румынском написании – *Ancel*. Кроме того, на румынском языке (в переводе друга поэта Петре Соломона) публикуется написанная еще в 1945 г. и не напечатанная еще по-немецки знаменитая «Фуга смерти» – под названием «Танго смерти».

Осознавая, как плохо он вписывается своей поэзией в социалистическую действительность Румынии, П. Целан в декабре 1947 г. нелегально переходит румынско-венгерскую границу и через Будапешт приезжает в Вену. Здесь происходит судьбоносное в его жизни знакомство с Ингеборг Бахман, тогда студенткой философского факультета Венского университета, усиленной штудирующей философию М. Хайдеггера. Между ними вспыхивает сильное, страстное чувство, но эта история любви завершится расставанием и долгой перепиской: слишком разным был опыт, стоявший за плечами каждого из них (см.: [4]). В июле 1948 г. П. Целан переезжает в Париж, где дает частные уроки, переводит романы Ж. Симеона. Тем временем в Вене выходит его первый стихотворный сборник – «Песок из урн» («Der Sand aus den Urnen», 1948), само название которого связано с памятью о погибших во время Холокоста, как и вообще с трагедией Второй мировой войны, с бесчисленным количеством невинных жертв в страшной человеческой истории. Однако в книге было так много опечаток, что поэт запретил издательству ее распространение и просил уничтожить тираж (из него уцелело лишь небольшое количество экземпляров).

Поэт поступает на немецкое отделение Сорбонны, занимается переводами из Ж. Кокто и Г. Аполлинера, штудирует М. Хайдеггера. По просьбе тяжело больного Ивана Голля (Исаака Ланга, 1891–1950) П. Целан переводит на немецкий язык его стихи, написанные по-французски. Тяжким ударом для П. Целана станут обвинения вдовы И. Голля, Клер, в плагиате из Голля. Эти обвинения были совершенно несправедливы, но спровоцировали позднее травлю поэта. В 1952 г. П. Целан по рекомендации И. Бахман впервые выступает с публичным чтением своих стихов на заседании знаменитой «Группы-47» в Нинсдорфе в Западной Германии. Он терпит провал: трезвомыслящие представители «Группы-47» не смогли оценить «Фугу смерти», да и поэт едва справлялся с волнением, читая ее. Тем не менее слава Целана растет. В том же 1952 г. в ФРГ выходит его сборник «Мак и память» («Mohn und Gedächtnis»), генеральная тема которого – все та же кровоточащая память, невозможность забвения, символом которого является мак. Наряду со стихами, написанны-

ми трудным герметичным языком, наполненными сложными эзотерическими образами, здесь есть пронзительно-печальные и прозрачные мелодии, связанные прежде всего с памятью о родителях, о матери:

Espenbaum, dein Laub blickt weiß im Dunkel. / Meiner Mutter Haar ward nimmer weiß. // Löwenzahn, so grün ist die Ukraine. / Meine Mutter kam nicht heim. // Regenwolke, säumst du an den Brunnen? / Meine leise Mutter weint für alle. // Runder Stern, du schlingst die goldne Schleife. / Meiner Mutter Herz ward wund von Blei. // Eichne Tür, wer hob dich aus den Angeln? / Meine sanfte Mutter kann nicht kommen [3, с. 16].

‘Осина, твоя листва сверкает белым в темноте. / Моей матери волосы никогда не станут белыми. // Одуванчик, так зелена Украина. / Моя мать не придет домой. // Дождевое облако, ты медлишь над колодцем? / Моя тихая мать плачет обо всех. // Круглая звезда, ты свиваешь золотую петлю. / Моей матери сердце было изранено свинцом. // Дубовая дверь, кто снял тебя с петель? / Моя нежная мать не сможет прийти’¹.

Поэтика этого текста отсылает к народной песне, форма законченных двустиший – к поэзии Э. Ласкер-Шюлер. Однако наиболее родственна Целану поэтика Гёльдерлина (в целом в этом безумном мире ему все ближе оказывается безумный и гениальный Гёльдерлин). А. А. Гугнин пишет о сборнике «Мак и память»: «Целан без видимых усилий демонстрирует в этой книге всю “лестницу” своего поэтического ученичества: от Бодлера и символистов до экспрессионистов и сюрреалистов, от них же – к свободным ритмам Гёльдерлина, превращающимся под его пером в своеобразные поэтические заклинания, напоминающие временами то ли какие-то религиозные песнопения, то ли энергичные языческие заговоры. Два полюса тяготения, придающие отдельным стихам напряжение и объединяющие сборник в одно целое, указаны в заглавии: “Забвение и память”. “Mohn” – это мак, но со времен романтизма “мак” стал символом поэтического забвения, более утешительного, чем жизнь. “Память” для Целана – это неизгладимая память о войне, о ее жертвах, о ее ужасах, – эта “память” проходит через всю поэзию Целана, хотя от сборника к сборнику она как бы освобождается от непосредственной конкретной связи с образами военных лет» [5, с. 131]. Соглашаясь с этой характеристикой, заметим, что всю поэтику П. Целана можно определить как поэтику памяти, и именно кровотокающей памяти, так что даже мак – в алом его варианте (именно такие маки растут и в Альпах, и в Святой Земле) – становится символом не только забвения, но и памяти о пролитой крови. О Целане можно сказать словами Лермонтова, которого он переводил: *Забывать? Забвенья не дал Бог, / Да он и не взял бы забвенья!* Вся поэзия Целана, как и поэзия Н. Закс, как и поэзия Р. Ауслендер, обнаруживает удивительное (впрочем, в силу общности судьбы и не удивительное) типологическое сходство: это поэзия, взывающая к невозможности забвения, к сохранению памяти. Однако, чтобы выполнить свое предназначение, поэты должны были в прямом, а не в переносном смысле мучить себя этой кровотокающей памятью, не давать заживать своим ранам, которые становились их метафорами. Отсюда – все более подступающая душевная болезнь, с которой они, каждый по-своему, боролись. Особенно духовно близка П. Целану Н. Закс, с которой он знакомится в 1957 г., переписывается, навещает ее в Стокгольме, в том числе и в психиатрической больнице.

Душевное состояние самого Целана тоже постоянно под угрозой. Внешне все кажется более или менее благополучным. В 1952 г. он женится на художнице Жизель Лестранж, которая иллюстрирует его книги. Правда, первенец поэта Франсуа, родившийся в 1953 г., прожил всего один день, но в 1955 г. на свет появился сын Целана Эрик. В этом же году поэт получает французское гражданство и выходит его сборник «От порога к порогу» («Von Schwelle zu Schwelle»), посвященный жене. Он получает литературную премию Конфедерации немецких промышленников (1956), литературную премию города Бремен (1958). Его приглашают с чтением стихов в Бремен и Штутгарт. С 1959 г. П. Целан преподает немецкий язык и литературу в знаменитой Эколь нормаль в Сорбонне. В 1960 г. опубликован

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. С.

сборник «Решетка языка» («Sprachgitter») и присуждена премия Немецкой академии языка и литературы (премия Г. Бюхнера). П. Целан очень знаменит и как поэт (его стихи включены в школьную программу), и как переводчик: к ряду переводимых им поэтов добавляются А. Рембо, А. Блок, О. Мандельштам, Р. Шар, С. Есенин, Э. Дикинсон, Е. Евтушенко (поэма «Бабий яр»). В 1963 г. выходит в свет сборник «Никому-Роза» («Die Niemandrose»), а в 1964 г. в Дюссельдорфе поэт получает Большую художественную премию земли Северный Рейн-Вестфалия. В 1965 г. выходит отдельным изданием цикл стихов П. Целана «Кристалл дыхания» с гравюрами Жизель Лестранж, в 1967 г. – сборник «Поворот дыхания» («Atemwende»).

Однако эти же годы приносят с собой новую душевную боль, новые страдания. В 1960 г. разворачивается травля поэта в печати в серии фельетонов, раздувающих клеветнические обвинения Клер Голль. Поэт встревожен новым всплеском антисемитизма в Германии, о чем с тревогой пишет Н. Закс. Кроме того, его мучает не отпускающая больная память. В 1965 и 1966 гг. Целан проходит курсы лечения в психиатрической клинике, но в 1967 г. следует тяжелейший душевный кризис, приводящий его на порог безумия, к мании преследования, следствием чего становится покушение на жизнь жены. Следует вновь лечение в психиатрической клинике. С осени П. Целан живет один, поддерживая общение с женой и сыном в письмах и по-прежнему много работая. Он выступает со стихами во Фрайбурге, Франкфурте, Берлине, знакомится с Хайдеггером и гостит у него в Тоднауберге, переводит В. Хлебникова, Ж. Сюпервьеля, Дж. Унгаретти. В 1968 г. во Франкфурте выходит сборник «Нити солнц» («Fadensonnen») и том «Избранных стихотворений». Осенью 1969 г. П. Целан совершает поездку в Израиль по приглашению Союза писателей. Он встречается там со своими друзьями детства из Черновиц – Давидом Зейдманом, Мануэлем Зингером, Иланой Шмуэли, с которой будет переписываться до последних дней своей жизни: *Твое лицо, Илана. Твое еврейское лицо. Твое лицо. Иерусалим выпрямил и укрепил меня. Париж пригибает меня к земле и внутренне опустошает. Париж, по улицам и домам которого я все эти годы таскал за собой тяжкий груз безумия. Тяжкий груз реальности* [3, с. 652]. Целан посвятил цикл стихов Иерусалиму, который дал ему на время новое дыхание, как когда-то Э. Ласкер-Шюлер. Однако *тяжкий груз реальности* и *тяжкий груз безумия*, прямо связанный с этой реальностью, оказались сильнее. Финалом стало самоубийство поэта в ночь с 19 на 20 апреля 1970 г., после возвращения из Штутгарта, с конференцией, посвященной Гёльдерлину, где он выступал с чтением своих стихов. Гёльдерлин ушел от невыносимой реальности в безумие, в свою башню над Неккаром в Тюбингене, Целан – в воды Сены, которая наконец-то принесла ему забвение и упокоение. Уже посмертно вышли его поэтические сборники «Бремя [Давление] света» («Lichtzwang», 1970), «Снежная часть» («Schneepart», 1971), «Подворье времени» («Zeitgehöft», 1976).

Ныне совершенно понятно, что П. Целан – крупнейший немецкоязычный поэт второй половины XX в. и в целом один из самых великих поэтов немецкого языка, чье имя может стоять в одном ряду с именем Гёльдерлина. О Целане создана огромная научная литература – более шести тысяч работ (см. обширную библиографию: [J. Glenn, 1989]), и этот список продолжает пополняться, потому что его поэзия, обжигая своей внутренней силой на уровне душевно-эмоциональном, призывает к перечитыванию, вниканию в каждое слово, толкованию, исследованию. Его поэзия так же непроста для восприятия, как поэзия позднего Гёльдерлина и позднего Рильке, как поэзия Г. Тракля и Н. Закс. Она насыщена сложнейшей метафорикой и символикой, многочисленными и самыми разнообразными аллюзивными пластами. Конечно же, поэт не ставил перед собой задачей намеренно что-то зашифровать: он просто писал так, как думал, чувствовал, дышал. Каждое его стихотворение, порой совершенно непонятное при первом чтении, кажущееся рассыпанной цепью алогичных или герметичных, зашифрованных образов, обладает четкой внутренней предопределенностью, четкой связью с действительностью – материальной и духовной, с исторической памятью, с памятью культуры, с личной судьбой. Неслучайно поэт написал в открытом письме школьникам Старой гимназии в Бремене в июле 1958 г. – в ответ на письмо к нему классного руководителя 10-Б класса В. Д. Кляйншмидта после обсуждения в классе стихотворения П. Целана «Vom Blau...» («Той синевы...»):

Я – как и Вы – полагаю, что стихотворения поддаются интерпретации, а потому ни в коей мере не верю, что “мы должны руководствоваться только тем чувством, которое охватывает нас при их прочтении”. Стихотворения имеют некий смысл – смысл, который определенно нельзя уловить посредством простого “прочтения”. Я не считаю стихотворения и “попыткой беспорядочно разбросать, перемешав их друг с другом, различные образы” – стихотворения, ограничивающиеся такого рода попыткой, вообще не стихотворения. Стихотворения – это скорее попытка вступить в противостояние с действительностью, попытка присвоить действительность, сделать ее зримой. То есть действительность вовсе не является для стихотворения чем-то уже установившимся, изначально данным, но – чем-то таким, что стоит под вопросом, должно быть поставлено под вопрос. В стихотворении действительность впервые с в е р ш а е т с я, преподносит себя [3, с. 7].

Поэт обращается к читателям с вопросом, в котором звучит отчаянная просьба и надежда на понимание или хотя бы стремление понять: *Неужели это такое уж непомерное требование, хотеть – будучи автором – чтобы читатель со-мыслил вместе со стихотворением?* [3, с. 8]. Но чтобы читатель *со-мыслил* вместе с поэтом, он должен, помимо улавливания тончайших аллюзий на тексты немецкой, еврейской, европейской культур, просто элементарно знать, какой природный и культурный ландшафт сформировал поэта, что происходило в Буковине, в Черновцах, на Украине в годы Второй мировой войны, в годы Хмельнитчины в XVII в., в годы гайдамацкой резни в XVIII в. Нужно знать, что родители Целана были уничтожены в концлагере на Украине, а сам он чудом избежал гибели. Нужно знать, что он, двадцатилетний, открыл в себе «непреложную страсть писательства» (Р. Ауслендер) в подвале черновицкой ткацкой фабрики, а затем – в трудовом румынском лагере, что личная и национальная трагедия наложила неизгладимую печать на его творчество. Нужно знать, что через все его творчество проходят темы, связанные с судьбой еврейского народа и Холокостом, что для него крайне важны библейские мотивы и мистика Каббалы, символика миндаля, «прорастающая» сквозь древнейшие слои Пятикнижия и одновременно связанная с Осипом Мандельштамом (его фамилия означает по-немецки и на языке немецких евреев «ствол миндального дерева», т. е. миндальный посох первосвященника Аарона), с влюбленностью в русскую поэзию Серебряного века. Неслучайно и знаменитый сборник «Die Niemandsrose» посвящен «Памяти Осипа Мандельштама». А еще ранее, в 1961 г., П. Целан писал в письме критику Владимиру Маркову: *...для меня Мандельштам означает встречу, которая редко бывает в жизни. Это братство, явленное мне из далекого далека* [3, с. 299]. К концу жизни Целан все больше ощущал свою связь с русской литературой и даже подписывал письма друзьям следующим образом: *Русский поэт в изгнании Павел Львович Целан*. Кроме того, он знал и переводил многих русских и французских поэтов, прекрасно писал по-французски, стал Полем Целаном, доцентом Сорбонны, но создавать по-настоящему великую поэзию мог только на родном языке – немецком. Но эта немецкая поэзия впитала в себя прежде всего многочисленные импульсы еврейской культуры – и Священного Писания (Танаха), и раввинистической традиции, и особенно еврейской мистики (впрочем, эта же проблема возникает и при восприятии поэзии Э. Ласкер-Шюлер, Н. Закс, Р. Ауслендер; см. подробнее: [7]; [8]).

Известная поэтесса и переводчица Ольга Седакова пишет: «Я не думаю, чтобы Целан предполагал, что его читатель, его “ты”, которому протянута рука стихотворения, должен быть знатоком достаточно редких вещей; я не думаю также, что он пользовался какой-то сознательной шифровкой (шифровка уместна в письме другого типа, не таком радикально *внимательном*, какого требовал от себя Целан). Глубинные слои родной традиции возникают в его словах спонтанно, и поэтому можно просто довериться стиху, и тогда – как бы сказать? – эти смыслы сами вспыхнут, могут вспыхнуть... Несомненно, читатель Целана, не изучавший специально иудаизма, не может читая узнавать весь этот пласт (так же, впрочем, как и читатель Данте не узнает в нем огромного пласта схоластики и бездны других вещей). Тем не менее поэзия по самой своей природе позволяет воспринять смысл, которого ты никаким образом не мог бы знать заранее, к которому ты как будто заведомо не готов, и разве не за это мы ее любим?» [9]. Все это верно, но лишь отчасти. Чтобы по-настоящему понять поэта, нужно все-таки попытаться узнать, что формировало его и питало его поэзию.

Писать на языке убийц твоих родителей, убивших их за то, что они были не немцами, а евреями, – невероятно трудно. Но П. Целан писал, ведь это был язык, который его мать считала родным. Она страстно любила немецкую поэзию и передала эту страсть своему сыну. Он писал и в то же время бесконечно трансформировал этот язык, открывая в нем новые и новые глубины, новые возможности выразительности (о языкотворчестве П. Целана см. кандидатскую диссертацию А.Л. Вольского: [10]). Уже в ранней поэзии П. Целана возникает особый духовный ландшафт, в котором скрываются многочисленные слои культуры и памяти, как личной, так и сверхличной. Примером его может быть стихотворение «Черные хлопья» («Schwarze Flocken») из первого сборника поэта – «Песок из урн»:

Schnee ist gefallen, lichtlos. Ein Mond / ist es schon oder zwei, das der Herbst unter mönchischer Kutte / Botschaft brachte auch mir, ein Blatt aus ukrainischen Halden: // «Denk, daß es wintert auch hier, zum tausendmal nun / im Land, wo der breiteste Strom fließt: / Jakobs himmlisches Blut, benedieit von Äxten... / O Eis von unirdisches Röte – es wadet ihr Hetman mit allem / Tross in die finsternden Sonnen... Kind, ach ein Tuch, / mich zu hüllen darein, wenn es blinket von Helmen, / wenn die Scholle, die rosige, birst, wenn schneeig stäubt das Gebein / deines Vaters, unter der Hufen zerknirscht / das Lied von der Zeder... // Ein Tuch, ein Tüchlein nur schmal, dass ich wahre / nun, da zu weinen du lernst, mir zur Seite / die Enge der Welt, die nie grünt, mein Kind, deinem Kinde!» // Blutete, Mutter, der Herbst mir hinweg, brannte der Schnee mich: / sucht ich mein Herz, daß es weine, fand ich den Hauch, / ach des Sommers, / war er wie du. / Kam mir die Träne. Webt ich das Tüchlein [3, с. 10].

Выпал снег, сумрачно. Месяц уже / или два, как осень под монашеской рясой / мне тоже принесла весть, листок с украинских склонов: // «Представь себе, что и здесь наступает зима, ныне в тысячный раз, / в краю, где течет широчайший поток: / Иакова небесная кровь, благословенная топорами... / О лед неземной красноты – гетман их с казаками / бродит в меркнувших солнцах... Дитя, ах платок, / чтоб закутаться мне, когда шлемы блистают, / когда эта глыба розовая трещит, когда снежную пылью / рассыпается скелет / твоего отца, растоптана копытами / песнь о кедрах... / Платок, платочек вот только узкий, чтобы сберечь / теперь, когда ты учишься плакать, тесноту мира / рядом со мной, который никогда не зазеленеет, дитя мое, / для твоего ребенка!» // Осень кровью текла с меня, мама, снег жег меня: / искал я сердце свое, чтобы им плакать, находил я дыхание, / ах, того лета. / Было оно, как ты. / Пришла слеза. Ткал я платочек (перевод М. Белорусца) [3, с. 11].

Стихотворение написано зимой 1944 г., когда Целан получил достоверные известия о гибели в концлагере своих родителей. До этого, осенью 1942 г., Пауль получил письмо от матери с сообщением, что отец умер от тифа, а позже, зимой, узнал от своего бежавшего из лагеря родственника о гибели матери, застреленной выстрелом в затылок. Гибель родителей видится через призму многовековой истории – сквозь боль и ужасы еврейских погромов на Украине и в Буковине во время восстания Богдана Хмельницкого, еврейской резни во время восстания гайдамаков в XVIII в. «Небесная кровь» праотца еврейского народа Иакова, как небесная лестница, которую он увидел в пророческом сне (см. *Быт 28*), связует прошлое и настоящее, земное и небесное. «Песнь о кедрах», растоптанная копытами, – отсылка к Песни Песней, где не раз упоминаются кедры, – символу всей еврейской культуры, ее библейских корней, дающих ей силы жить на краю гибели, вопреки ей. И одновременно – это память об отце, влюбленном в Писание, очень религиозном человеке, по настоянию которого Пауль Целан дома изучал иврит и еврейскую религиозную традицию. Черные хлопья пожаров прошлого сливаются с черными хлопьями, вылетающими из труб крематориев, трагедия прошлого – с трагедией Холокоста. Все стихотворение, как и сборник «Песок из урн» в целом, включается в древнюю традицию плача об общей беде, отсылает к Книге Плача (Плачу Иеремии).

Особым источником поэтического новаторства для П. Целана становится библейская архетекстуальность, парадоксальное переосмысление библейских образов и мотивов. Значение Библии для П. Целана столь велико, что О. Седакова справедливо пишет: «То, что поэзия и мысль Пауля Целана пронизаны Библией, ее образами, ее темами и ее вопрошаниями, излишне говорить. Не нужно уточнять и того, что Библию Целан знал внутри той

традиции ее чтения и толкования, которая христианам незнакома. Может ли переводчик – и читатель – Целана обойтись без основательного знания иудаизма?» [9]. Ответить на этот вопрос можно так: без основательного знания – можно, но вот хотя бы без знания элементарного, вполне доступного и современному читателю, и тем более переводчику, – невозможно. В сущности, Целан, хотя и пишет по-немецки, пишет на языке Библии, как бы продолжая ее, расширяя ее до современности, через ее призму вглядываясь в настоящее. Это тонко чувствует О. Седакова: «Больше всего в отношениях поэзии Целана к Библии меня поразило не богатство или неожиданность его отсылок, не острота осмыслений и медитаций на заданные Библией темы, а нечто совсем другое. В каком-то смысле речь Целана *слишком* близка библейской – слишком для того, чтобы различить в ней темы, образы и вопрошания книг Св. Писания как отдельный, второй план, как модель, с которой работает мысль художника. А именно так, по принципу “тема и вариации”, “тема и ее развитие” или “диалог с темой”, обыкновенно и построены произведения европейского искусства, живопись, музыка, поэзия “библейской темы”. <...> Говоря о том, что речь Целана *слишком* близка библейской, я имею в виду, что “мир Библии” для него не кончается с последней записанной в кодексе фразой. *Весь мир, какой он застал, и есть для него мир Библии.* Ужас XX века, судьба его родных, его отношения с любимой пишутся в этом же свитке: это не воспоминание о библейских событиях, не комментарий, не истолкование уже написанного, а дальнейший ход рассказа. Рассказа, в котором “лучшее слово” так же неизмеримо впереди, в области надежды, как и во времена Иова. Библия у Целана – это священная история, открытая, как в начале, неутоленное пророчество о спасении» [9].

О. Седакова неслучайно упоминает Иова: эта библейская книга, на которую нет конкретных аллюзий в поэзии Целана, становится одним из важнейших смыслополагающих и текстопорождающих текстов для поэта, ибо центральная проблема его творчества – неразрешимая по существу проблема теодицеи, проблема оправдания Бога и созданного Им мира перед лицом самого страшного и необъяснимого зла – страданий и гибели невинных. Эта же проблема, безусловно, центральная и для Н. Закс. Но если она сознательно отсылает читателя к Книге Иова, прямо вводя образ библейского страдальца в свою поэзию и прочитывая его как символ страдания еврейского народа и страдания человечества вообще, то П. Целан пишет новую Книгу Иова и сам перевоплощается в Иова, вступая в новый спор с Богом, как в стихотворении «Цюрих, “У аиста”» («Zürich, Zum Storchen»), обращенном к Н. Закс и написанном под впечатлением встречи и беседы с ней, в том числе о Боге:

Vom Zuviel war die Rede, vom / Zuvenig. Von Du / und Aber-Du, von / der Trübung durch Helles, von / Jüdischem, von / deinem Gott. // <...> Von deinem Gott war die Rede, ich sprach / gegen ihn, ich / ließ das Herz, das ich hatte, / hoffen: / auf / sein höchstes, sein umröcheltes, sein / haderndes Wort... [3, с. 106].

О слишком многом шла речь, о / слишком малом. О тебе / и еще-тебе, о / возмущении ясности, о / еврейском, о / Твоем Боге. // <...> О твоем Боге шла речь, я говорил / против него, я / позволил сердцу, какое есть у меня, / надеяться: / на / его лучшее, разъяренное, на его / раздирающее слово... (перевод О. Седаковой) [3, с. 109].

В связи с этим стихотворением О. Седакова замечает о Целане: «Он не говорит *слов* Иова, он *надеется* на то же, что Иов, он хочет услышать настоящий ответ Бога на настоящий вызов “сердца, какое у него есть”. Не сердца, какое *должно быть* у благочестивого человека, а такого, какое у него есть, – чтобы ему ответил не “еврейский Бог” (в данном контексте это, очевидно, значит: “Бог традиции”, “Бог благочестивых привычек”), а “Он Сам”, в других стихах именуемый “Ты” или “Никто”. Если в этих стихах воспоминание о Книге Иова все же присутствует, то это воспоминание о *прецеденте*: ведь было же такое, не принимающему положения дел человеку однажды было отвечено!» [9].

То же самое мы можем увидеть в поэзии Целана по отношению к еще двум чрезвычайно важным для него библейским архетекстам – Книге Псалмов и Песни Песней. Его поэзия во многом представляет собой продолжение великой поэзии Псалмов – но не в плане подражания им или их переложения. Нет, это, по сути, те же отчаянные вопли, обращенные к Богу в эпицентре страданий, но уже почти без надежды на помощь, даже на рас-

слышанность, потому что эта новая Псалтирь создается в эпоху «сокрытия Бога», Его «затмения» в душе человека. Тем не менее, это все равно, в самом беспредельном отчаянии и неверии, – страстная вера и прославление Того, Кто является последним смыслом в обесмыслившемся мире. Иногда (чрезвычайно редко) поэт паратекстуально – заглавием – отсылает к Книге Псалмов, как, например, в знаменитом стихотворении «Псалом» («Psalm») из сборника «Die Niemandrose». Но если в Псалтири Бог – всегда Ты, Вечное Ты (М. Бубер), к которому взывает человек, поверяет ему свое сердце, свои радости и горести, на помощь которого уповает, то у Целана Бог получает страшное именование – Никто (*Niemand*), ибо Он не может ничего ответить, не может прийти на помощь страстно верующим в Него и обреченным на гибель, становящимся прахом:

Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm, / niemand bespricht unsern Staub. / Niemand. // Gelobt seist du, Niemand. / Dir zulieb wollen / wir blühn. / Dir / entgegen. // Ein Nichts / waren wir, sind wir, werden / wir bleiben, blühend: / die Nichts-, die / Niemandrose. / Mit / Dem Griffel seelenhell, / dem Staubfaden himmelswüst, / der Krone rot / vom Purpurwort, das wir sangen / über, o über / dem Dorn [3, с. 124].

Кто вылепит снова нас из земли и глины, / кто заговорит наш прах – никто. / Никто. // Восславлен же будь, Никто. / Ради Тебя мы / хотим расцвести. / Навстречу / Тебе. // Ничто были мы, / есть мы и будем / всегда, расцветая: / розой-Ничто, розой- / Никому. // За- / вязью душевно-светлой, / пылью небесно-пустынной, / венчиком рдяным / от слова-раны, что возвещали мы / над, о над / тернием (перевод М. Белорусца) [3, с. 125].

Помимо прозрачных аллюзий на *Быт 2:7* (*И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою*² [11]), стихотворение содержит скрытую аллюзию на Псалом 103/102-й: *Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы – персть. // Дни человека, как трава; как цвет полевой, так он цветет. // Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его* (*Пс 103/102:14–16*) [11]; ср. перевод М. Лютера: *Denn er weiß, was für ein Gebilde wir sind; / er gedenkt daran, daß wir Staub sind. // Ein Mensch ist in seinem Leben wie Gras, / er blüht wie eine Blume auf den Felde; // wenn der Wind darüber geht, so ist sie nimmer da, / und ihre Stätte kennet sie nicht mehr* (*Ps 103:14–16*) [12, S. 601–602] (ср. также *Иов 14:1–2*). Уничтожаемые люди – персть, прах, о котором не вспоминают места, где они жили, – прекрасные, но хрупкие цветы, которые упрямо, даже в гибели, расцветают навстречу Богу, даже если Он не приходит на помощь, даже если Он допускает столь страшные страдания и массовую гибель невинных, даже если Он – Никто: *Ради Тебя мы / хотим расцвести. / Навстречу / Тебе. // Ничто были мы, / есть мы и будем / всегда, расцветая...*

Образами *Nichtrose* ‘Ничто-Роза’ и *Niemandrose* ‘Никому-Роза’ Целан включается, пусть и парадоксально, в устойчивую цепь образов, из глубин идущих от Библии к современности через толщу еврейской и христианской мистики. Роза – символ мистической Тайны – важна для обеих традиций, и этот образ связан с аллегорическим и мистическим толкованием Песни Песней. Ее героиня, уподобляющаяся неизвестному весеннему цветку – *хаваццелет*, растущему на равнине Шарон и понятому как роза, равно как и «лилии среди терний» (*шошанна* ‘лилия’ также получила позднее значение «роза», потому что она «среди терний»; см. *Песн 2:1–2*), понимается в еврейской аллегорической интерпретации как символ Общины Израиля (*Кнессет Йисраэль*), заключившей Союз любви и верности со Всевышним; в мистической традиции – это символ человеческой души, с безмерной любовью устремленной к Богу, а также – в мистике Каббалы – символ Шехины, гипостазированной имманентности Бога миру, Вечной Женственности, нижней сфиры *Мальхут* ‘Царственность’, через которую Бог эмануирует энергию дольнему миру. Как Роза о тринадцати лепестках (тринадцати атрибутах милосердия) предстает Сам Всевышний в той же каббалистической и опирающейся на последнюю хасидской традиции, хорошо знакомой Целану. Роза в христианской мистике символизирует Деву Марию, но в равной степени и

² Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, Синодальный перевод.

рожденного ею Иисуса Христа, идущего на добровольную смерть в алой багрянице; роза символизирует страдания Иисуса, Его кровь, пролитую во имя Спасения человечества. Оба этих сакральных ряда сливаются в символике Пауля Целана, как и в символике розы в поэзии Розы Ауслендер. Оба поэта напоминают, что и Сам Иисус – в христианской традиции воплощенное Слово Божье – плоть от плоти и дух от духа еврейского народа, вновь истекающего кровью, уничтожаемого. Уничтожая народ Божий в центре цивилизации, именуемой себя христианской, люди, искажившие в себе образ Божий, убивают Христа.

Выражение Целана *mit... der Krone rot / vom Purpurwort* точнее можно перевести как 'с... венцом [корона] красным / от пурпура-слова [пурпурного слова]' (ср. перевод О. Седаковой: *...с красным венцом / пурпура-слова, которое мы пели / поверх, о, поверх / терний* [3, с. 127]). Здесь можно увидеть аллюзию на Евангелие от Иоанна: *Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице (Иоанн 19:5)* [11] – с напоминанием, что Иисус, согласно христианскому мирозерцанию, – *Логос*, воплотившееся на земле Слово Божье (ср. перевод М. Лютера: *Und Jesus kam heraus und trug die Dornenkrone und das Purpurgewand* [12, S. 132]). Однако еще в большей степени здесь очевидна аллюзия на знаменитый Псалом 8-й, вопрошающий: *...что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? // Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его... (Пс 8:5–6)* [11]. Увенчанный, венец творения – человек, который теперь уничтожен, превращен во прах или сам пал столь низко, что уничтожает себе подобных. Но «мы», от имени которых говорит поэт, – *Niemandrose, Никому-Роза, Ничья-Роза*, венчанная Словом, поющая слово хвалы Всевышнему вопреки гибели, – сам еврейский народ, давший миру великое Слово, звучащее в Книге Книг, народ, родивший Иисуса и продолжающий в страшной истории путь Христа на Голгофу, но также и все невинно страдающие, все погибающие в страшном угаре ненависти и убийств. Быть может, Бог действительно умер, если в мире возможно такое? Наполняя мир убийствами, люди убивают Бога. Истребляя народ Божий, люди истребляют Бога. А с другой стороны, в подтексте звучит невысказанный, немой и горький вопрос теодицеи: где же был Бог, когда убивали Его народ? Как мог Он допустить такое количество жертв среди разных народов, в том числе и гибель тех, кто страстно верил в Него до последнего? Быть может, Бог совсем отвернулся от мира, сокрылся, стал окончательно непостижимым Неким или Никем? Быть может, это отчаянный спор с библейской концепцией диалога? Но нет, все-таки вера, ведь обреченные упрямо поют слово Божье над тернием: *...Purpurwort, das wir sangen / über, o über / dem Dorn*. В финале очевидно также отсылка к великому немецкому поэту-мистичу XVII в. Ангелусу Силезиусу – к его афоризму «Цвести и под терниями» («Auch untern Dornen blühen»), в котором розе, цветущей под терниями, уподобляется и Христос в терновом венце, и христианин, принимающий мучения во имя веры. У Целана же – «над терниями», «поверх терний», и в самом этом выражении – отчаянный акт веры и прославления Бога в самой смерти, в эпицентре страданий.

О. Седакова говорит о том, как поразило ее некогда это стихотворение Целана – первое его стихотворение, прочитанное ею по-немецки, и как ей постепенно открылось следующее: «Реальность “Псалма” – не “мир души”, а мир истории. Быстрее всего это могло бы подсказать его “мы”: мистики, поэты “внутреннего” (*Innigkeit*) обыкновенно говорят о “я”» [9]. Это верно, но лишь отчасти: для Целана это и «внутреннее», глубоко личное, и сверхличное, касающееся народной судьбы и более того – судьбы всего человечества, ведь есть ли у этого человечества будущее при такой деструкции всего человеческого, образа Божьего в душе человека?

Нельзя не согласиться с тонким замечанием О. Седаковой: «...Псалтирь Царя Давида предшествует этому новому псалму (именно псалму, а не переложению псалма или медитации на тему псалмов) как прецедент. И не только Псалтирь, но и другие песнопения Ветхого Завета: скажем, песнь отроков в Вавилонской печи из Книги Даниила (на этот раз поющие уже сгорели до того, как начать песнь!). Вот, за всеми этими, еще одна песнь – клятва в верности, которая и есть хвала» [9]. Внесем только одну поправку: Псалтирь выступает для «Псалма» П. Целана не просто как прецедент (прецедентный текст), но как архетекст, и эту же роль играет Песнь Песней в ее мистическом прочтении. С другой стороны, невозможно согласиться с мнением известного специалиста по Каббале Моше Иделя, который полагает, что у Целана «роза, возникающая из человеческого праха, заняла место каббалистической розы, сим-

волизирующей нижние аспекты Божественного плана», что «теперь активный мертвец завоевывает пространства пустоты, образовавшейся в результате уничтожения Бога», что «Псалом» Целана – «откровение, ведущее в ничто» [8, т. 1, с. 312]. «Псалом» Целана – не просто откровение о возможной страшной «смерти Бога», но скорее – о «затмении Бога», Его «сокрытии» от мира, а в конечном итоге – утверждение Его необходимости для человека и неизменной, невозможной, беспредельной верности Ему еврейского народа. Так буквально в каждом стихотворении поэта происходит схватка неверия и веры, отчаяния и надежды.

Самым известным стихотворением П. Целана стала «Фуга смерти». В 1960 г. поэт вспоминал: ...когда я в мае 1945 г. сочинял «Фугу смерти», я, как мне помнится, прочел в «Известиях»³ сведения о Львовском гетто [3, с. 286]. Известно, что в концлагере на ул. Яновской во Львове (туда отправляли евреев из гетто), лагерное руководство, «прославившееся» особым садизмом, приказывало во время казней играть на плацу оркестру, состоящему из заключенных-музыкантов. Оркестр исполнял «Танго смерти», которое сочинил один из заключенных на основе популярного танго «Милонга». Поэт представил себе эту ситуацию, многократно повторявшуюся с вариациями не только во Львовском, но и во многих других гетто и концлагерях, и острая боль, свежие раны, связанные с гибелью родных и с острой тоской от сознания, в какой тупик зашел цивилизованный мир, продиктовали ему гениальный текст, в котором, как в органной фуге, прославившей немецкую музыку, сплетаются темы жизни и смерти, палача и жертвы, повторяются и варьируются слова, строки, мотивы и лейтмотивы, втягивая читателя в жуткую воронку чудовищного абсурда и смерти:

Schwarze Milch der Frühe wir trinken sie abends / wir trinken sie mittags und morgens wir trinken sie nachts / wir trinken und trinken / wir schaufeln ein Grab in den Lüften da liegt man nicht eng / Ein Mann wohnt im Haus der spielt mit den Schlangen der schreibt / der schreibt wenn es dunkelt nach Deutschland dein goldenes Haar Margarete / er schreibt es und tritt vor das Haus und es blitzen die Sterne er pfeift seine Rüden herbei / er pfeift seine Juden hervor läßt schaufeln ein Grab in der Erde / er befiehlt uns spielt nun zum Tanz // <...> Schwarze Milch der Frühe wir trinken dich nachts / wir trinken dich morgens und mittags wir trinken dich nachts / wir trinken und trinken / ein Mann wohnt im Haus dein goldenes Haar Margarete / dein aschenes Haar Sulamith er spielt mit den Schlangen / Er ruft spielt süßer den Tod der Tod ist ein Meister aus Deutschland / er ruft streicht dunkler die Geigen dann steigt ihr als Rauch in die Luft / dann habt ihr ein Grab in den Wolken da liegt man nicht eng // Schwarze Milch der Frühe wir trinken dich nachts / wir trinken dich mittags der Tod ist ein Meister aus Deutschland / wir trinken dich abends und morgens wir trinken und trinken / der Tod ist ein Meister aus Deutschland sein Auge ist blau / er trifft dich mit bleierner Kugel er trifft dich genau / ein Mann wohnt im Haus dein goldenes Haar Margarete / er hetzt seine Rüden auf uns er schenkt uns ein Grab in der Luft / er spielt mit den Schlangen und träumet der Tod ist ein Meister aus Deutschland // dein goldenes Haar Margarete / dein aschenes Haar Sulamith [3, с. 24–26].

Черное молоко рассвета мы пьем его вечерами / мы пьем его в полдень и утром мы пьем его ночью / пьем и пьем / мы роем могилу в воздушном пространстве там тесно не будет / В том доме живет господин он играет со змеями пишет / он пишет когда стемнеет в Германию о золотые косы твои Маргарита / он пишет так и встает перед домом и блещут созвездья он свищет своим волкодавам / он высвистывает своих иудеев пусть роют могилу в земле / он нам говорит а теперь играйте станцуюм // <...> Черное молоко рассвета мы пьем тебя ночью / мы пьем тебя в полдень и утром мы пьем вечерами / пьем и пьем / в том доме живет господин о твои золотые волосы Маргарита / пепельные твои Суламишь он играет со змеями пишет / Он требует слаще играйте мне смерть Смерть это немецкий учитель / он требует темней ударяйте по струнам потом вы подниметесь в небо как дым / там в облаках вам найдется могила там тесно не будет // Черное молоко рассвета мы пьем тебя ночью / мы пьем тебя в полдень смерть это немецкий учитель / мы пьем тебя вечерами и утром пьем и пьем / Смерть это немецкий учитель глаза у него голубые / он целит свинцовая пуля тебя не упустит он целит отлично / в том доме живет человек о золотые косы твои Маргарита / он на нас выпускает своих волкодавов он нам дарит могилу / в воздушном пространстве / он играет со змеями и размышляет Смерть это немецкий учитель // золотые косы твои Маргарита / пепельные твои Суламишь (перевод О. Седаковой) [3, с. 25–27].

³ Название в оригинале дано латиницей по-русски.

Мы оказываемся в самом эпицентре страданий, слышим голоса обреченных на смерть, пьющих ее с воздухом – «черное молоко рассвета». Оно никогда не станет для них белым, потому что рассвет несет с собой не надежду (такова его традиционная символика), но смерть, потому, что рассветный туман смешивается с дымом и пеплом от сожженных тел (*потом вы подниметесь в небо как дым*). В «Прозе из наследия» Целана есть запись о «Фуге смерти»:

В Эдде = змей Мидгар – гибель мира. Колдовская притягательность. Рассвет – вторжение Другого. Маргарита, Суламифь – смысл происходящего наполняет обеих. Косы – змеи. Стихотворение делается все более смертельным (сжатым). Стихотворение со смертью и «к смерти». Молоко Рассвета – приближение Другого. Говорят умирающие, они говорят только как таковые – Смерть для них неизбежна – они говорят как уже умершие и мертвые. Они говорят со смертью, отталкиваясь от смерти. Они пьют от смерти (они пьют и пьют) они пьют и пьют: это питье длится и дальше – даже в конце стихотворения оно не прекращается. В том доме живет (некий) господин = а другие – мы – снаружи [3, с. 286].

Итак, сам поэт поясняет, что умирающие пьют и пьют от смерти, которую символизирует «черное молоко рассвета». Заметим, что при всей символичности каждый образ Целана конкретен и нагляден (черта, объединяющая его поэтику с библейской). Некий господин, живущий в доме, становится зловещим олицетворением всей европейской и особенно немецкой цивилизации и – увы! – культуры – той культуры, которая породила «Эдду», «Песнь о Нибелунгах», Канта и Гёте... Золотые волосы Маргариты – символ этой культуры, но еще и отголосок пресловутого арийского мифа, которому не угодны черные волосы Суламифи, которые потому и превращаются в пепел. Господин пишет в Германию, мечтая о своей Маргарите, любя ее. У него есть семья, он смотрит на звезды – и образцово убивает. У него голубые глаза, несущие смерть черным глазам. Возможно, глядя на звезды, он даже вспоминает кантовский «нравственный закон во мне» – и образцово убивает. Возможно, он перечитывает гётевского «Фауста» – и заставляет играть и плясать обреченных на смерть. В «Фуге смерти» невозможно не различить страшной горечи от сознания, куда зашла цивилизация, которую О. Шпенглер определил как «фаустовскую». Но гётевская Маргарита, Гретхен, воплощение больной совести, любящая и безумная, потому что человекая, явно не равна Маргарите, которой пишет господин, живущий в доме. Именно своим безумием Гретхен дорога поэту, как дорог безумный Гёльдерлин, некогда предупреждавший, как и Гёте, немцев о том, что они могут ступить на страшный путь. Но как – этот вопрос мучает Целана – совместить высокую немецкую духовность и массовые убийства, осуществляемые образцово, поставленные на поток? Где пресловутая немецкая *Innigkeit*, где воспитанная великими немцами в своих соотечественниках чувствительность? Как она обратилась в омертвление души, в садизм?

*Он требует слаще играйте мне смерть – аллюзия на Псалом 137/136-й: Ибо там пленившие нас требовали песен от нас и веселья – притеснявшие нас... (Пс 137/136:3)⁴. В письме немецкому писателю Вальтеру Йенсу Целан пишет в 1961 г., прямо указывая на этот Псалом: ...а другому играйте и пойте... [3, с. 286]. Он играет со змеями – отсылка к стихотворению Г. Тракля «Псалом» (2-я ред.): В могиле белый маг играет со своими змеями. / Над местом казни тихо открываются золотые глаза Бога (перевод В. Летучего). В письме В. Йенсу Целан поясняет: Видите ли, дорогой Вальтер Йенс, в «Фуге смерти» со змеями играет отнюдь не «Смерть» – со змеями играет «человек в доме», тот самый, что пишет «о золотые косы твои Маргарита» [3, с. 286]. «Человек [господин] в доме» становится мастером (учителем) смерти. *Der Tod ist ein Meister aus Deutschland...* 'Смерть это мастер [учитель] из Германии...' В этом возможно увидеть отсылку к М. Опицу: *Мы – смерти мастера. Нам славу принесло / Уменье убивать. Смерть – наше ремесло* (перевод Л. Гинзбурга) [13, с. 43]. Сама суть мастерства, учительства, наследие великих духовных учителей Германии предельно извращены беспощадными убийцами с голубыми глазами. В финальную строфу вынесены всего две строки, в которых в параллель ставятся Маргари-*

⁴ Перевод наш. – Г. С.

та (гётевская Маргарита) – символ самой Германии, всего лучшего, ею созданного, и Суламифь – героиня Песни Песней – символ еврейского народа. Ее волосы, черные, как смоль, обращаются в пепел. Всей своей сутью «Фуга смерти» превращается в плач, в реквием, оплакивающий гибель не только еврейского народа, но самой человечности, подлинной культуры, – и одновременно в скорбный псалом, в моление обреченных на смерть о том, чтобы обрести последний приют и свободу в воздушных пространствах у Бога.

Буквально в каждом стихотворении Целана ведут диалог, проникают друг в друга библейское, каббалистическое и христианское, немецкое, особенно идущее от Гёльдерлина (а от него – к Траклю и Н. Закс). Ведь чтобы понять, например, стихотворение Целана «Tenebrae» из сборника «Решетка языка», нужно знать не только то, что *Tenebrae* (лат. «тьма») аллюзивно связана с сообщением евангелиста Матфея о распятии Иисуса (*От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого – Матф 27:45*) [11], не только то, что в связи с этим *Tenebrae* – название католической литургии в чистый четверг, страстную субботу и страстную пятницу перед Пасхой, во время которой читают Плач Иеремии и гасят свечи, но и то, что Книгу Плача (Плач Иеремии) читают в скорбный день Девятого Ава, когда евреи оплакивают гибель своей главной святыни – Первого и Второго Храмов в Иерусалиме, но и Псалом 33-й – *Близок Господь к сокрушенным сердцам...* (*Пс 33:19*) [11], а также то, что стихотворение открывается аллюзией на «Патмос» Гёльдерлина, в котором сказано: *Nah ist, / Und schwer zu fassen der Gott* [14, с. 176] ‘Близок / и трудно постижим [ощутим] Бог’. У Целана читаем: *Nah sind wir Herr, / nahe und greifbar* ‘Близко мы, Господи, / и ощутимо’. Чем более близок Бог, тем Он непостижимее, тем невозможнее Его ощутить. Но еще более непостижимо восхождение в страданиях человека к Богу. Жертвы в крови невинной восходят к Богу – Его народ, в страдании вновь открывающий Бога и уповающий лишь на Него, повторяющий путь Христа. Где же Бог? Он разрешил пролиться их крови. Возможно, теперь Он должен молиться и просить о прощении.

Nah sind wir Herr, / nahe und greifbar. // Gegriffen schon, Herr, / ineinander verkrallt, als wär / der Leib eines jeden von uns / dein Leib, Herr. // Bete, Herr, / bete zu uns, / wir sind nah. // Windschief gingen wir hin, / gingen wir hin, uns zu bücken / nach Mulde und Maar. // Zur Tränke gingen wir, Herr. // Es war Blut, es war, / was du vergossen, Herr. // Es glänzte. // Es warf uns dein Bild in die Augen, Herr, / Augen und Mund stehn so offen und leer, Herr. / Wir haben getrunken, Herr. / Das Blut und Bild, das im Blut war, Herr. // Bete, Herr. / Wir sind nah [3, с. 80].

Мы близко, Господи, / Близко – рукой подать. // Подались уж, Господи, / впились друг в друга, словно / тело у всех нас одно, / твое тело, Господи. // Молись, Господи, / молись нам, / мы близко. // Клонимые ветром шли мы, / шли поклониться / над копытцем, над котловиной. // На водопой шли мы, Господи. // То кровь была, кровь, / что ты пролил, Господи. // Она блестела. // Она взметнула образ твой пред глазами, Господи. / Раскрыты и пусты так глаза и уста, Господи. / Мы пили, Господи. / Ту кровь и образ, что был в крови, Господи. // Молись, Господи. / Мы близко (перевод М. Белорусца) [3, с. 83].

Стихотворение полно не только сложных образов-метафор, но и конкретного, отчетливо-страшного видения гибели людей – *ineinander verkrallt* ‘друг в друга вцепившись’. Фред Лёнкер, автор статьи об этом стихотворении в книге «Комментарий к “Решетке языка” Пауля Целана» (см.: [15]), полагает, что на возникновение этого образа повлияло описание гибели людей в газовой камере из книги Геральда Райтлингера «Окончательное решение. Попытка Гитлера уничтожить евреев Европы» (Берлин, 1956): «Потом они почувствовали газ и в дикой панике устремились к гигантской металлической двери с маленьким окошком, перед которой и образовали одну-единственную, синюшную, липкую, запачканную кровью пирамиду, даже в смерти оставаясь судорожно вцепившимися друг в друга (*ineinander verkrallt und verkrampft*)». Ряд мистический у Целана перетекает в конкретный, и наоборот. Земное становится горним. В принадлежавшем ему томе из собрания сочинений Р. Беер-Гофмана с пьесой «Сон Иакова» Целан рядом с репликой Иакова, обращенной к Богу: «Но связаны друг с другом, навечно – Ты и я!», – приписал на полях: *Вцеплены друг в друга!* [3, с. 294].

Н. Закс сравнивала сборник Целана «Решетка языка» с главной книгой Каббалы – «Книгой Сияния» (*Сэфер га-Зоѓар*), и из Стокгольма написала ему 3 сентября 1959 г.:

Дорогой Пауль Целан, Ваша «Книга Сияния», Ваш «Зоѓар», уже у меня. Я в ней живу. Эти хрустальные буквы-ангелы – духовно-прозрачные – в которых именно сейчас – в данный момент – совершается акт творения... А я снаружи, я преклоняю колени на пороге, покрытом прахом и омытом слезами, – но через щели приходит это ко мне, через дверь, которая ведет в сокровенное, к тайне окутывания покрывами, первому акту творения. Который совершился тогда, когда Бог отправился в изгнание (цимцум), чтобы из своего Внутреннего создать мир. Так пусть же каждый Ваш вздох и впредь будет благословен, чтобы Вы вместе с воздухом вбирали в себя духовный облик мира (цит. по: [3, с. 534–535]).

И она же, получив от Целана горькое письмо, где он пишет о нарастании антисемитизма в Западной Европе и клевете, направленной лично против него, написала 28 октября 1959 г.:

Пауль Целан, дорогой мой Пауль Целан – благословенный Бахом и Гёльдерлином – благословенный хасидами. Ваше письмо поразило меня в самое сердце. ...Ваше письмо – оно пронзило меня, просверкнув насквозь, как молния... И тогда надежда, в которую я годами вкладывала свои душевные силы, разлетелась вдребезги – я даже заболела, настолько это меня ранило. Дорогой Пауль Целан, мы с Вами и впредь должны, несмотря на разделяющее нас расстояние, говорить друг другу правду. Между Парижем и Стокгольмом протянут меридиан боли и утешения (цит. по: [3, с. 535–536]).

В последний раз Пауль Целан, *благословенный Гёльдерлином*, был в Германии 19–31 марта 1970 г., на праздновании двухсотой годовщины со дня рождения Гёльдерлина: его пригласили выступить с чтением стихов в Штутгарте. 19 апреля он покончил с собой, бросившись в Сену с моста Мирабо. Последняя запись в дневнике карандашом, подчеркнутая чернилами, помечена 19 апреля: *Отбытие. Пауль* – тело было обнаружено 1 мая, опознано 4 мая. В день похорон Пауля Целана, 12 мая, в Стокгольме скончалась Нелли Закс. Между ними действительно была какая-то мистическая связь. Оба они шли по дорогам страдания, изгнания, боли, потерь с именем Бога вопреки всему, стремясь сохранить память и осмыслить то, что не поддается осмыслению:

Mit Namen, getränkt / von jedem Exil. / Mit Namen und Samen, / mit Namen, getaucht / in alle / Kelche, die vollstehn mit deinem / Königsblut, Mensch, – in alle / Kelche der großen / Ghetto-Rose, aus der / du uns ansiehst, unsterblich von soviel / auf Morgenwegen gestorbenen Toden. // (Und wir sangen die Warshowjanka. / Mit verschliffen Lippen, Petrarca. / In Thundra-Ohren, Petrarca.) // Und es stieg eine Erde herauf, die unsre, / diese. / Und wir schicken / keinen der Unsern hinunter / zu dir, / Babel [3, с. 166–168].

С именем, впитавшим / каждое изгнание. / С именем и семенем, / – именем, окропленным / во всех / чашах, что полнятся твоею / царскою кровью, человек – во всех / чашах-чашечках той большой / розы гетто, откуда / ты глядишь на нас, бессмертный от стольких / смертельных смертей на утренних дорогах. // (И мы пели Варшавянку, / шелушащимися губами – Петrarку, / в уши тундры – Петrarку.) // И встает Земля, наша, / эта. / И мы не шлем / никого из наших вниз, / к тебе, / Вавилон (перевод М. Белорусца) [3, с. 168–169].

Само название стихотворения, финал которого процитирован, – «Вывенчан» («Hinausgekrönt») – отсылает все к тому же Псалму 8-му, где человек предстает как увенчанный Богом честью и славой, как высшее Его творение. Но он же и «вывенчан, / выплюнут в ночь» (*Hinausgekrönt, / hinausgespien in die Nacht*). В страшной ночи несправедливого мира Имя Бога, так и не названного в стихотворении, окроплено «царской кровью» человека. Как огромная чаша, наполненная кровью, предстает обреченное на гибель гетто, точнее – «гетто-роза» (*Ghetto-Rose*), из которой смотрит Бог, «бессмертный... от множества смертельных смертей». Здесь вновь включается каббалистическая символика, связанная с мистической интерпрета-

цией Песни Песней. «Гетто-роза» – и еврейский народ, и Шехина, Сам Бог, преданный этим миром и обитающий только со страдающими, в эпицентре болей, скорбей, смерти. *И мы не шлем / Никого из наших вниз* – вероятно, поэтов, ведь *в сем христианнейшем из миров поэты – жи́ды* (эти слова Марины Цветаевой из «Поэмы Конца», слегка видоизмененные, – *Все поэты – жи́ды* – Целан по-русски поставил эпиграфом к стихотворению «Und mit dem Buch aus Tarussa» – «И с книгой из Тарусы» в сборнике «Никому-Роза»). Поэты в этом мире обречены на гибель и в то же время бессмертны, как бессмертен истребляемый народ Божий, горящий и не сгорающий, как Неопалимая Купина, противостоящий Вавилону – граду земной тщеты.

Пауля Целана называют последним великим поэтом XX в. По словам Алена Бадью, его стихами заканчивается «век поэтов». Кому принадлежит Целан – еврей, родившийся в Черновицах, живший там в то время, когда Буковина принадлежала Румынии, а затем, на короткое время, Советскому Союзу, проживший вторую половину жизни во Франции, влюбленный в немецкую, русскую и французскую поэзию? Понятно, что он имел и имеет отношение к разным культурам, что он прежде всего человек европейской культуры. Размышляя о его поэзии, Татьяна Баскакова говорит: «...в какой-то мере я себя чувствую человеком европейской культуры, и для меня Целан – одно из ее воплощений. Он очень тесно связан с Буковиной, где родился, и с Парижем, и с Германией, и он для меня – не какой-то абстрактный европеец, а человек, который действительно вобрал в себя, объединил в себе культуру разных частей Европы» [16, с. 715]. Ей отвечает Марк Белорусец: «Ты же знаешь, Целан впитал не только культуру тех ареалов, которые ты упомянула, но он точно так же связан и с Мандельштамом, и с Блоком, с Есениным, которых переводил, с Пастернаком, которого много читал, – не с ними только, а если прибегнуть к образу Пастернака, с их миром, “в слове явленном”. Но – связь эта осуществляется в слове Целана, где все оказывается взаимопереплетенным, где Ока – рядом с Сенной, в снегу на карпатских склонах таятся кристаллы памяти, а Богемия – подле моря. Именно этот, его мир, где все граничит между собой, примыкает одно к другому и соотносится, мне очень близок» [16, с. 715].

С этими словами невозможно не согласиться. Однако прежде всего Пауль Целан – великий поэт немецкого языка. Им двигало одно желание: не дать слову омертветь, возродить его к жизни, поверить в его действенность, в способность сохранять память и человеческое в человеке, возрождать человеческую душу: *Ein Wort – du weißt: / eine Leiche. // Laß uns sie waschen, / laß uns sie kämmen, / laß uns ihr Aug / himmelwärts wenden* [3, с. 64] – *Слово, знаешь, / оно – мертвец. // Давай его омоем, / давай причешем, / давай обратим / глаза его к небу* (перевод М. Белорусца) [3, с. 65].

Но Пауль Целан еще и еврейский поэт, взращенный еврейской культурой, прежде всего духовной и поэтической мощью Танаха и мистикой Каббалы. По-настоящему же поэтом его сделала острая боль, причастность страданиям своего народа, а через это – ощущение родства со всем страждущим человечеством. Им, как и Н. Закс, как Р. Ауслендер, двигало стремление осмыслить причину этих страданий и поверить в ненарасность принесенной великой жертвы. В ней откроется смысл, если великие страдания, массовая гибель невинных чему-то научат человечество. В каждом своем стихотворении, насыщенном сложнейшей библейской и каббалистической символикой, поэт видел жест дружеской руки, протянутой другому человеку – *Другому* в понимании Э. Левинаса. Поэзия П. Целана – прямое продолжение Библии, хотя подчас он ведет с ней горький спор. Однако это тот спор, который вел с Богом страдалец Иов, чтобы в эпицентре страданий заново открыть Бога. Наиболее релевантными для Целана являются Книга Иова, Книга Псалмов, Книга Плача и Песнь Песней, топика которой (особенно символика розы) преломляется через мистику Каббалы.

Список использованной литературы

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) / В.С. Библер // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 31–42.
3. Целан П. Стихотворения; Проза; Письма / П. Целан = Celan P. Gedichte; Prosa; Briefe / P. Celan.; сост. и пер. с нем. и франц. Т. Баскаковой и М. Белорусца. – М.: Ad Marginem, 2008. – 736 с.

4. Время сердца. Переписка Ингеборг Бахман и Пауля Целана / под ред. Е. Ащеуловой. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 416 с.
5. Гугнин А.А. Австрийская литература XX века: статьи, переводы, комментарии, библиография / А.А. Гугнин. – М.; Новополюцк: Полоцкий государственный университет, 2000. – 208 с.
6. Glenn J. Paul Celan: Eine Bibliographie / J. Glenn. – Wiesbaden: Harassowitz Verl., 1989. – 331 S.
7. Weissenberger K. Zwischen Stein und Stern: Mystische Formgebung in der Dichtung von Else Lasker-Schüler, Nelly Sachs und Paul Celan / K. Weissenberger. – Bern: Francke Verl., 1976. – 341 S.
8. Пауль Целан: Материалы, исследования, воспоминания: в 2 т. / сост. и ред. Л. Найдич. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004–2007. – Т. 1. – 336 с. – Т. 2. – 379 с.
9. Седакова О. Пауль Целан: Заметки переводчика / О. Седакова // Иностранная литература. – 2005. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/4> (последнее обращение: 15.12.2019).
10. Вольский А.Л. Языкотворчество в современной поэзии (на материале лирики П. Целана): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1998. – 18 с.
11. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: Синодальный перевод.
12. Die Bibel: Luthertext mit Apokryphen. – Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1999. – 1082+382 S.
13. Немецкая поэзия XVII века / пер., сост., предисл. и примеч. Л. Гинзбурга. – М.: Художественная литература, 1976. – 208 с.
14. Hölderlin F. Werke und Briefe: in 2 Bde / F. Hölderlin; hrsg. von F. Beißner, J. Schmidt. – Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1969. – 1011 + [240] S.
15. Kommentar zu Paul Celans «Sprachgitter» / hrsg. von J. Lehmann; unter Mitarbeit von J. Finck, M. May und S. Brogi. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter GmbH, 2005. – 558 с.
16. Баскакова Т., Белорусец М. После книги / Т. Баскакова, М. Белорусец // Целан П. Стихотворения; Проза; Письма / сост. и пер. с нем. и франц. Т. Баскаковой и М. Белорусца; под ред. М. Белорусца. – М.: Ad Marginem, 2008. – С. 707–725.

DIALOGUE OF CULTURES, POETICS OF MEMORY AND BIBLICAL ARCHETEXTUALITY IN THE PAUL CELAN'S POETRY

Galina V. Sinilo, Belarusian State University (Belarus)

E-mail: sinilo@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-8

Key words: *Paul Celan, Jewish-German poetry, dialogue of cultures, poetics of memory, The Bible, "axial" archetext, biblical archetextuality, Jewish and Christian mysticism.*

The work of the great Jewish-German poet Paul Celan (1920–1970) is one of the most striking phenomena of literature of the 20th century and is well studied by Western literary criticism. Moreover, it was only at the turn of the 20–21st centuries that it became an object of research in the post-Soviet space. Nevertheless, some aspects of the poetics of P. Celan are still not well understood. The purpose of this study is to establish the characteristics of the poetics of P. Celan in line with the dialogue of cultures and biblical archetextuality. By archetext we mean an ancient exemplary text, "text-in-the-beginning", which has increased axiological and artistic significance and is the source of many intertextual connections. For European culture, the Bible is not just an archetext, but a "axial" archetext that performs a meaning- and text-generating function.

The poetry of P. Celan, formed on the cultural "frontier", the model of which was his native Chernivtsi, is a clear embodiment of the dialogue of cultures – Jewish and Christian, Western European and Eastern Slavic. Being one of the peaks of German-language poetry, it absorbed the traditions of German, Austrian, Russian literature, the echoes of Ukrainian and Romanian cultures, the language elements of Yiddish and Hebrew. The poet specifically studied Hebrew, the Bible and Jewish tradition, especially the mysticism of Kabbalah. The constant dialogue with the Bible allowed P. Celan to express not only the feeling of

kinship between different cultures and the unity of the human in his poetry, but also an acute conflict of cultures, the manifestation of which was anti-Semitism and the Holocaust. The poetics of P. Celan can be defined as the poetics of a bleeding memory, associated (just like in poetics of N. Sachs and R. Ausländer) with the tragedy of the Jewish people and the desire to comprehend the problem of theodicy (because of this, the biblical Book of Job becomes especially significant for him). All poetry of P. Celan is a special spiritual landscape in which numerous layers of culture and memory, both personal and superpersonal, are hidden. A special source of poetic innovation for P. Celan is the biblical archetextuality, the paradoxical rethinking of biblical images and motives. In each of his poems, saturated with the most complex biblical and Kabbalistic symbols, the poet saw the gesture of a friendly hand outstretched to another person – *the Other* in the understanding of E. Levinas. The poetry of P. Celan is a direct continuation of the Bible, although sometimes he leads a bitter debate with it. However, this is the debate that Job suffered with God in order to rediscover God at the epicenter of suffering. The most relevant for Celan are *The Book of Job*, *The Book of Psalms*, *The Book of Lamentation* and *The Song of Songs*, the topic of which (especially the symbolism of the rose) is refracted through the mysticism of Kabbalah and Christian mysticism.

References

1. Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury I estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of different years]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, 504 p.
2. Bibler, V.S. *Kultura. Dialog kultur (opyt opredeleniya)* [The Culture. Dialogue of Cultures (determination experience)]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1989, no 6, pp. 31-42.
3. Celan, P. *Stikhotvoreniya; Prosa; Pis'ma* [Poems; Prose; Letter]. Moscow, Ad Marginem Press, 2008, 736 p.
4. Ascheulova, Ye. (ed.). *Vremya serdtsa. Perepiska Ingeborg Bakhman i Paulya Celana* [Heart Time. Correspondence by Ingeborg Bachmann and Paul Celan]. Moscow, Ad Marginem Press, 2016, 416 p.
5. Gugin, A.A. *Avstriyskaya literatura XX veka: stat'i, perevody, kommentarii, bibliografiya* [Austrian Literature of the 20th century: Articles, Translations, Comments, Bibliography]. Moscow & Novopolotsk, Polesk State University Press, 2000, 208 p.
6. Glenn, J. *Paul Celan: Eine Bibliographie* [Paul Celan: A Bibliography]. Wiesbaden, Harassowitz Publ., 1989, 331 p.
7. Weissenberger, K. *Zwischen Stein und Stern: Mystische Formgebung in der Dichtung von Else Lasker-Schüler, Nelly Sachs und Paul Celan* [Between Stone and Star: mystical Form-Creation in the Poetry by Else Lasker-Schüler, Nelly Sachs and Paul Celan]. Bern, Francke Publ., 1976, 341 p.
8. Naidich, L. (ed.) *Paul Celan: Materialy, issledovaniya, vospominaniya: v 2 tomah* [Paul Celan: Materials, Research, Memories: in 2 volumes]. Moscow & Jerusalem, Mosty kultury & Gesharim Publ., 2004-2007, vol 1, 336 p., vol. 2, 379 p.
9. Sedakova, O. *Paul Celan: zametki perevodchika* [Paul Celan: Translator Notes]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2005, no. 4. Available at: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/4> (Accessed 15 December 2019).
10. Volskiy, A.L. *Yasykotvorchestvo v sovremennoy poesii (na materiale liriki P. Celana)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Language development in modern poetry (based on the material of P. Celan's lyrics). Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Saint Petresburg, Herzen State Pedagogical University Press Publ., 1998, 18 p.
11. *Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta: Sinodal'nyy perevod* [The Bible: Scripture Books of the Old and New Testaments: Synodal Translation].
12. *Die Bibel: Luthertext mit Apokryphen* [The Bible: Luther text with apocrypha]. Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft Verl. Publ., 1999, 1082+382 p.
13. Ginsburg, L. (ed.) *Nemetskaya poesiya XVII veka* [German poetry of the 17th century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976, 208 p.
14. Hölderlin, F. *Werke und Briefe: in 2 Bde* [Works and Letters: in 2 volumes]. Frankfurt am Main, Insel Publ., 1969, 1011 + [240] p.
15. Lehmann, J. (ed.) *Kommentar zu Paul Celans "Sprachgitter"* [Comment on Paul Celan's "Sprachgitter"]. Heidelberg, Universitätsverlag Winter GmbH Publ., 2005, 558 p.
16. Baskakova, T., Belorysets, M. *Posle knigi* [After the Book]. Celan, P. *Stikhotvoreniya; Prosa; Pis'ma* [Poems; Prose; Letter]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2008, pp. 707-725.

Одержано 15.11.2019.

УДК 821.112.2

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-9

Л.О. ФЕДОРЕНКО,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри германської філології та зарубіжної літератури
Навчально-наукового інституту іноземної філології
Житомирського державного університету імені Івана Франка

(ПОСТ)-БРЕХТІВСЬКИЙ ТЕАТР: LEHRSTÜCK ЯК МАКРОСИСТЕМА

Об'єктом цієї розвідки є жанр *Lehrstück* («навчальна п'єса»), основоположником якого був Бертольт Брехт (1898–1956), а послідовником й реформатором – Гайнер Мюллер (1919–1995). У нашому дослідженні ми спробуємо об'єднати *Lehrstücke* обох драматургів в єдиний комплекс – жанрову макросистему. Підставою для цього слугує експліцитна сюжетно-поетична спорідненість п'єс Брехта та Мюллера, а також єдність авторської інтенції. **Lehrstück як макросистема є: 1) формою демонстрації діалектичного (аналітичного) способу мислення; 2) навчальним методом діалектичного мислення.** У цій макросистемі всі складові (елементи сюжету, мотиви тощо) перебувають у стані взаємопроникнення, актуалізації, конкретизації на кожному щаблі *Lehrstück-ланки*. Зовнішній рівень сюжету виступає базою для внутрішнього рівня організації сюжету. Внутрішній сюжет представлений надтекстом, авторською і глядацькою інтерпретацією зображеного, прийомами метафоризації та алегоризації, які сприяють діалектичному переосмисленню подій і явищ. Інтерпретація зображеного досягається через використання зонгів, принципу монтажу та інших прийомів очуження сюжету. Як Брехт, так і Мюллер вдавалися у своїй творчості до запозичення сюжетів, проте без повного наслідування й повторення вихідного матеріалу. Авторські модифікації запозиченого матеріалу відбувалися на рівні ідейних цінностей і загальної проблематики твору. Відповідно до авторської інтенції, *Lehrstücke* передбачають активність як з боку виконавців, так і з боку публіки. Глядачі як повноцінні співавтори такої драматургії мають право змінювати хід подій у п'єсі та наповнювати її якісно новою проблематикою.

Ключові слова: *Lehrstück*; навчальна п'єса; епічний театр; ефект очуження; постбрехтівський театр; постдраматичний театр; діалектичний театр; аналітичний театр; мікросистема; макросистема; запозичення, модифікація сюжету.

Объектом данного исследования является жанр *Lehrstück* («учебная пьеса»), основоположником которого был Бертольт Брехт (1898–1956), а последователем и реформатором – Хайнер Мюллер (1919–1995). В данной статье производится попытка объединить *Lehrstücke* обоих драматургов в единый комплекс – жанровую макросистему. Поводом для этого послужила эксплицитное сюжетно-поэтическое сходство пьес Брехта и Мюллера, а также единство авторской интенции. **Lehrstück рассматривается в качестве макросистемы и является: 1) формой демонстрации диалектического (аналитического) способа мышления; 2) учебным методом диалектического мышления.** Внутри данной макросистемы все составляющие компоненты (элементы сюжета, мотивы и т.д.) находятся в состоянии взаимопроникновения, актуализации, конкретизации на каждом этапе *Lehrstück-цепочки*. Внешний уровень сюжета выступает базой для организации внутреннего уровня сюжета. Внутренний структурный уровень сюжета представлен надтекстом, авторской и зрительской интерпретацией происходящего, приемами метафоризации и аллегоризации, которые способствуют диалектическому переосмыслению событий и явлений. Интерпретация достигается посредством использования сонгов, монтажной техники и других приемов «очуждения» сюжета. Как Брехт, так и Мюллер прибегали в своем творчестве к заимствованию сюжетов, однако без полного подражания и повторения исходного материала. Авторские моди-

фикации заимствованного материала происходили на уровне идейных ценностей и общей проблематики произведения. Согласно авторской интенции, Lehrstücke предполагают активность как со стороны исполнителей, так и со стороны публики. Зрители в качестве полноценных соавторов такой драматургии располагают правом изменять ход событий в пьесе и наполнять ее качественно новой проблематикой.

Ключевые слова: Lehrstück; учебная пьеса; эпический театр; эффект очуждения; постбрехтовский театр; постдраматический театр; диалектический театр; аналитический театр; микросистема; макросистема; заимствование, модификация сюжета.

Об'єктом розгляду цієї статті є так званий постбрехтівський театр – театральна система, що постала під впливом драматургії Бертольта Брехта. Увагу зосереджено, зокрема, на розвитку жанру Lehrstück («навчальна п'єса»)¹ на прикладі творчості Гайнера Мюллера.

До корпусу брехтівських Lehrstücke належать п'єси, написані ним в період з 1929 по 1935 рр.: «Переліт через океан» (“Der Ozeanflug”), «Баденська навчальна драма про згоду» (“Das Badener Lehrstück vom Einverständnis”), «Захід» (“Die Maßnahme”), «Виняток і правило» (“Die Ausnahme und die Regel”), «Горації і Куріації» (“Horatier und die Kuratier”) та «Той, що каже так, і той, що каже ні» (“Der Jasager und Der Neinsager”)² [1; 2, с. 193].

До Lehrstücke, створених Г. Мюллером – яскравим представником постдраматичного театру [3, с. 194], належать п'єси «Маузер» (“Mauser”, 1970), «Горацій» (“Der Horatier”, 1968), «Загибель егоїста Йоганна Фатцера» (“Der Untergang des Egoisten Johann Fatzer”, 1978), «Хто ладен працювати за низьку плату» (“Lohndrucker”, 1956/57). Деякі літературознавці відносять до жанру також п'єси «Філокет» (“Philoktet”, 1958/64), «Волоколамське шосе» (“Wolokolamsker Chaussee”, 1984/86), «Місія. Спогад про революцію» (“Der Auftrag. Erinnerung an eine Revolution”, 1979).

У нашому дослідженні спробуємо об'єднати Lehrstücke обох драматургів в єдиний комплекс – макросистему³. Підставою для цього слугує їхня експліцитна сюжетно-поетична спорідненість, а також єдність авторської інтенції. Метою цієї статті є аналіз жанрового комплексу Lehrstück Брехта і Мюллера на сюжетному рівні.

Lehrstücke Брехта і Мюллера вже ставали об'єктом літературознавчого аналізу численних науковців, серед яких Ніколаус Мюллер-Шьоль (“Das Theater des „konstruktiven Defaitismus“: Lektüren zur Theorie eines Theaters der A-Identität bei Walter Benjamin, Bertolt Brecht und Heiner Müller”), Гаральд Мюллер (“Müller Brecht Theater”), Забіна Пампер'єн (“Ideologische Konstanten – Ästhetische Variablen: Zur Rezeption des Werks von Heiner Müller”), Фальк Шрейлов (“Heiner Müllers Der Lohndrucker und seine intertextuellen Verwandtschaftsverhältnisse”) [див.: 4 - 11]. Розвідка французької літературознавиці Франсін Маєр-Шеффер «Гайнер Мюллер і Lehrstück» (“Heiner Müller et le ‘Lehrstück’”, 1992) є наразі одним з найґрунтовніших літературознавчих досліджень щодо еволюції жанру Lehrstück у творчості Г. Мюллера.

¹ Lehrstück (форма множини: Lehrstücke) – драматичний жанр, який знайшов своє художнє втілення в драматургії Б. Брехта, є різновидом тенденційної музичної п'єси, політично-педагогічного прикладного мистецтва для аматорів. В буквальному перекладі з німецької мови Lehrstück означає «навчальна п'єса». Але відповідно до авторської інтенції Брехта Lehrstück є «навчальною вправою / грою» (learning-play, Lern-Spiel) [1, с. 6; 2, с. 193].

² До жанру належать також так звані «навчальні» фрагменти, що лишилися незавершеними, «Фатцер» (“Fatzer”, 1927-1930) і «Асоціальний мерзотник Ваал» (“Der böse Baal der asoziale”, близько 1930). До «навчальних» частково відносяться п'єси «Свята Іоанна скотобоєнь» (“Die heilige Johanna der Schlachthöfe”, 1929-1930) та «Мати» (“Die Mutter”, 1931). Витримані у стилі «навчальних» фрагменти «З нічого не буде нічого» (“Aus Nichts wird Nichts”, 1929-1931), «Бюшінг» (“Büsching”, 1951), «Життя Галілея» в першій редакції (“Das Leben des Galilei”, 1938) та «Хлібна крамниця» (“Der Brotladen”, 1930) [1, с. 5-6].

³ Для аналізу особливостей сюжетобудови Lehrstücke серед багатьох наявних дефініцій терміна «система» (М.П. Брандес, В. В. Виноградов та ін.) ми вибрали дефініцію, в якій під системою розуміється «комплексне ціле», що «складається з великої кількості елементів, котрі об'єднані різноманітними взаємозв'язками і відокремлені від того, що їх оточує, певними межами» (І. С. Шевченко).

Важливою ознакою драматургії Г. Мюллера є те, що його твори здебільшого створювалися шляхом колажування історичного й поетичного матеріалу. Так, значну масу творів драматурга складають «переробки» давньогрецьких міфів, а також драм Бертольта Брехта і Вільяма Шекспіра.

Постдраматичний театр, концептуально розвинений і практично втілений Мюллером у 1970-х рр., постав під впливом двох унікальних театральних концепцій: епічного театру Бертольта Брехта та театру абсурду Семюеля Беккета. Мюллер не просто наслідує їхній манері та мистецьким принципам, а власним творчим доробком ніби вступає в дискусію зі своїми видатними попередниками. Йому, зокрема, близькі розвинені й впроваджені Брехтом діалектична подача художнього матеріалу, «ефект очуження», рецептивна естетика драматургії. Так, принцип «відсутності глядача», культивований Брехтом у жанрі *Lehrstück*, Мюллер робить центральним у своїй творчості, вважаючи, що сучасному театру необхідно «забути про публіку». За словами Мюллера, участь театру у «звільненні» глядача полягає у його звільненні від глядача [12, с. 227].

У мистецькому розумінні обох драматургів йдеться не про обмеження, а про розширення глядацької функції. Адже театральний матеріал має спонукати публіку до переоцінки звичних явищ, до відстеження у критично-аналітичний спосіб взаємозв'язків із дійсністю. Наприклад, глядач не повинен наївно гадати, що трагедія, зображена на сцені театру, природна і неминуча, – він повинен шукати шлях, щоб подолати її. Адже, за словами Брехта, думати означає змінювати. Отже, театр Брехта і Мюллера розрахований на активного глядача, який еволюціонує до учасника дійства.

Мистецька позиція, яка сягала за межі бюргерського театру та філістерського дозволя, звісно, не могла залишитися непомітною. Так, у 1965 р. Г. Мюллер був звинувачений Еріхом Хонекером у розповсюдженні «життєненависницького, міщанського скептицизму», який загрожує соціалістичному устрою держави – тодішньої НДР. Не дивно, адже Г. Мюллер своїми текстами справді бунтував проти вдаваної моралі, традиційних, застиглих у часі й просторі способів мислення й звичок. «Агресивний» автор, продовжуючи мистецьку лінію свого вчителя Брехта, методично провокував глядацьку залу, переслідуючи головну мету: спонукати до діалектичного мислення. Г. Мюллер був переконаний: «Усе, що робиться в Німеччині, має провокувати війну і сприйматися як війна. І театр не можливий в Німеччині, окрім як у якості війни проти публіки. Немає ніякої демократичної традиції: ані в нас, ані в Федеративній республіці. Публіка розуміє тільки війну. Лише тоді, коли на неї напасти, з'явиться слабка надія, що вона захищатиметься. Це єдина надія» [13; 4, с. 137].

Мабуть, симптоматично, що жанр *Lehrstück* знайшов своє продовження у творчості саме Гайнера Мюллера – одного з найяскравіших послідовників Брехта в царині драматургії.

Звернімося до сюжетної побудови *Lehrstücke*. Як відомо, у художньому творі можна виокремити два структурні рівні сюжету: зовнішній і внутрішній. Зовнішній рівень представлений власне розповіддю в тій чи іншій формі про події, що розгортаються у творі. Внутрішній є інтерпретацією зображуваного у творі через мисленнєвий аналіз глядача/читача та автора [14, с. 13].

Зовнішній рівень сюжету, як правило, може вибудовуватися двома способами: 1) через використання запозиченого сюжету; 2) через використання оригінального матеріалу.

Як зазначалося вище, *Lehrstücke* Г. Мюллера мають пряме запозичення й наслідування брехтівського *Lehrstück*-доробку. Особливістю сюжетобудови брехтівських *Lehrstücke*, у свою чергу, є також запозичення літературних сюжетів [див.: 1, с. 182–221].

Проте сюжетна проблематика в обох драматургів завжди зазнає авторської оригінальної модифікації: як Б. Брехт, так і Г. Мюллер вводять в площину запозиченого сюжету модифіковану й актуалізовану систему мотивування, що нерідко цілком змінює ідейне звучання та проблематику твору.

До спільних позицій з естетичними масштабами *Lehrstück* в брехтівській концепції можна віднести такі поетико-естетичні риси драм Г. Мюллера:

- наголошення «повчального» в драматургії;
- активізація читача / глядача;
- наявність хорів, що коментують дію;
- можливість використання п'єси аматорами у якості «навчальної вправи» з усім комплексом «*Lehrstück*-дослідження»: відтворення «зразка», поданої «моделі» → аналіз, дискусія → зміна вихідного матеріалу [1, с. 25; 2, с. 195];

– показ хибної поведінки героя з метою збудження думки реципієнта (навчання за неправильним, «асоціальним зразком», який потребує корекції, що, зокрема, експліцитно виражено у п'єсах «Захід», «Той, що каже так» Б. Брехта і «Маузер» Г. Мюллера);

– персонажі – символічні фігури, певний соціальний згусток;

– умовність дії, абстрактний, притчовий характер, проєктивність на минуле, сучасне і майбутнє.

Ще однією характерною рисою сюжетобудови Lehrstücke Брехта і Мюллера є те, що п'єси у своїй переважній більшості побудовані не ізольовано одна від одної, а як ланки однієї низки. При цьому кожна окрема п'єса є самодостатньою, але їй протиставляється контрп'єса, яка, у свою чергу, може бути «спростованою» наступною Lehrstück-спробою.

У такий спосіб розглядатимемо кожну окрему Lehrstück як мікросистему. Усі Lehrstücke складають таким чином макросистему, ядром якої є діалектика.

Під діалектикою Брехт, а за ним і Мюллер, розуміли насамперед метод аналізу та аргументації, які сягають своїм корінням філософії Гегеля і Маркса. Схематично діалектичний метод можна представити тріадою: теза – антитеза – синтез (історико-філософський приклад: капіталізм (теза) – диктатура пролетаріату (антитеза) – безкласове суспільство (синтез)).

Діалектична поетика Брехта і Мюллера ставить в центр насамперед *принцип суперечності*, націлений на багатогранне осмислення явищ, подолання застиглого, закостенілого способу мислення. Ця якісно нова естетична позиція драматургів показує глядачеві / читачеві, що світ насправді відкритий, він не є чимось сталим і постійним. Більш за те, показане на сцені не варто сприймати як закономірне, логічне й немінуче, як «необхідне зло» абощо. Якщо Молодого Товариша в п'єсах «Захід» Брехта і «Маузер» Мюллера вбивають товариші, це не означає, що глядач має прийняти це за «необхідне» в ім'я суспільного добра. «Вбивство» героя – це лише художня провокація драматургів, метою якої є збудження думки. «Хто сказав «А», не повинен казати «Б». Він може збагнути, що «А» було хибним» (Б. Брехт «Той, що каже так, і той, що каже ні») [1, с. 86].

Отже, під діалектичним мисленням Брехт і Мюллер розуміють *мислити суперечностями*. Театральні системи обох драматургів відтак можна розглядати як *діалектичний театр* або, іншими словами, *аналітичний театр*.

Lehrstück-ланцюг як макросистема побудований за діалектичним принципом (рис. 1). Всередині цього механізму окремі Lehrstück-ланки (мікросистеми) могли зазнавати змін, покращуватися автономно (йдеться про численні редакції п'єс Брехта, а також художнє переосмислення п'єс Брехта у творчості Мюллера).

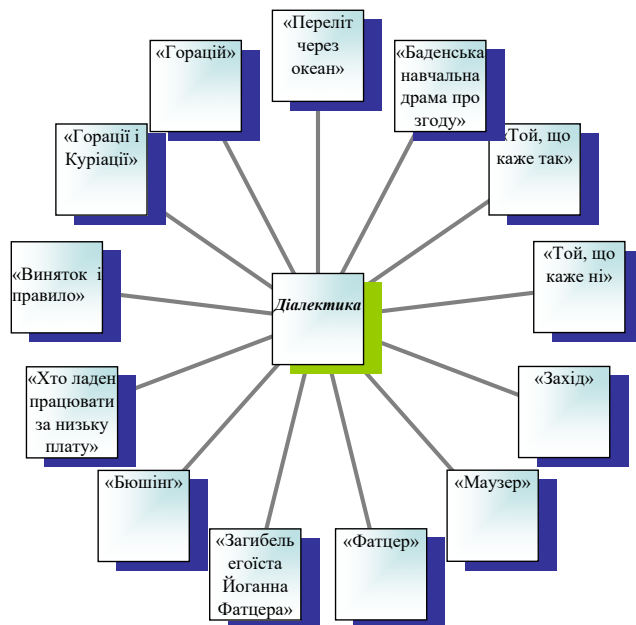

Рис 1. Корпус Lehrstück Бертольта Брехта і Гайнера Мюллера

Lehrstück-ланка «Переліт через океан» – «Баденська навчальна драма про згоду» об'єднана спільним пасажем «Доповідь про ще не досягнете», який закінчує першу Lehrstück і відкриває наступну [1, с. 45, 48–49]. У такий спосіб висновок «Перельоту через океан» стає *вихідним пунктом* «Баденської навчальної драми про згоду». Темою першої Lehrstück є *завоювання природи людиною за допомогою техніки*. В «Баденській навчальній драмі про згоду» формулюється *антитеза*: цього не досить («*Та хліб від цього все ж не подешевшав*») [1, с. 51].

«Баденська навчальна драма про згоду» вперше озвучує *мотив згоди* – наскрізний мотив у брехтівських і мюллерівських Lehrstücke. **Концепція «згоди» передбачала розуміння і прийняття індивідом об'єктивних законів дійсності як необхідної передумови його довершеності**. Так, в кінці п'єси відбувається «згода» монтерів з невпинним діалектичним розвитком природи, економічно-соціальних стосунків і свідомості.

Цю думку підхоплює Lehrstück **«Той, що каже так»**. **Головний герой «відмовляється» від себе в ім'я успіху походу, а отже, заради порятунку тисячі життів**. Контрапунктно п'єсою стає «Той, що каже ні». Ця Lehrstück **майже дослівно цитує попередню лише з протилежним рішенням** (головний герой каже «Ні»). Але обидві п'єси схожі лише на перший погляд – насправді вихідні умови в них цілком різні: в Lehrstück **«Той, що каже так» зображений похід за ліками задля порятунку міста, в Lehrstück «Той, що каже ні» – дослідницька експедиція**. Отже, в обох частинах хлопчик відповів адекватно, керуючись принципом: *у кожній новій ситуації мислити по-новому*.

Lehrstück **«Захід» Б. Брехта структурно демонструє ту ж саму фабулу: чотири досвідчених і один молодий агітатор вирушають в експедицію, щоб допомогти іншим**. Їх місією тепер стає створення комуністичної партії в Китаї – не лише конкретизація сюжету Lehrstück «Той, що каже так», але й її інтерпретація та актуалізація у світлі сучасних для драматурга подій. Крім сюжету, конкретизується й актуалізується також саме поняття «згода» – слово, яке у «Заході» *вживається близько п'ятнадцяти разів у різних формах*.

Наступну «Lehrstück-ланку» (п'єси «Захід» і «Виняток і правило») сюжетно об'єднує мотив вбивства невинного. Втім, вихідні положення й умови в обох п'єсах різні. Відомо також, що Брехт одночасно працював над цими п'єсами. В обох п'єсах в початкових редакціях фігурувало місто Урга (місто, куди прямували купець і кулі з «Винятку і правила»).

П'єса «Маузер» Мюллера є продовженням і водночас корекцією Lehrstück Брехта «Захід». У брехтівському «Заході» революція зображена як доцільна та необхідна – і необхідно кривава. У мюллерівському «Маузері» така впевненість відсутня: «безкласове» суспільство може стати «нелюдським», робота полум'яного революціонера перетворюється на жагу до вбивства, «стару» людину можна викоренити, а чи народиться натомість «нова» [4, с. 137]?

Lehrstück «Горації і Куріації» Б. Брехта не має прямого продовження на сюжетному рівні інших Lehrstücke. Проте вона стала основою для драми Г. Мюллера «Горацій».

Сюжет п'єси запозичений з книги давньоримського історика Тіта Лівія «Історія від заснування міста» («*Ab urbe condita*»). **Ця п'єса є радше синтезом усіх попередніх «навчальних» п'єс в аспекті діалектики**. Окрім цього, «Горацій і Куріації» споріднює спільний мотив з «Баденської навчальної драми про згоду»: *відмова від вже досягнутого, заради надії на покращення ситуації*.

Крім послідовного, лінійного рівня побудови сюжету (тобто послідовне запозичення сюжету й мотивів з однієї п'єси в іншу), в Lehrstück-макросистемі наявне також перехресне запозичення. Наприклад, хоча «Баденська навчальна драма про згоду» і «Захід» не є складовими однієї Lehrstück-ланки, **між ними також відбувається взаємовплив: мотив «стирання особистості» звучить спершу у «Баденській навчальній драмі про згоду, а потім, актуально переосмислюючись, переміщується у п'єси «Захід» та «Маузер»**.

Отже, **Lehrstück як макросистема є: 1) формою демонстрації діалектичного (аналітичного) способу мислення; 2) навчальним методом діалектичного мислення**. У цій макросистемі всі складові (елементи сюжету, мотиви тощо) перебувають у стані *взаємопроникнення, актуалізації, конкретизації* на кожному шаблі Lehrstück-ланки.

Зовнішній рівень сюжету виступає базою для внутрішнього рівня організації сюжету. Внутрішній сюжет представлений надтекстом, авторською і глядацькою інтерпретацією зображеного, прийомами метафоризації та алегоризації, які сприяють діалектичному переосмисленню подій і явищ. Інтерпретація зображеного досягається через використання зонгів, принципу монтажу та інших прийомів очуження сюжету (рис. 2).

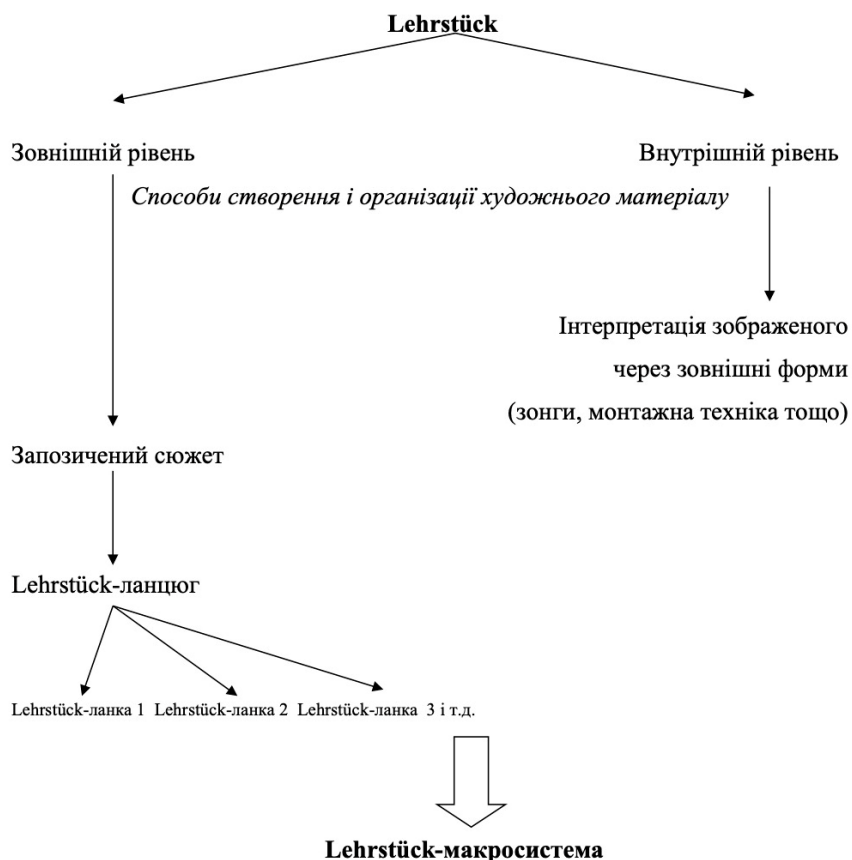

Рис 2. Lehrstück як макросистема

Наприкінці 1970-х рр. Г. Мюллер припиняє займатися жанром Lehrstück. У 1977 році у листі до німецького дослідника Lehrstück Райнера Штайнвеґа драматург напише, що для нього тема Lehrstück вичерпана і йому немає що більше сказати щодо цього: «Християнська епоха «Заходу» минула ... я гадаю, ми повинні розпрощатися з Lehrstück до наступного світового потоку» [15, с. 232]. В драматургії Г. Мюллера з'являються натомість вампірські сцени, моторошні казки, танці смерті, а характерними рисами його драм стають відсутність сюжету, фабули в сенсі логічної причинно-наслідкової послідовності подій, а також дійових осіб та драматично-діалогічного представлення. За словами Г. Мюллера, тепер «немає жодних підстав для діалогу, тому що більше немає ніякої історії» [3, с. 195].

А от для Б. Брехта жанр Lehrstück мав виняткове значення. Відомо, що незадовго до своєї смерті в розмові з німецьким театральним діячем Манфредом Веквертом Брехт зауважив, що саме за такими драмами, як «Захід», він бачить майбутнє театру [16, с. 262-266; 17, с. 307].

У статті ми спробували розглянути жанр Lehrstück у творчій спадщині Бертольта Брехта і Гайнера Мюллера як макросистему, оскільки означені п'єси обох драматургів у своїй переважній більшості створені не ізольовано одна від одної, а як ланки спільної низки. Складові Lehrstück-макросистеми – окремі п'єси як мікросистеми, а також мотиви та сюжетні елементи – перебувають в діалектичному взаємозв'язку, тобто у стані взаємопроникнення, взаємодоповнення, конкретизації та актуалізації. Як Б. Брехт, так і Г. Мюллер вдавалися у своїй творчості до запозичення сюжетів, проте без повного наслідування й повторення вихідного матеріалу. Авторські модифікації запозиченого матеріалу відбувалися на рівні ідейних цінностей і загальної проблематики твору. Відповідно до авторської інтенції, Lehrstücke передбачають активність як з боку виконавців, так і з боку публіки. Глядачі як повноцінні співавтори такої драматургії мають право змінювати хід подій у п'єсі та наповнювати її якісно новою проблематикою.

Перспективи дослідження ми вбачаємо в подальшому вивченні постбрехтівського театру, зокрема жанру *Lehrstück* на внутрішньому рівні організації сюжету, що представлений надтекстом, авторською і глядацькою інтерпретацією зображеного, прийомами метафоризації та алегоризації. Додаткового філологічного розгляду потребують також *Lehrstück*-фрагменти як жанр незакінченого твору. Зважаючи на мисленнєво-аналітичну складову *Lehrstück*, художній інструментарій *Lehrstück*, епічної й діалектичної драматургії, перспективною площиною досліджень є також *Lehrstück* та інтелектуальна драма, зокрема постмодерністська інтелектуальна драма.

Список використаної літератури

1. Брехт Б. «*Lehrstücke*» («навчальні» п'єси) / укл. Л.О. Федоренко / Бертольт Брехт. – Житомир: ПП «Рута», 2009. – 224 с.
2. Федоренко Л.О. *Lehrstück* як авторська інтенція Бертольта Брехта / Л.О. Федоренко // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. Філологічні науки. – 2011. – № 59. – С. 193–196.
3. Асмут Б. Вступ до аналізу драми / пер. з нім. С. Соколовської, Л. Федоренко / Бернхард Асмут. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2014. – 220 с.
4. Федоренко Л.О. Розвиток жанру *Lehrstück* в драматургії Хайнера Мюллера / Л.О. Федоренко // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. Філологічні науки. – 2017. – Вип. 2 (86). – 153 с. – С. 135–139.
5. Yarrow R. Heiner Muller's Democratic Theater: The Politics of Making the Audience Work / R. Yarrow // *Journal of European Studies*. – 2018. – Vol. 48. – No. 2. – P. 192–196. – DOI: 10.1177/0047244118773894g.
6. Meyer C. Career of a Cleaning Lady or the Voice of the Subalterns – a Relic Hamlet through the Prism of HeinerMuller's Hamletmaschine / C. Meyer // *Etudes Germaniques*. – 2017. – Vol. 72. – No. 3. – P. 431–447.
7. Jager A. Peter Hacks, Heiner Muller and the antagonistic Drama of Socialism. A Quarrel in the literary Field of the GDR / A. Jager // *Zeitschrift für Germanistik*. – 2017. – Vol. 27. – No. 3. – P. 647–649.
8. Schutte U. Mit, gegen und nach Brecht: Heiner Müllers Fatzer / U. Schutte // *German Life And Letters*. – 2016. – Vol. 69. – No. 2. – P. 256–268. – DOI: 10.1111/glal.12116.
9. Rayner F. Texts Waiting for History: William Shakespeare re-imagined by Heiner Muller / F. Rayner // *Sederi-Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies*. – 2015. –Vol. 25. – P. 207–211.
10. Weiler C. Ghost/Writer. Authorship in Heiner Muller's Late work / C. Weiler // *Jahrbuch für Internationale Germanistik*. – 2011. – Vol. 43. – No 1. – P. 233–238.
11. Puh R. Three Mainstays of Heiner Muller's Dramas / R. Puh // *Knjizevna Smotra*. – 2009. – Vol. 43. – No. 1. – P. 123–136.
12. Федоренко Л.О. «*Lehrstück*» – «*Lesestück*» – «*Schaustück*» (Місце і роль глядача в «навчальному» театрі Бертольта Брехта) / Л.О. Федоренко // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. Філологічні науки. – 2009. – № 44. – С. 226–229.
13. Müller H. *Gesammelte Irrtümer 2. Interviews und Gespräche*. Herausgegeben von Gregor Edelman und Renate Ziemer / Heiner Müller // Frankfurt am Main. –1996. – Vol. 2. – S. 20.
14. Веремчук Ю. В. П'єса-притча. Генеза. Поетика: автореф. дис. канд. філол. Наук / Ю.В. Веремчук. – К., 2005. – 19 с.
15. Steinweg R. *Auf Anregung Bertolt Brechts: Lehrstücke mit Schülern, Arbeitern, Theaterleuten* / Herausgegeben von Reiner Steinweg. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1978. – 328 S.
16. Brecht B. *Die Maßnahme*. Kritische Ausgabe mit einer Spielanleitung von Reiner Steinweg / B. Brecht. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1972. – 602 S.
17. Федоренко Л.О. «Захід» Б. Брехта: трагедія чи «навчальна вправа»? / Л.О. Федоренко // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. Філологічні науки. – 2013. – № 70. – С. 303–308.

(POST)-BRECHT THEATRE: LEHRSTÜCK AS A MACROSYSTEM

Larysa O. Fedorenko. Zhytomyr Ivan Franko State University (Ukraine)

E-mail: fvm34@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-9

Key words: *Lehrstück, learning-play, epic theater, Verfremdungseffekt, post-Brecht theatre, postdramatic theatre, dialectical theater, analytic theater, microsystem, macrosystem, modification of the plot.*

The article investigates origins, development and peculiarities of poetic manner of Lehrstück (“learning” drama) as exemplified in Bertolt Brecht’s (1898–1956) and Heiner Müller’s (1919–1995) plays. Lehrstück is a kind of a thesis play, political and pedagogical art for non-professional audience that highlights important social and political issues and analyses them through dialectical approach. Being a specific artistic and philosophical form, Lehrstück transformed passive reception of art and became a foundation for future epic drama. Lehrstück is viewed as a dynamic genre, not as a «conventional» theatrical form. They distinguish a certain developmental pattern for this genre: didactic play of experimental character → didactic play with features of parable → didactic play focusing on analytical position of the recipient → Lern-Spiel (learning play) → didactic play with components of epic and dialectical drama.

The nature of Lehrstück is syncretical and embraces descriptive and expressive features of different kinds of art (words, songs, music, painting, etc.). Hence, Lehrstück is a meta-type of performing arts.

One more feature of Lehrstück includes songs – lyrical and epic component of the dramatic plane that imbues the drama with pragmatic approach towards analytical position of the recipient.

There are two structural levels of the plot in B. Brecht’s and H. Müller’s Lehrstücke (learning-play), the internal and external one. The external level is represented by the events described in the work, the internal one – by interpretation of these events through reflection and analysis by the viewer/reader and the author.

External plotting details of Lehrstücke include 1) use of adopted material; 2) its modification; 3) each play in Lehrstücke is not isolated, they go in chain. Each one is a separate work that is opposed by a counter play. It can be countered by the third one respectively. Hence, each Lehrstück (each play) is a small system. All the plays constitute a macrosystem, dialectics being its core.

Lehrstück as a macrosystem is 1) a representation of dialectical (analytical) way of thinking; and 2) a dialectical approach to thinking. All aspects of this macrosystem (plot details, motives, etc.) are transfused, actualized and particularized in every link of the chain.

Internal structure of the plot embraces supertext, interpretation by the author and the recipient, use of metaphorization and allegory that contribute to dialectical reframe of events. Interpretation is carried out through songs, editing and other plot-alienation techniques.

References

1. Brecht, B. *Lehrstücke (navchal`ni p`yesy)* [Lehrstücke (learning plays)]. Zhytomyr, Ruta Publ., 2009, 224 p.
2. Fedorenko, L.O. *Lehrstück yak avtors`ka intentsiia Bertol`ta Brehta* [Lehrstück as the author’s intent of Bertolt Brecht]. *Visnyk Zhytomyrs`kogo derzhavnogo universytetu imeni Ivana Franka. Filologichni nauky* [Bulletin of Ivan Franko Zhytomyr State University. Philology], 2011, no. 59, pp. 193-196.
3. Asmuth, B. *Vstup do analizu dramy* [Introduction to drama analysis]. Zhytomyr, ZDU im. I. Franka Publ., 2014, 220 p.
4. Fedorenko, L.O. *Rozvytok zhanru Lehrstück v dramaturhii Khajnera Miullera* [Development of the genre Lehrstück in Heiner Müller’s Dramaturgy]. *Visnyk Zhytomyrs`kogo derzhavnogo universytetu imeni Ivana Franka. Filologichni nauky* [Bulletin of Ivan Franko Zhytomyr State University. Philology], 2011, no. 2 (86), pp. 135-139.
5. Yarrow, R. Heiner Muller’s Democratic Theater: The Politics of Making the Audience Work. *Journal of European Studies*, 2018, vol. 48, no. 2, pp. 192-196. DOI: 10.1177/0047244118773894g.
6. Meyer, C. Career of a Cleaning Lady or the Voice of the Subalterns – a Relic Hamlet through the Prism of Heiner Muller’s Hamletmaschine. *Etudes Germaniques*, 2017, vol. 72, no. 3, pp. 431-447.
7. Jager, A. Peter Hacks, Heiner Muller and the antagonistic Drama of Socialism. A Quarrel in the literary Field of the GDR. *Zeitschrift für Germanistik*, 2017, vol. 27, no. 3, pp. 647-649.
8. Schutte, U. *Mit, gegen und nach Brecht: Heiner Müllers Fatzer* [With, against and after Brecht: Heiner Müller’s Fatzer]. *German Life And Letters*, 2016, vol. 69, no. 2, pp. 256-268. DOI: 10.1111/glal.12116.
9. Rayner, F. Texts Waiting for History: William Shakespeare reimagined by Heiner Muller. *Sederi-Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies*, 2015, vol. 25, pp. 207-211.
10. Weiler, C. Ghost/Writer. Authorship in Heiner Muller’s Late work. *Jahrbuch für Internationale Germanistik*, 2011, vol. 43, no. 1, pp. 233-238.

11. Puh, R. Three Mainstays of Heiner Muller's Dramas. *Knjizevna Smotra*, 2009, vol. 43, no. 1, pp. 123-136.

12. Fedorenko, L.O. «Lehrstück» – «Lesestück» – «Schaustück» (*Mistse i rol' hliadacha v «navchal'nomu» teatri Bertol'ta Brekhta*) [“Lehrstück” – “Lesestück” – “Schaustück” (The Place and the Role of Spectator in Bertolt Brecht's “Learning” Theatre)]. *Visnyk Zhytomyrs'koho derzhavnoho universytetu imeni Ivana Franka. Filolohichni nauky* [Bulletin of Ivan Franko Zhytomyr State University. Philology], 2009, no. 44., pp. 226-229.

13. Müller, H. *Gesammelte Irrtümer 2. Interviews und Gespräche* [Collected errors 2. Interviews and conversations]. Frankfurt am Main Publ., 1996, p. 20.

14. Veremchuk, Yu. V. *P'iesy-prytcha. Heneza. Poetyka*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Parable play. Genesis. Poetics. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Kyiv, 2005, 19 p.

15. Steinweg, R. *Auf Anregung Bertolt Brechts: Lehrstücke mit Schülern, Arbeitern, Theaterleuten* [At the suggestion of Bertolt Brecht: learning plays with students, workers, theater people]. Herausgegeben von Reiner Steinweg. Frankfurt a.M., Suhrkamp Verlag, 1978, 328 p.

16. Brecht, B. *Die Maßnahme* [The Decision]. Frankfurt a.M., Suhrkamp Publ., 1972, 602 p.

17. Fedorenko L.O. «Zakhid» B. Brekhta: trahediia chy «navchal'na vprava»? [«The Decision» («Die Maßnahme») by B. Brecht: a Tragedy or Learning-Exercise?] *Visnyk Zhytomyrs'koho derzhavnoho universytetu imeni Ivana Franka. Filolohichni nauky* [Bulletin of Ivan Franko Zhytomyr State University. Philology], 2013, no. 70., pp. 303-308.

Одержано 17.12.2019.

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 82-312.6

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-10

Е.С. АННЕНКОВА,

доктор филологических наук,

*профессор кафедры мировой литературы и теории литературы
Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова
(г. Киев)*

«ОСТАВИТЬ В МИРЕ ПАМЯТЬ О СЕБЕ»: АВТОБИОГРАФИЗМ КАК ТВОРЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ГАЛИНЫ КУЗНЕЦОВОЙ

В статье анализируются автобиографический модус творчества Г. Кузнецовой, ведущие принципы художественной репрезентации автобиографического «я» писательницы и система приемов, создающих специфику ее автобиографической наррации; рассматриваются доминантные образы ее художественной прозы, которые в результате репродукции и репликации в текстах разной жанровой природы приобретают статус автометаописательных единиц, из которых вырастает автобиографический сюжет и автобиографический субъект прозы Г. Кузнецовой.

Ключевые слова: автобиографизм, автофикциональный роман, автобиографема, автобиографический модус.

Перші три десятиліття ХХ ст. були відзначені бурхливим розвитком мемуарно-автобіографічної прози в російській літературі, що було пов'язане з глибокими змінами у соціально-культурному житті суспільства, системною переоцінкою цінностей, зміною способів пізнання світу і статусу мистецтва, яке стало розумітися як найвище одкровення, що надавало знання про таємниці людського буття. Усі ці процеси корінних трансформацій відобразилися і на стані людської особистості, яка проходила складний шлях знаходження себе через саморефлексію і усвідомлення себе в різноманітних і множинних зв'язках з Богом, світобудовою і суспільством. Предметом дослідження у статті є автобіографічний модус творчості Г. Кузнецової, провідні принципи художньої репрезентації автобіографічного «Я» письменниці і система прийомів, що створюють специфіку її автобіографічної нарації; розглянуто домінуючі образи її художньої прози, які в результаті репродукції і реплікації у текстах різної жанрової природи набувають статусу автометаописових одиниць, з яких виростає автобіографічний сюжет і автобіографічний суб'єкт прози Г. Кузнецової. Мемуарно-автобіографічний «бум» початку ХХ ст. дає можливість літературознавцям говорити про панавтобіографічний характер творчості багатьох російських письменників, бо тяжіння до автобіографізму стало своєрідним знаком модерної епохи, що стимулював інтерес до суб'єктивної особистості і проблем індивідуальності. Гібридний жанр власне художньої автобіографії був значною частиною творчості багатьох провідних письменників початку ХХ ст., особливо яскраво він проявився в художніх практиках російських письменників-емігрантів, чому сприяла неоднозначна ситуація вимушеної еміграції, відірваність від рідних коренів і складне долучення до нового лінгвокультурного середовища, де гострою була потреба збереження власної ідентичності.

Ключові слова: автобіографізм, автофікціональний роман, автобіографема, автобіографічний модус.

Первые три десятилетия XX в. были отмечены бурным развитием мемуарно-автобиографической прозы в русской литературе, что было связано с глубокими переменами в социально-культурной жизни общества, системной «переоценкой ценностей», изменением способов познания мира и статуса искусства, которое стало пониматься как высшее откровение, дающее знание о тайнах человеческого бытия. Все эти процессы глубинных трансформаций отразились и на состоянии человеческой личности, которая проходила сложный путь самообретения через саморефлексию и осознания себя в разноуровневых и множественных связях с Богом, мирозданием и обществом. Этот сложный путь морально-нравственных исканий нашел реализацию в *literature intime*, **внеканоничность которой разрешала необходимую свободу самовыражения пишущему о себе.** Мемуарно-автобиографический «бум» начала XX в. **дает возможность литературоведам говорить о панавтобиографическом характере творчества многих русских писателей, ибо «тяготение к автобиографизму в разных его проявлениях»** (Д. Максимов) стало своеобразным знаком модерной эпохи, стимулировавшей интерес к субъективной личности и проблемам индивидуальности. Д. Мережковский, например, утверждал, что лучшей его автобиографией являются его произведения, М. Цветаева говорила, что вся ее проза имеет автобиографический характер, и хотя далеко не все писатели были столь категоричны, однако автобиографические черты личности автора, сюжеты и приметы истории его жизни часто проникали даже в те тексты, которые никак не соотносились с автобиографическим жанром. Гибридный жанр собственно художественной автобиографии являлся значительной частью творчества многих ведущих писателей начала XX в., особенно ярко он проявился в художественных практиках русских писателей-эмигрантов, чему способствовала неоднозначная ситуация вынужденной эмиграции, оторванность от родных корней и сложное приобщение к новой лингвокультурной среде, где острой была потребность сохранения собственной идентичности.

Автобиографические произведения русских писателей-эмигрантов в последнее время становились частым объектом пристального изучения, их изучению посвящены работы Б. Аверина [1], Е. Болдыревой [2], Л. Бронской [3], А. Громовой [4], Л. Колобаевой [5], Н. Николиной [6], М. Рубинс [7] и др. Не менее актуальна эта проблема и для зарубежного литературоведения, о чем свидетельствуют работы Р. Ковело [8], Б. Кока Мендес [9], Б. Гужетти и К. Заммит [10], Л. Сабуровой [11], А.С. Белтрана [12] и др. Однако художественная практика писателей является неисчерпаемым источником для исследований, поэтому в рамках данной статьи сосредоточимся на специфике автобиографической природы малой прозы одной достаточно известной и в то же время маргинальной и совсем мало изученной писательницы русского зарубежья Галины Кузнецовой, для которой автобиографизм оказался необходимой и продуктивной творческой стратегией, а автобиографические тексты стали едва ли не единственной возможностью заявить о своем таланте и самоценном существовании.

Самый плодотворный период литературной биографии Галины Кузнецовой связан, конечно же, с ее тесным личным и творческим контактом с И. Буниным, на вилле которого в Грассе она провела сложные и, возможно, самые насыщенные годы личностного и писательского становления. Поиск собственного «я» был трудным и мучительным, усугублялся двусмысленным положением Кузнецовой в семье Бунина, однако глубоким и жизненно важным был тот след, который оставило в ее душе общение с ним. Параллельно с Буниным, напряженно работавшим над романом «Жизнь Арсеньева» и другими произведениями, она упорно и почти без перерыва трудилась над собственными писаниями, достаточно за короткий период времени, приблизительно с 1927 по 1934 гг., создав лучшие и самые известные свои вещи: роман «Пролог», «Грасский дневник», стихотворения для книги «Оливковый сад» и целый ряд рассказов.

Литературные и жизненные уроки и поддержка Бунина были ощутимы, но важны были также и мотивы, побуждавшие Кузнецову столь упорно работать. Как и ее старший наставник, который стремился запечатлеть чекан своей души в этом мире, она была охвачена мыслями о смысле своего существования на земле и тоже мечтала «оставить в

мире память о себе» [3, с. 363]. Однако в отличие от Бунина, который верил в то, что в памяти потомков и в вечности Вселенной он будет жить бесконечно в своем творчестве («Будущим поэтам, для меня безвестным, / Бог оставит тайну – память обо мне...» [13, I, с. 359]), она сомневалась в том, что судьба будет столь же благосклонной к ней: «Ни имена, ни книги, ни преданья, // Ни скудные друзей воспоминанья // Не скажут о земной моей судьбе...» [15, с. 363]. Этот первый значимый для нее стимул творить был прочно связан и с другим, еще более серьезным для нее вопросом о собственном предназначении и самоопределении, как личностном, женском, так и писательском. С одной стороны, литературный труд представлялся ей уникальной возможностью найти себя и обрести свой полноценный голос и свободу в этом сложном взрослом мире и патриархатном каноне уже состоявшихся русских писателей старшего поколения русской эмиграции, которые в основном ее окружали. С другой стороны, понимание «безутешной» своей судьбы и невозможности остаться в памяти людей объяснялось еще и той мучительной «несказанностью» ее жизни, которая тревожила ее постоянно, рождая грустное понимание того, что «наглухо приходится все время закрывать себя на ключ» [15, с. 296] и что возможности словесного выражения глубинных переживаний достаточно ограничены. Думая, что в литературной деятельности она сумеет раскрыть свои внутренние силы, она безошибочно выбрала направление своего творчества, так как оно предreshалось особенным и редкостным лирическим даром писательницы, который она ощущала в себе сама и который был точно подмечен Буниным: «Бог дал вам хороший, редкий по нынешним временам талант. Надо постараться его не прогулять <...> иначе может статься, что душа останется, как облако, которое плывет и тает – слишком лиричной в жизни» [15, с. 37, 77].

Лирическое дарование Г. Кузнецовой и ситуация эмиграции, требовавшая сохранить духовную культуру нации и собственный опыт прошлой, навсегда исчезнувшей жизни, естественным образом предопределили обращение писательницы к субъективным жанрам интимной литературы, в которых авторский элемент мог быть проявлен наиболее выразительно и полно. Так появился ее знаменитый «Грасский дневник», который можно рассматривать как мемуарно-дневниковый эго-текст (М. Михеев) экзистенциального характера, в котором зафиксированы и отрефлексированы повседневные бытовые события жизни писательницы и близких ей людей и значимые этапы ее духовно-нравственной биографии, что, впрочем, и указывает на фиктивность обозначенного в названии жанра; и автобиографический роман «Пролог» и рассказ «Художник», и мемуарный очерк «Друзья», а также множество лирико-психологических рассказов, которые не определяются как автобиографические, однако в них присутствует узнаваемый автобиографический код автора, проявленный в женских образах, в которых отразились, как пронциательно заметил А. Леденев, «разные лики автобиографического "я"» [16, с. 72] писательницы, и отраженный в целом комплексе автобиографем, формирующих автобиографический модус письма Кузнецовой. Важно в связи со сложной, «протеистичной», природой автобиографического жанра определиться с терминологическими понятиями, используемыми в статье. Во-первых, уместно отметить, что концепция автофикшн, сформулированная С. Дубровским, представляется продуктивной с теоретической и практической точек зрения, ибо она вносит определенность в размытые обозначения «гибридных» текстов, созданных на границе фактуального и фикционального дискурсов, поэтому жанр романа Г. Кузнецовой «Пролог» целесообразнее определять как автофикциональный (автобиографический) роман, в котором автор пересоздает в тексте свой жизненный опыт, текстуализирует свою жизнь и онтологизирует текст, через созданный образ Другого обретая и осмысливая свое «я», при этом умозрительный читатель (а первым читателем выступает сам пишущий текст своей жизни субъект) дает свое априорное согласие интерпретировать прочитанное как реальность. Во-вторых, следует разграничивать, вслед за М. Медарич, автобиографию как литературный жанр и автобиографизм как «стилистически маркированный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии» и проявляющийся в текстах, которые «сами по себе не являются автобиографиями, не писались и не воспринимались как автобиография» [17, с. 5]. Автобиографизм проистекает из автобиографической

интенции, внутренне присущей творческому сознанию писателя, и проявляется в особенностях мнемонической, «воспоминательной» (Б. Зайцев), деятельности пишущего субъекта и в связанном с нею автобиографическом комплексе, состоящем из авторефлексивных и автометаописательных фрагментов и своеобразного «тезауруса жизни» (М. Эпштейн) автора, представленного различными устойчивыми «автобиографемами» (Е. Болдырева), которые являются знаковыми для творчества писателя и распознаются благодаря своему константному присутствию и в других, постулируемых как написанные в жанре автофикшн произведениях автора.

Повесть Г. Кузнецовой «Художник», впервые напечатанная в 1995 г., отмечена автобиографическими чертами, в ней осмысливается и реинтерпретируется жизненный опыт писательницы, поддаются фикционализации идентичность автора и протагониста. Как признавалась сама Кузнецова, в повести «многое намешано и в людях и обстановке» [15, с. 406], и сквозь это намешанное в ней проступают литературная атмосфера и быт русской эмиграции 1920-х гг., в образах второстепенных персонажей угадываются реальные представители литературной среды (так, в фигуре Мусатова проявляются черты и В. Ходасевича, и Н. Оцупа, в поэте Ланском узнается Г. Адамович, а молодая талантливая зеленоглазая поэтесса Рита Мезенцева сильно напоминает Ирину Одоевцеву), а главная героиня по имени Ирина имеет достаточно сюжетно-событийных и душевно-эмоциональных соприкосновений с фактами биографии самой Кузнецовой. Это и первые публикации стихов в «Студенческом журнале» в Праге и последующие во французских журналах, и работа манекенщицей, и возникающий в повести топос родного Киева с «таинственным мерцанием рубиновой лампы перед древним образом в Лавре» [15, с. 327], и топос жаркого французского юга с виллой, садом, виднеющимися голубыми горами Эстереля и морем, и восприимчивость к тайне и красоте мира, наполнявшими жизнь героини «мгновениями очарования» [15, с. 327] и придававшими ей смысл, и любовь к музыке, которая казалась Ирине принадлежащей «миру волшебных стихий» [15, с. 326], и перепады настроения, и дар ухода «из трезвой жизни» [15, с. 327], умение погружаться в иллюзии и грезы, закрывающие от нее горечь реальности. Все эти детали обнаруживаются в «Грасском дневнике» писательницы, в документальном свидетельстве ее жизни, они рассыпаны в автофикциональном романе «Пролог» и в ее стихах, они присутствуют и в неавтобиографических рассказах, но, повторяясь и накапливаясь, кочуя из текста в текст, они приобретают форму художественной закономерности и складываются в автобиографический жизненный сценарий Кузнецовой, который моделирует ее художественный мир, насыщенный доминантными автобиографемами-концептами (красота, музыка, одиночество, неизреченность), автобиографемами-топосами (Киев, Лавра, сад, юг, море), автобиографемами-эмоциями (печаль, меланхолия, томление, страдание, неудовлетворенность).

Главным в повести является описание отношений молодой и малоопытной поэтессы Ирины с влюбленным в нее взрослым и знаменитым художником Шатиловым, и в этой мучительно-блаженной связи прозрачно прочитывается личная история Кузнецовой и Бунина, что подтверждается и скупыми свидетельствами их современников, и записями в «Грасском дневнике», в котором передан очень личный человеческий и писательский облик Бунина и ее ощущения от общения с ним.

В начатом в Грассе и так никогда и не оконченном «Художнике» Кузнецова попыталась отразить свое, женское видение истории их взаимоотношений с Буниным, о чем она рассказывает от лица своей автогероини Ирины, изображая в образе Шатилова «черты личности Бунина и его литературные вкусы» [15, с. 406] (она отмечает трезвость и натуралистичность картин Шатилова, реалистическую резкость его суждений, что соотносится с бытописательной манерой произведений и классической традиционностью взглядов Бунина на искусство, она красноречиво упоминает о Мопассане, интерес и любовь к которому сопровождали писателя в зрелые годы), а также наиболее важные и запомнившиеся ей бунинские уроки литературного мастерства. Выбранный писательницей жанр позволяет ей предельно обнажить глубоко сокровенные, внутренние мотивы, сблизившие ее и писателя, и обозначить свойственные Бунину обще-

известные его человеческие качества и манеру поведения, приобретенные в ее восприятии тягостный оттенок острой неудовлетворенности их приватной ситуацией и преобразенные всем ею пережитым и перечувствованным. Она отмечает его стареющее надменное лицо, седину в волосах и характерную юношескую легкость его фигуры, его «стремительную страстность», неумолимую решительность и неукротимость его напора по отношению к ней, и силу его «умиления» ею, и его ненасытное, жадное внимание ко всем историям из ее молодой жизни, и пронизательность его советов, касающихся ее занятий литературой, и его «ревнивую силу», вызванную пониманием им того, что «она могла быть без него счастлива...» [15, с. 347]. Удивительно прямолинейными и решительными и в то же время глубоко психологическими выглядят ее заключения о сближении героев: **«По своему складу он был ей чужд, был на много лет старше ее, был, вообще, из совсем другого века, как ей потом часто казалось. Резкая нетерпимость и определенность его взглядов поначалу пугала и почти ошеломляла ее, хотя в то же время это и странно нравилось ей»** [15, с. 335]. Их близость характеризуется писательницей как постоянное борение Ирины с самой собой, как необходимость «переступить через какие-то внутренние преграды между ними» [15, с. 341]. Временами он казался ей даже «враждебным», а общение с ним она называла «поражениями» [15, с. 341] в смысле глубины того следа, который каждый раз оставлял он в ее душе своими беседами и вторжениями в ее внутреннее пространство.

В то же время настойчивые советы Шатилова усердно и постоянно трудиться, желание научить Ирину видеть краски природы, развить в ней визуальную зоркость и любовь к красоте мира, умение наслаждаться ею и восхищаться жизнью вызывали в молодой женщине глубокую радость сопричастности чему-то крупному, яркому, высшему. Поучения Шатилова («Только природа, только красота, это то главное, ради чего люди живут и ради чего стоит жить...» [15, с. 343]) звучат как эхо мыслей Алексея Арсеньева, которыми он делится с Ликой: «Жизнь и должна быть восхищением...» [13, V, с. 224], и показательно созвучны тем наставлениям Бунина, о которых так много писала Кузнецова в «Грасском дневнике» [см. записи: 15, с. 27, 33, 35, 37, 50, 138]. Однако откликнулась автогероиня Кузнецовой лишь на то, к чему была подготовлена ее душа, что было свойственно ей от природы: «смутные картины его жизни» входили «в тот общий мир представлений, который всегда жил в ней» (курсив мой – Е.А.) [15, с. 336]. В то же время его непонимание ее стихов, неприятие им их мистического флера встречали в ней решительный и твердый отпор. Именно такие замечания писательницы, рассыпанные по всему незаконченному тексту этой повести, красноречиво характеризуют ее видение природы творческой близости и разногласий «учителя» и «ученицы», в основе которых лежали изначальная типологическая схожесть и природная разность их художественного дарования и вкуса.

В «Художнике» присутствуют свойственные бунинской прозе ритмы, мелодические рисунки и приемы художественной выразительности. Они проявляются в нарастающей в пределах одной фразы волнительно-лирической интонации и возрастающих нагнетании и детализации нюансов, в константном параллелизме синтаксических конструкций, в утонченной звукописи и светописи (даже столь любимый Буниным лиловый цвет проникает в описания Кузнецовой), что все вместе и создает знакомый эффект музыкальности прозаического текста: «Они уезжали в маленькие городки, разбросанные вдоль побережья, завтракали на деревянных столах деревенских харчевен, пили местное розовое вино, сладко кружившее голову, лежали под могучими пиниями на холмах, дышали сухим запахом лиловой лаванды, растущей прямо на песке под горячим, все более распалывшимся небом» [15, с. 343]. Эти созвучия с бунинской прозой никак не являются буквальными и точно скопированными, но они представляются сознательными и органичными, ощущаются на уровне схожей эстетической атмосферы писаний. А сама ситуация этого тайного, должного быть скрытым от чужого взгляда взаимного наслаждения и упоения красотой природы и неторопливо-ритмичный повествовательный тон описания времяпрепровождения любовников совершенно неожиданным образом проявятся, тоже не буквально, в позднем рассказе Бунина «Кавказ», вошедшим в «Темные аллеи»: «Мы нашли место первобытное, заросшее чинаровыми леса-

ми, цветущими кустарниками, красным деревом, магнолиями, гранатами, среди которых поднимались веерные пальмы, чернели кипарисы... Я просыпался рано и, пока она спала, до чая, который мы пили часов в семь, шел по холмам в лесные чащи. <...> Потом мы уходили на берег, всегда совсем пустой, купались и лежали на солнце до самого завтрака. После завтрака – все жаренная на шкаре рыба, белое вино, орехи и фрукты – в знойном сумраке нашей хижины под черепичной крышей тянулись через сквозные ставни горячие, веселые полосы света» [13, V, с. 258]. Или последняя фраза Кузнецовской повести, с такой художественной выразительностью передающая шквал сокрушительных эмоций, переживаемых обоими героями, и так в глубинах своих похожая на сложные и страстно-нежные отношения Арсеньева с его Ликой или Мити с Катей и напоминающая ритмико-интонационные узоры прозы Бунина: «Но не успевала она прийти в себя, осмыслить причину его ярости, как приходило другое письмо, едва хранившее след только что пронесшейся бури, полное такой нежности, таких страстных слов, такой тоски по ее немедленному присутствию, что она терялась и кидалась отвечать ему...» [15, с. 348].

В рассказе «На вершине холма», напечатанном в 1930-х гг. в «Последних новостях», также исползуется знакомый авторский код, маркированный образом Бунина, о чем писала сама Кузнецова: «...там, разумеется, выведен И. А. Бунин и все слова Старика – его подлинные слова» [15, с. 407]. Образ Бунина создан с помощью характерных для писательницы знаковых деталей, передающих ее личное, интимное восприятие писателя: «у него был твердый и прекрасный, как на старинных медалях, профиль, и вообще наружность человека властного, привыкшего, чтоб ему подчинялись» [15, с. 349]. Она оставляет героя безымянным, красноречиво означивая его как «старик», что генерирует целую цепочку смыслов (от возрастной разницы до интеллектуальной и духовной зрелости героя, что всегда восхищало и одновременно тяготило саму писательницу в отношениях с Буниным), как и Шатилова, она делает «старика» художником, акцентируя таким образом творческую составляющую его личности, наделяет его страстью к путешествиям («я видел две трети мира и писал о них» [15, с. 349]) и сохраняет любимый Буниным круг тем для размышлений и бесед (искусство, вечность, древность, природа, жизнь и смерть, писательская судьба), которые «старший» обсуждал с «молодым», человеком с «нервным» лицом, в образе которого угадывается писатель Л. Зуров, живший так же, как и Кузнецова, с семьей Буниных на вилле «Бельведер», где часто спорили и обсуждали вопросы, занимавшие писателя. Показателен финал этого рассказа: старик с молодым заходят в старинную капеллу и останавливаются перед скульптурой Пресвятой Девы с Младенцем, которую рассматривают с благоговейным трепетом. Этот образ Мадонны «в золотой короне», смотрящей «наивно-удивленным взглядом» куда-то вдаль и напоминающей простолюднику «из какого-нибудь рабочего итальянского предместья» [15, с. 354], перекликается с поэтическим образом флорентийской Мадонны, который запечатлела Кузнецова в строчках стихотворения «В косынке легкой, голову склонив, // Она глядит покорными очами // Куда-то вниз» [15, с. 375]. И остается только угадывать, где и когда, при каких обстоятельствах и почему такое сильное впечатление произвел на писательницу образ Мадонны, ставший еще одним автобиографическим знаком ее художественного мира.

Рассказы, собранные Г. Кузнецовой в книгу «Утро», вышедшую в 1930 г., за редким исключением («Последняя повесть» и «Дом на горе» могут расцениваться как автобиографические) не определяются как автофикциональные, они не создавались как автобиографические и в принципе не должны были бы и восприниматься как таковые. Ведь написанные в эмиграции и для эмигрантов, для людей, принадлежащих одной культуре и переживших общие для всех трагические события кровавого переворота в России 1917 г., они рассказывали о хорошо всем понятных и близких вещах: о гражданской войне, о крушении белогвардейской армии и последовавшем за этим массовом исходе из родной страны («В пути», «Кунак», «Бахчисарай»), о тяготах эмигрантской жизни на чужбине («Синий горы», «Золотой рог», «Осень»). В них воссоздается сопровождавшая все эти драматические этапы типичной судьбы русских изгнанников атмосфера страха и мучений эвакуации, потерь и смертей гражданской войны,

бесприютности и отчаяния в эмиграции, в них фиксируются все знаковые для русских эмигрантов заграничные города, перевалочные Одесса, Севастополь и Константинополь, страны рассеяния эмигрантов, Болгария, Чехия, Франция. В то же время в них эксплицирована трансформация жизненного опыта писательницы в художественные сюжеты, мотивы и образы, которые в своей совокупности формируют узнаваемый по автофикциональной и автодокументальной прозе Кузнецовой автобиографический код писательницы.

Рассказы как бы подхватывают и продолжают историю автогероини Кузнецовой из романа «Пролог», действие которого заканчивается как раз на отъезде Ксении с мужем-офицером из города в связи с перемещением штаба армии: переполненные теплушки вагонов, суматоха, неустроенность и неведение, ощущение чуждости мужу и поезд, несущийся в Полтаву. И вот в рассказе «В пути» читатели оказываются в Полтаве, где героиня Лидия Александровна мечтает попасть в Киев, родной город Кузнецовой, чтобы наконец еще раз увидеться с родными (а в Киеве у писательницы действительно остались мать и сестра, обожаемые дедушка и бабушка), Лидия Александровна и живет в районе старого Печерска (там, где жила в детстве и юности Кузнецова), недалеко от арсенала ютится их «старенький особняк с красными ставнями, железный навес над крыльцом» [14, с. 43] (точно такой описан в «Прологе»), Лидию Александровну сопровождает муж, чужой ей человек, с которым она молча разделяет тяготы военной жизни (муж Кузнецовой тоже был белым офицером, и вместе с ним она покинула Россию и оказалась в Константинополе, потом в Париже, где в скором времени с ним развелась). Вообще, страны и города, упомянутые в рассказах, также формируют автобиографически маркированные топоры творчества Кузнецовой. По географии ее рассказов можно с большой долей вероятности предположить, что своими глазами видела Кузнецова и Бахчисарай, и Севастополь, и Одессу, и, конечно же, Прагу, где она училась в университете и начала свою литературную деятельность, и Константинополь с его кладбищами, описанными в «Золотом Роге» и стихотворении «Турецкое кладбище», и Париж, и многие другие французские города.

Интересно проследить, как работала писательница с автобиографическим материалом на примере эпизода из рассказа «Дом на горе». Ее пребывание в Чехии, в уютном доме пана жидителя отражено в «Грасском дневнике», в записи от 26 декабря 1927 г., т. е. в записи, сделанной в разгар рождественских праздников и накануне Нового года. В записи отражены ее воспоминания о встрече Нового года у пана Гала в Богемии, которая была настолько теплой и душевной, яркой и счастливой, что она уже однажды пробовала претворить ее в рассказ, но «не нашла верного тона» [15, с. 53]. Она вспоминает морозный «последний вечер старого года», запах «красных яблок» и «старый мед в длинных старомодных бокалах с золотыми прожилками» [15, с. 53]. И в рассказе сохраняются почти все самые яркие и запомнившиеся ей детали: Сильвестров вечер, последний день старого года, «высокие старинные рюмки с тонкими золотыми узорами, обступившие бутылку двадцатилетнего меда» [14, с. 148], добрый пан жидитель с его веселыми прибаутками. Но все эти художественные подробности обрастают дополнительными автобиографическими штрихами: пан жидитель дарит автогероине на память книжку на французском языке, потому что «вы по-французски читать любите» [14, с. 149] (сама Кузнецова прекрасно владела французским и много читала на этом языке и переводила), и важно, что в эту радостно-волшебную атмосферу новогодней ночи входит образ смерти, один из частых и мучительных образов в творчестве писательницы.

Молодой и неискушенной Кузнецовой смерть воспринималась как ужасная несправедливость и неправильность, нарушавшая нормальное течение человеческой жизни и ворвавшаяся в жизни людей с революцией, войной и эмиграцией. В «Грасском дневнике» она запишет: «мы насильственно принуждены жить в атмосфере постоянных смертей» [15, с. 233]. В «Прологе» Ксения Ясинская отторгнет преждевременную смерть своей подруги от своего сознания, потому что слишком прекрасной и многообещающей ей представлялась ее молодая, пока еще мало чем омраченная жизнь. В «Доме на горе» смерть снова воспринимается как незаслуженная жестокость, нарушающая уют, тишину,

радостность человеческой жизни: великолепные красные яблоки, выложенные на шкафу в спальне, выходящей окнами на кладбище, и отблески огня, освещающие портрет милой молодой женщины, которая тоже когда-то жила здесь и радовалась, но смерть забрала ее, и «теперь ее прах подо мной, в темном зале, в этой таинственной и страшной урне...» [14, с. 148].

Беззаботное настроение молодоженов из рассказа «Утро» также расстраивает похоронная процессия, случайно оказавшаяся на их пути и направлявшаяся в ту самую церковь, которую они с таким интересом рассматривали: хоронили жену старика, «маленькую, высохшую старушку» [14, с. 32], но снова эта смерть лишь ненадолго затмила их радостное ощущение молодой жизни, хотя в контексте всего сборника «Утро» именно эта смерть предвосхищает мрачные события и атмосферу безнадежности и пронзительной тоски, характерные для всех его рассказов.

В рассказах сборника присутствует и природный комплекс, свойственный творчеству Кузнецовой в целом: это связанные с водной стихией образы реки Днепр и моря, чаще всего насыщенные позитивными коннотациями, ибо Днепр для нее ассоциировался с утраченным раем детства, а от моря исходило «глубокое успокоение, обещание новой, мирной жизни» [14, с. 55], жизни теплой и сладостной, какой она была на южном берегу Франции: «море – чистое, утреннее, нежно голубое, как поле цветущего льна, дышало свежестью <...> Вода, тихо покачивая, несла ее, баюкала, усыпляла...» [15, с. 338]; и образы гор («голубые горы Эстереля» [15, с. 338] и мягкие очертания синих гор юга, также положительно маркированные, так как обещали они «то самое счастье, тайная жажда которого с каждым днем все слаще и настойчивее мучит» [14, с. 62] сердца ее героинь); и образы высокого голубого неба и самых разных деревьев и цветов, которые очень любила сама писательница. Все эти образы природы являются значимыми для художественного сознания Кузнецовой, ибо они всегда говорили о существующей лишь в ее безутешных грезах жизни прекрасной и радостной и всегда были противопоставлены сложной и неуютной реальности, в которой она жила, грустя и не находя для себя покоя и удовлетворения.

Героини рассказов Кузнецовой наделены напоминающим образ самой писательницы эмоционально-психологическим комплексом, складывающимся из постоянных и доминирующих в ее текстах автобиографем-эмоций грусти, тоски, грезы, неудовлетворенности, даже обреченности ее судьбы. В автобиографическом романе «Пролог», как и в рассказе «Художник», через созданный ею образ Другого она старается постичь свою сущность, и тем явственнее проступают в ее героинях сокровенные черты автора, увиденные как бы со стороны и совместившие в себе реальное и выдуманное, выросшее из подсознания писательницы: это одиночество, меланхолия, молчаливость и покорность, лень, эгоистичность, выраженная склонность к творчеству, восприимчивость к красоте и искусству, половые предпочтения. Писательница наделяет героинь другим именем, чтобы сделать для себя возможным процесс фикционализации своей жизни, чтобы через созданный текст обрести свою идентичность. Однако и в образах героинь, в которых отсутствует автобиографическое намерение, также прочитываются, как уже говорилось, разные автобиографические «лики» писательницы, что происходит не только из-за того, что ее героини являются эмигрантками со всем вытекающим из этого событийным комплексом (бегство из России, трудности эвакуации, приспособление к жизни на чужбине), но и вследствие того изображенного ею специфического психотипа личности, которым обладала сама Кузнецова. В молчаливости и безропотности Лидии Александровны («В пути»), в ее одиночестве и бесприютности угадывается психологический портрет молодой писательницы. Таня («Синие горы») и Вера («Золотой Рог») растеряны и не удовлетворены своей жизнью, им страшно и одиноко, хотя они и выходят замуж за людей, их страстно любящих. Эта страстность, пугающая героинь, читателям уже знакома по автобиографической повести «Художник», а неприятие и страх, вызываемые избыточной маскулинностью и связанной с нею мужской властью, описываются в «Грасском дневнике» писательницы в контексте ее размышлений над произведениями Бунина [15, с. 73, 107], что усиливает ощущение автобиографического ореола, которым окружены эти образы.

Вышесказанное далеко не исчерпывает перспектив дальнейшего исследования автобиографического модуса художественных текстов Г. Кузнецовой, творчество которой содержит потенциальные возможности для интерпретации его как автобиографического метатекста, могущего стать еще одной яркой и оригинальной составляющей канона автобиографической литературы русского зарубежья.

Список использованной литературы

1. Аверин Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б.В. Аверин. – СПб.: Амфора, 2003. – 402 с.
2. Болдырева Е.М. Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта / Е.М. Болдырева // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 4. – С. 242–251.
3. Бронская Л.И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века (И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин) / Л.И. Бронская. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2001. – 120 с.
4. Громова А.В. Жанр беллетризованной биографии в литературе русского зарубежья (произведения Б.К. Зайцева) / А.В. Громова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2008. – № 2 (12). – С. 48–58.
5. Колобаева Л.А. Связь времён: Иосиф Бродский и серебряный век русской литературы / Л.А. Колобаева // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2002. – № 6. – С. 20–39.
6. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н.А. Николина. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 424 с.
7. Рубинс М.О. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930 годов в контексте транснационального модернизма / М.О. Рубинс. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 328 с.
8. Covelo R. Thomas De Quincey in the Essays of Virginia Woolf: «Prose Poetry» and the Autobiographic Mode / R. Covelo // Journal of Modern Literature. – 2018. – Vol. 41, issue 4. – P. 31–47. DOI: 10.2979/jmodelite.41.4.03.
9. Coca Mendez B. The recurrent testimony of Jorge Semprun's concentrationary experience: To give voice to silence and word / B. Coca Mendez // Quaderns de Filologia-Estudis Literaris. – 2016. – Vol. 21. – P. 39–52. DOI: 10.7203/qdfed.21.9333.
10. Guzzetti B. Men Writing Their Lives: Situating the Authoring Processes of Zinesters / B. Guzzetti, K. Zammit // Journal of Language and Literacy Education. – 2019. – Vol. 15, issue 2. – P. 1–24.
11. Saburova L.E. Music and Painting in the Autobiographical Prose of Eugenio Montale and Antonio Delfini (The Butterfly of Dina Rd, One Story) / L.E. Saburova // Studia Litterarum. – 2019. – Vol. 4, issue 3. – P. 124–135. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-124-135.
12. Beltran A.C. The nowhere of global curriculum / A.C. Beltran // Curriculum Inquiry. – 2018. – Vol. 48, issue 3. – P. 273–292. DOI: 10.1080/03626784.2018.1474712.
13. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. / И.А. Бунин. – М.: Художественная литература, 1987–1988.
14. Кузнецова Г. Пролог / сост., вступ. статья, примеч. О.Р. Демидовой / Г. Кузнецова. – СПб.: Мирь, 2007. – 327 с.
15. Кузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Г. Кузнецова. – М.: Московский рабочий, 1995. – 410 с.
16. Леденев А.В. Стилевая партитура чувств: «бунинские уроки» в прозе Г. Кузнецовой / А.В. Леденев // Русистика: сборник научных трудов / под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2008. – Вып. 8. – С. 68–72.
17. Медарич М. Автобиография / Автобиографизм / М. Медарич // Автоинтерпретация: сборник статей / под ред. А.Б. Муратовой, Л.А. Иезуитовой. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 5–32.

“TO LEAVE THE MEMORIES ABOUT YOURSELF IN THE WORLD”: AUTOBIOGRAPHISM AS G. KUZNETSOVA’S ARTISTIC STRATEGY

Elena S. Annenkova, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine).

E-mail: aes.kyiv@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-10

Key words: *autobiographism, autofictional story, autobiographeme, autobiographical modus.*

In the article the autobiographical modus of G. Kuznetsova’s creation, leading principles of art representation of autobiographical writer’s “self” and the system of tricks, that are creating the specificity of her autobiographical narration, are analyzed; in addition to this, article concerns about the dominant forms of her prose, which in result of reproduction and replication in texts in different genre’s nature acquires the status of autometadescriptive units, from which come autobiographical plot and autobiographical subject of G. Kuznetsova’s prose.

The first quarter of the 20th century was marked by the impetuous development of memoir-autobiographical prose in Russian literature. This was due to profound changes in the socio-cultural life of society, a systematic “reevaluation of values,” a change in the way of knowing the world and the status of art, that is understood as the highest revelation, giving knowledge about the secrets of human existence. The memoir-autobiographical “boom” of the early 20th century enables literary scientists to talk about the pan-autobiographical nature of the work of many Russian writers, because “the attraction to autobiography in its various manifestations” (D. Maximov) became a peculiar sign of the modern era, stimulating interest in the subjective personality and personality problems. The hybrid genre of artistic autobiography was a significant part of the work of many leading writers of the early 20th century, it was especially pronounced in the artistic practices of Russian emigrant writers, among which G. Kuznetsova left her mark on the history of Russian literature.

G. Kuznetsova’s lyrical talent and the situation of emigration, which required to maintain the spiritual culture of the nation and her own experience of her past life, naturally predetermined the writer’s appeal to the subjective genres of intimate literature in which the author’s element could be most expressively and fully manifested. Thus her famous “Grasse Diary”, the autobiographical novel “Prologue” and the story “Artist”, and the memoir essay “Friends” appeared as well as many lyrical and psychological stories.

It is important in connection with the complex nature of the autobiographical genre to determine the terminological concepts used in the article. Firstly, it is appropriate to note that the concept of auto-fiction, formulated by S. Dubrovsky, seems to be productive from a theoretical and practical point of view. It brings distinctness to the ambiguous notation of “hybrid” texts created on the border of factual and fictional discourses. Secondly, following M. Medaric, we should distinguish between autobiography as a literary genre and autobiography as a “stylistically marked device” that is result of the autobiographical intention intrinsic to the writer’s creative mind.

G. Kuznetsova’s literary texts of different genre nature contain a complex of repeating images, motifs and details, which, wandering from text to text, take the form of artistic regularity and form Kuznetsova’s autobiographical life script. This scenario models her artistic world, saturated with dominant autobiographeme-concepts (beauty, music, loneliness, ineffability), autobiographeme-topos (Kiev, Lavra, garden, south, sea), autobiographeme-emotions (sadness, melancholy, languor, suffering, dissatisfaction). G. Kuznetsova’s story “The Artist”, first published in 1995, is marked by autobiographical features, it comprehends and reinterprets the writer’s life experience, and the author and protagonist’s identities are assumed. At the same time, the stories collected by G. Kuznetsova in the book “Morning”, published in 1930, with rare exceptions are not defined as autofictional, they were not created as autobiographical. Written in emigration and for emigrants, they talked about things that were well understood and close to everyone: about the Civil War, about the crash of the White Army and mass emigration, about the hardships of emigrant life in a foreign land. At the same time these stories explicate the transformation of the writer’s life experience into artistic plots, motifs, and images, which together form the autobiographical code of the authoress that we can recognize by Kuznetsova’s autofunctional and auto-documentary prose.

Thus, G. Kuznetsova’s works contain potential possibilities for interpreting it as an autobiographical metatext, which can become bright and original component of the canon of autobiographical prose of Russian Émigré Literature.

References

1. Averin, BV. *Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russoj avtobiograficheskoj tradicii* [Mnemosyne’s Gift: Nabokov’s novels in a context of Russian autobiographical tradition]. Saint Petersburg, Amfora Publ., 2003, 402 p.
2. Boldyreva, E.M. *Avtobiografizm i avtobiografiya: samokonstruirovanie i semiotizacija subjekta* [Autobiographism and autobiography: self-constructing and semiotisation of the person]. *Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl pedagogical bulletin], 2017, no. 4, pp. 242-251.

3. Bronskaya, L.I. *Koncepciya lichnosti v avtobiograficheskoy proze russkogo zarubezh'ja pervoj poloviny XX veka* (I.S. Shmelev, B.K. Zaytsev, M.A. Osorgin) [The concept of the person in autobiographical prose of Russian abroad of the first half of the 20th century (I.S. Shmelev, B.K. Zaytsev, M.A. Osorgin)]. Stavropol, Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2001, 120 p.
4. Gromova, A.V. *Zhanr belletrizovannoy biografii v literature russkogo zarubezh'ja (proizvedeniya B.K. Zajceva)* [Fictionalized biography genre in the literature of Russian abroad (B.K. Zaytsev's work)]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of A.S. Pushkin Leningrad State University], 2008, no. 2 (12), pp. 48-58.
5. Kolobaeva L.A. *Svjaz' vremjon: Iosif Brodskij i Serebrjanyj Vek Russkoj Literatury* [Communication of times: Joseph Brodsky and a Silver Age of Russian literature]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 9: Filologija* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2002, no. 6, pp. 20-39.
6. Nikolina, N.A. *Pojetika russkoj avtobiograficheskoy prozy* [Poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2002, 424 p.
7. Rubins, M.O. *Russkij Montparnas. Parizhskaja proza 1920–1930 godov v kontekste transnacional'nogo modernizma* [Russian Montparnasse. The Parisian Prose of the 1920-1930th in a Context of Transnational Modernism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 328 p.
8. Covelo, R. Thomas De Quincey in the Essays of Virginia Woolf: "Prose Poetry" and the Autobiographic Mode. *Journal of Modern Literature*, 2018, vol. 41, issue 4, pp. 31-47. DOI: 10.2979/jmodelite.41.4.03.
9. Coca Mendez, B. The recurrent testimony of Jorge Semprun's concentrationary experience: To give voice to silence and word. *Quaderns de Filologia-Estudis Literaris*, 2016, vol. 21, pp. 39-52. DOI: 10.7203/qdfed.21.9333.
10. Guzzetti, B., Zammit, K. Men Writing Their Lives: Situating the Authoring Processes of Zinesters. *Journal of Language and Literacy Education*, 2019, vol. 15, issue 2, pp. 1-24.
11. Saburova, L.E. Music and Painting in the Autobiographical Prose of Eugenio Montale and Antonio Delfini (The Butterfly of Dina Rd, One Story). *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, issue 3, pp. 124-135. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-3-124-135.
12. Beltran, A.C. The nowhere of global curriculum. *Curriculum Inquiry*, 2018, vol. 48, issue 3, pp. 273-292. DOI: 10.1080/03626784.2018.1474712.
13. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenij: v 6 tomah* [Complete works: in 6 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1987-1988.
14. Kuznetsova, G. *Prolog* [Prologue]. Saint-Petersburg, "Mir" Publ., 2007, 327 p.
15. Kuznetsova, G. *Grasskij Dnevnik. Rasskazy. Olivkovyj sad* [The Grasse Diary. Stories. Olive Orchard]. Moscow, Moscovskiy rabochiy Publ., 1995, 410 p.
16. Ledenev, A.V. *Stilevaya partitura chuvstv: "buninskie uroki" v proze G. Kuznetsovoj* [Style score of feelings: "Bunin's lessons" in G. Kuznetsova' prose]. L.A. Kudryavtseva (ed.). *Rusistika: sbornik nauchnyh trudov* [Russian Studies: Collection of research papers]. Kiev, Kiev Shevchenko National University Publ., 2008, vol. 8, pp. 68-72.
17. Medarich, M. *Avtobiografija / Avtobiografizm* [Autobiography / Autobiographizm]. A.B. Muratova, L.A. Iyezuitova (ed.). *Avtointerpretacija: sbornik statej* [Autointerpretation: Collection of research articles]. Saint-Petersburg, "SPbGU" Publ., 1998, pp. 5-32.

Одержано 17.12.2019.

УДК 821.161.2-32.09

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-11

О.Ф. БУРЯК,
*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української та зарубіжної літератури
Центральноукраїнського державного педагогічного університету
імені Володимира Винниченка (м. Кропивницький)*

ФАНТАСТИЧНІ ЕЛЕМЕНТИ В МАЛІЙ ПРОЗІ ЛЮБОВІ ПОНОМАРЕНКО

У статті висвітлено функції фантастичних елементів у малій прозі сучасної української письменниці Любові Пономаренко на матеріалі книг «Синє яблуко для Ілонки» (2012) і «Нехворощ» (2015). Фантастичні елементи виконують різну функціональну роль у творах, актуалізуючи певні проблеми, збагачуючи ідею, увиразнюючи образи героїв. На сюжетному рівні авторка часто експлуатує сюрреалістичну, фантастичну розв'язку, яка втілює мотив воскресіння мертвих, актуалізуючи проблему гріха і спокути в особистісному й загальнолюдському вимірах («Нічого не трапилось», «Не кидай мене самого в полі», «Дві в колодязі»). Імпресіоністично-фантастична розв'язка зазвичай відображає гостре переживання провини, що виникає під час самоаналізу персонажа («Почують тебе сніги»). Фантастичний образ може визначати вектор розвитку сюжету, вибудовувати ідейно-змістову антитезу, надавати алегоричного звучання твору («Кричав потяг у ніч»). Фантастична художня деталь активно працює на поглиблення психологізму, розкриваючи стан, настрій, почуття героя й водночас характер його стосунків з іншими персонажами («Домаха і камінь»). Фантастичні елементи органічно вписуються в легендарний контекст окремих новел, надають традиційній ідеї оригінального звучання, привабливої філософської багатомірності («Шептуни», «Ненароджені»). Імпресіоністичні картини часто набувають фантастичного змісту, відображаючи світосприйняття персонажа, презентуючи метафоричну проекцію його внутрішнього світу. Поєднання фантастичного й реалістичного начал сприяє творенню колоритного художнього світу за канонами «химерної» прози, обумовлює виникнення оригінального ракурсу бачення взаємодії людини зі світом («Земляне серце»). Різнопланові фантастичні елементи увиразнюють пафос новел переважно у драматичному ключі. Рідше письменниця вдається до гротеску, що породжує іронічне звучання твору, збагачуючи його підтекстовими художніми смислами. Таким чином, фантастичні елементи виконують важливі функції в новелах Л. Пономаренко, урізноманітнюють арсенал художніх прийомів і засобів, надаючи самотності авторському стилю.

Ключові слова: фантастичний елемент, новела, психологізм, сюрреалізм, імпресіонізм.

В статье освещены функции фантастических элементов в малой прозе современной украинской писательницы Любови Пономаренко на материале книг «Синее яблоко для Илонки» (2012) и «Нехворощ» (2015). Фантастические элементы выполняют разную функциональную роль в произведениях, актуализируя определенные проблемы, обогащая идею, делая более выразительными образы героев. На сюжетном уровне автор часто эксплуатирует сюрреалистическую, фантастическую развязку, которая воплощает мотив воскресения мертвых, актуализируя проблему греха и искупления в личностном и общечеловеческом измерениях («Ничего не случилось», «Не бросай меня одного в поле», «Две в колодце»). Импрессионистически-фантастическая развязка, как правило, отражает острое переживание вины, возникающее во время самоанализа персонажа («Услышат тебя снега»). Фантастический образ может определять вектор развития сюжета, выстраивать идейную антитезу, определять аллегорическое звучание произведения («Кричал поезд в ночь»). Фантастическая художественная деталь активно работает на усиление психологизма, раскрывая состояние, настроение, чувства героя и одновременно характер его отношений с други-

ми персонажами («Домаха и камень»). Фантастические элементы органично вписываются в легендарный контекст отдельных новелл, придавая традиционной идее оригинального звучания, привлекательной философской многомерности («Шептуны», «Нерожденные»). Импрессионистические картины часто имеют фантастическое содержание, отражая мировосприятие персонажа, представляя метафорическую проекцию его внутреннего мира. Сочетание фантастического и реалистического начал способствует созданию колоритного художественного мира по канонам «химерной» прозы, обуславливает возникновение оригинального ракурса видения взаимодействия человека с миром («Земляное сердце»). Разноплановые фантастические элементы делают более выразительным пафос новелл преимущественно в драматическом ключе. Реже писательница прибегает к гротеску, что порождает ироническое звучание произведения, обогащая его подтекстовыми художественными смыслами. Таким образом, **фантастические элементы исполняют важные функции** в произведениях Л. Пономаренко, разнообразят арсенал художественных приемов и средств, придавая самобытности авторскому стилю.

Ключевые слова: фантастический элемент, новелла, психологизм, сюрреализм, импрессионизм.

Мала проза Любові Пономаренко магнетично приваблює і читачів, і науковців. Читача інтригують захопливі сюжети з крутими віражами, несподівані розв'язки і відкриті фінали її творів, драматична напруга на кількасот вольт, відкриті, наївні, часом дивакуваті герої.

Читачі зауважують, що «твори Любові Пономаренко належать до таких, які хочеться читати неединоразово і щоразу знаходиться, що торкає і вражає найпотаємніші куточки душі» [1].

О. Хоменко дуже точно описує вплив, який справляє на реципієнта проза письменниці: «Він, світ її дивних новел, таких розпачливо-оптимістичних у беззахисній своїй правдивості – поряд, на відстані пів-поруху, пів-кроку, але ж як лячно ступити туди і перейти межу, бо спаде на тебе епіфанія стовпом осяяним...» [1].

Науковці намагаються осягнути цей літературний феномен, висвітлюючи різні його аспекти й водночас збігаючись у думці про яскравий талант письменниці. Зокрема високо оцінює творчі здобутки мисткині О. Забужко: «...відкрила для себе Любов Пономаренко – гіперобдаровану письменницю, котру можна назвати реінкарнацією Стефаніка і Тютюнника в одній особі» [2].

П. Кононенко [3], В. Кузьменко [4], В. Мелешко [5; 6], М. Сулима [7] вписують творчість Л. Пономаренко в контекст неоімпресіонізму, наголошуючи на її новаторстві, що глибоко закоринене в українську літературну традицію.

О. Лісан і В. Мелешко, аналізуючи книгу «Нехворощ» (2015), окреслюють комплекс рис авторського стилю: «загадковість сюжету» [8], «наявність художніх точок (натяків, пунктирних ліній, островків тощо) – «мазків», «адже, подібно до неоімпресіоністів у живописі, мисткиня від літератури “наносить” основні складники сюжету» [6, с. 86], часова визначеність дії, особлива роль наратора, «мозаїка образів, яка дає можливість самому читачеві складати калейдоскоп» [8], зосередженість на морально-етичних проблемах [8].

Дослідники стверджують, що однією з іманентних ознак художнього стилю Л. Пономаренко є **активне використання фантастичних елементів, що, за словами О. Хоменка, визначають «барокову сновидність новелістики мисткині»** [9, с. 4].

С. Горбенко зауважує: «**поряд із цілком реалістичними, книги Любові Пономаренко сповнені творами фантазмагоричними... Прочитайте – і ви опинитеся у чудернацькому світі, де з вами розмовляють не лише люди, а й ящірки, дихає жива земля, а світ снів, змішаних із реальністю вабить до себе**» [1].

В. Меркулова наголошує на тому, що «світ героїв Любові Пономаренко балансує на грані реального та ірреального» [1].

П. Кононенко доводить, що у творах письменниці «панує гостра контрастність як єдність любові й іронії, як поетизації, так і гротеску» [3, с. 9].

Наукове осмислення фантастичного виміру різних за стилем і жанром літературних зразків сприяє висвітленню їхньої художньої специфіки, зокрема модифікації жанрової парадигми, й водночас особливостей авторської творчої манери. Розуміння естетичного феномену поглиблюється саме завдяки літературознавчій рецепції фантастичного начала, тому на цьому аспекті фокусується увага багатьох науковців [10–18].

Окреслена вченими проблема – оприявлення фантастичного первня у прозі Любові Пономаренко [1; 3; 9] – предмет нашого вивчення.

Мета дослідження – з'ясувати функціональну роль фантастичних елементів у творах Л. Пономаренко з книг «Синє яблуко для Ілонки» (2012) і «Нехворощ» (2015) через призму тенденцій розвитку сучасної української літератури.

Фантастичне начало в неоімпресіоністичних новелах письменниці зазвичай органічно поєднується з реалістичним. На сюжетному рівні найчастіше фантастичною є розв'язка, яка акцентує певний психологічний стан героя чи увиразнює його емоцію.

Наприклад, у новелі «Нічого не трапилось» розвиток незвичайних подій обумовлений потужною енергетикою слова головної героїні: «*Все почалося з того, що поза мою волею слова стали набувати змісту*» [19, с. 9].

Втілення в життя озвучених думок психологічно виснаженої жінки спричинене клубком негативних переживань, викликаних алкоголізмом чоловіка: «*І моє терпіння зносилося, я сказала з надриком: – Господи, та забери його від мене!*» [19, с. 10].

Фантастична розв'язка – повернення вбитого чоловіка додому метафорично відображає муки совісті, каяття героїні, яка звинувачує себе в його смерті: «*І тут бачу проти місяця на його потилиці глибоку рвану рану. Рубонули сокирюю. Волосся і сорочка запливли кров'ю. У мене паморочиться в голові. Він розбризкує воду, усе ще не піднімає голови. Але я знаю напевне, що повіки в нього міцно зімкнені. ВІН МЕРТВИЙ. Мовчати і далі чи волати на весь світ?»* [19, с. 13].

Завдяки фантастичній розв'язці у творі «Не кидай мене самого в полі» розкривається вражаюча сила материнської любові: «*А тут виступили мама з-за тополі і повели його на гостець лісами і горами, ріками і болотами...*» [20, с. 27]. Померла мати намагається допомогти своєму маленькому сину навіть із потойбіччя: вказує хлопчику дорогу, коли той відмовляється служити кобзарю й тікає від нього.

Фантастичне начало часто підсилює імпресіоністичну розв'язку, як, наприклад, у творах «Почують тебе сніги» і «Дві в колодязі».

У першій новелі головну героїню змусили покинути друга-інваліда його батьки. Дівчина гостро переживає цю розлуку як власну провину перед хлопцем, як зраду їхній дружбі, адже тепер вона не зможе допомагати хворому: «*Ніка оглянулася на похмурий будинок, що залишився позаду, на дуби й сосни. І тут у Нілової кімнаті стало видно, як удень. Вікно-стіна дивилося на неї з подивом і сумом. Несподівано там висвітлювало величезне Нілове обличчя* (Тут і далі виділення наше. – О. Б.). *Ніка здригнулася, скрикнула: «Дивіться!». Але ні її супутниця, ні батько нічого не помітили.*

– *Там Ніл, Ніл у вікні! Дуже великий Ніл! – закричала вона*» [19, с. 28].

Видиво, яке побачила Ніка, – відображення її гіперболізованих докорів сумління, власних підліткам-максималістам.

У новелі «Дві в колодязі» оригінально відтворено сублімацію психологічного стану жінки – власниці кафе. Героїня переживає нав'язливе почуття провини за смерть свого чоловіка, підсвідомо прагне повернути його. Мініатюрна дівчина-інвалід, яка несподівано з'являється і стає офіціанткою в кафе, не випадково дістає ім'я Половинка – це своєрідна емоційно-психологічна проекція, уособлення саморефлексії пані Логвин, її альтер его.

Очевидно, сюрреалістична прикінцева картина – уявна мандрівка в минуле, намагання повторно прожити і змінити сценарій фатального епізоду, щоб за будь-яку ціну повернути до життя померлого чоловіка. Саме тому свідомість жінки породжує сюрреалістичну візію кількох паралельних варіантів допомоги: вісім Половинок намагаються врятувати чоловіка: «*Однієї ночі вдова прокинулася від світла в саду. Вона стрепенулася, підійшла до вікна. Вікна чоловікової спальні на першому поверсі світилися. Туди ніхто не ходив з дня його смерті. Яке вона має право, чого їй треба?*

...Рвонула до себе двері кімнати. Блїмав нічник. На ліжку лежав її чоловік, а навколо поралися вісім Половинок. Намагалися стягти черевики, прикладали голови до серця, бризкали на нього водою. А одна стояла на вікні у повний зріст і тихо грала на скрипці» [20, с. 11].

Як бачимо, дії Половинок спрямовані і на фізичне, і на духовне зцілення героя, гра на скрипці – намагання гармонізувати стан хворого, подарувавши йому приємні

емоції. Ця фінальна картина метафорично відображає самоаналіз, самозвинувачення пані Логвин не лише у смерті її чоловіка, а й у духовній відчуженості від нього.

Таким чином, фантастичне начало поглиблює психологізм творів Л. Пономаренко, в яких, за влучним формулюванням О. Хоменка, відчувається «стиснений до атомістичної структури нурт психологічної напруги» [12].

П. Кононенко переконаний, що «у сфері ідейно-філософської та психологічної наповненості» [3, с. 5] яскраво проявилось новаторство письменниці.

У новелі «Кричав потяг у ніч» фантастичне начало задає вектор розвитку алегоричного сюжету: померла донька машиніста з'являється на зимовому вокзалі, обдаровуючи людей квітами: «*А дівчина й справді зайшла в зал із пахучим букетом і тикала людям у руки по гілочці квітів. Так люди з речами сказали: «Іди, відчепися, бо нам не до балошів, ще он далека дорога»* [19, с. 88].

Романтичний пафос образу дівчини в поєднанні з його готичною аурою продукує катарсисний ефект дива: «*А що було потім – то вже розказала технічка. «Стою, – каже, – вибачте, я біля туалету. Коли вилітає з вагона якась тонка постать. По-літньому вдягнена, платтячко наче з капрону. І тільки з'явилася, сніг на пероні розтанув, жасмин завітисвся...»* [19, с. 87].

Образ романтичної героїні різко контрастує з образами пересічних людей, які зациклилися на мізерній буденній суеті й забули про високе.

Гуманістична ідея набуває філософського звучання, завдяки актуалізації загальнолюдських проблем «життя і смерть», «сенса існування». У цьому контексті образ вокзалу, дороги, людей із речами набуває алегоричного значення: мандрівка потягом – алегорія життя, куди люди намагаються взяти матеріальне, забуваючи про духовні цінності.

Фінал твору – загрозлива перспектива такої прагматизації суспільства: «*І тільки на вікнах лишилися втрачені душі. Поштар їх розсипав, а мо', пасажери забули? Уранці змели їх разом з павутинням – і в урну. Вони копошились, ридали, та хто там їх слухав?»* [19, с. 89].

У новелі «Домаха і камінь» переплетення реального і фантастичного, відіграє важливу роль у розкритті психології старої жінки, симбіоз реальних подій і витворів уяви головної героїні продукує своєрідний стереоскопічний ефект, створює можливість побачити Домаху очима інших персонажів і подивитися на світ її очима.

Ключова художня деталь – **камінь, який для Домахи дуже важливий, тому що привезений на подвір'я її чоловіком, зниклим безвісти багато років тому.**

Фантастичний вимір образу каменя реалізується через персоніфікацію: камінь живе, дихає, росте, виявляє емоції. Домаха навіть чує, як б'ється його серце: «*Домаха долізла до каменя, взялася за нього руками і приклала до нього голову. Камінь жив. Углибині билосся глухо його серце – гух-гух, гух-гух. Чули б ви те могутнє серце»* [20, с. 28].

Для самотньої жінки камінь стає єдиним другом і помічником: «*Попросила: «Стань мені в помочі». Камінь почав її піднімати. І коли ті (син і невістка – уточнення наше – О.Б.) попрокидалися, вона лежала калачиком на своєму місці»* [20, с. 28].

Образ персоніфікованого каменя увиразнює не лише відторгнутість Домахи членами родини, а й страх жінки проявити свою слабкість, безпомічність, а значить, непотрібність рідним, пошуки героїнею підтримки, розуміння, співчуття.

Через цю художню деталь драматичний пафос твору набуває максимальної напруги: Домаха самотня серед найрідніших: син, невістка, внуки її не помічають і не розуміють, вони виявилися холоднішими за камінь. Жінці, окрім каменя, більше немає на кого сподіватися, ні від кого чекати любові, допомоги та співчуття.

Виникає вражаюча антитеза «камінь, який має серце, співчуває жінці – безсердечні рідні», що породжується підтекстом.

У легенді «Шептуни» фантастичні елементи збагачують ідею сакрального зв'язку людини зі своєю малою батьківщиною через актуалізацію проблеми історичної пам'яті. Як і в багатьох інших творах Л. Пономаренко, фантастичне начало оприявнюється через експлуатацію мотиву воскресіння мертвих. Знищений фашистами хутір Шептуни, де жили знахарі, у повоєнний час вирішили розорати, але загиблі його господарі – «*жінки були в білих сорочках, а чоловіки в спідньому одязі»* [20, с. 30] не дали цього зроби-

ти. Друга спроба орати на місці поховань завершилася втечею трактористів, переляканих криками й стогонами, які долинали з-під землі. Коли намагалися перенести останки шептунівців у братську могилу, з'явилася висока жінка в небесній накидці й заступила їй, ніби забороняючи це робити: знахарі навіть мертві не хотіли покидати рідний хутір.

Змальовуючи вплив на життя фантастичних подій, письменниця стверджує думку про метафізичний зв'язок різночасових реалій, неминучість спокутування гріхів предків. Про це свідчить змалювання обряду задобрювання померлих знахарів, який виник багато років потому: «...коли ідуть туди сіяти або орати, беруть із собою хлібину. Перш ніж почати роботу, зупиняються біля пагорба, кладуть на нього буханець. Дозвольте, панове господарі, побути на вашій землі...» [20, с. 30].

Шанування людиною своїх пращурів, повага до минулого тлумачиться авторкою як необхідна умова забезпечення духовного комфорту особистості, створення міцної енергетики роду.

Фантастичний образ вічного солдата із твору «Ненароджені», наснажений алюзіями на Шевченкове посланіє «І мертвим, і живим, і ненародженим...», увиразнює патріотичну ідею: захищати батьківщину повинні всі, навіть ті, хто гіпотетично з нею пов'язаний.

Невмирущість образу легендарного солдата оригінально мотивована авторкою: «Я не народився, а отже, і вбити мене неможливо. Я вічний солдат, от і все. Вічний!» [19, с. 34].

Ненароджений син на заклик свого помираючого батька-солдата стає на захист рідної землі: «Коли залишився один, закривавлений Віктор упав на коліна, здійняв до неба руки й гукнув: «Вставайте, всі живі, хто мене чує!» Перед лицем смерті світ здригається. А тут кругом вигоріло, летів попіл і сажка. І ніщо ніде не ворухнулося. Тоді він з останніх сил у розпачі гукнув: «Вставайте, вбиті, мертві й ненароджені!»

Рвонув вітер, поніс траву й гілки. Тріскалася земля, немов її рвали вулкани. Загриміло, заревло, і стали виходити із землі солдати. Воїнів було багато, батальйони, армія. Я відчув, як ломить моє тіло, як його викручує, виламує й піднімає. Розпростався і теж вишшов» [19, с. 34].

Масштабна апокаліптична візія, виписана в позачасовому вимірі, надає значущості патріотичній ідеї твору, вводить категорію любові до Батьківщини в систему вічних цінностей.

У «Ненароджених» порушується проблема гріха і спокути: фантастична поява солдата в будинку його потенційної матері – це нагадування їй про аборт як гріх перед батьківщиною через ненародженого захисника. Жінка усвідомлює, що її самотність, відсутність родини – непомірно дорога плата за цю помилку.

Імпресіоністичні візії у творах Л. Пономаренко часто набувають фантастичного змісту, віддзеркалюючи світосприйняття персонажів, стають частиною химерного художнього світу. Наприклад, в уяві героя «Земляного серця» збурені хвилі перетворюються на різних чудернацьких істот: «Аркадій Іванович сів на лавочці і прислухався. Задуднив водяний вітер. Хвилі стали підніматися вище, і він став розрізняти їхні обличчя: ця з чубчиком і веселими очима, як чортик. А та потвора скорчилася і вродила собі хвиленья, яке тут же зіп'ялося на ноги і подалося. А он скаче вар'єте: всі рівні, всі витончені, всі метляють пухнастими хвостами і задирають спідниці. Ідуть дві сумирні черниці, знеможені від постування і нападів материнства, летить на дешевому конику циганка, суне стара ковбасниця. І над усім цим гаремом дуднить вітер, вибирає собі котрусь, а котру вибере?» [20, с. 20].

Межа між реальним і уявним поступово стирається, в такий спосіб письменниця ніби готує реципієнта до входження в химерний світ свого твору.

Фантастичне начало обумовлює виникнення специфічного ракурсу бачення взаємодії людини зі світом. У химерному оповіданні «Земляне серце» в іронічному гротескному ключі змальовано взаємини чоловіка і жінки. Авторка зображує спілкування Вокзального Майстра, а пізніше – іншого героя Аркадія Івановича із «породистою, з очима полинового цвіту» [20, с. 19] Совою, яка має ще й «сороміцьку ознаку» [20, с. 19] – татуювання серпика місяця на крилах.

Роздуми Сови, її уявні картини спільного життя із коханим відтворюють логіку жіночого мислення, містять іронічні вкраплення про шкідливі побутові звички чоловіків: «Сова стелила моховий килимок, а зверху простирало водносталь, укрива-

лася сим-тим і думала, як добре, що Майстер не її чоловік, а то, чого доброго, розкидав би тут свої онучі, штани, натрусив би махорки. Здуріти можна!» [20, с. 19].

Авторка іронізує над досвідченими жінками, в яких конфліктують бажання позбутися самотності й страх впустити у своє життя іншу людину.

Стосунки героїв зображені як дружба чоловіка і жінки з далекоглядною перспективою: «...вона брала Майстра в лапи і несла до свого дупла. Він довго сидів на ганку, звисивши ноги, вив своїх злудюзьких пісень, а Сова служила службу. Їхні голови зливалися, Сова заплющувала очі і думала, як би було лепсько, якби хтось їх разом побачив: напевне, Майстрове суконне пальто пасує до її коричневої шубки, і очі в них майже однакові» [20, с. 19].

Але у сприйманні Сови взаємини з Аркадієм Івановичем презентовані як фатальне кохання: авторка з іронією говорить про жінок, які звикли видавати бажане за дійсне, гіперболізувати ситуацію: «Довго не хотіла злітати до Аркадія Івановича, але судженого й коном не об'їдеш. Стане він говорить, а її мов хто снігом обсипле» [20, с. 24].

Химерність художнього світу новели увиразнює розповідь секретарки Аркадія Івановича, яка випадково стала свідком дивовижі: «Зашуміло гілля, і величезна, як людина, птиця спустилась на лавку. За крило її тримався наш (Аркадій Іванович)» [20, с. 23].

Фантастичним ореолом огорнений епізодичний образ дружини із символічним прізвиськом Рогата Вівця. Гумористично-сатиричне забарвлення образу виражає авторське ставлення до обмеженості, недалекоглядності жінки, яка не помічає подружньої зради. Гротескності образу надають зооморфні метаморфози її зовнішності, обумовлені родовою таємницею: «...вона сиділа у вітальні біля дзеркала і роздивлялася своє лице. Воно було видовжене, з великим ротом і навацьканими очима. Вуха знов підросли і нависали з-під кучерявої перуки. О Господи! Та це ж овечі метастази моєї прабабці!» [20, с. 23].

Авторка висміює довірливість і наївність – родову ознаку представниць жіночої статі. Типова парадигма взаємин чоловіка і жінки презентована художньою моделлю, що випрозорює нюанси цих стосунків по-новому – в іронічному химерному ключі.

Отже, фантастичні елементи виконують різні функції в малій прозі Любові Пономаренко. Фантастичне начало, переплітаючись із реалістичним, сприяє витворенню специфічного художнього світу за канонами химерної прози. У новелах часто експлуатується фантастична, сюрреалістична розв'язка, яка висвітлює динаміку почуттів і переживань героїв, збагачуючи, увиразнюючи пафос та ідею твору. При цьому авторка часто експлуатує мотив воскресіння мертвих, актуалізуючи проблему гріха і спокути в особистісному й загальнолюдському вимірах. Фантастичний образ може визначати вектор розвитку сюжету, вибудовувати ідейно-змістову антитезу, надавати алегоричного звучання твору, поглиблювати його психологізм.

Імпресіоністичні картини, зазвичай, набувають фантастичного змісту, відображаючи світосприйняття, настрої, стан, саморефлексію персонажів.

Фантастичні елементи урізноманітнюють арсенал художніх прийомів і засобів, надаючи оригінальності авторському стилю.

Самобутня новелістика Любові Пономаренко відображає тенденції розвитку сучасної літератури, а тому заслуговує на пильну увагу науковців. Варто зосередитися на вивченні функцій позасюжетних елементів, художніх деталей через призму взаємодії реалістичного й фантастичного начал. Потенційно багатий предмет на вектори дослідження – інтертекстуальність новел Л. Пономаренко.

Глибинне осмислення творчого доробку цієї самобутньої письменниці сприятиме реконструкції повноформатної картини сучасного українського історико-літературного процесу.

Список використаної літератури

1. Книга «Синє яблуко для Ілонки» Любові Пономаренко: коментарі [Електронний ресурс] / Комітет з Національної премії України імені Тараса Шевченка. – Режим доступу: <http://knpu.gov.ua/content/книга-«синє-яблуко-для-ілонки»> (останнє звернення 30.04.2020).

2. Забужко О. Антологією Габора я відкрила для себе нову невідому літературу [Електронний ресурс] / О. Забужко. – Режим доступу: https://zik.ua/news/2005/09/18/oksana_zabuzhko_antologiiyeu_gabora_ya_vidkryla_dlya_sebe_novu_nevidomu_19345 (останнє звернення 30.04.2020).
3. Кононенко П. Свято душі таланту / П. Кононенко // Пономаренко Л. Портрет жінки у профіль з рушницею: Повісті, оповідання / Л. Пономаренко. – К.: Просвіта, 2005. – С. 5–9.
4. Кузьменко В. Неоімпресіоністична новелістика Любові Пономаренко: специфіка ідіостилу письменниці / В. Кузьменко // Теоретична і дидактична філологія: зб. наук. праць. – Переяслав-Хмельницький; Корсунь-Шевченківський: КСВ, 2015. – Вип. 20. – С. 65–76.
5. Мелешко В. Війна очима неоімпресіоніста: оповідання Любові Пономаренко / В. Мелешко // Рідний край. – 2016. – № 1 (34). – С. 75–77.
6. Мелешко В. Ідейно-художні доміанти збірки прози «Нехворощ» Любові Пономаренко / В. Мелешко // Рідний край. – 2016. – № 2 (35). – С. 84–87.
7. Сулима М. Made in rajcentr [Електронний ресурс] / М. Сулима // ЛітАкцент. – 2010. – 1 лютого. – Режим доступу: <http://litakcent.com/2010/02/01/made-in-rajcentr/> (останнє звернення 30.04.2020)
8. Лісан О. «Нехворощ» від доброї чаклунки [Електронний ресурс] / О. Лісан // Полтавщина. – 2016. – 22 липня. – Режим доступу: <http://poltava.to/project/1646/> (останнє звернення 30.04.2020).
9. Хоменко О. «Ласкаво просимо в пустелю реальності...» / О. Хоменко // Пономаренко Л. Ніч у кав'ярні самотніх душ / Л. Пономаренко. – Миколаїв: Іліон, 2004. – С. 3–8.
10. Юган Н.Л. Фантастика та фантасмагорія в сучасній українській драматургії (конфлікт та персонаж) / Н.Л. Юган // Вісник університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки». – 2019. – № 1 (17). – С. 202–214. DOI: 10.32342/2523-4463-2019-0-16-21.
11. Глухова Е.В. Гетеротопія усадьби в поезитке русского символизма (часть первая: Зинаида Гippiус) / Е.В. Глухова // Новый филологический вестник. – 2019. – Вып. 4 (51). – С. 178–187. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00100.
12. Zangrandi S. «The eternal shiver of mystery». The Fantastic in Grazia Deledda's / S. Zangrandi // Cuadernos de Filologia Italiana. – 2019. – Vol. 26. – P. 233–243. DOI: 10.5209/cfit.58674.
13. Pike D.L. China Mieville's Fantastic Slums and the Urban Abcanny / D.L. Pike // Science Fiction Studies. – 2019. – Vol. 46, issue 2. – P. 250–267. DOI: 10.5621/sciefictstud.46.2.0250.
14. Ceferova K. Fantastic Elements in the Modern Mozambican Fiction: Ualalapi by Ungulani Ba Ka Khosa / K. Ceferova // Etudes Romanes de Brno. – 2019. – Vol. 40. – Issue 2. – P. 79–88. DOI: 10.5817/ERB2019-2-7.
15. Vaage M.B. On Punishment and Why We Enjoy It in Fiction: Lisbeth Salander of the Millennium Trilogy and Eli in Let the Right One In as Scandinavian Avengers / M.B. Vaage // Poetics Today. – 2019. – Vol. 40, issue 3. – P. 543–557. DOI: 10.1215/03335372-7558136.
16. Paz D.A. A Face of Ondjaki' short stories: the fantastic / D.A. Paz, S.F. Fraccari // Humanidades & Inovacao. – 2019. – Vol. 6, issue 4. – P. 199–209.
17. Bizzarri G. Pop Fetishes and Transgenic Cults: Remixing the Magical-Folkloric Tradition in Global Latin-American Fantastic Fiction / G. Bizzarri // Brumal. Research Journal on the Fantastic. – 2019. – Vol. 7, issue 1. – P. 209–229. DOI: 10.5565/rev/brumal.561.
18. Vigato T. Fantastic Motifs Portrayed by Puppets in the Zadar Puppet Theatre / T. Vigato // Anafora. – 2018. – Vol. 5, issue 2. – P. 261–274. DOI: 10.29162/ANAFORA.v5i2.1.
19. Пономаренко Л. Нехворощ: новели та повісті / Л. Пономаренко. – Полтава: Дивосвіт, 2015. – 192 с.
20. Пономаренко Л. Сине яблуко для Ілонки: новели та повість [Електронний ресурс] / Л. Пономаренко. – Режим доступу: <https://www.rulit.me/books/sine-yabluko-dlya-ilonki-noveli-ta-povist-read-289551-20.html> (останнє звернення 30.04.2020).
21. Хоменко О. Чиста мова людей і яблук [Електронний ресурс] / О. Хоменко // Літературна газета. – 2013. – 4 березня. – Вип. 3 (87). – Режим доступу: <http://litgazeta.com.ua/articles/chysta-mova-lyudej-i-yabluk/> (останнє звернення 30.04.2020).

FANTASTIC ELEMENTS IN THE SMALL PROSE BY LYUBOV PONOMARENKO

Olena F. Buriak, Central Ukrainian State Pedagogical University named after Volodymyr Vynnychenko (Ukraine).

E-mail: of.buriak@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-11

Key words: *a fantastic element, a novel, psychology, surrealism, impressionism.*

The article covers the functions of fantastic elements in the small prose of modern Ukrainian writer Lyubov Ponomarenko on the material of the books “Blue Apple for Ilonka” (2012) and “Nehvoroshch” (2015). One of the defining features of the author’s style is the writer’s active use in her works of fantastic elements that perform various functions: actualize certain problems, enrich the idea and visualize the images of the heroes. The fantastic decomposition is often exploited at the plot level that reveals the psychological state, mood, feeling, perception of the hero: a reproach to the conscience of a woman who accuses herself of the death of her husband who was cursed by her (“Nothing has Happened”), the self-confidence of mother’s love, who after death cares about her son (“Do not Throw Me in the Field”), loneliness and helplessness of an old woman, despised by his own son and grandchildren (“Domaha and a Stone”). A fantastic beginning can be produced by an impressionistic solution, reflecting the inner drama of the characters: the girl is going through a forced separation with her friend, an invalid, as a blame, a betrayal, and because of this, Nika sees an unnaturally big figure of the guy in the window (“Snow will Hear You”); an obsessive sense of guilt for the death of a person causes the emergence of a surrealistic picture-an imaginary return of the main hero in time, to return a beloved to life in any way, so Mrs Logvin’s consciousness, embodied in the allegorical images of the eight halves-girls with disabilities, plays several parallel help scenarios (“Two in the Well”). The fantastic gothic-romantic image of the dead girl who gives flowers at the winter station, sets the vector of the plot in the novel “Shouted the Train to Night”, actualizing the idea of condemning a pragmatic society. The interaction of the real and the fantastic determines the course of events in the work “The Earth’s Heart”: the tiredness of the hero for the unusual, which is absorbed by the routine, makes him communicate Owl with. Fantastic elements produce the original sound of the traditional patriotic idea (“Whispers”, “Unborn”).

So, the fantastic elements perform different functions in the small prose of Lyubov Ponomarenko. A fantastic beginning, intertwining with the realistic, contributes to the production of a specific artistic world according to the canons of bizarre prose. There are often exploit a fantastic, surrealistic, enriching solution in the novels that embodies the idea of work. And doing this, the author often exploits the motive of resurrecting the dead, actualizing the problem of sin and redemption in a personal and universal dimension. Impressionist paintings in novels usually take on a fantastic dimension, reflecting the mood, psychological state, experiences, and self-reflection of the characters. Thus, fantastic elements play an important role in the works by L. Ponomarenko, diversify the arsenal of artistic techniques and tools, giving an originality to the author’s style.

References

1. *Knyha “Synie yabluko dlia Ilonky” Liubovi Ponomarenko: komentari* [The book “The Blue Apple for Ilona” by Lyubov Ponomarenko: Comments]. Available at: <http://knpu.gov.ua/content/книга-«синє-яблуко-для-ілонки»> (accessed 30 April 2020).
2. Zabuzhko, O. *Antolohiieiu Habora ya vidkryla dlia sebe novu nevidomu literaturu* [Through the anthology of Gabor, I discovered new unknown literature for myself]. Available at: https://zik.ua/news/2005/09/18/oksana_zabuzhko_antolohiieyu_gabora_za_vidkryla_dlya_sebe_novu_nevidomu_19345 (accessed 30 April 2020).
3. Kononenko, P. *Sviato dushi j talantu* [A Holiday of Soul and Talent]. *Ponomarenko, L. Portret zhinky u profil’ z rushnytsiei: povisti, opovidannia* [The Portrait of a Woman in Profile with a Gun: Tales, stories]. Kyiv, Prosvita Publ., 2005, pp. 5-9.
4. Kuz’menko, V. (2015). *Neoimpresionistychna novelistyka Liubovi Ponomarenko: spetsyfika idylylic Style*. *Teoretichna i dydaktychna filolohiia: Zbirnyk naukovykh prats’* [Theoretical and didactic philology: Collection of scientific works]. Pereiaslav-Khmel’nyts’kyj; Korsun’-Shevchenkivs’kyj, KSV Publ., 2015, issue 20, pp. 65-76.
5. Meleshko, V. *Vijna ochyma neoimpresionista: opovidannia Liubovi Ponomarenko* [The War through the Eyes of a Neo-Impressionist: Stories by Lyubov Ponomarenko]. *Ridnyj kraj* [The native land], 2016, no. 1 (34), pp. 75-77.

6. Meleshko, V. *Idejno-khudozhni dominanty zbirky prozy "Nekhvorosch" Liubovi Ponomarenko* [Ideological and Artistic Dominants of the Collection of Prose "Nekhvorosch" by Lyubov Ponomarenko]. *Ridnyj kraj* [The native land], 2016, no. 2 (35), pp. 84-87.
7. Sulyma, M. *Made in rajcentr* [Made in region center]. *LitAksent* [Literary Accent], 2010, 1 February. Available at: <http://litakcent.com/2010/02/01/made-in-rajcentr/> (accessed 30 April 2020).
8. Lisan, O. *"Nekhvorosch" vid dobroj chaklunky* ["Nekhvorosch" from a Good Witch]. *Poltavschnyna* [Poltava], 2016, 22 July. Available at: <http://poltava.to/project/1646/> (accessed 30 April 2020).
9. Khomenko, O. *"Laskavo prosymo v pusteliu real'nosti..."* ["Welcome to the Desert of Reality ..."]. Ponomarenko, L. *Nich u kav'iarni samotnikh dush* [The Night in the Cafe of Lonely Souls]. Mykolaiv, Iliion Publ., 2004, pp. 3-8.
10. Yugan, N.L. *Fantastyka ta fantasmahoriia v suchasnij ukrains'kij dramaturhii (konflikt ta personazh)* [Fantasy and fantasmagory in the modern Ukrainian dramaturgy (conflict and character)]. *Visnyk universytetu imeni Al'freda Nobelia. Seriya «Filolohichni nauky»* [Bulletin of Alfred Nobel University. Series "Philology"], 2019, no. 1 (17), pp. 202-214. DOI: 10.32342/2523-4463-2019-0-16-21.
11. Hlukhova, E.V. *Heterotopyia usad'by v poetyke ruskoho symvolizmu (chast' pervaia: Zynayda Hippyus)* [Heterotopy of the Country Estate in the Poetics of Russian Symbolism (Part 1: Zinaida Hippus)]. *Novyj fylolohycheskyj vestnyk* [New Philological Bulletin], 2019, issue 4 (51). pp. 178-187. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00100.
12. Zangrandi, S. "The eternal shiver of mystery". *The Fantastic in Grazia Deledda's. Cuadernos de Filologia Italiana*, 2019, vol. 26, pp. 233-243. DOI: 10.5209/cfit.58674.
13. Pike, D.L. China Mieville's Fantastic Slums and the Urban Abcanny. *Science Fiction Studies*, 2019, vol. 46, part 2, pp. 250-267. DOI: 10.5621/sciefictstud.46.2.0250.
14. Ceferova, K. Fantastic Elements in the Modern Mozambican Fiction: Ualalapi by Ungulani Ba Ka Khosa. *Etudes Romanes de Brno*, 2019, vol. 40, issue 2, pp. 79-88. DOI: 10.5817/ERB2019-2-7.
15. Vaage, M.B. On Punishment and Why We Enjoy It in Fiction: Lisbeth Salander of the Millennium Trilogy and Eli in Let the Right One In as Scandinavian Avengers. *Poetics Today*, 2019, vol. 40, issue 3, pp. 543-557. DOI: 10.1215/03335372-7558136.
16. Paz, D.A., Fraccari, S.F. A Face of Ondjaki' short stories: the fantastic. *Humanidades & Inovacao*, 2019, vol. 6, issue 4, pp. 199-209.
17. Bizzarri, G. Pop Fetishes and Transgenic Cults: Remixing the Magical-Folkloric Tradition in Global Latin-American Fantastic Fiction. *Brumal. Research Journal on the Fantastic*, 2019, vol. 7, issue 1. pp. 209-229. DOI: 10.5565/rev/brumal.561.
18. Vigato, T. Fantastic Motifs Portrayed by Puppets in the Zadar Puppet Theatre. *Anafora*, 2018, vol. 5, issue 2, pp. 261-274. DOI: 10.29162/ANAFORA.v5i2.1.
19. Ponomarenko, L. *Nekhvorosch: novely ta povist'* [Nekhvorosch: Novels and Tales]. Poltava, Dyvosvit Publ., 2015, 192 p.
20. Ponomarenko, L. *Synie iabluko dlia Ilonky: novely ta povist'* [The Blue Apple for Ilona: Novels and Tale]. Available at: <https://www.rulit.me/books/sine-yabluko-dlya-ilonki-noveli-ta-povist-read-289551-20.html> (accessed 30 April 2020).
21. Khomenko, O. *Chysta mova liudej i iabluk* [Pure language of people and apples]. *Literaturna hazeta* [Literary Journal], 2013, issue 3 (87). Available at: <http://litgazeta.com.ua/articles/chysta-mova-lyudej-i-yabluk/> (accessed 30 April 2020).

Одержано 19.12.2019.

УДК 83.3

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-12

Е.М. ГАРАШЕВА,
*кандидат філологічних наук,
преподаватель кафедри англійського мови
гуманитарних факультетів
Бакинського державного університету (Азербайджан)*

ГОТИЧЕСКИЙ РОМАН В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII–XIX вв.

В конце XVI – начале XVIII вв. шел процесс расширения Британской империи, вследствие чего английский язык, англоязычная литература начали распространяться по всему миру. Возникший во второй половине XVIII в. жанр готических романов в Соединенном Королевстве отличался своей неповторимостью и уникальным характером. В статье дается краткий обзор особенностей готического романа, а также жизни и творчества Мэри Шелли, Анны Радклиф, Мэтью Григория Льюиса и Джейн Остин, которые внесли свой вклад в развитие жанра готического романа в английской литературе XVIII–XIX вв. Готический роман, появившийся в английской литературе в конце XVIII – начале XIX вв., оказал влияние на произведения выдающихся писателей всех последующих периодов. Описание сверхъестественных существ, таинственных приключений, фантастика и мистические элементы в готическом романе наполняли читателя ужасом и страхом. Жанр готического романа, известный в некоторых источниках как «черный роман», широко развит, прежде всего, в английской литературе. Готические романы играют важную роль не только в английской, но и в мировой литературе. Они оказали значительное влияние на дальнейшее развитие многих литературных направлений, как в Европе, так и в других частях света. Возникновение этого жанра связано с особенностями развития английского общества XVIII в., социально-экономической и духовной жизнью, культурными ценностями и самосознанием людей, живших в этом обществе. Кроме того, изображение необычных событий и явлений, чувств героев является также отражением восприятия обществом новых направлений в капиталистическом развитии Англии. Речь идет о научных открытиях и промышленном развитии на их основе.

Ключевые слова: английская литература, жанр готического романа, Мэри Шелли, Анна Радклиф, Мэтью Грегор Льюис, Джейн Остин.

Наприкінці XVI – на початку XVIII ст. відбувався процес розширення Британської імперії, внаслідок чого англійська мова, англомова література почали поширюватися по всьому світу. Жанр готичних романів у Сполученому Королівстві, що виник у другій половині XVIII ст., відрізнявся своєю неповторністю і унікальним характером. У статті подано короткий огляд особливостей готичного роману, а також життя і творчості Мері Шеллі, Анни Радкліф, Метью Григорія Льюїса і Джейн Остин, які зробили свій внесок у розвиток жанру готичного роману в англійській літературі XVIII–XIX ст. Готичний роман, що з'явився в англійській літературі наприкінці XVII – на початку XIX ст., вплинув на твори видатних письменників усіх наступних періодів. Описи надприродних істот, таємничих пригод, фантастика і містичні елементи в готичному романі викликали в читача жах і страх. Жанр готичного роману, відомий в деяких джерелах як «чорний роман», широко розвинутий, перш за все, в англійській літературі. Готичні романи відіграють важливу роль не тільки в англійській, а й у світовій літературі. Вони мали значний вплив на подальший розвиток багатьох літературних напрямів як в Європі, так і в інших частинах світу. Виникнення цього жанру пов'язане з особливостями розвитку англійського суспільства XVIII ст., соціально-економічним і духовним життям, культурними цінностями

і самосвідомістю людей, що жили в цьому суспільстві. Крім того, зображення незвичайних подій і явищ, почуттів героїв є також відображенням сприйняття суспільством нових напрямів у капіталістичному розвитку Англії. Йдеться про наукові відкриття та промисловий розвиток на їх основі.

Ключові слова: англійська література, жанр готичного роману, Мері Шеллі, Анна Радкліф, Метью Грегор Льюїс, Джейн Остін.

Название готического романа происходит от стиля готической архитектуры, поскольку местом событий в этих типах романов часто были старые готические крепости. В XVIII–XIX вв. готический роман был одним из самых читаемых произведений в Англии и континентальной Европе. В целом считается, что английская литература занимает лидирующее положение в мировой литературе: «...английская литература является самой молодой литературой в Европе, но вместе с тем стала одной из ведущих литератур современного мира» [1, с. 5].

Готический роман появился в Великобритании во второй половине XVIII в. Писатели в этот период предпочитали писать произведения о сверхъестественных и странных событиях. В 1764 г. жанр готического романа появился в качестве романа английского писателя Хораса Уолпола «Замок Отранто» («Castle of Otranto»). Хорас Уолпол, основатель жанра готического романа, поведал читателям о событиях в период первого крестового похода мифическим и загадочным способом. Роман «Замок Отранто», опубликованный автором анонимно, оказал влияние на становление жанра готической литературы. Этот роман, содержащий элементы ужасов, основан на семейной драме. По мнению некоторых исследователей, «Замок Отранто» является, скорее, экспериментальным романом [2, с. 16]. Среди известных представителей жанра готического романа обычно называют Хораса Уолпола, Клару Рив, Анну Летицию Барбальд, Мэри Шелли, Марджори Буэн, Анну Радкліф, Мэтью Грегори Льюиса, Эрнста Теодора Амадея Хоффмана, Чарльза Мэтьюрина, Уильяма Бекфорда, Джейн Остин, Томаса Лав Пикока, Лорда Балвер-Литтона и др. [3].

Как видно, в английской литературе жанр готического романа развился в XVIII в. На жанр готического романа также повлияли изменения в литературе во времена Просвещения. Произведения, в которых говорилось о сверхъестественных событиях, стали объектом критики [4, с. 319]. В XVIII в. идея рациональности нашла свое отражение и в готических произведениях. Наиболее впечатляющим примером этого является роман «Франкенштейн, или Современный Прометей», написанный знаменитой английской писательницей Мэри Шелли в 1818 г. [5, с. 3]. Герой романа Виктор Франкенштейн – химик, занимающийся научной деятельностью. Вместо сверхъестественных существ, присущих готическим романам, Мэри Шелли использует в произведении возможности научных открытий. Роман «Франкенштейн, или Современный Прометей», о котором некоторые исследователи упоминают в эпистолярной литературе, содержит элементы готического романа и романтики [6]. В то же время здесь отражены также и элементы жанра научной фантастики. Роман «Франкенштейн, или современный Прометей», занимающий большое место в творчестве автора, был опубликован анонимно в 1818 г. [5, с. 3].

Готический жанр появляется в литературе на фоне страхов. Ужас, присутствующий в жанре готического романа, сопровождается фантастическими историями и иногда неординарными событиями. Герои готических романов часто страдают от глубокого чувства одиночества и пессимизма, пережитого горя. Страхи героев этих романов передаются читателю через художественные средства. Часто эти чувства проявляются на фоне мистических событий. В то же время психологические и физиологические проблемы являются одной из главных особенностей готического романа [7]. В произведениях готического жанра в английской литературе XVIII–XIX вв. более заметно влияние романтического направления литературы [7]. Вместе с тем некоторые готические произведения составляют исключение. В современном литературоведении влияние готического романа на литературные процессы подвергается критике [7].

В готических произведениях пространство, где происходят события, является таким же важным, как сюжет и герои произведения. С этой точки зрения местами, в которых происходят события готической литературы, обычно являются старые крепости, монастыри и

замки. Кривые коридоры, холодные и мрачные темницы играют важную роль в этих произведениях. В готических романах события происходят в атмосфере тайн и сомнений. Автор произведения изображает сверхъестественные картины, которые вызывают у читателя ощущение таинственности или страха. Зачастую трудно объяснить основу этих необычных событий. Чувства героев в готических романах передаются читателю в бесконтрольном состоянии [8].

В произведении невозможно управлять желаниями и страстями героев. Погруженные в свой эмоциональный мир герои подвержены глубокой депрессии, горечи и ревности. В готических романах любовные противоречия развиваются под покровом тайны. Авторы любят изображать женщин в расстроеном, печальном состоянии. Женские персонажи часто теряют сознание, кричат, плачут и сталкиваются с неприятными ситуациями. Женские персонажи часто становятся жертвами принудительного брака и сексуального насилия. Другой неизбежной особенностью в готической литературе является образ человека-тирана, будь то отец, король, муж или опекун [8].

Среди писателей, которые писали готические романы в английской литературе XVIII–XIX вв., прежде всего, следует упомянуть Мэри Шелли. Мэри Уолстонкрафт Годвин Шелли, родившаяся в Лондоне 30 августа 1797 г. в интеллигентной семье, в раннем возрасте теряет мать. Благодаря отцу, философу и журналисту Уильяму Годвину, известному своими либеральными и атеистическими взглядами, Мэри получила превосходное образование [9, с. 27].

Несмотря на короткий срок жизни, Мэри Шелли сумела своим творчеством занять почетное место в английской литературе. Одним из наиболее ярких примеров готической литературы Перси Баш Шелли являются произведения «Zastroŕci» и «St Irvin», опубликованные в 1810 г. [10, с. 290]. Все это оказало сильное влияние на творчество Мэри Шелли, которая одновременно занималась философией и искусством. Знаменитый английский поэт Джордж Гордон Ноэль Байрон, другие писатели и поэты также находились под влиянием романа «Франкенштейн или современный Прометей», который является шедевром творчества Мэри Шелли [11, с. 4].

В среде, где выросла Мэри Шелли, был большой интерес к литературе и философии. Мэри, которая провела большую часть своего детства, читая и сочиняя небольшие рассказы, не случайно влюбилась в знаменитого английского поэта Перси Биш Шелли. Пара некоторое время жила в Женеве из-за того, что ее отец отказывался дать согласие на брак [12, с. 5]. Летом 1816 г. Мэри, находясь в Женеве, увидела сон о Франкенштейне. Мэри начинает записывать этот сон под влиянием лорда Байрона и своего мужа. Мэри хотела написать небольшую новеллу, но в конечном итоге получился целый роман. После заключения брака в 1816 г. они осели в Италии. Мэри Шелли, наряду с «Франкенштейном, или Современным Прометеем», является также автором таких произведений, как «Матильда» (1819), «Жизнь и приключения Вальперги или Каструччиона, принца Люка» (1823), «Последний человек», «Счастье Перкина Ворбекина» (1830), «Лодор» (1835) и «Фолькнер» (1837) [13].

В романе «Франкенштейн, или Современный Прометей» видно влияние промышленной революции в Англии. В романе Виктор Франкенштейн хочет создать из неодушевленной субстанции одушевленное существо. «Мои неприятности успешно закончились печальной ноябрьской ночью. Со страстью, подобной пытке, я собрал вокруг себя необходимые материалы, чтобы дать жизнь безжизненному существу, растянувшемуся у меня под ногами» [14, с. 104].

Наконец, появляется сам Франкенштейн в существе, которое является пугающим. Роман не детализирует способ, которым Франкенштейн создал чудовище, все эти моменты остаются темными для читателя. Речь идет о том, что нельзя вмешиваться в дела Бога. Виктор Франкенштейн создает из разных частей покойников с помощью определенных химических веществ и материалов, названия которых автор не приводит, живое существо. Ученый оживляет созданные трупы и не знает, что с ними делать [15].

В то же время само существо тоже не знает, что делать, и начинает мстить своему создателю. Основной целью эксперимента Виктора Франкенштейна было возродить мертвую, неподвижную материю. Франкенштейн считал, что это открытие позволит ему побе-

дить смерть. Некоторые исследователи, которые изучают творчество Мэри Шелли, подчеркивают близость ее работ к научной фантастике. В целом творения Мэри Шелли, в особенности «Франкенштейн, или Современный Прометей», содержат элементы готического романа [15].

Роль Анны Радклиф в модификации готического романа как жанра огромна. Знаменитая английская писательница родилась 9 июля 1764 г. в Холборне. В возрасте 22 лет вышла замуж за журналиста Уильяма Радклифа и получила фамилию Радклиф. Поскольку у пары не было детей, Анна начинает заниматься художественной литературой, чтобы избежать депрессии и занять свободное время [16].

Основными чертами прозы А. Радклиф являются определенные ужасающие сцены, неожиданные события и впечатляющие литературные сцены, которые могут напугать читателя. В связи с этим в романах Радклиф изображены покинутые гробницы, духи, ночные кошмары, злодеи, молнии и т. д. На многие произведения Радклиф повлиял сентиментальный жанр, что способствовало популяризации ее романов. В первой четверти XIX в. романы Радклиф имели большой успех не только в Англии, но и во всей Европе. Вообще готический жанр стал популярным в английской литературе уже в XIX в. [16].

Творения Анны Радклиф отличались от произведений других писателей своей самобытностью. «Готический жанр, который является самым популярным жанром того времени, воплощен в произведениях многих авторов того времени. Эти романы, наполненные загадками, ужасами и сверхъестественными событиями, часто приводили к тому, что авторы выходили за рамки изображения ужаса, переходили на уровень мифов и фантастики. Творчество Мэри Шелли, Мэтью Грегори Льюис и других писателей свидетельствуют об этом. Однако, в отличие от других готических романов, в трудах Анны Радклиф пугающие факты постепенно раскрываются через логическую цепь событий. Другими словами, кажется, что то, что кажется неповторимым и тайной, основано на вполне здравомысленной причине» [18].

Среди романов, написанных Анной Радклиф, выделяются «Сицилийская романтика» (1790), «Роман в лесу» (1791), «Тайны Удольфского замка» (1794), «Итальянец, или Исповедальня кающихся, одетых в чёрное» (1797), «Гастон де Блондвиль» (1826). Только одна из работ Радклиф, роман «Гастон де Блондвиль», была опубликована после смерти автора. Начиная с 1920-х гг., исследователи стали анализировать творчество Анны Радклиф. Поэтика романов Радклиф тесно связана с различными сферами искусства, то есть живописи, архитектуры и музыки. Стилистические особенности романов Радклиф, отражают в себе, наряду с особенностями творческого воображения писателя, также и влияние творческих открытий в изобразительном искусстве [19].

В произведениях Анны Радклиф отражен синтез традиций просвещения и ранней романтики. Несмотря на богатство внутреннего мира персонажей романов Радклиф и правдоподобность сюжетов, в ее творчестве преобладают готические элементы. Творчество Анны Радклиф происходит в период перехода от просвительства к романтизму. Готические романы Радклиф ставят под сомнение идеалы и моральные ценности, которые составляют основу английского общества. Наиболее ярко элементы готического романа просматриваются в ее трех работах – «Роман в лесу» (1791), «Удольфские тайны» (1794) и «Итальянец» (1797) [20; 17].

Три тома «Романа в лесу» Анной Радклиф были впервые опубликованы в 1791 г. События в романе происходят во Франции в конце XVII в. Пьер де ла Мотт, ранее живший в Париже в роскоши и богатстве, вынужден был бежать от своих кредиторов. Пьер, его жена и прислуга отправляются на поиски убежища. Их сын Льюис не может присоединиться к ним, потому что служит в полку. Семья проходит через пустые места, чтобы не попасть в руки властей. Когда они идут по лесу, их карета ломается, и они остаются одни в большом лесу. Следующие события происходят именно в этом лесу [21, с. 85].

«Роман в лесу» отражает противоречия между гедонизмом и моралью, а события в романе свершаются в атмосфере таинственности и сомнений. Богатые готические декорации в романе были созданы для привлечения интереса читателя к сюжету. Сюжет романа «Роман в лесу» довольно сложный, с драматическими событиями, происходящими последовательно и поэтапно, и течение событий часто подвержено изменениям [21].

Роман «Удольфские тайны», впервые опубликованный 8 мая 1794 г., принес писательнице большую известность. За рукопись работы Анне Радклиф издательство «Г.Г. и Дж. Робинсон» в Лондоне заплатили 500 фунтов стерлингов. Эта четырехтомная работа – наглядный образец готического романа. Мистические, таинственные и необъяснимые события в романе «Удольфские тайны» происходят в старинном замке. Роман, который содержит как физические, так и психологические страхи, является образцом классической готической литературы. В романе отражены все характерные черты готических романов – разбросанные в отдаленных местах замки, сверхъестественные события, мошенники и хитроумные злодеи. События происходят в 1584 г. на юге Франции и на севере Италии. Радклиф описывает Пиренеи и Апеннинский полуостров, а также экзотические пейзажи в Венеции [22].

Главная героиня «Удольфских тайн» – молодая француженка, которая осиротела после смерти отца. Эмилия Сен-Обер – единственный ребенок бедного крестьянина из Гасконской провинции на юге Франции. Эмилия и ее отец живут вместе после смерти ее матери. Они путешествуют по своей родной Гасконии в Пиренеях, наслаждаются видами на горы на побережье Средиземного моря. Во время поездки они встречают красивого молодого человека по имени Валанкорт. Эмилия и Валанкорт влюбляются друг в друга. Отец Эмилии умирает после продолжительной болезни, и осиротевшая Эмилия вынуждена жить с мадам Черон (позже мадам Монтони). Тетя Эмилии замужем за знатным человеком по фамилии Монтони из Италии. Его друг Конт Морано влюбляется в Эмилию и пытается заставить ее выйти за себя замуж. Монтони приводит Эмилию и ее тетю в Удольфский замок, расположенный в отдаленном месте. Эмилия боится потерять Валанкурта. Морано находит Эмилию и тайно пытается забрать ее из замка Удольфо. Эмилия отказывается бежать с Морано, потому что она влюблена в Валанкурта. В Удольфском замке происходят страшные, но случайные события, но Эмилия смогла сбежать из замка с помощью Дюпон, Аннет и Людовика, заключенных в тюрьму в Удольфо. Когда она узнает, что Валанкорт едет в Париж, Эмилия находит своего возлюбленного и начинает с ним встречаться [22].

Стоит отметить, что трехтомный роман Анны Радклиф «Итальянец» является отличным образцом готического романа. Эта работа, опубликованная в 1797 г. под названием «Итальянец, или Исповедаляня кающихся, облаченных в черное», была написана на основе сентиментальных чувств. Роман «Итальянец» (1797) был последним из романов Анны Радклиф. За него ей заплатили 800 фунтов, и многие исследователи считают этот роман ее лучшей работой» [23, с. 4]. История написана в 1764 г. от лица английского туриста, посетившего достопримечательности Неаполя. Винсентио Вивальди, молодой дворянин из Неаполя, влюбляется в молодую девушку по имени Эллен ди Розальба. Однако родители против их любви. Монах, известный своим необычным поведением, неоднократно предупреждает об опасностях, угрожающих ему, если он продолжит посещать виллу, где живет его возлюбленная. Винсентио игнорирует советы монаха. По приказу Вивальди Эллен похищают и доставляют в отдаленный монастырь в Сан-Стефано, где она сталкивается с выбором – стать монахиней или выйти замуж за кого-то другого [23].

Эллен отвергает оба варианта. Винсентио находит ее и предлагает сбежать из монастыря. Винсентио решает жениться, несмотря на возражения родителей, но церемония прерывается слугами инквизиции, арестовывая их обоих и доставляя их в разные места заключения. Позже выяснилось, что арест был по делу Шердони, который хотел отомстить за оскорбление Винсентио. Шердони обвиняет Винсентио в ереси и отводит Эллен в дом в Калабрии, чтобы ее там убить. Но в последний момент Шердони видит медальон с ее портретом на шее жертвы и понимает, что Эллен – его дочь. Шердони признается в правде таинственному монаху. После всех этих событий Шердони совершает самоубийство, а Винсентио и Эллен женятся. События в романе происходят в основном в монастыре Сан-Стефано, и здесь выражены все характерные черты готических романов [23].

Среди самых ярких представителей готической литературы XVIII–XIX вв. следует отметить Мэтью Грегори Льюиса. Мэтью Грегори Льюис родился 9 июля 1775 г. в Лондоне в известной и богатой семье. Мэтью Льюис, первый ребенок четы Уильяма Льюиса и Джейн Грегори, хорошо учился. Его родители предсказывали, что Мэтью сделает дипломатическую карьеру, поскольку он много внимания уделял изучению иностранных языков. В 1792 г. Мэтью Льюис отправился в Германию собирать фольклор. Здесь Мэтью встречает

ся с видными деятелями немецкой культуры и литературы. В 1794 г. Мэтью был назначен атташе Гааги. «Льюис видел в Гааге скучное место и не любил голландских граждан» [24]. Однако, несмотря на все это, он начал работать в Нидерландах и написал в Гааге свой первый роман «Монах». Роман был написан Мэтью всего за 10 недель возрасте 19 лет. Роман была впервые опубликован анонимно в 1796 г. С тех пор автором он был несколько раз переработан [17].

Мэтью, который был близко знаком с Байроном, Скоттом и Шелли, написал это произведение в жанре готического романа. Перевод романа «Монах» на французский язык вызвал сенсацию в континентальной Европе. Здесь католическая церковь является главным объектом критики. Главный герой произведения – испанский монах Амброзио, которому почти 30 лет, и он очень набожный. Амброзио, страстно влюбленный в своего товарища (переодетую женщину Матильду), убивает жертву изнасилования Антонию с помощью Матильды. Антония, только что прибывшая в Мадрид, собирается послушать проповеди знаменитого монаха Амброзио. Здесь она встретила Лоренцо, который влюбился в нее. В романе есть две основные сюжетные линии: одна – связана с монахом Амброзио, а другая – линия Лоренцо. Амброзио, который хочет сорвать и подарить цветок Матильде, кусает змея, и он смертельно заболевает. Матильда заботится о нем. Матильда теперь сама смертельно больна из-за раны Амброзио, которую она очистила от яда. Перед смертью Матильда умоляет его полюбить ее. В страхе Амброзио убивает Эльвиру и приходит в ужас, поскольку он стал убийцей. В конце Амброзио попадает в руки инквизиции. В романе «Монах» затрагиваются такие запретные темы, как черная магия, сатанизм, трансвестизм, сексуальное насилие, инцест и т. д. Также здесь освещаются проблемы сексуальной распущенности [17].

Произведения известной английской писательницы Джейн Остин, созданные в XVIII–XIX вв., являются ярким примером готического жанра. Джейн Остин родилась 16 декабря 1775 г. в приходе Стивенсон. Отец Джейн, Джордж Остин (1731–1805), был настоятелем англиканской церкви в Оксфорде [24, с. 2].

Творческое наследие Джейн Остин включает в себя произведения «Разум и чувства» (1811), «Гордость и предубеждение» (1813), «Мэнсфилд Парк» (1814), «Эмма» (1815), «Нортенгерское аббатство» (1818), «Доводы рассудка» (1818) и «Леди Сьюзан» (1871). Три последние работы были опубликованы после смерти Джейн Остин. Исследователи справедливо относят роман «Нортенгерское аббатство» к жанру готического романа. Кэтрин Морланд, главная героиня романа, является преданным, верным и романтическим человеком. Кэтрин основное внимание уделяет чтению готических романов, в частности «Удольфских тайн» Анны Радклиф. Посещая Нортенгерское аббатство, Кэтрин представляет себя героем готического произведения. Характер Кэтрин формируется на протяжении всего романа, и она становится способна оценить истинную суть окружающих [17, с. 3].

Большинство персонажей этого романа оценивают себя по достатку. С этой целью они стремятся к наживе. Генерал Тильни – самый алчный герой в романе. Генерал Тильни посвятил свою жизнь увеличению своего богатства и стремлению к материальному превосходству над своими состоятельными сверстниками. В романе Остин подчеркивает экономическую важность брака, потому что брак в Англии в XVIII в. был в значительной степени основан на экономических соображениях. Представленный в работе образ Изабеллы также интересен. Желая найти богатого мужа, Изабелла использует различные средства для достижения своей цели. Но Кэтрин Морланд, которая находится под влиянием готических романов, в отличие от Изабеллы, скептически относится ко всем событиям в Нортенгерском аббатстве, однако рассказ Генри об этом аббатстве привлекает ее внимание. Кэтрин, расчищая секретные комнаты и запертые ящики в аббатстве, ищет злодея в каждом углу. Этот роман, написанный в готическом жанре, сочетает в себе жанры любовного и сатирического произведений [17, с. 3].

Впоследствии интерес к готическим романам не уменьшился, и началось исследование влияния готических романов на последующие литературные процессы, на английский язык [25–33]. В настоящее время публикуются и экранизируются многие работы этого жанра. Готические романы, которые занимают особое место в английской литературе, оказали большое влияние на мировую литературу. Изучение и продвижение готических романов в различных аспектах мировой литературы актуальны и сегодня.

Список использованной литературы

1. Антология английской литературы: в 2 т. / под ред. З. Агаева. – Баку: Шарг-Герб, 2009. – Т. 1. – 704 с.
2. Антонов С. *У истоков готической прозы*. Клара Рив и её роман «Старый английский барон» / С. Антонов. – М.: Наука, 2002. – 282 с.
3. Астра Р. Готическая литература [Электронный ресурс] / Р. Астра. – Режим доступа: <https://astra-ra.livejournal.com/17422.html> (последнее обращение 02.04.2020).
4. Пушкина А.А. Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре / А.А. Пушкина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. – С. 319–330.
5. Shelley M. *Frankenstein; or The Modern Prometheus* / M. Shelley. – New York: Pearson Longman, 2007. – 352 p.
6. Дьяконова Н. Английский романтизм: проблемы эстетики / Н. Дьяконова. – М.: Наука, 1978. – 209 с.
7. Скобелева Е.В. Традиция «готического» романа в английской литературе XIX и XX веков: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Скобелева. – М.: 2008. – 197 с.
8. Нацпок Б.Р. Английский готический роман: к вопросу об истории и поэтике жанра / Б.Р. Нацпок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 10. – С. 139–144.
9. Пинкер С. Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / С. Пинкер. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2018. – 940 p.
10. Первушина Е.В. Мифы и правда о женщинах / Е.В. Первушина. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 416 с.
11. Lackington H. An 1818 Review of Frankenstein from The Morning Chronicle (London) [Электронный ресурс] / H. Lackington. – Режим доступа: <http://grasso4543.blogspot.com/2010/03/1818-review-of-frankenstein-from.html> (последнее обращение 02.04.2020).
12. Аничков Е. Шелли, Перси Биши / Е. Аничков. – М.: Public Doman, 2012. – 358 с.
13. *Mary Shelley's Literary Lives and Other Writings: in 4 vol.* / ed. by Nora Crook. – London: Pickering & Chatto, 2002. – Vol. 1. – 1912 p.
14. Shelley M. *Frankenstein (Modern Prometheus)*. Roman / M. Shelley. – Istanbul: Çeviren. Duygu Akin, 2012. – 435 p.
15. Рэдклифф А. Тайны Удольфского замка / А. Рэдклифф. – М.: АМЕХ, 2003. – 576 с.
16. Скотт В. О «Замке Отранто» Уолпола / В. Скотт // Влюбленный дьявол / под ред. В. Жарикова. – Минск: МОКА-имидж, 1992. – С. 181–196.
17. *Остен Дж. Нортенгерское аббатство / Дж. Остен*. – М.: АСТ, 2006. – 320 с.
18. Мойсик Н.Г. Страх как объект эстетической рефлексии в пародиях на готический роман / Н.Г. Мойсик // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2015. – № 2. – С. 17–25.
19. Radcliffe A. *The Romance of the Forest* / A. Radcliffe. – New York: Oxford University Press, 2009. – 453 p.
20. Radcliffe A. *The Mysteries of Udolpho* [Электронный ресурс]. / A. Radcliffe. – Режим доступа: <https://books.apple.com/> (последнее обращение 02.04.2020).
21. Радклиф А. Итальянец, или Исповедальня кающихся, облаченных в черное / А. Радклиф. – М.: Азбука-Аттикус, 2011. – 514 с.
22. Lewis M. *The Monk* / M. Lewis. – London: Oxford University Press, 1973. – 456 p.
23. Купон Э. Мистический триллер «Монах» [Электронный ресурс] / Э. Купон. – Режим доступа: <http://forumreligions.ru/viewtopic.php?id=2136> (последнее обращение 02.04.2020).
24. Todd J. *The Cambridge Introduction to Jane Austen* / J. Todd. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – 317 p.
25. Aguirre M. "Dreary Abodes": Gothic Formulaic Discourse as a Technique of the Surface / M. Aguirre // *Neophilologus*. – 2020. – Vol. 104, issue 1. – P. 1–18. DOI: 10.1007/s11061-019-09617-6.
26. Auerbach A. Getting Lost: Proprioception and Thinking in the Gothic Novel / A. Auerbach // *European Romantic Review*. – 2020. – Vol. 31, issue 2. – P. 157–176. DOI: 10.1080/10509585.2020.1723573.

27. Stewart L. "A New and Fierce Disorder's Raging": Monomania in Mary Barton (1848) / L. Stewart // *Journal of Victorian Culture*. – 2019. – Vol. 24, issue 4. – P. 492–506. DOI: 10.1093/jvcult/vcy072.

28. Booker J.T. Presence of the English Gothic novel in the first novels of George Sand / J.T. Booker // *French Review*. – 2019. – Vol. 93, issue 1. – P. 201–202.

29. Koehler U.K. Gothic novel: Popular Literature as the Identification Area of the Nation / U.K. Koehler // *Poetic der Nation: Englishness in der Englischen Romantik*. – 2019. – Vol. 25. – P. 124–161. DOI: 10.1163/9789004407787_007.

30. Haisan D. Gothic Darkness. Sequences in the History of the English Gothic Novel / D. Haisan // *Philologica Jassyensia*. – 2019. – Vol. 15, issue 2. – P. 323–328.

31. Clarke N. The Gothic Novel in Ireland / N. Clarke // *Eighteenth-Century Fiction*. – 2020. – Vol. 32, issue 2. – P. 368–370. DOI: 10.3138/ecf.32.2.368.

32. Urda K.E. Buried in Plain Sight: Jane Austen's Gothic Critique of Interiority in Mansfield Park and Persuasion / K.E. Urda // *Womens Writing*. – 2020. – Vol. 27, issue 2. – P. 134–149. DOI: 10.1080/09699082.2017.1402988.

33. Ruttkey V. Anatomy of Tragedy: The Skeptical Gothic in Mary Shelley's "Frankenstein" / V. Ruttkey // *Palgrave Communications*. – 2020. – Vol. 6, issue 1. – Article number 35. DOI: 10.1057/s41599-020-0408-5.

GOTHIC NOVEL IN THE ENGLISH LITERATURE OF THE 18–19th CENTURIES

Yegyana M. Garasheva, Baku State University (Azerbaijan).

E-mail: q.abbasova@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-12

Key words: *English literature, Gothic novel genre, Mary Shelley, Anna Radcliffe, Matthew Gregory Lewis, Jane Austen.*

At the end of the 16th – beginning of the 18th centuries, the process of expansion of the British Empire was underway, as a result of which the English language and English-language literature began to spread throughout the world. The genre of Gothic novels that arose in the second half of the 18th century in the United Kingdom was distinguished by its originality and unique character. The article gives a brief overview of the features of the Gothic novel, as well as the life and work of Mary Shelley, Anna Radcliffe, Matthew Gregory Lewis and Jane Austen, who contributed to the genre of Gothic novels in English literature of the 18-19th centuries. The Gothic novel, which appeared in English literature at the end of the 18th and beginning of the 19th centuries, influenced the works of outstanding writers of all subsequent periods. The gothic novel fills the reader with horror and fear, describing supernatural beings, mysterious adventures, fantasy and mystical elements. The genre of the Gothic novel, known in some sources as the "black novel", is widely developed, first of all, in English literature. Gothic novels play an important role not only in English, but also in world literature. They had a significant impact on the further development of many literary trends, both in Europe and in other parts of the world. The emergence of this genre is associated with the features of the development of English society of the 18th century, with socio-economic and spiritual life, with cultural values and self-consciousness of people living in this society. In addition, the image of unusual events and phenomena, the feelings of heroes is also a reflection of the perception by society of new directions in capitalist development. We are talking about scientific discoveries and industrial development based on them. Subsequently, interest in Gothic novels did not decrease, and research began on the influence of Gothic novels on subsequent literary processes on the English language. Currently, many works of this genre are published and filmed. Gothic novels, which occupy a special place in English literature, had a great influence on world literature. The study and promotion of Gothic novels in various aspects of world literature is relevant today.

References

1. Agayev, Z. (ed.) *Antologija anglijskoj literatury: v 2 t.* [Anthology of English literature: in 2 vol.]. Baku, Sharg-Gerb Publ., 2009, vol. 1, 704 p.

2. Antonov, S. *U istokov goticheskoy prozy. Klara Riv i eyo roman "Stary anglijsky baron"* [At the origins of Gothic prose. Clara Reeve and her novel "The Old English Baron"]. Moscow, Nauka Publ., 2002, 282 p.

3. Astra, R. *Goticheskaja literatura* [Gothic Literature]. Available at: <https://astra-ra.livejournal.com/17422.html> (accessed 02 April 2020).
4. Pushkina, A.A. *Goticheskij roman i zarozhdenie neogoticheskogo napravleniya v kulture* [The Gothic novel and the birth of the neo-Gothic direction in culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2015, vol. 2, pp. 319-330.
5. Shelley, M. *Frankenstein, or The Modern Prometheus*. New York, Pearson Longman, 2007, 352 p.
6. Dyakonova, N. *Anglijsky romantizm: problemy estetiki* [English Romanticism: Problems of Aesthetics]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 209 p.
7. Skobeleva, E.V. *Tradicija "goticheskogo" romana v anglijskoj literature XIX i XX vekov*. Diss. kand. filol. nauk [Tradition of the "Gothic" novel in English literature of the 19th and 20th centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008, 197 p.
8. Natpok, B.R. *Anglijskij goticheskij roman: k voprosu ob istorii i poetike zhanra* [English Gothic novel: on the history and poetics of the genre]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adygeya State University. Philology and Art History], 2008, no. 10, pp. 139-144.
9. Pinker, S. *Chisty list. Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat ee segodnya* [The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature]. Moscow, Alpina Non-fikshn Publ., 2018, 940 p.
10. Pervushina, E.V. *Mify i pravda o zhenshinah* [Myths and truth about women]. Saint Petersburg, BHV-Peterburg Publ., 2012, 416 p.
11. Lackington, H. An 1818 Review of Frankenstein from The Morning Chronicle (London). Available at: <http://grasso4543.blogspot.com/2010/03/1818-review-of-frankenstein-from.html> (accessed 02 April 2020).
12. Anichkov, Ye. *Shelli, Persi Bishi* [Shelley, Percy Bysshe]. Moscow, Public Doman Publ., 2012, 358 p.
13. Crook, N. (ed.) *Mary Shelley's Literary Lives and Other Writings*: in 4 volumes. London, Pickering & Chatto, 2002, vol. 1, p.
14. Shelley, M. *Frankenstein (Modern Prometheus)*. İstanbul, Çeviren. Duygu Akin Publ., 2012, 435 p.
15. Radcliffe, A. *Tainy Udolfskogo zamka* [The Mysteries of Udolpho]. Moscow, AMEX Publ., 2003, 576 p.
16. Skott, V. *O "Zamke Otranto" Uolpola* [About "The Castle of Otranto" by H. Walpole]. Zharikov, V. (ed.) *Vliublenny dyavol* [The Devil in Love]. Minsk, MOKA-imidzh Publ., 1992, pp. 181-196.
17. Austen, J. *Nortengerskoe abbatstvo* [Northanger Abbey]. Moscow, AST Publ., 2006, 320 p.
18. Moysik, N.G. *Strah kak ob`ekt esteticheskoy refleksii v parodiyah na goticheskij roman* [Fear as an object of aesthetic reflection in parodies of the Gothic novel]. *Izvestiya Juzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 2015, no. 2, pp. 17-25.
19. Radcliffe, A. *The Romance of the Forest*. New York, Oxford University Press, 2009, 453 p.
20. Radcliffe, A. *The Mysteries of Udolpho*. Available at: <https://books.apple.com/> (accessed 02 April 2020).
21. Radcliffe, A. *Italianets, ili Ispovedalnya kazhuschchikhsya, oblachennyh v chernoje* [The Italian, or the Confessional of the Black Penitents]. Moscow, Azbuka-Attikus Publ., 2011, 514 p.
22. Lewis, M. *The Monk*. London, Oxford University Press, 1973, 456 p.
23. Kupon, E. *Misticheskij triller "Monah"* [Mystical Thriller "The Monk"]. Available at: <http://forum-religions.ru/viewtopic.php?id=2136> (accessed 02 April 2020).
24. Todd, J. *The Cambridge Introduction to Jane Austen*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015, 317 p.
25. Aguirre, M. "Dreary Abodes": Gothic Formulaic Discourse as a Technique of the Surface. *Neophilologus*, 2020, vol. 104, issue 1, pp. 1-18. DOI: 10.1007/s11061-019-09617-6.
26. Auerbach, A. Getting Lost: Proprioception and Thinking in the Gothic Novel. *European Romantic Review*, 2020, vol. 31, issue 2, pp. 157-176. DOI: 10.1080/10509585.2020.1723573.
27. Stewart, L. "A New and Fierce Disorder's Raging": Monomania in Mary Barton (1848). *Journal of Victorian Culture*, 2019, vol. 24, issue 4, pp. 492-506. DOI: 10.1093/jvcult/vcy072.
28. Booker, J.T. Presence of the English Gothic novel in the first novels of George Sand. *French Review*, 2019, vol. 93, issue 1, pp. 201-202.
29. Koehler, U.K. Gothic novel: Popular Literature as the Identification Area of the Nation. *Poetic der Nation: Englishness in der Englischen Romantik*, 2019, vol. 25, pp. 124-161. DOI: 10.1163/9789004407787_007.
30. Haisan, D. Gothic Darkness. Sequences in the History of the English Gothic Novel. *Philologica Jassyensia*, 2019, vol. 15, issue 2, pp. 323-328.
31. Clarke, N. The Gothic Novel in Ireland. *Eighteenth-Century Fiction*, 2020, vol. 32, issue 2, pp. 368-370. DOI: 10.3138/ecf.32.2.368.
32. Urda, K.E. Buried in Plain Sight: Jane Austen's Gothic Critique of Interiority in Mansfield Park and Persuasion. *Womens Writing*, 2020, vol. 27, issue 2, pp. 134-149. DOI: 10.1080/09699082.2017.1402988.
33. Ruttkay, V. Anatomy of Tragedy: The Skeptical Gothic in Mary Shelley's "Frankenstein". *Palgrave Communications*, 2020, vol. 6, issue 1, Article number 35. DOI: 10.1057/s41599-020-0408-5.

Одержано 10.12.2019.

УДК 821.161.2.-3.09“1920/1930”
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-13

Л.М. КУЛАКЕВИЧ,
*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри українознавства,
заступник декана факультету харчових та хімічних технологій
Українського державного хіміко-технологічного університету (м. Дніпро)*

ЗАПІЛЬНИЦЬКИЙ РОМАН Ю. ШПОЛА «ЗОЛОТІ ЛИСЕНЯТА»: ПЕРШИЙ УКРАЇНСЬКИЙ НАРАТИВ-КВЕСТ

Романтично-іронічний роман Ю. Шпола «Золоті лисенята» є першим українським романом-квестом – багаторівневим текстом, у процесі читання якого доводиться творити з розрізнених розділів текст-світ, адже цілісного фабульного стержня у творі немає, це своєрідна мозаїка життя різних героїв, яких об'єднує участь у таємній партії. На масового читача розрахований подієвий шар роману, організований за канонами авантюрно-пригодницького жанру (небезпечно-романтична подорож, щасливі хвилини несподіваного кохання, любовні трикутники, очікування смерті й несподіваний порятунок, утечі, загибель соратника, переховування, підпільні зібрання, конспірація, невдалі терористичні акти), й оманлива романтизація героїв. У романі скрізь розкидано коди до розуміння життя актантів як романтичної гри дітей, яким не вистачає адреналіну (наскрізні мікрообрази рожевих мрій, фантазій, вигадування, чи не єдина портретна деталь героїв – блакитні очі). Та особливістю цієї гри в запілля є те, що вона відбувається в польових умовах, тобто зі справжньою масовкою / народом, арештами, іноді навіть смертю, однак усі стеження за ними, провокатори – значною мірою є результатом випадковості чи бурхливої уяви самих революціонерів, а провалені операції – наслідок неузгодженості дій, надмірної законспірованості. Зауважено, що смислово багатшаровість роману оприявлено вже його назвою: масовий читач, безперечно, ухопиться за поверхове тлумачення золотих лисенят як революційних променів. Однак Юліан Шпол, використовуючи в межах одного твору поетику казки, середньовічного лицарського роману, реалістичного, соціально-психологічного, авантюрно-пригодницького роману, роману потоку свідомості, публіцистики провокує читача до інтелектуальних зусиль, змушує самому вирішувати, що це – романтична оповідь про молодих революціонерів чи іронічний пастиш про осіб, що граються в запільну діяльність, люблять не народ, а своє уявлення про нього, чи роман-квест про життя людей як гру, систему ігор з єдиною метою – отримати задоволення від адреналінових викидів.

Ключові слова: авантюрно-пригодницький роман, запільницький роман, роман-квест, герой-авантюрист, Юліан Шпол.

Романтично-іронічний роман Ю. Шпола «Золотые лисята» является первым украинским романом-квестом – многоуровневым текстом, в процессе чтения которого придется создавать из разрозненных разделов текст-мир, ведь целостного фабульного стержня в произведении нет, это своеобразная мозаика жизни разных героев, которых объединяет участие в тайной партии. На массового читателя рассчитан событийный слой романа, организованный по канонам авантюрно-приключенческого жанра (опасно-романтичное путешествие, счастливые минуты любви, любовные треугольники, ожидания смерти и неожиданное спасение, побеги, гибель соратника, подпольные собрания, конспирация, неудачные террористические акты), и обманная романтизация героев. В романе везде разбросаны коды к пониманию жизни актантов как романтичной игры детей, которым не хватает адреналина (сквозные микрообразы розовых мечтаний, фантазий, придумывания, единственная портретная деталь героев – голубые глаза). Но особенностью этой игры в подполье является то, что она происходит в полевых условиях, то есть с настоящей массовой / народом, арестами, иногда даже смертью, однако все слежки за ними, провокаторы – в значительной степени являются результатом случайности или бурного воображения самих революционеров, а проваленные операции – следствие несогласованности действий, чрезмерной законспирированности. Смысловая

многослойность романа представлена уже в его названии: массовый читатель, бесспорно, ухватится за поверхностное толкование золотых лисят как революционных лучей. Однако Юлиан Шпол, используя в пределах одного произведения поэтику сказки, средневекового рыцарского романа, реалистичного, социально-психологического, авантюрно-приключенческого романа, романа потока сознания, публицистики провоцирует читателя к интеллектуальным усилиям, вынуждает самому решать, что это – романтическое сказание о молодых революционерах или ироничный пастиш о лицах, которые играют в подпольную деятельность, любят не народ, а свое представление о нем, или роман-квест о жизни людей как игре, системе игр с единственной целью – получить удовольствие от адреналиновых выбросов.

Ключевые слова: авантюрно-приключенческий роман, роман о подполье, роман-квест, герой-авантюрист, Юлиан Шпол.

Нідерландський історик і культуролог Й. Хейзинга, послідовно проаналізувавши різні найдавніші сфери людської діяльності (змагання, правосуддя, ратну справу, науку, мистецтво), а також властивість тварин (особливо їхніх дитинчат) гратися, дійшов висновку, що ігровий фактор супроводжує й пронизує людську культуру і саме гра є первиннішою у відношенні до культури, а не навпаки: «<...> істинна, чиста гра сама по собі є основою і фактором культури» [15, с. 28]. При цьому мислитель акцентує на тому, що гра «<...> є насамперед і передусім вільною дією. Гра за примусом уже не є грою» [15, с. 31]. Георг Гадамер, акцентував на тому, що «чарівність гри, її вплив полягає в тому, що гра захоплює гравців, оволодіває ними» [5, с. 152].

З іншого боку, сучасні науковці з галузі психології і психіатрії стверджують, що поведінка людини безпосередньо пов'язана з гормональними процесами в її організмі, зокрема з викидом адреналіну – гормону дії, що сприяє миттєвій мобілізації фізичної і мозкової активності, завдяки чому первісна людина рятувалася від небезпек. Фахівці підкреслюють очевидний для всіх факт, що за різким збудженням настає приємне розслаблення, стан ейфорії [8; 11]. Унаслідок науково-технічного прогресу життя суспільства стало відносно спокійним, але організм і далі потребує адреналіну, тому людина свідомо шукає способи проковувати виділення цього гормону: «Ось чому нас так часто притягують азартні ігри, змагання, екстремальні розваги і види спорту. Ми пускаємося в авантюру, щоб полоскотати нерви, споживаємо ударні дози алкоголю, енергетичних напоїв, наркотиків – те, що здатне викликати в нас такі почуття, як гнів, любов, ненависть, радість... Усе це дозволяє відчувати сплеск адреналіну. <...> Гра – це азарт, збудження, задоволення безлічі потреб, таких як потреба єднання з іншими людьми, близькості, прийняття перемоги улюбленої команди на свій рахунок (команда перемогла, і ти відчуваєш себе частиною цього спільного захвату й успіху). Ви самостверджуєтесь. Гра – це величезний всеохопний викид адреналіну» [11].

Отже, спираючись на сучасні досягнення в галузі людинознавства, маємо всі підстави стверджувати, що Й. Хейзинга уперше в західноєвропейській науці визначив той фактор, що спонукає живий організм до нерациональних і навіть життєво небезпечних дій, – «задоволення» [15, с. 31], що настає від адреналінових викидів. Ніщо не заважає нам припустити, що подібних висновків паралельно і самостійно дійшов український письменник Юліан Шпол, художньо оприявнивши їх у романтично-іронічному романі «Золоті лисенята» (1929)¹, де революційна боротьба постає як збудлива авантюрна гра. Ні перше, ні наступні видання цього твору резонансу не мали, він залишався непоміченим критикою, а якщо і згадувався, то лише в негативних «обоймах», причому рецензенти та критики так і не змогли визначитися, скільки ж героїв у романі: «п'ятикутник» («Кірка – Мандибула – Озон – Мавка – Мем» (А. Ярмоленко [18, с. 475]), чи шестикутник – «три песики» та «трийко сучечок» (Арс. Лібрисо [1, с. 487]).

Так, Г. Гельфандбейн, аналізуючи роман з ідеологічних позицій, не зміг визначити, про яку саме революційну організацію йдеться, тому й зробив висновок: «Таким чином, виходить, що роман Шпола, м'яко висловлюючись, туманно виображує добу величезної пролетарської революції. І вже хоч би через те його не можна рекомендувати нашому молодому читачеві» [6, с. 482].

¹Трактат Й. Хейзинги «Homo Ludens» опубліковано в 1938 р.

Зовсім не зрозумів роману Г. Майфет. Убачаючи недоліки твору в «очуднених» ремінісценціях, тязі до афоризмів, говорячи про їхню штучність, тяжкодумність, критик підсумовує: «<...> автор не виявив достатньої майстерності ні в композиційному, ані в стилістичному плані, запровадивши деструкцію і збільшивши розмір роману засобом не завжди до речних відступів, забарвлених ниткою неорганічного, часом штучного імажу» [10, с. 469].

Нині вивчення роману активізувалося. Заслужують на увагу розвідки О. Бабаніної, Н. Бернадської, Н. Гноєвої, О. Філатової. Так, Н. Бернадська, студіюючи жанрову природу роману Ю. Шпола, відзначає поєднання елементів політичного, авантюрного, кримінального та любовного романів. Вона вважає, що заплутаний сюжет роману «Золоті лисенята» «цементує особа оповідача, від якої автор або дистанціюється, або з якою зливається» [3, с. 172]. З нею не погоджується О. Філатова, яка, досліджуючи модель художньої комунікації роману Юліана Шпола, цілком слушно стверджує, що в координатах його нарративного дискурсу репрезентовано кількох нараторів – розповідача й оповідача [14]. О. Бабаніна, аналізуючи експресіоністичну манеру зображення персоносфери і проблему двійництва в романі Юліана Шпола, підкреслює: «Автор навмисне ставить героїв у незвичні обставини задля того, щоб розчахнута свідомість героя коливалася наче величезна амплітуда відчуттів – від низького до високого, від відрази до кохання, від життя до смерті» [2, с. 330]. Н. Гноєва, зосередившись на особливостях художньої структури «Золотих лисенят», іронічному дискурсі роману і ролі автора, зауважує: «Автор використовує прийоми формальної поетики, зокрема сюжетної таємниці. У кожній сюжетній лінії трапляються загадки, розгадки яких випадкові і не мотивовані» [7, с. 137].

Твір Ю. Шпола написано на гребені модної тоді в українській літературі авантюрно-пародійної хвилі, коли роман перетворювався на літературну гру – пародію на західноєвропейські, американські авантюрні романи, тому будь-які теми позбавлялися серйозного сенсу. На масового читача, безперечно, розрахований насамперед подієвий шар роману, організований за канонами авантюрно-пригодницького жанру (небезпечно-романтична подорож, щасливі хвилини несподіваного кохання, любовні трикутники, очікування смерті й несподіваний порятунок, утечі, загибель соратника, переховування, підпільні зібрання, конспірація, невдалі терористичні акти), й оманлива романтизація героїв, які, на радість тогочасним критикам, таки повернулися до «справжньої» революційної діяльності – більшовизму. Перші рецензенти роману потрапили в цю провокативно розставлену пастку, адже зчитали лише видимий, соціально-ідеологічний шар твору і нахвалювали письменника за романтизацію революційних діянь, класовість героїв і їхній «логічний перехід» до ідей марксизму. Так, Ф. Якубовський оцінив «Золоті лисенята» як «романтично-інтимне замилювання в революції, в її запалі, в її буряних, огненних поривах» [17, с. 460], водночас стверджуючи, що «перед нами надзвичайно важкий, багатостильний твір, що його важко читати, дарма що автор вдався й до сюжетних родзинок, і до ясно розсипаних дотепів» [17, с. 461].

Рецензент, що сховався під криптонімом Л. С., зазначив: «Життя революційної запільної організації на Україні під час гетьманщини, низка психологічно-пригодницьких ситуацій у цьому оточенні й, нарешті, ідеологічна еволюція молодих терористів-революціонерів від невиразної орієнтації на «нарід» до класового усвідомлення ролі пролетаріату – все це становить цікаву й значну тему для літературного твору» [9, с. 483]. Визнаючи експериментальний характер роману, критик за звичкою все ж намагається увігнати його хоч у якусь жанрову нішу: «В романі Шполовому відчуваємо весь час ту саму умовну й абстрактну невиразність часу й простору, яка характерна для багатьох пригодницьких романів, але для соціально-психологічного роману неприпустима» [9, с. 482]. Зрозуміло, що опоненти Ю. Шпола, які звикли до творів з усевідачим автором, героями, чітко поділеними на два табори (позитивних, ідеологічно правильних і негативних, контрреволюційних), безперечно, відчули дискомфорт від оповідної форми «Золотих лисенят» і списали це на те, що «твір невдалий» (Ю. Савченко [12, с. 473]), позаяк не відповідає їхньому стереотипному мисленню і стандартним читацьким очікуванням від художнього твору.

Вважаємо, що роман Ю. Шпола «Золоті лисенята» – витончена іронічна пародія на декоративність і красивість епігонів романтизму, тому не випадково сучасна дослідниця роману Н. Гноєва зауважила: «Однією із жанрових домінант роману «Золоті лисенята» Юліана Шпола є іронічність, яка яскраво виявляється в пасажах про кохання. У творі ліричні візії

кохання поєднуються з іронічним дискурсом, автор пародіює романтичні штампи в оспівуванні кохання» [7, с. 137]. Іронія виявляється насамперед через розміщення в одній емоційній площині високопоетичних і знижених образів (хоч би й таких: ніч – «одвічна зрадниця» і «звичайна роззява» [7, с. 141]; затіпається «наївно-зворушлива береза» [7, с. 146] тощо). Ми переконані, що письменник цілком свідомо буквально перенасичує псевдопафосними риторичними звертаннями й оспівуванням вічного революціонера, кохання, природних явищ, литки, дитинства тощо, і цим до певної міри задовольняє неутаємниченого масового читача, спраглого на романтичні історії і словесні красивості.

Маємо всі підстави стверджувати, що роман «Золоті лисенята» є своєрідною відповіддю на ідеї формалізму, згідно з якими художній твір – це «роблена» річ, яку автор конструє із загальновідомих сюжетів, мотивів, образів, тому пріоритетною для митця є форма художнього твору, його словесне оформлення, бо саме тут письменник зможе оприявити свою майстерність. Деконструючи літературні штампи, орієнтуючись як на інтелектуала, так і на масового читача, Юліан Шпол створює перший український роман-квест – багаторівневий текст, у процесі читання якого доводиться творити з розрізнених розділів текст-світ, адже цілісного фабульного стрижня в «Золотих лисенятах» немає – це своєрідна мозаїка життя різних героїв, яких об'єднує участь у таємній партії.

Герої Ю. Шпола, захопившись революційними подіями, що відбуваються навколо них, організовують свою «запільну партію» і розгортають активну діяльність із відповідними атрибутами (підпільними псевдонімами, конспірацією, ідеологічними диспутиами тощо), переймають відповідні поведінкові і лексичні кліше («конспірація», «явка», «провал», «утискуваний і пригноблений, об'єктивний носій революції», «громадянська позиція», «культурницьке і кооперативне кропательство», «гнилі ілюзії», «У-у-у! сволочі, – продали Росію...» [16, с. 128]; «Ах, як я її добре знав, власне не знав, а відчував цю мерзенну обивательську душу!» [16, с. 132]). Вони впевнені, що своєю діяльністю вершать революцію, однак саме суспільство навряд чи й зауважує їхнє існування, не те що терористичну діяльність, бо, як виявлять самі герої в кінці роману, всі їхні вчинки полягали в беззмістовній балаканині за допомогою заялжених літературних і суспільно-політичних, газетних штампів (як-от: «Об'єктивний розвиток філософських ідей витворює цілу фалангу незалежних слуг істини, правди й справедливості» [16, с. 165]), у псевдополітичних дискусіях «охочих до балагурства людей», а їхня партія «живе тільки в собі і тільки для себе» [16, с. 264]. Невиписані підпільні організації, про що неодноразово зауважували рецензенти як ваду твору Юліана Шпола, можна пояснити тим, що письменник не прагнув оспівати революційні діяння персонажів як посильний внесок у важливі суспільні перетворення, йому важливо було художньо оприявити чинник, який рухав героями, – задоволення від гри в революційну діяльність.

У «Золотих лисенятах» життя і діяльність героїв нагадує гру, витворену їхньою подитячому бурхливою уявою, такий собі колективний самообман, коли ціла група людей щиро вірить у власну одержимість революцією, готовність пожертвувати собою заради загальної рівності. У романі скрізь розкидано коди до такого розуміння твору. Так, постійно акцентується на тому, що герої живуть у своєму ілюзорному світі, наскрізними є мікрообрази рожевих мрій, фантазій, вигадування: «і одразу ж зник весь настрій мрійливий» [16, с. 118]; «...чи ж є на світі що, що можна дорівняти рожевим мріям революційно натхненного серця?» [16, с. 118]; «І навіть Мемові знов на око виповзла його замріяна і радісна сльоза»; «Так! Ми таки, справді, були великі мрійники» [16, с. 119]; «улюблений коник – фантазування під час подорожі» [16, с. 120]; «хотілося марити» [16, с. 128]; «я дослідив мрійник» [16, с. 131]; Мандибула для Кірки «мрійник» [16, с. 154]; Я-Іван «збиррався розіп'яти себе на хресті вигаданого кохання» [16, с. 133]; Я-Іван думає стосовно стеження: «Що за дурниця! Самому вигадати і вигаданого ж злякатися. К чорту химерні витівки» [16, с. 124]; Кірка «переживала химерне щастя» [16, с. 186]; «підсліпувате сонце, щоб попрощатися з одчайдушними мрійниками чудернацької землі» [16, с. 187]; в істеричі від звістки про смерть Озона Мавка називає однопартійців «дурнями, мрійниками, безґрунтовними людьми» [16, с. 192]. Чи не єдину наявну в «Золотих лисенятах» портретну деталь героїв – очі – теж можна сприймати як замаскований натяк на романтичну мрійливість, відіграність від життя як іманентну рису їхнього характеру: Мем має блакитні очі [16, с. 117]; у

Кірки – «степові озера очей» [16, с. 138], «розплескані озера» [16, с. 152]; «сині очі» в Оксани [16, с. 176], Мавки [16, с. 186].

Особливістю цієї гри в запліля є те, що вона відбувається в польових умовах, тобто зі справжньою масовкою / народом, арештами, іноді навіть смертю (розстріл Оксани), однак усі стеження за ними, провокатори – значною мірою є результатом випадковості чи бурхливої уяви самих революціонерів, а провалени операції – наслідок неузгодженості дій, надмірної законспірованості, коли революціонери стежать один за одним, не знаючи, що належать до однієї партії. У цій дорослій грі кожен герой обирає собі поведінкову й емоційну маску: Кірка – тиха супокійна, «жриця конспірації, невтомний рухливий нерв»; Мавка – полум'яна захисниця вільних стосунків; Озон (з гр. «пахну»; блакитний газ) – невидимий, як справжній газ: він десь є, його всі люблять, але ніхто не бачить; Мандибула (термін на позначення нижньої щелепи в хребетних) – аскет і відлюдник, який «годен був захищати зубами своїх міцних щелепів» ідеї запліля [16, с. 139]; Мем (з гр. μῆμητις – той, що прикидається, копіює подобу іншої особи, те саме, що й мім – актор імпровізованої вистави [4, с. 371]) – чи не найкращий промовець серед них, бо «як ніхто, умів “пускать сльозу”» [16, с. 176], тобто одягати маску потрібних йому почуттів, грати на публіку.

Герої не сприймають світ яким він є, потрапивши в ту чи іншу життєву ситуацію, тут же домислюють її можливий романтичний розвиток (згадаймо хоч би любовні візії Я-Івана і Мандибули, у яких вони, мов середньовічні лицарі, освічуються своїм обраницям: Оксани [16, с. 129], Кірці [16, с. 147]; Я-Іван переживає, що може «упасти жертвою за колись кимось зганьблену жіночу честь» [16, с. 125]). І хоч наратор ображається, що хтось пізніше назвав збори запільних організацій «мистецькими перетвореннями» [16, с. 176], уся їхня діяльність виглядає не інакше як велетенська театральна вистава. Так, Мавка, осмислюючи партійні збори, відверто визнає, що вони були «штучними і неприродними» [16, с. 188], свої враження від них вона передає театральною лексикою (її роль – «амплуа того антуражу, що мав робити “своїм” промовцям публіку» [16, с. 188], Мандибула приходять у «бутафорській» сірячині, а Ром – у бороді і вусах, поява Рома з незвичного для «публіки» місця). Обговорення Кіркою і Мандибулою причин провалу друкарні дуже схоже на розмову двох сценаристів, які моделюють продовження гри: «без провокатора в їхньому провалі ніяк не могло обійтися. <...> І, розуміється, це мусить бути якийсь свій зовсім свій тип. <...> Провокатор є. Обов'язково. Бо як же інакше?» [16, с. 149]. Вони не шукають провокатора, а по суті призначають його, доказом чого є те, що Кірка і Мандибула, орієнтуючись на «історично відомі, грандіозні» випадки, вирішують, що зрадником має бути кохана («кохає і зраджує. Не як кохана, а як товариш. Га? Як вигадаєте?» [16, с. 150]), а згодом дізнаємося: Я-Іван переконаний – його зрадила кохана незнайомка.

Шполівські герої-терористи поводяться як діти, яким не вистачає адреналіну. Під впливом політичних закликів вони вирішують знищувати тиранів, аби звільнити народ, чим викликають асоціації зі славнозвісним Дон Кіхотом (і якщо хто з читачів цього не зрозумів, то письменник йому допомагає, неодноразово згадуючи про цього легендарного лицаря («лицар Дон Кіхот» [16, с. 138]; «лицар з Ламанчі» [16, с. 145]; «я, як ламанчський лицар», [16, с. 291]), особливо коли йдеться про Мандибулу, який навіть зовнішністю і характером нагадує сервантесівського героя – він «високий, сухорлявий» «превеликий дивак» [16, с. 139] і належав лишень одній дамі – революції, хоч між ними є і суттєва відмінність: Мандибула «ні сучасної, ні перед сучасної літератури не читав» [16, с. 144]. Та, як і славнозвісний іспанський ідальго, романтичні народовці Ю. Шпола не мають уявлення ні про тих, кого будуть знищувати, ні тих, задля звільнення яких організували свою підпільну партію (тому і є для них оригінальністю те, що більшості населення України є нормою, – ходити в сірячині, їсти з казанка, спати на дошках).

Так, Я-Іван, який з дитинства під час подорожей мріяв і фантазував, чи не вперше в житті звертає увагу на людей, яких зустрічає в подорожі, і він уражений: селяни говорять про погром як про «цікаву розвагу» [16, с. 237], вони брудні, неохайні, скрізь наплювують, їздять п'яними компаніями, а вульгарні перекупки аж ніяк не нагадують колоритних бабу Палажку і бабу Параску І. Нечуча-Левицького. Він відверто визнає, що «так наївно дозволяв собі бавитися в споглядання крізь рожеві шкельця вифантазованих істин...» [16, с. 238]. Оцінюючи один одного, характеризуючи дії, герої постійно акцентують на власній дитя-

чості, яка виявляється в рухах, учинках, словах, світосприйнятті («Так тільки діти, граючись запізно, ошпарені бувають наказом рідних: спати» [16, с. 118]; «наївний дитячий смішок» [16, с. 120]; «червонію, як хлопчисько» [16, с. 136]; Мандибула – «од плачу налякана дитина» [16, с. 154]; «Мем по-дитячому ворухнувся до неї» [16, с. 286].

Я-Іван мислить про себе як про «професіонального революціонера» [16, с. 117]. Однак через наступні деталі оповіді стає зрозуміло, що це досить молода людина (28 років), що не позбавилася дитячого сприйняття світу. Він явно перечитав любовної і патріотичної поезії, тому кожну буденну ситуацію швиденько «одягає» в поетичні шати. Неадекватне сприйняття і відповідно спотворене відтворення Я-Іваном світу передано через його малюнок, призначений маленькому хлопчику. Трирічна дитина, яка через свій вік сприймає речі такими, якими вони є, не долучаючи до власного бачення чужих естетичних і політичних поглядів, зауважує, що намальована свиня нагадує коня, а людина – жабу (отож цілком закономірно герой пізніше сприйме красуню Оксану за шпигунку, а от зовні нешкідливий дідок-обиватель виявиться донощиком). Пізніше, розчарований у народі, Іван визнає, що «людська душа у скрутні моменти безсила звільнитися од дитячих уявлень навіть у дорослому віці» [16, с. 292].

Кірка у своїх солодких мареннях почувається «маленькою дівчинкою» («вона ще така маленька, що їй сниться улюблена лялька» [16, с. 255]; «Вона часто снила про себе, як про маленьку невинну дівчинку» [16, с. 256]; на цвинтарі «вона почувала себе так, як у дитячі роки» [16, с. 195]). Ця найбільш палка революціонерка пророчо сприймає Мандибулу як «розбуджену несподіваним чуттям дорослу дитину» [16, с. 211], адже, закохавшись уперше в житті, він поступово втрачає інтерес до запілля, хоче позбавитися тієї штучної машкари аскета і відлюдника, яку собі обрав, бо тепер вона суперечить його реальним бажанням («пора скинути, розтрити і розвіяти геть ці незримі химерні опудала, що вдень і вночі тиснуть на плечі, здавлюють груди, перетинають подих» [16, с. 144]).

Надуманість власного образу Мандибулою виражено через такі готичні аксесуари, як його свідоме проживання біля кладовища, переховування зброї у склепах, під трунами, через деталі його одягу (ходив у «свій бутафорській сирячині і з саморобними окулярами» [16, с. 177]), означено мікрообразом ковпака («<...> і тобі горе, хоч ти й надів на себе ковпак революціонера» [16, с. 144]), що викликає алюзії з ковпаком блазня й також асоціюється з виставою / театром. Цей асоціативний ряд можна доповнити і мікрообразом внутрішньозапальних взаємовідносин, настроїв, нерівноваженості як «лантуха усякого лахміття», які перебирає Кірка, «як остання старчиха, що тремтить над кожною ганчіркою» [16, с. 150] (так оцінює розмову-пошук провокатора трохи прозрілий від кохання Мандибула). У зіставленні понять «стосунки, настрої запальників» і «лахміття» (речей, які відповідно можна одягти і зняти) знову вириває думка про те, що життя шполівських терористів – вистава, у якій вони одягають личину емоцій з огляду на сюжет гри («Я нап'яв на себе підозрілу машкару байдужості» [16, с. 318]; Кірка «прояснила вся і, одягши на себе якусь кумедну машкару жорстокості, запально домагалася...» [16, с. 177]; її поведінка справляє «неприродне вражіння» [16, с. 213]).

Л.С., оцінюючи роман з ідеологічних позицій, погоджується з тим, що автор свідомо змалював діяльність химерного революційного запілля. Однак критик мало не ображається на те, що «лише на останніх сторінках роману герої-революціонери приходять до усвідомлення марксизму і кидають свій хибний шлях терору й запальної роботи. Але ця еволюція не досить переконлива й не стоїть у центрі уваги» [9, с. 484]. Вважаємо, що різкий перехід шполівських гуртківців від народницьких ідей до марксизму з опорою на пролетаріат лише на першій позирк здається невмотивованим. Однак він стає зрозумілим через призму особливостей дитячої психології: забавка в народовців-терористів набридла, стала нецікавою, тому герої, як діти, буквально в одну мить переключаються на нову гру в марксистів. Найбільш яскраво це оприявлено поведінкою і думками розчарованої провалом замаху Кірки, яка опинилася серед робітників: «Як дитина, що їй у гіркому плачу несподівано показали зовсім нову, раніш незнану й дивну цяцьку, вона тільки розгублено втопила свій погляд у ворухливий натовп, а на виду її затанцювали мінливі тіні цікавості і тривоги» [16, с. 259]. Герої вирішують приєднатися до пролетаріату, чим завершується роман, і що можна потлумачити як початок нової гри, у якій герої оберуть собі інший образ або, якщо говорити сучасними термінами, нову аватарку.

Ще один можливий аспект прочитання фіналу роману Ю. Шпола пов'язаний з художньою реалізацією проблеми кохання.

Згідно з революційною ідеологією, жодна людина не має право на особисте життя, кохання в той час, коли всі виборюють комунізм чи будують соціалістичну державу. Іконою справжнього революціонера став Павка Корчагін («Як гартувалася сталь» Миколи Островського). У романі Юліана Шпола герої-терористи також по-наївному переконані, що кохання можна заборонити / скасувати, перенести, мов залізничний потяг, на інший час. Та, на превеликий жаль шполівських запальників, «у природи все відбувається нормально» [16, с. 144], вона не дає «ганьбити свої непорушні закони» [16, с. 144], тому химерні борці закохуються один в одного, переживають дикі ревності (Я-Іван закохується в незнайомку в потязі; Кірка і Мавка потай кохають Озона; «послідовний аскет революції», «басейн принципальності», «фонтан несподіваності» [16, с. 136] Мандибула відчуває любовний потяг до своєї соратниці Кірки, усього лиш раз побачивши її литку (цю деталь декодуємо як замаскований натяк на пушкінське оспівування жіночих ніжок як найбільш сексуальної частини жіночого тіла). На перший погляд здається, що життя і пригоди героїв усе розставили на свої місця: одвічні статеві інстинкти, прагнення сімейного затишку виявилися сильнішими за народницько-романтичні ідеали, тому Мавка і Мем, Мандибула і Кірка швиденько облаштували з конспіративного житла сімейне кубельце. Саме на отаке поверхове прочитання любовного шару роману Ю. Шпола спокусився критик, що сховався під псевдонімом Арс. Лібристо. Для нього золоті лисенята – золоті цуценята, які «революційними» забавами підігрують свою пристрасть і «сказано кохаються одно з одним і живуть, кожне з іншим» [1, с. 487].

Вважаємо, головний сенс любовного дискурсу «Золотих лисенят» замаскований в іменах героїнь й орієнтований на «свого читача», який за високопарними фразами і пафосними дискусіями про революційні діяння, вільні стосунки, любов як «дрібне і буденне» [16, с. 211] має розгледіти прагнення любові як ще однієї адреналіноситуації. Імена героїнь так чи інакше викликають алузії із шаленим коханням, неймовірною пристрастю (ім'я Мавки є прямим посиланням на «Лісову пісню» Лесі Українки; Кірка – міфічна спокусниця Одиссея [13, с. 126]; ім'я «Оксана» асоціюється з дитячим коханням Т. Шевченка, «Бояриною» Лесі Українки, а сама любовна пригода Я-Івана сприймається як іронічна репліка імпресіоністичної новели В. Винниченка «Момент» (1910). Уся система заплутаних стосунків і взаємозв'язків між персонажами роману лише на перший погляд здається випадковою, хаотичною. Герої, які постійно виголошують затерті для того часу сентенції про ідеї революції, «статеві питання», – це звичайні люди, які ще не зазнали справжнього кохання / пристрасті, тому й намагалися цим знехтувати. Саме кохання відбиває у них смак до гри в полум'яних народовців-терористів і перейти до гри в марксистів (чи й не через те, що Маркс стверджував цінність сім'ї як найменшої чарунки суспільства).

Смислову багатошаровість роману оприявлено вже його назвою: масовий читач, безперечно, ухопиться за поверхове тлумачення золотих лисенят не тільки як сонячних променів («аж виплигнуло сонце. В уяві мені промайнули золоті лисенята» [16, с. 133], але і як відблисків комуністичного майбутнього, яке обов'язково настане, якщо герої діятимуть на благо революції. На користь такого змістового наповнення образу свідчить зовнішня ознака лисенят – яскраво-руде хутро, що асоціюється з полум'ям революції (герої охоплені полум'ям революції). Ще одне романтичне прочитання образу золотих лисенят подано в казці про золоте яечко, з якого вилупиться не пташка, і не лисичка, а людина: «І буде вона дівчина з синіми очима і русою косою. А коли виросте, то ніколи не знатиме свого справжнього місця, бо дві душі буде в тієї дівчини. Одна душа золотого спокою і синього щастя, а друга душа – чорної колотнечі і червоної пристрасті. Так вона і буде між тими двома душами хилитатися весь свій вік» [16, с. 200]. Цю казку оповідає Мавка в листі до Мема. Вона романтично ототожнює себе з казковою дівчиною і гадає, що тепер Мем повинен зрозуміти її розколотість між ніжною любов'ю до нього і шаленою пристрастю до Озона. Однак душевною роздвоєністю позначені всі герої роману, які прагнуть бути на вістрі суспільно-політичних перетворень, відчути справжні «червоні пристрасті», але обирають буденні стосунки, лише імітуючи запальну діяльність, бо, як зауважив Я-Іван сам про себе, «гра у відвагу» ніколи не була його «улюбленим спортом» [16, с. 157].

З іншого боку, у свідомості людей з образом лиса пов'язаний стійкий комплекс таких значень, як хитрість, спритність, кмітливість, обережність, та, найголовніше, обман, несправжність, фальш. У романі Ю. Шпола така негативна семантика образу лиса нейтралізована за допомогою епітета «золотий», що викликає відчуття чогось дорогоцінного, сонячного, щасливого. Революційна діяльність героїв роману несправжня, вони потішні, як маленькі безтурботні лисенята, що, забавляючись, ховаються одне від одного, стежать одне за одним (Я-Іван відчувши стежу, під впливом правічного «хижого інстинкту» сам починає «стежити», «полювати» за красунею Оксаною [16, с. 126]; поведінка Кірки нагадує поведінку лисички: «зібгавшись навприсядки в клубочок, вона тоді шорстким оком обдивляється все навколо, а потім злякано німіє» [16, с. 255]; натопв у момент небезпеки – «полохливе, оголене звірятко, що знало тепер тільки себе і дбало тільки про себе» [16, с. 239]).

Маріанна Дан, осмислюючи різноманітні типи квестів, репрезентованих у різних жанрах, починаючи з казок і завершуючи сучасними фільмами про людину, яка долає перепони, стверджує, що всі вони фактично базовані на давньому оповідному патерні ініціації, метою якого є подолання викликів (духовних пошуків), що сприяють розвитку особистості [19, с. 216]. Юліан Шпол, використовуючи в межах одного твору поетику казки, середньовічного лицарського роману, реалістичного, соціально-психологічного, авантюрно-пригодницького роману, роману потоку свідомості, публіцистики пропонує читачеві розвинути образні «натяки», провокує його до інтелектуальних зусиль, змушує самому вирішувати, що це:

- романтична оповідь про молодих людей, які нарешті втрапляють на ідейно правильний шлях, їх хитання між душевним спокоєм і червоною пристрастю;
- іронічний пастиш про осіб, що граються в запальну діяльність, люблять не народ, а свою мрію про нього, своє уявлення про нього;
- рольові ігри «песиків» і «сучечок» [1, с. 486], відірваних від реалій життя, з прагненням пережити адреналінові ситуації.

Отже, маємо всі підстави стверджувати, що романтично-іронічний роман Ю. Шпола «Золоті лисенята» – це перший український роман-квест: багаторівневий текст, у процесі читання якого доводиться творити з розрізнених розділів текст-світ, адже цілісного фабульно-стрижня в романі немає – це своєрідна мозаїка життя різних героїв, яких об'єднує участь у таємній партії. Твір написано на гребені модної тоді в українській літературі авантюрно-пародійної хвилі, коли роман перетворювався на літературну гру. На масового читача розрахований подієвий шар роману, організований за канонами авантюрно-пригодницького жанру (небезпечно-романтична подорож, щасливі хвилини кохання, любовні трикутники, очікування смерті й несподіваний порятунок, утечі, загибель соратника, переховування, підпільні зібрання, конспірація, невдалі терористичні акти), й оманлива романтизація героїв.

Список використаної літератури

1. Арс. Лібристо. Золоті цуценята: рецензія на роман «Золоті лисенята» / Арс. Лібристо // Шпол Ю. Вибрані твори. – Київ: Смолоскип, 2007. – С. 486–487.
2. Бабаніна О. Специфіка персоносфери роману «Золоті лисенята» Юліана Шпола / О. Бабаніна // Історико-літературний журнал. – 2010. – № 17. – С. 321–322.
3. Бернадська Н.І. Український роман: теоретичні проблеми і жанрова еволюція / Н.І. Бернадська. – Київ: Академвидав, 2004. – 368 с.
4. Биби́к С.П. Словник іншомовних термінів: тлумачення, словотворення та слововживання / С.П. Биби́к, Г.М. Сюта. – Харків: Фоліо, 2006. – 624 с.
5. Гадамер Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 194 с.
6. Гельфандбейн Г. Рецензія на роман «Золоті лисенята» / Г. Гельфандбейн // Шпол Ю. Вибрані твори. – К.: Смолоскип, 2007. – С. 480–483.
7. Гноєва Н.І. Семантика і поетика роману «Золоті лисенята» Юліана Шпола / Н.І. Гноєва // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Сер.: Філологія. – 2008. – № 798, вип. 53. – С. 135–138.

8. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии / В.А. Жмуров. – М.: Джангар, 2012. – 864 с.
9. Л.С. Рецензія на роман «Золоті лисенята» / Л.С. // Шпол Ю. Вибрані твори. – К.: Смолоскип, 2007. – С. 483–485.
10. Майфет Г. Рецензія на роман «Золоті лисенята» / Г. Майфет // Шпол Ю. Вибрані твори. – К.: Смолоскип, 2007. – С. 462–469.
11. Нилова Я. Адреналиновая зависимость [Электронный ресурс] / Я. Нилова. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/crank.htm> (дата звернення: 21.12.2019).
12. Савченко Ю. Рецензія на роман «Золоті лисенята» / Ю. Савченко // Шпол Ю. Вибрані твори. – К.: Смолоскип, 2007. – С. 470–473.
13. Словник античної міфології / уклад. І. Козовик, О. Пономарів. – К.: Наукова думка, 1989. – 238 с.
14. Філатова О.С. «Хто бачить?» і «Хто говорить?» у тексті Юліана Шпола: специфіка нарративного дискурсу роману «Золоті лисенята» / О.С. Філатова // Науковий вісник Миколаївського державного університету імені В.О. Сухомлинського. – 2010. – Вип. 6. – С. 99–104.
15. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры / Й. Хейзинга. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
16. Шпол Ю. Золоті лисенята / Ю. Шпол // Вибрані твори. – К.: Смолоскип, 2007. – С. 117–330.
17. Якубовський Ф. Рецензія на роман «Золоті лисенята» / Ф. Якубовський // Шпол Ю. Вибрані твори. – К.: Смолоскип, 2007. – С. 459–461.
18. Ярмоленко А. Рецензія на роман «Золоті лисенята» / А. Ярмоленко // Шпол Ю. Вибрані твори. – К.: Смолоскип, 2007. – С. 474–480.
19. Dan M. Spiritual Quests and Obstacles. A Cultural Paradigm / M. Dan // *Philologica jassyensia*. – 2018. – Т. 14, № 2 (28). – С. 209–218.

Y. SHPOL'S UNDERGROUND NOVEL "ZOLOTI LYSENIATA" ("LITTLE GOLDEN FOXES"): THE FIRST UKRAINIAN NARRATIVE QUEST

Lyudmyla M. Kulakevych, Ukrainian State University of Chemical Technology (Ukraine).
E-mail: leda4a@gmail.com
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-13

Key words: *adventure genre, underground novel, narrative quest, adventurer hero, Yulian Shpol.*

We have every reason to suggest that the romantic-ironic novel by Y. Shpol "Little Golden Foxes" is the first Ukrainian quest novel. The text is multilevel, the reader has to create a "world of text" from the different chapters by himself because there is no holistic plot in the novel, it is a kind of mosaic of the lives of various characters who are united by a single thing – all of them are the members of a secret society. The work was written on the crest of the popular in Ukraine at the time adventure parody genre when the novel turned into a literary play. The event layer of the novel is targeted at the mass reader. It is organized by the canons of adventure genre (dangerous-romantic journeys, happy moments of unexpected love, love triangles, expectation of death and unexpected salvation, escapes, loss of associate, death of a colleague, hideouts, secret meetings, conspiracy, unsuccessful acts of terrorism), and the main characters are deceptively romanticized.

The characters of Y. Shpol, having organized their "underground" activities with the proper attributes (underground aliases, secrecy, ideological disputes, etc.), enjoy this exciting adventure game greatly. They are convinced that they are leading the revolution, but society itself is unlikely to notice their existence. In the novel, codes are scattered all over to understand the life of actants as a romantic game of children who lack adrenaline (recurrent micro-images of dreams, fantasies, delusions, or perhaps even the only detail of the characters' appearance – blue eyes). However, the distinctive feature of this game of underground revolutionaries is that it takes place in reality, with real people, real arrests and sometimes even death. The only difference here is that all the surveillance and the provocations are largely a result of the random events or tumultuous imagination of the revolutionaries themselves and the failed operations are a consequence of inconsistency and excessive secrecy.

The semantic multilayer property of the novel is revealed in the first place by its title: the mass reader will certainly grasp the superficial interpretation of the golden foxes as the rays of revolution. Nevertheless,

Yulian Shpol by applying the poetics and the stylistic features of fairy tales, chivalric romance, realistic novel, psychological and adventure fiction, a stream of consciousness and journalism within the same literary work provokes the reader to intellectual efforts. He compels the readers to decide for themselves whether this is a romantic story of young revolutionaries or an ironic pastiche about the people who play underground activities and do not feel any sentiments for the masses but only for their own idea of the masses. Or, maybe this is a novel-quest about people who live their lives as if it was a game with the sole purpose of having fun from the adrenaline rush.

References

1. Ars. Librysto. *Zoloti tsutseniata: retsenziia na roman «Zoloti lyseniata»* [Golden puppies: review of the novel «Golden foxes»]. Shpol, Yu. *Vybrani tvory* [Selected works]. Kyiv, Smoloskyp Publ., 2007, pp. 486-487.
2. Babanina, O. *Spetsyfika personosfery romanu «Zoloti lyseniata» Yuliana Shpola* [The specifics of the personosphere of the novel «The Golden Fox» of Yulian Shpol]. *Istoryko-literaturnyj zhurnal* [Historical and literary journal], 2010, no. 17, pp. 321-322.
3. Bernads'ka, N I. *Ukrains'kyj roman: teoretychni problemy i zhanrova evoliutsiia* [Ukrainian novel: theoretical problems and genre evolution]. Kyiv, Akademvydav Publ., 2004, 368 p.
4. Bybyk, S.P., Siuta, H.M. *Slovnyk inshomovnykh terminiv: tlumachennia, slovotvorennia ta slovovzhyvannia* [Glossary of Foreign Languages: Interpretation, Word Formation and Word Use]. Kharkiv, Folio Publ., 2006, 624 p.
5. Hadamer, H. *Ystyna y metod. Osnovy fylosofskoj hermenevtyky* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, Prohress Publ., 1988, 194 p.
6. Hel'fandvejn, H. *Retenziia na roman «Zoloti lyseniata»* [Review of the novel «The Golden Fox»]. Shpol, Yu. *Vybrani tvory* [Selected works]. Kyiv, Smoloskyp Publ., 2007, pp. 480-482.
7. Hnoieva, H.I. *Semantyka i poetyka romanu «Zoloti lyseniata» Yuliana Shpola* [The semantics and poetics of Julian Shpol's The Golden Fox]. *Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu im. V.N. Karazina* [Bulletin of V.N. Karazin Kharkiv National University], 2008, no. 798, issue 53, pp. 135-138.
8. Zhmurov, V.A. *Bol'shaia entsyklopedyia po psykhiatryi* [Great Encyclopedia of Psychiatry]. Moscow, Dzhankhar Publ., 2012, 864 p.
9. L.S. *Retenziia na roman «Zoloti lyseniata»* [Review of the novel «The Golden Fox»]. Shpol, Yu. *Vybrani tvory* [Selected works]. Kyiv, Smoloskyp Publ., 2007, pp. 483-485.
10. Majfet, H. *Retenziia na roman «Zoloti lyseniata»* [Review of the novel «The Golden Fox»]. Shpol, Yu. *Vybrani tvory* [Selected works]. Kyiv, Smoloskyp Publ., 2007, pp. 462-470.
11. Nylova, Ya. *Adrenalynovaia zavysymost'* [Adrenaline addiction]. 2010. Available at: <http://psyfactor.org/lib/crank.htm> (accessed 21 December 2019).
12. Savchenko, Yu. *Retenziia na roman «Zoloti lyseniata»* [Review of the novel «The Golden Fox»]. Shpol, Yu. *Vybrani tvory* [Selected works]. Kyiv, Smoloskyp Publ., 2007, pp. 470-473.
13. Kozovyk I., Ponomariv O. (ed.). *Slovnyk antychnoi mifolohii* [Dictionary of ancient mythology]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1989, 238 p.
14. Filatova, O.S. «*Khto bachyt'?*» i «*Khto hovoryt'?*» u teksti Yuliana Shpola: spetsyfika naratyvnoho dyskursu romanu «*Zoloti lyseniata*» [«Who sees?» and «Who's talking?» in Julian Shpol's Text: The Specificity of the Narrative Discourse of the Golden Fox]. *Naukovyj visnyk Mykolaivs'koho derzhavnoho universytetu imeni V.O. Sukhomlyns'koho* [Scientific Bulletin of Mykolaiv State University Sukhomlinsky], 2010, issue 6, pp. 99-104.
15. Huizinga, J. *Homo ludens. Chelovek yhraiuschyj. Opyt opredeleniya yhrovoho elementa kul'tury* [Homo ludens. Proeve eener bepaling van het spel-element der cultuur]. Saint Petersburg, Yzd-vo Yvana Lymbakha Publ., 2011, 416 p.
16. Shpol, Yu. *Zoloti lyseniata* [«The Golden Fox»]. *Vybrani tvory* [Selected works]. Kyiv, Smoloskyp Publ., 2007, pp. 117-330.
17. Yakubovs'kyj, F. *Retenziia na roman «Zoloti lyseniata»* [Review of the novel «The Golden Fox»]. Shpol, Yu. *Vybrani tvory* [Selected works]. Kyiv, Smoloskyp, 2007, pp. 459-461.
18. Yarmolenko, A. *Retenziia na roman «Zoloti lyseniata»* [Review of the novel «The Golden Fox»]. Shpol, Yu. *Vybrani tvory* [Selected works]. Kyiv, Smoloskyp, 2007, pp. 474-479.
19. Dan, M. *Spiritual Quests and Obstacles. A Cultural Paradigm*. *Philologica jassyensia*, 2018, issue 14, no. 2 (28), pp. 209-218.

Одержано 6.12.2019.

УДК 821.161.2

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-14

М.І. ЛАВРУСЕНКО,
*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української та зарубіжної літератури
Центральноукраїнського державного педагогічного університету
імені Володимира Винниченка (м. Кропивницький)*

МИТЕЦЬ У ПОСТКОЛОНІАЛЬНОМУ СВІТІ В РОМАНІ ВОЛОДИМИРА ДАНИЛЕНКА «КЛУБ „СТАРІЙ ПЕГАС”»

У доробку сучасного українського письменника, представника «житомирської школи» В. Даниленка чільне місце посідає іронічно-сатирична проза, в якій критикуються різні аспекти нашого життя доби незалежності. Таким є й роман «Клуб „Старий Пегас”», що порушує проблему абсурдності буття митця в посттоталітарному світі.

Через іронічно-сатиричні описи атмосфери клубу «Старий Пегас», який очолює головний герой твору Юлій Солодчук, прочитується ставлення нової генерації українських письменників до тих митців старшого покоління, які живуть минулим. Авторські алюзії, іронічно-сатиричні оцінки піддають осуду поведінку національної мистецької спільноти, котра нищить талановиту особистість. Як антитеза до членів клубу змальований Юлій Солодчук – людина нового часу й нового світогляду, яка виступає проти імітації творчості.

Пародійно-сатиричний тон домінує в змалюванні освіти України. У викривальній манері автор змальовує університет культури. Осуду піддається й загальна атмосфера закладу, і поведінка ректора, який утілює в життя свої комерційні плани й принижує гідного викладача. Письменник утверджує думку, що протистояти корупції й невігластву творча людина не може.

Психологію письменника Солодчука В. Даниленко розкриває й через змалювання пікантних подобиць його нещасливого особистого життя. Змістом свого роману автор переконує читача в тому, що справжній митець завжди самотній. Його гармонія – у творчості, яка, за З. Фрейдом, утілює пережите.

Роман В. Даниленка «Клуб „Старий Пегас”» має антиколоніальне звучання. Він порушує поза-часову проблему стосунків у мистецькому середовищі, творчої людини й суспільства, актуалізує питання розвитку сучасної літератури й освіти.

Ключові слова: Володимир Даниленко, роман, сатира, «житомирська школа», творча особистість, постколоніалізм.

В творчестве современного украинского писателя, представителя «житомирской школы» В. Даниленко видное место занимает иронично-сатирическая проза, в которой критикуются различные аспекты нашей жизни эпохи независимости. Таким и роман «Клуб „Старый Пегас”», поднимающий проблему абсурдности бытия творческой личности в посттоталитарном мире.

Через иронично-сатирические описания атмосферы клуба «Старый Пегас», который возглавляет главный герой произведения Юлий Солодчук, прочитывается отношение новой генерации украинских писателей к тем писателям старшего поколения, которые живут прошлым. Авторские алюзии, иронично-сатирические оценки подвергают осуждению поведение представителей национального искусства слова, которые уничтожают талантливую личность. Как антитеза к членам клуба изображен Юлий Солодчук – человек нового времени и нового мировоззрения, который выступает против имитации творчества.

Пародийно-сатирический тон доминирует в изображении образования Украины. В разоблачительной манере автор изображает университет культуры. Осуждению подвергается и общая атмосфера заведения, и поведение ректора, который воплощает в жизнь свои коммерческие идеи и унижает достойного преподавателя. Писатель утверждает мысль о том, что противостоять коррупции и невежеству творческий человек не может.

Психологию писателя Солодчука В. Даниленко раскрывает и через описания пикантных подробностей его несчастливой личной жизни. Содержанием своего романа автор убеждает читателя в том, что настоящий художник всегда одинок. Его гармония – в творчестве, которое, по З. Фрейду, воплощает пережитое.

Роман В. Даниленко «Клуб „Старый Пегас”» имеет антиколониальное звучание. Он изображает проблему отношений в творческой среде, человека искусства и общества, актуализирует вопросы развития современной литературы и образования.

Ключевые слова: Владимир Даниленко, роман, сатира, «житомирская школа», творческая личность, постколониализм.

Володимир Даниленко – письменник різноплановий. Доробок автора може зацікавити тих, хто любить містику, пікантну любовну прозу, серйозні роздуми про минуле своєї батьківщини, долі відомих людей і т. ін. Епічні тексти митця позиціонуються із «житомирською школою», але, втілюючи риси цього літературного феномена, вони мають оригінальну родзинку, особливий авторський стиль, позначений пост-модерною естетикою.

Прикметно, що серед прозових здобутків В. Даниленка є багато іронічно-сатиричних текстів, що містять оцінку різних аспектів українського буття. Авторська сатира стає реакцією на діяльність нашої влади часів незалежності, що засвідчують радіоп’єси «Струнний квартет для собак», презентовані створеним митцем вуличним театром, а також на авторській передачі радіо «Свободи» «Політичний вертеп». Письменник критикує українських можновладців у романі «Газелі бідного Ремзі», викривальну спрямованість має й книга «Місто Тіровиван» та інші твори автора.

Сатиричним є і роман В. Даниленка 2019 р., що був презентований на видавничому форумі у Львові, «Клуб „Старий Пегас”». Твір порушує проблему абсурдності життя творчої людини в сучасній Україні, маркером якої є непереможна тоталітарна свідомість, відсутність сталої національної стратегії розвитку, натомість простежується пародійна імітація державотворчих і культурних процесів. Таку квазіситуацію показово демонструє освіта й мистецтво. Саме про них у пародійному тоні художньо розмірковує письменник.

Доля творчої особистості неодноразово ставала об’єктом уваги в прозі автора. Свідченням цьому є образи співачки Аліни Іванюк та її оточення з Житомира в романі «Клітка для вивільги», піаніста Євгена Луна з повісті «Сонечко моє, чорне і волохате» та ін. Розвиток української літератури після 60-х рр. XX ст. оригінально прокоментований в есе «Лісоруб у пустелі».

Отже, новий роман прозаїка зосереджений на актуальній для автора темі митця й мистецтва, для висвітлення якої він обирає уже апробований сатирично-іронічний стиль.

Літературна критика зреагувала на вихід роману В. Даниленка «Клуб „Старий Пегас”» статтями Я. Поліщука «Втеча старого Пегаса» [1], О. Бондаренко «Між гламуром і деспотизмом»: жінки у романі В. Даниленка «Клуб „Старий Пегас”» [2], Є. Кононенко «Архетипи жінок у романі Володимира Даниленка «Клуб „Старий Пегас”» [3], а також побіжними репліками-реакціями на твір відвідувачів книжкового форуму у Львові 2019 р. К. Гарбарука («Якщо ми змушені жити, зануривши ноги у бруд, ніхто нам не забороняє дивитися на зірки») [4] та С. Федаки («На копійку амуніції, а на гривні амбіції: Картинки з книжкового ярмарку») [5]. У супровідній до роману статті Я. Поліщук окреслює здобутки автора в змалюванні атмосфери сучасного творчого життя столиці. Розвідка ж О. Бондаренко та Є. Кононенко зосереджена на аналізі жіночих образів твору.

У нашій статті ставимо собі за мету окреслити специфіку змалювання образу митця в постколоніальну епоху в романі В. Даниленка «Клуб „Старий Пегас”». Актуальність образного ракурсу дослідження полягає в потребі прокоментувати авторське бачення проблем творчої особистості в Україні, з’ясувати, до яких засобів і прийомів вдається письменник, змальовуючи митця-сучасника.

Варто зауважити, що в сучасному світовому літературознавстві активно ведуться постколоніальні студії. Проблеми розвитку культури й літератури країн, що колись пере-

бували у колоніальному статусі, порушені у розвідках О. Еффе (Норвегія) [6], К. Ланглуа (Канада) [7], Дж. Ленча (Нідерланди) [8], М. Сиротинського (Шотландія) [9], Р. Топпера (США) [10], Цзян Чжуню (Китай) [11], А. Гігіано (ПАР) [12], О. Файфа (США) [13], К. Бріслі Бреннана (Канада) [14], С. Нанді (США) [15], Прамода К. Наяра (Індія) [16], Ф. Раббани, Тазин Азіз Чауджурі (Бангладеш) [17], К. Тейлора (США) [18] та багатьох інших. Висновки вчених суголосні ситуації, у якій перебуває Україна, оскільки наш народ до 90-х рр. ХХ ст. не мав власної держави.

Прикметно, що психологічна наука актуалізує проблеми творчості й людини-митця ще з ХІХ ст. Предметом її вивчення є специфіка світогляду, поведінка в соціумі особистості, наділеної особливим даром, природа та шляхи формування таланту і т. ін. Це засвідчують праці багатьох закордонних і вітчизняних учених, зокрема В. Андреева, Л. Виготського, В. Крутецького, О. Лука, О. Маслоу, Я. Пономарьова, Л. Столяренка, А. Цибулі та ін.

Отже, розмова про постколоніальний контекст змальовання образу творчої особистості в «Клубі „Старий Пегас”» В. Даниленка суголосна тенденціям розвитку сучасного літературознавства та психології.

Роман пропонує читачеві замислитися над вічними проблемами стосунків у творчому середовищі, митця й суспільства, приватного життя творчої натури. «Клуб „Старий Пегас”» шукає відповіді на питання, чи відчуває письменник себе вільним, чи може сповна реалізувати свої творчі амбіції в сучасному світі, зокрема в посттоталітарній Україні.

У центрі твору – викладач, письменник і колишній журналіст Юлій Солодчук. Щаблі його кар’єри добре відомі самому В. Даниленку, тому можна припустити, що через таку альянцію автор створює довіру читача до написаного. Показовим є й ім’я персонажа – Юлій – натяк на відомого давньоримського державного й поличного діяча, письменника Юлія Цезаря, чий твори вважаються класикою літератури й використовуються фахівцями як еталон тестів, написаних латинською мовою. Проте обране ім’я звучить не природно з козацьким прізвищем Солодчук. Герой має український патронім, але не українське ім’я. Отже, вже на рівні називання свого персонажа автор закладає конфлікт, робить натяк на неможливість реалізації ним бажаного.

Змальовуючи у своєму романі «Клуб „Старий Пегас”» долю сучасного письменника, В. Даниленко вдається до антитези. Юлій – людина творча, але не амбітна. Байдужому до влади Солодчуку автор протиставляє кар’єриста, що «грає на одному акорді», – Станіслава Півня. Юлій не прагне посад, тому з легкістю пропонує місце завідувача відділу листів у газеті «Волинський вісник», де він розпочав свою роботу, своєму колезі. Автор зауважує: «Солодчук мріяв про літературну кар’єру, а Півень – про посаду» [19, с. 37].

Над недалекістю й пихою останнього автор відверто сміється. Комічною виглядає сцена, коли Станіслав міняється з Юлієм місцем у кабінеті, а потім столом, аби підкреслити свій вищий посадовий статус перед відвідувачами.

В. Даниленко засуджує поведінку кар’єриста Півня, котрий паразитує на довірі й порядності творчої людини. Письменник цілком переконливо змальовує поведінку бездарних людей на шляху до своєї кар’єри. Так, письменника Солодчука посередній журналіст «правої кишенькової партії» [19, с. 40] Стасько використовує, аби очолити Фундацію українських літераторів (ФУЛ).

Головне ж для Юлія – свобода, що дасть час для творчості. Коли редактор наполягає на пропозиції стати завідувачем відділу листів, Солодчук зауважує: «Мені подобається моя свобода» [19, с. 37]. Він відмовиться й від спокусливої, на думку Півня, пропозиції стати заступником голови ФУЛу. Герой відповідає по-сковородинськи: «Якщо ти маєш на увазі владу, то вона мене цікавить виключно як тема для роману» [6, с. 41].

Солодчук чітко розуміє, чого він хоче: «Поєднати журналістику й літературу – це все одно, що змусити в одному будинку жити дружину і коханку» [19, с. 38]. Для нього журналістика – тільки сходинка, що наближає до літературної творчості. У цих висновках героя вгадується доля багатьох українських письменників, які починали з роботи в провінційних газетах, зокрема й самого автора роману. Я. Поліщук цілком справедливо, на наш погляд, наголошує на автотематизмі твору, зауважує, що «Клуб „Старий Пегас”» В. Даниленка «будується на підставі безпосередніх авторських рефлексій» [1, с. 241].

Якою б справою не займався Солодчук, він виконує її сумлінно. Реалії життя змушують письменника погодитися на посаду директора клубу «Старий Пегас», паралельно працювати в університеті, займатися творчістю, рятувати від психологічної травми підлітка. Ініціативність, що виражається через постійну активність, зайнятість, працелюбність – це риси, за психологом О. Маслоу, що властиві обдарованій мистецьким талантом людині [20]. Ними наділений і Юлій.

Робота в клубі «Старий Пегас» обтяжує героя. Його гнітить стан летаргійного сну, у якому перебувають члени цього творчого об'єднання. В авторських іронічно-сатиричних описах атмосфери «Старого Пегаса» прочитується ставлення нового покоління українських митців слова до Спілки письменників України. На це вказує, зокрема, С. Федака [5], Я. Поліщук [1]. Відвідувачі клубу змальовані як псевдотворці, котрі шукають визнання й поваги серед собі подібних. Вони – яскраві типи тоталітарного часу. У нових реаліях України герої плекають ті ж правила й закони творчості, які були за радянської доби.

Пародійно в романі виглядає конкурс на кращу гумористичну п'єсу. З неприхованою зневагою автор змальовує членів журі й претендентів на премію «Іжак». Голова журі Микита Косогляд «був старий, глухий, переплутував дні тижня, забував, який зараз рік, не запам'ятовував імена людей» [19, с. 70]. Вершиною його некомпетентності стало те, що на врученні премії він спотворив назву п'єси переможця Маркіяна Хруня. Абсурдно виглядає й упевненість у перемозі ще одного учасника конкурсу – Семена Варцаби, який до такого висновку дійшов, бо йому так наснилося. Комізмом сповнені також діалоги членів журі, які аргументують право на перемогу не автора талановитішого твору, а письменника, старшого за віком, який уже підготував «скромний обід»: «*І не встигло журі опам'ятатися, як на столі з'явилися пляшки горілки, коньяку, вина, шинка, копчене сало, ковбаси, твердий сир, оливки, ніжинські огірки, мариновані гриби, хрін, яблука, груші, апельсини*» [19, с. 75]. Непрофесіоналізм і корумпованість журі премії засвідчує й відповідь Орісі Куки Семенові Варцабі на питання, про що йшлося в його п'єсі: «*Та нащо нам її читати, коли ми і так знаємо, що Маркіян Хрунь пише краще за вас*» [19, с. 76].

Абсурдним виглядає не тільки конкурс, організований клубом, а й самі його члени. Високе мистецтво творять приземлені люди, позбавлені не тільки таланту, а й елементарної вихованості й такту. Авторські шаржі членів клубу дуже промовисті: Жора Піцик постійно в пошуку випивки, без запрошення відвідує усі фуршети й бере на них слово Оріся Кука, намагається звабити значно молодшого за себе Юлія сімдесятирічна поетеса Зоя Стрикало, здатний виголошувати тільки некрологи Броніслав Нищота. Усі вони сприймаються Солодчуком як каста бовдурів – «абсолютних», «пихатих» і «поміркованих» [19, с. 27–28]. У внутрішніх роздумах герой глузує з їхнього небажання іти в ногу з часом, засвоювати нові технології і т. ін. Своє перебування у клубі поряд із такими людьми Юлій вимірює так: «*Один піцик ... дорівнює двом хруням, трьом кукам, чотирьом стрекалам і п'яти косоглядам*» [19, с. 64]. Власне іронічний сміх і допомагає Солодчуку не збожеволіти в хороводі цього карнавалу псевдомитців.

Очільник «Старого Пегаса» постійно спостерігає за похоронами в клубі. Вони символізують собою кінець епохи тих причетних до літератури людей, які не змогли вилушитися з колоніального мислення, розвиватися разом з часом. М. Павлишин твердить: «*Постколоніальна свідомість зовсім не позбавлена політичної заангажованості, але їй притаманна схильність до плюралізму, толерантності, компромісу й іронії*» [21]. Ці риси властиві Юлієві, бо він з повагою, хоча й з прихованою насмішкою, ставиться до своїх старших колег, проте допомагає лише тим письменникам, які цього варті. Істинне мистецтво стає лакмусовим папером, яке визначає його позицію до спільників по перу.

У Солодчука мало друзів, яким він довіряє. Проте герой готовий ризикувати задля справи. Ще за радянських часів Юлій погоджується на пропозицію журналіста Валентина Жиха редагувати самвидавський журнал «Бомба», розуміючи, що може потрапити під нагляд КДБ. Отже, йому не властиве колоніальне мислення.

Даниленкового героя тягне до спілкування зі справжніми митцями, які не скорилися владі, зазнавали переслідувань і тому не видавалися в СРСР. Йому імпонують діалоги із перекладачем клинописного письма Яковом Касперуком, який розповідає Солодчуку

історії про долі російських письменників Паустовського, Шолохова та ін. Героя вражає, що такий унікальний автор-перекладач у сучасній незалежній Україні злидарює. У такий спосіб автор підводить читача до думки, що правдивий митець ніколи не буде цікавий своїй державі. Цей епізодичний герой у романі – антитеза до колишнього агента КДБ Маркіяна Хруня, котрий писав доноси на своїх колег і який стане в пригоді кар'єристу Станіславу Півневі, коли треба буде вигнати з посади голови клубу «Старий Пегас» Солодчука.

Зауважимо, що письменник не ідеалізує свого героя. Юлій дозволяє собі говорити правду колегам тільки тоді, коли зазнає поразки в стосунках зі своєю коханою Ганною Жербій. За З. Фрейдом, це спроба замістити й витіснити одну проблему іншою. Однак здолати корумповану схему, на якій заробляв гроші Півень, Солодчуку не вдається. Проти таланту та правди виступає виточена й апробована тоталітарна модель знищення людини, яку модерує Маркіян Хрунь. Разом з Півнем вони вдаються до маніпуляцій і залякування членів клубу, аби звільнити Солодчука.

Автор, вважаємо, саркастично гіперболізує, цитуючи зміст обвинувачень колишніх колег Юлія по клубу. Абсурдною є публікація в літературній газеті проти героя Зої Стрикало: «Директор клубу занедбав роботу зі старшими літераторами, особливо з ветеранами літературної праці, а приділяє увагу тільки творчій молоді... видає книжечки і проводить усілякі літературні конкурси» [19, с. 231]. Проте цю провину визнано й героя звільняють з посади директора клубу «Старий Пегас». Солодчук сприймає цей факт як життєвий досвід і водночас порятунок, волю, яка так необхідна йому для творчості. Між іншим В. Даниленко пише про успіхи свого героя на літературній ниві (подорож до Греції, де переклали й видали його твір).

Роман актуалізує проблему ставлення держави до творчих особистостей і мистецтва загалом. Аби займатися улюбленою справою – літературою, Юлій працював і директором літературного клубу, і викладачем в університеті культури. Той заклад, який мав би сприяти розвитку мистецтва в країні, насправді є розсадником корупції, безкультур'я й примітиву. Міжнародний університет культури (МУК) чи Всесвітній університет культури (ВУК) – це пародія з конкретним неприхованим натяком на всю освітню систему України, яка принижує гідного викладача й плекає невігласів.

У сатирично-саркастичному тоні змальовано ректора цього закладу Михайла Плюваку, який націлює своїх колег не на навчання студентів, а на пошук контингенту для їхнього закладу, аби заробити більше грошей. Його абсурдно-комічні проповіді на суржику (яскрава ознака колоніального мислення!) «Про бичків», «Закохайте в себе студентів!» і «Про амєб» [19, с. 30] є символом приреченості освіти, що стала бізнесом. Ректор нагадує Шевченкового царя з поеми «Сон», сила якого маліє як тільки зникає свита: «... Плювако в своєму золотистому костюмі тупцяв по сцені, і вітер надував йому піджак, роздував штани, від чого він здавався великим і круглим, як сонце...» [19, с. 6] і «Плювако ніби здувся, з великого сліпучого сонця перетворився на маленького, опецькуватого, втомленого і враз постарілого чоловіка» [19, с. 6]. У цій алузії прихована надія автора на позитивне майбутнє національної освіти, яка очиститься від нефахових керівників. Проте не можна говорити про впевненість письменника в цьому, адже герой роману В. Даниленка Юлій не відмовляється виконувати накази ректора, не протестує проти поїздок українською провінцією в пошуках майбутніх студентів, бо ним, як і іншими, керує інстинкт виживання. А, отже, надія на конкурентну освіту у творі виглядає все-таки дуже примарною.

Двобій з псевдотворчим оточенням Солодчук програє. Однак не можна сказати, що автор змальовує нам героя зламану людину. Він сильний розумінням природи проблем українського суспільства, яке ще не скинуло пута колоніального мислення, його живить літературний талант, котрий сублімує нереалізоване героєм.

Знайти щастя в особистому житті Юлію також не вдається. Автор, зауважимо, не обмежує себе в описах подробиць інтимного життя героя. Він тонко передає психологію стосунків між чоловіком і жінками, з якими його звело життя (одну він любив, а друга – його). Солодчук щиро закохується в Ганну Жербій, але для неї він тільки чергова іграшка, інструмент для виконання забаганок. На цьому наголошують і Є. Кононенко [3], й О. Бон-

даренко [2]. За взаємність у почуттях і підтримку герой готовий зробити для коханої все. Він навіть редагує й видає її омріяну книжку, проте химерна егоїстка Ганна зникає з життя чоловіка. Юлій намагається заповнити порожнечу особистого життя стосунками з Божею Івко, проте йому це не вдається. «Це жінка, яка прагне приймати рішення за чоловіка, не питаючи його поради» [3]. А Солодчуку-митцеві людина, що обмежуватиме його свободу, не потрібна.

Відомо, що В. Даниленко є прихильником психоаналітичної теорії З. Фрейда. Героями його твору іноді навіть стають лікарі-психоаналітики (лікар Мендель у повісті «Тіні в маєтку Тарновських», наприклад). У романі ж «Клуб „Старий Пегас”» Юлій на прохання психотерапевта Ігоря Бігуса вчить писати твори хлопчика Романа Гриня, щоб вивести його з депресії через цькування однолітків, і літературна терапія діє.

Слушною є думка Я. Поліщука про те, що Солодчук «зосереджує свою увагу на писанні, і цим реалізує власне право лишатися людиною, попри всі прикрі обставини, яких доводиться зазнавати» [1, с. 249]. Творчість для героя є порятунком від життєвих потрясінь: *«Сьогодні почну писати роман про клуб, університет, Ганну Жербій і наші стосунки... – Коментує автор думки свого героя, який береться за написання книги про клуб «Старий Пегас». – Почуття такої жінки непередбачувані і мінливі. Вона може запевнити, що любить, а на другий день відключить телефон і кілька місяців у неї не буде бажання зустрічатися. Зрештою, мені треба про неї написати, щоб розв'язати цю проблему в собі, бо збожеволію»* [19, с. 164]. Отже, В. Даниленко актуалізує думку З. Фрейда про сублімацію комплексів творчими людьми в мистецтво.

Таким чином, роман В. Даниленка «Клуб „Старий Пегас”» має антиколоніальне звучання. Він порушує позачасову проблему стосунків у мистецькому середовищі, творчої людини й суспільства, актуалізує питання розвитку сучасної літератури й освіти. Твір у викривальному тоні змальовує сучасне національне культурне життя. Через антитезу, авторські алюзії, іронічно-сатиричні оцінки осуду піддається колоніальне мислення української мистецької спільноти, котра нищить талановиту особистість. Головний герой роману Юлій Солодчук – людина нового часу й нового мислення, яка прагне не імітації в літературній творчості, а дієвого руху вперед. Проте він самотній у боротьбі з правилами життя суспільства, що мало тоталітарне минуле. Віднайти душевну рівновагу в особистому житті героєві також не вдається. Захоплений улюбленою справою, Солодчук не помічає фальші в стосунках з коханою. Понад усе цінуючи свободу, Юлій не може дозволити любити себе й жінці, яка хоче його контролювати. Змістом свого роману В. Даниленко переконує читача в банальній істині: справжній митець завжди самотній. Його щастя – у творчості, в якій, за З. Фрейдом, утілюється пережите.

Наша стаття не вичерпує усіх проблем, актуалізованих у романі В. Даниленка «Клуб „Старий Пегас”». Предметом дослідження подальших студій може стати, зокрема, психоаналітичний аналіз образу творчої особистості у творі автора, роль художньої деталі в змальованні образів роману, проблема митця в прозі В. Даниленка загалом, а це вказує на перспективність обраної теми. Маємо надію, що новий твір сучасного українського письменника зацікавить учених-філологів і стане об'єктом аналізу їхніх літературознавчих розвідок.

Список використаної літератури

1. Поліщук Я. Втеча старого Пегаса / Я. Поліщук // Даниленко В. Клуб «Старий Пегас». – Львів: Піраміда, 2019. – С. 241–251.
2. Бондаренко О. Між гламуром і деспотизмом: жінки у романі В. Даниленка «Клуб „Старий Пегас”» [Електронний ресурс] / О. Бондаренко. – Режим доступу: <http://ukrainka.org.ua/node/8941> (останнє звернення 05.02.2020).
3. Кононенко Є. Архетипи жінок у романі Володимира Даниленка «Клуб „Старий Пегас”» [Електронний ресурс] / Є. Кононенко. – Режим доступу: <http://bukvoid.com.ua/reviews/books/2019/12/03/161948.html> (останнє звернення 05.02.2020).

4. Гарбарук К. Якщо ми змушені жити, зануривши ноги у бруд, ніхто нам не забороняє дивитися на зірку [Електронний ресурс] / К. Гарбарук. – Режим доступу: <https://www.volyn.com.ua/news/138842-iakshcho-my-zmusheni-zhyty-zanuryvshy-nohy-u-brud-nikhto-nam-ne-zaboroniaie-dyvutysia-na-zirku> (останнє звернення 05.02.2020).

5. Федака С. На копійку амуніції, а на гривні амбіції: Картинки з книжкового ярмарку [Електронний ресурс] / С. Федака. – Режим доступу: <https://zakarpatpost.net/2019/10/07/на-копійку-амуніції-а-на-гривні-амбіції/> (останнє звернення 05.02.2020).

6. Effe A. Postcolonial criticism and cognitive literary studies: A new formalist approach to Antjie Krog's Country of My Skull / A. Effe // *Journal of Postcolonial Writing*. – 2020. – Vol. 56, no. 1. – P. 97–109. DOI: 10.1080/17449855.2019.1702084

7. Langlois C. «A Punishment of Dreams»: Reading Rushdie's The Satanic Verses after Orientalism / C. Langlois // *Ariel-A Review of International English Literature*. – 2020. – Vol. 51, no. 1. – P. 31–56.

8. Lench J. After Said: Postcolonial Literary Studies in the Twenty-First Century / J. Lench // *English Studies*. – 2019. – Vol. 100, no. 8. – P. 1019–1022. DOI: 10.1080/0013838X.2019.1676016.

9. Syrotinski M. Postcolonial untranslatability: Reading Achille Mbembe with Barbara Cassin / M. Syrotinski // *Journal of Postcolonial Writing*. – 2019. – Vol. 55, no. 6. – P. 850–862. DOI: 10.1080/17449855.2019.1681192.

10. Topper R. Trauma and the African Animist Imaginary in Aminatta Forna's The Memory of Love and Delia Jarrett-Macauley's Moses, Citizen, and Me / R. Topper // *English Language Notes*. – 2019. – Vol. 57, no. 2. – P. 86–98. DOI: 10.1215/00138282-7716171.

11. Jiang Z.Y. A Tempest and The Tempest: To De-ghettoize the Classic and Cultures / Z.Y. Jiang // *Forum for World Literature Studies*. – 2019. – Vol. 11, no. 3. – P. 509–523.

12. Gagiano A. Postcolonial Illuminations of Past Betrayals in Tan's The Gift of Rain and Owuor's Dust / A. Gagiano // *Wenshan Review of Literature and Culture*. – 2019. – Vol. 12, no. 2. – P. 1–27. DOI: 10.30395/WSR.201906_12(2).0001.

13. Fyfe A. The Archival Politics of the Postcolonial Writer's Collection: A Case Study in Literary Value and Amos Tutuola / A. Fyfe // *Ariel-A Review of International English Literature*. – 2019. – Vol. 50, no. 2–3. – P. 137–161. DOI: 10.1353/ari.2019.0017.

14. Brennan K.B. Parallel Visions, Confluent Worlds: Five Comparative Postcolonial Studies of Caribbean and Irish Novels in English, 1925–1965 / K. Brisley Brennan // *Cambridge Journal of Postcolonial Literature Inquiry*. – 2019. – Vol. 6, no 1. – P 156–157. DOI: 10.1017/pli.2018.33.

15. Nandi S. Africa's Narrative Geographies: Charting the Intersections of Geocriticism and Postcolonial Studies / S. Nandi // *Transnational Literature*. – 2018. – Vol. 11, no. 1. – P 1–3.

16. Nayar P.K. Postcolonial Graphic Lifewriting: Finding My Way and the Subaltern Public Sphere / Pramod K. Nayar // *Narrative*. – 2018. – Vol. 26, no. 3. – P. 339–357. DOI: 10.1353/nar.2018.0017.

17. Rabbani F. The Silent Soldiers: A Postcolonial Feminist Study of Selina Hossain's River of My Blood and Khaled Hosseini's A Thousand Splendid Suns / F. Rabbani, T.A. Chaudhury // *Asiatic-Iium Journal of English Language and Literature*. – 2018. – Vol. 12, no. 1. – P. 25–42.

18. Taylor C. Postcolonial Studies and the Specter of Mislabeled Polemics against Postcolonial Theory: A Review of the Chibber Debate / C. Taylor // *Cambridge Journal of Postcolonial Literature Inquiry*. – 2018. – Vol. 5, no. 2. – P. 234–249. DOI: 10.1017/pli.2018.2.

19. Даниленко В. Клуб «Старий Пегас» / В. Даниленко. – Львів: Піраміда, 2019. – 252 с.

20. Маслоу А. Мотивация и личность. Самоактуализированные Люди: Исследования психологического здоровья. Мотивация и личность / А. Маслоу. – М.: Питер, 1999. – 256 с.

21. Павлишин М. Постколониальна критика і теорія [Електронний ресурс] / М. Павлишин. – Режим доступу: <https://vpered.wordpress.com/2009/10/08/pavlyshyn-postcolonial-criticism-and-theory/> (останнє звернення 05.02.2020).

AN ARTIST IN THE POSTCOLONIAL WORLD IN THE NOVEL BY VOLODYMYR DANYLENKO "THE CLUB 'OLD PEGASUS'"

Maria I. Lavrusenko, Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: mlavrusenko@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-14

Key words: *Volodymyr Danylenko, novel, satire, Zhytomyr school, artistic personality, postcolonialism.*

The body of work by the modern Ukrainian writer Volodymyr Danylenko is positioned with "Zhytomyr school". The creative manner of the artist is marked with the postmodern aesthetics. In the author's prose fiction there are a lot of ironic and satiric texts where various aspect of our life of the Independence epoch are criticized. Such is the novel "The Club 'Old Pegasus'".

The work of art touches upon the problem of the absurdity of artistic person's life in modern Ukraine, the marker of which is invincible totalitarian consciousness, lack of the stable national development strategy, instead we can trace parodic imitation of state-forming and cultural processes. Such quasi-situation is pointedly demonstrated by education and art. These are the issues which the author artistically thinks about in the parodic way.

Through the example of portraying the activity of "The Club 'Old Pegasus'", which is ruled by the main character Yuliy Solodchuk, V. Danylenko stresses upon the state of lethargic dreaming, in which national artistic associations are. In the author's ironic and satiric descriptions of the atmosphere of "Old Pegasus" one can see the attitude of the new generation of writers to the writers of an older generation who are not deprived of totalitarian thinking. The members of the club are portrayed as pseudoartists who seek acknowledgement and respect from people of their kind. In the new realities of Ukraine they cherish the same rules and laws of creativity that used to be during the Soviet epoch. The colonial way of thinking of Ukrainian artistic community which destroys a talented personality is castigated through the allusions and satiric and ironic evaluation. Yuliy Solodchuk is portrayed as an antithesis to the members of the club. He is a person of the new time and new way of thinking he strives not the imitation but the movement further.

A parodic and satiric tone dominates in the description of education in Ukraine. The author describes the University of Culture in an uncovering manner. Both general atmosphere of an institution and the behavior of the rector who embodies his commercial plans and humiliates a decent teacher are criticized. The writer states an opinion that the artistic personality cannot confront corruption and ignorance.

Psychology of the writer Solodchuk is revealed by V. Danylenko through the description of his personal life. Being absorbed in the favourite activity Solodchuk does not notice dishonesty in the relationship with his beloved woman. Appreciating freedom above all, Yuliy cannot allow the woman who wants to control him to be in love with him. With the contents of his novel V. Danylenko persuades a reader in the trivial truth: a real artist is always lonely. His happiness lies in the creative work in which, according to S. Freud, everything one has lived through is objectified.

V. Danylenko's novel "The Club 'Old Pegasus'" has an anticolonial sounding. He touches upon the supertemporal problem of relations in the artistic environment, of an artistic person and society, actualizes the issue of development of modern literature and education.

References

1. Polishhuk, Ja. *Vtecha starogo Pegasa* [The escape of an old Pegasus]. Danylenko, V. *Klub "Staryj Pegas"* [The Club 'Old Pegasus']. L'viv, LA Piramida Publ., 2019, pp. 241-251.
2. Bondarenko, O. *Mizh glamurom i despotyzmom: zhinky u romani V. Danylenka "Klub "Staryj Pegas"* [Between the glamour and despotism: women in the novel by V. Danylenko "The Club 'Old Pegasus'"]. Available at: <http://ukrainka.org.ua/node/8941> (accessed 5 February 2020).
3. Kononeko, Je. *Arhetypy zhynok u romani Volodymyra Danylenka "Klub "Staryj Pegas"* [Archetypes of women in the novel by V. Danylenko "The Club 'Old Pegasus'"]. Available at: <http://bukvoid.com.ua/reviews/books/2019/12/03/161948.html> (accessed 5 February 2020).
4. Garbaruk, K. *Jakshho my zmusheni zhyty, zanuryvshy nogy u brud, nihto nam ne zaboronjaje dyvytysja na zirky* [If we are obliged to live immersing our feet into filth, no one forbids us to look at the stars]. Available at: <https://www.volyn.com.ua/news/138842-iakshcho-my-zmusheni-zhyty-zanuryvshy-nohy-u-brud-nikhto-nam-ne-zaboroniaie-dyvytysia-na-zirky> (accessed 5 February 2020).
5. Fedaka, S. *Na kopijku amunicii, a na gryvni ambicii: Kartynky z knyzhkovogo jarmarku* [Too little ammunition, too many ambitions: Pictures from the book fair]. Available at: <https://zakarpapost.net/2019/10/07/на-копійку-амуніції-а-на-гривні-амбіції/> (accessed 5 February 2020).

6. Effe, A. Postcolonial criticism and cognitive literary studies: A new formalist approach to Antjie Krog's *Country of My Skull*. *Journal of Postcolonial Writing*, 2020, vol. 56, issue 1, pp. 97-109. DOI: 10.1080/17449855.2019.1702084.
7. Langlois, C. "A Punishment of Dreams": Reading Rushdie's *The Satanic Verses* after Orientalism. *Ariel-A Review of International English Literature*, 2020, vol. 51, issue 1, pp. 31-56.
8. Lench, J. After Said: Postcolonial Literary Studies in the Twenty-First Century. *English Studies*, 2019, vol. 100, issue 8, pp. 1019-1022. DOI: 10.1080/0013838X.2019.1676016.
9. Syrotynski, M. Postcolonial untranslatability: Reading Achille Mbembe with Barbara Cassin. *Journal of Postcolonial Writing*, 2019, vol. 55, issue 6, pp. 850-862. DOI: 10.1080/17449855.2019.1681192.
10. Topper, R. Trauma and the African Animist Imaginary in Aminatta Forna's *The Memory of Love* and Delia Jarrett-Macauley's *Moses, Citizen, and Me*. *English Language Notes*, 2019, vol. 57, issue 2, pp. 86-98. DOI: 10.1215/00138282-7716171.
11. Jiang, Z.Y. A Tempest and The Tempest: To De-ghettoize the Classic and Cultures. *Forum for World Literature Studies*, 2019, vol. 11, issue 3, pp. 509-523.
12. Gagiano, A. Postcolonial Illuminations of Past Betrayals in Tan's *the Gift of Rain* and Owuor's *Dust*. *Wenshan Review of Literature and Culture*, 2019, vol. 12, issue 2, pp. 1-27. DOI: 10.30395/WSR.201906_12(2).0001.
13. Fyfe, A. The Archival Politics of the **Postcolonial Writer's Collection: A Case Study in Literary Value** and Amos Tutuola. *Ariel-A Review of International English Literature*, 2019, vol. 50, issue 2-3, pp. 137-161. DOI: 10.1353/ari.2019.0017.
14. Brennan, K.B. Parallel Visions, Confluent Worlds: Five Comparative Postcolonial Studies of Caribbean and Irish Novels in English, 1925–1965. *Cambridge Journal of Postcolonial Literature Inquiry*, 2019, vol. 6, issue 1, pp. 156-157. Doi: 10.1017/pli.2018.33.
15. Nandi, S. Africa's Narrative Geographies: Charting the Intersections of Geocriticism and Postcolonial Studies. *Transnational Literature*, 2018, vol. 11, issue 1, pp. 1-3.
16. Nayar, P.K. Postcolonial Graphic Lifewriting: Finding My Way and the Subaltern Public Sphere. *Narrative*, 2018, vol. 26, issue 3, pp. 339-357. DOI: 10.1353/nar.2018.0017.
17. Rabbani, F., Chaudhury, T.A. The Silent Soldiers: A Postcolonial Feminist Study of Selina Hossain's *River of My Blood* and Khaled Hosseini's *A Thousand Splendid Suns*. *Asiatic-lum Journal of English Language and Literature*, 2018, vol. 12, issue 1, pp. 25-42.
18. Taylor, C. **Postcolonial Studies and the Specter of Misplaced Polemics against Postcolonial Theory: A Review of the Chibber Debate**. *Cambridge Journal of Postcolonial Literature Inquiry*, 2018, vol. 5, issue 2, pp. 234-249. DOI: 10.1017/pli.2018.2.
19. Danylenko, V. *Klub "Staryj Pegas"* [The Club 'Old Pegasus']. L'viv, LA Piramida Publ., 2019, 252 p.
20. Maslou, A. *Motivacija i lichnost'. Samoaktualizirovannye Ljudi: Issledovanie psihologicheskogo zdorov'ja. Motivacija i lichnost'* [Motivation and personality. Self-actualized people: The research of psychological health. Motivation and personality]. Moscow, Piter Publ., 1999, 256 p.
21. Pavlyshyn, M. *Postkolonial'na krytyka i teorija* [Postcolonial criticism and theory]. Available at: <https://vpered.wordpress.com/2009/10/08/pavlyshyn-postcolonial-criticism-and-theory/> (Accessed 5 February 2020).

Одержано 29.10.2019.

UDC 801.82'134.2

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-15

L.O. SHEVCHENKO,
PhD en Filología,
Docente de la Cátedra de las Lenguas Extranjeras
Facultad de Económicas
Universidad Nacional Tarás Shevchenko de Kiev

LA IMAGEN DEL MUNDO Y DEL HOMBRE EN LA RETÓRICA BARROCA

У статті досліджено бароко як тенденцію іспанської колективної свідомості XVII ст. в емоційно-семантичному розвитку реальності. Метою статті є визначення суттєвих характеристик іспанської колективної свідомості, що, у свою чергу, визначає її національно-культурні особливості. Бароко як тенденція іспанської колективної свідомості в емоційно-семантичному розвитку реальності проявляється в таких константах, як трагічне відчуття життя, тяга до смерті і одночасно посилене відчуття страху перед нею, внутрішня самотність, ідеалізм і тенденція до містицизму, персоналізму, посиленого почуття людської недосконалості та ворожості навколишнього світу. Барокова риторика може бути синтезована в співіснуванні двох течій: концептуалізму і культуранізму, представленого в романсах і лєтрільях, які становлять дві важливі форми іспанської поезії. Особливість методології дослідження полягає в тому, що для досягнення мети автором використовувалися загальні та спеціальні лінгвістичні методи, зокрема: синтезу, аналізу, етнонаціональний, лінгвогенетичний, описовий, порівняльний, комплексно-процесуальний. Використання комплексної методології дало можливість досліджувати риторичку іспанського бароко через сприйняття світу видатними поетами XVII ст., які створюють світ абсолютної краси, стилізуючи елементи, запропоновані реальністю, або підмінюючи їх іншими, такими, що можуть здійснити більший естетичний вплив. Зроблено висновки про те, що барокова поезія характеризується складним сприйняттям внаслідок міфологічних алюзій, використання культової лексики і накопичення риторичних ресурсів: використання алітерацій, довгих і складних речень, неочікуваних гіпербатонів і повторення структур. Також важливе місце належить сенсорним елементам, що стосуються кольору та музики.

Ключові слова: поезія бароко, культурне сприйняття, риторика бароко, колективна свідомість, сонет, символізація.

В статье исследуется барокко как тенденция испанского коллективного сознания XVII в. в эмоционально-семантическом развитии реальности. Целью статьи является определение основных характеристик испанского коллективного сознания, что, в свою очередь, определяет его национально-культурные особенности. Барокко как тенденция испанского коллективного сознания в эмоционально-семантическом развитии реальности проявляется в таких константах, как трагическое ощущение жизни, тяга к смерти и одновременно усиленное чувство страха перед ней, внутреннее одиночество, идеализм и тенденция к мистицизму, персонализм, чувство человеческого несовершенства и враждебности окружающего мира. Барочная риторика может быть синтезирована в сосуществовании двух течений: концептуализма и культуранизма, представленных в романсах и лєтрільях, которые составляют две основные формы испанской поэзии. Особенность методологии исследования заключается в том, что для достижения цели автором использовались общие и специальные лингвистические методы исследования, в частности: синтеза, анализа, этнонациональный, лингвогенетический, описательный, сравнительный, комплексно-процесуальный. Использование комплексной методологии дало возможность исследовать риторичку испанского барокко через восприятие мира выдающимися поэтами XVII в., которые создают мир абсолютной красоты, стилизируют элементы, предложенные реальностью, или подменяют их другими, такими, которые могут осуществить большее эстетическое воздействие. Сделаны выводы о том, что барочная поэзия характеризуется сложным восприятием вследствие ми-

фологических аллюзий, использования культовой лексики и разнообразных риторических ресурсов: использования аллитераций, длинных и сложных предложений, неожиданных гипербаатов и повторения структур. Также важное значение имеют сенсорные элементы, относящиеся к цвету и музыке.

Ключевые слова: поэзия барокко, культурное восприятие, риторика барокко, коллективное сознание, сонет, символизация.

En el siglo XVII España, que había sido la potencia más importante del mundo, se **hund**en un total fracaso y el imperio termina con los últimos reyes de la casa de Austria. De este modo, para el hombre del Barroco la vida se convierte en **pesimismo y desengaño**, la gente empieza a ver el mundo como un conjunto de falsas ilusiones que acaba con la muerte. Sin duda, estos procesos encuentran su representación de la realidad en la literatura y poesía.

José Antonio Maravall ha enumerado una serie de asuntos y tópicos literarios que definen una imagen del mundo y del hombre: «la locura del mundo, la sensación de inestabilidad de los hombres y la fugacidad de las cosas, el mundo como laberinto, como gran plaza o mesón, la concordia de los opuestos, como guerra y el hombre lobo del hombre» [1, p. 37]. De este modo, Barroco es conocido por tender a la extravagancia, la ornamentación, el cultismo y la ostentación además de buscar expresar las sensaciones, pasiones y sentimientos pese a hacerlo con un estilo donde prevalece la angustia y las contradicciones. Muchos autores han notado que la poesía barroca tiene sus bases en la **tradición renacentista**, aunque la armonía del Renacimiento irá dando paso a formas cada vez más exageradas [2–5]. Sus temas y la forma expresiva no se tratan de la misma manera simplemente porque el modo de entender la vida y el papel del hombre en el universo ha cambiado. Se siguen los preceptos del Barroco tales como el **desengaño**, el **hastío de vivir**, la **desesperación**, los **temas amorosos** o el **inconformismo** y aparece un inminente gusto por la **sátira** y el **humor**.

Desde el punto de vista estético, sobresalen la búsqueda de la novedad y de la sorpresa, el gusto por la dificultad, vinculada con la idea de que si nada es estable, todo debe ser descifrado, la tendencia al artificio y al ingenio. El escritor del Barroco pretende **impresionar los sentidos y la inteligencia** con estímulos violentos, bien de orden sensorial, sentimental o intelectual. Para lograr lo anterior, recurre a un lenguaje ampuloso y retorcido, que dificulta muchas veces la comprensión [6–8]. Pues bien, nos encontramos entonces con una **poesía sumamente compleja**, recargada, que pretende excitar la sensibilidad y la inteligencia con fuertes estímulos sensoriales, intelectuales y sentimentales. Los escritores barrocos buscan la originalidad y la sorpresa.

La retórica barroca puede sintetizarse en la coexistencia de dos corrientes: el conceptismo y el culteranismo, representados respectivamente por los dos poetas más importantes de este periodo, **Quevedo** y **Góngora**. Aunque generalmente suele afirmarse que se trata de dos estilos opuestos, una complementa a la otra, unidas por un denominador común: el de la **dificultad** y el del **concepto**. Además, persiguen el mismo fin: **romper el equilibrio clásico** y conseguir **efectos artísticos** mediante el **lenguaje**: lo cierto es que los dos buscan la complicación formal. El culteranismo intensifica los elementos sensoriales preocupado por el preciosismo y la artificiosidad formal a través de la metáfora, la adjetivación, el hipérbaton forzado o los efectos rítmicos y musicales del lenguaje. Esta corriente deja en un segundo plano el contenido de las palabras y pretende crear un mundo de belleza, impresionando para ello los sentidos con los más variados estímulos de luz, color, sonido y con un lenguaje ampuloso y culto.

De esa manera, podemos distinguir las características más importantes de la retórica barroca de los escritores culteranos: importancia preferentemente a la forma; profusión de metáforas y cultismos con el fin de crear un mundo de belleza absoluta (*puertas de rubíes* en lugar de *labios*); abuso de hipérbaton que consiste en alterar el orden de una oración, con lo que se llega a hacer difícil su comprensión (*un torrente es su barba impetuoso*, en lugar de *su barba es un torrente impetuoso*); uso de giros rebuscados e hipérbolos, frases retorcidas o elípticas, conceptos ingeniosos; modificación de las estructuras fraseológicas; uso de la mitología; empleo de neologismos latinos (*argentar* en lugar de *platear*; *tórrido*, *umbroso*, *áureo*) para crear una lengua poética de carácter eminentemente aristocrático y en un todo distinto a lo popular; desacordes verbales; uso de palabras parónimas, es decir, palabras de un sonido parecido y diferente significado para llamar la atención sobre nuestros sentidos (*nubes – naves*). La crítica señala como ejemplo más significativo del culteranismo la Fábula de Polifemo y Galatea de Luis de Góngora, en cuya primera estrofa aparecen todos los procedimientos culteranos:

*Era del año la estación florida
en que el mentido robador de Europa
– media luna las armas en la frente
y el sol todos los rayos de su pelo, –
luciente honor del cielo,
en campos de zafiro pace estrellas [10, p. 121].*

En cuanto al género literario utilizado se trata de un poema épico (hecho narrativo que presenta hechos legendarios o ficticios de las hazañas de los héroes) que aparece en el poema narrativo de Homero, pero que su fabula suele ser más descriptivo que narrativo, de manera que su intención no se debía a temas de la moral como lo habían hecho otros escritores antecesores del género.

Luis de Góngora es uno de los más excelsos artífices literarios españoles. El garbo, la soltura, la gracia poética de sus composiciones en metros populares, la dignidad y perfecta construcción de los sonetos y el prodigioso derroche metafórico de los grandes poemas, le sitúan a una altura no alcanzada por ningún otro poeta de su tiempo. Sin embargo, la temática no es donde podemos encontrar la originalidad de la poesía de Góngora. El tema para Góngora tiene poca importancia. Él utilizó la herencia del renacimiento, de la historia clásica, de los mitos y leyendas. También los personajes les tomó de la historia, leyendas y mitología: Polifemo, Galatea, Piramo, Tisbe. Utilizó la temática amorosa, dentro de que hay mucho de lo convencional: el amor no respondido, los celos, la descripción de los estados del ánimo de la persona enamorada.

Son numerosas las descripciones de la belleza física de la dama adorada. El ser femenino le representa débil, inconstante, le encanta lisonja, le gustan riquezas. Al hombre le representa utilizando los colores oscuros: es burlador o seductor, suele abusar los sentimientos de las mujeres. Todo en su poesía es estilizado: el hombre, la mujer, su sentimiento amoroso, el paisaje. En su poesía aparecen también los temas satíricos y burlescos que se convierten en un instrumento eficaz para burlarse de los defectos y vicios humanos y de sus enemigos. Se puede encontrar la sátira contra las mujeres, el amor, los estados, la sátira anticlerical. El campo temático de su poesía embarca gran número de temas y motivos tomados de la sociedad española de aquel tiempo. La sociedad española en la poesía de Góngora es representada de la manera muy oscura. En esta sociedad reinaban la mentira, la avidez, la hipocresía.

Góngora utiliza un lenguaje poético muy elaborado, muy culto, muy selecto, lleno de metáforas originales. Como un ejemplo:

*Ayer nacistes, y morirás mañana.
¿Para tan breve ser, quien te dio vida?
¿para vivir tan poco estás lucida,
y para no ser nada estás lozana?
Si te engañó tu hermosura vana,
bien presto la verás desvanecida,
porque en tu hermosura está escondida
la ocasión de morir muerte temprana.
Cuando te corte la robusta mano,
ley de la agricultura permitida,
grosero aliento acabará tu suerte
No salgas que te aguarda algún tirano;
dilata tu nacer para tu vida,
que anticipas tu ser para tu muerte [10, p. 87].*

En este poema Góngora habla sobre la belleza usando una rosa. Se pregunta que como puede ser que la rosa, para lo poco que vive, sea tan hermosa y esté siempre tan brillante. Lo que toca a los recursos literarios, se utiliza metáfora (el título «A una rosa» que correspondería a la belleza y juventud humana, y en otro verso robusta mano que representa la muerte); antítesis (en el primer verso ayer-mañana, naciste-morirás); preguntas retóricas (segundo y tercer verso); personificación (en el sexto verso a las rosas se le da una cualidad humana); pleonasma (morir muerte).

A Góngora como el poeta le caracteriza también el uso frecuente de los siguientes elementos:
– dilogía (utilización de una palabra con doble sentido). Ej: *...que yo más quiero pasar / del golfo de mi largar / a la blanca o roja corriente...* Aquí pasar significa atravesar el mar y tragar el vino [10, p. 122];

– hipérbole (se trata de una exageración, muchas veces asociada a la metáfora). Ej: *De un ojo ilustra el orbe de su frente, émulo casi del mayor lucero* [10, p. 122];

– hipérbaton (alteración del orden normal en la colocación de las palabras en una frase). Ej: *Un monte era de miembros eminente: Era un monte eminente de miembros...* [10, p. 122];

– paralelismo (reiteración de la misma estructura sintáctica en dos oraciones o versos seguidos). Ej: *las horas que limando van los días; los días que royendo van los años* [10, p. 156].

La obra poética de Góngora puede agruparse en dos sectores, según el plano en que se sitúa su autor: poesías en las que el objetivo es el logro de la belleza absoluta y poesías de carácter burlesco, en las que la realidad queda degradada; o como ha dicho Dámaso Alonso, «a un lado, las producciones en las que todo es belleza en el mundo, todo virtud, riqueza, esplendor; al otro, las gracias más chocarreras, las burlas menos piadosas y la fustigación más inexorable de todas las miserias humanas» [11, p. 32]. Pero cabe otra división, atendiendo al metro utilizado: uno sería el de las composiciones en metros cortos populares; otro, el de los poemas a base de endecasílabos (los sonetos, el Polifemo y las Soledades).

Esta doble línea-popular o culta en cuanto al metro, noble o burlesca en cuanto a la intención se da a través de toda la vida del poeta. Nadie admite ya, en cambio la idea de un Góngora fácil y un Góngora difícil, en dos momentos sucesivos, ni la de una primera fase popular y sencilla seguida de otra culta y oscura. En último término, lo único que se advierte es una progresiva complicación que alcanza por igual a las dos maneras indicadas.

Lo más importante de la producción en metros cortos tradicionales son las letrillas y romances. En unas y otros es frecuente la utilización de recursos y motivos propios de la lírica popular; canciones, bailes, estribillos, rimas asonantes, irregulares silábicas. Pero la nota distintiva de Góngora es la estilización aristocrática de lo popular y la fusión de la técnica tradicional con los artificios del estilo barroco: antítesis, metáforas, hipérbolos... Así lo vemos en las letrillas siempre graciosas y vivaces que oscilan entre lo finamente sentimental (*Dejadme llorar – orillas del mar*) y lo maliciosamente satírico (*Ande yo caliente – y riase la gente, Cuando pitos flautas... cuanto flautas pitos*).

Los romances que por su sonoridad, brillantez de color y pulcra perfección formal, constituyen uno de los más notables conjuntos del «romance artístico» del siglo XVII, ofrecen también una muy variada gama: los hay moriscos («Entre los sueltos caballos»), cautivos («Amarrado al duro banco»), amorosos («Angélica y Medoro», uno de los más bellos de Góngora), burlescos («Hero y Leandro»).

Aparte de los grandes poemas, lo esencial de la producción gongorina en endecasílabos es una abundante serie de sonetos, de perfecta arquitectura y atilada elegancia. Lo mismo que en las letrillas y romances, vemos también aquí los motivos burlescos, aplicados a la sátira literaria o personal (el dirigido a Lope: «Por tu vida, Lopillo, que me borres»).

Pero las más bellas muestras se encuentran en la evocación noble de edificios y ciudades («Sacros, altos, dorados chapiteles», dedicado al Escorial), en el elogio de personas ilustres (del Grecco) o en el tema amoroso:

*Mientras por competir con tu cabello,
oro bruñado, el sol relumbra en vano;
mientras con menosprecio, en medio el llano
mira tu blanca frente de lilio bello;
mientras a cada labio, por cogello,
siguen más ojos que al clavel temprano;
y mientras triunfa con desdén lozano
del luciente marfil tu gentil cuello;
goza cuello, cabello, labio y frente
antes lo que fue en tu edad dorada
oro, lilio, clavel, marfil luciente,
no solo en plata o viola troncada
se vuelva, mas tu y ello juntamente
en tierra, en humo, en polvo, en sombra, en nada* [10, p. 98].

Señalemos también, entre las composiciones en endecasílabos varias Canciones, como la dedicada «A la toma de Larache», en la que se advierten ya las audacias cultas de los últimos poemas.

Lo que toca al estilo culterano de Góngora, es necesario notar que el propósito fundamental del autor fue, como dijimos en otro lugar, elaborar un mundo de belleza absoluta estilizando los elementos ofrecidos por la realidad o substituyéndolos por otros de superior eficacia estética. Para ello se valió de un aristocrático lenguaje culto que, a pesar de las protestas que suscitó, no representaba una novedad absoluta, puesto que no era el fondo sino la máxima intensificación de los recursos propios de la lírica renacentista.

El arte de la metáfora fue cultivado por Góngora con maravilloso acierto. En sus versos, los montes nevados se convierten en gigantes de cristal, los pájaros en esquilas dulces de sonora pluma, el mar en cerulea tumba fría, en pabellón de espuma, en húmido templo de Neptuna; hasta las cosas más vulgares adquieren, gracias a la metáfora, un alto prestigio: el aceite sera líquido oro, los manteles blancos nieve hilada, la carne purpúreos hilos de grana fina, el gallo doméstico del sol nuncio canoro.

El uso del cultismo (neologismos e hipérbatos) le sirve de paso a Góngora para obtener los más bellos efectos de sonoridad y color. Observese el valor musical o crómico de vocablos como *zafiro*, *óvalo*, *adolescente*, *canoro*, *esplendor*, *cándido*, *púrpura*, o de versos como «*en las lucientes de marfil clavijas*», «*el fresco de los céfiros ruido*».

Los temas mitológicos son profusamente utilizados como simples elementos decorativos, en gracia a su belleza poética y su ennoblecedor prestigio, y suponen también una huida de la prosaica realidad cotidiana, dado el valor metafórico que se les confiere: Orfeo será la música, Cupido el amor, Neptuno el mar.

Con estos tres recursos capitales (metáfora, cultismo, mitología) Gongora consigue crear un maravilloso universo poético en el que todo es un constante halago a los sentidos. Para él, la belleza es ante todo belleza sensorial, de ahí que sus versos equivalgan a un espléndido cortejo de rutilantes imagenes enriquecidas por brillantes colores y armoniosas sensaciones musicales.

Pero su arte es limitado. Magnífico de color y de sonoridad, elegantemente suntuoso, realmente egregio en la expresión de la belleza plástica nos asombra pero no conmueve, porque falta de intimidad y de calor humano nos produce la sensación de algo frío e inerte. No obstante, si atendemos sólo a su maravilloso dominio de la forma, Góngora se nos ofrece como el mejor poeta europeo del siglo XVII.

En este punto no nos olvidamos de Francisco de Quevedo, el principal representante del conceptismo. Es conocido por todos que Góngora y Quevedo, los dos excelsos poetas barrocos, se enfrascaron en una contienda de sonetos ingeniosos y ofensivos el uno contra el otro. Tradicionalmente se ha explicado esta disputa como el enfrentamiento entre dos formas de entender la poesía: la dificultad en el uso de los conceptos (producto del ingenio) y la dificultad retórica y estilística (producto de una cultura clásica profunda).

Francisco de Quevedo se caracterizó por tener una personalidad muy fuerte y por uso perfecto del lenguaje; su rivalidad con Luis de Góngora se debe a la gran cantidad de obras satíricas abarcando todos los géneros literarios de su época. De esta manera se evidencia en las **características de las obras de Luis de Góngora** como relatos burlescos y en su mayoría poemas que reflejan ideas sobre el amor, en la que destaca su estilo de oscuridad con el paso del tiempo y la muerte. Góngora era muy conocido como «*Érase un hombre a una nariz pegado, érase una nariz superlativa*» con la que Quevedo en varios escritos burlescos hizo alusión y a pesar del tiempo que tiene, cierta rivalidad sigue siendo objeto de diversión para los lectores de ambos poetas. A continuación, se cita los sonetos en contra de Góngora:

*Yo te untaré mis obras con tocino
porque no me las muerdas, Gongorilla,
perro de los ingenios de Castilla,
docto en pullas, cual mozo de camino;
Apenas hombre, sacerdote indino,
que aprendiste sin cristus la cartilla;
chocarrero de Córdoba y Sevilla,
y en la Corte bufón a lo divino.*

*¿Por qué censuras tú la lengua griega
siendo sólo rabí de la judía,
cosa que tu nariz aun no lo niega?
No escribas versos más, por vida mía;
aunque aquesto de escribas se te pega,
por tener de sayón la rebeldía [10, p. 200].*

Como respuesta a estas burlas Luis de Góngora se expresó en contra de Quevedo:

*Anacreonte español, no hay quien os tope.
Que no diga con mucha cortesía,
Que ya que vuestros pies son de elegía,
Que vuestras suavidades son de arropo
¿No imitaréis al terenciano Lope,
Que al de Belerofonte cada día.
Sobre zuecos de cómica poesía
Se calza espuelas, ¿y le da un galope?
Con cuidado especial vuestros antojos
Dicen que quieren traducir al griego,
No habiéndolo mirado vuestros ojos.
Prestádselos un rato a mi ojo ciego,
Porque a luz saque ciertos versos flojos,
Y entenderéis cualquier gregüesco luego [10, p. 202].*

Como ya se conoce su enemistad se debe a varios escritos que realiza Francisco de Quevedo como parodia del estilo del cultismo de Góngora, por la que el poeta no le hizo gracia y comenzaron a responderse por medio de escritos que fueron circulando en la época.

En conclusión, resumimos que el culteranismo es una corriente literaria que cultiva la forma de las palabras dejando en un segundo plano su contenido y pretende crear un mundo de belleza, impresionando para ello los sentidos con los más variados estímulos de luz, color, sonido y con un lenguaje ampuloso y culto. Sus recursos son abuso de la metáfora con el fin de crear un mundo de belleza absoluta; uso frecuente de cultismos, es decir, palabras tomadas del latín o del griego; abuso del hipérbaton que consiste en alterar el orden de una oración, con lo que se llega a hacer difícil su comprensión; uso de palabras parónimas, es decir, palabras de un sonido parecido y diferente significado, con lo que logran impresionar y llamar la atención sobre nuestros sentidos. Todo esto caracteriza el estilo gongorino: la dificultad, debida a las alusiones mitológicas, al uso de un léxico culto y a la acumulación de recursos retóricos. En el plano fónico, destaca el uso de las aliteraciones y las paranomasias, en la forma sintáctica se emplean oraciones extensas y complejas, hipérbatos extremos y reiteración de estructuras, en el léxico predominan los cultismos, la importancia a los elementos sensoriales relacionados con el color y la música. De esta manera, se puede decir que, dentro de las **características Luis de Góngora** no centra su atención en el pensamiento ni en los sentimientos, más bien busca tratar de resaltar el placer estético de forma distinta, por eso sus poesías contienen las siguientes características:

Después de Luis de Góngora, el culteranismo fue continuado por un grupo de seguidores entre los que cabe destacar a algunos de verdadero mérito literario, aunque desgraciadamente poco conocidos, por la fobia anticulterana que ha presidido la crítica española hasta época muy reciente. Tales son Juan de Tassis, Pedro Soto de Rojas, Gabriel Bocángel, Juan de Jáuregui, etc.

Bibliografía y notas

1. Maravall J.A. La cultura del Barroco / José Antonio Maravall. – Madrid: Ariel, 2008. – 524 p.
2. Oehrli A.E. Common Places and Precepts in the Preliminary Matter in the Works of Fernando de Valverde and Luis Antonio de Oviedo y Herrera / **Andres Eichmann Oehrli // Rilce-Revista de Filología Hispanica.** – 2020. – Vol. 36, issue 1. – P. 303–337.

3. Vincent R.H. Baroco: The Logic of English Baroque Poetics / Robert Hudson Vincent // *Modern Language Quarterly*. – 2019. – Vol. 80, issue 3. – P. 234–260.
4. Osuna I. Juan de Ibaso y Malagon (1612–1694): documents for a biographical profile / Inmaculada Osuna // *Boletín de la Real Academia Española*. – 2019. – Vol. 99, issue 320. – P. 771–815.
5. Ballesteros J.R. Facete et tecte: Baroque explorations for the poetry of Marcial in *Hymnematata* (1607) by Ramirez de Prado / Juan R. Ballesteros // *E-spania-Revue Electronique d Etudes Hispaniques Medievales*. – 2019. – Vol. 32. – P. 685–714.
6. Baffetti G. The Parnassus in revolt. Baroque and anti-baroque in Italian poetry / Giovanni Baffetti // *Lettere Italiane*. – 2019. – Vol. 7, issue 2. – P. 422–427.
7. Orgaz M.C. Pygmalionism in the Poetry of the Late Baroque. Francisco Antonio de Castro following in the Footsteps of Loredano / Miguel Carabias Orgaz // *Hipogrifo-Revista de Literatura y Cultura del Siglo de Oro*. – 2019. – Vol. 7, issue 2. – P. 687–702.
8. Fathy H. Work, Identity and Life in Biographies of Baroque Authors. Adam Olearius and Johann Christian Gunther / Hebatallah Fathy // *Revista de Filología Alemana*. – 2018. – Vol. 26. – P. 9–26.
9. Sberlati F. “The Jesuits’ kingdom”. Olindo Guerrini and Baroque Literature / Francesco Sberlati // *Italinistica-Revista di Letteratura Italiana*. – 2017. – Vol. 46, issue 3. – P. 11–29.
10. Góngora y Argote L. *Antología poética* / Luis de Góngora y Argote. – Barcelona: Orbis, 1988. – 256 p.
11. Alonso D. De los siglos oscuros al de oro: (notas y artículos a través de 700 años de letras españolas) / Dámaso Alonso. – Madrid: Gredos, 1982. – 293 p.

THE IMAGES OF THE WORLD AND A MAN IN BAROQUE POETRY

Ludmila O. Shevchenko, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

E-mail: shevmila@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-15

Key words: *baroque poetry, cultural perception, baroque rhetoric, collective consciousness, sonnet, symbolization.*

The research studies baroque as a tendency of the Spanish collective consciousness of the XVII century in the emotional-semantic development of reality. Baroque as an ideological and artistic tendency has taken deep roots in Spain and influenced all the subsequent development of Spanish art and the consciousness of the nation. Moreover, baroque as a trend in art allowed the true Spanish essence to emerge. The notion of baroque allows us to aim at most adequate definition of the essential characteristics of the Spanish collective consciousness, which in turn determine its national-cultural characteristics. Baroque as a tendency of the Spanish collective consciousness in the emotional-semantic development of reality manifests itself in such constants as a tragic sense of life, a craving for death and simultaneously a heightened sense of fear of it, inner loneliness, idealism and a tendency towards mysticism, personalism, heightened sense of human imperfection and hostility of the surrounding world. From the aesthetic point of view, baroque poetry represents the search for novelty and surprise, the taste for difficulty, linked to the idea that if nothing is stable, everything must be deciphered, the tendency to artifice and ingenuity. Baroque rhetoric can be synthesized in the coexistence of two currents: the conceptism and the culteranismo represented in romances and *letrillas* which constitute two important forms of popular Spanish poetry. Peculiarities of Methodology. In the furtherance of the goal, the author uses some general scientific and special linguistic research methods, in particular: synthesis, analysis, ethnical, linguo-genetic, descriptive, comparative, complex-procedural methods. The use of the complex methods enables to consider Spanish baroque rhetoric through the world perception of outstanding XVII century poets who create a world of absolute beauty by stylizing the elements offered by reality or substituting them with others of superior aesthetic effectiveness. The conclusion is that baroque poetry is characterized by difficulty, due to mythological allusions, the use of a cult lexicon and the accumulation of rhetorical resources: use of alliterations, extensive and complex sentences, extreme hyperbatons and reiteration of structures, the importance is given to the sensory elements related to the color and music.

References

1. Maravall, J.A. *La cultura del Barroco* [Baroque Culture]. Madrid, Ariel Publ., 2008, 524 p.
2. Oehrli, A.E. Common Places and Precepts in the Preliminary Matter in the Works of Fernando de Valverde and Luis Antonio de Oviedo y Herrera. *Rilce-Revista de Filología Hispanica*, 2020, vol. 36, issue 1, pp. 303-337.
3. Vincent, R.H. Baroco: The Logic of English Baroque Poetics. *Modern Language Quarterly*, 2019, vol. 80, issue 3, pp. 234-260.
4. Osuna, I. Juan de Ibaso y Malagon (1612-1694): documents for a biographical profile. *Boletín de la Real Academia Española*, 2019, vol. 99, issue 320, p. 771-815.
5. Ballesteros, J.R. Facete et tecte: Baroque explorations for the poetry of Marcial in Hymnematata (1607) by Ramirez de Prado. *E-Spania-Revue Electronique d Etudes Hispaniques Medievales*, 2019, vol. 32, pp. 685-714.
6. Baffetti, G. The Parnassus in revolt. Baroque and anti-baroque in Italian poetry. *Lettere Italiane*, 2019, vol. 7, issue 2, pp. 422-427.
7. Orgaz, M.C. Pygmalionism in the Poetry of the Late Baroque. Francisco Antonio de Castro following in the Footsteps of Loredano. *Hipogrifo-Revista de Literatura y Cultura del Siglo de Oro*, 2019, vol. 7, issue 2, pp. 687-702.
8. Fathy, H. Work, Identity and Life in Biographies of Baroque Authors. Adam Olearius and Johann Christian Gunther. *Revista de Filología Alemana*, 2018, vol. 26, pp. 9-26.
9. Sberlati, F. "The Jesuits' kingdom". Olindo Guerrini and Baroque Literature. *Italinistica-Revista di Litteratura Italiana*, 2017, vol. 46, issue 3, pp. 11-29.
10. Góngora y Argote, L. de. *Antología poética* [Anthology of Poetry]. Barcelona, Orbis Publ., 1988, 256 p.
11. Alonso, D. *De los Siglos Oscuros al de Oro: (notas y artículos a través de 700 años de letras españolas)* [From the Dark Ages to the Golden Age: (notes and articles through 700 years of Spanish writing)]. Madrid, Gredos Publ., 1982, 293 p.

Одержано 8.11.2019.

АСПЕКТИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ПРОБЛЕМАТИКИ СХІДНИХ МОВ ТА ЛІТЕРАТУР

УДК 811: 94(575.2)

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-16

А.С. БАГИРОВА,

старший преподаватель кафедры азербайджанского языка

и методики его преподавания

Сумгаитского государственного университета (Азербайджан)

ОТРАЖЕНИЕ ТЮРКСКОЙ ИСТОРИИ В ЭТНОНИМАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСЫ ГУСЕЙНОВА

В статье дан лингвистический анализ характеристик тюркских этносов в романе писателя Исы Гусейнова «Идеал». Эти общности сыграли важную роль в формировании этнического состава азербайджанского народа. Автор внес определенный вклад в исследование этой проблемы. В романе, наряду с основной сюжетной канвой, даны характеристики азербайджанских, персидских, талышских, арабских, русских, татарских, турецких, греческих, огузских, киргизских, хакасских, башкирских, туркменских, казахских, муганских, а в романе «Гюр Ун» – магских, сельджукских, кыпчакских, тюркских этнонимов. Основываясь на топонимах, этнонимах, связанных с тюркскими племенами, автор делает вывод о происхождении наименований племен. Помимо этого, представлены различные этнографические экскурсы в быт, жизнедеятельность людей, относящихся к различным тюркским племенам. Проводятся аналогии и сравнения в толковании различных терминов исследователями.

Ключевые слова: ономастика; этнонимы; тюркские племена; огузы, кыпчаки, тюрки, муги.

Питання походження найменувань племен, що становлять основу тюркського етносу, порушені в творі «Ідеал» Іси Гусейнова, досить складні і суперечливі. Вони протягом багатьох десятиліть є предметом дослідження вчених багатьох країн і регіонів. Особливість підходу І. Гусейнова полягає в оригінальності висунутих ідей і концепцій, які, навіть у разі неможливості остаточного прояснення, дають поштовх творчій думці і можливості переосмислення словникового багатства мов народів світу і їх ролі у дослідженні власного етнічного походження. У статті подано лінгвістичний аналіз характеристик тюркських етносів у романі письменника Іси Гусейнова «Ідеал». Ці спільності відіграли важливу роль у формуванні етнічного складу азербайджанського народу. Автор зробив певний внесок у дослідження цієї проблеми. У романі, поряд з основною сюжетною канвою, подано характеристики азербайджанських, перських, талышських, арабських, російських, татарських, турецьких, грецьких, огузьких, киргизьких, хакасських, башкирських, туркменських, казахських, муганських, а в романі «Гюр Ун» – магських, сельджукських, кыпчакських, тюркських етнонімів. Грунтуючись на топонімах, етнонімах, пов'язаних з тюркськими племенами, автор доходить висновків про походження найменувань племен. Крім цього, надаються різноманітні етнографічні екскурси в побут, життєдіяльність людей, які належать до різних тюркських племен. Проводяться аналогії та порівняння в тлумаченні різних термінів дослідниками.

Ключові слова: ономастика; етноніми; тюркські племена; огузи, кыпчаки, тюрки, муги.

Названия племен имеют особое значение в языке каждого народа, ведь в наименованиях племен сохранились следы древнейших лексических пластов языка того этноса, к которому они принадлежат. Поскольку азербайджанский народ имеет древнюю историю и самобытную этническую культуру, то изучение этнонимов с этой точки зрения в азербайджанском языке имеет большое научное значение.

Этнонимика тесно связана с ономастикой и является сферой изучения племен, родов, поколений, колен, родословных, этнических групп, народов и наций. Основной задачей этой области науки является изучение законов этнонимов – традиции наименования, методы и принципы, причины и способы их возникновения и формирования, функционально-структурные, семантико-структурные типы этнонимов, общие и специфические лексические единицы, используемые в этнонимии, а также значение, происхождение и этимология их имен, нормы правильного написания и произношения их и т. д. **Проблемы этнонимии**, роли этнонимов в языках народов мира широко изучены, однако не теряю своей актуальности. Об этом свидетельствуют зарубежные научные исследования последних лет, представленные работами Дайан Швоб [1], Андреа Смит [2], Натальи Кубышиной [3], Ланы Минервини [4], Кармен Еспейо Кала [5], С. Алтыбаевой [6] и др.

Этнонимы играют важную роль в изучении этногенеза каждой нации. Семантико-структурный анализ этнонимов, составляющих одну из наиболее интересных ветвей азербайджанской ономастики, в большей степени отражающий этнические процессы, важен для формирования науки этнонимии, новой для азербайджановедения [12, с. 8, 119].

Роль этнонимов в изучении истории происхождения народов. Этнонимы являются одним из самых богатых и ценных источников для изучения этнической истории каждого народа, особенно проблемы этногенеза. Этнонимы, играющие роль исторических источников, дают обширную информацию о происхождении, этнической принадлежности, о племенах, родах, племенных объединениях, поколениях, коленах, схемах их распространения, о существующих моделях топонимического творчества, ареалах и параллелях распространения географических названий, об экстралингвистических элементах, сохранении древнетюркских элементов и т. д. [13, с. 3]. **Словарь М. Кашгарли содержит более 30 названий тюркских этносов** [20, с. 77]. Древнетюркские этносы исторически тесно общались и воздействовали друг на друга, и их имена сохранены в разных источниках. Огузские и кипчакские племена тюркского происхождения сыграли важную роль в этногенезе азербайджанского народа.

Исследования в области ономастики показывают, что этимологической основой части ойконимов являются именно этнонимы. Например, А.Н. Багиров пишет, что в Нахчыване лексический состав большей части ойконимов состоит из названий, связанных с разными племенами и родами, населявшими этот регион на разных этапах истории. На протяжении всей истории албанцы, кипчаки, огузы, печенеги, саки, сувары, хазары, гунны, кенгерли и другие племена играли важную роль в становлении и дальнейшем формировании нашего народа. По словам И.Ю. Джафарова, этнонимы в тюркских языках происходят из четырех источников – теонимы, зоонимы, орнитонимы и фитонимы. **Неизменный образ жизни – кочевье – обеспечил существование этнических имен на протяжении тысячелетий.** Самый старый слой этнических имен составляют теонимы. Самые ранние этнонимы происходят от имен тотемных богов [16, с. 316].

Проблемы тюркских этнонимов в творчестве И. Гусейнова. В романе «Идеал» писателя приведены этнонимы *azər, fars, talış, ərəb, rus, tatar, türk, qrek, oğuz, qırğız, xakas, başqır, türkən, qazax, muğ* [25, с. 4–534], а в романе «GürÜn» (Гюр Ун) имена *mağ, səlcuq, qırçaq, türk* [26, т. 5, с. 154–234]. Рассмотрим некоторые из них.

Azər. В романе «Идеал» писатель вопрошает: *Azər nədir? Guya od deməkdi bu, az ər, atəş"di guya, Savadsızlıq – ölümdü, Bir institut bitiribən, bir də ali məktəb səviyyəsində* (Что такое азербайджанец? Говорят, что это обозначает огонь, *az ər, atəş*, безграмотность – это смерть, когда окончил институт, и еще на уровне высшей школы, а толку мало) [25, с. 56]. Интересно, что в романе «Идеал» писатель часто приводит слово *Odər*. В своем произведении автор указывает на древность происхождения этого слова, оно является **фоновариантом, параллелью** слова *Azər: Bizi İraqdan – Ərəbdən qova-qova, sürə-sürə buralara səpələyiblər. Əslimin adı gurultuludur: Od ərleri! Yəni Odərik. Dilimizə də Odər demişik (Нас гнали от Ирака, то есть из *Ərəğ*, то есть мы *Odər*. И язык назван так же) [26, т. 5, с. 10]. Отметим, что в тюркских языках есть звуковой переход *d>z* типа *adak-azak*. Следовательно, у этнонимов *odər* и *azər* единое происхождение.*

Как считает И.Ю. Джафаров, этнические наименования *Ud* и *odər* связаны с установкой на *солнце*, происходят из одного и того же корня. *Ud* – это огонь, *Odər* – тот, кто по-

клоняется огню. Известно, что в шумерских, кельтских и урартских письменных источниках солнце называется «уту» [17, с. 38]. Ф. Агасиолгу стремится доказать, что слово *азер* происходит от корня слов *хазэр* и *каспі*. Автор подчеркивает, что словом *азер* пытаются порой объяснить не Азербайджан, а слово Атропатена. Однако слово «Атропатена» создано на основании модели «od-ər» (*atar*), «atəş qoruğan» (хранитель огня) (*atar-pat*) в пехлевиано-персидских языках и больше отражено в палео-греческих источниках. Слово «Азербайджан» образовано на основе этнонима «azər boyu» (*az/xəz-ər*) и «azər boyları» (*azır-bi*), что отражено в разных языковых источниках [7, с. 22]. Известно, что в персидском языке есть этноним *azər*. Однако у слова *azər*, которое входит в состав слова *Azərbaycan*, нет никакой связи со словом *azər* персидского происхождения. Иногда корень слова *Azərbaycan* некоторые исследователи связывают со словом персидского происхождения *azər* (огонь). Этноним *az*, *as* тюркского происхождения, и он упоминается в древних тюркских памятниках.

Başqırd. Vahid dil olub! Ayrı-ayrı bir-birini başa düşmiyən Türkmənə, Qazağa, Qırğıza, Tatar, Başqırda, Xakasa, Nənə-filana dönübsən! (Башкир. Был единым языком! Затем стал отдельными языками, непонятными для туркмен, казахов, татар, башкиров, хакасов, и многих других!) [25, с. 56]. Известно, что башкирский этнос – тюркского происхождения. Они относятся к кыпчакским тюркам. Этноним *Başqırd* является словосочетанием *baş* и *qurd*. В тюркологических источниках башкиров относят в географическом отношении к волжским тюркам.

Tatar. Tatar dedi: TatarlarıdasürmüşdülərKımdan, Tatarıstandan, Balkanları, Qaraçaylarıda! (Татары. Татары говорят: их депортировали из Крыма, Татарстана, Балкан, как и карачаевцев!) [25, с. 99]. *Tatar* (татарский) язык относится к кыпчакской группе тюркских языков. Слово *Tatar* состоит из двух частей: *tat* (чужой) и *ər* (человек). Татарский язык *Tatar* сохранил в себе древнейшие особенности казахского, кумыкского, башкирского, киргизского языков. На территории республики есть наименования селений *Tatar* и *Tatarlı* (Джебраилский, Кубадлинский, Горанбойский, Шамкирский районы), которые сохранили на своей территории этот древний этноним.

Oğuz. Bir kimsənin xəbəri yoxdur ki, Vətəndən tərək salınıb, «Türk»ə döndərilən Odərlərin, EvəreY ikən «Yevrey»ə, Ərüz ikən «Rus»a, Ağüz ikən «Oğuz»a döndərilənlərin Əsəlmənidə o «Solomon» – «Süleyman», Süleymandan qalan dünya”dan inci götürməyi cürət edənləri o ilan dübarə çalıb öldürür (Огуз. Разве никто не знает, что изгнанные с родины одеры, ставшие тюрками, эв-ер-еи, ставшие евреями, эр-узы – ставшие русами, аг-узы – ставшие огузами, убиваются той змеей дважды, поскольку пытались присвоить богатства Соломона (Сулеймана), оставшиеся в этом мире) [27, т. 4, с. 207]. В тюркологических источниках относительно этимологии слова *oğuz* нет единого мнения. В некоторых источниках это слово толкуют как *ök+uz* (мать уз). Ф. Сюмер отмечает, что это слово обозначает «колена племен», или «племена» [29, с. 25]. Известно, что имелось 24 племени огуз: баят, кайы, афшар, кызык, байдили, салур, кынык, байындыр, бахарлы, печенег и т. д.

Огузские и кыпчакские племена сыграли важную роль в этногенезе азербайджанского народа. Сюмер пишет, что с XI в. мы знаем, что огузы, также называемые туркменами, являются предками тюрков Азербайджана, Ирака и Туркменистана, и тюрков Турции. Если помнить, что сельджукские и османские ханства также имеют тюркский элемент, получается, что Огуз был тюркским народом, сыгравшим очень важную роль в мировой истории [29, с. 6].

О. Мирза показывает, что в слове *Oğuz* часть *ög*, *oğ* переводится как поколение, а *uz* как происхождение, и выражает смысл продолжения рода, поколения, рост населения [24, с. 162]. Мы считаем, что этноним *oğuz* состоит из словосочетания *ok*, *ög* (род, племя) + *uz*, *us* (народ уз). Наименования *Az*, *as*, *uz*, *us* относятся к именам древних тюркских племен, отмеченных в орхоно-енисейских памятниках.

Qırçaq. Mən «Dara»mı – Odərimi mədh etmişdim. Odərim isə «Qırçaq qızı kənis Afaq» göndərmişdi, «Qırçaq» kəlməsi altında demişdi: «Qarı açaq» («Кыпчак. Я восхвалял Дара, или Одара. А Одар, в свою очередь, превратился в кыпчакскую степную девушку Афаг, а под словом *кыпчак* имел в виду капы ачаг, то есть *открою дверь*») [26, т. 5, с. 167]. Кыпчаки – одно из древнейших тюркских племен. Предками казахов, башкир, татар, кумыков и ногай-

ских тюрок являются кыпчаки. Название Кыпчак (ойконим, село) в Гахском районе являет след именно этого древнетюркского этноса.

Б.А. Халилов пишет, что кыпчакский этноним встречается в хрониках, написанных в Средней Азии в первом тысячелетии до н. э. Исследователи толкуют слово «кыпчак» как «резкий, безжалостный, неудачный, несчастный, твердый» и т. д. [30, с. 257]. По словам Э.З. Ахмедовой, они прибыли в Азербайджан в средние века, и были разные мнения по поводу их прибытия в Азербайджан. М. Ширалиев отметил факт прибытия кыпчаков в Азербайджан еще в IV–VI вв., З. Буньятов считал, что они прибыли в 722–723 гг. в составе хазар [13, с. 63], а Г.А. Абдуллаев, на основании исторических источников, рассказывает о поселениях кыпчакских племен в Азербайджане в XI–XII вв. Во II–V вв. кыпчаки создали великое государство в области, называемой степь Дашт-ы-кыпчак, или Половецкая степь [10, с. 41].

В разных источниках кыпчаков называют также половцами, татарами, куманами.

Шумеры. Шумеры являются одним из древнейших народов Азии. Шумеры создали одну из первых цивилизаций в мире.

Писатель в своем романе «Идеал» так своеобразно толковал содержание этнонима *şumer*: *Şumər – «şumlamaq», «əkin, səpin üçün yararlı hala salmaq». Ər burada insan mənasındadır Şum Ərləri planeti gəzib «şum» a yararlı yerləri qeydə alanlar* (Шум-эр – пахать (на тюркском языке), привести в подходящее для пашни состояние; «эр» здесь означает человек, шум эры, бродя по Земле, искали подходящее место для пашни) [25, с. 371]. Древнее население шумеров находилось к югу от Двуречья. Обычно культуру, возникшей до шумеров в Двуречье, называют протошумерской (ранней, ранними шумерами) или убайидской (основанный на археологической культуре аль-Убейд). Шумеры считаются пришлыми людьми. Вероятно, шумеры здесь заселились в начале или во второй половине IV тысячелетия до н. э. Немецкий ученый Ф. Хоммель защищал точку зрения о прибытии шумеров из Центральной Азии и связывал шумерский язык с алтайскими языками и провел сравнение многих шумерско-тюркских слов [31, с. 52–56]. Источники указывают, что наименование шумер (*şumeru*) было впервые обнаружено во времена Римуса (XXIII в.). Шумерское слово также встречается в надписях ассирийского правителя Ашшурбанипала. Одна из этих надписей содержит информацию о «секретных шумерских документах» [18, с. 59]. Шумеры, как одна из древнейших цивилизаций, внесли свой вклад в мировую культуру. Некоторые исследования показывают, что шумеры и тюрки связаны между собой.

Muğ. И. Гусейнов в романе «Идеал» широко повествует об этнониме *muğ*: *Bir qismi isə Bağdayın gizlin guşələrində, Ulu bağ ƏsəlMənin ətrafında «Muğ» lar adlana-adlana, Odəs (Yaradan həqiqət) əvəzinə, təhrif dildə «Ataş», «Ataşpərəst» təsəvvürü içində gizlin «Muğanna»lara çevriliblər* («Часть же в тайных уголках Баглая, вокруг священного сада АсАлМен стала называться мугами, а вместо наименования ОдЭс (Сотворенная истина) получила название Муганна, что означает *aməş*, то есть огонь, *aməşpərəst*, то есть огнепоклонник») [25, с. 386]; *«Muğ» – Bağ nəslindən ancaq sənin kimi nadan cavanlar bilmirlər «Peğəmbər» nədi* (Лишь такие невежественные юноши, как ты из рода Муг-Баг не знают, что есть Пророк) [25, с. 62]. Как видно, писатель представляет слово *muğ* как древнюю форму этнонима *bağ*.

Г.С. Касумов в процессе анализа романа И. Гусейнова «Идеал» особое внимание обратил на подробный этимологический анализ этнонима *muğ / mağ*, данный писателем. Он считает, что в основе этого этнонима *bağ, baq* лежит морфема теонимического происхождения, и обозначает Бог (Аллах) [19, с. 324–325]. А.Н. Багиров пишет, что ономастическая единица *Muğan* означает примерно то, что предполагают исследователи зороастрийской религии. Ведь духовные лица этой религии происходили из племени магов, их отмечают как *мугов*. Название этого племени в Азербайджане приводится как *Мугань* [14, с. 83]. Г.И. Машадиев отмечает, что *muğal* или *muğan* есть название одного из древних тюркских племен, которые впоследствии растворились в другой группе, прежде всего, ассимилировали с узбекскими племенами [23, с. 77]. На территории Азербайджана (Шамахи, Загатала, Зангилян и др.) есть села с названием *Муганлы*. Писатель в романе «Кладбище» так пишет об этом: *Sənin bu tayda otuz iki Muğanlı*,

Muğan kəndin var. Hamısı gözünü bizə dikib. O tayda, ƏrAğda Muğannanın kitabını yayıblar. Türkiyədə Muğlar vilayəti hələ heç nə bilmir Muğannalar barədə. Sənin gör nə qədər işin var, Səmi (У тебя по эту сторону есть 32 селения Муганлы, или Мугань. И все глядят на нас. На той же стороне, в Эр Аге читают книгу Муганны. А в Турции провинция Муглар ничего не подозревает о Муганнах. Посмотри, сколько же у тебя работы, Сами) [26, т. 5, с. 11]. И в самом деле на территории Турции есть провинция Мугла. Это географическое название также связано с этнонимом *muğ / muq*. Как известно, древних жрецов также называли *магами*.

Древнегреческий историк Геродот отмечал, что Срединное царство образовалось на основе объединения шести племен, и одно из них называлось Маги. В более поздней истории это племя было известно под именем Маг и Мугх. Именно из-за того, что племя магов или мугов занималось колдовством, так называемая магия стала одним из древнейших названий древних колдовских, жреческих обрядов. Некоторые заклинания сопровождались музыкой, возможно, потому впоследствии это вызвало образование таких слов, как *тағар* (место проведения свадьбы), *туғат* (мугам, песня), (*тағ+пн* – песня), певец [21, т. 2, с. 308]. В последние годы также предпринимается инициатива объяснить этот этноним на основе древнетюркских языков. Согласно предположению о поклонении мидийцев змее, слово *maq* в древнетюркских языках на основе замены *m~b* превращается в *bükə* (большая змея) в тюркских языках: на якутском языке – *тоҕау* (змея), на монгольском – *туҕа* (змея), и т. д. [28, с. 154–159]. Обобщая анализ упомянутого выше этнонима *muğ*, можно сделать вывод, что *muğ* – это название древнейшего тюркского этноса.

Talış. Sən get Talış respublikası yarat, Xəzərimizi rusa ver, deyib, plaşının cibindən, konvertdən Adı Pünhanın məktubunu çıxarıb, – Yaxın durun, – deyib astadan oxumağa başladı (Талыш. Говоря: Пойди создай Талышскую Республику, отдай Хазар чужим, – он вытащил из кармана плаща конверт с письмом Ады Пюнхана. – Подойдите ближе. Сказав так, он стал тихо его читать) [26, т. 5, с. 119]. Известно, что талыши являются этнической группой иранского происхождения и проживают на юге Азербайджана. В Орхоно-енисейских памятниках упоминается этноним *talıs*. Есть предположение о том, что талыши, бывшие тюркским этносом, со времени ассимилировались в иранскую группу.

Есть мнение, что было древнее тюркское племя под названием *teles*. В названии этого племени были варианты *tolas / tolis / tulus*. В III в. до н. э. телесы, проживавшие в Средней Азии, в 938 г. переселились в Джунгарию, в Западную Монголию, на берега реки Саленг. В Орхонских рунах это племя упомянуто под наименованием «*tolis*», и оно в середине VII в., с 626 г., осталось в составе Западного Тюркского Каганата [13, с. 90]. Н. Марр считает, что наименования *Talistan* (Талыстан) и *Talış* (Талыш) происходят от одного корня. Талыши считали некоторые деревья священными и поклонялись им [16, с. 295].

Türk: Məlum oldu ki, Osmanlı türkü dediyimiz xalqın indiki torpağı Ərim adlanırmış qədimlərdə, Vağdayın AğÜz vilayətiymiş (Тюрк. Известно, что народ, называемый османскими тюрками, проживал в древности на землях *Ərim* (Арим), провинции *Ag Uz*, в Багдае). Наиболее часто писатель употреблял именно этот этноним [26, т. 5, с. 111].

Ф. Агаоглу отмечает, что этноним *türk* в «Авесте» используется в виде *tur* [7, с. 339]. впервые этноним *Türk* встречается в китайских источниках. Л.Н. Гумилев подчеркивает, что называли народы Ашинских ханов словом *Tu-kyu*. Пелье успешно истолковывал это слово как *turkyut*, то есть тюрки. Вместе с тем окончание множественного числа в конце слова принадлежит монгольскому языку. В древнем тюркском языке все политические термины применялись лишь во множественном числе. Это дает возможность предположить, что эти слова привнесены в тюркскую языковую среду со стороны [15, с. 23]. В свое время и в ассирийских источниках слово *türk* использовалось в виде *turukki, turuki*, следовательно, можно сделать вывод о том, что наиболее древнее наименование здесь именно *turuk*. Интересно, что в некоторых тюркских языках это слово имеет форму именно *turuk*.

Ф. Агаоглу приводит данные о том, что в древних источниках наименование *türk* дается как *turuk, tourki, tarkh*, и подчеркивает, что наиболее древней формой является как раз *turuk* [9, с. 123]. По сведениям Э.И. Азизовой, в XIV в. до н. э. в ассирийских клинопи-

сях говорится о том, что в окрестностях озера Урмия, жили *turikki*. В первом тысячелетии до н. э. в урартских клинообразных надписях, в соответствии с урартским языком, распространенным на территории Азербайджана, была местность, где проживала народность под названием *turuxi*. Этноним *Türk* у Геродота звучал как *iirk*, у Мела – *turk*, у Плиния – *tirk* [11, с. 24].

Этноним *Türk* объясняется в научной литературе по-разному: (созданный, человек, сила, мощь, закон, обычай). В словаре М. Кашкари «Дивани-люгати-ут-тюрк» слово «*türk*» встречается в трех словосочетаниях: *Türk quyaş edi*; *türk uzum edi*; *türk yiqit*. В первом из них *türk* означает солнце, во втором – время, в третьем – молодой. А.Н. Кононов в своей статье об этимологии тюркского этнонима пишет, что это слово состоит из частей *türk+k*. Первая часть слова в виде *türk/tür* используется в смысле *сила, мощь*, во второй части – *k* следует объяснять как частица *-çür, -kür* в значении *женщина* [22, т. 2, с. 194]. Во многих других источниках подчеркивают, что слово *türk* происходит от глагола *törə*. Ф. Сюмер также выдвинул гипотезу о том, что слово *türk* произошло от неопределенной формы глагола *törümək (törük-türük)* [29, с. 9]. Л.Н. Гумилев также объясняет этимологию слова *türk* как *сильный, прочный* [15, с. 23].

Г.С. Касумов отмечает, что в бассейне озера Урмия люди жили еще в начале II тысячелетия до н. э., однако к середине III тысячелетия племенем, проживавшим в составе лулли, были *турукки*, или *туруки*. *Turukki* считается ранней формой слова *türk*. В индийских источниках раннего средневековья встречается наименование *turukka*, хотанских текстах – *ttruki*, в тибетских источниках – *druq, druqu*, в аккадской клинописи II тысячелетия – *turukki, turuki* [18, с. 196]. Предположительно слово *türk* могло произойти от глагола *törə* (сотворенный, произведенный).

Fars. Çünki təhrif mühitdə BağMən demirik biz özümüzə, Ərəbin, Farsın təhrif diliynən «Məğmun» deyirik (Персидский. Поскольку в искаженной среде мы себя не называем *BağMən*, а говорим в искаженном персидском варианте *Məğmun*) [25, с. 377]. Как известно, персы являются по своему происхождению древним индоевропейским народом. В европейских источниках их называют персами, а сам Иран – Персией.

Вопросы происхождения наименований племен, составляющих основу тюркского этноса, затронутые в произведении «Идеал» Исы Гусейнова, достаточно сложны и противоречивы. Они вот уже на протяжении многих десятилетий являются предметом исследования ученых многих стран и регионов. Особенность подхода И. Гусейнова состоит в оригинальности выдвигаемых идей и концепций, которые, даже в случае невозможности окончательного прояснения, дают толчок творческой мысли и возможности переосмысления словарного богатства языков народов мира и их роли в исследовании этнического происхождения каждого из них.

Список использованной литературы

1. Schwob D. The ethnonyms: revealing ethnostyles? Milestones for a comparative literary glossary / D. Schwob // 4E Congres Mondial de Linguistique Francaise. – 2014. – Vol. 8. – P. 137–155. DOI: 10.1051/shsconf/20140801370.
2. Smith A.L. Thoroughly Mixed Yet Thoroughly Ethnic: Indexing Class with Ethnonyms / A.L. Smith // Journal of Linguistic Anthropology. – 2013. – Vol. 23, issue 2. – P. E-11–E-22. DOI: 10.1111/jola.12012.
3. Kubyshina N. The role of ethnonyms in the ethnic consciousness of the author of “The Song of Igor’s Campaign” / N. Kubyshina // Cuadernos de Rusistica Espanola. – 2015. – Vol. 11. – P. 33–46.
4. Minervini L. The Lombards at the VI Crusade A note on the French overseas lexicon and a forgotten ethnonym / L. Minevrini // Zeitschrift fur Romanische Philologie. – 2019. – Vol. 135, issue 1. – P. 1–28. DOI: 10.1515/zrp-2019-0001.
5. Espejo Cala C. America in Spanish News Pamphlets, 1618–1635. The Use of Ethnonyms in the News Discourse / C. Espejo Cala // Hipogrifo-Revista de Literatura y Cultura del Siglo de Oro. – 2019. – Vol. 7, issue 2. – P. 729–741. DOI: 10.13035/H.2019.07.02.52.

6. Altybayeva S.M. Representative Models of Military Codes in the Kazakh Historical Novels / S.M. Altybayeva, L. Comutstsi // Bulletin of the National Academy of Sciences of Republic of Kazakhstan. – 2019. – Issue 2. – P. 79–87. DOI: 10.32014/2019.2518-1467.43.
7. Агасиоглу Ф.С. Поколение Азер / Ф.С. Агасиоглу // Азербайджанский народ: сб. ст. – Баку: Чираг, 2005. – С. 17–22.
8. Агасиоглу Ф.С. Доисламская история азербайджанских тюрок. Часть I: Исторические источники / Ф.С. Агасиоглу. – Баку: Эльм, 2014. – 337 с.
9. Агасиоглу Ф.С. Бог. Апостол Авраам. Перевод Паша Ченгиз Кара, Эргун (Турция) / Ф.С. Агасиоглу. – Баку: Ганун, 2009. – 150 с.
10. Агри М. Азиатская Европа / М. Агри. – М.: АСТ, 2008. – 1128 с.
11. Азизов Е.И. Историческая диалектология азербайджанского языка / А.Е. Азизов. – Баку: Наука и образование, 2016. – 348 с.
12. Ахмедова Е.З. Этнонимы Азербайджана / Е.З. Ахмедова. – Баку: Нурлан, 2007. – 128 с.
13. Ахмедова Е.З. Словарь этнонимов азербайджанского языка / Е.З. Ахмедова. – Баку: Наука и образование, 2017. – 104 с.
14. Багиров А.Н. Лингвистические особенности нахичеванских топонимов / А.Н. Багиров. – Баку: Наука, 2002. – 288 с.
15. Гумилев Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилев. – М.: Клышников, Комаров и Ко, 1993. – 536 с.
16. Джафарсой И.Ю. Теонимы и этнонимы в тюркских языках (на основе ономалогической лексики мертвых языков Центральной Азии) / И.Ю. Джафарсой. – Баку: Виктори, 2010. – 365 с.
17. Джафарсой И.Ю. Следы турецкой мифологии в иберском и гайском фольклоре / И.Ю. Джафарсой. – Баку: Изд-во университета Хазар, 2014. – 224 с.
18. Кязимов В. История азербайджанского языка / В. Кязимов. – Баку: Тахсил, 2003. – 584 с.
19. Кязимов В. Тайна замкнутого мира, или Этнолингвистическая теория / В. Кязимов // Мысли искусства. – Баку: Азербайджанская государственная библиотека, 1997. – С. 304–332.
20. Кязимов Ю.И. Историческая ономастическая лексика XI века (по материалам произведения Махмуда Кашгарли «Дивани-эт-тюрк») / Ю.И. Кязимов. – Баку: Наука, 2008. – 231 с.
21. Курбанов А.М. Основы азербайджанской ономастиологии: в 2 т. / А.М. Курбанов. – Баку: Нурлан, 2004. – Т. 1. – 340 с.
22. Курбанов А.М. Основы азербайджанской ономастиологии: в 2 т. / А.М. Курбанов. – Баку: Нурлан, 2004. – Т. 2. – 502 с.
23. Машадиев Г.И. Историко-лингвистический анализ топонимов Азербайджана (по материалам Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа) / Г.И. Машадиев. – Баку: Наука и образование, 2010. – 232 с.
24. Мирза О.М. Наши имена / О.М. Мирза. – Баку: Энциклопедия Азербайджана, 1993. – 272 с.
25. Муганна И. Идеал / И. Муганна. – Баку: Лидер, 2015. – 536 с.
26. Муганна И. Избранные произведения: в 6 т. / И. Муганна. – Баку: Евразия Пресс, 2009. – Т. 6. – 576 с.
27. Муганна И. Избранные произведения: в 6 т. / И. Муганна. – Баку: Евразия Пресс, 2009. – Т. 5. – 480 с.
28. Рагимов А. О происхождении слов Мед и Маг / А. Рагимов // Вопросы азербайджанской филологии. – 1983. – Вып. 1. – С. 154–159.
29. Сүмер Ф. Огуз / Ф. Сүмер. – Баку: Писатель, 1992. – 432 с.
30. Халилов Б.А. Введение в тюркологию / Б.А. Халилов. – Баку: Нурлан, 2006. – 384 с.
31. Юсифов Ю.Б. Основы топонимики / Ю.Б. Юсифов, С.К. Керимов. – Баку: Тахсил, 1987. – 344 с.

REFLECTION OF TURKISH HISTORY IN ETHNONYMS OF ISA HUSEYNOV'S WORKS

Ainura S. Bagirova, Sumgait State University (Azerbaijan).

e-mail: mustafayeva.aynure@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-16

Key words: *onomastics; ethnonyms; Turkic tribes; Oghuz, Kypchaks, Turks, Mugi.*

The article provides a linguistic analysis of the characteristics of Turkic ethnic groups in the novel by the writer Isa Huseynov "Ideal". These communities played an important role in shaping the ethnic composition of the Azerbaijani people. The author made a certain contribution to the study of this problem. In the novel, along with the main plot outline, the characteristics of Azerbaijani, Persian, Talysh, Arabic, Russian, Tatar, Turkish, Greek, Oguz, Kyrgyz, Khakass, Bashkir, Turkmen, Kazakh, Mugan are given, and in the novel "Gyur Un" – magical, Seljuk, Kypchak, Turkic ethnonyms. The metaphorical and creative nature of the author's approach to the problem should be emphasized. Based on toponyms, ethnonyms associated with Turkic tribes, the author draws conclusions about the origin of the names of the tribes. In addition, various ethnographic excursions into everyday life and the life activity of people belonging to different Turkic tribes are made. Analogies and comparisons are made in the interpretation of various terms by researchers.

The issues of the origin of the names of the tribes that form the basis of the Turkic ethnic group, raised in Isa Huseynov's "Ideal", are quite complex and controversial. For many decades now they have been the subject of research by scientists in many countries and regions. The peculiarity of I. Huseynov's approach is the originality of the ideas and concepts put forward, which, even if it is impossible to fully clarify, give an impetus to creative thought and the possibility of a new rethinking of the vocabulary richness of the languages of the peoples of the world and their role in the study of the ethnic origin of each of them.

References

1. Schwob, D. The ethnonyms: revealing ethnostyles? Milestones for a comparative literary glossary. *4E Congres Mondial de Linguistique Francaise*, 2014, vol. 8, pp. 137-155. DOI: 10.1051/shs-conf/20140801370.
2. Smith, A.L. Thoroughly Mixed Yet Thoroughly Ethnic: Indexing Class with Ethnonyms. *Journal of Linguistic Anthropology*, 2013, vol. 23, issue 2, pp. E-11-E-22. DOI: 10.1111/jola.12012.
3. Kubyshina, N. The role of ethnonyms in the ethnic consciousness of the author of "The Song of Igor's Campaign". *Cuadernos de Rusistica Espanola*, 2015, vol. 11, pp. 33-46.
4. Minervini, L. The Lombards at the VI Crusade A note on the French overseas lexicon and a forgotten ethnonym. *Zeitschrift fur Romanische Philologie*, 2019, vol. 135, issue 1, pp. 1-28. DOI: 10.1515/zrp-2019-0001.
5. Espejo Cala, C. America in Spanish News Pamphlets, 1618-1635. The Use of Ethnonyms in the News Discourse. *Hipogrifo-Revista de Literatura y Cultura del Siglo de Oro*, 2019, vol. 7, issue 2, pp. 729-741. DOI: 10.13035/H.2019.07.02.52.
6. Altybayeva, S. M., Comutstsi, L. Representative Models of Military Codes in the Kazakh Historical Novels. *Bulletin of the National Academy of Sciences of Republic of Kazakhstan*, 2019, issue 2, pp. 79-87. DOI: 10.32014/2019.2518-1467.43.
7. Agasioglu, F.S. *Pokolenie Azer* [Generation Azer]. *Azerbajdzhanskii narod. Sbornik statei* [Azerbaijani people. Collected papers]. Baku, Chirag Publ., 2005, pp. 17-22.
8. Agasioglu, F.S. *Doislamskaja istorija azerbajdzhanskih tjurok. Chast' I: Istoricheskie istochniki* [Pre-Islamic history of the Azerbaijani Turks. Part I: Historical sources]. Baku, Elm Publ., 2014, 337 p.
9. Agasioglu, F.S. *Bog. Apostol Avraam. Pervod Pasha Chengiz Kara, Ergun (Turciya)* [God. The Apostle Abraham. Translation of Pasha Cengiz Kara, Ergun (Turkey)]. Baku, Ganun Publ., 2009, 150 p.
10. Agri, M. *Aziatskaja Evropa* [Asian Europe]. Moscow, AST Publ., 2008, 1128 p.
11. Azizov, E.I. *Istoricheskaya dialektologiya azerbajdzhanskogo yazyka* [Historical dialectology of the Azerbaijani language]. Baku, Nauka i obrazovanie Publ., 2016, 348 p.
12. Ahmedova, E.Z. *Etnonimy Azerbajdzhana* [Azerbaijani ethnonyms]. Baku, Nurlan Publ., 2007, 128 p.
13. Ahmedova, E.Z. *Slovar etnonimov azerbajdzhanskogo yazyka* [Ethnonyms of Azerbaijani Language Dictionary]. Baku, Nauka i obrazovanie Publ., 2017, 104 p.
14. Bagirov, A.N. *Lingvisticheskie osobennosti nahichevanskih toponimov* [Linguistic features of Nakhichevan toponyms]. Baku, Nauka Publ., 2002, 288 p.
15. Gumilyov, L.N. *Drevnie tjurki* [Ancient Turki]. Moscow, Klyshnikov, Komarov i Ko Publ., 1993, 536 p.

16. Dzhafarsoy, I.Yu. *Teonimy i etnonimy v tjurkskih yazykah (na osnove onomalogicheskoi leksiki mertvyh yazykov Centralnoj Azii)* [Theonomy and ethnonyms in Turkic languages (On the basis of homologically vocabulary of dead languages of Central Asia)]. Baku, Viktori Publ., 2010, 365 p.
17. Dzhafarsoy, I.Yu. *Sledy tureckoi mifologii v iverskom i gajskom fol'klore* [Traces of Turkish mythology in Iberian and Gai folklore]. Baku, Izdatelstvovo universiteta Hazar Publ., 2014, 224 p.
18. Kyazimov, V. *Istorija azerbajdzhanskogo jazyka* [History of Azerbaijani Language]. Baku, Tahsil Publ., 2003, 584 p.
19. Kyazimov, V. *Taina zamknutogo mira, ili Etnolingvisticheskaya teorya* [The Secret of the closed world, or Ethnolinguistic theory]. *Mysli iskusstva* [Thoughts of art]. Baku, Azerbajdzhanskaja gosudarstvennaja biblioteka Publ., 1997, pp. 304-332.
20. Kyazimov, Yu.I. *Istoricheskaya onomasticheskaya leksika XI veka (po materialam proizvedeniya Mahmuda Kashgarli «Divani-jet-tjurk»)* [Historical onomastic lexicon of the 11 century (based on the materials of Mahmud Kashgarli's "Divani-et-Turk")]. Baku, Nauka Publ., 2008, 231 p.
21. Kurbanov, A.M. *Osnovy azerbajdzhanskoy onomologii: v 2 t.* [Basics of Azerbaijani onomasiology: in 2 volumes]. Baku, Nurlan Publ., 2004, vol. 1, 340 p.
22. Kurbanov, A.M. *Osnovy azerbajdzhanskoy onomologii: v 2 tomah* [Basics of Azerbaijani onomasiology: in 2 volumes]. Baku, Nurlan Publ., 2004, vol. 2, 502 p.
23. Mashadiev, G.I. *Istoriko-lingvisticheskij analiz toponimov Azerbajdzhana (po materialam Sbornika materialov dlja opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza)* [Historico-linguistic analysis of Azerbaijani toponyms (Collection of materials for description of districts and tribes of Caucasus)]. Baku, Nauka i obrazovanie Publ., 2010, 232 p.
24. Mirza, O.M. *Nashi imena* [Our names]. Baku, Enciklopediya Azerbajdzhana Publ., 1993, 272 p.
25. Muganna, I. *Ideal* [Ideal]. Baku, Lider Publ., 2015, 536 p.
26. Muganna, I. *Izbrannye proizvedeniya: v 6 t.* [Selected works: in 6 volumes]. Baku, Evraziya Press Publ., 2009, vol. 6, 576 p.
27. Muganna, I. *Izbrannye proizvedeniya: v 6 t.* [Selected works: in 6 volumes]. Baku, Evraziya Press Publ., 2009, vol. 5, 480 p.
28. Ragimov, A. *O proishozhdenii slov Med i Mag* [About etymology of the words "Med" and "Mag"]. *Voprosy azerbajdzhanskoy filologii* [Questions of Azerbaijani Philology], 1983, issue 1, pp. 154-159.
29. Sumer, F. *Oguz* [Oguz]. Baku, Pisatel Publ., 1992, 432 p.
30. Halilov, B.A. *Vvedenie v tjurkologiju* [Introduction to Turkic Studies]. Baku, Nurlan Publ., 2006, 384 p.
31. Yusifov, Yu.B., Kerimov, S.K. *Osnovy toponimiki* [Basics of Toponymy]. Baku, Tahsil Publ., 1987, 344 p.

Одержано 15.11.2019.

УДК 821.161

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-17

И.Т. БАХШАЛИЕВА,

*докторант отдела азербайджанской литературы XX века (советский период)
Института литературы имени Низами
Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку)*

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ РОМАНЕ 1930–1950-х гг. ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы бесправного положения женщин в Азербайджане, подавления их свободы в обществе, процессы эмансипации женщин, отраженные в романах 1930–1950-х гг. Хотя Азербайджан является первой страной на Востоке, которая предоставила женщинам право участвовать в выборах, избирать и быть избранными, на первых порах обеспечение свободы женщин сталкивалось с патриархальным укладом, а многовековые обычаи и привычки препятствовали их полному освобождению. Несмотря на то, что в советский период борьба за освобождение женщин была частью правительственной «культурной революции», эта проблема оставалась актуальной, особенно в патриархальном обществе. Поэтому отражение данной темы в романах 1930–1950-х гг. не случайно. В произведениях 1930-х гг. предстает образ азербайджанской женщины, которая постепенно осознает свое положение и начинает активнее участвовать в жизни нового общества. С приобретением прав борьба азербайджанских женщин расширяется и идет глубже, проникая в общественное сознание, духовно-культурную, социально-психологическую и бытовую сферы. Борьба за свободу женщин в советское время была одной из составных частей программы «культурной революции», официально осуществляемой государством, но иногда она имела обратный эффект. В романах 1930–1950-х гг. представлены десятки женских образов как воплощение этого процесса. В статье дан их подробный анализ, показано социальное пробуждение азербайджанской женщины, дана оценка ее роли и места в азербайджанских романах. Установлено, что для романов 1930–1950-х гг. типично противостояние «женщины-общественницы» и «домашней женщины».

Ключевые слова: азербайджанский роман, женская свобода, литература 1930–1950-х гг., азербайджанская женщина, психологический конфликт, современность.

У статті розглянуто проблеми безправного становища жінок в Азербайджані, придушення їх волі в суспільстві, процеси емансипації жінок, відображені в романах 1930-1950-х рр. Хоча Азербайджан є першою країною на Сході, яка надала жінкам право брати участь у виборах, обирати і бути обраними, на перших порах забезпечення свободи жінок стикалося з патріархальним укладом, а багатовікові звичаї і звички перешкоджали їх повному визволенню. Незважаючи на те, що в радянський період боротьба за звільнення жінок була частиною урядової «культурної революції», ця проблема залишалася актуальною, особливо в патріархальному суспільстві. Тому відображення цієї теми в романах 1930–1950-х рр. не випадкове. У творах 1930-х рр. постає образ азербайджанської жінки, яка поступово усвідомлює своє становище і починає активніше брати участь у житті нового суспільства. З набуттям прав боротьба азербайджанських жінок розширюється і йде глибше, проникаючи в суспільну свідомість, духовно-культурну, соціально-психологічну та побутову сфери. Боротьба за свободу жінок за радянських часів була однією зі складових частин програми «культурної революції», офіційно здійснюваної державою, але іноді вона мала зворотний ефект. У романах 1930–1950-х рр. змальовано десятки жіночих образів як втілення цього процесу. У статті зроблено їх детальний аналіз, показано соціальне пробудження азербайджанської жінки, дано оцінку її ролі та місця в азербайджанських романах. Встановлено, що для романів 1930–1950-х рр. типовим є протистояння «жінки – громадської активістки» і «домашньої жінки».

Ключові слова: азербайджанський роман, жіноча свобода, література 1930–1950-х рр., азербайджанська жінка, психологічний конфлікт, сучасність.

Пробуждение женщины как личности, проблема ее эмансипации является одной из основных проблем, затрагиваемых в литературе и культуре XX в., о чем свидетельствует неугасающий интерес исследователей к вопросам женской эмансипации (имеем в виду работы Романа Селезнева [1], Эдуарда Шульца [2], Дезидерии Мурти [3], Виктории Босна [4], Сольвейг Брендел [5], Риммы Сабировой [6], Марины Ариас-Вихиль [7], Годвина Макудзе [8], Элифа Кукукалиоглу [9] и др.). Свобода женщин, социальное равенство женщин с мужчинами в обществе – это проблема, которой неустанно уделяли внимание в мировой литературе. Отметим, что и азербайджанские классики посвящали свое творчество вопросам эмансипации женщин. Так, писатели М.Ф. Ахундзаде, Н.Б. Везиров, А. Ахвердиев в своих просветительских пьесах, Дж. Мамедгулузаде, Н. Нариманов, С.М. Ганизаде, У. Гаджибейли, С.С. Ахундов во многих своих произведениях, поэты М. Хади, М.А. Сабир, Г. Джавид в своих стихотворениях и другие поднимали проблему униженного и несправедливого положения женщины, ее свободы. Азербайджанская Народная Демократическая Республика, основанная в 1918–1920 гг., первая демократическая республика на Востоке признала права женщин и предоставила им равное с мужчинами конституционное избирательное право. Азербайджанская классическая литература своим вкладом в достижение женщиной этого уровня развития опередила многие западные страны, включая Соединенные Штаты Америки.

Эта победа национального азербайджанского государства, в какой-то мере обеспечила активное участие женщин в общественной жизни, но пока статус их в обществе еще не был достаточно высоким. Как подтверждалось также и в романах 1930-х гг., в советское время отношение к женщинам оставалось неизменным, то есть среди широких народных масс оно было как в патриархальном обществе, что делало актуальным вопрос о свободе женщин.

Социальные проблемы женщин, отражаемые в художественной литературе. Борьба за свободу женщин в советское время была одной из составных частей программы культурной революции, официально осуществляемой государством, но иногда имела обратный эффект. Освобожденные женщины сталкивались в реальной жизни с большим количеством нападков. Не случайно одной из главных тем литературы 1920–1930-х гг. стала тема освобождения женщин. В частности известно, что «в 1920–30-х годах трудно было найти писателя, который не писал бы о жизни, судьбе и приключениях азербайджанской женщины. Это А. Хагвердиев, А. Шаиг, Ю.В. Чемензаминли, С.С. Ахундов, Т.Ш. Симург, Дж. Джаббарлы, С. Гусейн, Б. Талыблы, Кантемир, Г. Назарлы, Г. Мехди, А. Велиев, А. Рахман, М. Ибрагимов и др. Указанными и другими авторами на эту тему было написано много рассказов, а в повестях и романах того периода эти проблемы были особенно глубоко раскрыты» [12, с. 128–129].

В указанной литературе показывалось, что проблема свободы женщин не ограничивается ее стремлением к социальной и политической свободе, здесь следует учесть моральную свободу женщин, психологию взаимоотношений между людьми, коренное изменение отношения общества к женщинам и другие аспекты. Проблема женского пробуждения и освобождения стала одной из тем, которые сильно волновали писателей. Проблема женского пробуждения в азербайджанской литературе начинается с протестов Сакины в «Истории процесса юристов» М.Ф. Ахундзаде и образа Зейнаб, созданного Дж. Мамедгулузаде в «Историях села Данабаш». Помимо социально-политической свободы женщин в трагедиях Гусейна Джавида «Марал», «Пропасть», «Афет», Джафара Джаббарлы – «Айдын» и «Октай Элоглу» в центре внимания находятся также бытовые и психологические проблемы. Проблема женской свободы вызвала большой общественный резонанс после пьесы Дж. Джаббарлы «Севиль». В рассказах на женскую тему Дж. Джаббарлы и С. Гусейна, пьесах «Алмаз» Ч. Джаббарлы и М. Ибрагимова «Жизнь» азербайджанская женщина, познавшая социально-политические свободы, также становится создателем нового общества. Внутренне свободная азербайджанка активно участвует в социальных отношениях, выступая рупором-героем в художественных произведениях.

В романах 1930-х гг. рассказывается о положении азербайджанской женщины в до-революционном феодально-патриархальном обществе, ее социальной зависимости, длительном процессе получения прав и свобод, ее активном участии в качестве строителя нового общества. В романе Сулеймана Рагимова «Шамо» изображены десятки реальных женщин разных классов и профессий (Гюльсенем, Гемер, Телло, Сара, Айна, Наталья, Алагез, Гарагиле, Геярчин, Пасы, старуха Гызгайт, Зарринтадж ханум, Селтенет ха-

нум и т. д.), их различные характеры и богатый внутренний духовный мир, семейная психология» [11, с. 464]. Если такие образы, как Пасы, старуха Гызгайт, Зарринтадж ханум, Салтанат ханум, Геярчин отражают образ жизни и традиции умершего мира, то Телло, Сара, Айна и другие образы подчеркивают жалкое, отсталое, зависимое положение женщины. Одновременно образы Гюльсенем, Гемер и Алагез отражают и утверждают духовную красоту, достоинство и честь азербайджанской женщины, которая постепенно пробуждается от векового сна и добивается своих прав, порой даже посмертно. Любящая Алагез представляет силу женского характера, которая страстно пытается избавиться от оков патриархальной среды. Ее трагедия в неспособности социальной среды признать права женщин.

В первой краткой версии романа «Шамо» изображение образа Гемер выглядит более ярким, и есть даже исследователи, которые связывают с этим образом в целом успех всего произведения: «линия Шамо-Гемер разработана в лирическом ключе. Чистая любовь Гемер дополняет деятельность Шамо, его усердие в работе. Гемер искала прекрасную жизнь не во внешних условиях, а в сердце Шамо». В оригинальной, краткой версии произведения этот мотив особенно ярко выражен, и можно уверенно сказать, что успех первого выпуска «Шамо» в целом во многом связан с романтическим пафосом этого произведения» [13, с. 63–64].

В «Эпопее» чистая и безграничная любовь Гемер подтверждается в ряде подробных эпизодов, в социальной борьбе за преодоление всевозможных патриархальных противоречий и смертью, принятой вместе с Шамо в одном окопе. «Гемер пришла прямо к Шамо. Шапка со звездой упала с головы Гемер, выющиеся волосы рассыпались по плечам. Тяжело раненный Шамо сказал: «Гемер, это ты? ... ты пришла?» ... «Да, это я, я пришла к тебе, Шамо!» – «Я знаю, я слышал ... что ты убежала. Ведь я ... все ... вспоминал тебя; вот мы встретились...» [16, с. 410]. С. Рагимов называет эту любовь «трагической любовью», которая останется в памяти людей, как образец женского самопожертвования.

Литературная критика в романах 1930-х гг. выделила образ Гумру в произведении Абульгасана «Ухабы» с точки зрения социальной значимости: «Гумру занимает важное место среди позитивных образов. Азербайджанка, которой было суждено проводить жизнь на протяжении веков взаперти, меж четырех стен, теперь идет в первых рядах сознательных строителей социализма. Дороги трудны, запутаны и идут под уклон, и трудно не споткнуться, не упасть, не ошибиться... Автор постарался, чтобы изображение этой женщины не было схематичным. Абульгасан, хотя и в несколько идеализированной форме, создал этот образ женщины новой страны, как человека, имеющего свои слабые и сильные стороны» [10, с. 30–31].

В романе Гумру сражается на общественном фронте: «Гумру любима больше всех за свой целостный характер, за активную роль в общественных событиях, за свою яркость и оригинальность. Эта дочь Чолаг Наби (хромого Наби), которая смогла вынести невероятные боль и лишения в свои 22 года, и лишь после революции смогла окончить первоклассную специализированную школу и кооперативные курсы. Затем она стала активным членом партии и была назначена заместителем председателя колхоза» [11, с. 543].

Чтобы сделать образ Гумру как женщины более ярким, Абульгасан представляет ее параллельно с другим женским образом романа – «Красивая, грациозная дочь Бабаджана Нушу». Гумру – общественница, а Нушу – «индивидуалистка», в те времена так называли тех, кто не мог выйти за пределы семейно-бытовых представлений. Нушу не интересует общественная работа, ей больше интересен видный, представительный парень Буньяд, приехавший из города. Первый путь, общественной деятельности, полон страданий и лишений, а Нушу через свою женскую любовь и усилия смогла стать женой Буньяда. Стоит отметить, что для романов 1930–1950-х гг. типичны как раз эти две линии противостояния «женщины-общественницы» и «домашней» женщины.

Исследователи также обращают внимание на схематизм этого конфликта в одном из первых романов на указанную тематику – «Ухабы». А Мирахмедов считает, что здесь допущены невнимательность и спешка. Исследователь подчеркивает, что не указаны факторы, которые изменяют и обновляют Нушу, и отмечает, что в изображении характера Гумру также есть аналогичные недостатки. В итоге эта активная женщина получается сухим, формальным человеком.

Еще один образ Гумру считается своего рода достижением 1930-х гг. Образ Гумру в романе Мир Джалала «Воскресший человек» противостоит здесь даже главному герою, Кадыру: «Неправильно приписывать успех этого романа воскресению Кадыра. В романе присутствует

сильный национальный художественный характер, такой, как Гумру... Этот образ перекрывает революционные образы романа своей естественностью и мастерским раскрытием. Она своей храбростью, мужеством, неукротимостью, тем, что из-за чести она даже принесла в жертву своего грудного ребенка напоминает героиню Бурлы хатун в «Китаби Деде Горгуд», Нигяр из «Кероглу», Гаджар народного героя Неби, Гемер «Шамо». Он не только похожа в чем-то, но и доказывает это своими характером и поступками» [14, с. 78]. Фактически ситуация, с которой столкнулся Гумру в романе, аналогична ситуации с Зейнаб в «Рассказах о деревне Данабаш» Джалила Мамедгулузаде. Но если Мамедгулузаде, писатель-реалист, изображает, несмотря на все сопротивление Зейнаб, ее отчаяние и поражение, то в «Воскресшем человеке» Гумру трагически умирает из-за давления окружающей среды – Бебир Бека, Сарыглы Моллы, Криворуккой бабы Саялы, но не выходит замуж за Бебир Бека, хотя все ей говорили о смерти Кадыра и его уже нет. Своей смертью она доказала подлинную цену истинных моральных норм традиционного общества. Образ Гумру разработан здесь в романтическом плане.

Вместе с тем наиболее типичный женский персонаж 1930-х гг. – образ Соны в романе Мир Джалала «Манифест молодого человека». В ее образе воплощается наиболее важный аспект женственности – материнство. Исследователи больше всего подчеркивают патриотизм этой героини, которая не продает ковер «Юсиф-Зулейха» иностранным покупателям. Ковер является воплощением чистой любви Соны, и предназначен ею для дара этой любви – сына. Она хранила ковер в течение 20 лет, ко дню его свадьбы. Но в произведении эта сюжетная линия не является изолированным эпизодом, она является результатом постепенного противостояния матери с окружающей средой и социальными реалиями.

Здесь показано, что Сона росла без отца, изображены мучительные сцены, полные забот о Бахар, которая работала прислугой в чужих домах, ее несгибаемости как личности, раскрыты шаги, которые она предпринимает на пути своего старшего сына Мердана, который хвалился своей непреклонностью перед гнетом, показаны боль и страдания, которые она перенесла, чтобы освободить его из тюрьмы. Сона есть символ вовлечения азербайджанской женщины в социальную борьбу за своих детей, которая наконец-то освободилась от векового жалкого и угнетенного положения. Автор воплощает пробуждение матери и родины в образе Соны, причем разработанным в романтической ключе.

Образы рупор-женщин 1930-х гг. дополняет изображение образа Рубабы в романе Мир Джалала «Открытая книга» начала 1940-х гг. Открытая книга – это сатирический роман на тему современности, отражающий репрессивную среду 1930-х гг. В дополнение к революционно-сатирическому смеху автор использует позитивные образы (Рубаба, Саттарзаде, Вахид), которые выступают против шантажа, издевательств чиновников типа «Гяльдиевых» Образ Рубабы представляет собой здесь наиболее активную, открытую, актуальную общественно-публицистическую позицию. Если Вахид в начале романа изображен тихим, отсталым, неспособным противостоять несправедливым нападениям, то, напротив, Рубаба всегда идет в наступление и изобличает бюрократию в каждом ее проявлении.

Поскольку конфликт в романе основан на истории любви, мы также видим Рубабу как современную азербайджанскую девушку, которая борется за свою любовь. Рубаба является отличницей учебы, организовала группы ударников в соответствии с духом времени, сюда также привлекла и Вахида. Гяльдиева привлекает Рубаба, и он сознательно обвиняет Вахида в некомпетентности, добившись, чтобы его исключили из института. Активная борьба Рубабы играет решающую роль в восстановлении Вагида в институт и присоединении его к рядам общественных активистов. Став профессиональными архитекторами-строителями, Вахид и Рубаба смогли наслаждаться счастливым браком, поборов отсталость, невежество, ложь и мошенничество. В данном произведении Мир Джалал хотел создать идеальный образ современной молодежи. Не случайно, что в романе автор сравнивает окрещеную в социальной борьбе любовь Рубабы и Вахида в современной эпохе со средневековым образом Лейли, с образом возлюбленной Дервиша Накяма Говхартаджи.

С. Рагимов в своем романе «Длиннокосая», над которым он работал с 1940 г. и завершил в 1948 г. третьей книгой, главная героиня возвращается к реальности, отойдя от романтических и идеальных женских образов. В образе главной героини Рухсары наглядно показаны истинные моральные ценности, подчеркнуто, что отношение к женщине в новом обществе, несмотря на подвижки, все еще не поменялось. Хотя события происходи-

ли в 1930-х гг., патриархальные отношения в отдаленной горной деревушке оставались неизменными. Медсестра с роскошными длинными косами с момента ее прибытия в деревню постоянно сталкивалась с влюбленными взглядами мужчин, и в ответ на приставания председателя исполкома Субханвердизаде Рухсара отрезала свои косы, чем вызвала яростный общественный резонанс.

Роман в 1940-х гг. был встречен жесткой критикой, среди прочего писатель был обвинен в возвращении к критическому реализму. После выхода первого тома «Длиннокосая» Мехди Гусейн в своей статье «Когда будет создан образ героя нашего времени?» («Роман Сулеймана Рагимова «Длинные косы») подверг критике данное произведение. Он не принял образ Рухсары, который был представлен очень реалистично, поскольку это якобы не соответствовало принципам социалистического реализма. Об этом он пишет следующее: «Когда мы вспоминаем длиннокосую, перед нами предстают лишь длинные косы девушки и ее поблекшие щеки. Однако яркий образ Гюлейши, который полностью противоположен ей, долгое время остается в нашей памяти. Насколько она крепка и гибка в своих поступках, настолько Рухсара слаба и инертна своей положительностью... То есть Сулейман Рагимов обратил внимание на внешнюю сторону проблемы, но образ остался внутренне неподвижным. Проблема не изображена в развитии, в динамике, в итоге, с момента, когда она сошла с автобуса, до тех пор, пока она не подстригла волосы, можно сказать, что не было предпринято никаких решительных шагов для этого» [15, с. 293].

С. Рагимов изображает социально-психологические аспекты внезапного пробуждения женщины, выросшей в условиях национальных традиций и брошенной в иную социальную среду, от патриархальных взглядов, осознания себя подлинным человеком, членом общества. В этой связи одна из самых ярких и правдоподобных сцен в романе – это сцена агрессии Субханвердизаде, пытающегося спить Рухсару под предлогом гостеприимства, и попытки изнасилования. Рухсара, перенеся внутреннее потрясение, пробуждается и избавляется от позора бегством. Хотя критик не согласен с психологической убедительностью этого эпизода, который он называет «одной из самых ярких художественных сцен, изображенной с глубоким драматизмом и глубиной», он хочет увидеть его по-другому и даже протестует против писателя от имени Рухсары: «однако вы, товарищ Сулейман Рагимов, насколько слабыми и беспомощными изобразили нам перед Субханвердизаде! Разве мы таковы? Разве мы не переняли храбрость, силу и выносливость наших матерей?» [15, с. 296].

Отметим, что в последующих томах этого произведения писатель не остался равнодушным к критике, развил образ Рухсары в рамках требований социалистического реализма: «Застенчивая, пугливая Рухсара проходит хорошую школу в борьбе за жизнь, формируя в себе новые качества, в том числе мужественность и самопожертвование. Рухсара берет в руки оружие и идет на борьбу с бандитизмом, участвует в строительстве горной дороги, в улучшении условий для жизни людей... Она получила высшее образование, стала квалифицированным хирургом и, наконец, ушла добровольцем на фронт, участвовала в Великой Отечественной войне, проявив доблесть и отвагу» [11, с. 466–467]. Вместе с тем в азербайджанской прозе указанного периода образ Рухсары впечатляет своих читателей не схематизмом и штампами, а своеобразными чертами, отражающими особенности социального пробуждения женщины. Не случайно при обсуждении проблемы женской эмансипации в литературе 1960-х гг. исследователи отмечают, что женские образы Афет Г. Джавида, Севиль Дж. Джаббарлы, Длиннокосая С. Рагимова, Майя М. Ибрагимова и героини-женщины И. Эфендиева являются продолжением указанной традиции.

В 1950-х гг. потепление климата в обществе усилило стремление к современности, как в темах и предметной области романов в целом, так и в женских образах. В 1950-х гг. в азербайджанских романах были созданы женские образы Майя, Першан, Сакина («Великая опора»), Наргиз («Развилка»), Мехрибан («Девушка-телефонистка»), Мансура («Зимняя ночь»), Нурия («Ивы над арыком»), Сария («Мостостроители») и др., как воплощение идей прогрессивных современности.

В романе Мирзы Ибрагимова «Большая опора» женская тема в основном раскрыта через образ Майи. Сын главы колхоза Рустама Гараш возвращается домой со своей женой Майей, на которой женился во время учебы в вузе. Описание в романе начинается с опи-

сания нового дня Майи в деревенской жизни, когда она стоит лицом к восходу солнца. В целом в романе линия Майи занимает одно из центральных мест. Отношение к Майе в деревне и в обществе стало мерилем отношения к женщине вообще. Похотливый взгляд Ясты на Майю показывает еще одну негативную нравственную черту этого отрицательного образа, что еще более разозлило Рустама.

Ясты даже пытается разрушить молодую семью, чтобы достичь своей цели, и убеждает свою легкомысленную, испорченную сестру Назлы соблазнить Гараша. Родители Гараша не знают о женитьбе сына, Рустам этим недоволен, ведь и он стремится сохранить и соблюдать семейные национальные традиции и обычаи. То, что Майя проявила неосторожность и, сев на коня позади Салмана, приехала на ферму, вызывает у Рустама недовольство, не нравится и ее игривое поведение с мужем при нем. Однако тот факт, что Гараш оставил свою семью и стал ухаживать за Назлы, также вызвало в нем сильный гнев.

Майя росла свободно и пользуется правами внештатной женщины, предоставленной ей современным обществом. Он не знает об остатках патриархального сознания, которое преобладает в деревне, и его чувства домашней жизни. Караш также современный молодой человек, который свободно любит свою подругу, свою глубокую любовь к своей жене и свои попытки защитить ее от испытаний ее отца. Но когда Майя начинает действовать как агроном, ей приходится работать с мужчинами и брать на себя патриархальные остатки своего разума. Он даже хочет побудить Майю уйти.

Майя, которая не может выполнять свои социальные обязанности перед лицом семейного счастья, вынуждена оставлять Караш в домашних потрясениях, потому что она не может смириться с феодальной моралью, скрытой в ее любимой юности. В романе эти мотивы заложили основу для нового психологического конфликта в отношении женщин. Современная женщина, стремясь к общественной жизни и производству, нарушила патриархальные нормы вокруг себя, изменилась и укрепилась.

Майя росла свободно и пользуется правами женщины, предоставленной ей современным обществом. Она не знает об остатках патриархального сознания, которые есть в деревне, и ее искренность и открытость используют такие люди, как Салман. Гараш вроде бы тоже современный молодой человек, об этом свидетельствует его женитьба на любимой девушке, его глубокая любовь к своей жене, и попытки защитить ее от упреков ее отца.

Но когда Майя начинает работать агрономом, и работать с мужчинами бок о бок, то в его сознании пробуждаются патриархальные представления о месте женщины в обществе. Он даже хочет побудить Майю уйти с работы. Майя, которая не может сочетать свои общественные обязанности с семейным счастьем, вынуждена из-за домашних дразг оставить Гараша, потому что она не может смириться с феодальной моралью, скрытой в ее любимом человеке. В романе эти мотивы заложили основу для нового психологического конфликта в отношении к женщине. Современная женщина, стремясь к общественной жизни и производству, наносит удар по патриархальным нормам, при этом меняется сама и укрепляет свои жизненные позиции.

Мирза Ибрагимов был выдающимся представителем литературы социалистического реализма и одним из самых талантливых писателей указанного периода. Как и многие другие конфликты в романе «Великая опора», противоречия производственной и домашней жизни женщины заканчиваются победой нового современного сознания. Майя, которая претендует на звание профессионального и упорного человека в своей отрасли, побеждает в общественном мнении, в глазах Рустама и своего любимого человека. Здесь проигрывают такие люди, как Салман, носитель отсталого и несправедливого, пробуждаются такие, как Гараш, стоящие на прогрессивной позиции. Рустам, одержимый традициями как в быту, так и на производстве, также меняет отношение к жизни.

Для романов 1950-х гг. типичен социально-психологический конфликт, возникающий из-за напряженности в социальном и духовном мире женщины, вступающей в новую жизнь. В основе романа Ильяс Эфендиева «Ивы над арыком» также лежит тот конфликт, который обусловлен социальным пробуждением женщины и ярко показан в сюжете произведения. Суть проблемы в романе «Ивы над арыком» заключается в том, что конфликт существует уже не между женщиной и ее социальным окружением, а во внутреннем мире героини. Героиня произведения Нурия в селе Южный Кышлаг в Мугани, где она окончила

среднюю школу и трудилась работником культуры, не сталкивается с различными препятствиями в своей социальной деятельности. Все стремятся помочь ей, начиная с главы колхоза, кончая простыми колхозниками, внимательно относятся к ее усилиям по повышению культурного уровня людей, обогащению их внутреннего мира, помогая в ее начинаниях. Однако исследователи отмечают, что социальная активность Нурии полностью не совпадает с ее внутренним покоем, «но она не может достичь своего личного счастья, пока все не будут счастливы» [12, с. 224].

История Нурии в романе «Ивы над арыком» впервые свидетельствует о том, что женское счастье не ограничивается общественной и домашней жизнью, а начинается в ее душе. Затем Ильяс Эфендиев развивает проблему эмансипации в образе Сарии («Мостостроители»), Селимы («Три друга за горами»), а также в образе Сарыкейнек. Причем проблема одновременно анализируется и отрицается, в зависимости от позиции героинь. Художественное восприятие проблемы мира женщин, занимавшей особое место в литературе 1960-х гг., принадлежит перу Анара, Эльчина, Максуда Ибрагимбекова, Исы Меликзаде и др.

Список использованной литературы

1. Selezenev R.S. A Woman's Position in Serbia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries and Manifestation of Trends to Emancipation / R.S. Seleznev, Yu.V. Kovtunova // Tomsk State University Journal. – 2019. – Issue 441. – P. 189–195. DOI: 10.17223/15617793/441/25.
2. Shults E.E. "Women's Question" and Gender Electoral Preferences in the Weimar Republic / E.E. Shults // Tomsk State University Journal. – 2019. – Issue 439. – P. 168–172. DOI: 10.17223/15617793/439/23.
3. Murti D.C.W. "Single, Seventies, and Stuck": A Discourse Analysis of the "Leftover Women" or Sheng Nu in China in the Blogosphere / D.C.W. Murti // Jurnal Komunikasi-Malaysian Journal of Communication. – 2019. – Vol. 35, issue 1. – P. 41–56. DOI: 10.17576/JKMJC-2019-3501-04.
4. Bosna V. Woman Involved on a Civil and Cultural Level: Dora d'Istria the Voice of an Intellectual Outside the Box / V. Bosna // Futuro del Pasado-Revista Electronica de Historia. – 2019. – Issue 10. – P. 519–529. DOI: 10.14516/fdp.2019.010.001.019.
5. Brandal S.R. Literary Journalist as Woman Traveler: The Legacy of Harem Literature in The Bookseller of Kabul / S.R. Brandal // Literary Journalism Studies. – 2018. – Vol. 10, issue 2. – P. 115–136.
6. Sabirova R.N. Evolution of Female Characters of the Sanskrit Epic Mahabharata in Cinematography / R.N. Sabirova, F.B. Sitdikova, D.F. Khakimzyanova // Revista San Gregorio. – 2018. – Issue 23. – P. 84–90.
7. Arias-Vikhil M.A. "I am a New Person, and My New Life Needs New People...": a Story of Liza D'yakonova Told by Herself and by the Writer Pavel Basinskiy / M.A. Arias-Vikhil // Philological Class. – 2018. – Vol. 54, issue 4. – P. 161–167. DOI: 10.26710/fk18-04-25.
8. Makaudze G. Empowerment or Delusion?: The Shona Novel and Women Emancipation / G. Makaudze // Journal of Literary Studies. – 2016. – Vol. 32, issue 1. – P. 70–83. DOI: 10.1080/02564718.2016.1158985.
9. Kucukalioglu E.G. The representation of women as gendered national subjects in Ottoman-Turkish novels (1908–1923) / E.G. Kucukalioglu // Journal of Gender Studies. – 2007. – Vol. 16, issue 1. – P. 3–15. DOI: 10.1080/09589230601116109.
10. Ариф М. Избранные труды: в 3 т. / М. Ариф. – Баку: Изд-во Академии наук Азербайджана, 1967. – Т. 1. – 620 с.
11. История азербайджанской литературы: в 3 т. / под ред. М. Ариф и др. – Баку: Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1957. – Т. 3. Советский период. – 562 с.
12. Алишаноглу Т. Поэтика азербайджанской прозы XX века / Т. Алишаноглу. – Баку: Наука, 2006. – 312 с.
13. Алишаноглу Т. Образ Азербайджана в национальной прозе в контексте истории и современности / Т. Алишаноглу. – Баку: Наука и образование, 2017. – 616 с.
14. Гасымов Г. Современный азербайджанский роман. Поэзия и типология жанра: автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Г. Гасымов. – Баку: АДПУ им. Н. Туси, 1993. – 48 с.
15. Мехди Г. Сочинения: в 10 т. / Г. Мехди. – Баку: Язычи, 1979. – Т. 9. – 634 с.
16. Рагимов С. Шамо: в 5 т. / С. Рагимов. – Баку: Азернешр, 1978. – Т. 5. – 475 с.

ARTISTIC REFLECTION OF THE 1930–1950S PROBLEMS OF WOMEN'S EMANCIPATION IN THE AZERBAIJANIAN NOVEL

Ilhama T. Bakhshaliyeva, National Academy of Sciences (Azerbaijan).

E-mail: b_ilhame88@yahoo.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-17

Key words: *Azerbaijani novel, women's freedom, literature of 1930-1950, Azerbaijani woman, psychological conflict, modernity.*

The article discusses the problems of the disempowerment of women in Azerbaijan, the suppression of their freedoms in society, in other words, the problems of women's emancipation, reflected in the novels of the 1930s and 1950s. Although Azerbaijan is the first country in the East to grant women the right to participate in elections, to elect and be elected, at first, ensuring freedom of women was confronted with patriarchal relations, and old customs and habits prevented their full liberation. At the same time, despite the fact that in Soviet times, the struggle for the liberation of women was part of the government "cultural revolution", this problem remained relevant, especially in a patriarchal society. The awakening of a woman as a person, the problem of her emancipation is one of the main problems addressed in the literature of the twentieth century. The freedom of women, the social equality of women with men in society is a problem that has been relentlessly paid attention to in world literature. Note that the Azerbaijani classics devoted their work to the issues of women's emancipation. Therefore, the reflection of this topic in the novels of the 1930-1950s is not accidental. In the novels of the 30s, it is shown that an Azerbaijani woman gradually realizes her position and begins to participate more actively in the life of the new society. With the acquisition of rights, the struggle of Azerbaijani women expands and goes deeper, penetrating the public consciousness, spiritual, cultural, socio-psychological and everyday spheres. In real life, women's freedom was faced with patriarchal relations, and centuries-old traditions and habits prevented their full liberation. The struggle for women's freedom in Soviet times was one of the components of the Cultural Revolution program, officially implemented by the state, but sometimes it had the opposite effect. The problem of women's freedom is not limited to its desire for social and political freedom, it should take into account the moral freedom of women, the psychology of relationships between people, a radical change in the attitude of society towards women, and so on, and other points. The problem of female awakening, female liberation has become one of the topics that worried writers closely. In the novels of the 1930s-1950s, dozens of female images were embodied that embodied this process. The article gives their detailed analysis, shows the social awakening of an Azerbaijani woman, assesses their role and place in Azerbaijani novels. It has been established that for the novels of the 1930s-1950s, the typical opposition between the "woman social activist" and the "domestic woman" is typical.

References

1. Selezenev, R.S., Kovtunova, Yu.V. A Woman's Position in Serbia in the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries and Manifestation of Trends to Emancipation. *Tomsk State University Journal*, 2019, issue 441, pp. 189-195. DOI: 10.17223/15617793/441/25.
2. Shults, E.E. "Women's Question" and Gender Electoral Preferences in the Weimar Republic. *Tomsk State University Journal*, 2019, issue 439, pp. 168-172. DOI: 10.17223/15617793/439/23.
3. Murti, D.C.W. "Single, Seventies, and Stuck": A Discourse Analysis of the "Leftover Women" or Sheng Nu in China in the Blogosphere. *Jurnal Komunikasi-Malaysian Journal of Communication*, 2019, vol. 35, issue 1, pp. 41-56. DOI: 10.17576/JKMJC-2019-3501-04.
4. Bosna, V. Woman Involved on a Civil and Cultural Level: Dora d'Istria the Voice of an Intellectual Outside the Box. *Futuro del Pasado-Revista Electronica de Historia*, 2019, issue 10, pp. 519-529. DOI: 10.14516/fdp.2019.010.001.019.
5. Brandal, S.R. Literary Journalist as Woman Traveler: The Legacy of Harem Literature in The Bookseller of Kabul. *Literary Journalism Studies*, 2018, vol. 10, issue 2, pp. 115-136.
6. Sabirova, R.N., Sitdikova, F.B., Khakimzyanova, D.F. Evolution of Female Characters of the Sanskrit Epic Mahabharata in Cinematography. *Revista San Gregorio*, 2018, issue 23, pp. 84-90.
7. Arias-Vikhil, M.A. "I am a New Person, and My New Life Needs New People...": a Story of Liza D'yakonova Told by Herself and by the Writer Pavel Basinskiy. *Philological Class*, 2018, vol. 54, issue 4, pp. 161-167. DOI: 10.26710/fk18-04-25.
8. Makaudze, G. Empowerment or Delusion?: The Shona Novel and Women Emancipation. *Journal of Literary Studies*, 2016, vol. 32, issue 1, pp. 70-83. DOI: 10.1080/02564718.2016.1158985.

9. Kucukalioglu, E.G. The representation of women as gendered national subjects in Ottoman-Turkish novels (1908–1923). *Journal of Gender Studies*, 2007, vol. 16, issue 1, pp. 3-15. DOI: 10.1080/09589230601116109.

10. Arif, M. *Izbrannye trudy: v 3 t.* [Selected works: in 3 vol.]. Baku, Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbajdzhana Publ., 1967, vol. 1, 620 p.

11. Arif, M. (ed.). *Istoriya azerbajdzhanskoj literatury: v 3 t.* [History of Azerbaijani Literature: in 3 vol.]. Baku, Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbajdzhanskoj SSR Publ., 1957, vol. 3, 562 p.

12. Alishanoglu, T. *Poetika azerbajdzhanskoj prozy XX veka* [Poetics of Azerbaijani prose of the 20th century]. Baku, Nauka Publ., 2006, 312 p.

13. Alishanoglu, T. *Obraz Azerbajdzhana v nacionalnoy proze v kontekste istorii i sovremennosti* [Image of Azerbaijan in national prose in the context of history and modernity]. Baku, Nauka i obrazovanie Publ., 2017, 616 p.

14. Gasymov, G. *Sovremenny azerbajdzhansky roman. Poeziya i tipologiya zhanra.* Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Azerbaijani Contemporary Novel. Poetry and the Typology of the Genre. Extended abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Baku, ADPU im. N. Tusi Publ., 1993, 48 p.

15. Mehdi, G. *Sochineniya: v 10 t.* [Works: in 10 vol.]. Baku, Jazychi Publ., 1979, vol. 9, 634 p.

16. Ragimov, S. *Shamo: v 5 t.* [Shamo: in 5 vol.]. Baku, Azerneshr Publ., 1978, vol. 5, 475 p.

Одержано 17.12.2019.

УДК 811.531'373
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-18

В.Г. ЖИЛА,

*асистент кафедри мов і літератур Далекого Сходу та Південно-Східної Азії
Київського національного університету імені Тараса Шевченка*

ФРАЗЕОЛОГІЧНА РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ НЕГАТИВНИХ ЕМОЦІЙ У КОРЕЙСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ

Статтю присвячено дослідженню семантики та вербалізації емоцій, що мають негативну конотацію, зокрема страху, гніву та смутку в корейській лінгвокультурі. Ці емоції було обрано не випадково, адже було виявлено, що страх, гнів та смуток є базовими емоціями, які притаманні всім людям від народження. Для вербалізації емоцій було обрано корейські фразеологізми із соматичним компонентом, дібрані методом суцільної вибірки. Загалом у роботі досліджено 191 фразеологічну одиницю.

У результаті проведеного дослідження розроблено тематичну класифікацію фразеологічних одиниць для кожної емоції. Встановлено, що фразеологічна вербалізація негативних емоцій досить різноманітна і широко представлена в корейській лінгвокультурі. Зазвичай емоції страху, гніву та смутку виражаються мімікою, фізіологічними змінами в організмі та поведінкою людини. Фразеологізми на позначення негативних емоцій творяться здебільшого на основі соматизмів «душа», «серце», «обличчя», «рот», «голова», «очі», «сльози», «спинний мозок». Результати аналізу фразеологічних одиниць із соматичним компонентом дають нам змогу зробити висновки, що вираження емоцій залежить від культурних норм, соціального виховання, релігії, національного буття тощо. На корейське суспільство значний вплив справила культура конфуціанства, тому корейці довгий час керували своїми емоціями і намагалися не проявляти їх назовні. Такі конфуціанські традиції відобразилися і в мові.

Дослідження показало, що страх паралізує активність людини, звужує її психічну діяльність, виграє обличчя стає переляканим, всередині все холодне та зменшується в розмірі, з'являється холодний піт, обличчя стає блідим або червоним, виникають спазми та болі в різних частинах тіла, прискорюється серцебиття і тремтить все тіло або певні органи, волосся стає дибки. Гнів – це імпульсивна емоція, що супроводжується тремтінням тіла, прискореним серцебиттям та почервонінням шкіри обличчя, відбуваються зміни у погляді та у міміці. Смуток – це більш прихована емоція, особливо для корейської лінгвокультури, Смуток змушує людину плакати, відчувати внутрішньо несприятливий стан, обличчя стає тьмяним, супроводжується зітханням.

Ключові слова: корейська лінгвокультура, фразеологізми із соматичним компонентом, негативні емоції, страх, гнів, смуток.

В статье представлены результаты анализа корейских фразеологизмов с соматическим компонентом, которые описывают негативные эмоции страха, гнева и печали. Фразеологизмы проанализированы в аспекте их семантики. В результате проведенного исследования была разработана тематическая классификация фразеологических единиц для каждой эмоции. Исследование показало, что эмоции страха, гнева и печали выражаются мимикой, физиологическими изменениями в организме и поведением человека.

Ключевые слова: корейская лингвокультура, фразеологизмы с соматическим компонентом, негативные эмоции, страх, гнев, печаль.

Існування людини у світі спонукає її до пізнання навколишнього світу і всього того, що її оточує. Процес і результат такої взаємодії відображається у свідомості суб'єкта через почуття та емоції. Емоції пронизують всю діяльність людини, через емоції людина виражає своє ставлення до життя, до себе і суспільства.

Дослідження емоцій під кутом зору різних наук – психології, філософії, фізіології, педагогіки тощо – зробили великий внесок у розроблення цієї проблематики. Було запропоновано різні класифікації та характеристики емоцій, порушувалося питання їх важливості у життєдіяльності людини. Проте лінгвісти порівняно недавно сконцентрували свою увагу саме на емоціях у нерозривному взаємозв'язку з мовою і мисленням, культурою, свідомістю, пізнанням, світоглядом тощо. Такий антропоцентричний підхід до вивчення мови став одним з провідних напрямів лінгвістичних розвідок.

Особливе місце в лінгвістичних дослідженнях останніх десятиліть, де в центрі уваги перебуває людина, займають проблеми емоційної семантики. Як зазначає А. Вежбицька, «...глибоке проникнення в структуру емоцій та природи емоційного життя виявляють народні уявлення про емоції» [1, с. 136]. Емоція – один з фундаментальних компонентів культури, складові яких існують на всіх рівнях мови і відображаються через знаки. Проте для вербалізації емоцій пріоритетним є фразеологічний фонд, який є джерелом емоційності, образності, національно-культурної інформації.

Н.Ф. Венжинович трактує фразеологічні одиниці (далі ФО) як мовний знак, який є зберігачем наших відомостей про світ і розглядається як носій інформації, особливої структури знання. Фразеологізми можуть повно і лаконічно виразити не тільки особливості мови, а й навколишні відчуття, реакції, прагнення, емоції й досвід носіїв [2, с. 128, 130].

Проблеми відтворення емоцій та дослідження емоційних концептів у різних лінгвокультурах на матеріалі фразеологізмів були предметом вивчення у працях відомих українських і зарубіжних лінгвістів (А. Вежбицька, Ю.Ф. Прадід, М.В. Гамзюк, В.І. Шаховський, М.О. Красавський, О.С. Кубрякова та ін.). У своїх розвідках науковці спираються на різні підходи та аспекти досліджень. Зокрема вчені акцентують свою увагу на універсальних рисах і культурній своєрідності базових людських емоцій. Усе це створило передумови для вивчення позитивних та негативних емоційних станів на матеріалі як однієї так і кількох мов.

Аналізу корейських фразеологізмів присвячено низку праць, які фокусуються на дослідженні різних питань, зокрема *гендерний аспект* [3], *числовий компонент* [4], *концептуальне дослідження метафоричних виразів* [5], *структурний аспект* [6], *концепт страждання* [7] тощо.

Проте, попри існування великої кількості досліджень, присвячених різноаспектним питанням корейських фразеологізмів, комплексний аналіз структури емоцій у корейській мові крізь призму фразеологізмів залишився поза увагою дослідників, що й зумовлює актуальність нашої розвідки.

У нашій статті ми ставимо за мету охарактеризувати корейські фразеологізми з соматичним компонентом, що відображають негативний емоційний стан людини. Оскільки, як зауважила Н. Венжинович, «емоції супроводжують людину впродовж усього її життя та діяльності» [2, с. 261]. Група фразеологізмів, що позначають *страх*, *гнів* та *смуток* вибрана не випадково: кожна емоція має певні характерні ознаки, сукупність яких відображають моменти діяльності людини; ФО характеризують прояв внутрішнього емоційного життя людини і відображають їх через своєрідне «дзеркало людських почуттів та оцінок» [8, с. 75]. Ця група фразеологізмів, що визначає базові емоції, допомагає зрозуміти, яким чином негативні емоції активізуються в корейській лінгвокультурі та як проявляються на прикладах ФО.

У процесі аналізу було відібрано фразеологізми з соматичним компонентом корейської мови, що описують емоції страху, гніву та смутку, вилучені методом суцільної вибірки з фразеологічних словників корейської мови. За допомогою кількісно-статистичного методу нами було встановлено 191 одиницю фразеологізмів, що репрезентують емоційний стан. Отже, згідно з виявленими даними можна зробити попередній висновок про важливість цього аспекту для корейців та необхідність його дослідження.

Від народження людині властиво відчувати і виражати однакові емоції, оскільки як загальнолюдське явище вони за своєю суттю відносно однакові. Хоча в різних лінгвокультурах способи вербалізації емоцій різні і залежать від світосприйняття та національної ментальності, проте емоційна сутність людини універсальна. Поряд з універсальністю вираження емоцій існує інший фактор – норми їх вираження. Спостерігаючи за поведінкою людей, які належать до різних культур, було виявлено, що вираження емоцій залежить

від культурних норм. Отже, культура та соціальне виховання встановлює систему правил, згідно з якими людина демонструє певні емоційні прояви. Як зауважив М.О. Красавський, вивчаючи емоційні концепти, емоції – це вроджений феномен, який люди виражають згідно з культурно-специфічними правилами [9, с. 28].

Незважаючи на існування низки досліджень психології емоцій, серед учених немає єдності щодо класифікації та визначення точної кількості емоцій. Хоча більшість дослідників (К.Е. Ізард, 1999; К. Отлі, 1992; Вітт 1983, Р. Плутчик 1966 та ін.) виділяють первинні (базові; вроджені) і вторинні емоції. Крім того, до числа базових емоцій (позитивні і негативні) різні автори зараховують неоднакову кількість емоцій – від двох до десяти.

Розглянувши різні точки зору як вітчизняних, так і зарубіжних вчених щодо проблеми і кількості первинних негативних емоцій, у своїй роботі ми виділили *страх, гнів та смуток*. Оскільки, по-перше, вони є базовими, тобто не соціальними, і властиві всьому людству в цілому, їх не можна контролювати, адже виникають самі по собі як відповідна реакція на подразник. По-друге, емоції страху, гніву та смутку найбільш широко і яскраво представлені у фразеологічній системі корейської мови. А соматичний компонент є одним з найдавніших шарів лексики та найбільш тематичною групою фразеології для характеристики картини світу як суттєвої складової корейської культури.

Емоції – суб'єктивна реакція людини або тварини на зовнішні та внутрішні подразники, які проявляються у вигляді задоволення або незадоволення, радості, страху, гніву тощо. Емоційний світ особистості в багатьох випадках визначений національним буттям, правилами і нормами. Протягом 500 років значний вплив на корейське суспільство справляла культура конфуціанства, основою якої є моральний порядок, соціальна ієрархія і принцип організації суспільства. Такі конфуціанські традиції неабияк вплинули на менталітет корейців, закріпивши в суспільстві поведінкові норми та культурний бекграунд. Традиційно в Кореї вважається, що поважна і вихована людина не має бути багатомовною і занадто емоційною, що тягне за собою проблеми з прийняттям і проживанням різних емоційних станів. За конфуціанськими догматами корейці мали навчитися керувати своїми емоціями і регулювати зовнішні емоційні прояви. Однак, варто зауважити, що попри конфуціанські традиції корейці надзвичайно емоційні у всіх аспектах свого життя. У сучасній Кореї всі відкрито виражають емоції і не соромляться цього.

У статті ми проілюструємо вираження емоцій корейцями мовним матеріалом, який становлять ФО із соматичним компонентом на позначення стану страху, гніву та смутку.

Страх (공포)

Страх – одна з первинних, гострих і зазвичай ламаючих емоцій, що характеризується широкими тілесними змінами і поведінкою втечі чи характером ховання. Страх – це емоція, стан хвилювання, тривоги, неспокою, викликаний чеканням чого-небудь неприємного, небажаного; його можуть спричинити як дії інших індивідумів, так і природні стихії тощо.

Ми визначаємо страх як негативне почуття – відповідну реакцію організму на очевидну або уявну загрозу, що виражається мімікою або поведінкою людини. Функціональне призначення страху полягає в тому, що він проявляється у вигляді загостреного сприйняття ризику і небезпеки для життя, благополуччя чи самопочуття людини на рівні відчуттів та активної чи пасивної реакції на несприятливі фактори навколишнього середовища. Страх – базова емоція, яка, маючи біологічний вимір, соціально конструюється і набуває відповідних культурних характеристик [10, с. 12].

У результаті аналізу 70 фразеологізмів із соматичним компонентом на позначення концепту «страх» ми виокремили такі тематичні групи.

1. *Страх – це відчуття холоду*. Фізіологічні симптоми страху, що вербалізуються у ФО – це зміна температури всього тіла 온몸이 선득하다 або внутрішніх органів: души 가슴이 서늘해지다, 가슴이 서늘하다, печінки 간이 서늘하다, спинного мозку 등골이 서늘하다, 등골이 서늘해지다. Також від страху людину може проїняти холодний піт 등에(서) 식은 땀이 나다, 등줄기에(서) 식은 땀이 나다. Такий прояв пояснюється фізіологічною реакцією на страх – відтік крові від кінцівок та порушення кровообігу.

2. *Страх – це порушення звичного функціонування якоїсь частини організму людини*. Страх зазвичай вважається найсильнішою і нетривалою емоцією. Проте коли жах оволодіває людиною, виникає стан, який людина не в змозі контролювати і оволодіти своїм ті-

лом. Сильний вплив страху на свідомість людини аналогізується з внутрішніми органами, що зменшуються у розмірі (간이 콩알만 해지다, 간담이 한움큼 되다) або зіщулюється та стискається (간이 오그라들다, 간이 덜렁하다, 달팽이 눈이 되다, 등골이 오싹하다, 등골이 오싹해지다, 입이 다물어지다, 입이 굳다, 몸을 사리다, 전신이 움츠러들다). У структурі наведених вище ФО страх вербалізується соматизмами *печінка, спинний мозок та все тіло*. Це пояснюється тим, що в Кореї вважається, що в печінці, яка розташована праворуч, існує душа. А спинний мозок є продовженням мозку, тому він теж є невід'ємною частиною тіла і відповідає за життєдіяльність всього організму.

Людина, що відчуває страх, супроводжує його такими фізіологічними проявами: тремтіння всього тіла або певних органів (몸이 떨리다, 몸뚱이가 후들거리다, 살(을) 떨다, 눈이 떨리다, 속이 떨리다), прискорене серцебиття (가슴이 덜컹하다, 가슴이 철렁하다, 가슴이 벌떡벌떡 뛰다, 가슴이 두근거리다, 가슴이 덜컹하다, 가슴이 울렁거리다, 간이 벌름거리다, 가슴이 섬뜩하다), заціпеніння (오금을 못쓰다, 오금을 못펴다, 사족을 못 쓰다, 몸이 얼어붙다, 가슴이 얼어붙다, 입이 얼어붙다, 눈이 굳어지다, 목을 움츠리다).

Відчуття сильного страху асоціюється у свідомості корейців з видом діяльності життєво важливого органа – серця. У корейській лінгвокультурі для вербалізації концепту страх є ФО *가슴이 무너지다 та 가슴이 무너져내리다*, що має значення «*серце падає, обривається*». Згідно з уявленнями серце міститься в грудях, і будь-яке його аномальне переміщення є несприятливим для людини.

3. *Страх – зміна пігментації обличчя*. Кольорова метафора в цілому притаманна для характеристики страху. Це пояснюється тим, що феномен кольору порівняно з іншими подразниками психологічно релевантний для засвоєння людиною навколишнього світу. Окрім внутрішніх проявів емоції страху мають і зовнішнє вираження, що відображаються на обличчі. Зазвичай у корейській фразеології переживання страху оформлене через номінанти білого (얼굴이 하얘지다, 낮빛이 하얘지다, 낮빛이 하얗게 질리다, 낮빛이 하얗게 헬썩하되다), жовтого (얼굴이 노래지다, 얼굴이 노랗게 되다, 낮빛이 노랗게 되다, 낮빛이 노랗게 질리다, 얼굴이 노랗게 질리다), зеленого (얼굴이 파래지다, 얼굴이 새파랗게 질리다, 낮빛이 새파랗게 질리다, 낮빛이 파랗게 질리다, 얼굴이 파랗게 질리다), чорного кольору (얼굴이 까맣게 죽다, 낮빛이 까맣게 죽다, 낮색을 흐리다) і зблідлого обличчя (얼굴에서 핏기가 가시다, 얼굴에서 핏기가 걸히다, 얼굴에서 핏기가 한낱도 없다).

4. *Від страху волосся стає дибки*. Іншим зовнішнім проявом страху є соматизми голова або волосся, що від страху має здатність підніматися або ставати дибки (머리끝이 쭈뼛쭈뼛하다, 머리카락이 서다, 머리카락이 곧두서다, 머리털이 곧두서다, 모골이 송연하다).

5. *Страх – це мімічні прояви*. До мімічних змін виразу обличчя ми відносимо очі, які від переляку стають великими (눈이 크게 뜨여있다) або круглими (눈이 휘둥그레지다, 눈이 동그래지다).

Гнів (분노)

Емоція гніву – це імпульсивна реакція, що супроводжується фізичними та словесними діями задля вирішення певних проблем та фізичного захисту від загрози. У той же час злість – складне почуття, що проходить у стані афекту і може спричинити виникнення неправних наслідків.

Як і будь-яка з базових емоцій, гнів концептуалізується культурою певного етносу. Емоція злості еволюційно розвивається і виробляє норми поведінки того суспільства, в якому «живе». Вважається, що гнів генетично був закладений у мозок людини, і постійне його стримування може бути згубним і зашкодити організму.

У результаті аналізу 78 фразеологізмів із соматичним компонентом на позначення концепту «гнів» ми виокремили такі тематичні групи.

1. *Гнів – це червоний колір*. Червоний колір, що є невід'ємним супутником злості, пов'язаний з фізіологічними змінами в організмі людини. Прискорене серцебиття та інтенсивний кровообіг спричиняє почервоніння шкіри обличчя (낮을 붉히다, 얼굴이 빨개지다, 얼굴이 붉어지다, 얼굴을 붉히다, 얼굴이 벌개지다, 얼굴이 빨개지다, 얼굴이 화끈 달아오르다, 얼굴이 발끈 상기되다, 얼굴이 붉으락푸르락하다, 얼굴이 푸르락누르락하다, 얼굴에 열이 오르다) або очей (눈이 시뻘겋다, 눈이 충혈되다, 눈에 핏발이 서다, 눈자위가 붉어지다). Синонімом червоного кольору в цій групі є вогонь, який з'являється в очах від злості (눈에 불을 켜다, 눈에서 불이 (버쩍) 나다, 눈에 불을 달다, 눈에서 불이 일다, 눈에서 불

이 튀다, 눈에서 불똥이 튀다, 눈에 쌍심지를 켜다, 눈에 쌍심지를 세우다, 눈에 쌍심지를 돌우다, 눈에 쌍심지를 올리다, 눈에 쌍심지가 돈다, 눈에 쌍심지가 오르다, 눈에 쌍심지가 솟다, 눈에 쌍심지가 서다, 눈에 쌍심지가 나다, 눈에 쌍심지가 뻗치다).

Стан гніву в корейській мові часто ототожнюють з кров'ю, що тече у зворотному напрямку (피가 거꾸로 솟다, 피가 거꾸로 돌다) або палає ззовні на обличчі (얼굴에 피가 치솟다) та очах (눈에 핏발을 세우다).

2. *Гнів – це втрата контролю.* Коли людина відчуває спалахи гніву, відбувається повна втрата контролю над своїм тілом. Гнів часто викликає зміни в тілі та поведінці людини, що візуально виглядають як вибухово і емоційно невірноваженими. Зокрема втрата контролю репрезентується такими фразеологізмами у вигляді тремтіння всього тіла (몸이 (부들부들) 떨리다, 몸을 (부르르) 떨다, 전신을 (부들부들) 떨다, 살이 떨리다), зубів (이가 떨리다, 치가 떨리다), грудей (가슴이 (푸들푸들) 떨리다), обличчя (얼굴이 (부들부들) 떨리다).

Частина ФО, що вербалізують емоції гніву, ґрунтується на виявленні внутрішніх відчуттів людини, основою яких є соматизм *속* (внутрішні органи): 속이 끓다 (букв. кипить всередині), 속이 터지다, 결창이 터지다 (букв. лопається всередині), 속이 뒤집히다, 속이 치밀다, 오장이 뒤집히다, 오장육부가 뒤집히다 (букв. внутрішні органи вивертаються назовні), 속에서 불덩이가 치밀다, 속에(서) 방망이가 치밀다 (букв. із середини піднімається полум'я).

3. *Гнів – це мімічна експресія.* Невербальна презентація гніву здійснюється за допомогою міміки, жестів, інтонації тощо. До арсеналу найбільш впізнаних мімічних проявів є характеристика виразу обличчя та певних його частин, зокрема, очей. Як зазначає Г.Е. Крейдлін «обличчя – це місце симптоматичного вираження почуттів, стану людини та відносин» [12, с. 228]. Очі є основним місцем локалізації гніву в корейській фразеології. Через мімічне вираження гніву відбуваються зміни в погляді. Зокрема, коли людина гнівається, очі виконують різні дії: вивалити (눈알을 부라리다), витріщити (눈을 까뒤집다, 눈알을 까뒤집다, 눈깔을 까뒤집다, 눈을 부릅뜨다, 눈을 부라리다, 눈알을 부라리다, 눈을 지릅뜨다), котити (눈을 굴리다), ставити сторчма (눈을 곤두세우다, 눈알을 곤두세우다, 눈깔을 곤두세우다, 눈알이 곤두서다), косо поглядати (눈을 흘기다), вивернути (눈알이 뒤집히다), крутитися (눈이 돌아가다), піднімати вгору (눈을 치뜨다, 눈을 치켜뜨다). Прояв гніву в корейській лінгвокультурі асоціюється з чужорідним тілом в очах, що може пошкодити життєво важливі органи. Саме таким компонентом є ніж, який встромляють в очі: 눈에 칼을 세우다, 눈에 칼날이 서다.

Також до мімічних виражень гніву відносимо характерні рухи брів, що опущені і зведені разом. Такий жест презентований у корейських фразеологізмах такими прикладами: 눈살을 찌푸리다, 눈살을 찡그리다, 눈살이 꺾끗하다, 눈썹이 꺾끗하다. Ще одним проявом гніву є наспулене обличчя: 얼굴을 찌푸리다, 얼굴이 찡그러지다, 얼굴이 일그러지다.

Смуток, сум (슬픔)

Смуток є універсальною емоцією, що притаманна будь-якій людині незалежно від етнічної приналежності, релігії або місця проживання. Причини виникнення суму можуть бути як вербальні, так і невербальні. Смуток виникає у випадках відсутності незадоволення людини, втрати чогось, розчарування, бідності, трагічні події тощо. Як зазначає Н.А. Красавський, смуток може бути етноспецифічною емоцією. Наприклад, на відміну від європейської культури, у східно-азійських культурах прийнято цю емоцію приховувати, щоб своєю поведінкою не засмучувати інших людей [9, с. 367]. Отже, схильність до смутку індивідуальна і залежить від біологічного і соціального фактора.

У результаті аналізу 43 фразеологізмів із соматичним компонентом на позначення концепту «смуток» ми виокремили такі тематичні групи.

1. *Смуток – це сльози.* Сльози – це спосіб очищення від негативних емоцій та суму. Згідно з науковими дослідженнями, сльози – це «дренажна система», що допомагає очистити організм від певних емоцій. Отже, в цій тематичній групі соматизм *сльози* стали основою значної кількості ФО, що вербалізують смуток. Наприклад, 눈에서 눈물이 핑 돌다, 눈에 눈물이 맺히다 – в очах бринить сльоза; 눈물이 앞을 가리다 – сльози закривають очі; 눈이 흐리다 – сльози течуть; 눈에서 피눈물이 나다, 눈에 핏 눈물이 나다 – з очей ллються криваві сльози.

Опис емоційного стану смутку здійснюється за допомогою таких фразеологізмів як *코를 훌쩍거리다* (хлюпати носом), *온몸이 푸들푸들 떨리다* (тіло тремтить від плачу), *어깨를 들먹이다* (здригати плечима, схлипувати), *피에 울다* (захлинатися від плачу), *눈두덩이 뜨끈해지다*, *눈시울이 뜨거워지다*, *눈시울이 따갑다*, *눈시울이 시큼해지다*, *눈시울이 붉어지다*, *눈 가장자리가 떨리다*, *눈 가장자리가 붉어지다*, *눈가가 따가워지다*, *눈가가 싸하다* (повіки червоні та печуть від сліз). Останні зазначені вирази пов'язані з фізіологічними змінами в людському організмі, коли від плачу або ридання тіло або певні органи здригаються, тремтять, печуть або захилюються.

2. *Смүток – це душевна знемога*. Смүток – це емоція, яка змушує людину відчувати внутрішньо несприятливий стан. Коли людину поглинає сум, у корейській мові це негативне відчуття пов'язане з активною дією *серця*, що в корейській лінгвокультурі вважається важливим та необхідним органом для життєдіяльності. Корейці, вербалізуючи емоцію смутку, акцентують увагу на тому, що серце розривається (*가슴이 찢어지다*, *심장이 터지다*, *가슴이 미어지다*, *가슴을 도려내다*); застигає, холоне (*가슴이 시려오다*, *가슴이 서늘해지다*, *가슴이 선뜩거리다*, *가슴이 뜨끔해지다*); стає важким (*가슴이 무겁다*, *가슴이 무거웠다*); з'являється глибока рана у вигляді дірки (*가슴에 구멍이 뚫리다*) або синця (*가슴에 피멍이 들다*). Крім того корейці смүток асоціюють із цвяхом, який забивають у серце (*가슴에 못(을) 박다*).

3. *Смүток – це мімічна експресія*. Зміни в емоційному стані людини, як правило, проявляються у невербальній поведінці. Назовні все відображається, незважаючи на внутрішній стан і нетривалий прояв суму. Хоча і вважається, що ознаки смутку майже непомітні, проте зовсім інакше буде виглядати обличчя. Зокрема обличчя сумної людини виглядає тьмяним (*얼굴이 흐리다*, *얼굴이 어두워지다*, *얼굴이 그늘지다*, *핏기가 가시다*), з обмеженими рухами (*얼굴이 굳어지다*), судома зводить обличчя (*얼굴에 경련을 일다*, *얼굴에 경련을 일그러뜨리다*).

Мімічний смүток у корейській лінгвокультурі репрезентується таким синонімічним рядом мовних виразів, основою яких послужив соматизм *рот*: *입을 비죽비죽하다*, *입을 비죽거리다*, *입가장이 일그러지다* (букв. кривити рот). Мімічне вираження суму може супроводжуватися зітханням *입에서 한숨이 짓다*.

Отже, базові емоційні стани, зокрема страх, гнів та смүток, у сучасній лінгвістиці досліджують у нерозривному зв'язку з мовою. Як засвідчив проведений аналіз, фразеологічна вербалізація негативних емоцій досить різноманітна і широко представлена в корейській мові.

Фразеологізми на позначення негативних емоцій творяться здебільшого на основі соматизмів «душа» (*마음*), «серце» (*가슴*), «обличчя» (*얼굴, 낯*), «рот» (*입*), «голова» (*머리*), «очі» (*눈*), «сльози» (*눈물*). Семантичною базою формування фразеологічних одиниць, що вербалізують страх, гнів та смүток, є метафора. Оцінюючи результати дослідження, фразеологізми із соматичним компонентом відображають фізіологічні зміни тіла людини (прискорене серцебиття, обличчя стає червоним або блідим, виступає холодний піт), експресивну поведінку (рухове збудження, спазми в різних частинах тіла, ридання) або внутрішнє переживання. Емоції впливають не лише на людину, але й на всі сфери її життя, погіршуючи самопочуття і психічний стан.

Практичне значення результатів дослідження визначає необхідність подальшого вивчення специфіки емоцій у корейській лінгвокультурі.

Список використаної літератури

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
2. Венжинович Н.Ф. Фраземіка української літературної мови: когнітивний та лінгвокультурологічний аспекти: дис. ... д-р філол. наук / Н.Ф. Венжинович. – Київ, 2018. – 503 с.
3. Kim K. Female Stereotyping and Gender Socialization through Proverbs and Idioms: A Comparative Study of Malaysia and Korea / K. Kim, S. Rou, A. Mohd, J. Kim // Asian Women. – 2019. – Vol. 35, issue 3. – P. 25–44.
4. Valieva J. (2019). Functions of numbers in korean phraseological units / J. Valieva, A. Alikberova // Amazonia Investiga. – 2019. – Vol. 7, issue 13. – P. 140–144.

5. Turker E. The role of L1 conceptual and linguistic knowledge and frequency in the acquisition of L2 metaphorical expressions / E. Turker // *Second Language Research*. – 2016. – Vol. 32, issue 1. – P. 25–48.

6. Bruening B. Selection, idioms, and the structure of nominal phrases with and without classifiers / B. Bruening, X. Dinh, L. Kim // *Glossa: A Journal of General Linguistics*. – 2015. – Vol. 3, issue 1. – Article no. 42.

7. Трофименко О.А. **Актуализация концепта «страдание» в корейском языке.** Вестник центра корейского языка и культуры / О.А. Трофименко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. – С. 3–21.

8. Авалиани Ю.Ю. О разграничении синонимии и вариантности в области фразеологических единиц / Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон // *Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей*. – Баку: Наука и образование, 1986. – С. 70–77.

9. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

10. Селіванова О. Нариси з української фразеології / О. Селіванова. – Київ; Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.

11. Крейдлин Г.Е. **Словарь русских жестов / Г.Е. Крейдлин, С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев.** – М.; Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. – 256 с.

12. 김준기, 김향숙. 현대국어 관용어 연구. 2003, 235 쪽.

13. 박경현, 국어 신체어의 은유적 확장, 명지어문학 15, 명지대학교 국어국문학과. 1983, 127 쪽.

14. 박영준, 최경봉. 관용어 사전. 2007, 443 쪽.

15. 최경봉. 우리말 관용어 사전 (의미 따라 갈래지은). 2014, 559 쪽.

16. 한영목, 국어 신체어 관련 관용표현 연구, 교육학석사학위, 충남대학교교육대학원. 2001, 119 쪽.

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF NEGATIVE EMOTIONS IN KOREAN LINGUISTIC CULTURE

Viktoriya G. Zhyla, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

E-mail: chernigovika@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-18

Key words: Korean linguistic culture, phraseological units with a somatic component, negative emotions, fear, anger, sadness.

The article is devoted to the study of semantics and verbalization of emotions that have a negative connotation, including fear, anger and sadness in Korean linguistic culture. These emotions were chosen not by chance. The first purpose is that it was found that fear, anger and sadness are the basic emotions that are inherent to all people from the birth. Secondly, these emotions are not social and inherent in all of humanity, they can not be controlled, because arise in themselves as a response to the stimulus. Finally, emotions of fear, anger and sadness are most widely and vividly represented in the phraseological system of the Korean language.

Korean phraseological units with a somatic component, were selected by the method of continuous sampling. The main purpose of chosen idioms is phraseological units are a valuable source of information about mentality and culture and somatic elements from the ancient times have all information about a person. The main purpose of the article is to study the peculiarities of the figurative representation of negative emotions of fear, anger and sadness in Korean and to consider their evaluation characteristics. The material for the research was 191 phraseological units which were chosen from the Korean idiom vocabularies and textbooks.

As a result of the study, a thematic classification of phraseological units for each emotion was developed. It is established that the phraseological verbalization of negative emotions is quite diverse and widely represented in Korean linguistic culture. Usually, emotions of fear, anger and sadness are expressed by facial expressions, physiological changes in the body and human behavior. Phraseological units to denote negative emotions are created mostly on the basis of somatisms soul, heart, face, mouth, head, eyes, tears, spinal cord.

The results of the analysis of phraseological units with a somatic component allow us to conclude that the expression of emotions depends on cultural norms, social upbringing, religion, national existence and so on. Korean society was significantly influenced by Confucian culture, so Koreans have long controlled their emotions. Such Confucian traditions are reflected in the language too.

Research has shown that fear paralyzes a person's activity, narrows a person's mental activity, the facial expression is frightened, everything inside cools and decreases in size, cold sweat appears, the face becomes pale or red, spasms and pain in different parts of the body, heartbeat and the whole body or certain organs tremble, the hair grows back. Anger is an impulsive emotion, accompanied by trembling of the body, rapid heartbeat and reddening of the face skin, changes in gaze and facial expressions. Sadness is a more hidden emotion, especially for Korean linguistic culture. Sadness makes a person cry, feel an internally unfavorable state, the face becomes dull, accompanied by a sigh. Emotions affect not only a person but also all areas of his life, deteriorating health and mental state as well.

References

1. Vezhbytskaia, A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanye* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1996, 416 p.
2. Venzhynovych, N.F. *Frazemika ukrains'koi literaturnoi movy: kohnityvnyy ta linhvokul'turolohichnyy aspekty*. Diss. dokt. filol. nauk [Phrasemics of the Ukrainian literary language: cognitive and linguocultural aspects. Dr. philol. sci. diss.]. Kyiv, 2018, 503 p.
3. Kim, K., Rou, S., Mohd, A., Kim, J. Female Stereotyping and Gender Socialization through Proverbs and Idioms: A Comparative Study of Malaysia and Korea. *Asian Women*, 2019, vol. 35, issue 3, pp. 25-44.
4. Valieva, J., Alikberova, A. Functions of numbers in Korean phraseological units. *Amazonia Investiga*, 2019, vol. 7, issue 13, pp. 140-144.
5. Turker, E. The role of L1 conceptual and linguistic knowledge and frequency in the acquisition of L2 metaphorical expressions. *Second Language Research*, 2016, vol. 32, issue 1, pp. 25-48.
6. Bruening, B., Dinh, X., Kim, L. Selection, idioms, and the structure of nominal phrases with and without classifiers. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 2015, vol. 3, issue 1, article no. 42.
7. Trofymenko, O.A. *Aktualyzatsiya kontsepta «stradanye» v korejskom iazyke*. [Representation of the concept "suffering" in Korean]. *Vestnyk tsentra korejskoho iazyka y kul'tury* [Bulletin of the Center of Korean Language and Culture], 2011, no. 13, pp. 3-21.
8. Avalyany, Yu.Yu., Roizenzon, L.Y. *O razghranychenyy synonymyy y varyantnosty v oblasti frazeolohycheskykh edynyts* [Distinction of synonymy and variation in the field of phraseological units]. *Voprosy frazeolohyy y sostavleniya frazeolohycheskykh slovarej* [Questions of phraseology and compilation of phraseological dictionaries]. Baku, Nauka i obrazovaniye Publ., 1986, pp. 70-77.
9. Krasavsky, N.A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj y russkoj lynchvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguistic culture]. Volhohrad, Peremena Publ., 2001, 495 p.
10. Selivanova, O. *Narysy z ukrains'koi frazeolohii* [Essays on Ukrainian phraseology]. Kyiv, Cherkasy, Brama Publ., 2004, 276 p.
11. Kreidlyn, H.E., Hryhor`eva, S.A., Hryhor`ev, N.V. *Slovar' russkykh zhestov* [Dictionary of Russian gestures]. Moscow; Vien, Yazyky russkoj kul'tury; Venskyj slavystycheskyj al'manakh Publ., 2001, 256 p.
12. Kim, D., Kim, H. Study of Korean phraseology. Seoul, San G-Rim Publ., 2003, 235 p.
13. Pak, K. Study of metaforization of somatisms in Korean. Seoul, Moonji Publishing, 1983, 127 p.
14. Pak, Y., Chkhve, K. Dictionary of idioms. Seoul, Fractalbooks Publ., 2007, 443 p.
15. Chkhve, K. Dictionary of Korea idioms (thematic). Seoul, Fractalbooks Publ., 2014, 559 p.
16. Han, Y. Study of Korean phraseological units with somatic component. Seoul, Nexus Ltd. Publ., 2001, 119 p.

Одержано 21.11.2019.

УДК 81.2

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-19

Д.Р. КУЛИЕВА,
*преподаватель кафедры
азербайджанского языка и методики его преподавания
Сумгаитского государственного университета (Азербайджан)*

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И ПРОЦЕСС РЕЧЕТВОРЧЕСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ процесса смыслового членения и речетворчества, обладающего сложной логической и лингвистической природой, является одним из новых направлений современной азербайджанской лингвистики. В статье рассматриваются пути решения проблемы сжатия информации в контексте современного синтаксиса текста и актуального членения. Актуальное членение отличается от грамматического членения своим содержанием и сущностью. Это различие создается также и национально-индивидуальным проявлением коммуникативных возможностей и рече-языковых отношений, которые имеют отношение к актуальному членению. Актуальное членение и речевое творчество неразрывно связаны. Эта связь является важным фактором в процессе коммуникации при передаче мысли и информации в сжатом состоянии. В статье синтаксическое сжатие рассматривается как разновидность компрессии и как результат новой речи, или, скорее, речетворчества. Сокращение избытка элементов, наблюдаемых в речи, и сохранение максимальной информации в тексте является ключевым показателем национально-индивидуальных проявлений. Новая речь трансформируется посредством актуального членения и реализуется через эксплицитные, имплицитные и модальные выражения.

Ключевые слова: актуальное членение, речевое творчество, произношение, коммуникативные, синтагматические и парадигматические отношения.

Аналіз процесу смислового членування і мовленнєвої творчості, що має складну логічну і лінгвістичну природу, є одним з нових напрямів сучасної азербайджанської лінгвістики. У статті розглядаються шляхи вирішення проблеми стиснення інформації в контексті сучасного синтаксису тексту та актуального членування. Актуальне членування відрізняється від граматичного членування своїм змістом і сутністю. Ця відмінність створюється також і національно-індивідуальним проявом комунікативних можливостей і мовленнєво-мовних відносин, які стосуються актуального членування. Актуальне членування і мовленнєва творчість нерозривно пов'язані. Цей зв'язок є важливим фактором у процесі комунікації при передаванні думки та інформації в стислому стані. У статті синтаксичне стиснення розглядається як різновид компресії і як результат нового мовлення або, скоріше, мовленнєвої творчості. Скорочення надлишку елементів, що спостерігаються в мові, і збереження максимальної інформації в тексті є ключовими показниками національно-індивідуальних проявів. Нове мовлення трансформується за допомогою актуального членування і реалізується через експліцитні, імпліцитні й модальні вирази.

Ключові слова: актуальне членування, мовленнєва творчість, вимова, комунікативні, синтагматичні та парадигматичні відносини.

Синтаксис – это сфера лингвистики, которая исследует структурные связи в речи. Рассмотрим вопросы актуального членения. Актуальное членение в процессе речи выявляет различные функционально-семантические направления ее произведения. Повествование неразрывно связано со структурой предложения и логическим каркасом изречения. В решении проблем диалектической связи именно взаимосвязь и

взаимодействие между формой и содержанием языка, а также отношения между языком и мышлением, речью и сознанием показывают важность здесь семантического анализа.

Впервые идея актуально-семантического членения в лингвистике была выдвинута чешским языковедом В. Матезиусом. Его статья «Актуальное членение» была оценена в различных исследовательских работах как краеугольный камень семантического синтаксиса. Согласно этой теории каждая коммуникативная языковая единица (предложение) состоит из двух частей – темы и ремы. Тема (старое, известное) играет роль отправной точки, обычно известной слушателю из предыдущего момента разговора и контекста. Рема – это новая информация о сути мысли. В обычном, нейтральном дискурсе в качестве ремы обычно выступает подлежащее. Например: *Говорит* (тема) *Баку* (рема). *Баку* (тема) *говорит* (рема). Тема является общей базой знаний, как для говорящего, так и для слушающего. Рема же является ядром информации, ее сутью.

Как видно, на эту интерпретацию в некоторой степени повлияли идеи В. Матезиуса. Его учение радикально изменило лицо грамматического членения и привело к появлению концепции актуального членения.

Проблема актуального членения предложения широко изучена в лингвистике и продолжает оставаться актуальной и сегодня, о чем свидетельствуют работы Ларисы Калмыковой [1], Бернарда Бичакьяна [2], Дана Дедью [3], Пола Тенча [4], Минг Сунг Кана [5], Елены Воробьевой [6] и др.

Проблема актуального членения в азербайджанском языке. Одним из относительно новых направлений современной азербайджанской лингвистики является проблема актуального членения. Актуальное членение – сегодня одно из наиболее распространенных общетеоретических вопросов в лингвистике. Актуальное членение – это явление, имеющее сложный логический и лингвистический характер. Актуальное членение, в том числе в современном азербайджанском языке, в основном определяет следующие области языка:

1) коммуникативные возможности. Каждый текст делится на коммуникативные блоки. В этих блоках собирается основная информация, языковые средства и информация, добавляемая к тексту. Информация в тексте может быть продублирована. Текст в коммуникативном направлении делится на основную и вспомогательную информацию.

2) национально-индивидуальные проявления речевых и языковых отношений. Синтаксическое сжатие (компрессию) следует рассматривать как следствие речевых традиций. Уменьшение избыточных элементов, наблюдаемых в речи, сохранение максимального объема информации в тексте является ключевым показателем национально-индивидуальных проявлений.

Эта область представляет супрасинтаксический уровень языка. Изучение этого уровня раскрывает коммуникативные возможности современного азербайджанского языка, позволяет определить, почему диалог и монолог речи организуются в том или ином формате. Считается, что «в нормальной речи вначале следует исходная точка выступления, а затем – главная цель. То есть мысли, которые наиболее значимы для говорящего и слушателя, выходят на первый план, а второстепенные мысли следуют потом – подобный подход в принципе не считался правильным» [14, с. 239].

Актуальное членение важно, как язык-система и речевая единица, для генерирования информации, необходимой в тексте. Как правило, актуальным понятием является выражение реального значения и естественной функции в данном структурном контексте. Грамматические члены предложения (главные и второстепенные) также становятся актуальными в контексте текста, другими словами, как следствие необходимости, они изменяют свое существование. Это изменение происходит эксплицитно, имплицитно и модально.

Синтаксическое целое возможно на основе именно эксплицитного и имплицитного выражения мысли. В синтаксическом целом идеи и детали каждой законченной мысли часто выражаются в реалистической форме, посредством различных средств выражения (эксплицитный стиль объяснения), но многие из проблем, представленные в тексте, основаны на предыдущем или последующем предложении, при представлении в тексте они исходят из ситуации и не могут найти свое выражение через языковые средства, но при этом проявляются в «скрытой», имплицитной форме. Обе формы служат раскрытию микротемы [13, с. 883].

Актуальное членение означает членение смысла. Членение смысла подтверждает тот важный факт, что предложение (высказывание) не может существовать в отдельности. Каждое предложение (высказывание) есть продолжение или начало чего-либо. Можно проанализировать формально-грамматический аспект предложения отдельно от текста, но поскольку это единица общения, необходимо анализировать его только лишь в тексте. Современное развитие синтаксиса текста и его перспективы на будущее связаны с этим признаком, и потому мы попытаемся прояснить проблему сжатия самого текста и информации, содержащейся в нем.

Нам кажется, что сжатие текста зависит от вводных, пояснительных и заключительных предложений.

Вводное предложение: *Это прозвучало как вулкан, зовущий матерей к восстанию. Этот раненый звук не был утерян воздухом, не был приглушен землей, его не растопили воды, не исказило расстояние. Это звучало как молния, которая раскалывала горизонт и горы. Голос плавил камни и скалы. Все, везде, кроме диких зверей, которые подбираются к самой жизни, слышат этот голос, жалеют мать, слушают ее.*

Пояснительное предложение: *Великие сердца были опечалены этим голосом, сочувствуя благородной матери, поклонились ей.*

Заключительное предложение: *Красные знамена увидели эту сцену трагедии своими глазами (Мир Джалал).*

Актуальное членение является показателем функции высказывания. Высказывание является коммуникативной единицей. В языке используют термин «предложение», а в речи – «высказывание». То есть высказывание принадлежит речи, и его информационная ценность определяется начальным планом речи. «Высказывание объединяет два аспекта, которые разграничиваются в начале информации по широте и ограниченности, то есть в пределах начала текста и начала высказывания в предложении. Зачастую в тексте исходной точкой сопровождающих друг друга фраз является рема одного из актуальных членов предыдущих высказываний. В динамике речи изменение отношения к теме и реме обуславливает также как тип, так и средства выражения. Однако начало вводного характера в последовательности высказываний не может обойтись без предложения» [7, с. 11; 13–15].

Интонация и ритм также выступают как существенный фактор в актуальном членении современного азербайджанского языка. Мелодия, темп, акцент, пауза и т. д. – все это имеет определенные обязанности в актуальном членении. Рассмотрим несколько образцов текста (некоторые оттенки просодий), которые обусловлены порядком слов и которые определены последовательностью предложений в этом тексте:

«Дворец повелителя государства Аккоюнлу Али Бека. Утренняя молитва только что закончилась, играют барабаны, и во дворце собираются члены дивана. Али Бек, в плаще дервиша, украшенном на плечах шкурой ягненка, с поясом из верблюжьей шерсти, входит в диван и садится на золотой трон, справа от него садятся принцы, а слева – эмиры» (Т. Кязимов).

Актуализация в этом тексте характеризуется соразмерным развитием событий и повышением тематической составляющей. Здесь пределы актуального членения, границы темы-ремы становятся зависимыми от ограниченного текста темы.

Контекст, ситуация дает высказыванию такую форму интонации, что граница может быть одинаковой или разной, как в отдельном высказывании, так и в иной речевой среде. В качестве важной синтаксической единицы в речевой функции члены предложения, формирующие сигналы просодии и интонацию, по семантической значимости разделяются на группы, то есть становятся актуализованными членами. Такая информация проявляется в контексте актуального членения, что находится в центре общения и является необходимым предметом с этой точки зрения.

Актуальное членение состоит из двух компонентов: 1) речь, повествование, определенная часть описания, которая формирует отправную точку в основе повествования, эта точка также считается отправной, основной точкой высказывания; 2) **раздел, который представляет новую информацию, которая появляется в высказывании, это считается ядром информации, ее сутью** [14, с. 239].

Тема и рема являются частями высказывания. «Созвучность» этих частей ситуации, контексту, тексту и событию представляется достаточно гибкой. По словам исследовате-

лей, ситуация и контекст – это два источника, которые мы используем каждый раз для формирования предложений, свойственных языку. Контекст слова – это позиция в макросистеме, а ситуация – это местоположение слова в микросистеме [14].

Если грамматические члены предложения образуют автономную структуру с завершенной мыслью, то актуальные члены приводят в порядок члены предложения на основе необходимых фактов и аргументов, создаваемых ситуацией. Поэтому в текстовом контексте фразы невозможно поместить знак равенства между грамматическими членами предложения (главными и второстепенными) на основе темы и ремы. Если подойти с этой точки зрения, то формально-грамматическое членение разделяет структуру предложения на основе грамматических элементов, в то время как актуальное членение служит для уточнения предложения за счет средств, введенных в текст [13].

Существует много единиц актуального членения речи: информация, новая информация, знания, тема, предмет нового высказывания, рема, основа нового высказывания, коммуникационное ядро.

Суть общения составляют взаимоотношения между говорящим и слушающим. Говорящий информирует слушателя об этом или другом событии, предмете. Человеческое мышление использует два метода представления информации: анализ и синтез.

Информация основана на семантическом анализе языковых единиц. События обычно разворачиваются от общего к частному. Синтез же носит вспомогательный характер [10].

Для того, кто говорит и слушает, тема одинакова, рема же для слушающего есть нечто новое.

Актуальные члены предложения автономны. В.А. Белошапкина отмечает, что актуальное членение является автономным и создает отдельную (особую) структуру в общем синтаксическом механизме [10, с. 147].

Рассмотрим следующие примеры: *Qədir dil açdı. (Mir Cəlal)* (Кадыр заговорил (Мир Джалал)). Фраза дает общий обзор в кратком, сокращенном варианте, но при этом выдает конкретные информативные фразы, причем обе они выражают высказывание под ударением.

Если мы расширим вышеприведенное предложение, то состав актуального членения также будет расширен. Тема охватывает подлежащее, а рема охватывает группу сказуемого. В то же время такая систематизация не может нейтрализовать семантику членов предложения. Даже в рамках определенных смысловых отношений, в определенных ситуациях семантика выпячивается на первый план. Часть второстепенных членов предложения в актуальном членении приобретает ведущий характер в структуре.

Актуальность можно определить, задавая наводящие вопросы к предложениям в тексте. Например: наводящий вопрос: кто? (1) *Bazar əhli qaynaşırđı (başqa yerin yox, məhz bazarın)* (народ на базаре кипел (ни где-нибудь, а именно народ на базаре); наводящий вопрос: какой? (2) *Bazar əhli qaynaşırđı (Mir Cəlal)* (başqa əhali yox, məhz bazar əhli) (народ на базаре кипел (ни какой-нибудь, а именно на базаре).

На самом деле при актуализации вопросы не должны задаваться, они задаются при грамматическом членении. А актуализация является основанием для того, чтобы текст (например, *народ на базаре* – именное словосочетание второго типа) считать актуальным.

А. Джавадов впервые систематизировал наличные закономерности слов в азербайджанском языке, сосредоточившись непосредственно на актуальном членении и проводя интересные наблюдения за синтаксическим и семантическим членением текста [11, с. 112].

Эту же проблему рассматривали К. Абдуллаев [9, с. 180], А. Абдуллаев [8, с. 172–173] и Ф. Ализаде [12, с. 42].

Вышеупомянутая семантика может также возникать в результате нарушения нормальной последовательности ряда, но не каждого ряда, а субъективного отношения метатезы частей темы и ремы, что также подчеркивает экспрессивные оттенки слов и выражений. Например: *Qaynaşırđı bazar əhli* (Кипел народ базара). Такая инверсия, конечно, несколько меняет семантику фразы, хотя и не нарушает нормальную последовательность слов. Тема и рема, характерные для нейтрального произношения, сохраняются. *Dil açdı Qədir* (Заговорил Кадыр). В данном словесном ряду нет обычной, нормальной последовательности. Во взаимоотношениях между темой и ремой появляется определенная последовательность ряда.

В речевій практиці носителей мови неделимі висказування мають потенціал для широкого розвитку. Неделимі фрази в тексті не діляться на членів пропозиції. Вони в основному використовуються в конкретній ситуації, во ввідній, початковій частині тексту. Неделимі вираження використовуються для ясного вираження мотивів і намірів. Наприклад: *Gədə, sözünün qəmbərqulusu nədir? – Ağa, araba lazımdır, dağa qalxmaq üçün. Arabanın təkarlarını yoxlamaq gərəkdir* (С. *Bərgüşad*) (Парень, в чому завіздка, чого тобі надо? – Господин, нужна повозка, надо подняться в гору. Надо проверить колеса повозки (Дж. Бергушад).

Для ясності мови в даному тексті використовуються предикативи *lazımdır, gərəkdir* (нужно, следует), а також неделимі словосполучення *sözün qəmbərqulusu nədir?* (в чому подвох, завіздка?). Актуалізуюча функція виконується за допомогою подібних стійких словосполучень.

Іноді в тексті ці особливості завершуються в кінці фрази частини – *imiş* (сполучальне нахил): *Sağlamlıq hər şeyin başı imiş. Ərə getmək müşkül məsələ imiş* (Оказується, здоров'я всім голови. Оказується, заміж вийти не просто). Мовна практика свідчить, що вираження подібного типу можна повернути і в інші форми: *Mən heç bilməmişəm, sağlamlıq hər şeyin başı imiş. Mən bilməmişəm, sən demə, ərə getmək müşkül məsələ imiş* (Я нічого не знав про те, що здоров'я, оказується, всім голови. Я не знала, що, оказується, вийти заміж не так просто).

При актуальному члененні функції актуалізатора виконують частини, модальні слова, повторювані і т. д., що грає важливу роль у формуванні тексту.

Baxtın açılıb, heç kəsə demə ha, söz burda qalsın. Bəbir bəyin sənə gözü düşüb. (Mir Cəlal) (Судьба тобі усміхнулася, нікому не говори, це слово повинно залишитися тут. Бєбир Бєк зачав на тебе). *Lap qaranlıqlaşmışdı. Pəncərədən sallanan işıqlar, çər gözlər kimi, qaranlığa, doqqazdakı qalmaqala baxırdı* (Mir Cəlal) (Совсім стемніло. Свет, падавший из окон, скошенными глазами смотрел в темноту, на скандал в прогулке (Мир Джалал). *Bu mahnıdan cəsarət alıb ölüyə yaxınlaşan Qədir baxıb nə görsə yaxşıdır? Baxır, baxır, təccüb edirdi.* (Mir Cəlal) (Осмелевший от услышанной песни Гадир приблизился к мертвому. И что же он увидел? Он долго смотрел и удивлялся) (Мир Джалал). *Əlbəttə, insan ümidlə yaşar. Əlbəttə, girdəbləri da atlamaq asan olur* (Конечно, человек живет надеждой. Конечно, и препятствия можно преодолеть).

Здесь модальное слово *konечно* исполняет роль актуалізатора.

В целом изучение актуального членения и синтаксиса текста направлено на изучение состояний «известных» и «новых» языковых особенностей (проблема «сжатия») как на конкретном уровне, так и во всей ее целостности. Это помогает изучить наиболее характерные черты функциональных стилей, важные синтаксические события, такие как индивидуализация, парцелляция, референция, эллипсис и неполные предложения [13, с. 892, 944].

Актуальное членение, являющееся одним из основных объектов исследования функционального и коммуникативного синтаксиса, не только оценивает предложение, исходя из его структуры, но и выходит за его пределы. Эти выходы за пределы бывают самые разные. Существует множество широких психолого-логических функциональных грамматических моментов, которые способны воздействовать через соседние границы на речевой процесс в предложении, начиная с отношений между источником информации и ее получателем.

Список использованной литературы

1. Kalmykova L. Problems of Modeling the Processes of Audition in the World Psycholinguistics / L. Kalmykova, N. Kharchenko, I. Mysan // Psycholinguistics. – 2019. – Vol. 26, issue 1. – P. 160–198. DOI: 10.31470/2309-1797-2019-26-1-160-198.
2. Bichakjian V.H. Language evolution: How language was built and made to evolve / V.N. Bichakjian // Language Sciences. – 2017. – Vol. 63. – Special issue. – P. 119–129. DOI: 10.1016/j.langsci.2017.03.004.
3. Dediu D. Language is not isolated from its wider environment: Vocal tract influences on the evolution of speech and language / D. Dediu, R. Janssen, S.R. Moisik // Language & Communication. – 2017. – Vol. 54. – Special issue. – P. 9–20. DOI: 10.1016/j.langcom.2016.10.002.
4. Tench P. Pronunciation fundamentals: Evidence-based perspectives for L2 teaching and research / P. Tench // Journal of the International Phonetic Association. – 2020. – Vol. 50, issue 1. – P. 141–144. DOI: 10.1017/S0025100317000160.

5. Kan M.S. Language Cognition and Pronunciation Training Using Applications / M.S. Kan, A. Ito // Future Internet. – 2020. – Vol. 12, issue 3. – Article no. 42. DOI: 10.3390/fi12030042.

6. Vorobyova Y.N. Elliptical Interrogative Structures (on the English Language Material) / Y.N. Vorobyova // Yazyk i Kultura – Language and Culture. – 2019. – Issue 48. – P. 87–103. DOI: 10.17223/19996195/48/6.

7. Аббасова Н.К. Некоторые проблемы актуального членения в азербайджанском языке. Синтаксические конструкции в азербайджанском языке / Н.К. Аббасова. – Баку: Азербайджанский государственный университет, 1987. – 358 с.

8. Абдуллаев А. Актуальное членение и текст / А. Абдуллаев. – Баку: Издательство Университета Хазар, 1998. – 342 с.

9. Абдуллаев К. Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка / К. Абдуллаев. – Баку: Маариф, 1987. – 297 с.

10. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Глава 2. Синтаксис / В.А. Белошапкина. – М.: Высшая школа, 1970. – 248 с.

11. Джавадов А.М. Список синтаксических единиц в современном азербайджанском литературном языке / А.М. Джавадов. – Баку: Элм, 1977. – 463 с.

12. Ализаде Ф. Актуальное членение в предложении / Ф. Ализаде. – Баку: Бакинский университет, 1998. – 276 с.

13. Кязимов Г. Грамматика азербайджанского языка. Морфология. Синтаксис / Г. Кязимов. – Баку: Наука и образование, 2017. – 352 с.

14. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. – М.: Прогресс, 1967. – С. 164–185.

ACTUAL DIVISION OF THE SENTENCE AND PROCESS OF CREATING SPEECH IN THE AZERBAIJANI LANGUAGE

Dilyara R. Kuliyeva, Sumgait State University (Azerbaijan)

E-mail: dilarerustam@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-19

Key words: *actual division, speech creation, pronunciation, communicative, syntagmatic and paradigmatic relations.*

The analysis of the process of semantic division and speech creation, which has a complex logical and linguistic nature, is one of the new directions of modern Azerbaijani linguistics. The article discusses ways to solve the problem of information compression in the context of modern text syntax and actual division. Actual division is distinguished from grammatical division by its content and essence. This distinction is also created by the national-individual manifestation of communicative opportunities and speech-language relations that are relevant to actual division. Actual division and speech creation are inextricably linked. This connection is an important factor in the communication process when transmitting thoughts and information in a compressed state. In the article, syntactic compression is considered as a kind of compression, and as a result of new speech, or rather, speaking. Reducing the excess of elements observed in speech, and preserving maximum information in the text is a key indicator of nationally individual manifestations. New speech is transformed through actual division and is realized through explicit, implicit and modal expressions. Actual division, which is one of the main objects of study of functional and communicative syntax, in principle, not only evaluates a proposal based on its structure, but also goes beyond it. These exits are very different. There are many broad psychological and logical functional grammatical moments that can act across neighboring boundaries on the speech process in a sentence, starting with the relationship between the source of information and its recipient. Intonation and rhythm also act as an essential factor in the actual division of the modern Azerbaijani language. Melody, pace, accent, pause, etc. All this has certain responsibilities in the current division.

The context, the situation gives the utterance such a form of intonation that the border can be the same or different, both in a separate utterance and in a different speech environment. As an important syntactic unit in a speech function, the sentence members forming the prosody and intonation signals are divided into groups according to their semantic significance, that is, they become actualized members. Such information is manifested in the context of actual division, which is in the center of communication and is a necessary subject from this point of view.

References

1. Kalmykova, L., Kharchenko, N., Mysan, I. Problems of Modeling the Processes of Audition in the World Psycholinguistics. *Psycholinguistics*, 2019, vol. 26, issue 1, pp. 160-198. DOI: 10.31470/2309-1797-2019-26-1-160-198.
2. Bichakjian, B.H. Language evolution: How language was built and made to evolve. *Language Sciences*, 2017, vol. 63, special issue, pp. 119-129. DOI: 10.1016/j.langsci.2017.03.004.
3. Dediu, D., Janssen, R., Moisis, S.R. Language is not isolated from its wider environment: Vocal tract influences on the evolution of speech and language. *Language & Communication*, 2017, vol. 54, special issue, pp. 9-20. DOI: 10.1016/j.langcom.2016.10.002.
4. Trench, P. Pronunciation fundamentals: Evidence-based perspectives for L2 teaching and research. *Journal of the International Phonetic Association*, 2020, vol. 50, issue 1, pp. 141-144. DOI: 10.1017/S0025100317000160.
5. Kan, M.S., Ito, A. Language Cognition and Pronunciation Training Using Applications. *Future Internet*, 2020, vol. 12, issue 3, article no. 42. DOI: 10.3390/fi12030042.
6. Vorobyova, Y.N. Elliptical Interrogative Structures (on the English Language Material). *Yazyk i Kultura - Language and Culture*, 2019, issue 48, pp. 87-103. DOI: 10.17223/19996195/48/6.
7. Abbasova, N.K. *Nekotorye problemy actual'nogo chleneniya v azerbajdzhanskom yazyke. Sintaksicheskie konstrukcii v azerbajdzhanskom yazyke* [Problems of actual division of the sentence in the Azerbaijani language. Syntactic constructions in the Azerbaijani language]. Baku, Azerbajdzhanskij gosudarstvennyj universitet Publ., 1987, 358 p.
8. Abdullaev, A. *Aktual'noe chlenenie i tekst* [Actual division of the sentence and the text]. Baku, Izdatel'stvo Universiteta Hazar Publ., 1998, 342 p.
9. Abdullaev, K. *Teoreticheskie problemy sintaksisa azerbajdzhanskogo yazyka* [Theoretical problems of syntax in Azerbaijani language]. Baku, Maarif Publ., 1987, 297 p.
10. Beloshapkova, V.A. *Sovremenny russkii yazyk. Glava 2. Sintaksis* [Modern Russian language. Part 2. Syntax]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970, 248 p.
11. Dzhavadov, A.M. *Spisok sintaksicheskikh edinic v sovremennom azerbajdzhanskom literaturnom yazyke* [List of syntactic units in modern Azerbaijani literary language]. Baku, Jelm Publ., 1977, 463 p.
12. Alizade, F. *Aktual'noe chlenenie v predlozhenii* [Actual division of the sentence]. Baku, Bakinskii universitet Publ., 1998, 276 p.
13. Kyazimov, G. *Grammatika azerbajdzhanskogo yazyka. Morfologiya. Sintaksis* [Azerbaijani language grammar. Morphology. Syntax]. Baku, Nauka i obrazovanie Publ., 2017, 352 p.
14. Matezius, V. *O tak nazyvaemom actual'nom chlenenii predlozheniya* [About actual division of the sentence]. *Prazhskii lingvisticheskii kruzhek. Sbornik statei* [Prague School. Collection of articles]. Moscow, Progress Publ., 1967, pp. 164-185.

Одержано 5.12.2019.

УДК 811+821

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-20

Р.Г. МАМЕДОВА,
*преподаватель кафедры иранской филологии
Бакинского государственного университета (Азербайджан)*

О ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «КАБУС-НАМЕ»

Статья посвящена «Кабус-наме», автором которой является внук эмира Кабуса Унсур-ал-Меали Кейкавус ибн-Искендер ибн-Кабус ибн-Вушмагир ибн-Зийар. Затрагиваются вопросы истории написания произведения, отмечается роль автора в формировании классической персидской прозы, а также влияние на литературу Запада. Уделяется внимание источникам художественного языка писателя, которые связаны с его широкими познаниями в различных областях науки, жизненными наблюдениями, глубокими знаниями быта и языка народа. Как известно, в лексике находят свое отражение абсолютно все процессы развития и изменения общества. Путем анализа лексических и грамматических особенностей «Кабус-наме» в статье обозначены характерные черты языка, используемые автором и выделяющие его прозу среди других прозаических произведений того периода. Благодаря обилию устаревших слов – архаизмов и историзмов в произведении сохранен колорит исторической эпохи. В качестве образцов приведены и рассмотрены примеры устаревших слов, терминов различных сфер, ономастических названий и этнографической лексики, а также представлена семантическая вариантность и неоднородность предлогов, отмечены отличительные черты функций временных форм глагола, их семантики и конструкций в сравнении с правилами современного персидского языка.

Ключевые слова: Кейкавус, «Кабус-наме», персидская проза, языковые особенности.

Статью посвящено «Кабус-наме», автором якої є онук Еміра Кабуса Унсур-ал-Меалі Кейкавус ібн-Іскендер ібн-Кабус ібн-Вушмагир ібн-Зійар. Автор торкається питань історії написання твору, визначає роль автора у формуванні класичної перської прози, а також її вплив на літературу Заходу. Пріділено увагу джерелам художньої мови письменника, які пов'язані з його широкими знаннями в різних галузях науки, життєвими спостереженнями, глибокими знаннями побуту і мови народу. Як відомо, в лексичі знаходять своє відображення абсолютно всі процеси розвитку і зміни суспільства. Шляхом аналізу лексичних і граматичних особливостей «Кабус-наме» в статті означено характерні риси мови, що використовується автором і виділяє його прозу серед інших прозових творів того періоду. Завдяки великій кількості застарілих слів – архаїзмів та історизмів у творі збережено колорит історичної епохи. Як зразки наведено й розглянуто приклади застарілих слів, термінів різних сфер, ономастичних назв і етнографічної лексики, а також подано семантичну варіантність і неоднорідність прийменників, відзначено відмітні риси функцій тимчасових форм дієслова, їх семантики і конструкцій порівняно з правилами сучасної перської мови.

Ключові слова: Кейкавус, «Кабус-наме», перська проза, мовні особливості.

Написанная в конце XI в. «Кабус-наме», известная также как «Насихат-наме», «Андарз-наме» и «Панд-наме», считается «первым известным прозаическим произведением, созданным на фарси» [1]. Фарси, или новоперсидский, иначе говоря дари, складывался в IX в. и был близок к разговорному языку персов и таджиков. На новоперсидском языке вначале создавались только поэтические произведения. В частности можно назвать Фирдоуси, чье произведение «Шах-наме» имеет мировое значение [11]. Со второй половины X в. на новоперсидском языке стали появляться научные сочинения. Одним из них стал знаменитый труд по фармакологии Абу Мансура Муваффака ал-Харави [12].

Жанровые особенности произведения. Среди произведений художественной прозы этого периода, в первую очередь, выделяется «Кабус-наме», автором которой, как отмечено выше, является внук эмира Кабуса по имени Кейкавус. Кейкавус родился в 1021 или 1022 г. во время правления сына Кабуса Манучехра и, как известно, относился к старинному гиланскому роду, обосновавшемуся в Табаристане, на южном побережье Каспийского моря. Однако власть и могущество этого рода к тому моменту были утрачены, сам Кейкавус «имел и свой дом, и прислугу, однако уверенности в будущем не было – отсюда постоянное беспокойство и тревога о судьбе сына Гиланшаха, подтолкнувшие Кейкавуса к написанию книги, о которой идет речь» [3].

По словам самого Кейкавуса, он начал «Кабус-наме» в 1082–1083 гг., в шестидесяти-трехлетнем возрасте для передачи своих знаний и накопившегося жизненного опыта своему сыну Гиланшаху. Это произведение из 44 глав – своего рода наставление стареющего отца сыну о том, как лучше и целесообразнее вести себя в разных жизненных ситуациях и условиях, и в то же время оно дает яркую картину жизни феодальной среды XI в. «Кабус-наме» – это разностороннее практическое руководство, составленное Кейкавусом как для сына, в первую очередь, так и для широкого круга читателей на все значимые случаи жизни, как, например, познание пути всевышнего бога, почитание отца и матери, или о смирении и умножении знания, о любовных делах, а также о сне, отдыхе, охоте, женитьбе, воспитании детей, выборе друзей, о том, как овеять, какую выбрать профессию, как вести себя при составлении торговых сделок, в путешествии, при музицировании и сочинении стихов и т. д..

Следует отметить, что «Кабус-наме», занимая особое место в персидской литературе, неоднократно становилась для выдающихся персидских литераторов объектом заимствований темы, содержания и стиля. Также «Кабус-наме» оказала влияние и на западно-европейскую литературу. Как пишет Джахангир Фекри Эршад в своей статье «Влияние “Кабус-наме” на поэзию Гете», «в XIX веке н. э., когда европейские деятели искусства оставив сухую философию “интеллектуализма” прибегли к сентиментальной школе романтизма, нашли свое желаемое прибежище в литературных и мистических источниках Востока и в дополнение к изучению прежних путевых записок и путешествий на Восток, перевели на западные языки некоторые персидские, индийские, арабские и другие религиозные, мистические и литературные письма».

Одна из книг, переведенных в этот период на немецкий язык, стала «Кабус-наме», которая очень сильно привлекла внимание великого немецкого литератора Гете, и он в своих стихах неоднократно прямо или косвенно использовал сюжеты этой книги и, таким образом, он не только ознакомил своих читателей с философией и литературой Востока, но и также побудил и воодушевил деятелей искусства своей эпохи к изучению такого рода поэтических и прозаических произведений» [8]. Поэтике «Кабуснаме» и ее влиянию на персидскую и европейскую литературу также посвящены работы Лелы Гибсон [13], Улкар Маммадовой [14], Михаила Пелевина [15], Джулии Рубанович [16] и других исследователей.

Цель работы. Наше внимание также привлекли определенные особенности языка текста произведения, которые или устарели и не используются в современном персидском языке, либо употребляются несколько в ином значении. По словам известного русского лингвиста В.В. Виноградова, «Лексико-семантические системы не сменяют одна другую как часовые, а как бы взаимопроникают друг в друга. Так, в современном русском языке по всем направлениям можно обнаружить лексические пласты, полученные в наследство от прежних периодов развития языка» [9].

Лексические особенности произведения. Рассмотрим некоторые интересные и важные лексические аспекты исследуемого материала. К примеру, слово «نَدَش» [ʒodəŋ] в современном персидском языке в основном употребляется в значении «становиться», «делать-ся», а в тексте часто выступает в роли синонима глагола «نَتَفَر» [ræftəŋ] в значении «идти».

هگنآ دبای یظح یوزا عبط هکنادنچ نک فقتوت نامز کئی ووش درس ههناخ ب لویا یور هبامرگب نوچ و ووش مرگ ههناخ رد هگنآ. یبای هرهب زین ههناخ {نا}زا ات نیشنب نامز کئی اجنآ و وری گنایم ههناخ رد اجنآ و وورتولخ ههناخ رد درک رثا وت رد امرگ نوچ. یبایب زین مرگ ههناخ ظح ات شاب یمه یتعاس
[6, с. 88]

*(Когда пойдешь в баню, сначала **проведи** некоторое время в холодной комнате, чтобы природа этим насладились. Потом уже **иди** в среднюю комнату и посиди у там*

немного, чтобы насладиться и ею. Потом **ступай** в жаркую комнату и посиди немного и там, чтобы получить удовольствие и от жаркой комнаты. Когда жара бани на тебя подействует, **пойди** в халват-хану и вымой там голову) [7, с. 113].

Анализ текста показывает, что **باتك** [китаб] – «книга» – часто используется в значении «письмо», «писание».

نتفرفریتسناوتن ردنا باوخب وت س پ یدندوب شیوخ ناکم رد هن باتک و قطن رگا و [6, с. 92].
(А если бы речь и **письмо** тоже оставались на месте, тело не могло бы уснуть) [7, с. 117].

Словосочетание **نم كيدزن** [nəzdik-e mən], что переводится в основном как «около меня», часто употребляется в значении «по-моему».

تسرنه نيترتگ رزب هشيپ نم كيدزن تقيقح یور زا اما [6, с. 135].
(Но, по правде, **по-моему**, ремесло – величайшее искусство) [7, с. 153].

К одной из отличительных черт лексического состава «Кабус-наме» можно отнести термины, используемые автором в произведении. Эти термины создают разные семантико-тематические группы и охватывают множество областей. Рассмотрим более широко представленные термины, то есть религиозные, музыкальные и литературные термины. Следует отметить также, что для контекста с религиозными терминами характерно арабо-персидское двуязычие:

هی ام عنو هللا الایف او رکفت: تفگ ملس و هیلع هللا یلص ربم اغیپ هکانانچ [6, с. 10].
هللا یف اورکفتتالو

(Как сказал Пророк, да благословит его Аллах, помышляйте о свойствах Аллаха, но не помышляйте о сущности его) [7, с. 49].

قوگز و تسجج نآ و صاخناگدنب و نام عنم رهب زادرك اديپ هضيرف ودلج و زع یادخ هك رسپ یا نادب
دنك ترايز واهناخ دوب زاس ارك ره ات دومرف و [6, с. 20]

(Знай, о сын, что Господь Всевышний наложил две обязанности на имущих и избранных рабов своих, а именно **хадж** и **зекат**, и приказал, чтобы всякий, у кого есть нужные средства, поклонился дому его) [7, с. 57].

Нижеследующие примеры пронизаны литературными терминами:

زگره و هذب یمامتب نخس نآ داد، دهز و تيثرم و اجه و لزغ و حدم رد، رعش ردنا ییوگ هك نخس نآ و
یوگم مامتان نخس [6, с. 190]

(И когда будешь писать **стихи**, и **прославление**, и **газель**, и **сатиру**, и **элегию**, и **аскетические стихи**, покажи наибольшее красноречие и никогда не говори несовершенных речей) [7, с. 200].

Наблюдается использование терминов разных сфер в одном предложении. Например, литературные и музыкальные: هنارت, لزغ.

یوگرت و فيطل و لهس ییوگ هنارت و لزغ رگا [6, с. 190].
(Если же слагаешь **газель** и **песню**, говори попроще, и поэзиящее) [7, с. 199].

В произведении приводится большое количество имен реальных исторических личностей. Автор, обращаясь к ним, как бы воссоздаёт разные исторические картины в художественном тексте. Эти имена являются основной частью лексико-семантической системы антропонимов «Кабус-наме». Нижеследующие примеры свидетельствуют об этом:

كلم نازوريپ كللم دنزرف نم ههذج و دوب ني دلل رصان نب دومحم یزاغ كللم دنزرف وت ردام
دوب ناملید [6, с. 5]

(Мать твоя – дочь царя-воина за веру султана **Махмуда сына Насираддина**, а бабка твоя – дочь **Фирузана**, царя дейлемитов) [7, с. 46].

(Послал **работорговца**, чтобы купил гуляма за тысячу двести динаров и привез в Гурган) [7, с. 110].

یرواد زات انات سب یو زا یتجیح یهد هچ نادب و همن ت عیدوس کچی ه دزن ب ش یوخ زیچ لدع ی اوگ ود ی
ی ش اب هتسر [6, с. 110]

(Без двух верных свидетелей своего добра никому не давай на хранение и на то, что передал, бери у него **расписку**, чтобы избавиться от тяжбы) [7, с. 132].

Функции временных форм глаголов и способы их образования в тексте произведения также привлекают внимание своими отличительными особенностями. Интересным является, к примеру, образование формы настоящего-будущего времени без приставки «ми», что отличается от правил современного персидского языка.

اهدنپ باتک نی اهدندنک عمج دیوگ نیچ. [6, с. 3]

(Так **говорит** составитель этой книги) [7, с. 45].

В нижеследующем примере глагол **من ییب می** использован в настояще-будущем времени с дополнительной частицей «hə» перед «ми», которая также неупотребительна с точки зрения современной грамматики языка.

نا یوج هراچ تسد ار تباتک نی ا هک من ییب می یتباتک ش یوخ یور رب ش یوخ یوم زا [6, с. 3]
دناوتن ندرتسب

(**Вижу** я, что указ об отставке от жизни начертан волосами моими на лице моём и начертание это не сможет стереть никакое ухищрение) [7, с. 45].

Далее, дополнительная буква «и», примыкающая к необходимому личному окончанию первого лица единственного числа «эм» и в соединении с ней образующая сочетание «эми» в конце слова, встречающаяся в тексте, в целом для передачи прошедшего длительного времени является нехарактерной для образования данной временной формы, которая предполагает употребление только самой частицы «ми», причем в начале слова, и соответственно, сам показатель лица и числа в конце слова без вышеуказанной дополнительной гласной «и», к примеру:

ی دم ای ن هی داب رد زگره ندوب دهاوخ هاگی اپ کی ارمو ارت هک یتسنادنم رگا [6, с. 21]

(Если бы **я** знал, что меня и тебя сравнивают, никогда **не выехал бы я** в пустыню) [7, с. 58].

Как известно, в классическом персидском языке, так же, как и в современном персидском языке, из-за отсутствия падежей значительную роль в передаче различных синтаксических отношений выполняют предлоги. Следует отметить, что на протяжении многих веков большинство предлогов претерпели различные изменения, а некоторые из них вышли из употребления. В частности, в «Кабус-наме» так же, как и в других произведениях классической прозы, имеется большое количество предлогов, использованных в значениях, отличных от значений, используемых в современном персидском языке. Рассмотрим ряд нижеследующих примеров:

1. Предлог «اب» в значении «هب»:

ردنک سا نپ سواک یکی ل عام عمل رصنع ریمال، اهدنپ باتک نی اهدندنک عمج دیوگ نیچ
هاش نالیگ ش یوخ دنزر ف اب، نی نمؤم ل اریم یلوم [6, с. 3] ریگمشو نپ سوباق نپ

(Так **говорит** составитель этой книги, эмир Унсур-ал-Меали Кейкавус ибн-Искендер ибн-Кабус ибн-Вушмагир ибн-Зиар, клиент повелителя правоверных, сыну своему Гиланшаху) [7, с. 45].

2. Предлог «رد» в значении «هب»:

هد ناش یوردب همین کی تسیزیچ نم اهدن یزخ رد هچره زا وور هندی زخ رد: هک دومرفب ار ریزو و [6, с. 31]

(Он повелел везиру: «**Ступай** в мою сокровищницу и из всего, что там есть, половину дай нищим») [7, с. 67].

3. Предлог «رد» в значении «هربارد»:

م.يوگب دن چ یخنخس یاهش یپ ره رد، هن رگا و یونش وت رگا [6, с. 156]
(*Но будешь ли слушать, нет ли, а о каждой профессии я скажу несколько слов*) [7, с. 171].

К перечисленным выше примерам, следует добавить и наличие большого количества пословиц, поговорок и мудрых изречений, приведенных автором, в которых выражена и сохранена многовековая мудрость народа. Следует отметить, что некоторые пословицы приведены как на персидском языке, так и на арабском, что является еще одной особенностью языка произведения. Приведем некоторые из них:

هدروآ یاجب دوب یردب طرش هچنآ نم آل و دم آ هدی دنسب دوخ دزیخ نتسب راک وت زا رگا
رادی رخ هندنونش نوچ تسین راتفگ زج هندن یوگ رب: هک [2, с. 4] دن اهتفگ هک مشاب
تسین رازآ یاج تسین

(*Если ты будешь повиноваться, то этого и достаточно, если же нет – то, что требовалось от отца, я выполнил, ведь говорят же: дело говорящего сказать да и только, а если слушатель не принимает, незачем обижаться*) [3, с. 46].

ای توت هک دنک نشور ار درخ هدی دنیدنش کولم و امکح دنپ: هک دن اهتفگ [2, с. 49]
تستمکح درخ مشچ

(*Говорят: выслушивание советов мудрецов и царей увеличивает силу очей разума, ибо сурьма и тутия для глаз разума – мудрость*) [3, с. 83].

«نونچ لال نم عون بابشل» تمکح: دیوگی می لاطاطس را هکنانچ [2, с. 56]
(*Как сказал мудрец Аристотель, юность – некий вид безумия*) [3, с. 89].

ورب وت دروخ ماش وت رب وت مصخ ات هکنانچ دشابن طرش گنرد و یتسس اجنآ یشاب رازراک رد نوچ ام
یشاب هدروخ تشاچ [2, с. 98]

(*О сын, когда будешь в бою, там нельзя быть медлительным и вялым; раньше, чем враг, победив, над тобой поужинает, ты должен успеть, победив, над ним позавтракать*) [3, с. 122].

دی شاب رگانوات ات دی شاب دنسرخ و دی شاب ناداب آ ات دی شاب اشوک: دن اهتفگ نامیک
رایسب ات دی شاب نتورف و
دی شاب تسود [2, с. 104]

(*Мудрецы сказали: трудитесь, чтобы процветать, и довольствуйтесь малым, чтобы быть богатыми, и будьте смиренны, чтобы иметь много друзей*) [3, с. 126].

لهد و قوب گناب دصب ار هدز نت و درک ناوت رادیب یگاناب ار هتفخ [2, с. 119]
ندرک ناوتن رادیب

(*Спящего можно разбудить одним окриком, а ленивого ни трубами, ни барабанами не разбудишь*) [3, с. 138].

دی رچ ىهاوخب را دی مچ دی بابب، رعش: دن اهتفگ هک رادم بیع ندرک بلط دوس زا و [2, с. 120]

(*И ищи выгоды и не стыдись этого, ибо говорят: надо изворачиваться, если хочешь купить*) [3, с. 140].

دراد وکین ارت هماج و بسا ات راد وکین ار هماج و بسا: هک دن یوگ لثم رد و [2, с. 123]
(*Есть поговорка: береги коня и одежду – сберегут тебя конь и одежда*) [3, с. 143].

دوب یناگدنز تیفاع کین نز: هک دن اهتفگ [2, с. 129]
(*Ведь говорят: хорошая жена – спасение жизни*) [3, с. 148].

ینعم نیهمه و «راهنلا و لیلال هبذآ هادل و هبذؤی مل نم» تمکح: دن اهتفگ هکنانچ
نم دج رگی دی ترابعب

[2, с. 135] {ناولمل هب دؤي ن اوبال هب دؤي مل م} :دي وگ هي لعل هل لال عم لال س مش [2, с. 135].
(*Как говорят: кого не воспитали родители его, того воспитают ночи да дни*) [3, с. 153].

[2, с. 139] دن اهتفگ هك :دس گرزب ی جن گ كين تسود :دناهتفگ هك [2, с. 139].
(*Ведь говорят; добрый друг – великое сокровище*) [3, с. 157].

رگي و نانسود قح هه دننك عي اض يكي :دنشاب تمالم راوازس مدرم هورگ ود :دناهتفگ
وكين [2, с. 141] رادرك هه دننسانشان
(*Говорят: два разряда людей достойны порицания, один – нарушающие права друзей, другой – не признающие добрых дел*) [3, с. 159].

هراوم هه هك دن گفارا ناشي ادوخ ننتسج ينوزفا آهك ناشي اراك ردنا نك لفاغت و خچم نايوج ينوزفا اب
دياين تسرد بآ زا يوبس [2, с. 149]
(*С теми, кто ищет возвышения, не спорь и не обращай на них внимания, ибо та погоня за мно-
гим их и повергнет [в прах], ведь кувшин не каждый год возвращается с водой целым*) [3, с. 165].

ياچب ننت هس :هك دن اهتفگ هك ناد تمحر ياجب ار ننتشي وخ دتفا يمي يلب تجاجرگا و
يدن مدرخ :دناتمحر
يمي يرك و، دوب طلسم يو رب يوق هك يفي عرض و، دوب يدرخ ي ب تسد ريز هك [2, с. 155]
دوب يمي يل جاتح هك
(*А если будет у тебя нужда к низкому человеку, знай, что ты достоин сожаления,
ибо говорят: три вида людей достойны сожаления – разумный, который подчинен не-
разумному, сильный, над которым будет главенствовать слабый, и великодушный,
который будет нуждаться в низком*) [3, с. 170].

دناهتفگ هك ناناچ، لقع رب نآ عرف و دن اهداهن لهجر ب يناگرزاب لصا :دني وگ ناكريز و
كلهل لاهچ لال ول»
يدي هابت ناهج يدن اندرخ ي هن رگا ينعي «للاجرلا [2, с. 166]
(*Мудрецы говорят: основа торговли покоится на глупости, а производные её дис-
циплины – на разуме. Как говорят: если бы не глупцы, погибли бы мужи, т. е. если бы
не было неразумных, мир бы разрушился*) [3, с. 180].

دهاكب يزور زا راي سب مرش :هك دن اهتفگ ناكريز [2, с. 168]
(*Хитрецы говорят: застенчивость уменьшает хлеб насыщенный*) [3, с. 181].

هدومزآ ان مدرم زا هب هدومزآ وي :هك تساهدم آ لثم ردنا [2, с. 171]
(*Есть поговорка: испытанный див лучше неиспытанного человека*) [3, с. 184].

تفرگ دياب رام ناسك تسدب :هك دن اهتفگ هچ، لهم زاب ناسك تسدب هلمج شي وخراك و [2, с. 171]
(*Дела свои целиком другим не поручай, ибо говорят: чужими руками змею ловить
хорошо выходит*) [3, с. 184].

درخ ياذغ و دشاب اذغ زا توق ار س ك هم هه :تفگ؟ تس يچ زا درخ توق :هك دندي سرپ ار سي لاطاس را
تس تمكح [2, с. 263]

(*Как спросили мудреца Аристотеля: «В чем сила разума?» Ответил: «У всех сила
от пищи, а у разума – от мудрых изречений»*) [3, с. 260].

Следует также особо подчеркнуть, что «Кабус-наме», являясь настольной книгой не-
которых правителей, педагогов и широкого круга читателей, неоднократно издавалась в
Иране, а также далеко за ее пределами, переводилась на такие языки, как азербайджан-
ский, турецкий, татарский, русский, казахский, немецкий, английский, французский, араб-
ский, японский, и по сегодняшний день не утрачивает своей актуальности. В этом плане ха-
рактерные особенности формирования словарного состава этого произведения, отражаю-
щие эпоху, в которую данное произведение создавалось, свидетельствуют о преемствен-
ности в развитии языковых процессов персидского языка вплоть до настоящего времени.

Список использованной литературы

1. Брагинский И.С. Персидская литература / И.С. Брагинский, Д.С. Комиссаров. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 214 с.
2. Иванов М.С. История Ирана / М.С. Иванов. – М.: МГУ, 1977. – 488 с.
3. Кляшторина В. Кабус-Наме – книга хороших советов / В. Кляшторина // Наука и религия. – 2000. – № 1. – С. 8–20.
4. Крымский А.Е. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии / А.Е. Крымский. – М.: Институт восточных языков, 1915. – Т. I, № 47. – С. 277–568.
5. Юсофи Голам-Хосейн. Избранное из Кабус-наме / Г.-Х. Юсофи. – Тегеран: Амир Кабир, 1385/2007. – 443 с.
6. Юсофи Голам-Хосейн. Кабус-наме / Г.-Х. Юсофи. – Тегеран: Наука и культура, 1378/2000. – 609 с.
7. Бертельс Е.Э. Кабус-намэ / Е.Э. Бертельс. – М.: Изд-во восточной литературы, 1958. – 296 с.
8. Browne E.G. A literary history of Persia: in 4 vol. / E.G. Brown. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – Vol. 2. – 586 p.
9. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 318 с.
10. Умарова П.У. Устаревшая лексика в аварском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / П.У. Умарова. – Махачкала, 2013. – 29 с.
11. Стариков А.А. Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» / А.А. Стариков // Фирдоуси. Шахнаме: в 6 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 1. – С. 459–592.
12. Юсиф ибн Мухаммад Харави. «Джам’ал-фава’ид» («Тибб-и Юсифи» / 1511 г.) [Электронный ресурс] / Юсиф ибн Мухаммад Харави. – Режим доступа: <http://www.alakbarli.aamh.az/index.files/19.htm> (последнее обращение 20.03.2020).
13. Gibson L. Navigating the Qabusnamah’s Journey from Istanbul to Weimar: Ottoman-European Philosophical Exchange in the Age of Enlightenment / L. Gibson // Osmanli Arastirmalari – The Journal of Ottoman Studies. – 2016. – Issue 48. – P. 321–336. DOI: 10.18589/oa.588069.
14. Mammadova U.Z. Arabic-speaking poets of the 12th century Azerbaijan / U.Z. Mammadova // Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. – 2017. – Issue 2. – P. 240–245.
15. Pelevin M. The Art of Chieftaincy in the Writings of Pashtun Tribal Rulers / M. Pelevin // Journal of the Royal Asiatic Society. – 2019. – Vol. 29, issue 3. – P. 485–504. DOI: 10.1017/S1356186319000051.
16. Rubanovich Ju. Metaphors of Authorship in Medieval Persian Prose: A Preliminary Study / Ju. Rubanovich // Middle Eastern Literatures. – 2009. – Vol. 12, issue 2. – P. 127–135. DOI: 10.1080/14752620902951132.

ABOUT LANGUAGE FEATURES OF “QABUS NAMEH”

Rena H. Mammadova, Baku State University (Azerbaijan).

E-mail: M_R_G_@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-20

Key words: *Keykavus, Qabus-nameh, Persian prose, language features.*

The article is dedicated to the Qabus-nameh, authored by the grandson of the emir Kabus Unsur al-Meali Keikavus ibn-Iskender ibn-Kabus ibn Wushmagir ibn-Ziyar. It addresses issues of the history of its writing, notes the role of the author in the formation of classical Persian prose, as well as the influence on Western literature. Attention is paid to the sources of the artistic language of the writer, which are associated with his wide knowledge in various fields of science, life observations, and deep knowledge of everyday life and the language of the people. As you know, in the vocabulary are reflected absolutely all the processes of development and change of society. By analyzing the lexical and grammatical features of Qabus-nameh, the article identifies the characteristic features of the language used by the author and distinguishing his prose from other prose works of that period. Thanks to the abundance of obsolete words: archaisms and historicisms, the work retained the flavor of its historical era. Examples of obsolete words,

terms of various fields, onomastic names, and ethnographic vocabulary are presented and considered, as well as semantic variation and heterogeneity of prepositions, distinctive features of the functions of the tense forms of the verb, their semantics and constructions are compared with the rules of the modern Persian language.

References

1. Braginskiy, I.S., Komissarov, D.S. *Persidskaja literatura* [Persian Literature]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1963, 214 p.
2. Ivanov, M.S. *Istoriya Irana* [History of Iran]. Moscow, Moscow State University Publ., 1977, 488 p.
3. Klyashtorina, V. *Kabus-Name - kniga horoshih sovetov* [Qabus-Nameh - book of good advice]. *Nauka i religiya* [Science and Religion], 2000, no. 1, pp. 8-20.
4. Krymsky, A.E. *Istoriya Persii, ee literatury i dervisheskoy teosofii* [History of Persia, its Literature and Dervish Theosophy]. Moscow, Institut vostochnyh yazykov Publ., 1915, vol. 1, no. 47, pp. 277-568.
5. Yusofi, Golam-Hosein. *Izbrannoe iz Kabus-name* [Selected from Qabus-nameh]. Tegeran, Amir Kabir Publ., 1385/2007, 443 p.
6. Yusofi, Golam-Hosein. *Kabus-name* [Qabus-nameh]. Tegeran, Nauka i kultura Publ., 1378/2000, 609 p.
7. Bertels, Ye.E. *Kabus-name* [Qabus-nameh]. Moscow, Izdatelstvo vostochnoy literatury Publ., 1958, 296 p.
8. Browne, E.G. *A literary history of Persia: in 4 vol.* Cambridge, Cambridge University Press, 1977, vol. 2, 586 p.
9. Vinogradov, V.V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and Lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 318 p.
10. Umarova, P.U. *Ustarevshaya leksika v avarskom yazyke*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Obsolete vocabulary in Avar Language. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Mahachkala, 2013, 29 p.
11. Starikov, A.A. *Firdousi i ego poema «Shahname»* [Ferdowsi and his poem "Shahnameh"]. *Ferdowsi. Shahname: v 6 t.* [Shahnameh: in 6 vol.]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1957, vol. 1, pp. 459-592.
12. Yusif, ibn Muhammad Haravi. *"Dzham'al-fava'd" ("Tibb-i Yusifi" / 1511 g.)* ["Dzham'al-fava'd" ("Tibb-i Yusifi" / 1511)]. Available at: <http://www.alakbarli.aamh.az/index.files/19.htm> (accessed 20 March 2020).
13. Gibson, L. Navigating the Qabusnamah's Journey from Istanbul to Weimar: Ottoman-European Philosophical Exchange in the Age of Enlightenment. *Osmanli Arastirmalari - The Journal of Ottoman Studies*, 2016, issue 48, pp. 321-336. DOI: 10.18589/oa.588069.
14. Mammadova, U.Z. Arabic-speaking poets of the 12th century Azerbaijan. *Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*, 2017, issue 2, pp. 240-245.
15. Pelevin, M. The Art of Chieftaincy in the Writings of Pashtun Tribal Rulers. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 2019, vol. 29, issue 3, pp. 485-504. DOI: 10.1017/S1356186319000051.
16. Rubanovich, Ju. Metaphors of Authorship in Medieval Persian Prose: A Preliminary Study. *Middle Eastern Literatures*, 2009, vol. 12, issue 2, pp. 127-135. DOI: 10.1080/14752620902951132.

Одержано 17.12.2019.

УДК

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-21

И.А. МУСАЕВА,

*доктор философии по филологии, доцент,
докторант Национального музея Азербайджанской литературы
имени Низами Гянджеви Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку)*

ПОЛИТИКА ГЕГЕМОНИСТСКИХ ГОСУДАРСТВ В ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ (на материале романа Ю.В. Чаманзаминли «Между двух огней»)

Хорошо известно, что исторический роман не раскрывает только хронологию выбранной и целевой истории. Он также знакомит с человеком того времени, характеризуя предысторию великих событий. В 1930-е гг. романы с историческим и политическим содержанием были редкостью. Триумф социализма, колхозное строительство и идеи коллективизации были в центре внимания. Авторами исторических романов были Ю.В. Чаманзаминли и М.С. Ордубади. Роман Юсуфа Везира Чаманзаминли «Между двух огней», написанный в 1937 г. и впервые опубликованный в 1964 г. в журнале «Азербайджан» под названием «В крови», посвящен не только Карабахскому ханству но и всей истории Азербайджана. Основная идея романа не только о ханствах, дворцовых конфликтах и войнах между ханствами. Роман посвящен не только общественно-политической и творческой деятельности М.П. Вагифа, как отмечают многие исследователи. Проблема, которую автор хочет решить здесь, заключается в том что Азербайджан остается перед дилеммой в ходе крупных исторических событий при определении собственной судьбы. Карабахское ханство изо всех сил пытается сохранить целостность и исторический образ раздробленной нации в борьбе великих держав. Россия или Иран? Оба рассматривают Азербайджан как колонию. Карабахский хан, оставшийся между двух огней в попытке определить судьбу народа и страны, находится в состоянии потрясения и колебаний. Неоднократно изображаются сцены, в которых Азербайджан остается между двух огней – Россией и Ираном. Существует угроза исчезновения в политических играх больших, могущественных и агрессивных государств, как в трагикомедии Дж. Мамедгулузаде «Книга моей матери». Хотя Мамедгулузаде создал образ этой трагедии в начале XX в., Ю.В. Чаманзаминли немного углубился в историю и нарисовал историческую картину второй половины XVIII в.

Ключевые слова: исторический роман, сюжетная драма, Карабахское ханство, колониальная политика, общественно-политическая среда.

Добре відомо, що історичний роман не розкриває тільки хронологію обраної і цільової історії. Він також знайомить з людиною того часу, характеризуючи передісторію великих подій. У 1930-ті рр. романи з історичним та політичним змістом були рідкісними. У центрі уваги були триумф соціалізму, побудова колгоспу та ідеї колективізації. Авторами історичних романів були Ю.В. Чаманзамінлі та М.С. Ордубаді. Роман Юсуфа Везіра Чаманзамінлі «Між двох вогнів», написаний у 1937 р. і вперше опублікований в 1964 р. в журналі «Азербайджан» під назвою «У крові», присвячений не тільки Карабахському ханству але і всій історії Азербайджану. Основна ідея роману не тільки про ханства, конфлікти у палаці й війнах між ханствами. Роман присвячений не тільки суспільно-політичній і творчій діяльності М.П. Вагіфа, як відзначають багато дослідників. Проблема, яку автор хоче вирішити тут, полягає в тому що Азербайджан залишається перед дилемою в ході великих історичних подій при визначенні власної долі. Карабахське ханство щосили намагається зберегти цілісність та історичний образ роздробленої нації у боротьбі великих держав. Росія чи Іран? Обидва розглядають Азербайджан як колонію. Карабахський хан, що залишився між двох вогнів у спробі визначити долю народу і країни, перебуває в стані потрясіння і ко-

ливань. Неодноразово зображуються сцени, у яких Азербайджан залишається між двох вогнів – Росією та Іраном. Існує загроза зникнення в політичних іграх великих, могутніх і агресивних держав, як в трагікомедії Дж. Мамедгулузаде «Книга моєї матері». Хоча Мамедгулузаде створив образ цієї трагедії на початку ХХ ст., Ю.В. Чаманзамінлі трохи заглибився в історію і намалював історичну картину другої половини ХVІІІ ст.

Ключові слова: історичний роман, сюжетна драма, Карабахське ханство, колоніальна політика, суспільно-політичне середовище.

Азербайджанський державний діяч і письменник, будучи першим послом Азербайджанської Демократическої Республіки в Османській Турції, Ю.В. Чаманзамінлі в 1910 г. отправився в Київ і поступив на юридичний факультет Імператорського університету.

Професор Т. Гусейноглу, неумомимий дослідник творчості Ю.В. Чаманзамінлі, пише: «Лідери Українського національного руху, змагаючись об'єднати репресовані народи від угнетення імперії, приймають рішення про створення Конгресу народів. В зв'язі з цим створюється «Совет народів». Совет видає еженедельний журнал “Svobodnyy soyz”. Ю.В. Чаманзамінлі і його три співробітники представляють Азербайджан і публікують в журналі статті для просування Азербайджана. Содействие Азербайджану і надання йому гідної майдану для вираження громадського думки було одним з найбільш привабливих питань Ю.В. Чаманзамінлі в 1917–1922 гг. Ю.В. Чаманзамінлі знаходився в Криму з травня 1918 г. по лютий 1919 г., воював проти денікінців і багато зробив для зміцнення національного руху» [14, с. 8]. Великі політичні події, такі як Перша світова війна, соціалістична революція, встановлення влади республіки в Азербайджані, залишили глибокий слід в його житті. Після розпаду республіки в 1926 г. письменник повернувся на батьківщину.

Він працював на різних посадах понад 10 років (1926–1937) в радянський час. Романи, написані в 1930-х гг., стали причиною репресій проти письменника. Він залишився безробітним після виходу в світ творів «Студенти» (роман про українську життя), а потім «Дівичий родник», викликавши скандал критики. Між 1929 і 1933 гг. неодноразово приймалися заходи для очищення партії і виносились відповідні рішення. Багато зусиль було направлено на створення «сталіної пролетарської дисципліни» в партії. Нарешті, в лютому 1933 г. рішення партійного пленуму про «партійну чистку» було опубліковано. Лише в 1937 г. 29 000 осіб були убиті або депортовані як «вороги народу» в Азербайджані.

25 лютого 1940 г. Юсиф Вазир був арештований в Ургенчі і доставлений в Баку. Протягом тюремного закладу близько шістьох місяців, він був відправлений в тюрму 3 лютого 1940 г. Юсиф Вазир Чаманзамінлі помер 3 лютого 1943 г. в тюремному закладі на станції Сухобезводная в Нижегородській губернії від голоду і серйозної недостаточності.

Він написав роман «Між двох вогнів», опублікований в 1937 г., після його смерті.

Ключовим питанням роману, на який намагається відповісти письменник, – Іран чи Росія? Роман розкриває багато взаємопов'язаних історичних тем – драматизація подій в Карабахському ханстві, пов'язаному з сусідніми ханствами, випадки особистих судів героїв, багатостороння зовнішня політика і т. д.

Професор Акбар Агаєв відредагував назву твору і назвав його «В крові». Роман, що складається з трьох частин, кожна з яких складається з 20–22 глав, починається з опису свята Новруз і прибуття дочки Ібрагіма хана, Кічикбаїма.

«– Ну так що ж? – запитав хан, оглядаючи високе зібрання. – Як у когось думки? Чувствуете, що сидимо на пороховій бочці?»

І знову ніхто не сказав ні слова. Тоді, прохавши дозволу, сказав Вагіф.

– Да буде благополучен хан, – сказав він. – Я чувчував все, що сказав поважний Мірза Алімамед. Думаю, що поки прямої небезпеки для нас немає. Тепер найголовніше – правильна, розумна політика. Фаталі-хан тяготеє до Росії, це нам відомо. Що ж, володіння його досягають Дербента, і в разі чого він може рахуватися на допомогу з Півночі. Ми ж межуватимемо з Іраном, і стоїть Агамухамеду перейти Аракс, він може вогнем

и мечом пройти по землям нашего ханства – в этих условиях идти на обострение отношений было бы весьма опасно. Если Агамухамед потребует от нас подчинения, мы соберемся снова и будем решать. Пока необходимо выжидать, будучи готовыми ко всему. Таковы мои соображения» [12, т. I, с. 517].

Историк Мирза Джамал-бек Джаваншир Карабахи написал «Краткое эссе об истории Ирана» в 1815 г. и в 1847 г. «Историю Карабаха» о социально-политической жизни Карабаха. Мирза Джамал-бей служил в течение пятидесяти лет у Ибрагим-хана и у Мехдикулу-хана. Ученый, который знал арабский, персидский, турецкий и историю, был автором наиболее точных сведений об истории Карабаха. Ю.В. Чаманзаминли использует его историческую информацию в своем романе. Он пишет в своей статье «Молла Панах Вагиф»: «Когда речь заходит о политическом лице Моллы Панах, у Мирзы Джамала также есть некоторая ценная информация об этом. Симпатия карабахского дворца к царскому правительству очевидна. Основной причиной этого является атака иранского хана на Кавказ, убийства людей и голод. В этом отношении и Мирза Джамал, и Молла Панах занимают противоположную позицию относительно иранского правительства. В то время русская армия, которой командовал генерал Зубов, оккупировала Шамахи. Ибрагим-хан отправил сына Абульфат-хана с подарками Зубову. После этого между Петербургом и Карабахским дворцом установилась тесная связь. Царица Екатерина также отправила подарки Ибрагим-хану» [13, т. III, с. 323].

Мирза Джамал-бей некоторое время служил министром у Панах-хана и его сына Ибрагима-хана. В нескольких частях романа также было написано, что Вагиф писал официальные письма, и Мирза Джамал переписывал их.

Автор использует книгу Мирзы Адигозала «Карабахнаме» и рассказывает об истории Карабахского ханства о борьбе ханства против иностранных захватчиков во времена правления Панахали-хана и Ибрагима Халила-хана. Исторические фигуры, такие как Ибрагим Халилхан, Молла Панах Вагиф, Молла Вели Видади, Агамахаммад Шах Каджар, Мирза Джамал, И.И. Иракли, Агабаим Ага и события, связанные с историей Азербайджана, описаны в романе в контексте общественно-политической жизни, проблем национального существования. Роман изобилует описаниями этнографических особенностей, фестивалей, освещением проблем семейной этики, семейных ценностей, национальных обычаев и традиций, красочных пейзажей Карабаха. В центре сюжета проблемы Карабахского ханства, общественная, политическая и социокультурная жизнь ханства конца XVIII в. Писатель изображает общественно-политическую и культурную жизнь того времени в подробнейших деталях.

История о том, как молодые люди Мамед-бея переплывали Куру и грабили земли Ширвана, возвращаясь домой, демонстрирует их храбрость и одновременно богатство процветающего края.

Мы читаем много историй о мобилизации крестьян во время междоусобных войн.

Описание траурного месяца магеррама в Карабахе и по всему Азербайджану передается читателю с терпением и подробностями. Автор описывает не только даты церемонии, получившей статус «национального траура», но также и самые тонкие нюансы ритуалов. Траур начинается с 1-го числа месяца магеррама. Народ Карабаха был в основном турецкого происхождения и какое-то время жил своими собственными древними тюркскими традициями и обычаями, не будучи под влиянием исламской религии и иранской культуры. Строительство Шуше (стекла) было основой ханства, а общение и связь, начавшаяся с Ираном, способствовали только возникновению диких обычаев. Суфизм был также одним из обычаев, привезенных из Ирана: «Одним из этих заимствованных обычаев был показ мистерий во время магеррама. Вначале разыгрывались лишь представления на исторические сюжеты, связанные с событиями, действительно имевшими место. Участники действия, изображая различных исторических лиц, читали соответственные стихи, разыгрывали сцены, изображавшие убийство имама Гусейна и муки, доставшиеся на долю его близких. Артисты всеми силами старались разжалобить зрителей, заставить их плакать» [12, т. I, с. 610]. Теперь это стало традицией: «Позднее ко всему этому прибавился «шахсей-вахсей» – обычай истязать себя в память святых имамов. В свое время с помощью такого самоистязания Вагифу удалось спасти невинных людей от гнева Ибрагим-хана. Ханский гнев не имел причины, которую можно было бы устранить, конец его тоже нельзя было предугадать – у Вагифа тогда не оставалось иного средства, чтобы освободить узников...

И в этом году близкие тех людей, что томились в ханских темницах, одетые в белые саваны, с утра толпились в дворцовом дворе. Хан снова вышел к народу и снова, как тогда, пообещав выпустить узников, успокоил просителей. С пением зикиров толпа тронулась в махаллу Чухур, ко дворцу Мамедгасан-аги.

Огромную площадь, с одной стороны которой высилась крепостная стена, а другая была застроена низенькими жалкими домишками, заполнял народ. Еще не совсем рассвело, но видно было, что, несмотря на мороз, представление состоится: одетые в яркие костюмы участники мистерии толпились в сторонке, разучивая роли, хоругви с железными руками на конце древка колыхались над головами» [12, т. I, с. 611].

Красочно описывались паланки езидов, череп – «голова имама Хусейна», пленники, харисы, которые били мусульманских детей кнутом, «Пепел на мою голову, прах на мою голову!» – «Площадь рыдала». Среди участников представления и тех, кто рыдал на площади, было немало армян. Вечером в память о покойном зажигались свечи. Сожжение свечи называлось «шамигарибан».

Тот факт, что роман «Между двух огней» изобилует историческими данными, также неоспорим. Тем не менее автор представляет наиболее актуальные исторические данные в художественном осмыслении, а не в научном и историческом стиле. Читатель, не знающий историю Азербайджана той поры, прочитав роман, сможет увидеть всеобъемлющую картину этой эпохи.

На вопрос о читателе исторических романов (должны ли читатели иметь исторические знания?) Милан Кундера отметил: «Есть история Европы. С тысячного года до наших дней она переживает одно общее приключение. Мы являемся ее частью, и все наши поступки, персональные или национальные, обнаруживают решающее значение лишь по отношению к ней. Я могу понять “Дон Кихота”, не зная истории Испании. Но я не могу его понять, не имея хоть какого-то представления, пусть самого общего, об историческом приключении Европы, например о ее рыцарском периоде, о куртуазной любви, о переходе из Средневековья в Новое время» [11]. О важности и актуальности изучения исторического жанра в современной науке свидетельствуют и работы исследователей (Наргиз Алиева [15], Эммануэль Думлау [16], Юн Сан Ли [17], Мухти Мангхарам [18], Эмма Миллер [19], Гюнтекин Наджафли [20], Мария Риппон [21], Бриони Стокер [21], Спела Вирант [23] и др.).

Из исторических источников известно, что Карабахское ханство стало беспокоить другие ханства и иностранные государства (Россию, Иран, Турцию) как серьезная сила во второй половине XVIII в. Карабахский хан обычно пытался проводить внешнюю политику от имени Азербайджана. Тем не менее его усилия были нивелированы Губали Фатали-ханом и другими силами, ведущими противоречивую политику. Интересно отметить, что Карабахское ханство и местное население, проживающее в этом районе, чаще всего назывались «Азербайджан» и «азербайджанцы». Даже сегодня дебаты по поводу названия нашей нации и языка еще не закончены. Определения турецкого языка и турецкой нации не являются удовлетворительными. В процессе полемики стало ясно, что выражение «азербайджанский» появилось как новое, позднее созданное имя. Некоторые говорят: «Это имя дал нам Сталин», забывая о серьезности вопроса и искажая историю. Профессор Солмаз Тохиди пишет в своей книге «Республика называется Азербайджаном» о ее историческом значении: «Интересно, что до оккупации Северного Азербайджана в конце XVIII века Губали Фатали Хан писал персидскому во II веке. Ибрагим Халил Хан из Карабаха неоднократно использовал слово адырбаджанец (Азербайджан) – перевод его письма на русский язык» [9, с. 7].

Большинство фактов и исторический материал основаны на документах Ю.В. Чаманзаминли, осмысленных в его работах «Взгляд на азербайджанскую литературу», «Произведения азербайджанских авторов о нашей истории», «Молла Панах Вагиф» [13, т. III, с. 113, 315, 320].

Ю.В. Чаманзаминли не создавал своих героев по односторонним, основанным на принципах романов 1930-х гг. Когда азербайджанская литература советского периода воспевала колхозы, совхозы, коммунистическую партию и большевистскую идеологию, у Ю. Вазира был сосредоточен на истории народа, вынужденного подчиниться власти ига. Во времена русского правления была представлена версия традиционных методов русской оккупации XVIII в. Создание такой работы в 1937 г., конечно, приводило к репрессиям со стороны властей.

Как и многие исследователи, профессор Т. Саламоглу характеризует 1930-е гг. XX в. как особую эпоху для нашей истории литературы и показывает, что жанр приобрел особую ценность в этот период с созданием «Эпохи советского романа в Азербайджане». Десятилетия со времени нашей национальной независимости также являются историей развития «Эпохи советского романа в Азербайджане» [10, с. 6].

Однако сквозь сегодняшнюю призму «советские романы», романы, написанные в стиле соцреализма, кажутся ненужными, неважными и антилитературными. Как правило, в 1930-е гг. С. Рагимов, А. Валиев, Абулхасан писали «колхозные романы».

В те годы Чаманзаминли написал роман «Студенты», который представил социалистическую революцию как «революцию мужиков», а также роман «Девичий родник» отражающий тот факт, что азербайджанцы – древняя, могущественная нация.

Хорошо известно, что исторический роман не служит раскрытию только хронологии избранной и предполагаемой истории. Он также знакомит с человеческой личностью того времени, характеризуя предысторию великих событий. История отражается в людях, и люди создают свои собственные образы, отраженные в истории. Говоря о романе, М. Кундера отметил: «Вы все знаете романы о Французской революции, о Марии-Антуанетте, или романы о 1914 году, о коллективизации в СССР (оправдывающие или осуждающие ее), или о 1984 году; все это популярны романы, которые выражают некое знание, выраженное в нероманной форме, переводят на язык романа... Я поступаю с Историей как театральный художник, который обустроивает абстрактную сцену, обставляя ее несколькими предметами, необходимыми для действия... Из всех исторических обстоятельств я принимаю во внимание лишь те, что создают для моих персонажей некую показательную экзистенциальную ситуацию» [11].

Автор использует историю как эстетическую ценность, чтобы осмыслить проблемы современной эпохи. «Так определяется значение материала в художественном творчестве: не входя в эстетический объект в своей материальной внесетической определенности – как эстетически значимый компонент, он необходим для его созидания как момент технический» [1, с. 73].

История «Между двух огней» – это также драма и трагедия личностей, которые делают историю. Аналитические и логические анализы этих исторических катастроф успешно проведены. В сумерках трагедий человеческая судьба проходит, как в кино. Исследуются трагические исторические события, ошибки и достижения Ибрагим-хана, М.П. Вагифа, Агабаима, Кичикбаима, Мамед-бека, Фатали-хана. Исторические реалии в романе эквивалентны жизненной истории этих людей, как если бы этим людям был выставлен счет времени. Своими мудрыми и патриотичными решениями Ибрагим-хан встает на защиту своего народа от двух огней. Его внутренняя и внешняя политика объясняется последствиями обретения независимости и ухода от стратегии иностранной оккупации. Однако хан, судья известен своими агрессивными, жестокими и суровыми решениями, чтобы не уклоняться от осуждения народа своей провинции, дворянства, армянских князей, армянской общины, а также глав и делегатов других азербайджанских ханств. Однако у хана есть два помощника, один с огнем и один с водой, которые помогают принять решения: М.П. Вагиф и Шахмамед. Порог сострадания, примирения и доверия регулирует министр Вагиф. Как отмечает автор, ни одно сословие или низы общества не могли избежать гнева хана. Этот гнев также выражался через Шахмамеду:

«Шахмамед отличался смелостью, исполнительностью, был в милости у хана и не однажды смягчал его гнев. На беду Шахмамед был чрезвычайно нехорош собой: большой, весь в рябинах нос, толстые брови, маленькие тусклые глазки – лицо его невольно вызывало неприязнь. И в голосе ханского любимца слышалось какое-то свиное завывание: стоило Шахмамеду произнести слово, человека охватывал ужас. Но тут уж виной было скорей его положение при дворе. Ни единый человек в ханстве, к какому бы слою общества ни принадлежал, не мог быть гарантирован от немилости повелителя, а кара, которую назначал виновному разгневанный хан, почти всегда приводилась в исполнение через Шахмамеду» [12, т. I, с. 474].

Профессор Тофик Гусейноглу, исследователь творчества Ю.В. Чаманзаминли, отмечает: «Второй исторический роман Чаманзаминли – “Между двух огней”. Он написал такой

сложный роман в течение четырех месяцев. Потому что он знал, что у него над головой сгущаются тучи, и что-то трагическое может произойти в любой момент. Случилось, как и ожидалось. Несмотря на то, что в центре романа – образ Карабахского ханства, подразумевается вся территория Азербайджана. Другими словами, Карабахское ханство является обобщенной формой Азербайджана в целом. Разница в том, что произведение содержит конкретные художественные образы исторических личностей. В “Девичьем роднике” иллюстрируется обобщенный взгляд на историю, а также информация об исторических личностях, об истории, культуре, творчестве выдающихся людей. В предисловии к этой книге автор сообщает, что собирается написать еще 15 книг об Азербайджане и азербайджанцах. Он также пишет свою вторую книгу “Экономический и исторический Азербайджан”» [3].

В романе армянский вопрос отражается на фоне событий 1937 г. – заговора русских и армян против азербайджанского народа. Однако в 1931 г. Дж. Джаббарли высоко оценил интернационализацию советской идеологии в своей пьесе «В 1905 году», и было написано сотни стихотворений, прозаических и драматических произведений, основанных на этих принципах. Идеологические рекомендации 1930-х гг. сделали идею братства и дружбы с армянами предметом литературы. Я. Вазир обратился к памяти и обрисовал печальное прошлое и опасное настоящее и будущее. Роману, который был выпущен почти через 30 лет после его написания, сейчас 80 лет, но проблемы, осмысленные в нем, актуальны сегодня и заставляют задуматься.

В романе священник Охан как исключительный армянин, демонстрирует свою антиармянскую позицию во имя справедливости. Мирза Алимамед рассказывает об армянине по имени Юсиф Амин, который приехал из Лондона в Карабах. Это напоминание раскрывает истинную историю армянской ненависти. Хан был очень добр к нему и простил его в юности.

«Юсиф Амин родом из Хамадана, учился в Лондоне, потом связался с какими-то недобряками, они его и подбили... Поезжай, мол, на родину, собирай вокруг себя армян, учи, чтобы били басурман, а в случае чего мы поможем. Вот он и начал. Побывал в Дагестане, в Тифлисе, здесь у нас поразнухал... у армянских купцов денег пытался раздобыть... В Учкильсе наведалься к патриарху, а тот, безмозглый, благословение ему дал... Однако дальше дело не пошло. Потыркался туда-сюда, видит, плохи дела – в Индию подался...

– Мы были осведомлены о том, что Юсиф Амин прибыл сюда, чтобы сеять смуту, – с обычной своей мягкостью заметил Мирза Алимамед. — Он ведь и к Ираклию ездил – только не сталкивались они... По поручению хана я встретился с этим... молодым человеком. Он мне все свои мысли высказал. За моей, говорит, спиной не кто-нибудь, сам английский король стоит» [12, т. I, с. 475].

Исторический вывод автора состоит в том, что армянский народ время от времени благодаря русским покровителям претендовал на азербайджанские земли, в то время как великие империалисты достигали своих целей. Со времен Петра I армянам давались новые обещания, благодаря которым поддерживалась вражда с азербайджанцами. Практика вражды со своими соседями по разговорам далеких стражей и миссионерских государств стала исторической задачей армянского народа.

В романе также описано социально-политическое положение соседних государств в XVIII в., военные операции и внутренние беспорядки. Показано, что после смерти Карима Хана Занда ханы в Иране начали проливать кровь из-за престола. Самыми сильными были кадjarские ханы, принадлежавшие к туркам из Джалайра. Кадjarы жили в Гянджинском и Иреванском ханствах на протяжении веков. Шах Аббас Я взял тридцать тысяч гадjarских семей из Гянджи и переехал в Астрабад и Хорасан. Эти командиры Кадjarиса неоднократно нападали на иранское королевство, но потерпели неудачу. Даже после смерти Надира Мамедхасан-хан Кадjar долго боролся с Карим-ханом Зандом и умер, так и не достигнув своей цели. Его сын Ага Мамед, которого также разыскивал Адил Шах Афшар, был схвачен и доставлен в Шираз Карим-ханом вместе со своим братом Гусейнкулу. Карим-хан Занд умирает, Ага Маммед-хан убегает из Шираза и завоевывает Астарабад, Мазандаран и Гилан.

Азербайджанские ханства, в том числе Карабахское ханство, должны были реализовать планы междисциплинарной политики. Россия, Иран, грузинское ханство, армяне не давали покоя.

Ю.В. Чаманзаминли не создавал в романе портреты исторических личностей, которые были бы основаны на воображении и вероятности. Он собирает исторические факты и систематизирует их таким образом, чтобы метод путешествия к истории был успешным в контексте литературного текста. Например, мы изучаем исторические факты о конфликтующей позиции, действиях и политике правителя Губы Фатали-хана. Ибрагим Халил-хан, посол Фатали-хана, Маликмамед-хан, говорит: «Знай же, хан! – в том, как он произнес слово «хан», была открытая насмешка. – Фатали неисправим в своем вероломстве. Положиться на такого вероломного человека?! Он прекрасно знает, что брат мой Мехралы – мой злейший враг, и все-таки он пригнул его у себя! Он послал войска Хидаят-хану, он сверг ширванского хана, сгоняет население новой Шемахи в старую, истязает людей!.. На днях он перешел Куру и разорил наше собственное поместье – зачем ему это было нужно? И после всего, что он сделал, ты говоришь, что я должен поверить ему?» [12, т. I, с. 518].

Из романа читатель узнает о 5-тысячной армии, возглавляемой сыном иракского хана Георги, подавляющим большинством которой являлись турки Газаха и Шамсаддина, и армии Ибрагим-хана, ожидающих Фатали-хана.

Например, становится ясным, что Фатали-хан периодически пересекал Куру, разрушая деревни Карабаха, и захватывал людей, пленных отправлял в Губу. В Иране продолжают столкновения ханов. Ибрагим-хан вынужден был укреплять, с одной стороны, крепость Шуши, а с другой стороны, должен был удерживать войска в Куру и Аразе. Армянские мелики и попы передавали россиянам военные секреты.

Исследователи-литературоведы, сравнивая романы Ю.В. Чаманзаминли «Между двух огней» и А. Толстого «Петр Первый», чаще анализируют сходства с точки зрения жанров и композиции. Отметим, что исследования Ю.В. Чаманзаминли как литературоведа и фольклориста были довольно обширны. Он хорошо разбирался в теории жанра романа, и особенно в эстетике исторического романа, был большим знатоком мировой литературы.

Женские образы в романах Ю.В. Чаманзаминли олицетворяют историю Родины. В романе образы Шахниси и Агабаим-аги также воплощают колоритное отражение среды, в которой женские образы представляют доминанту национального характера. Агабаим-ага с детства увлекалась литературой, историей, искусством, все время просила у Назли рассказать сказку. Отношение автора к истории и фольклору Турции отражено в его творчестве. В этих повествованиях Азербайджан, тюркская история, география, топонимы передаются из самых древних источников.

Назлы рассказывает сказку Агабаим-ага. Судьба Агабаим-ага похожа на судьбу Гунтакин, дочери Огуз-хана в сказке. Судьба дочери Хана, с самого детства связанная с Ираном, отражена в сказках. Агабаим-ага, которая тоскует по своей родине и отцу в изгнании, всю жизнь плакала и проливали слезы. Автор смог дать эту историческую, психологическую связь как кульминационный момент в судьбе обеих женщин.

В романах Ю.В. Чаманзаминли темы, связанные с образом конкретной личности, тесно связаны с исторической тематикой произведения, и эта взаимосвязь определяет итоговую идею романа. Автор не говорит абстрактно, но ведет хронологию в художественном контексте. «Абстрактный историзм никаких преград для субъективизма и произвола здесь возвести не может» [5, с. 95].

Ю.В. Чаманзаминли освещает политический ландшафт истории и реальности Кавказа на основе образов исторических личностей и реальных дипломатических отношений. Таких, например, как полковник Степан Данилович Бурнашов (1743–1824), российский секретный агент, который был участником русско-турецкой войны в 1768–1774 и 1787–1791 гг. и собирал обширную информацию о Кавказе. Или встреча хана с министром иностранных дел М.П. Вагифом. В процессе чтения романа наши исторические знания о С. Бурнашове могут помочь нам глубже осмыслить этот образ, но мы видим, что автор романа представляет информацию о С. Бурнашове очень компактно и обобщенно.

Дипломатическая политика С. Бурнашова и его работы на Кавказе до сих пор находятся в центре внимания научного мира. Его работы по Азербайджану хранятся в научном архиве Института истории Национальной Академии Наук Азербайджана. Вообще в работах по Кавказу («Описания азербайджанских провинций и их политическое положение в Иране», 1793, «Грузинский пейзаж или описание политического положения орла и кете-

тиков», 1799 и «Описания горского народа», 1794) отражены его географическое положение, жизнь племен и народов, проживающих в этом районе. Еще недавно (в начале 2017 г.) книга С. Бурнашова «Кавказ XVIII века глазами русского тайного агента» в Турции вызвала большой интерес со стороны ученых и читателей из разных стран.

Предисловие к книге написали политолог Фуад Ахундов и директор Кавказского исторического центра, историк-ученый Ризван Гусейнов. Книга также содержит информацию о русском ученом Эмине Мусе оглы Мамедли (1937–2013), который первым обнаружил пропавшую работу. Полковник Бурнашов проделал большую агентурную работу на Кавказе, накопил много ценных документов об этом регионе.

«Из докладов и работ Бурнашова ясно, что в то время на Кавказе не было “армян”. Следует также отметить, что небольшое армянское население, живущее некомпактно, создало чрезвычайно хрупкую этническую палитру. Другими словами, они не представляли собой современный армянский народ, будучи, скорее, представителями различных народов, связанных с григорианской религией того времени называвшихся “армянскими”. Российский секретный агент, описывая Азербайджан и Грузию, подчеркивает в своих работах политическую роль многих азербайджанских ханств, их влияние и независимость. Другими словами, Бурнашов четко задокументировал произошедшее на Кавказе как разведчик. Царская Россия получила самые точные сведения о политической ситуации и власти в регионе благодаря его сообщениям. С. Бурнашов отметил, что государственные единицы в Азербайджане находятся в форме ханств, они выступают в качестве гегемонистской силы региона, дают описание грузинской государственности, а также подчеркивают существование военных племенных союзов во многих горных странах» [4].

В романе «Между двух огней» автор отмечает: «Бурнашев стал говорить о милосердии и бескорыстии Екатерины; он уверял, что, посылая в Тифлис войска, императрица действует бескорыстно; мир и всеобщее благоденствие – единственная ее забота.

— Наша цель, — продолжал Бурнашев, — достичь взаимопонимания и с вашим досточтимым повелителем Ибрагимом Халил-ханом. Всемиловитейшая императрица и вам готова протянуть дружескую руку. Только в союзе с нами Ибрагим-хан сумеет сохранить свой трон...

Вагиф слушал Бурнашеву, не отрывая глаз от его тонких губ, за которыми поблескивали белые зубы. Как только русский закончил, стал говорить Вагиф. Он помянул о том, что правитель Карабаха принадлежит к династии Аргуна, является одним из потомков великого Чингизхана, что владения карабахского хана огромны, простираются до самого Тебриза, что Ибрагимхан владеет Шушой, а крепость эта, как известно, является ключом ко всему Востоку.

— Мы искренне жаждем дружбы и союза с ее величеством, однако... — Вагиф помедлил, холодным взглядом окинул собеседника и сообщил, что для его повелителя Ибрагима Халил-хана были бы приемлемы лишь точно такие же условия, на которых Россия заключила договор с Грузией» [12, т. I, с. 559].

Позже автор раскрывает, что Вагиф слушал разговор Бурнашова о сострадании царицы с недоверием.

Гегемонистские притязания русских после завоевания Турции и аннексии Крыма, сделки Ираклия с русскими побудили карабахское ханство предпринять новые действия и политические шаги. Карабах-хан, который готовится захватить Гянджу и Иреван, со своей позиции хочет войти в контакт с Сулейман-пашой, помочь подготовить Омар-хана к нападению и помочь Ага-хану, Шамахи-хану в борьбе с Мамедхасаном. Но есть серьезные препятствия. Дочь Фатали-хана, которая управляла Ширваном, была замужем за Мамедхасаном, сыном политических союзников.

Дружба М.В. Видади и М.П. Вагифа имеет огромное значение для понимания содержания романа. Хотя в романе много исторических личностей и событий, автор не стремится к их документальному изображению, осмысливая их образы творчески.

Характеризуя различия литературных произведений по «способу подражания» жизни, Аристотель писал, что «подражать в одном и том же и одному и тому же можно, рассказывая о событии как о чем-то отдельном от себя, как это делает Гомер, или же так, что подражающий остается сам собою, не изменяя своего лица, или представляя всех изображаемых лиц как действующих и деятельных» [цит. по: 6, с. 69].

Как отмечал Ю. Лотман, «Пушкинский текст в “Евгении Онегине” построен по иному принципу: текст и внетекстовый мир органически связаны, живут в постоянном взаимном отражении, перекликаются намеками, отсылками, то звуча в унисон, то бросая друг на друга иронический ответ, то вступая в столкновение. Понять “Евгения Онегина”, не зная окружающей Пушкина жизни – от глубоких движений идей эпохи до “мелочей” быта, – невозможно. Здесь важно все, вплоть до мельчайших черточек» [7, с. 69].

История и прошлое всегда представляются в памяти как хаос и растерянность. Однако именно историки и писатели приводят его в порядок.

Как отмечал О. Мандельштам, «до сих пор история творилась бессознательно в муках случайностей и слепой борьбы. Сознательное творчество истории, ее рождение из праздника, как изъявление творческой воли народа, отныне непререкаемое право человечества. В будущем обществе социальная игра займет место социальных противоречий и явится тем ферментом, тем бродильным началом, которое обеспечивает органическое цветение культуры» [8, с. 126].

Ю.В. Чаманзаминли был не только мастером исторического романа, но и основателем тесных связей между категориями истории и литературы. Стоит отметить, что в состав композиции романа входят ключевые исторические события того времени. Он также способен доносить историческую информацию, которая может быть прочитана в разных формах разными читателями в разных ситуациях. Мы предполагаем, что после прочтения романа возникнет необходимость прочесть летопись Карабаха XVIII в. Художественная, поэтическая, эстетическая интонация в воспроизведении истории и точность передачи ее читателю красочным языком была главной характеристикой романа Чаманзаминли. Например, мы получаем много информации в небольшом отрывке из романа – сцене, где Ибрагим Халил-хан несет свечу в руке. В гарем хана не входили случайные люди, у каждой из женщин, которые вошли в гарем дворца в политических целях, есть своя история. И отцы, и братья этих женщин сдали своих сестер и дочерей Ибрагим-хану по политическому контракту. Эти браки были не брачным договором, а мирным договором:

«Хан шел по своему гарему. Мирно похрапывала во сне Ханум – мать его наследника Мамедгасана. Повернувшись к стене, спала Шахниса-ханум, жена, взятая им из Карадага. По соседству с ней была комната Хурзад, дочери мелика Шахназара, за ней – комната Хуршудбегим, дочери Шахверди-хана. Ни к одной из этих жен хан даже не заглянул, не задержался возле их покоев... Пошел дальше. Свеча таяла, застывая на пальцах. Тутубегим, сестра Джавад-хана, мирно спала, забросив за голову белые руки. Хан замедлил шаги, оглядел ее... Свет упал на лицо спящей женщины, она открыла глаза, секунду смотрела, ничего не понимая, потом потянулась, зевнула...

– Так поздно не спишь, хан? – она с улыбкой приподняла голову. Толстые косы змеями шевельнулись на подушке. – Замерз? – громко спросила она, с улыбкой глядя на хана. – Поди сюда!

Хан сел возле нее. Тутубегим взяла у него из рук свечу, поставила на ковер, прижала к груди холодные руки мужа, он ощутил сладостное тепло ее тела.

– Чего ж не ложишься? – ласково прошептала она.

И снова вернулась тревога. Тифлис, Шеки, Куба все это, переплетясь, перемешавшись, тяжелой глыбой навалилось на его плечи. Ничего не ответив, хан отнял руки от горячей женской груди, встал.

В самом конце коридора была комната Анаханум, дочери тушинского купца Гаджи Керима, торговавшего коврами, тканями, шелками. Анаханум была самой молодой женой Ибрагим-хана – крепкая, полнотелая, семнадцатилетняя... Хан вошел к ней» [12, т. I, с. 564].

Весной 1786 г. Елена, одна из двух дочерей Абашидзе, захваченная Омар-ханом из Грузии в Ваханской крепости, входит в гарем. Омар-хан принес эту девушку в подарок Ибрагим-хану. Женщине, которая восхитила красотой хана, дали имя Джавахир.

В романе скала Хазна, принадлежащая Карабаху, замок Аскеран, река Дашалты и другие упоминаются как места трагедии. Вагиф и его сын Гасым-ага также убиты на скале Хазна.

Книга «Между двух огней» также строит мистическую причинную схему, механизм, который усложняет композицию, делая события еще более интересными и поучительными. Автор фиксирует последствия действий каждого. В конце романа каждый обретает судьбу, как говорится в Суде. М.П. Вагиф и его сын Гасим-ага убиты на скале Хазна:

«Вагиф остановился. Взглянул на бледное лицо сына.

– Куда они нас ведут?

– Туда, куда ты отправил многих... – негромко сказал Касум-ага; в голосе был упрек. Страдание исказило лицо Вагифа» [12, т. I, с. 660].

Мамед-бей по прозвищу «меч-бэтмен», который захватил власть в Карабахе в результате убийства Агамаммада Шаха, приказал убить многих (в том числе М.П. Вагифа и его сына Касум-агу) и покинул Шушу, захватив из крепости сокровища хана. Хотя Ширван-хан Мустафа написал письмо, в котором сообщалось, что он отвезет туда свою дочь и объявит себя вуду, сокровища Мамед-бека в Ширване было изъято, а он был закован в цепь. Мустафа-хан пытал и убил своего отца Ага Хана и его братьев из мести Шахмамади. Однажды Лисаневич окружил хана, живущего в ханском саду, сотнями солдат и убил его, его жену, его детей, его слуг, а голову Агамахамада Шаха Каджара отрезал его охранник Сафарали.

Насилие и дикость совершались в одном из самых красивых мест в мире – в Шуше, на клумбе кедровой равнины. Красота природы меркла перед лицом человеческой жестокости – проблема тирании, эксплуатации и жестокости является в романе одной из ключевых. Ибрагим-хан, Шахмамед-ага, Мамед-бек и другие правители угнетали людей. Но кульминация этой жестокости и восстания проявляется в приказах о казнях Агамахамада Шаха Каджара. Палачи выполняют эти приказы публично – отрезаются головы, проливается кровь.

Как и в реальной истории, история в романе развивается по странному сценарию. Кавказ, который на время был забыт в период войны между Турцией и Россией в 1787–1791 гг., живет свободной, независимой жизнью.

Когда ситуация снова ухудшилась, и ханство оказалось между двух огней (Россия и Иран), Ибрагим-хан выбрал Россию. Шеки, Ширван, Дербент и Баку уважали послов Ага Мохаммеда Шах Каджара и перевели в Иран. М.П. Вагифа больше нет. 14 мая 1805 г. Ибрагим-хан встретился с Сисяновым на реке Курган близ Гянджи и вступил под защиту России в соответствии с соглашением. Официально хан прерывает контакты с соседними странами, готовит жилье и боеприпасы для российских солдат, которые приедут в Шушу, ежегодно платит 8 000 золотых и ремонтирует дорогу Гянджа – Шуша. Его семья также подверглась насилию. Ибрагим-хан отправляет внука под залог в Тбилиси, ему присваивают звание генерал-лейтенанта, русские, которые присвоили ему звание, также пообещали, что будут защищать его власть и обеспечивать преемственность престола из поколения в поколение. С этой целью в Шушенский замок были отправлены пятьсот солдат и артиллерия. Но, как и во всей истории, русские по-прежнему не соблюдают договор и нарушают условия соглашения, и дело доходит до того, что как только Шуша переходит во власть Лисаневича, генерал отдает приказы хану в оскорбительных тонах.

Автор в романе правдиво отразил суть русского вторжения в 1930-х гг.

Роман, написанный в 1936–1937 гг., полностью отражает хроники оккупации Азербайджана, исторические подвиги и колониальную политику России и Ирана. Я.В. Чаманзамина смело признал нашу политическую и дипломатическую позицию перед великими державами в те кровавые годы – на пороге репрессий. В одной из сцен романа Вагиф просит Мирзу Джамала написать письмо римскому султану. Он дает письмо Мирзе Аллиме в своем письме в качестве посла:

«Вот, Мирза Алимамед! Он сказал, немного подумав. – Ты все знаешь. Прежде всего, если вы окажетесь в Стамбуле, Сулейман Паша окажет вам необходимую поддержку. Вторых, вы представите проблему своему султану в мельчайших подробностях. Вы скажете, что единственное средство, которое может спасти нас от двух огней, – это защита Османской империи. Если они немедленно не отправят войска, Ахта-хан уничтожит нас, и его община будет похоронена в крови ислама» [12, т. I, с. 623].

В романе описываются оттенки взаимоотношений людей, общества, отдельных лиц, моменты столкновений между народом и властью, насилие в отношении рабочих. Понятие «народ» подтверждается выражением «мульти сборка». Эта «сборка» состоит из исполнительской, необразованной и неграмотной армии. Они всегда ждут заказов. Ханы злятся и призывают к оружию, но призыв не вызывает серьезной реакции у этой массы. Устав от войн, голода, страданий и эксплуатации, нация видит свою историческую миссию в выращивании пшеницы, содержании животных и кормлении своих семей. Сначала Агамахмад

Шах хочет разбить армию шаха Каджара с помощью палок, затем встречает его солью и хлебом. Оба эти поступка не совершаются не сознательно, а по принуждению. Даже летом 1795 г., когда царь Агамахада убил Гаджара в Карабахе и уничтожил без разбора армян и азербайджанцев, армяне и азербайджанцы сражались вместе.

Одной из главных тем романа является отражение армяно-азербайджанского конфликта. Ибрагим-хан всегда боялся, что армянские князья займут Карабахское ханство и овладеют землями при поддержке русских. Эти опасения были характерны для XVIII в. В 1930-е гг. писатель Карабаха и Шуши Ю.В. Чаманзаминли испытывал такие же опасения. Мистические страхи писателя-провидца, политического и общественного деятеля реализуются. В конце XX в. в двухвековой несправедливой борьбе армяне побеждают. Под эгидой России карабахские земли находятся в руках армян.

Исторический вопрос в конце романа все еще требует ответа: «Если ханство будет уничтожено, армяне придут к власти, какова будет участь мусульман? Армяно-турецкий конфликт, который наблюдается со времен Петра I, никогда не обострялся настолько. Следуя обещанию Иосифа Махрасе, армянские командиры начали наступление на турецкую землю. Ибрагим-хан вызвал своего шурина Джамшида и передал слова армян, сказав, что, если армяне не последуют их идее, его голова попадет в руки палача» [12, т. I, с. 646].

Список использованной литературы

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
2. Чаманзаминли Ю.В. Душевное письмо Мир Джафару Багирову от Юсуфа Везира Чаманзаминли [Электронный ресурс] / Ю.В. Чаманзаминли. – Режим доступа: <http://www.enter.news/az/news/interesting/36046/yusif-vezir-chemenzeminlinin-mir-cefer-bagirova-urek-goyunden-mektubu-yaziq-korpelerim-de-meniml> (последнее обращение 27.01.2020).
3. Гусейноглу Т.Г. Интервью. «Если один огонь – это Иран, другой – в России» [Электронный ресурс] / Т.Г. Гусейноглу. – Режим доступа: <http://artkaspi.az/az/odun-biri-irandirsadigeri-rusiyadir-professor-tofiq-huseynolu/#.Xi1Bb08zZdh> (последнее обращение 27.01.2020).
4. Эвинден Н. Книга, разоблачающая армянскую ложь, спровоцировала кого-то в Азербайджане [Электронный ресурс] / Н. Эвинден. – Режим доступа: <http://1905.az/teaspress-ermeni-yalanlarini-ifsas-eden-kitab/> (последнее обращение 27.01.2020).
5. Кожин В.В. Происхождение романа / В.В. Кожин. – М.: Советский писатель, 1963. – 440 с.
6. Кожин В.В. Роман – эпос нового времени / В.В. Кожин // Вопросы литературы. – 1957. – № 6. – С. 64–93.
7. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю.М. Лотман. – М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 512 с.
8. Мандельшам О.Э. Собрание сочинений: в 3 т. / О.Э.Мандельшам. – М.: Международное Литературное Содружество, 1969. – Т. 3. – 609 с.
9. Рустамова-Тохиди С.Т. Республика, имя которой «Азербайджан», и ее историческое значение / С.Т. Рустамова-Тохиди. – Баку: Наука и образование, 2018. – 176 с.
10. Саламоглу Т.Дж. Современный Азербайджанский роман: жанровая эволюция (80-е годы XX века) / Т.Дж. Саламоглу. – Баку: Нафта Пресс, 2007. – 153 с.
11. Кундера М. Искусство романа. Фрагмент [Электронный ресурс] / М. Кундера. – Режим доступа: <http://www.kultura.az/news/20141104081401392> (последнее обращение 27.01.2020).
12. Чаманзаминли Ю.В. Собрание сочинений: в 3 т. / Ю.В. Чаманзаминли. – Баку: Евразия Пресс, 2005. – Т.2. – 664 с.
13. Чаманзаминли Ю.В. Собрание сочинений: в 3 т. / Ю.В. Чаманзаминли. – Баку: Евразия Пресс, 2005. – Т. 3. – 440 с.
14. Чаманзаминли Ю.В. Библиография / Ю.В. Чаманзаминли. – Баку: Азербайджанская Национальная Библиотека им. М.Ф. Ахундова, 2017. – 248 с.
15. Алиева Н.А. Суфийские шейхи Азербайджана XI–XIII вв. / Н.А. Алиева // Вопросы истории. – Castillo L.M.S. Genealogy as National History in Jun Cruz Reyes's Etsa-Puwera / E.V. Dumlaol, L.M.S. Castillo // Asiatic-lum Journal of English Language and Literature. – 2019. – Vol. 13, issue 1. – P. 62–75.

17. Lee Y.S. Vection, Vertigo, and the Historical Novel / Y.S. Lee // *Novel – A Forum on Fiction*. – 2019. – Vol. 52, issue 2. – P. 179–199. DOI: 10.1215/00295132-7546708.
18. Mangharam M.L. Grounds for Comparison: The Historical Novel and the Making of the Modern World System / M.L. Mangharam // *ELH*. – 2019. – Vol. 86, issue 3. – P. 805–833. DOI: 10.1353/elh.2019.0030.
19. Miller E.R. Fact, Fiction, or Fantasy: Scott's Historical Project and The Bride of Lammermoor / E.R. Miller // *Wenshan Review of Literature and Culture*. – 2019. – Vol. 13, issue 1. – P. 101–127. DOI: 10.30395/WSR.201912_13(1).0005.
20. Наджафли Г. Предпосылки создания государства для армян на землях Азербайджана / Г. Наджафли // *Вопросы истории*. – 2019. – № 2. – С. 94–101.
21. Rippon M.R. The Privileged Perspectives of Queen Victoria Eugenia in Spanish Historical Fiction of the Twenty-First Century / M.R. Rippon // *Critique-Studies in Contemporary Fiction*. – 2019. – Vol. 60, issue 5. – P. 538–550. DOI: 10.1080/00111619.2019.1627282.
22. Stocker B.D. Don't lie – a methodology for historical fiction? / B.D. Stocker // *New Writing – The International Journal for the Practice and Theory of Creative Writing*. – 2019. – Vol. 16, issue 3. – P. 322–335. DOI: 10.1080/14790726.2018.1520896.
23. Virant S. Road Novel Towards a Definition of Genre / S. Virant // *Lili-Zeitschrift fur Literaturwissenschaft und Linguistik*. – 2019. – Vol. 49, issue 4. – P. 633–651. DOI: 10.1007/s41244-019-00150-2.

THE POLICY OF HEGEMONIC STATES IN THE TEXT OF HISTORICAL NOVELS (Based on Y.V. Chamanzamin's novel "Between Two Flames")

Irada A. Musaeva. National Museum of Azerbaijan Literature named after N. Ganjavi of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan).

E-mail: iradateacher2011@rambler.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-21

Key words: *historical novel, plot drama, Karabakh khanate, colonial politics, socio-political environment and so on.*

It is well known that a historical novel does not serve to reveal only the chronology of the selected and intended history. It also introduces the person of that time, characterizing the background of great events. In the 1930s, novels with historical and political content were rare. The triumph of socialism, the collective farm-building, and the ideas of collectivization were the focus of attention. The authors of historical novels were Y.V. Chamanzaminli and MS Ordubadi. The novel "Between Two Flames" by Yusuf Vezir Chamanzaminli, written in 1937 and first published in 1964 in the journal "Azerbaijan" with a special reference to the Karabakh khanate, looks at the entire history of Azerbaijan. The main idea of the novel is not just about the khanates, the conflicts in the palace and the wars between the khanates. As many researchers have noted, the novel is not purely based on the socio-political activities and artistic activities of M.P. Vaqif. The problem that the author wants to address here is the dramatization of Azerbaijan's dilemma in the course of major historical events and in deciding its own destiny.

The Karabakh khanate has been struggling to preserve the integrity and historical image of a fragmented, united nation in the struggle of great powers. Russia or Iran?! Both view Azerbaijan as a colony. The khan of Karabakh, who was left between two fires in an attempt to determine the fate of the people and the country, is in a state of shock and hesitation.

Against the backdrop of intense situations such as Russia and Iran – the symbol of a country (Azerbaijan) that has been left between two odds, the scenes are repeatedly revived. As in the tragicomedy of Mammadguluzadeh's book "Mum's Book" there is a threat of extinction in the political games of big, powerful and aggressive states. Although Mammadguluzadeh created the image of this tragedy in the early twentieth century, Y.V. Chamanzaminli went a little further into the history of the second half of the eighteenth century.

The novel, written in 1936–1937, fully reflects the chronicles of the occupation of Azerbaijan, the historic exploitative and colonialist policies of Russia and Iran. Y.V. Chamanzaminli boldly acknowledged our political and diplomatic position in front of great powers during those bloody years – the turn of the repression.

References

1. Bakhtin, M. *Literaturno-kriticheskiye stat'i* [Literary critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, 543 p.
2. Chamanzaminli, Yu.V. *Dushevnoye pis'mo Mir Dzhaferu Bagirovu ot Yusufa Vezira Chamanzaminli* [A sincere letter to the World Jafar Bagirov from Yusuf Vezir Chamanzaminli]. Available at: <http://www.enter.news/az/news/interesting/36046/yusif-vezir-chemenzeminlinin-mir-cefer-bagirova-urek-goyneden-mektubu-yaziq-korpelerim-de-meniml> (accessed 27 January 2020).
3. Guseynoglu, T.G. *Interv'yu. "Yesli odin ogon - eto Iran, drugoy - v Rossii"* [Huseynoglu T.G. Interview. "If one fire is Iran, the other - in Russia"]. Available at: <http://artkaspi.az/az/odun-biri-irandirsa-di-geri-rusiyadir-professor-tofiq-huseynolu/#.Xi1Bb08zZdh> (accessed 27 January 2020).
4. Evinden, N. *Kniga, razoblachayushchaya armyanskuyu lozh', sprovotsirovala kogo-to v Azerbaydzhan* [Book exposing Armenian lie provokes someone in Azerbaijan]. Available at: <http://1905.az/teaspress-ermeni-yalanlarini-ifsaden-kitab/> (accessed 27 January 2020).
5. Kozhinov, V. *Proiskhozhdeniye romana* [Origin of the novel]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963, 440 p.
6. Kozhinov, V. *Roman - epos novogo vremeni* [The novel is the epic of modern times]. *Voprosy literatury* [Literature Issues], 1957, no. 6, pp. 64-93.
7. Lotman, Yu.M. *Roman A.S. Pushkina "Yevgeniy Onegin". Kommentariy* [A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin". A comment]. Moscow, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2014, 512 p.
8. Mandelsham, O. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vol.]. Moscow, Mezhdunarodnoye Literaturnoye Sodruzhestvo Publ., 1969, vol. 3, 609 p.
9. Rustamova-Tokhidi, S. *Respublika, imya kotoroy "Azerbaydzhan", i yeye istoricheskoye znachenie* [The Republic named "Azerbaijan" and its historical importance]. Baku, Nauka i obrazovaniye Publ., 2018, 176 p.
10. Salamoglu, T. *Sovremennyy Azerbaydzhanskiy roman: zhanrovaya evolyutsiya (80-ye gody XX veka)* [Modern Azerbaijani novel: genre evolution (80s of the 20th century)]. Baku, Nafta Press Publ., 2007, 153 p.
11. Kundera, M. *Iskusstvo romana. Fragment* [The Art of the Novel. Fragment]. Available at: <http://www.kultura.az/news/20141104081401392> (accessed 27 January 2020).
12. Chamanzaminli, Yu.V. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vol.]. Baku, Yevraziya Press Publ., 2005, vol. 2, 664 p.
13. Chamanzaminli, Yu.V. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vol.]. Baku, Yevraziya Press Publ., 2005, vol. 3, 440 p.
14. Chamanzaminli, Yu.V. *Bibliografiya* [Bibliography]. Baku, Azerbaydzhanskaya Natsional'naya Biblioteka im. M.F. Akhundova Publ., 2017, 248 p.
15. Aliyeva, N.A. Sufi Sheikhs of Azerbaijan in XI-XIII. *Voprosy Istorii*, 2018, no. 4, pp. 161-166.
16. Dumlaoui, E.V., Castillo, L.M.S. Genealogy as National History in Jun Cruz Reyes's *Etsa-Puwer*. *Asiaticum Journal of English Language and Literature*, 2019, vol. 13, issue 1, pp. 62-75.
17. Lee, Y.S. Vection, Vertigo, and the Historical Novel. *Novel - A Forum on Fiction*, 2019, vol. 52, issue 2, pp. 179-199. DOI: 10.1215/00295132-7546708.
18. Mangharam, M.L. Grounds for Comparison: The Historical Novel and the Making of the Modern World System. *ELH*, 2019, vol. 86, issue 3, pp. 805-833. DOI: 10.1353/elh.2019.0030.
19. Miller, E.R. Fact, Fiction, or Fantasy: Scott's Historical Project and The Bride of Lammermoor. *Wenshan Review of Literature and Culture*, 2019, vol. 13, issue 1, pp. 101-127. DOI: 10.30395/WSR.201912_13(1).0005.
20. Najafli, G. Preconditions for creating a state for Armenians on the land of Azerbaijan. *Voprosy Istorii*, 2019, no. 2, pp. 94-101.
21. Rippon, M.R. The Privileged Perspectives of Queen Victoria Eugenia in Spanish Historical Fiction of the Twenty-First Century. *Critique-Studies in Contemporary Fiction*, 2019, vol. 60, issue 5, pp. 538-550. DOI: 10.1080/00111619.2019.1627282.
22. Stocker, B.D. Don't lie - a methodology for historical fiction? *New Writing - The International Journal for the Practice and Theory of Creative Writing*, 2019, vol. 16, issue 3, pp. 322-335. DOI: 10.1080/14790726.2018.1520896.
23. Virant, S. Road Novel Towards a Definition of Genre. *Lili-Zeitschrift fur Literaturwissenschaft und Linguistik*, 2019, vol. 49, issue 4, pp. 633-651. DOI: 10.1007/s41244-019-00150-2.

Одержано 22.11.2019.

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ ТА ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЇ

УДК 130.2.8

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-22

В.В. АББАСОВА,

*докторант кафедри лінгвокультурології
Азербайджанського університету мов (г. Баку)*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ МЕТАФОРЫ

В статье рассмотрены сферы социально-культурной деятельности людей, взаимосвязь с ними социальной лингвистики и социального содержания метафор. В этом контексте у каждого из этих трех взаимосвязанных явлений есть свои функции. В статье определяется степень их согласованности в контексте социокультурных метафор. Метафоры имеют социокультурный фон, благодаря чему культурные ценности могут объединиться в общую систему, позитивно влияющую на социализацию людей. Социокультурные метафоры формируют структуру базовых понятий, входящих в мировоззрение людей. Здесь можно говорить и об общечеловеческих ценностях. Метафоры, возникающие в социокультурной среде, отражают характеристики тех областей деятельности, к которым они относятся. Социокультурная сфера деятельности включает в себя духовную жизнь людей и ее практические проявления. Сюда входят сфера искусства, литературы, язык, быт, национальные традиции и обычаи. Социокультурная деятельность подразумевает деятельность в любой социальной сфере. Поэтому социокультурной частью метафоры является среда, в которой она формируется. Семантическое пространство каждого народа, этнической группы формируется в зависимости от социальных и естественных условий их существования. Наиболее богатая метафора формируется при усложнении социальных отношений, основанных на непосредственном общении. Сюда следует добавить также и разнообразие природной среды. Не случайно, что разнообразие природного ландшафта и климатических условий проявляется и в образности и гибкости человеческого мышления. Анализ основных подходов к проблематике метафоры с точки зрения социокультурной среды их формирования показал, что исследователями учтены **целевая аудитория и цели коммуникации. Сложность проблемы обусловила разнообразие подходов к ее исследованию.**

Ключевые слова: лінгвокультурологія, соціокультурна среда, метафора, мов, мова, соціокультурна метафора.

У статті розглянуто сфери соціально-культурної діяльності людей, взаємозв'язок із ними соціальної лінгвістики і соціального змісту метафор. У цьому контексті в кожного з цих трьох взаємопов'язаних явищ є свої функції. У статті визначається ступінь їх узгодженості в контексті соціально-культурних метафор. Метафори мають соціокультурний фон, завдяки чому культурні цінності можуть об'єднатися в загальну систему, що позитивно впливає на соціалізацію людей. Соціокультурні метафори формують структуру базових понять, що входять до світогляду людей. Тут може йтися і про загальнолюдські цінності. Метафори, що виникають в соціокультурному середовищі, відображають характеристики тих галузей діяльності, до яких вони належать. Соціокультурна сфера діяльності включає в себе духовне життя людей і його практичні прояви. Сюди входять сфера мистецтва, літератури, мова, побут, національні традиції та звичаї. Соціокультурна діяльність передбачає діяльність у будь-якій соціальній сфері. Тому соціокультурною частиною метафори є середовище, у якому вона формується. Семантичний простір кожного народу, етнічної групи формуються залежно від соціальних і природних умов їх існування. Найбільш багата метафора формується при ускладненні соціальних відносин, базованих на безпосередньому спілкуванні. Сюди слід додати також і різноманітність природного середовища. Не випадково, що різноманітність природного ландшафту та кліматичних умов виявляється і в образності та гнучкості людського мислення. Аналіз

основних підходів до проблематики метафори з точки зору соціокультурного середовища їх формування показав урахування дослідниками цільової аудиторії та цілей комунікації. Складність проблеми зумовила різноманітність підходів до її дослідження.

Ключові слова: лінгвокультурологія, соціокультурне середовище, метафора, мова, мовлення, соціокультурна метафора.

Понятие социокультурной деятельности трактуется достаточно широко. В сущности, сюда можно отнести всю общественную жизнь, поскольку сама культура и есть то, что создано человеческим трудом, в отличие от природного начала. Природа человеческого общения такова, что здесь обязательно присутствует определенная знаковая система, прежде всего, язык. Многозначность и сложность мира способствовали развитию языка, особенно в период древних обществ, когда было мало технических возможностей передачи информации. Это можно было сделать в основном человеческим языком, который отражал все богатство окружающей среды, ее многообразие и сложность, **безграничные возможности человеческого интеллекта, что выражалось в образности мышления, творческом подходе к осмыслению окружающего мира, способствовало формированию многозначности в оценке и восприятию событий.** Отсюда богатейшие возможности и самой метафоры как вариативности в восприятии события или факта, что влияло на формы социальной жизни людей, в особенности, на такие сферы, как искусство и литература.

Расследование социокультурной лексики в рамках метафоры в современной лингвистике является одним из приоритетных вопросов, о чем свидетельствуют научные работы последних лет [3; 7; 10–11; 16–22]. Развитие общественных процессов опирается на когнитивное усвоение мира, **окружающего человека, формирование образа жизни.** Посредством метафоры можно дать характеристику жизнедеятельности человека, а также показать влияние культурных факторов на язык. Ясно, что особенности окружающего мира, как природного, так и социального, находят свое отражение в сознании говорящего. Это ясно проявляется в вариантах одного и того же языка, к примеру, в американском, английском и австралийском наречиях английского языка, а также в других языках, имеющих наречия и диалекты. В коммуникативном акте при этом идет процесс взаимовлияния между говорящим и слушающим. При этом более успешным общение становится именно благодаря метафоричности языка. Следовательно, социокультурные метафоры помогают людям лучше понять друг друга и способствуют расширению кругозора, пластичности мышления, его образности и креативности. В этом плане исследование метафор в языке, в том числе английском, с социокультурной точки зрения, имеет большое значение.

Предмет социокультурной среды метафоры охватывает все сферы человеческой деятельности. Изучение социокультурных метафор, исходящее из различий в вариантах языка, связано с социокультурными влияниями. В этом смысле изучение данной проблемы важно как с лингвистической, так и социологической точки зрения, что обуславливает актуальность темы статьи.

Очевидно, что метафоры влияют на лексический фонд языка. В целом все типы метафор играют важную роль в обогащении словарного запаса языка. Изучение метафор в этом аспекте имеет большое значение, поскольку развитие и сохранение каждого языка влияет на становление этнической идентичности. Это и составляет актуальность проблемы, затронутой в данной статье.

Целью исследования в рамках статьи является изучение влияния социокультурной среды на формирование социокультурных метафор в современном английском языке, а также его американской и австралийской версиях.

В качестве метода исследования нами был избран метод описательного и контекстуального анализа. Для анализа были привлечены языковые материалы современного английского языка, его американский и австралийский диалекты. Помимо этого были выявлены основные направления концептуализации проблемы социально-культурной среды для формирования метафор через анализ имеющейся научно-теоретической литературы.

По данной проблеме имеется обширная литература, поскольку само существование метафоры в языке в качестве основы формирования когнитивного анализа в человеческом

сознании, средства украшения речи, поиска смыслов в окружающем человека мире предоставляет богатые возможности для этого. Есть ряд дисциплин, связанных с данной проблематикой. Это, прежде всего, теоретическая и прикладная лингвистика, социолингвистика, эстетика, психология языка, философия, теория коммуникаций и управления и т. д. Наиболее значимыми являются, на наш взгляд, достижения в этой сфере когнитивной лингвистики.

Поскольку целью данной статьи является рассмотрение принципиальных подходов к социокультурному содержанию метафор, рассмотрим этот вопрос подробнее.

Содержание современных парадигм о культурно-социальном основании метафоры.

Вопросы метафоричности языка и возможностей человеческого мышления создавать метафоры интересовали исследователей еще в древности. В частности, именно Аристотель является автором слова «метафора» и одного из первых глубоких исследований в этом направлении [1].

Современные философы считают, что метафора не относится к области изучения философии. Однако первыми исследователями этой проблемы были древнегреческие философы. Метафоры играют важную роль в изучении роли отношений между обществом и индивидом в познавательном процессе. В целом изучение метафор в языкознании и литературоведении началось сравнительно недавно по сравнению с философией. В наше время метафоры имеют филологическое, семиотическое и теоретико-философское направления, и среди них филологическое направление развивается более интенсивно.

Как уже отмечалось, социокультурная деятельность является объектом исследования лингвистики, социологии, психологии, философии, культурологии и др. наук. Социолингвистика подходит к этой проблеме в рамках развития современной лингвистики и изучает лингвистические особенности общих социокультурных понятий [2; 3]. С середины XX в. антропоцентрический подход к структурной лингвистике стал быстро развиваться, что способствовало развитию многих важных аспектов лингвистики. Основным принципом этой парадигмы является анализ языковых событий с учетом человеческого фактора. Анализ социокультурных концепций в лингвистике практически вытекает из сущности антропоцентрической лингвистики.

В историческом аспекте вопросы метафоричности языка рассматривались в рамках таких дисциплин, как риторика, поэтика, стилистика, философия, отдельные сферы языкознания и литературоведения. В частности, риторические школы, сформировавшиеся в период после древнегреческого этапа, оказали большое влияние на становление теории метафоры в качестве важнейшего составного элемента коммуникативного акта [4].

Большой вклад был внесен языковедами, в частности, была проведена систематизация метафор, дана их классификация, исходя из различных оснований – функциональных, смысловых, социально-культурных [5; 6]. Причем следует отметить, что подобная работа шла как в рамках общелингвистических оснований, так и на основе анализа языковых и социально-культурных особенностей отдельных языковых систем.

Нас интересуют вопросы формирования и функционирования метафор в английском языке. Английский язык как один из наиболее употребляемых языков мира (он является, как известно, международным, наряду другими широко распространенными языками) имеет широко разветвленную структуру метафор, употребляемых в самых широких сферах жизнедеятельности, формируя различные стили и формы использования [5; 7; 8].

Известно, что на основе социокультурной деятельности людей идет процесс социальной адаптации, и его успешность зависит от коммуникативных процессов, в том числе и на уровне языка. Чем богаче и гибче язык и выше уровень овладения им пользователей, тем успешнее идут когнитивные процессы по усвоению особенностей социальной среды и, соответственно, адаптация. Особо следует выделить здесь культуру поведения, нравственные качества, культуру речи и быт как стиль жизни. Поскольку носители английского языка – это не только коренные англичане, но и жители практически всех континентов Земли, то можно сказать, что здесь есть исключительное многообразие социокультурных условий по становлению такого важного элемента языка и речи, как метафора. Наиболее привлекательным в научном отношении является анализ социально-культурных оснований метафоры, проведенный Дж. Лакоффом [5].

Профессионализм и жизненный опыт людей, работающих во всех сферах социальной деятельности, обязательно отражается на их общении, при этом формируются новые вы-

ражения и лексика в целом в процессе общения. Известно о стилях речи и профессиональной лексике. Причем здесь метафоры имеют особую употребимость и выполняют определенную прагматическую функцию. В акте коммуникации формируются новые смыслы и идет поиск их богатого и гибкого выражения. В итоге начинают использоваться метафоры, которые обогащают речь, делают ее более выразительной и доходчивой. Метафоры обладают высокой образностью и эстетической ценностью. На когнитивном уровне в человеческом сознании с ранних лет формируется общая модель механизма создания метафоры [9].

Его активность и масштабы зависят от интеллектуального уровня каждого человека, его способности реально или виртуально ощущать ассоциации между природой и самим собой. Особенности социального статуса человека, к примеру, его профессиональные качества и навыки, эмоционально-волевые качества, образное мышление активизируют упомянутый механизм, в результате чего появляются социальные метафоры. Например, на английском языке «коктейль» (cocktail) – это напиток, приготовленный из смеси двух или более ингредиентов. Однако появление метафор «музыкальный коктейль», «цветочный коктейль», «словесный коктейль» основано на метафоризации указанной лексики [4].

Сферы социокультурной деятельности многочисленны, они имеют практическое выражение в художественном и научно-теоретическом планах, то есть в рамках эстетического и научного мышления. Дж. Лакофф выделяет здесь, прежде всего, концепты, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, причем попытки систематизировать формирующиеся здесь метафоры показывает, что при структурировании здесь проявляется высокая степень фрагментарности. Это связано с богатством мира, а также с необычайно большими возможностями человеческого мозга по его осмыслению, причем проявляется гибкость и подключается фантазия. Персонификация метафоры, то есть привязка ее к конкретному социокультурному контенту исходит из непротиворечивости культуры, то есть единства пространства и времени при формировании коммуникационных условий деятельности. Важное значение имеет система понятий, которая формируется в сознании человека на протяжении его жизни, и исходя из которых он формирует метафоричное мышление. Процесс же согласования в структурировании опыта в данном направлении связан с актами коммуникации, то есть с непосредственным опытом самого человека и его окружением. Процесс согласования метафор между собой и с общим контекстом достаточно сложен и требует опыта. Важен также подход Дж. Лакоффа к появлению новых смыслов и значений благодаря метафорам. Здесь используются возможности аналогии, сравнения, изобретения новых метафор для постижения смысла и достижения истины. Ценным является анализ ограниченности субъективизма и объективизма в изучении феномена метафоры [5].

В социокультурных метафорах, в зависимости от речевой ситуации одними из основных признаков являются эмоция и оценивание. Сама речевая ситуация имеет, как известно, широкое значение. Сюда входят языковые системы, их развитие, функционирование и связанные с ними ситуации. Языковая ситуация является также проявлением национально-этнического мышления; это взгляд на мир, созданный носителями языка. Рассмотрим пример: в английском языке неуклюжего человека характеризуют как «bull in a china shop», «бык в посудной лавке». В других языках подобный смысл выражается различными ассоциациями [10, с. 78–80]. В сознании англоязычного человека неловкий человек сравнивается с быком, или неловкое движение быка уподобляется неуклюжему движению человека. Другой пример: в некоторых частях света лошадь считается символом верности, но британцы сравнивают голодного человека с голодной лошадью («to eat like a horse») есть еще выражение «hungry as a wolf» («голоден, как волк»), что также метафорично. В целом национально-ментальные характеристики являются одной из основных черт социальных метафор.

Формирование метафорических ассоциаций в сознании человека привело к появлению художественно-поэтических образов, в том числе и на уровне мифа, обогащению жизни людей. Английские рационалисты считали, что метафоры не следует использовать в научных исследованиях, согласно которым научный язык имеет определенную теоретическую риторику, что проявляется на уровне стиля языкового выражения. По их словам, метафора относится к ненаучному языку, и эта проблема должна решаться на лингвистическом уровне [11].

В отличие от английских рационалистов, философы-романтики видели источник метафор в эмоциональных и поэтических поисках людей, считали необходимым развитие метафор в языке и принимали их как единственное средство выражения мысли [12].

Новый подход к метафорам в XX в. связан с именами американских философов [13]. Растущий интерес к метафоре в наше время обусловлен их социокультурным характером, что отражает повседневную жизнь людей. Метафоры играют важную роль в появлении новых понятий и развитии человеческого языка в целом, а это означает, что метафора способствует культурной эволюции общества.

Отметим, что сегодня теория определения метафор Аристотеля подверглась критике. Так, М. Тендаль отмечает, что метафора не создает сходства, она только описывает его. По его словам, метафоризация – это не сравнение, а ментальное моделирование [7, с. 2]. Развитие прагматики сформировало контекстный подход к метафоре. Когнитивная лингвистика и лингвистическая прагматика открыли новые подходы в изучении метафор как достаточно сложного языкового и социального явления [13]. Также М. Тендаль критиковал идеи Д. Спербера и Д. Уилсона, которые заложили основы прагматического подхода к изучению метафор.

Имеется мнение о том, что говорящий ссылается на метафору, если он не может найти эквивалент для выражения мысли или использует ее в качестве стилистического инструмента (М. Блэк) [15, с. 156]. Дж. Лакофф и М. Джонсон полагают, что метафоризация основана на двух структурах знаний: одна из них – структура источника, а вторая – структура цели [5, с. 390]. Дэвидсон рассматривает метафоры как обогащение лексической структуры языка, считая, что словарь метафор имеет большое значение [8, с. 174].

Начиная со второй половины XX в., сформировалось новое направление в лингвистике, появились новые подходы к языковым явлениям, связанные с когнитивной лингвистикой. Согласно этой теории, язык является инструментом для обработки, организации и передачи информации. В теории познания в анализе языковых проблем на передний план вышли когнитивные способности человека, то есть память, внимание, мышление и восприятие. Здесь изучение семантики находилось в центре внимания, поэтому изучению метафор стали уделять серьезное внимание. В современной лингвистике метафоры стали трактоваться как умственные операции, и по этой причине возникло понятие концептуальной метафоры.

Как считают современные исследователи, в процессе метафоризации говорящий берет два объекта или события из своей долговременной памяти, чтобы ясно и свободно передавать свои мысли, выполняя при этом процесс переноса значения, выявляя ассоциативную связь между ними, что формирует новые оттенки в семантике целевой лексической единицы. Во время метафорического переноса начинает появляться материальная форма семантики, актуализируемая в словаре языка. А. Ричардс, Э. Маккормак, М. Блэк, М. Эриксон и другие являются основателями такого подхода к метафоре. Дж. Лакофф и М. Джонсон, как уже отмечалось выше, также внесли большой вклад в становление когнитивной теории метафор: «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [5, с. 387]. Они утверждали, что в системе мышления человека есть модель, или механизм создания метафоры, его реализация зависит от контекста, от интеллектуального уровня говорящего. Эта концепция придала новое концептуальное содержание всем последующим исследованиям в данном направлении. Когда речь идет о сохранении в памяти знаний, то имеются в виду психологические схемы, предложенные западной психологической школой. Согласно точке зрения школы когнитивной лингвистики метафора является особой формой мышления.

Как показывает практика, не все языки приобретают богатую синонимию или метафорический словарь. Причины здесь несколько. Прежде всего, это связано с численностью носителей языка и теми региональными языковыми условиями, в которых язык развивается. Обычно языки с многочисленными носителями перенимаются жителями соседних регионов, которые тем самым участвуют в его развитии и обогащении. Они создают говоры, наречия, которые потом откладываются в языке как целый диалект, разнообразя выразительность и образность. Другая причина – развитость хозяйственных, торговых, культурных отношений внутри страны. Сама система управления, основанная на близком участии каждого человека в этой системе управления, способствует развитию словарного состава,

формированию разнообразных стилей речи, что также накладывает свой отпечаток на процесс формирования образности речи, в том числе на уровне метафоры. В качестве примера можно назвать современные международные языки, а также языки, наиболее употребляющиеся или бывшие в употреблении когда-то, в отдельных регионах мира. Это относится и к южнокавказскому региону.

Кроме того, развитость языка способствует формированию художественного мышления. Это можно видеть на примере древнегреческих полисов, где зародились драма, все ведущие жанры художественной литературы, изобразительного искусства, архитектуры, прикладного искусства. Такой толчок художественное развитие могло получить лишь через мощную метафорическую подпитку. Сегодня, когда информирование идет в основном через технические средства коммуникации с его собственными законами, метафора в социальных сетях значительно отличается по своей насыщенности и смыслу от метафоры живого языка. Отсюда и своеобразие мышления и художественного творчества современных представителей искусства и литературы.

Рассмотрение как практических, так и теоретических аспектов способов и особенностей обогащения лексики английского языка через становление и развитие метафор показало, что метафоричность языка непосредственно связана с его носителями и той средой, в которой они живут и действуют. В контексте глобализации появляются новые параметры функционирования языковых процессов, что требует нового, более углубленного анализа. Становление новых подходов к теории метафоры основано также и на рассмотрении особенностей современной социокультурной метафоры в каждом из функционирующих сегодня языков, в том числе и в английском. Это направление развития метафоры наиболее эффективное, поскольку определяет собой настроение людей, их отношение к жизни, друг другу. Взаимодействие языкознания и лингвистики в данном направлении исследований может дать плодотворные результаты.

Список использованной литературы

1. Чанышев А.Н. Аристотель / А.Н. Чанышев. – М.: Мысль, 1981. – 200 с.
2. Швейцер А.Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике / А.Д. Швейцер. – Л.: Наука, 1971. – 102 с.
3. Щеглова И.В. Российская социолингвистика сегодня / И.В. Щеглова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 5. – С. 138–144.
4. Лотман Ю.М. Риторика. Избранные статьи в 3-х томах / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – 480 с.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян // Избранные труды: в 2 томах. – М.: Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. – 472 с.
7. Тендаль М. Гибридная теория метафоры / М. Тендаль. – Нью Йорк: МакМиллан, 2009. – 282 с.
8. Дэвидсон Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 173–192.
9. Панкратова С.А. Когнитивно-семантические аспекты когнитивного моделирования / С.А. Панкратова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 3. – С. 88–100.
10. Синакаева Л.И. Зоонимические метафоры / Л.И. Синакаева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 1. – С. 78–80.
11. Немыка А.А. Метафора как общий элемент научного и художественного текстов / А.А. Немыка, С.Ш. Схалыхова, М.А. Хачемизова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8. – № 1/2. – С. 34–39.
12. Шелепова Н.В. Метафора как средство выражения эмоций в языке (на материале английских цветообозначений) / Н.В. Шелепова // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2005. – № 5 (28). – С. 114–120.

13. Зубкова О.С. Метафора в философской парадигме / О.С. Зубкова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – Вып. 1 (13). – С. 47–56.
14. Агеев С.В. Метафора как фактор прагматики речевого общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Агеев. – СПб., 2002. – 32 с.
15. Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
16. Dolores Porto M., Romano M. Newspaper Metaphors: Reusing Metaphors Across Media Genres / M. Dolores Porto, M. Romano // *Metaphor and Symbol*. – 2013. – Vol. 28. – Issue 1. – P. 60–73. DOI: 10.1080/10926488.2013.744572.
17. Ferreira A.A. Sociocultural development in the spectrum of concrete and abstract ideation / A.A. Ferreira // *Mind Culture and Activity*. – 2020. – Vol. 27. – Issue 1. – P. 50–69. DOI: 10.1080/10749039.2019.1686027.
18. Cushing I. Resources not rulebooks Metaphors for grammar in teachers` metalinguistic discourse / I. Cushing // *Metaphor and the Social World*. – 2019. – Vol. 9. – Issue 2. – P. 155–176. DOI: 10.1075/msw.18022.cus.
19. Cavalcanti F., Ferreira L. The Gender of the Conventional Expression “Cabra”: A Categorical Model with Metaphorical Extensions and its Cultural Implications / F. Cavalcanti, L. Ferreira // *Revista de Estudos da Linguagem*. – 2019. – Vol. 27. – Issue 1. – P. 137–163. DOI: 10.17851/2237-2083.27.1.137-163.
20. Poppi F., Urios-Aparisi E. De Corporibus Humanis: Metaphor and Ideology in the Representation of the Human Body in Cinema / F. Poppi, E. Urios-Aparisi // *Metaphor and Symbol*. – 2018. – Vol. 33. – Issue 4. – P. 295–314. DOI: 10.1080/10926488.2018.1549838.
21. Maalej Z., Alghbban M. The Fragrance of Flowers, or Metaphoric and Metonymic Pseudonyms / Z. Maalej, M. Alghbban, S. Ben Salamh // *Metaphor and Symbol*. – 2016. – Vol. 31. – Issue 4. – P. 212–229. DOI: 10.1080/10926488.2016.1223467.
22. Ansah G.N. Culture in Embodied Cognition: Metaphorical/Metonymic Conceptualizations of FEAR in Akan and English / G.N. Ansah // *Metaphor and Symbol*. – 2014. – Vol. 29. – Issue 1. – P. 44–58. DOI: 10.1080/10926488.2014.859483.

MODERN APPROACHES TO THE CONCEPT OF SOCIAL AND CULTURAL METAPHOR

Vyusalya V. Abbasova, Azerbaijan University of Languages (Azerbaijan)

E-mail: s_suleymanov5@hotmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-22

Key words: linguoculturology, sociocultural environment, metaphor, language, speech, sociocultural metaphor.

Annotation. The article discusses the areas of socio-cultural activities of people, the relationship with them of social linguistics and the social content of metaphors. In this context, each of these three interconnected phenomena has its own functions. The article determines the degree of their coordination in the context of socio-cultural metaphors. Metaphors have a sociocultural background, due to which cultural values can unite in a common system that positively affects the socialization of people. Sociocultural metaphors form the structure of basic concepts that are part of the worldview of people. Here we can talk about universal values. Metaphors arising in the sociocultural environment reflect the characteristics of those areas of activity to which they relate. The sociocultural sphere of activity includes the spiritual life of people and its practical manifestations. This includes the field of art, literature, language, life, national traditions and customs. Sociocultural activity activity means activity in any social sphere. Therefore, the socio-cultural part of the metaphor is the environment in which it is formed. The semantic space of each people, ethnic group is formed depending on the social and natural conditions of their existence. The richest metaphor is formed with the complication of social relations based on direct communication. To this should also be added the diversity of the natural environment. It is no coincidence that the diversity of the natural landscape and climatic conditions is manifested in the imagery and flexibility of human thinking. An analysis of the main approaches to the problems of metaphor from the point of view of the sociocultural environment of their formation showed that the researchers took into account the target audience and the goals of communication. The complexity of the problem led to a variety of approaches to its study.

Consideration of both practical and theoretical aspects of the methods and features of enriching the vocabulary of the English language through the formation and development of metaphors has shown that the metaphor of the language is directly related to its speakers and to the environment in which they live and act. In the context of globalization, new parameters of the functioning of language processes appear, which requires a new, more in-depth analysis. The formation of new approaches to the theory of metaphor is also based on the consideration of the features of modern sociocultural metaphor in each of the languages that are functioning today, including in English. This direction of metaphor development is the most effective, because it determines the mood of people, their attitude to life, to each other. The interaction of linguistics and linguistics in this area of research can give fruitful results.

References

1. Chanyshv, A.N. *Aristotel* [Aristotle]. Moscow, Mysl Publ., 1981, 200 p.
2. Shveytser, A.D. *Voprosy sociologii yazyka v sovremennoy amerikanskoj lingvistike* [The field of language sociology in modern American linguistics]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 102 p.
3. Shheglova, I.V. *Rossiyskaya sociolingvistika segodnya* [Russian sociolinguistics today]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i socialnyne nauki* [Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2017, no. 5, pp. 138-144.
4. Lotman, Yu.M. *Ritorika. Izbrannye statyi v 3 tomah* [Rhetoric. Selected articles in 3 volumes]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1, 480 p.
5. Lakoff, G., Johnsen M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 256 p.
6. Apresyan, Yu.D. *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. *Izbrannye trudy: v 2 tomah* [Select-ed works: in 2 volumes]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1995, vol. 1, 472 p.
7. Tendahl, M. *A Hybrid Theory of Metaphor*. New York, Palgrave Macmillan, 2009, 282 p.
8. Davidson, D. *Chto oznachayt metafory* [What Metaphors Mean]. Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Metaphor Theory]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 173-192.
9. Pankratova, S.A. *Kognitivno-semanticheskie aspekty kognitivnogo modelirovaniya* [Cognitive and semantic aspects of cognitive modeling]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo uni-versiteta im. A.I. Gercena* [Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University], 2009, no. 3, pp. 88-100.
10. Sinakayeva, L.I. *Zoonimicheskie metafory* [Zoonymic metaphors]. *Mezhdunarodny zhurnal gu-manitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2017, no. 1, pp. 78-80.
11. Nemyka, A.A., Skhalyakhova, S.Sh., Khachemizova, M.A. *Metafora kak obshhiy element nauchno-go i hudozhestvennogo tekstov* [Metaphor as a common element of scientific and literary texts]. *Istoriches-kaya i socialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical and Socio-Educational Thought], 2016, vol. 8. – № 1/2, pp. 34-39.
12. Shelepova, N.V. *Metafora kak sredstvo vyrazheniya emotsiy v yazyke (na materiale angliyskikh cvetoboznacheniy)* [Metaphor as a means of expressing emotions in the language (based on English col-or meanings)]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta* [Bulletin of Astrakhan State Technical University], 2005, no. 5 (28), pp. 114-120.
13. Zubkova, O.S. *Metafora v filosofskoy paradigme* [Metaphor in the Philosophical paradigm]. *Uchenye zapiski. Elektronny nauchny zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University], 2010, issue 1 (13), pp. 47-56.
14. Ageev, S.V. *Metafora kak faktor pragmatiki rechevogo obshheniya*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Metaphor as a factor of speech communication pragmatics. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2002, 32 p.
15. Black, M. *Metafora* [Metaphor]. Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Metaphor Theory]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 153-172.
16. Dolores Porto, M., Romano, M. Newspaper Metaphors: Reusing Metaphors Across Media Genres. *Metaphor and Symbol*, 2013, vol. 28, issue 1, pp. 60-73. DOI: 10.1080/10926488.2013.744572.
17. Ferreira, A.A. Sociocultural development in the spectrum of concrete and abstract ideation. *Mind Culture and Activity*, 2020, vol. 27, issue 1, pp. 50-69. DOI: 10.1080/10749039.2019.1686027
18. Cushing, I. Resources not rulebooks Metaphors for grammar in teachers` metalinguistic discourse. *Metaphor and the Social World*, 2019, vol. 9, issue 2, pp. 155-176. DOI: 10.1075/msw.18022.cus.
19. Cavalcanti, F., Ferreira, L. The Gender of the Conventional Expression "Cabra": A Categorical Model with Metaphorical Extensions and its Cultural Implications. *Revista de Estudos da Linguagem*, 2019, vol. 27, issue 1, pp. 137-163. DOI: 10.17851/2237-2083.27.1.137-163.

20. Poppi, F., Urios-Aparisi, E. De Corporibus Humanis: Metaphor and Ideology in the Representation of the Human Body in Cinema. *Metaphor and Symbol*, 2018, vol. 33, issue 4, pp. 295-314. DOI: 10.1080/10926488.2018.1549838.

21. Maalej, Z., Alghbban, M., Ben Salamh, S. The Fragrance of Flowers, or Metaphoric and Metonymic Pseudonyms. *Metaphor and Symbol*, 2016, vol. 31, issue 4, pp. 212-229. DOI: 10.1080/10926488.2016.1223467.

22. Ansah, G.N. Culture in Embodied Cognition: Metaphorical/Metonymic Conceptualizations of FEAR in Akan and English. *Metaphor and Symbol*, 2014, vol. 29, issue 1, pp. 44-58. DOI: 10.1080/10926488.2014.859483.

Одержано 12.12.2019.

УДК 81'373.21

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-23

О.Б. ВАСИЛИК,
*кандидат філологічних наук,
старший викладач кафедри української та іноземних мов
Уманського національного університету садівництва*

ТИПИ НОМІНАЦІЇ ЕКЛЕЗИОНІМІВ УМАНЩИНИ XVIII–XIX ст.

У статті визначаються мотиви номінації та структурної будови назв давніх храмів Уманщини XVIII–XIX ст. Релігійні споруди протягом свого існування часто зазнавали перебудови та перейменування, тому зазвичай еклезионіми мали декілька варіантів, навіть у межах одного й того ж документа зафіксовано різноманітні моделі назви конкретного об'єкта.

У науковий обіг вперше введено еклезионімічний фактичний матеріал історичної Уманщини та досліджено його структурно-словотвірні та лексико-семантичні особливості в діяхронному аспекті.

Відповідно до принципу номінації того чи іншого еклезионіма назви релігійних споруд досліджуваної території поділено на такі підгрупи: 1) еклезионіми відапелятивного походження (*Базиліанський монастир, фарний костел*); 2) еклезионіми відонімного походження. До другої підгрупи відносимо *відагіоніми* (утворені шляхом трансонімізації *агіоніми* – імен апостолів, старозавітніх пророків та мучеників, які прославилися святістю свого життя) та *відеортоніми* назви (утворені від *еортоніми* – власних назв на позначення церковних свят). Найчастіше церкви давали назву, що відповідала певному релігійному календарному святу, у день якого відбувалося її освячення. Це переважно були дні, на які припадали найбільші свята: *Успіння Пресвятої Богородиці, Воздвиження Чесного Хреста, Вознесіння Господнього, Різдва Пресвятої Богородиці* та ін. Також багато церков мають імена святих – канонізованих церквою осіб, які були захисниками православ'я, наприклад: *церква Петра й Павла, церква Михайла, церква Андрія*.

На появу назв храмів впливало також місце, де їх будували. Часто до офіційної назви церкви додавалася адресна частина, що містила в собі інформацію про розташування релігійної споруди та служила для диференціації однойменних назв: *Рождество-Богородичная, на предместье Полянецком; Михайловская, на Заречье*.

З'ясовано, що найменування культових споруд досліджуваного регіону відбувалося за традиційними церковними канонами – на честь того чи іншого святого або релігійного свята. Проаналізований матеріал засвідчує утворення еклезионіми від *апелятивів* (що складають меншу підгрупу) та від *онімів*, що є більш значимими за кількістю і містять у своєму складі *агіоніми* та *еортоніми*. За своєю структурною організацією еклезионіми XVIII–XIX ст. є багатокomпонентними конструкціями іменникового походження, натомість подальші фіксації досліджуваних найменувань засвідчують переважно прикметникові утворення.

Ключові слова: апелятив, еклезионім, семантична структура, словотвірна модель.

В статье рассмотрено происхождение названий православных храмов Уманщины, зафиксированных в исторических источниках XVIII–XIX вв. Исследуемые ими представлены в диахроническом аспекте, что позволяет проследить словообразовательную структуру и семантические особенности на протяжении всего периода функционирования названий.

Ключевые слова: апелятив, экклезионим, семантическая структура, словообразовательная модель.

Останнім часом у зв'язку зі зростанням інтересу до лінгвокраїнознавства на значну увагу мовознавців заслуговують еклезіоніми як назви на позначення сакральних споруд. Храми як джерело духовного життя були обов'язковим атрибутом кожного поселення, тому споруджували їх на початкових фазах локації. Такі культові споруди – церкви й монастирі – були найбільш значними і примітними об'єктами населених пунктів, тому під час опису міста чи села їх назви в джерелах фіксувалися одними з перших. Зазвичай еклезіоніми мали декілька варіантів, оскільки релігійні споруди перебудовувалися, перейменовувалися, навіть у межах одного й того ж документа зафіксовано різноманітні моделі назви конкретного об'єкта.

Проблемі походження сакральних онімів, дослідженню їх структурно-семантичних особливостей приділяли увагу такі науковці, як Г.І. Лазаренко [1], І.В. Бугайова [2], З.С. Василько [3], Г.Б. Мадієва, В.І. Супрун [33] та ін.

Метою статті є визначення мотивів номінації та структурної будови еклезіонімів Уманщини XVIII–XIX ст. у діахронному аспекті.

Як зазначає З.С. Василько, відбиток на найменування храмів залишили тенденційні віяння сакрального будівництва, що пройшло шлях від наслідування давніх будівель до початку традиційного будівництва з опорою на візантійську традицію, з якої було прийнято й сам обряд, та поєднання її з тисячолітнім досвідом сакрального будівництва в Україні [3, с. 118]. Релігійні споруди традиційно йменувалися за церковними канонами. Тому джерелом для творення еклезіонімів можуть бути агіоніми, еортоніми, теоніми. Храми освячувалися на честь того чи іншого святого або релігійного свята. Церкві давали назву, що відповідає певному релігійному календарному святу, у день якого відбувалося її освячення. Це переважно були дні, на які припадали найбільші свята: *Успіння Пресвятої Богородиці, Воздвиження Чесного Хреста, Вознесіння Господнього, Різдва Пресвятої Богородиці* та ін. Багато церков мають імена святих – канонізованих церквою осіб, які були захисниками православ'я та під час свого земного життя виявили високі християнські якості, досягли вершин духовної досконалості [1, с. 72], наприклад: *церква Петра й Павла, церква Михаїла, церква Андрія* та ін.

На появу назв храмів впливало також місце, де їх будували. Часто до офіційної назви церкви додавалася адресна частина, що містила в собі інформацію про розташування релігійної споруди та служила для диференціації однойменних назв: *Рождество-Богородичная, на предместьє Полянецком; Михайловская, на Заречье*.

Відповідно до принципу номінації того чи іншого еклезіоніма, назви релігійних споруд досліджуваної території можна поділити на такі підгрупи:

1. Еклезіоніми відапелятивного походження

Базиліанський монастир (Умань). Назва відома з XVIII ст.: *базиліанській монастирь* (1768 р.) [4, с. 128]; *Klasztor Bazylianow* (1795 р.) [5]. Подальші описи також засвідчують як прикметникове словосполучення, так і утворення іменникового типу: *основанія Базиліанскаго монастиря* (1845 р.) [6, с. 86]; *При базилианском монастыре...* (1881 р.) [7, с. 3]; *храмъ отцевъ базиліановъ; ...монастырь базиліановъ* (1882 р.) [8, с. 525]. Деякі джерела фіксують назву монастиря за місцезнаходженням: *Уманській монастир* (1888 р.) [9, с. 393]; *Въ одномъ архивномъ акте бывшего базилианского Уманского монастыря возстание гайдамакъ объясняется последствием ненависти* (1895 р.) [10, с. 12].

Прикметникове утворення функціонувало і на поч. XX ст.: *Окружный Судъ помъщается въ зданіи бывшаго Базиліанскаго монастиря* (1913 р.) [11, с. 25]. Еклезіонім утворений від назви *базиліанів* (*василіанів*), ченців східного обряду в католицькій церкві, членів Ордену Святого Василія Великого Русинів [12, с. 59]. Назва в мовленні місцевих жителів не збереглася у зв'язку з припиненням функціонування монастиря як релігійної споруди. Історики та краєзнавці використовують у своїх працях офіційну назву: *Свято-Богородицький монастир св. Василія м. Умані* [12, с. 59]; *Базиліанський монастир* [13, с. 17]; *Свято-Богородицький Базиліанський монастир в Умані заснований в другій половині XVIII ст.* [14, арк. 12].

Фарний (Умань). Костел відомий з XVIII ст., але тогочасні джерела переважно фіксують безантропонімну назву: *Одни бѣжали въ базиліанській монастырь, другіе – въ*

фарный... (1768 р.) [4, с. 128] < пл. *farny* «парафіяльний» (SP, VII, с. 36) < *fara* «парафіяльний костел» (SP, VII, с. 28); *Kosciol Polski* (1795 р.) [5]; ...изъ **католическаго костела** (1882 р.) [8, с. 527]. Відагіонімне утворення засвідчено в документі XIX ст.: *старый латинский костел Св. Антония* (1831 р.) [15, арк. 27]. На позначення апелятива фіксуємо варіант з дериватом *костьолик*: *дерев'яний парафіяльний костьолик* (1872 р.) [16, с. 259]. Еклезіонім утворений від імені *святого Антонія* (день пам'яті – 17/30 січня), засновника християнського чернецтва, зачинателя пустинного подвижництва [17, с. 42]. Назва не збереглася у зв'язку зі зникненням реалії. Нині згадується лише в історіографічних працях: *У старому місті Умань ... це був невеликий католицький парафіяльний костьол Святого Антонія* [14, арк. 8]; *Парафіяльний костел в Умані ... названо Св. Антонія* [18, арк. 10].

2. Еклезіоніми відонімного походження

а) відагіонімні назви

Церква Андріївська (Острівець Ум.). Назва зафіксована в кількох варіантах: *Церковь Андреевская* (1864 р.) [19, с. 288]; *Cerkiew drewniana, pod w. św. Andrzeja* (1886 р.) (SGKP, VII, с. 719); *Андреевская* (1882 р.) [20, с. 185]. Еклезіонім утворений від імені *Андрія Первозванного* (день пам'яті – 30 листопада / 13 грудня), одного з Христових апостолів [17, с. 481]. На початку XX ст. функціонував ад'єктивний тип назви: *Св. Андреевская церковь с. Островец* (1913 р.) [21, арк. 235]. Еклезіонім зберігся: *Церква Андрія Первозванного* [22, с. 328]; *Андріївська церква* [23].

Церква Варваринська (Умань). Назва відома з XIX ст.: *Въ г. Умани при тюремномъ замкѣ Варваринская* (1882 р.) [20, с. 176]. Еклезіонім ад'єктивного типу вжито без номенклатурної назви. Утворення прикметниково-іменникового словосполучення засвідчують записи вже поч. XX ст.: *Свято-Варваринская церковь* (1903 р.) [24, с. 42]; *Будинкова церква святої в/м Варвари* [14, арк. 35]; *Церковь Св. Варваринская* (1913 р.) [21, арк. 26]. Мотивацію назви подає Т. В. Кузнець: *Церква мала лише один престол – в ім'я святої великомучениці Варвари, тому і стала називатися Варваринською* [22, с. 132]. Еклезіонім утворений від імені *святої великомучениці Варвари* (день пам'яті – 4/17 грудня) [17, с. 485]. У сучасних працях фіксуємо на позначення апелятива варіант з дериватом *церквушка*: *в давні часи існувала дерев'яна ... церквушка Святої Варвари-великомучениці* [14, арк. 9]. У зв'язку зі зникненням реалії назва в мовленні місцевих жителів нині не функціонує, згадується лише в працях істориків та краєзнавців.

Церква в ім'я великомученика Димитрія. Джерела XIX ст. фіксують еклезіонім як у повній його формі (що характерно для офіційних назв), так і в усіченій: *Церковь во имя великомученика Димитрия* (Чайківка Христ.) (1864 р.) [19, с. 296]; *Церковь Димитриевская* (Юрківка Ум., Громи Ум., Орадівка Христ.) (1864 р.) [19, с. 282]; *Церковь Дмитриевская* (Покотилове Новоарх., Лісове Тальн., Нестерівка Маньк., Кривець Маньк., Березівка Маньк., Рогова Ум., Степківка Ум.) (1864 р.) [19, с. 283]. Прикметним є те, що використовувалися два варіанти імені святого – *Дмитрій* і *Димитрій*. Серед компонентів на позначення чину святості використовувалися апелятиви *святий* та *великомученик*: *Cerkiew p. w. św. Dymitra* (1888 р.) (SGKP, IX, с. 695); *Posiada cerkiew filialna, p. wez. św. Dymitra* (1890 р.) (SGKP, XI, с. 330); *Церковь деревянная, во имя великомученика Димитрия* (Городниця Ум.) (1864 р.) [19, с. 301]. Ці варіанти функціонували і на початку XX ст.: *Церковь св. Димитриевская с. Городница* (1913 р.) [21, арк. 93]; *Церковь св. Димитрия с. Юрковка* (1913 р.) [21, арк. 175]. Деякі джерела подають лише агіоантропонімний компонент назви, без родового поняття, але із зазначенням специфіки об'єкта: *Въ с. Беринкѣ, приписная Димитриевская* (Лісове Тальн.) (1882 р.) [20, с. 194]; *Димитриевская* (Громи Ум., Рогова Ум., Юрківка Ум., Степківка Ум., Танське Ум., Орадівка Христ., Березівка Маньк., Кривець Маньк., Нестерівка Маньк., Покотилове Новоарх.) (1882 р.) [20, с. 175]. Еклезіонім утворений від імені *Димитрія Солунського* з м. Солунь (Салоніки) в Греції (день пам'яті – 26 жовтня / 8 листопада). В українських церквах згадується як святий і славний великомученик Димитрій Мироточець, який за християнську віру в 306 р. був пронизаний списами римських воїнів [17, с. 428]. Нині одночасно функціонують як іменникові, так і ад'єктивні типи еклезіоніма: *Димитрівська церква* [23]; *Димитрівська церква* [22, с. 322]; *Церква Св. великомученика Димитрія* (Кривець Маньк.) [22, с. 266].

Церква в ім'я святителя Василя Великого. У джерелах XIX ст. еклезіонім уживався і як складена назва з ідентифікуючим означенням, і як утворення ад'єктивного типу: *Церковь дубовая, во имя св. Василия великого* (Дубова Ум.) (1864 р.) [19, с. 302]; *В Кочубиевке находится приписная церковь во имя святителя Василия великого* (Кочубіївка Ум.) (1864 р.) [19, с. 282]; *Василівська церква* (Кочубіївка Ум.) (1834 р.) [25, арк. 459]. Еклезіонім також зафіксований без терміна-індикатора: *Васильевская* (Кочубіївка Ум., Дубова Ум.) (1882 р.) [20, с.179]. Еклезіонім походить від імені *Василія Великого* (день пам'яті – 1 / 14 січня), християнського богослова, теоретика чернецтва [26, с. 273]. На початку XX ст. функціонував іменниково-прикметниковий варіант: *Церковь Св. Васильевская с. Кочубеевка* (1913 р.) [21, арк. 63]. Нині у мовленні місцевих жителів уживається атрибутивне утворення: *Василівська церква* [23]. Офіційну назву використовують у своїх працях історики: *церква в ім'я Св. Василя* (Дубова Ум.) [22, с. 217].

Церква в ім'я святого апостола Якова (Русалівка Маньк.). Джерела XIX ст. фіксують повну назву релігійної споруди та її конденсований варіант: *Церковь во имя св. Апостола Иакова* (1864 р.) [19, с. 294]; *Иаковлевская* (1882 р.) [20, с.189]. Еклезіонім походить від імені *святого Якова* (день пам'яті – 23 жовтня / 5 листопада). Був сином Йосипа від його першої дружини, тому в Євангелії називається братом Господнім [17, с. 422]. Назва збереглася: *Церква святого Якова* [23]; *Церква в ім'я Св. апостола Якова* [22, с. 397].

Церква Лукинська (Угловатка Христ.). У джерелах XIX ст. еклезіонім функціонував як утворення ад'єктивного типу з номенклатурною назвою в препозиції: *Церковь Лукинская* (1864 р.) [19, с. 293], а також як прикметникове утворення без родового поняття: *Лукинская* (1882 р.) [20, с. 189]. Еклезіонім утворений від імені *святого Луки*, євангеліста, автора третьої Євангелії та Діянь святих апостолів (день пам'яті – 18/31 жовтня) [17, с. 416]. На початку XX ст. використовувався варіант із зазначенням чину святості: *Св.-Лукинская церковь* (1913 р.) [27, арк. 113]. Назва збереглася: *Св.-Лукинська церква* [22, с. 370]; *Лукинська церква* [23].

Церква Олександро-Невська. Назва відома з XIX ст.: *С. Городецкое, Александро-Нев.* (Городецьке Ум.) (1882 р.) [20, с. 179]. Така ж назва, але вже із зазначенням апел. *церква* функціонувала й на початку XX ст.: *Церковь Александро-Невская с. Городецкого* (1913 р.) [21, арк. 39]. Історіографічні праці XX ст. засвідчують утворення прикметниково-іменникового словосполучення, ускладненого атрибутивом, на позначення релігійної споруди, що діяла в м. Умані в XIX ст.: *Свято-Александро-Невская церковь (полковая)* (1903 р.) [24, с. 42]. У 1894 р. ... *бувший манеж перебудували ... на церкву Військовий Собор на вшанування Святого благовірного князя Олександра Невського і святої преподобної Ксенії. ... У 1921 р. Військовий Собор переіменовано на автокефальний Кафедральний Український Собор* [14, арк. 28]. Еклезіонім утворений від імені *святого князя Володимирського Олександра* (день пам'яті – 30 серпня / 12 вересня) [28, с. 145]. Жителями населених пунктів нині назва не вживається у зв'язку з припиненням функціонування об'єктів.

Церква Петро-Павлівська (Дмитрушки Ум.). Назва відома з XIX ст.: *Церковь Петро-Павловская, деревянная; построена 1845 года на место предшествовавшей и обветшавшей* (1864 р.) [19, с. 283]. У наведеному прикладі вжитий еклезіонім ад'єктивного типу. У джерелі пізнішого часу функціонувала назва без зазначення номенклатурного терміна: *Петро-Павлов.* (1882 р.) [20, с. 177]. Основу еклезіоніма становлять імена *святих апостолів Петра і Павла*, учнів Ісуса Христа, які після його смерті й воскресіння почали поширювати вчення Євангелія (день пам'яті – 29 червня / 12 липня) [17, с. 240]. На початку XX ст. функціонував варіант із зазначенням чину святості: *Церковь Св. Петро-Павловская в с. Дмитровском* (1913 р.) [21, арк. 51]. Початкова назва збереглася як у мовленні місцевих жителів, так і в історіографічних працях: *Петро-Павлівська церква* [23; 22, с. 208]; *У 1845 р. в селі було побудовано Петро-Павлівську церкву, якій належало 35 дес. землі* [29, с. 169].

Церква св. Юрія Побідоносця. Назва відома з XVIII ст.: *Церква Св. Юрія Побідоносця* (Нерубайка Новоарх.) (1730–1733 рр.) [30, CLXI, с. 28]. У праці Л. Похилевича зафіксовано еклезіонім ад'єктивного типу, до того ж з варіантом імені святого: *Церковь Георгиевская* (Зелений Ріг Жашк.; Нерубайка Новоарх.) (1864 р.) [19, с. 288]. «Пам'ятна книжка

Київської єпархії» 1882 р. фіксує в населених пунктах Уманщини однослівну назву церкви без терміна-індикатора: *Георгієвская* (Зелений Ріг Жашк., Нерубайка Новоарх.) [20, с. 179]. Еклезіонім утворено від імені *святого великомученика Георгія Побідоносця* (святий Юрій, Юрій-Змієборець), мученика і воїна, патрона візантійських імператорів, а пізніше і руських (українських) князів [31, с. 276]. На початку ХХ ст. функціонувало прикметникове утворення: *Св. Георгієвская церковь с. Нерубайка* (1913 р.) [21, арк. 221]. Нині еклезіонім іменникового типу вживається в наукових працях: *Церква святого Георгія Побідоносця* (Зелений Ріг Жашк.) [22, с. 222]. У мовленні місцевих жителів збереглася назва пізнішого часу: *Георгіївська церква* [23].

б) відеортонімі назви

Церква Введенська (Іванівка Ум.). Еклезіонім відомий з ХІХ ст.: *Церковь Введенская* (1864 р.) [19, с. 285]; *Введенская* (1882 р.) [20, с. 191]. На початку ХХ ст. функціонувала назва прикметникового типу: *Св.-Введенская церковь* (1913 р.) [27, арк. 165]. Назву релігійна споруда отримала на честь великого християнського свята *Введення в храм Пресвятої Богородиці*, встановленого в пам'ять урочистого вступу Марії (майбутньої матері Ісуса) до Єрусалимського храму, куди її віддали батьки на виховання. Відзначається 21 листопада / 4 грудня [32, с. 445]. У мовленні місцевих жителів еклезіонім зберігся, не зазнавши змін: *Введенська церква*. В історичних працях функціонує варіант *Св.-Введенська церква* [22, с. 457].

Церква Покрову Пресвятої Богородиці. Назва відома з ХVІІІ ст.: *церква Покрову Пресвятої Богородиці* (Городецьке Ум.) (1726 р.) [30, CLVІІІ, с. 9], (Паланка Ум., Теплик) (1730 р.) [30, CLXІ, с. 27]. У джерелах ХІХ ст. засвідчено еклезіонім ад'єктивного типу: *Церковь Покровская* (Городецьке Ум., Косенівка Ум., Коержинці Ум., Гордашівка Тальн., Краснопілка Ум., Нова Гребля Жашк., Онопріївка Тальн., Давидівка Голов., Бабанка Ум., Ятранівка Ум., Ліщинівка Христ., Добра Маньк., Кищенці Маньк., Попівка Маньк., Копенькувате Новоарх., Гордашівка Тальн., Довгеньке Тальн., Тальянки Тальн., Ризине Звениг.) (1864 р.) [19, с. 282]; *Cerkiew Pokrowska* (Вільшанка Ум.) (1886 р.) (SGKP, VІІ, с. 502), (Ятранівка Ум.) (1888 р.) (SGKP, ІХ, с. 248), (Рижавка Ум.) (1889 р.) (SGKP, Х, с. 122). Л. Похилевич фіксує варіант назви з лексичним компонентом *во имя*: *Церковь во имя Покрова Пресвятої Богородиці* (Вільшанка Ум., Рижавка Ум.) (1864 р.) [19, с. 299]. «Пам'ятна книжка Київської єпархії» 1882 р. засвідчує функціонування конденсованого варіанта назви церкви без терміна-індикатора, до того ж із атрибутивом у препозиції: *Въ дер. Юрполь, приписная Покровская* (Юрпіль Маньк.) [20, с. 194]; *Покровская* (Бабанка Ум., Антонівка Ум., Косенівка Ум., Гордашівка Тальн., Кочержинці Ум., Краснопілка Ум., Нова Гребля Жашк., Онопріївка Тальн., Давидівка Голов., Вільшанка Ум., Рижавка Ум., Ятранівка Ум., Ліщинівка Христ., Добра Маньк., Кищенці Маньк., Попівка Маньк., Копенькувате Новоарх., Довгеньке Тальн., Тальянки Тальн., Ризине Звениг.) [20, с. 175]. На початку ХХ ст. назва вживалася як прикметникове утворення: *Св.-Покровская церковь с. Лещиновка* (1913 р.) [27, арк. 76]; *Св.-Покровская церковь с. Краснопілка* (1913 р.) [27, арк. 59]. Церква названа на честь православного свята *Покрови Пресвятої Богородиці*, установленого на згадку про появу близько 910 р. у Влахернському храмі Константинополя Богородиці, яка розкрила свій покров над усіма віруючими. Відзначається 1/14 жовтня [32, с. 445]. Назва збереглася і нині функціонує в різних варіантах: *церква Покрови Богоматері* (Бабанка Ум.) [22, с. 152]; *Покровська церква* (Кищенці Маньк.) [22, с. 233]; *Церква в ім'я Покрови Богоматері* (Косенівка Ум.) [22, с. 250]; *Церква Покрови* [23].

Церква Представлення св. Йоана Богослова. Назва відома з ХVІІІ ст.: *Церква Представлення св. Йоана Богослова* (Соколівка Жашк.) (1730–1733 рр.) [30, CLXІ, с. 27]. Джерела ХІХ ст. фіксують кілька варіантів еклезіоніма: 1) із лексичним компонентом *в ім'я*: *Церковь деревянная, во имя Иоанна Богослова* (Текуча Ум.) (1864 р.) [19, с. 301]; 2) утворення іменникового типу: *Posiada cerkiew p. w. św. Jana Bohostawa* (Текуча Ум.) (1892 р.) (SGKP, ХІІ, с. 280); 3) утворення ад'єктивного типу: *Церковь Богословская* (Черповоди Ум., Гродзеве Ум., Шарин Ум., Ботвинівка Христ., Верхнячка Христ., Синиця Христ., Кислин Маньк., Роги Маньк., Соколівка Жашк., Левківка Новоарх., Небелівка Новоарх., Білашки Тальн., Вишнопіль Тальн., Криві Коліна Тальн., Лашова Тальн., Папужинці Тальн.,

Лісове Тальн.) (1864 р.) [19, с. 283]. Ці ж варіанти функціонували і на початку ХХ ст.: *Церковь Иоанно-Богословская в г. Умани на Мещанке* (1913 р.) [21, арк. 16]; *Церковь Иоанна Богослова* (Синица Христ., Текуча Ум., Черповоди Ум., Шарин Ум., Левківка Новоарх., Небелівка Новоарх.) (1913 р.) [21, арк. 143]; *Церковь Иоанно-Богословская* (Гродзево Ум.) (1913 р.) [21, арк. 43]; *Св.-Иоанно-Богословская церковь* (Умань) (1903 р.) [24, с. 43]. «Пам'ятна книжка Київської єпархії» 1882 р. фіксує в населених пунктах двослівну назву без родового поняття: *Іоанно-Богословская* (Мала Маньківка Маньк., Кислин Маньк., Роги Маньк., Соколівка Жашк., Небелівка Новоарх., Левківка Новоарх., Білашки Тальн., Вишнопіль Тальн., Папужинці Тальн., Криві Коліна Тальн., Лашова Тальн., Лісове Тальн., Гродзево Ум., Текуча Ум., Черповоди Ум., Шарин Ум., Ботвинівка Христ., Верхнячка Христ., Синица Христ.) [20, с. 175]. Еклезіонім походить від назви свята *Представлення Іоанна Богослова*, що відзначається як день пам'яті святого апостола і євангеліста (26 вересня / 9 жовтня) [17, с. 385]. Назва збереглася на позначення тих релігійних споруд, що збереглися в населених пунктах. Нині функціонує і як іменникове, і як прикметникове словосполучення: *Церква св. Іоанна Богослова*; *Іоанно-Богословська церква* (Кислин Маньк.) [22, с. 232]; ... *побудовано церкву (уніатська) Іоанна Богослова* (Текуча Ум.) [29, с. 233]; *храм Іоанна Богослова (тепер Успіння Богородиці)* (Умань) [23].

Церква Різдва св. Йоанна Хрестителя. Еклезіонім відомий з ХVIII ст.: *церква різдва св. Йоана Хрестителя* (Мошурів Тальн.) (1730–1733 рр.) [30, CLXI, с. 27]. У джерелах ХІХ ст. засвідчено функціонування назви у формі як іменниково-прикметникового словосполучення, так і ад'єктивного: *Церковь Предтечевская* (Сичівка Христ., Мошурів Тальн.) (1864 р.) [19, с. 290]; *С. Сычовка, Иоанно-Предтечин.* (1882 р.) [20, с. 189]; *церковь святого Иоанна Крестителя...* (Умань) (1895 р.) [10, с. 35]; *Ma cerkiew drewniana św. Jana Chrzcziciela* (Черповоди Ум.) (1880 р.) (SGKP, I, с. 833). Еклезіонім походить від назви свята, установленого на честь народження хрестителя Господнього *Іоанна*, пророка, мученика, найбільшого святого після Діви Марії (день пам'яті – 24 червня / 7 липня) [28, с. 114]. На початку ХХ ст. і нині використовується переважно прикметниковий тип еклезіоніма: *Іоанна-Зачатієвская церковь*, *Сычевка* (1913 р.) [27, арк. 131]; *Церква Іоанно-Предтеченська* [23]; *Іоанно-Предтеченська церква* (Мошурів Тальн.) [22, с. 302]; *церква в ім'я Зачаття Предтечі*; *Іоанно-Зачатієвська церква* (Сичівка Христ.) [22, с. 408]. Серед жителів Умані назва не функціонує у зв'язку зі зникненням реалії.

Таким чином, проаналізований матеріал засвідчує утворення еклезіонімів від апелювативів (що складають меншу підгрупу) та від онімів, що є більш значимими за кількістю і містять у своєму складі агіоніми та еортоніми. Загалом сакральний ономастикон історичної Уманщини зазнає змін і тому потребує подальшого вивчення з метою збереження давніх назв, що становлять інтерес для істориків, краєзнавців і мовознавців.

Умовні скорочення

SGKP – Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. – Warszawa, 1880–1895. – Том I–XIV.

SP – Słownik polszczyzny XVI wieku / red. M. R. Mayenowa, F. Pełowski (t. 1–34), K. Mrowcewicz, P. Potoniec (od t. 35, do hasła ROWNY), Ossolineum, Wrocław, 1966–1994.

Список використаної літератури

1. Лазаренко Г. Агіоантропоніми як джерело творення еклезіонімів ХVIII–ХХ ст. / Г. Лазаренко // Восточноукраинский лингвистический сборник. – 2009. – Вып. 13. – С. 71–76.
2. Бугаева И.В. Агионимы в православной среде: структурно-семантический анализ / И.В. Бугаева. – М.: РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007. – 139 с.
3. Василько З. Національно-культурна специфіка українських назв сакральних споруд / З. Василько // Теорія і практика викладання української мови як іноземної. – 2008. – Вып. 3. – С. 117–119.
4. Записки Вероники Кребс // Гайдамацький рух на Уманщині. Коліївщина 1768 року: хрестоматія / За ред. Монке С.Ю., Кузнець Т.В., Петренко А.І. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2002. – С. 120–143.

5. Plan miasta Humania. Roku 1795.
6. Наезды гайдамакъ на Западную Украину. 1755–1768. Сочинение А. Скальковского. – Одесса, въ городской типографіи. 1845. – 230 + II с.
7. Умань // Заря. – 1881. – 26 июля. – № 164. – С. 3.
8. Описание бедствия, постигшего Умань и всю Украину в 1768 году // Киевская старина. – 1882. – Т. I (март). – С. 520–529.
9. Т-ій К.И. Краткий очерк истории города Умани / К.И. Т-ій // Киевская старина. – 1888. – Т. XXII. – С. 381–394.
10. Иващенко В. Исторический очерк Умани и Царицына сада (Софиевки) / В. Иващенко. – К.: Типография С.В. Кульженко, 1895. – 49 с.
11. Ящуржинский Х. П. Город Умань: краткий исторический очерк / Х.П. Ящуржинский. – Умань: Типография «Энергия» Х. Баренбойма и Я. Перельштейна, 1913. – 44 с.
12. Кривошея І. Уманська василіанська школа в період свого розквіту (1796–1830 рр.) / І. Кривошея // Історико-педагогічний альманах. – 2005. – № 1. – С. 59–63.
13. Коваль А.П. Знайомі незнайомці. Походження назв поселень України / А.П. Коваль. – К.: Либідь, 2001. – 303 с.
14. Уманський краєзнавчий музей, НВФ-349, 21 арк.
15. ДАЧО, ф. 833, оп.1, спр. 83, 208 арк.
16. Bolestaw z nad Dniepru. Humań // Kłosy. – 1872. – 5 (17) października. – S. 259.
17. Булгаковъ С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей (Сборникъ свѣдѣній, касающихся преимущественно практической дѣятельности отечественного духовенства) / С.В. Булгаковъ. – Издание третье, исправленное и дополненное. – К.: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. – 1794 с.
18. ДАЧО, ф. Р-5624, оп.1, спр. 87, 82 арк.
19. Сказания о населенных местностях Киевской губернии или статистические, исторические и церковные заметки о всех деревнях, селах, местечках и городах, в пределах губернии находящихся, собрал Л. Похилевич. – К.: Типография Киево-Печерской Лавры, 1864. – 764 с.
20. Памятная книжка Киевской епархии / составили А. Вороновъ, В. Антоновъ. – К.: Типография Г.Т. Корчакъ-Новицкаго, 1882. – 262 с.
21. ЦДІАК України, ф. 127, оп. 1009, спр. 1083-а, 549 арк.
22. Кузнецъ Т.В. Православне духовенство Уманщини ХІХ – початку ХХ століття / Т.В. Кузнецъ. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2006. – 607 с.
23. Василик О.Б. Матеріали топонімічних експедицій, зібрані протягом 2010–2019 рр.
24. Адрес-календарь гор. Умани (с историческим очерком и планом) на 1904 год. – Изд. первое. – Умань: Типография Иосифа Давидовича Барана, 1903. – 115 с.
25. ЦДІАК України, ф. 127, оп. 1010, спр. 41, арк. 459–462.
26. Лешан В.Ю. Основи релігієзнавства / В.Ю. Лешан. – Чернівці: Рута, 2006. – 304 с.
27. ЦДІАК України, ф. 127, оп. 1009, спр. 1111, арк. 1–184.
28. Кислашко О.П. Православні свята та народні звичаї / О.П. Кислашко, Я.О. Кислашко. – К.: Грамота, 2003. – 152 с.
29. Монке С.Ю., Петренко А.І. Нарис історії Уманщини (з найдавніших часів до 60-х років ХХ століття) / С.Ю. Монке, А.І. Петренко, Т.В. Кузнецъ та ін. – К.: Київський університет, 2001. – 266 с.
30. Скочиляс І. Генеральні візитації Київської унійної митрополії ХVІІ–ХVІІІ століть: Львівсько-Галицько-Кам'янецька епархія / І. Скочиляс. – Львів: Видавництво Українського Католицького Університету, 2004. – Т. 2: Протоколи генеральних візитацій. (CLVIII, 9–10; CLXI, 27–28). – 345 с.
31. Потапенко О.І. Шкільний словник з українознавства / О.І. Потапенко, Кузьменко В.І. – К.: Український письменник, 1995. – 291 с.
32. Релігієзнавство: підручник / за ред. О.П. Сидоренка. – 2-ге вид., перероб. і доп. – К.: Знання, 2008. – 470 с.
33. Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Система современной русской урбанистической терминологии / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – Вып. 2. – С. 115–125.

TYPES OF ECLESIONIMS` NOMINATION IN UMAN REGION OF THE 18-19th CENTURIES

Oksana B. Vasylyk, Uman National University of Horticulture (Ukraine)

E-mail: ovasilik@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-23

Key words: *appellative, ecclesionym, semantic structure, word-building pattern.*

The purpose of the article is to determine the motives of the nomination and the structural building of the names of ancient Uman churches in 18th-19th centuries. Religious buildings during their existence had often been rebuilt and renamed, so ecclesionyms usually had several variants, even within the same document, various models of the name of a specific object were recorded.

For the first time the ecclesionymic real material of the historical Uman region has been presented in scientific circulation and been investigated its structural-wordbuilding and lexical-semantic features in diachronical aspects.

According to the principle of nomination of an ecclesionymic name, the names of religious buildings of the investigated territory are divided into the following subgroups: 1) ecclesionyms of appellative origin (*Basilian monastery, cathedral church*); 2) ecclesionyms of onym origin. The second subgroup includes names of agionymic origin (formed by the transonymization of agionyms – the names of the apostles, Old Testament prophets and martyrs who became famous for the sanctity of their lives) and names of eorthonymic origin (formed from eortonoms – proper names denoting church holidays). Most often, the church was given a name that corresponded to a particular religious calendar holiday, the day of its consecration. These were mostly the days on which the greatest holidays were celebrated: *Dormition of the Theotokos, the Raising of the Cross, Ascension Day, Birth of the Blessed Virgin Mary* and others. Many churches also have the names of holy men – canonized churchgoers who were Orthodox, such as *the Church of the Holy Apostles Peter and Paul, the Church of Mykhayil, the Church of Andrii*.

The name of the churches was also influenced by the place where they were built. The address of the church was often added to the official name of the church, which contained information about location of the religious building and served to differentiate the names of the same name: *Christmas-Theotokos, on the outskirts of Polyanetsky; St. Michael, on the Zarechye*.

It is found out that the name of the religious buildings of the investigated region was given by traditional church canons – in honor of a holy or religious holiday. The analyzed material testifies the formation of ecclesionyms from appellatives (which make up a smaller subgroup) and from the onyms that are more significant in number and contain *agyonyms* and *eortonoms*. According to its structural organization ecclesionyms of the 17th and 19th centuries are multicomponent constructions of noun origin, but further fixations of the investigating names are mainly of adjective formations.

References

1. Lazarenko, H. *Ahioantroponimy iak dzhereło tvorennia eklezionimiv XVIII–XX st.* [Agioanroponyms as the source of creating ecclesionyms of the 18th-20th centuries]. *Vostochnoukrajnskyj lynhvystycheskyj sbornyk* [East Ukrainian linguistic collection], 2009, vol. 13, p. 71-76.
2. Buhaeva, I.V. *Ahyonimy v pravoslavnoj srede : strukturno-semanticheskyj analiz* [Agionyms in the orthodox community: structural-semantic analysis]. Moscow, RGAU – MSHA im. K.A. Timiryazeva Publ., 2007, 138 p.
3. Vasylo, Z. *Natsionalno-kulturna spetsyfika ukrainskykh nazv sakralnykh sporud* [Cultural and national specifics of Ukraine orthodox churches' names]. *Teoriia i praktyka vykladannia ukrainskoi movy iak inozemnoi* [Theory and practice of teaching Ukrainian as a foreign language], 2008, vol. 3, pp. 117-119.
4. Monke, S.Yu., Kuznets, T.V., Petrenko A.I. (eds.) *Zapiski Veroniki Krebs* [The notes of Veronika Krebs]. *Haidamatskyi rukh na Umanshchyni. Koliivshchyna 1768 roku* [The movement of haidamaks in Uman rigion. Koliivshchyna of 1768]. Kyiv, Kiivsky universitet Publ., 2002, p. 120-143.
5. *Plan miasta Humania. Roku 1795* [The plan of Uman town of 1795].
6. Skalkovskiy, A. (1845) *Naezdy gajdamak na Zapadnuju Ukrainu 1755–1768*. [The raids of haidamaks to the Western Ukraine. 1755–1768]. Odessa, v gorodskoj tipografii Publ., 230 + II p.
7. *Uman* [Uman town]. *Zarja* [Star], 1881, no. 164, p. 3.
8. *Opisanie bedstvija, postigshogo Uman i vsju Ukrainu v 1768 godu* [Description of the calamity in Uman town and all Ukraine in 1768]. *Kievskaja starina* [Kiev antiquity], 1882, vol. I, pp. 520-529.
9. T-ij, K.I. *Kratkij ocherk istorii horoda Umani* [Brief historiographical overview of Uman town]. *Kievskaja starina* [Kiev antiquity], 1888, vol. XXII, pp. 381-394.
10. Ivashhenko, V. *Istoricheskyj ocherk Umani i Caricyna sada (Sofievki)* [The historiographical overview of Uman town and of Tsaritsyn Garden (Sofievka)]. Kiev, Tip. V. Kulzhenko Publ., 1895, 49 p.

11. Yashhurzhinsky, H.P. *Gorod Uman: kratkij istoricheskij ocherk* [Uman town: the brief historiographical overview]. Uman, Tipografija Energiya H. Barenboyma i Ya. Perelshtejna Publ., 1913, 44 p.
12. Kryvosheia, I. *Umanska vasylianska shkola v period svoho rozkvitu (1796–1830 rr.)* [Uman Vasilian school during the period of its development (1796–1830)]. *Istoryko-pedahohichnyj almanakh* [History of Education Almanac], 2005, no. 1, pp. 59–63.
13. Koval, A.P. *Znajomi neznajomtsi. Pokhodzhennia nazv poselen Ukrainy* [Familiar strangers: the origin of the names of settlements of Ukraine]. Kyiv, Lybid Publ., 2001, 300 p.
14. *Umans'kyj krajeznavchyy muzej* [A study of local lore museum in Uman], NVF-349, 21 plates.
15. DACHO, fund 833, register 1, archiving 83, 208 plates.
16. *Boleslaw z nad Dniepru. Humań* [Boleslav over the Dnieper. Uman]. *Kłosy* [Ears], 1872, no. 5 (17), p. 259.
17. Bulgakov, S.V. *Nastolnaya kniga dlya svjashhenno-cerkovno-sluzhiteley* [The handbook for Church Ministers]. Kiev, Tipografija Kievo-Pecherskoy Uspenskoj Lavry Publ., 1913, 1794 p.
18. DACHO, fund P-5624, register 1, archiving 87, 82 plates.
19. Pokhilevich, L. (ed.) *Skazaniya o naseleennyh mestnostyah Kievskoj gubernii ili statisticheskie, istoricheskie i cerkovnye zametki o vseh derevnjah, selah, mestechkah i gorodah, v predelah gubernii nahodjashhysja, sobral L. Pohilevich* [The chronicles about the inhabited localities of the Kyiv province or the statistical, historical and church notes about all countries, villages, townships and cities, which are within of the city's bounds, L. Pokhilevich collected]. Kiev, Tipografija Kievo-Pecherskoy Lavry Publ., 1864, 262 p.
20. Antonov, V., Voronov, A. *Pamyatnaya knizhka Kievskoy eparhii* [Kiev province memorable book]. Kiev, Tipografija G.T. Korchak-Novickago Publ., 1882, 262 p.
21. CDIAK Ukrainy, fund 127, register 1009, archiving 1083-a, 549 plates.
22. Kuznets, T.V. *Pravoslavne dukhovenstvo Umanschyny XIX – pochatku XX st.* [The orthodox clergy of Uman region of the 19th – beginning of the 20th century]. Kyiv, Kyivsky universytet Publ., 2006, 607 p.
23. Vasylyk, O.B. *Materialy toponimichnyh ekspedycij (2010–2014)* [The materials of the toponymic expeditions (2010–2014)] [in Ukrainian, unpublished].
24. *Adres-kalendar gor. Umani (s istoricheskim ocherkom i planom) na 1904 god* [The address-calendar of Uman town (with the historical documentary and plan) for 1904]. Uman, Tipografija Iosifa Davidovicha Barana Publ., 1903, 115 p.
25. CDIAK Ukrainy, fund 127, register 1010, archiving 41, pp. 459–462.
26. Leshan, V.Yu. *Osnovy relihiieznavstva* [Basis of Religion Studies]. Chernivtsi, Ruya Publ., 2006, 304 p.
27. CDIAK Ukrainy, fund 127, register 1009, archiving 1111, pp. 1–184.
28. Kyslashko, O.P., Kyslashko, A.O. *Pravoslavni sviata ta narodni zvychai* [Orthodox holidays and customs]. Kyiv, Gramota Publ., 2003, 152 p.
29. Monke, S.Yu. *Narys istorii Umanschyny (z najdavnishykh chasiv do 60-kh rokiv XX stolittia* [The overview of Uman region history (from the earliest times till 60s of the 20th century)]. Kyiv, VPC “Kyivskyj universytet” Publ., 2001, 266 p.
30. Skochylias, I. (2004). *Heneralni vizytatsii Kyivskoi unijnoi mytropolii XVII–XVIII stolit: Lvivsko-Halytsko-Kam'ianetska ieparkhiia* [General Visitations of Kyiv Union Metropolitanate in the 17–18th centuries: Lviv-Galicia-Kamyanets Diocese]. Lviv, Vidavnictvo Ukraïns'kogo Katolic'kogo Universitetu Publ., 2004, vol. 2, 345 p.
31. Potapenko, O.I. *Shkilnyj slovnyk z ukrainoznavstva* [The school dictionary of Ukrainian Studies]. Kyiv, Ukrainskyj pysmennyk Publ., 1995, 291 c.
32. Sydorenko, O.P. *Relihiieznavstvo* [Religion Studies]. Kyiv, Znannya Publ., 2008, 470 p.
33. Madieva, G.B., Suprun, V.I. The system of modern Russian urbanonymic terminology. *Voprosy Onomastiki*, 2017, vol. 14, pp. 115–125.

Одержано 10.12.2019.

УДК 811.112.2'373.7

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-24

О.М. ГОРДІЙ,

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри філології та перекладу

Івано-Франківського національного технічного університету нафти і газу

ФРАЗЕОЛОГІЧНІ ЕКСПРЕСИВИ І КОМУНІКАТИВИ СУЧАСНОЇ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ В ОНЛАЙН-ЗМІ

У статті аналізується функціонування експресивної та комунікативної фразеології сучасної німецької мови на сторінках онлайн-видань німецькомовних ЗМІ. Стійкі фрази, що передають інтенції, оцінки і емоції мовця, подано як єдине функціонально-семантичне поле фразеологічних експресивів і комунікативів. Конститутивними характеристиками онлайн-ЗМІ визначено експресивність, інтертекстуальність, мультимедійність та інтерактивність. Технічні можливості комп'ютерної обробки інформації та гіпертекст Інтернет-комунікації зумовлюють значно активніше поєднання візуального та вербального каналів інформації. Відзначається активне використання авторами фразеологічних експресивів і комунікативів у ролі заголовків публікацій. У поєднанні з інформативною частиною заголовка ці одиниці виступають емоційно-оцінними індикаторами медійних текстів. Поширеним явищем є семантична трансформація – подвійна актуалізація значення фразеологічної одиниці, при цьому завдяки мультимедійним можливостям Інтернет-ЗМІ активація за допомогою контексту дослівного значення фразеологізму нерідко підсилюється за допомогою зображення. Встановлено, що фразеологічні експресиви і комунікативи німецької мови виконують парольну функцію – натякають на спільний фоновий гумор, спільну емоціосферу носіїв мови. Аргументується розгляд цих одиниць як прецедентних феноменів інтенційної та емоційно-оцінної концептосфер німецької лінгвокультури, її об'єднувачого фактора. У функції прецедентних феноменів фразеологічні експресиви та комунікативи (головним чином, ядро цього функціонально-семантичного поля – групи одиниць з високою та середньою частотою вживання) виступають носіями фонових знань і роблять свій внесок у творення когнітивно-світоглядної бази німецької лінгвокультури. Фразеологічні експресиви та комунікативи сучасної німецької мови виконують розважальну функцію і можуть розглядатися як один із засобів створення гумористично-ігрової тональності Інтернет-комунікації.

Ключові слова: онлайн-ЗМІ, мультимедійність, гіпертекст, інтертекстуальність, фразеологічні експресиви і комунікативи, подвійна актуалізація значення, прецедентний феномен.

В статье анализируется функционирование экспрессивной и коммуникативной фразеологии современного немецкого языка на страницах онлайн-изданий немецкоязычных СМИ. Устойчивые фразы, которые передают интенции, оценки и эмоции говорящего, представлены как единое функционально-семантическое поле фразеологических экспрессивов и коммуникативов. Конститутивными характеристиками онлайн-СМИ определены экспрессивность, интертекстуальность, мультимедийность и интерактивность. Технические возможности компьютерной обработки информации и гипертекстовая структура Интернет-коммуникации обуславливают значительно более частое сочетание визуального и вербального каналов информации. Отмечается активное использование авторами фразеологических экспрессивов и коммуникативов в роли заголовков публикаций, в сочетании с их информативной частью эти единицы выступают эмоционально-оценочными индикаторами медийных текстов. Распространенным явлением является семантическая трансформация – двойная актуализация значения ФЭ, при этом благодаря мультимедийным возможностям Интернет-СМИ активация с помощью контекста дословного значения фразеологизма нередко усиливается с помощью изображения. Установлено, что фразеологические экспрессивы и коммуникативы немецкого языка выполняют парольную функцию – намекают на общую эмоциосферу носителей языка, общий фо-

новый юмор. Аргументируется рассмотрение этих единиц как прецедентных феноменов интенциональной и эмоционально-оценочной концептосфер немецкой лингвокультуры, ее объединяющего фактора. В функции прецедентных феноменов фразеологические экспрессивы и коммуникативы (главным образом, ядро этого функционально-семантического поля – группы единиц с высокой и средней частотой употребления) выступают носителями фоновых знаний и вносят свой вклад в создание когнитивно-мировоззренческой базы немецкой лингвокультуры. Фразеологические экспрессивы и коммуникативы современного немецкого языка выполняют развлекательную функцию и могут рассматриваться как одно из средств создания юмористической, игровой тональности Интернет-коммуникации.

Ключевые слова: онлайн-СМИ, мультимедийность, гипертекст, фразеологические экспрессивы и коммуникативы, интертекстуальность, двойная актуализация значения, прецедентный феномен.

Останніми десятиліттями вагоме місце в лінгвістичних дослідженнях займає вивчення функціонування національних мов у масово-інформаційному дискурсі. Мовна практика сучасних засобів масової інформації являє собою надзвичайно барвисту картину. Метою публіцистичного тексту є повідомлення та вплив на читача, тобто він містить два різноаспектні компоненти – інформативний та оцінний. Для мови газет та журналів характерні як логічність, докладність і переконливість, так і підвищена емоційність, оцінність та образність. Сьогодні вчені наголошують на посиленні експресивної функції. Однією з основних особливостей цієї сфери називають пошук нових засобів експресії на фоні раціональних стандартів і штамлів [1, с. 22]. Характерним для медійних текстів є вживання великої кількості неологізмів та іншомовних слів та одночасна активізація архаїчної лексики, часте використання нескладних синтаксичних конструкцій, риторичних запитань тощо. Слід відзначити проникнення у пресу елементів живого просторічного мовлення, вживання різностильових мовних засобів. Г. Бургер пише про «епохальний перерозподіл фразеологічного матеріалу» і вирішальну роль сучасних ЗМІ у цьому процесі. В сучасних ЗМІ ми спостерігаємо небачене поширення «класичної» фразеології та проникнення на шпальти газет та телебачення фразеологічних одиниць, які раніше розглядались як розмовні і, таким чином, непридатні для публічних текстів [2, с. 131]. **«Формульне» мовлення** змінюється шаленими темпами [3]. Характерною рисою медійних текстів, головним чином рекламних слоганів, глос та заголовків публікацій загалом сучасні дослідники називають креативне обігрування фразеологічних одиниць [4, с. 220]. **У зв'язку з цим вважаємо актуальним** вивчення функціонування експресивної та комунікативної фразеології у текстах онлайн-видань німецькомовних ЗМІ.

Аналіз останніх досліджень засвідчує великий науковий інтерес щодо особливостей вживання фразеологічних одиниць не лише в газетній публіцистиці [5; 6], але й у мові телебачення, зокрема, телевізійної реклами [7; 8]. Значна кількість праць вітчизняних та зарубіжних мовознавців присвячена дослідженню фразеологічних модифікацій у ЗМІ [9; 10], вивченню національно-культурної специфіки фразеологічних одиниць [11; 12] та варіантної фразеології [13]. Слід відзначити, що сучасні дослідження ґрунтуються на великих текстових масивах (мовних корпусах), і використання об'ємних емпіричних даних дозволяє відобразити функціонування природної мови максимально наближено до мовної реальності, значна увага приділяється функціонуванню фразеологічних одиниць у дискурсі [14; 15; 16; 17].

З появою та розвитком Інтернету традиційні ЗМІ знайшли своє місце на його просторах і швидко пристосувались до нового середовища. Дослідники визначають нові характеристики масово-інформаційного дискурсу, спричинені комунікацією в опосередкованій комп'ютером формі, при цьому значна увага приділяється гіпертекстовій структурі інформації в Інтернет-ЗМІ та інтерактивним можливостям мережевих видань. Слід наголосити на інтертекстуальності гіпертексту та загалом комунікації в Інтернеті. Поняття **інтертекстуальності** належить авторству Ю. Крістєвої, яка розуміє під ним властивість тексту бути сукупністю інших, створених раніше текстів, тобто текстуальну інтеракцію, що відбувається всередині окремого тексту, «цитатну мозаїку», яка є «продуктом вбирання і трансформації якогось іншого тексту» [18, с. 97–99]. О.В. Лутовінова в монографії «Лінгвокультурологічні характеристики віртуального дискурсу», розглядаючи гіпертекстову структуру Глобальної ме-

режі, відзначає, що відкритість і незакінченість думки в епоху постмодернізму робить його епохою «кінця стилю», залишаючи автору дві основні можливості до існування – цитату і коментар, і, таким чином, компетенція автора визначається в першу чергу його ерудицією, начитаністю, здатностями до асоціацій, цитування і алюзій, вияв яких суттєво полегшують гіпертекстові технології [19, с. 146]. В інформаційному потоці присутні численні прямі і приховані натяки, перефразовані цитатні посилання. Автори медіатекстів використовують прецедентні феномени, які виступають засобами аргументації та приваблення уваги читацької аудиторії. Крім різноманітних національно-культурних реалій до прецедентних феноменів належить також широке вживання літературних цитат, афоризмів, крилатих слів, прислів'їв, а також об'єкта нашого дослідження – фразеологічних експресивів і комунікативів.

Аспект мультимедійності, тобто інтеграції різних знакових систем у подачі інформації теж набуває в Інтернеті нового розвитку. Об'єднання різних способів кодування (текстових блоків із зображенням, звуком чи відео) в пов'язану гіперпосиланнями систему розглядається вже не як гіпертекст, а як гіпермедіа [20, с. 79]. У німецькому мовознавстві останніми роками формується окремий напрям лінгвістичного аналізу зображень (Bildlinguistik). Мова йде про зміну парадигми мас-медійної комунікації під ключовим поняттям **iconic turn** [21]. Поєднання мови і зображення є сьогодні найважливішими носіями інформації, за допомогою яких відбувається порозуміння в мас-медійному просторі. Уміння «прочитати зображення» є однією з основних культурних компетенцій, адже їх сприйняття вимагає володіння значним фондом культурних фонових знань. У сучасному інформаційно-технологічному суспільстві людина постійно перебуває у швидкісному інформаційному потоці, отримуючи щодня стільки текстів, зображень, аудіовізуальних сигналів, що постійно зростають вимоги щодо їхньої оригінальності та доступності. Вирішального значення набуває креативна візуалізація.

Особливістю мережевих видань є надзвичайна швидкість реагування на події у світі – з оперативністю Інтернет-ЗМІ не може змагатися навіть телебачення з його екстремними випусками новин, що дозволяє читачам мати постійний доступ до найсвіжішої інформації. Читацька аудиторія мережевих ЗМІ значно ширша, ніж друкованих видань, адже будь-який користувач, що має доступ до Інтернету і володіє мовою, якою публікує свої матеріали те чи інше видання незважаючи на своє місцезнаходження, може стати його читачем.

Іншою відмітною рисою онлайн-ЗМІ є активізація зворотного зв'язку з читачами. У традиційних виданнях редактори публікували лише невелику частину листів читачів, які надходили через поштовий зв'язок і часто втрачали при цьому свою актуальність. У мережевих виданнях практично необмежений обсяг «друкованої» площі, швидкість і простота відправки коментарів зумовлюють зовсім іншу картину. Відгуки читацької аудиторії, пройшовши у серйозних виданнях попередню, часто автоматичну модерацію, практично миттєво стають доступними для масового перегляду. Таким чином, як зазначає Л.Ю. Щипіцина, формується своєрідний поліавторський тип адресанта. Матеріали журналістів доповнюються аналізом, думками та оцінками споживачів цих матеріалів, і кінцевий продукт – «складний поліавторський витвір», зазвичай сприймається разом з коментарями читачів [20, с. 375–377]. Гіпертекстова структура інформації дозволяє інтегрувати в масово-інформаційний дискурс Інтернету популярні соціальні сервіси, енциклопедії, пошукові системи (*Twitter, Facebook, Wikipedia*), що, у свою чергу, популяризує мережеві ЗМІ серед читацької аудиторії.

Метою статті є детальний розгляд функціонування на сторінках онлайн-ЗМІ фразеологічних експресивів і комунікативів сучасної німецької мови – синтаксично оформлених у вигляді речень чи еліптичних речень окремих висловлень, закріплених узуально для вираження інтенцій, оцінок і емоцій мовця як чинника формування інтертекстуальності медійного дискурсу. До окремих завдань належить розгляд цих одиниць в аспекті мультимедійності та інтерактивності досліджуваного жанру.

В Інтернет-ЗМІ спостерігається описана вище тенденція до посилення експресивної функції у пресі загалом. Л.Ю. Щипіцина стверджує, що як на коментарі до мережевих новин, так і на самі тексти-стимули, зокрема мережеві статті, в реальності переносяться деякі ознаки синхронних форм спілкування – мова йде про свідомий вибір таких стратегій як емоціоналізація, оцінність, неформальність та об'єктивне зменшення часу на створення тексту у прагненні першому опублікувати певну новину [20, с. 277]. Звичайно, ці ознаки не-

рівномірно подано у різних виданнях: стиль бульварної «жовтої» преси та відомих надрегіональних і регіональних газет та журналів помітно відрізняється і у їхніх Інтернет-аналогів. У ході дослідження вживаності фразеологічних експресивів і комунікативів в Інтернет-дискусії було виявлено їхнє часте використання в мережевих ЗМІ, зокрема на сайтах відомих німецьких національних і регіональних газет та журналів. До основного аналізу ми відібрали 85 статей із 23 видань (*Die Welt, Zeit Online, Der Spiegel, Handelsblatt, Frankfurter Rundschau, Hamburger Abendblatt, Badische Zeitung* та ін.).

У дослідженні текстів ЗМІ значну увагу традиційно приділяють аналізу заголовків, що є ефективним засобом привертання уваги, зацікавлення аудиторії і, отже, виконують інтригуючу та рекламну функції. Учені виділяють також інформативну, експресивну, оцінну, директивну, контактостановлюючу і текстотвірну функції; при цьому інформативна, експресивна та оцінна визначаються як основні функції заголовка. Одним з основних принципів формування заголовків є намагання передати якомога більше змісту та емоційно-оцінного ставлення і водночас прагнення до економії мовних засобів. Це сприяє лаконізму, влучності заголовків у пресі, які за своєю структурою та інтонаціями часто нагадують афоризми і крилаті слова. Водночас це пояснює активне використання фразеологічних одиниць у ролі заголовків. Такі заголовки відрізняються дотепністю та образністю, викликають у читачів емоційну оцінку. Особлива роль відводиться при цьому трансформованим фразеологічним одиницям, крилатим висловам, прислів'ям та об'єкту нашого дослідження – фразеологічним експресивам і комунікативам.

Особливістю вживання в заголовках медійних текстів фразеологічних експресивів та комунікативів є їхнє поєднання з інформативною частиною заголовка, наприклад: «*Weiß der Geier – was ist los Europa?*» (стаття про необхідність врегулювання фінансового ринку ЄС (*myheimat.de*; 15.11.2011)); «*Richtungsdebatte der SPD. Auf ihn mit Gebrüll*» (відомий німецький політик через плани щодо збільшення тривалості виплат безробітним наразився на відверту критику опонентів) (*sueddeutsche.de*; 17.05.2010); «*Aus der Traum: Gastgeber Polen geschockt und traurig*» (господар чемпіонату Європи з футболу 2012 р. збірна Польщі вилетіла зі змагань ще на груповому етапі турніру) (*fr-online.de*; 17.06.2012); «*Haushalt: Das war eine schwere Geburt*» (про проблемне затвердження бюджету одного з німецьких містечок) (*westline.de*; 19.05.2011). Досліджувані одиниці виступають емоційно-оцінними індикаторами статті, формують відповідний емоційний тон.

Вжита в заголовку фразеологічна одиниця інколи повторюється в основному тексті статті. Такий когерентний зв'язок може мати як проспективний, так і ретроспективний характер. Стаття «*Rette sich, wer kann! Griechen und Italiener bunkern ihre Euros*» у *Handelsblatt* починається словами «*Rette sich, wer kann. Das ist die Devise für immer mehr Sparer in Griechenland und Italien*», тобто вжитий фразеологізм передає лейтмотив усієї публікації (*handelsblatt.com*; 04.01.2012); натомість у публікації «*Mach dir nicht ins Hemd!*», у якій йдеться про творчість відомого співака, фразеологічна одиниця із заголовка використовується як підбадьорення артиста наприкінці розповіді (*welt.de*; 24.07.2011).

Фразеологічні експресиви і комунікативи нерідко використовуються як заголовки інтерв'ю, дублюючи одну з реплік респондента: «*Es ist höchste Eisenbahn!*» *Beckenbauer fordert Siege*» («*Was mir so langsam aufstößt, ist, dass man immer noch nicht bei uns der Meinung ist, es wird höchste Zeit, höchste Eisenbahn*» – слова президента футбольного клубу «Баварія» (Мюнхен) Ф. Бекенбауера про останні невдачі команди) (*n-tv.de*; 01.03.2009); «*UEFA stellt Financial Fair Play vor. Platini: «Es gibt kein Zurück mehr*» (про врегулювання фінансової діяльності футбольних клубів) (*kicker.de*; 11.01.2011).

Аналіз нашого корпусу показав, що для журналістів типовим є креативний прийом семантичної трансформації досліджуваних одиниць – навмисного обігрування прямого лексичного значення окремих компонентів чи усього виразу. Під **подвійною актуалізацією значення** розуміють такий семантичний ефект, коли поряд із фразеологічним активується також дослівне значення фразеологізму, що може бути досягнуто не лише за допомогою формальної зміни виразу, але й через контекст [22, с. 107]. Прикладами одночасної активації прямого і фразеологічного значення є такі статті: «*Mein lieber Schwan! Blitz schlägt Vogel vom Himmel*» (для заголовку обрано цей фразеологічний експресив здивування / (неприємної) несподіванки / погрози невідповідно – у повідомленні йдеться про сильну него-

ду над Нижньою Саксонією та збитого блискавкою птаха (пор.: *der Schwan* – лебідь) (*bild.de*; 12.01.2012); «*Betrug im Netz. Sachen gibt's, die gibt's gar nicht*» (фразеологічний експресив здивування / (неприємної) несподіванки вжито у заголовку до статті, у якій мова йде про махінації в Інтернеті, коли користувачі перераховують шахраям завдаток за товари, яких «насправді не існує», тобто тут активується дослівне значення усього компонентного складу фразеологізму) (*news.de*; 25.08.2010).

Активізація за допомогою контексту дослівного значення виразу, винесеного в заголовок, може посилюватися за допомогою зображення. Такі інтегративні поєднання матеріальних і мовних образів володіють комунікативною доданою вартістю в журналістиці і рекламі [23, с. 225]. Наприклад, до замітки на порталі *deventhos* «*Gentechnik: Mach dich vom Acker*», у якій мова йде про кампанію *Greenpeace* проти генетично модифікованої картоплі та наведено результати опитування громадян (переважна більшість висловились проти генетично модифікованої продукції), додається зображення – на полі зібрана картопля відзнята під таким ракурсом, що картоплина на передньому плані видається гігантською (пор. *Mach dich vom Acker! – Забирайся геть! i der Acker – (зоране) поле*).

Досить цікавими є поєднання візуального та текстового подання інформації й досягнута завдяки такому креативному обігруванню подвійна актуалізація значення фразеологічної одиниці у статті «*Klimawandel in Hessen. Das kann ja heiter werden*» (*Frankfurter Allgemeine*; 26.07.2011). На трьох світлинах, що є ілюстраціями репортажу, відзнята зима у м. Франкфурт 2008 р. Таким чином встановлюється зв'язок з прямим значенням компонента *heiter* – 1. веселий, радісний (в т. ч. від прийому алкоголю); 2. ясний, безхмарний. Перша світлина демонструє веселу атмосферу на літньому майданчику, де відвідувачі вже ласують морозивом, на другій зображено гостей закладу з пивними бокалами, а на третій відзнято чоловіка на лавці у ясний сонячний день. Власне переносне значення фразеологічної одиниці (*Das kann ja heiter werden* – розм. ірон. *Гарненька історія!*), виявляється в тексті статті, де автор висловлює тривогу щодо такого потепління і змін клімату загалом.

Крім проаналізованих вище статей онлайн-ЗМІ, до нашого корпусу були включені також приклади функціонування фразеологічних експресивів і комунікативів німецької мови в інтерактивному блоці видання *Focus Online* (всього 50 читацьких коментарів). Коментарі є відображенням зворотної реакції аудиторії на журналістський текст. Дискурсивна діяльність в опосередкованій комп'ютером реалізації масово-інформаційного дискурсу не обмежується матеріалами авторів-журналістів, а продовжується з кожним новим читацьким коментарем. Автори загалом дотримуються сформованого у цьому жанрі нетикету – у коментарях неприпустимі безпосередня образа інших читачів, автора чи дійових осіб аналізованої статті, заклики до насильства, міжнаціональної чи релігійної ненависті тощо. Значно менш поширеними є такі графічні ознаки неформального спілкування, як використання смайлів, акронімів, ітерація літер. Більшість дописувачів формулюють свою думку щодо прочитаного матеріалу згідно з правилами граматики і орфографії.

Фразеологічні експресиви і комунікативи використовуються головним чином в ролі заголовків до коментарів, у яких (негативна) емоційна оцінка переважає над раціональною, вживається розмовна лексика, експресивні синтаксичні конструкції:

«Ich glaub' es geht los

...*Ich brauche kein Glasfasernetz und komme mit dem bisherigen Netz gut aus! Ich lasse mir auch ganz sicher keine Kosten von Firmen wie Telekom aufzwingen!*» (коментар до статті про плани *Telekom* отримати частину коштів на модернізацію від населення);

«Ich glaub ich steh im Wald

War Herr Waigel nicht in der Zeit zugegen, als CDU und CSU die diversen Schwarzgeldkonten in Liechtenstein und sonst wo auf der Welt hatten? Jetzt wird er Anti-Korruptionsbeauftragter. Ich bin sprachlos. Deutschland, der Sumpf von Heuchlern wird immer größer» (коментар до статті про корупційну аферу на *Siemens*).

Для пояснення свого ставлення до описаних у статті подій, підсилення власної оцінки, вираженої в заголовку, користувачі інколи повторюють вжиті фразеологічні експресиви і комунікативи чи їхні окремі компоненти у тексті коментаря:

«Das waren noch Zeiten!

als Bänker noch Ehrverlust als persönliche Tragödie empfanden, tw. mit Privatvermögen hafteten und sich nach kataströsen Entwicklungen ihres Refugiums in Verzweiflung vom Dach stürzten. Tja, das waren die guten alten Zeiten...».

За допомогою влучного, часто жартівливого заголовка читачі прагнуть виявити свою креативність, виділити себе серед інших користувачів як мовна особистість. Проте, на відміну від матеріалів журналістів, в коментарях читацької аудиторії значно рідше зустрічаються прийоми мовної гри, двозначності тощо. Нами виявлено лише один приклад подвійної актуалізації значення:

«Ach du dickes Ei!

Seit Juli 1999 ist bekannt, dass die Legehennenkäfige sich ändern werden. Verbot von Käfighaltung? ... » (коментар до статті про зменшення асортименту пекарень у зв'язку з підвищенням цін на яєчну продукцію).

Основною функцією досліджуваних одиниць у коментарях читацької аудиторії є висловлення власної оцінки щодо висвітлених в статті подій, створення відповідного емоційного фону, комунікативної близькості.

Аналіз функціонування фразеологічних експресивів і комунікативів німецької мови в онлайн-ЗМІ підтверджує існуючу тенденцію до посилення в сучасних мас-медіа експресивної функції, міжстильового перерозподілу лексичного і фразеологічного матеріалу. Досліджувані одиниці особливо часто вживаються в ролі заголовків медійних текстів, чому сприяють такі виділені нами категорійні ознаки цих одиниць: синтаксична структура речення, відтворюваність, прагматична прив'язка, належність до ментального лексикону (більшості) членів мовної спільноти, національно-культурний компонент семантики. У поєднанні з інформативною частиною заголовка фразеологічні експресиви і комунікативи виступають емоційно-оцінними індикаторами, задають емоційний тон статті, виявляють авторську позицію.

Технологічні особливості мережі зумовлюють значно активніше поєднання візуального та вербального каналів інформації в Інтернет-комунікації. З цим феноменом нерозривно пов'язана подвійна актуалізація дослівного та ідіоматично-сигніфікативного прочитання фразеологічних одиниць, потенціал якої значно ширший, аніж у традиційних друкованих медіа.

Подвійна актуалізація значення ФО, тобто семантично «ущільнене» формулювання, є проявом індивідуальності автора, його креативності і володіє афективним потенціалом. Реципієнт може отримувати від «розгадування» виразу, який має декілька варіантів прочитання, інтелектуальне задоволення і зростає кількість когнітивних ефектів, отриманих під час інтерпретації висловлення. Завдяки спільному знанню, спільному погляду на речі та спільному емоційному фону читач відчуває зв'язок з продуцентом тексту та іншими читачами і, таким чином, ці одиниці виявляють потенціал творення спільноти, що підтверджує наше припущення про функціонування фразеологічних експресивів та комунікативів німецької мови як прецедентних одиниць та відображає поширену в Інтернет-комунікації загальну тенденцію до мовної гри і креативності.

Перспективним бачимо дослідження функціонування цих одиниць в інших жанрах Інтернет-дискурсу.

Список використаної літератури

1. Стишов О.А. Українська лексика кінця ХХ століття (на матеріалі мови засобів масової інформації) / О.А. Стишов. – К.: Видавничий центр КНЛУ, 2003. – 388 с.
2. Burger H. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen / Harald Burger. – Berlin: Erich Schmidt, 2007. – 240 S.
3. Buerki A. Furiously fast: On the speed of change in formulaic language / Andreas Buerki // Yearbook of Phraseology. – 2019. – Vol. 10. – Issue 1. – P. 5–38.
4. Phraseologie: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / [H. Burger et al. (Hrsg.)]. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. – 1. Halbbd. – 613 S.
5. Pilz K.D. Phraseologie in der (regionalen) Tageszeitung / Klaus Dieter Pilz // EUROPHRAS 90: Akten der Internationalen Tagung zur Germanistischen Phraseologieforschung.

schung, Aske / Schweden, 12–15 Juni 1990 / [Hrsg. Christine Palm]. – Stockholm: Almqvist och Wiksell Internat., 1991. – S. 181–209.

6. Skog-Södersved M. Phraseologismen in den Printmedien / Mariann Skog-Södersved // **Phraseologie: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung** / [H. Burger et al. (Hrsg.)]. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. – 1. Halbbd. – S. 269–275.

7. Burger H. Funktionen von Phraseologismen in den Massenmedien / Harald Burger // **Aktuelle Probleme der Phraseologie: Symposium, 27–29.09.1984 in Zürich** / Hrsg. H. Burger. – Bern: Frankfurt am Main u. a.: Lang, 1987. – S. 11–28.

8. Pieper J. Vorkommen und Funktion von Phraseologismen in deutschen Fernseh-Talkshows / Jutta Pieper // **Wer A sagt, muss auch B sagen: Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis** / [Hrsg. D. Hartmann]. – Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2002. – S. 287–298.

9. Пташник С.Б. Структурно-семантичні особливості фразеологічних модифікацій та їхні функції в німецькому газетному тексті: автореф. дис. ... канд. філол. наук / С.Б. Пташник. – Л., 2003. – 18 с.

10. Balsliemke P. «Da sieht die Welt schon anders aus»: **Phraseologismen in der Anzeigenwerbung; Modifikation und Funktion in Text-Bild-Beziehungen** / Petra Balsliemke. – Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2001. – 339 S.

11. Khrabrova V. English and German Phraseological Units with the Somatic Component *Fist / Faust* in Terms of Linguistic, National and Cultural Specific Features / Valentina Khrabrova // *Tomsk State University Journal*. – 2019. – Vol. 440. – P. 35–44.

12. Guryanov I.O. **Socio-cultural aspect of coloristic components of idioms in German discourse** / Igor O. Guryanov, Alina E. Rakhimova, Alisa Rudnick // *Revista QUID (Special issue)*. – 2017. – Issue 1. – P. 800–805.

13. Sava D. Zur Darstellung der Phraseologismen in der Neuauflage (2016) des Variantenwörterbuchs des Deutschen / Doris Sava // *Muttersprache*. – Heft 3 / 129. – 2019. – S. 254–264.

14. Blanco C.M. Constructional idioms in German and Spanish from a contrastive point of view: A corpus-based approach by means of ironic comparisons / C.M. Blanco // *Yearbook of Phraseology*. – 2019. – Vol. 10. – Issue 1. – P. 65–88.

15. Fellbaum C. How flexible are idioms? A corpus-based study / Christiane Fellbaum // *Linguistics*. – 2019. – Volume 57. – Issue 4. – P. 735–767.

16. Manerova K.V. Meaning ambiguity of idiom-constructions *Gott weiss / weiss Gott* in German. Discursive secularization as precondition for phraseological meaning / K.V. Manerova // *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. – 2019. – Vol. 16. – Issue 1. – P. 88–104.

17. Parina I. Combinatorial Properties of German Idioms: a Corpus Study / Irina Parina // *Proceedings of the 45th International Philological Conference (IPC 2016); (Advances in Social Science Education and Humanities Research)*. – 2017. – Vol. 122. – P. 423–426.

18. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман / Ю. Кристева // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 1995. – № 1. – С. 97–124.

19. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса / О. Лутовинова. – Волгоград: Перемена, 2009. – 476 с.

20. Щипицина Л.Ю. **Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук / Л.Ю. Щипицина**. – Архангельск, 2010. – 459 с.

21. *Iconic Turn: Die neue Macht der Bilder* / [Ch. Maar, H. Burda (Hrsg.)]. – Köln: DuMont-Literatur-und-Kunst-Verl., 2004. – 452 S.

22. Burger H. **Handbuch der Phraseologie** / H. Burger, A. Häcki Buhofer, A. Sialm. – Berlin: Walter de Gruyter, 1982. – 433 S.

23. Stöckl H. *Die Sprache im Bild – das Bild in der Sprache: zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text; Konzepte, Theorien, Analysemethoden* / Hartmut Stöckl. – Berlin: de Gruyter, 2004. – 421 S.

EXPRESSIVE AND COMMUNICATIVE PHRASEOLOGY OF MODERN GERMAN IN INTERNET MEDIA

Oksana M. Hordii, Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas (Ukraine)

e-mail: hordiioksana@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-24

Key words: *online media, multimedia, hypertext, phraseological expressives and communicatives, intertextuality, double actualization of meaning, precedent phenomenon.*

The article deals with the functioning of the expressive and communicative phraseology of modern German in online German-language media. The analysis has confirmed the existing tendency of increasing in modern mass media of expressive function, cross-stylistic redistribution of lexical and phraseological material. The expressivity, intertextuality, multimedia and interactivity of online media are defined as their constitutive characteristics. The readership of online media is much wider than that of print media. Another distinguishing feature of online media is the activation of feedback from readers. It is noted that the authors actively use phraseological expressive and communicative formulas in headlines of publications. One of the basic principles of formulating headlines is to convey as much content and emotionally-valued attitude as possible striving for saving of language means. This explains the active use of phraseological units as headlines. A common phenomenon is the semantic transformation which is performed as double actualization of idiom meaning. The double actualization of the meaning of phraseological units can be regarded as semantically condensed formulation. It is a manifestation of the author's individuality, his creativity and possesses affective potential. The recipient may derive from "guessing" an expression that has multiple reading options intellectual satisfaction, and the number of cognitive effects when interpreting the expression increases. Due to the technological features of the Internet media the activation of the literal meaning of an idiom through the context is often enhanced by an image. The combination of language and image is the most important means for understanding in the media space. The ability to "read images" is one of the major cultural competencies, because their perception requires a strong foundation of cultural background knowledge. Creative visualization is becoming significant. Phraseological expressive and communicative formulas are often used as interview headlines, duplicating one of the respondent's remarks. The readers' comments are a reflection of the audience reaction to the journalistic text. The main function of German expressive and communicative idioms in the comments of the readership is to express their own assessment of the events covered in the article and to create an appropriate emotional feedback. It is argued that these units, mainly the core of this functional-semantic field (units with a high and medium frequency of use) can be regarded as precedent phenomena that convey folk humor and express common emotional-evaluative worldview.

References

1. Styshov, O.A. *Ukrainska leksyka kintsia XX stolittia (na materialy movy zasobiv masovoi informatsii)* [Ukrainian vocabulary of the late twentieth century (based on media texts)]. Kyiv, KNLU Publ., 2003, 388 p.
2. Burger, H. *Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen* [Phraseology: an introduction using the example of German]. Berlin, Erich Schmidt Publ., 2007, 240 p.
3. Buerki, A. Furiously fast: On the speed of change in formulaic language. *Yearbook of Phraseology*, 2019, vol. 10 (1), pp. 5-38.
4. Burger H., Dobrovolskij, D., Kühn, P., Norrick, N.R. (eds.) *Phraseologie: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* [Phraseology: An International Handbook of Contemporary Research]. Berlin, Mouton de Gruyter Publ., 2007, vol. 1, 613 p.
5. Pilz, K.D. *Phraseologie in der (regionalen) Tageszeitung* [Phraseology in the (regional) daily newspaper]. *EUROPHRAS 90: Akten der Internationalen Tagung zur Germanistischen Phraseologieforschung, Aske, Schweden, 12.-15. Juni 1990* [Proc. the Intern. Conf. on Germanic Phraseology, Aske, Schweden, June 12-15, 1990]. Stockholm, Almqvist och Wiksell Internat. Publ., 1991, pp. 181-209.
6. Skog-Södersved, M. *Phraseologismen in den Printmedien* [Idioms in the print media]. *Phraseologie: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* [Phraseology: An International Handbook of Contemporary Research]. Berlin, Mouton de Gruyter Publ., 2007, vol. 1, pp. 269-275.
7. Burger, H. *Funktionen von Phraseologismen in den Massenmedien* [Functions of idioms in the mass media]. *Aktuelle Probleme der Phraseologie: Symposium, 27.-29.09.1984 in Zürich* [Current problems in phraseology: Symposium, September 27-29, 1984 in Zurich]. Bern, Frankfurt am Main et. al., Lang Publ., 1987, pp. 11-28.
8. Pieper, J. *Vorkommen und Funktion von Phraseologismen in deutschen Fernseh-Talkshows* [Occurrence and function of idioms in German television talk shows]. *Wer A sagt, muss auch B sagen: Be-*

iträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis [If you saw A, you also have to saw B: contributions to phraseology and proverb research from the Westphalian working group]. Baltmannsweiler, Schneider Hohengehren Publ., 2002, pp. 287-298.

9. Ptashnyk, S.B. *Strukturno-semantychni osoblyvosti frazeologichnykh modyfikatsii ta yikhni funktsii v nimetskomu hazetnomu teksti*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Structural and semantic features of phraseological modifications and their functions in German newspaper text. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Lviv, 2003, 18 p.

10. Balsliemke, P. *“Da sieht die Welt schon anders aus”: Phraseologismen in der Anzeigenwerbung; Modifikation und Funktion in Text-Bild-Beziehungen* [“And then the world looks different”: idioms in advertising; Modification and functioning in text-image relationships]. Baltmannsweiler, Schneider Publ. Hohengehren, 2001, 339 p.

11. Khrabrova, V. English and German Phraseological Units with the Somatic Component *Fist / Faust* in Terms of Linguistic, National and Cultural Specific Features. *Tomsk State University Journal*, 2019, vol. 440, pp. 35-44.

12. Guryanov, I.O., Rakhimova A.E., Rudnick, A. **Socio-cultural aspect of coloristic components of idioms in German discourse**. *Revista QUID* (Special issue), 2017, issue 1, pp. 800-805.

13. Sava, D. *Zur Darstellung der Phraseologismen in der Neuauflage (2016) des Variantenwörterbuchs des Deutschen* [About the representation of the phraseologisms in the new edition (2016) of the variant dictionary of German]. *Muttersprache* [Native Language], 2019, vol. 129 (3), pp. 254-264.

14. Blanco, C.M. Constructional idioms in German and Spanish from a contrastive point of view: A corpus-based approach by means of ironic comparisons. *Yearbook of Phraseology*, 2019, vol. 10 (1), pp. 65-88.

15. Fellbaum, C. How flexible are idioms? A corpus-based study. *Linguistics*, 2019, vol. 57 (4), pp. 735-767.

16. Manerova, K.V. Meaning ambiguity of idiom-constructions *Gott weiss / weiss Gott* in German. Discursive secularization as precondition for phraseological meaning. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2019, vol. 16 (1), pp. 88-104.

17. Parina, I. Combinatorial Properties of German Idioms: a Corpus Study. *Proceedings of the 45th International Philological Conference (IPC 2016); (Advances in Social Science Education and Humanities Research, vol. 122)*, 2017, issue 122, pp. 423-426.

18. Kristeva, Yu. *Bahtin, slovo, dialog, roman* [Bahtin, word, dialogue, novel]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], 1995, no 1, pp. 97-124.

19. Lutovinova, O.V. *Lingvokulturologicheskie kharakteristiki virtualnogo diskursa: monografiya* [Linguocultural characteristics of virtual discourse: a monograph]. Volgograd, Peremena Publ., 2009, 476 p.

20. Shchipitsina, L.Yu. *Kompleksnaya lingvisticheskaya kharakteristika kompyuterno-oposredovannoy kommunikatsii (na materiale nemetskogo yazyka)*. Diss. doktora filol. nauk [Comprehensive linguistic characteristics of computer-mediated communication (with reference to German). Dr. philol. sci. diss.]. Arkhangelsk, 2010, 459 p.

21. Maar, Ch., Burda, H. (eds.) *Iconic Turn: Die neue Macht der Bilder* [Iconic Turn: The New Power of Images]. Köln, DuMont-Literatur-und-Kunst Publ., 2004, 452 p.

22. Burger, H., Buhofer, H., Sialm, A. *Handbuch der Phraseologie* [Handbook of Phraseology]. Berlin, Walter de Gruyter Publ., 1982, 433 p.

23. Stöckl, H. *Die Sprache im Bild – das Bild in der Sprache: zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text; Konzepte, Theorien, Analysemethoden* [The language in the image – the image in the language: to the relationship between language and image in the mass media text; Concepts, theories, methods of analysis]. Berlin, Walter de Gruyter Publ., 2004, 421 p.

Одержано 8.11.2019.

УДК 811.111'373+811.112.2'373
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-25

І.Д. ГРЕЧУХІНА,
*кандидат філологічних наук,
доцент, доцент кафедри міжнародного туризму,
готельно-ресторанного бізнесу та іншомовної підготовки
Університету імені Альфреда Нобеля (м. Дніпро)*

І.П. САХНО,
*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри германської філології
Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара*

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧНА ГРУПА НАЗВ ЗАКЛАДІВ РЕСТОРАННОГО БІЗНЕСУ (КОНТРАСТИВНИЙ АСПЕКТ)

Статтю присвячено порівняльному аналізу лексико-тематичної групи слів, які іменують заклади ресторанного бізнесу у німецькій та англійській мовах. Визначено склад тематичної групи, виділено відповідні лексико-семантичні підгрупи досліджуваної лексики. Запропоновано критерії такого поділу (напрями їх діяльності, надання додаткових послуг особливості національної кухні, орієнтація на різні традиції харчування та різні дієти, орієнтація на конкретну категорію відвідувачів тощо). З урахуванням етимологічних параметрів, денотативних та конотативних елементів у семантичній структурі лексичних одиниць проаналізовано спільні та національно специфічні риси найменувань закладів ресторанного бізнесу. Гіперонімами проаналізованої лексико-тематичної групи можна вважати в англійській мові слово *restaurant* і, відповідно, *Restaurant* – у німецькій. Найбільшу щільність демонструє група найменувань закладів, які виготовляють та реалізують їжу шляхом обслуговування чи самообслуговування відвідувачів. В окремих лексико-семантичних підгрупах можливий подальший поділ на дрібніші підгрупи, синонімічні ряди тощо. Межі підгруп не є стабільними, окремі одиниці можуть належати за певними ознаками до різних категорій. Семантичне навантаження одиниць, які входять до складу окремих підгруп, також змінюється відповідно до вимог часу. Детальний етимологічний аналіз матеріалу свідчить про глобалізаційні тенденції в галузі ресторанного бізнесу. Про глобальність ресторанного бізнесу свідчить і наповненість таких лексико-семантичних підгруп, як орієнтація на різні національні кухні, різні традиції харчування та дієти. Семантика лексичних одиниць демонструє як спільні, так і національно специфічні риси. Саме лексика будь-якої мови є певним кодом національно-культурних стереотипів, віддзеркалює суттєві для певного народу явища об'єктів навколишнього світу, відображення дійсності в різних мовах може значно відрізнитися. Лексика, що досліджувалась, носить відкритий характер, постійно поповнюється новими словами і переживає останнім часом неологічний бум.

Ключові слова: заклади ресторанного бізнесу, лексико-тематична група, лексико-семантична підгрупа, національні кухні та стилі харчування.

Статья посвящена сравнительному анализу лексико-тематической группы слов, которые именуют заведения ресторанного бизнеса в немецком и английском языках. Определен состав тематической группы, выделены соответствующие лексико-семантические подгруппы исследуемой лексики. Предложены критерии такого деления (направления их деятельности, предоставление дополнительных услуг и особенности национальной кухни, ориентация на различные традиции питания и различные диеты, ориентация на конкретную категорию посетителей и тому подобное). С учетом этимологических параметров, денотативных и коннотативных элементов в семантической структуре лексических единиц проанализированы общие и национально специфические черты наименова-

ний заведений ресторанного бізнесу. Гиперонимами проаналізованої лексико-тематическої групи можна вважати в англійській мові слово *restaurant* і, відповідно, *Restaurant* – в німецькій. Найбільшу щільність демонструє група назв закладів, які готують і реалізують їжу шляхом обслуговування або самообслуговування відвідувачів. В окремих лексико-семантичних підгрупах можливо подальше розділення на більш дрібні підгрупи, синонімічні ряди і тому подібне. Границі підгруп не є стабільними, окремі одиниці можуть належати до різних категорій. Семантична група, що входить до складу окремих підгруп, також змінюється в залежності від часу. Детальний етимологічний аналіз матеріалу свідчить про глобалізаційні тенденції в області ресторанного бізнесу. О глобалізації ресторанного бізнесу свідчить і наявність таких лексико-семантичних підгруп, як орієнтація на різні національні кухні, різні традиції харчування і дієти. Семантика лексических одиниць демонструє як загальні, так і національно-специфічні риси. Саме лексика будь-якої мови є визначальним кодом національно-культурних стереотипів, відображає суттєві для певного народу явища навколишнього світу, відображення дійсності в різних мовах може суттєво відрізнятися. Досліджувані лексическі одиниці мають відкритий характер, постійно поповнюються новими словами і змінюються в останні роки неологічний бум.

Ключеві слова: заведення ресторанного бізнесу, лексико-тематическа група, лексико-семантична підгрупа, національні кухні і стилі харчування.

Метою проведеного дослідження було з'ясування національної специфіки назв закладів ресторанного бізнесу в англійській та німецькій мовах. Для досягнення цієї мети було поставлено та вирішено такі завдання:

- 1) з'ясувати актуальні підходи сучасної лінгвістики до інтерпретації таких лінгвістических категорій, як «тематична група» та «лексико-семантична група»;
- 2) визначити склад тематических груп досліджуваної лексики в англійській та німецькій мовах;
- 3) структурувати ці тематичні групи, спираючись на семантичний критерій, а також виділити відповідні лексико-семантичні підгрупи;
- 4) проаналізувати спільні та національно-специфічні риси лексики, яка досліджувалась (з урахуванням етимологічних параметрів, денотативних та конотативних елементів у семантичній структурі лексических одиниць).

Матеріал дослідження складає тематична група назв закладів ресторанного бізнесу в англійській та німецькій мовах (понад 100 лексических одиниць в кожній мові).

Дослідження проведено методами компонентного, семного та порівняльного аналізу з використанням описового методу.

Вибір як матеріалу лексико-тематическої групи найменувань закладів ресторанного бізнесу (сучасної версії підприємств громадського харчування) не є випадковим. Ця лексико-тематична група є універсальним поняттям світової цивілізації, а з іншого боку, вона є фрагментом кожної окремої мови, який репрезентує важливі аспекти повсякденності.

Сучасний ресторанний бізнес – це один із важливих сегментів економіки, який швидко розвивається. Останнім часом відвідування ресторану перетворилось із спорадичної події під час дозвілля на дуже важливу рису повсякденного життя. Ресторанний бізнес стає також значущим сегментом мовної культури і викликає увагу мовників. Є всі підстави вважати ресторанний дискурс самостійним дискурсом із притаманними йому жанровими, стилістичними та лексическими характеристиками [1].

Ресторанний дискурс почав аналізуватися науковцями порівняно недавно і тому потребує дослідницької уваги. Основний наголос мовознавці роблять на його прагматично-комунікативні характеристики [2; 3], жанровій специфіці [4], лінгвокультурологічних параметрах [5; 6]. Дослідники лексики ресторанного бізнесу приділяють увагу перш за все гастрономічному/глутонічному вокабуляру [7], а також так звані ресторани, тобто власні назви закладів ресторанного бізнесу [8; 9; 10; 11; 12].

Лексико-тематична група загальних назв закладів ресторанного бізнесу не привертає уваги дослідників ні при вивченні окремих мов, ні в порівняльному аспекті. Проте вона має безпосередній зв'язок із реальною дійсністю, культурою та побутом народу і є незамкнутою системою з широкими парадигматичними та синтагматичними зв'язками.

У сучасну епоху зростає потреба в обміні інформацією різними мовами, поширюється практика міжкультурної комунікації, що зумовлює загальний інтерес дослідників до питань порівняльного вивчення мов та виявлення їх спільних характеристик та національної специфіки. Порівняльний аспект вивчення мов вважається одним із перспективних напрямів сучасної лінгвістики. Не можна не погодитись із твердженням, що порівняльний опис норм двох (або більше) мов розкриває існуючі лексичні прогалини, «білі плями» на семантичній мапі мови [13]. Розуміння самотності національної ментальності та культури, як і елементів її спільності з ментальністю і культурою інших народів, є визнаним фактом в сучасній лінгвістиці.

Порівняльне дослідження найменувань закладів ресторанного бізнесу в англійській та німецькій мовах надасть змогу продемонструвати національну специфіку денотативно близьких областей двох мовних систем.

У рамках проведеного дослідження очевидно є необхідність з'ясувати розуміння сучасною лінгвістикою таких категорій, як «тематична група» та «лексико-семантична група». Проблема системної організації лексики неодноразово перебувала у центрі лінгвістичних дискусій [14]. За визначенням Словника лінгвістичних термінів, семантична група – це підгрупа слів у межах однієї частини мови, які об'єднані спільністю значень; тематична група – низка слів, які об'єднуються спільністю родових значень, тобто слова, які називають різновиди одного й того самого ряду предметів: назви птахів, квітів, мінералів [15, с. 55].

На думку Ф.П. Філіна, тематичними словниковими групами можна назвати об'єднання слів, які базуються не на лексико-семантичних зв'язках, а на класифікації самих предметів і явищ. Статус лексико-семантичних груп дослідник визначає як більш дрібні групи слів, тісно пов'язані між собою у рамках однієї тематичної групи [16, с. 315]. Водночас дослідник вказує на важкість розмежування словникового запасу як специфічного явища мови та позамовного змісту [16, с. 325]. Важаємо, що об'єкт нашого дослідження можна, таким чином, визначити як лексико-тематичну групу найменувань об'єктів конкретної бізнесової галузі.

Лексичні одиниці, які входять до складу будь-якої лексико-тематичної групи, мають спільну сему, так звану інтегральну семантичну ознаку. У досліджуваній групі слів такою інтегральною семою можна вважати поєднання таких семантичних компонентів:

- «підприємство»;
- «виробництво кулінарної продукції»;
- «реалізація або споживання такої продукції».

Дослідження лексики, зокрема і у порівняльному плані, передбачає залучення класифікаційних критеріїв, які б дозволили систематизувати складові системи, структурувати тематичні групи, спираючись на семантичний критерій, а отже, виділити відповідні лексико-семантичні підгрупи.

Пропонуємо як основний критерій виділення окремих лексико-семантичних підгруп у складі найменувань закладів ресторанного бізнесу характеристику основних **напрямів їхньої діяльності**. За цим критерієм можна виділити такі підгрупи:

1. Виготовлення їжі на продаж (шляхом обслуговування чи самообслуговування відвідувачів). Сюди можна віднести в англійській мові, наприклад, *restaurant, eatery, eating house, the house, greasy spoon, cafeteria*. У німецькій мові цю підгрупу складають: *Speisegaststätte, Speisewirtschaft, Wirtschaft, Wirtshaus, Restaurant, Imbiss, Cafe, Cafeteria*.

Гіперонімами проаналізованої лексико-тематичної групи можна вважати в англійській мові слово *restaurant* і, відповідно, *Restaurant* – у німецькій. В офіційних текстах часто зустрічаються також такі гіперонімічні назви: *catering industry establishment* (брит.), *food service establishment* (америк.), англ. *retail food establishment*; нім. *Institution des Restaurantgeschäfts, Restaurantgewerbe*.

2. Продаж напоїв. Назви цієї групи відображають національні традиції споживання алкогольних напоїв (англ. *gin mill, pub, grogshop, beer joint, ale house*; нім. *Bar, Biergarten, Bierkeller, Bierstube, Branntweinschenke*), а також безалкогольних напоїв (англ. *tea garden, tea bar, tea room, tea shop*; нім. *Teehaus, Teegeschäft, Teepavillon*). Багато назв свідчать про нові споживачькі вподобання щодо напоїв, наприклад, англ. *wine bar, coffee shop, coffee bar, coffee house*, нім. *Weinbar, Cocktailbar, Kaffeehaus*). Розподіл таких назв на підгрупи за видами напоїв є умовним, багато закладів мають пропозицію різного гатунку та спрямування, порівняємо англ. *cafe, inn, tavern, estaminet*, нім. *Cafe, Schankwirtschaft, Kneipe*.

3. Заклади харчування на підприємствах та транспорті, закусочні, кафетерії: англ. *canteen, commissary* (америк.), *diner* (америк.), *dining-car* (америк.) *cafeteria, refectory*; нім. *Firmenkantine, Schulkantine, Werkskantine, Mensa*.

Очевидно, що межі між трьома основними лексико-семантичними підгрупами в обох мовах не є абсолютно чіткими. Деякі слова означають водночас різні типи сервісу (англ. *cafe, cafeteria, tavern, inn*, нім. *Gasthof, Gaststätte, Gastwirtschaft*).

Окрім цих основних, наступними критеріями розподілу найменувань закладів ресторанного бізнесу можна вважати такі.

– Наявність або відсутність розважальних послуг та послуг соціальної комунікації. Різновиди таких послуг стають зрозумілими із семного аналізу складових відповідних найменувань. В англійській мові це: *cabaret, cat cafe, cybercafe, internet cafe, shisha bar, breasted-restaurant, nightclub, gayrestaurant*. В німецькій мові – *Clubrestaurant, Eventlocation, Stadtrundfahrt, Stadtführung, Cityschiffsfahrt, Sky-Sportsbar, Billard-Bar, Dinner-Shows, Varieté, Dunkelrestaurant, Karaokebar, Duftbar, Shisha Bar, Icebar, Candle Flight Dinner, Erlebnisgastronomie*.

– Особливо важливою в часи випробувань і дуже популярною сьогодні формою надання послуг харчування вважається кейтеринг. Англійське за походженням слово *catering*, яке означає в перекладі «поставка громадського харчування», стало універсальним поняттям ресторанного бізнесу. Кейтерингові компанії займаються тим, що пропонують свої послуги із стаціонарного та виїзного обслуговування у сфері гарячого харчування. Мистецтво кейтерингу полягає не тільки в приготуванні страв, але і в умінні гарно і зі смаком оформити святковий стіл. Отже, назви цієї групи включають семні компоненти «виробництво кулінарної продукції» та «реалізація або споживання такої продукції». Сема «підприємство» реалізується як «компанія з надання послуг».

До цієї групи можна віднести і заклади, де відвідувачі мають змогу придбати готові страви за принципом «із собою»: англ. *carry out, drive-in, drive-throug* (переважно американська англійська), *chip shop*; нім. *Kaffeeautomat, Essen auf Rädern, Drive-in-Restaurant, Schnellrestaurant* та ін. Подібні послуги надають такі відомі інтернаціональні мережі, як *McDonald's, Burger King, Kentucky Fried Chicken, Wendy's, Taco Bell, Popeyes* або *Chick-Fil-A*.

– Орієнтація на різні національні кухні та стилі:

Очевидно, що такі назви можна поділити на такі групи за походженням та структурою:

1) назви-запозичення. Так, переважно французьку кухню ми асоціюємо в англійській мові з *bistro, brasserie*, у німецькій – з *Bistro*; італійські страви можна отримати у таких закладах, як англ. *pizzeria, trattoria*, нім. *Pizzeria, Trattoria, Taverne*; для прихильників індійської кухні є англ. *tandoori*, мексиканської – англ. *taqueria*. Німецька мова активно запозичує англо-американізми – символи відповідних гастрономічних вподобань: *Street Food Markets, Burgerrestaurant, Brunch-Restaurant* та інші назви;

2) у цій номінативній функції доволі часто вживаються вільні сполучення прикметника з іменником (англ. *restaurant*, нім. *Restaurant*). Частотність використання подібних назв свідчить про сучасні вподобання носіїв відповідної мови. Так, у британському варіанті англійської мови до складу таких назв найчастіше входять прикметники *Chinese, Italian, Thai, Indian, Mexican, Japanese, Greek, Turkish, American, Korean*. В американському варіанті найбільш поширені *Chinese, Italian, Mexican, Thai, Indian, Japanese, Greek, Korean, Vietnamese, Cuban*. В німецькій мові до позначки «*Restaurant*» в таких назвах найчастіше додаються атрибути *Französisch, Griechisch, Indisch, Italienisch, Japanisch, Polnisch, Russisch, Türkisch*.

Іноді прикметники, які означають етнічну групу, перетворюються на іменник та номінують ресторан з відповідною національною кухнею. Проте такі назви більш властиві розмовній мові, на кшталт «пообідати у італійця». Так, в німецькій мові назви популярних ресторанних локацій в повсякденному житті нерідко звучать як *der Grieche, der Italiener, der Türke*. В англійській мові це, відповідно, *Chinese* та зневажливе *Chinky* (обидва слова належать до британського варіанта).

Орієнтація на різні традиції харчування та різні дієти:

– у німецькій мові – *Bio-Restaurant, Vegetarisches Restaurant, vegetarisches Cocktail Bistro, Koscheres Restaurant, Gourmet-Restaurant, Veganes Restaurant, Street Food Markets, Bistro, Burgerrestaurant, Brunchlokal, Brunchbuffet, Brunch-Restaurant, Sushi-Restaurant, Döner, Fischrestaurant, Mediterranes Restaurant, Pizzeria, Suppenbar, Kartoffelrestaurant* (також: *Kartoffel-Restaurant, Pommeshude*);

– англ. – *chophouse, steakhouse, hot dog stand, barbecue restaurant, fish and chips shop, milk bar, halal restaurant, seafood restaurant, vegan restaurant, pancake house.*

Орієнтація на конкретну категорію відвідувачів:

– англ. – *transport cafe* (для водіїв), *hash house, brasserie, cafe, caff, diner, joint* (недорогі кав'ярні); *brekfast bar* (орієнтація на час обслуговування);

– нім. – *Szene-Kneipe mit fast allen Sportübertragungen und Livemusik, Urige Kiezkneipe mit fast allen Sportübertragungen und eiskaltem Bier, Gayfriendly Clubs, Imbiss.*

Назви закладів за ступенем міжнародного визнання:

– англ. *1-star Michelyn restaurant, 2-star Michelyn restaurant, 3-star Michelyn restaurant;*

– нім. *Ein-Sterne-Restaurant, Zwei-Sterne-Restaurant, Drei-Sterne-Restaurants.*

За місцем розташування закладів:

– англ. *roadhouse, bustaurant, rathkeller, foodcourt;*

– нім. *Straßenimbiss, Bahnhofsgaststätte, Lounge, Eckkneipe, Gartenlokal.*

Назви, пов'язані з національними варіантами англійської мови (британський та англійський варіанти) та німецької мови (німецька мова у Німеччині, Австрії, Швейцарії).

Порівнюємо такі назви: брит. *buffet, carvery, coffee bar, inn, restaurant car*, америк. *beanery, carryout, diner, drive-in*; *Restauratation, Beisl, Tschacherl* – австрійські назви для ресторану, *Taverne, Beiz* – швейцарські.

Як підсумок проведеного дослідження можна узагальнити таке:

1) лексико-тематична група найменувань закладів ресторанного бізнесу (як і відповідні лексико-семантичні підгрупи) носить відкритий характер і постійно поповнюється новими словами. Найдавніші з найменувань виникли в давні часи, в середні віки. Так, англійське *ale house* датується 745 роком, *tavern* – кінцем XIII ст.; німецьке *Imbiss* походить з давньоверхньонімецької, а *Schenke* відоме з XV ст. Частина слів з часом застарівають та витісняються на периферію (англ. *pot house, eatery, tavern*, нім. *Gourmettempel, Estaminet, Garküche*). З іншого боку, останнім часом ця лексико-тематична група переживає неологічний бум. Долю багатьох неологізмів передбачити важко: вони можуть закріпитись у мовному стандарті, а можуть виявитись і «неологізмами на один день». Про статус неологізмів свідчить зокрема орфографічна та словотвірна варіативність багатьох одиниць, порівнюємо англ. *pizza place, pizza joint, pizza parlour*. Доля німецького синонімічного ряду *Imbissbar, Imbissbude, Imbisshalle, Imbissstand, Imbissstube* з'ясується лише з часом;

2) найбільшу щільність (кількість лексичних одиниць у межах групи) демонструє група найменувань закладів, які виготовляють та реалізують їжу шляхом обслуговування чи самообслуговування відвідувачів. Хоча авторитетні лексикографічні джерела наводять одиниці цієї групи як синоніми, більш детальний аналіз свідчить, що вони є близькими за значенням лише певною мірою. Складові групи нерідко мають різну семантичну структуру та конотації. Так, англійське слово *restaurant* передбачає, що відвідувачі обов'язково сидять за столиками та обслуговуються офіціантами. *Cafeteria* – це заклад самообслуговування, *greasy spoon* – маленький недорогий ресторан для місцевих мешканців, не для туристів, у якому подаються великі порції смажених м'ясних страв, *joint* – дешевий ресторан невисокого класу, *gastropub* – паб з високоякісною кухнею. Подібно до цього, німецьке *Cafeteria* означає кафе із самообслуговуванням, *Gastwirtschaft* пропонує окрім споживання щойно виготовленої їжі також і можливості проживання, *Imbiss* (також *Imbissstand, Imbissstube*) – місце, де можна купити та з'їсти нескладну їжу та ін. В окремих лексико-семантичних підгрупах можливий подальший поділ на дрібніші підгрупи, синонімічні ряди тощо. Межі підгруп не є стабільними, окремі одиниці можуть належати за певними ознаками до різних категорій;

3) семантичне навантаження одиниць, які входять до складу окремих підгруп найменувань закладів ресторанного бізнесу, також змінюється відповідно до вимог часу. Так, у складних суспільних та індивідуальних умовах (стихійні лиха, хвороба, вимушена ізоляція) суттєво зростає роль кейтерингу як виду надання послуг. У ресторанному дискурсі Німеччини все частіше зустрічаються в наш час такі терміни, як *Lieferservice, Catering, Caterer, Catering- oder Inhouse-Service, Catering-Hotel*. Англ. *ghost restaurant* означає віртуальний ресторан, який займається лише постачанням їжі;

4) детальний етимологічний аналіз матеріалу свідчить про глобалізаційні тенденції в галузі ресторанного бізнесу. Такі слова, як англ. *restaurant, bistrot, varieté*, нім. *Restaurant,*

Bistro, Variet , які походять із французької, або слова італійського походження – англійське *pizzeria* та німецьке *Pizzeria* давно вже стали інтернаціоналізмами. Англiцизми *Catering, Lounge, Club, Fast-Food* сприймаються носіями німецької як частина власне німецького вокабуляра. Про глобальність ресторанного бізнесу свiдчить і значна наповненiсть таких лексико-семантичних пiдгруп, як орієнтація на рiзні національні кухні, рiзні традиції харчування та дієти;

5) тематичній групі найменувань закладів ресторанного бізнесу в англійській та німецькій мовах притаманна суттєва семантична близькість, яка виявляється як у схожій структуризації на дрібніші лексико-семантичні групи, так і у наявності еквівалентних за походженням базових лексем, досить давніх і відносно нових (англ. *restaurant, bar, cafe, cafeteria* – нім. *Restaurant, Bar, Cafe, Cafeteria*). Численні лексичні одиниці віддзеркалюють сучасні тенденції до глобалізації у розвитку ресторанного бізнесу (англ. *vegan, halal, kosher, sushi + restaurant/bar/cafe*; нім. *Vegetarisches Restaurant, vegetarisches Cocktail Bistro, Koscheres Restaurant, Veganes Restaurant*).

Разом із тим семантика лексичних одиниць демонструє як спільні, так і національно специфічні риси. Саме лексика будь-якої мови віддзеркалює суттєві для певного народу явища об'єктів навколишнього світу, національні традиції харчування та вживання напоїв, а також особливості розвитку громадського харчування (англ. *fish-and-chips shop, inn, greasy spoon, ale-house, grogshop, speakeasy, pub* – нім. *Biergarten, Bierhaus, Bierkeller, Bierstube Kantine, Rastst tte, Wirtshaus*).

Отже, найменування закладів ресторанного бізнесу – це сукупність лексичних одиниць, у значенні яких закодовано певний культурний стереотип. Ці лексичні одиниці, утворені давно і нещодавно, запозичені або побудовані із структурних одиниць інших мов, репрезентують сучасну ментальність певної культурної спільноти та відображають особливості її повсякденного життя. Основними параметрами для подальшого бiльш детального аналізу національно специфічних рис лексики можуть бути такі: словотвірні моделі лексичних одиниць; особливості структурної організації груп та їх рубрикація за стилістичними ознаками; співвідношення одно- та багатозначних лексем у складі групи; співвідношення денотативних та конотативних елементів у семантичній структурі лексичних одиниць; характер полісемії лексичних одиниць.

Список використаної літератури

1. Davis M. **A Taste for New York: Restaurant reviews, food discourse, and the field of gastronomy in America** / M. Davis. – N.Y.: New York University Press, 2009. – 292 p.
2. Chik A. **Comparative multimodal analysis of restaurant reviews from two geographical contexts** [Електронний ресурс] / A. Chik, C.A. Vasquez. – Режим доступу: http://www.camillavasquez.com/pdf/ChikVasquez_ComparativeMultimodal_VC.pdf (останнє звернення 14.04.2020).
3. Huertas D. Grammatical and Pragmatic Investigations in some Names of Restaurants and Cafeterias of Bogota / D. Huertas, G. Esperanza // *Linguistica y Literatura*. – 2016. – Issue 69. – P. 393–399.
4. Терентьева Е.Б. Британский ресторанный интернет-дискурс как институциональный феномен [Електронний ресурс] / Е.Б. Терентьева. – Режим доступу: <https://cyberleninka.ru/article/n/britanskiy-restorannyy-internet-diskurs-kak-institutsionalnyy-fenomen> (останнє звернення 14.04.2020).
5. Козько Н.А. Современный британский ресторанный дискурс: лингвокультура питания и питья / Н.А. Козько, Е.В. Пожидаева // *Вестник Ленинградского гос. университета им. А.С. Пушкина*. – 2012. – № 2. – С. 166–175.
6. Gabrys-Barker D. What's in a Name? Naming Habits in Polish and Portuguese Food Culture / D. Gabrys-Barker // *Second Language Learning and Teaching*. – 2014. – No. 1. – P. 209–223.
7. Питина С.А. Гибридизация в эргонимах (на материале названий кафе и ресторанов) / С.А. Питина // *Вестник Челябинского Государственного Университета*. – 2018. – № 3. – С. 60–64.
8. Чанг Х.Т.Х. Ресторанный нейминг: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук // Х.Т.Х. Чанг. – Томск, 2018. – 24 с.

9. Vepreva I.T. Modern Russian Ergonymy: in Search for New Forms / I.T.Vepreva // *Vo-prosy Onomastiki – Problems of Onomastics*. – 2019. – Vol 16. – Issue 4. – P. 168–179.
10. Chen L.N.H. Of Authenticity and Assimilation: Names of American Chinese Restaurants / L.N.H. Chen // *Names – A Journal Of Onomastics*. – 2018. –Vol. 66. – Issue 1. – P. 3–13.
11. Trang H.T.H. Restauronyms of Moscow in the Structural-grammatical Aspect / H.T.H. Trang // *Tomsk State University Journal*. – 2018. – Vol. 427. – P. 63–70.
12. Starikova G.N. Troponyms (Restauronyms) as a Special Type of Ergonyms (on the Material of Moscow Eating Place Names) / G.N. Starikova // *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Filologiya*. – Tomsk State University Journal of Philology. – 2017. – Vol. 47. – P. 72–87.
13. Степанов Ю.С. Французская стилистика / Ю.С. Степанов. – М.: Высшая школа, 1965. – 355 с.
14. Лисиченко Л.А. Лексико-семантична система української мови / Л.А. Лисиченко. – Харків: Харківський держ. пед. ун-т ім. Г.С. Сковороди, 1997. – 131 с.
15. Ганич І.Д. Словник лінгвістичних термінів / І.Д. Ганич, І.С. Олійник. – К.: Вища школа, 1985. – 360 с.
16. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 410 с.

THE LEXICAL-THEMATIC GROUP OF CATERING INDUSTRY ESTABLISHMENT NAMES (COMPARATIVE ASPECT)

Iryna D. Grechukhina, Alfred Nobel University (Ukraine)

E-mail: igrechukhina@duan.edu.ua

Iryna P. Sachno, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine)

E-mail: iasachno@ukr.net

DOI: [10.32342/2523-4463-2020-1-19-25](https://doi.org/10.32342/2523-4463-2020-1-19-25)

Key words: *catering industry establishments, vocabulary group, lexico-semantic subgroup, national cuisines and food styles.*

The article presents a comparative analysis of the lexical-thematic group of catering industry establishment names in German and English. The composition of the thematic group was determined, the corresponding lexico-semantic subgroups of the vocabulary under study were selected. The criteria of such distribution (directions of these establishments' activity, provision of additional services, peculiarities of national cuisine, orientation at different traditions of eating and different diets, orientation at a specific category of visitors, etc.) are set forward. Taking into account etymological parameters, denotative and connotative elements in the semantic structure of lexical units, the common and nationally specific features of the names of restaurants are analyzed. Hypernyms of the group of words under study (Engl. *restaurant*, Germ. *Restaurant*) are deduced. The greatest lexical density (the greatest number of words) is represented by the group of words denoting places where people pay to sit and eat meals that are cooked and served or self-served on the premises. In some lexical-semantic subgroups, further subdivision into smaller subgroups, synonyms, etc. is possible. The boundaries of the subgroups are not stable; individual units may belong to different categories on certain grounds. The semantic loading of units within individual subgroups changes in the course of time. The lexical-thematic group of catering industry establishments is undergoing constant changes. The oldest words from this group date back to Middle Ages, but during the last decades the composition of the group has considerably increased in both English and German. A detailed etymological analysis of the material indicates the reflection of the restaurant business global trends in the vocabulary of the English and German languages. The globality of the restaurant business is evidenced by the density of the two subgroups of words: denominations of restaurants committed to ethnic foods and to specific food rituals and diets. The semantics of lexical units exhibits both common and nationally specific features. It is the vocabulary of any language that reflects the phenomenon of objects of the surrounding world, essential for a particular nation, and the representation of reality in different languages can vary greatly. It can be termed a code of national-cultural stereotypes. The vocabulary under study has an open character, is constantly being updated with new words, and is experiencing a recent neological boom.

References

1. Davis, M. *A Taste for New York: Restaurant reviews, food discourse, and the field of gastronomy in America*. N.Y., New York University Press, 2009, 292 p.
2. Chik, A., Vasquez, C.A. **Comparative multimodal analysis of restaurant reviews from two geographical contexts**. Available at: http://www.camillavasquez.com/pdf/ChikVasquez_ComparativeMultimodal_VC.pdf (Accessed 14 April 2020).
3. Huertas, D., Esperanza, G. Grammatical and Pragmatic Investigations in some Names of Restaurants and Cafeterias of Bogota. *Linguistica y Literatura*, 2016, issue 69, pp. 393-399.
4. Terentyeva, E.B. *Brytanskyj restorannyj ynternet-dyskurs kak ynstytutsyonal'nyj fenomen* [British restaurant Internet discourse as an institutional phenomenon]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/brytanskiy-restorannyj-internet-diskurs-kak-institutsionalnyj-fenomen> (Accessed 14 April 2020).
5. Koz'ko, N.A., Pozhydaeva, E.V. *Sovremennyy brytans'kyj restorannyj dyskurs: lynchvokul'tura pytanya y pytya* [Modern British Restaurant Discourse: Linguistic Culture of Food and Drink]. *Vestnyk Leningradskogo gos. unyversyteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University], 2012, no. 2, pp. 166-175.
6. Gabrys-Barker, D. What's in a Name? Naming Habits in Polish and Portuguese Food Culture. *Second Language Learning and Teaching*, 2014, vol. 1, pp. 209-223.
7. Pitina, S.A. *Gibridizaciya v ergonimakh (na materiale nazvanij kafe i restoranov)* [Hybridization in ergonyms (based on the names of cafes and restaurants)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, vol. 3, pp. 60-64.
8. Chang, H.T.H. *Restorannyj nejming: strukturno-semanticheskij i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Restaurant naming: structural-semantic and communicative-pragmatic aspects. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2018, 24 p.
9. Vepreva, I.T. Modern Russian Ergonymy: in Search for New Forms. *Voprosy Onomastiki – Problems of Onomastics*, 2019, vol. 16, issue 4, pp. 168-179.
10. Chen, L.N.H. Of Authenticity and Assimilation: Names of American Chinese Restaurants. *Names – A Journal of Onomastics*, 2018, vol. 66, issue 1, pp. 3-13.
11. Trang, H.T.H. Restauronyms of Moscow in the Structural-grammatical Aspect. *Tomsk State University Journal*, 2018, issue 427, pp. 63-70.
12. Starikova, G.N. Troponyms (Restauronyms) as a Special Type of Ergonyms (on the Material of Moscow Eating Place Names). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Filologiya, Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, vol. 47, pp. 72-87.
13. Stepanov, Yu.S. *Frantsuzskaia stylystyka* [French style]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1965, 355 p.
14. Lysychenko, L.A. *Leksyko-semantichna systema ukrains'koi movy* [The lexical-semantic system of the Ukrainian language]. Kharkiv, Kharkivsky derzh. ped. universitet im. H.S. Skovorody Publ., 1997, 131 p.
15. Hanych, I.D., Olijnyk, I.S. *Slovník línhvistychnykh terminiv* [Dictionary of linguistic terms]. Kyiv, Vyscha shkola Publ., 1985, 360 p.
16. Fylyn, F.P. *Ocherky po teoryi iazykoznanija* [Essays on the theory of linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 410 p.

Одержано 12.11.2019.

УДК 811.161.1

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-26

Д. Ф. ГУСЕЙНОВА,
*преподаватель кафедры английского языка
естественных факультетов
Бакинского государственного университета (Азербайджан)*

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ДИСКУРСАХ «ВОПРОС – ОТВЕТ»

Дискурсы «вопрос – ответ» выявляются в процессе реализации диалогической и монологической речи. Чаще всего в коммуникации, происходящей в форме диалога, один из участников, или дикторов, обращается к другому с вопросительным предложением, второй же диктор отвечает на этот вопрос. Употребление вопросительных предложений в значении просьбы, требования, приказа и т. д. достаточно широко исследовалось в лингвистике. В последнее время в теории речевых актов вопросительные предложения представляются как косвенные речевые акты. В азербайджанском языкознании исследование вопросительных предложений в свете теории речевых актов, можно сказать, не проводилось. Вопросительные предложения в азербайджанском языке исследовались на основе фактического материала и теоретических положений традиционной

грамматик, однако их семантике, способам и средствам выражения (просьба, приказ и т. д.; замена вопросительного значения императивным), коммуникативным функциям должного внимания не уделялось. Значения, выражаемые вопросительными предложениями, коммуникативное удивление, недоумение задающего вопрос, соответствующая реакция отвечающего на задаваемый вопрос, проявление речевых актов в разных аспектах требуют разъяснения речевых актов, их содержательных особенностей в дискуссиях по проблеме «вопрос – ответ».

Ключевые слова: дискурс, вопрос – ответ, речевой акт, монологическая речь, диалогическая речь, азербайджанское языкознание.

Дискурсы «питання – відповідь» виявляються в процесі реалізації діалогічного та монологічного мовлення. Найчастіше в комунікації, що відбувається у формі діалогу, коли один з учасників, або дикторів, звертається до іншого із питальним реченням, другий диктор відповідає на це питання. Дослідження потенційних можливостей мовленнєвих актів у формі питального речення в контексті численних запитань – відповідей і з урахуванням міжособистісних і соціальних стосунків комунікантів є актуальним в сучасній лінгвістиці. Вживання питальних речень у значенні прохання, вимоги, наказу тощо досить широко досліджувалося у мовознавстві. Останнім часом в теорії мовленнєвих актів питальні речення постають як непрямі мовленнєві акти. В азербайджанському мовознавстві дослідження питальних речень у контексті теорії мовленнєвих актів майже не відбувалося. Питальні речення в азербайджанській мові досліджувалися на основі фактичного матеріалу і теоретичних положень традиційних граматик, проте, їх семантиці, засобам вираження (прохання, наказ тощо; заміна питального значення імперативним), комунікативним функціям належної уваги не приділялося. Значення, що виражаються питальними реченнями, комунікативне здивування, подив того, хто ставить питання, відповідна реакція того, хто відповідає на питання, проявлення мовленнєвих актів у різних аспектах потребують роз'яснення мовленнєвих актів, їх змістових особливостей в дискусіях з проблемою «запитання – відповідь». Як у прямих, так і непрямих мовленнєвих актах комунікативна ситуація, комунікативний намір, фонові знання, пресупозиція виявляють різноманітні форми основних та прихованих значень питальних речень. Тут знаходить своє підтвердження думка про те, що питальні речення виражають не тільки прохання, вимогу, але й спонування.

Ключові слова: дискурс, запитання – відповідь, мовленнєвий акт, монологічне мовлення, діалогічне мовлення, азербайджанське мовознавство.

Прагмалингвистика, или лингвистическая прагматика – филологическая дисциплина, изучающая отношения между языковыми единицами и условиями их употребления в определённом коммуникативно-прагматическом пространстве. Коммуникативно-прагматическая реальность, или ситуация включает речевое взаимовлияние коммуникантов, место и пространство его воздействия, цель общения. Взаимовлияние адресанта и адресата наиболее ярко проявляется в диалогической речи.

Диалогическая речь в форме вопроса – ответа позволяет судить о коммуникативном намерении говорящего и реакции отвечающего (понимание или непонимание намерения). В этом случае исследователь, зная вопрос и ответ на него, получает возможность разъяснить ситуацию, ссылаясь на конкретный пример. С учётом вышесказанного в статье анализируются контексты вопросов-ответов, выбранные из художественного текста – романа народного писателя Азербайджана Исмаила Шихлы (1986–1991) «Буйная Кура» (1967) (перевод на русский язык Б. Солоухина (1976) [7]. Основная цель исследования – разъяснение значений, выражаемых вопросительными предложениями, адресованными конкретному адресату, характер восприятия адресатом коммуникативного намерения говорящего, и на основе этой формы – его ответа, а также прямого или косвенного ответа на заданный вопрос, его возможной реакции.

Исследования, посвященные вопросительным предложениям, раскрыты в традиционном языкознании в плане содержания [1; 2; 9]. Известно, что вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чем-либо. Вопросительные предложения информируют о том, что хочет узнать говорящий. Традиционная грамматика либо берет за основу реализацию ответа, вербализующегося языковыми средствами в виде предложения или высказывания, либо вовсе не затрагивает данную проблему. Однако конкретные языковые материалы процесса коммуникации, а также исследования, связанные с вербальными и невербальными реакциями отвечающего в различных коммуникативных ситуациях, подтверждают тот факт, что предложение, высказывание или же другие речевые конструкции вовсе не являются ответами на вопросительные предложения. Ответ может проявляться в виде действий адресата невербальными средствами выражения. Это обычно наблюдается в тех случаях, когда вопросительное предложение содержит просьбу, желание, приказ, побуждение и т.д.

Данная проблема была выдвинута еще в 70-е годы прошлого столетия в научных трудах Д. Гордона и Дж. Лакоффа, которые были первыми исследователями данного явления [3]. Позже Дж. Серль [10], Р. Конрад [5] и др. рассматривали эту проблему в различных аспектах [6; 8; 9]. Д. Гордон и Дж. Лакофф в статье, посвященной постулатам речевого общения, указывают, что «существуют определённые правила – постулаты речевого общения, которые определяют, какое значение фактически выражается высказыванием, на основе буквального содержания высказывания и контекста, в котором оно делается» [3]. Они различают пути формализации принципов речевого общения, включая их в концептуальный аппарат порождающей семантики, а также первичное, или буквальное, значение (т. е. логическую структуру некоторого предложения) и коммуникативно имплицированное, или фактически выражаемое значение. Здесь вводится понятие разговорной импликации, связывающее класс контекстов и класс постулатов.

Анализ использования конверсационных постулатов в основном проводится на материале просьб с учётом условий искренности и мотивированности [3, с. 280–282].

Об этом свидетельствуют и новейшие зарубежные лингвистические исследования [10–14; 16–22].

Н.И. Жинкин, рассматривая проблему вопроса и вопросительных предложений, пишет, что «к признакам вопросительного предложения обычно относят наличие в нем: специальных слов (частиц, союзов), определенного словорасположения и особенно специфической интонации. Под вопросом разумеют один из видов цели общения, а именно: побуждение собеседника ответить на обращенную к нему речь.

Если принять эти определения, тогда окажется, что значительная группа вопросительных предложений не содержат в себе значения вопроса» [4, с. 23].

По мнению Дж. Сёрля, минимальной единицей языкового общения является иллокутивный акт - производство конкретного предложения в определённых условиях. Говорящий пытается произвести определённое иллокутивное воздействие [15, с. 157–158]. Р. Конрад, касаясь проблемы косвенных речевых актов, отмечает: «Под косвенными речевыми актами имеются в виду потенциальные, то есть, собственно говоря, пропущенные, воображаемые, а не реальные речевые акты. Оказывается, что во многих случаях, вероятно, происходит своеобразная интерпретация, а именно тогда, когда говорят, что с помощью определённого вопросительного предложения выражается «косвенная просьба» [5, с. 357–368]. В механизме просьбы, требования и побуждения ведущим является прямое выражение говорящим своего коммуникативного намерения. Когда говорящий побуждает адресата к чему-то, статус его поведения должен ему позволить это. В противном случае в отношении адресат-адресант может возникнуть конфликтная ситуация. В этой связи мысль Р. Конрада о том, что поведенческий фактор играет своеобразную роль в реализации вопросительных предложений как косвенных речевых актов вполне оправдывает себя.

А. Вежбицка, исследуя речевые акты, выделяет в составе вопроса главный компонент: «Я полагаю, что главный компонент вопроса выражает «желание» знать, а не желание повлиять на кого-либо таким образом, чтобы заставить его сделать так, чтобы мы знали. Это то, что связывает настоящие вопросы с вопросами, обращенными к самому себе, или так называемыми медиативными вопросами» [2, с. 260].

В действительности здесь возникает и проблема семантической типологии вопросов. В целом типы вопросов и вопросительных предложений должны классифицироваться по разным критериям. В таких классификациях, несомненно, особое место должна занимать и группа косвенных вопросов. В теории речевых актов используется и понятие «вопросительные речевые акты».

Однако это не даёт основание дифференцировать данные вопросы как отдельный речевой акт, т. к. вопросительные предложения по своему содержанию не могут быть выделены в одну группу. Есть такие вопросительные предложения, которые непосредственно выключаются в группу речевых актов, или экспрессивов. Косвенные вопросы, выражающие просьбу, желание, требование, приказ и т.д., отличаются спецификой в системе вопросительных предложений. Эта проблема в то же время создаёт почву для более широкого изучения вопросительных предложений в семантическом аспекте. Подход к проблеме в свете теории речевых актов приобретает значимость для разъяснения вопросительных предложений. Семантическая сфера, совокупность значений и общее содержание вопросительных предложений часто изучаются сквозь призму ответов на вопросы.

Содержательные особенности вопросительных предложений.

На содержание вопросительных предложений влияет ряд факторов, среди которых особое место занимают прагматические факторы. Считается, что если вопросительное предложение построено правильно, то ответом на него должно быть «да» или «нет». Такие предложения называются предложениями с общим вопросом, например:

- Sabah şəhərə gedəcəksən? – Hə
- Ты завтра едешь в город? Да;
- O bizə gəlmişdir? – Hə
- Он приходил к нам? – Да;
- Qarıda dayanan Əhməddir? – Bəli
- В дверях стоит Ахмед? – Да. [7, с.80].
- Qaqam gedib.
- Haraya gedib?
- Kürün qırağına.
- Bə burada nəyə durmuşuq? Gedək.
- Yazıqdi... qoy qız yatsın.

- Ay qız, deyəsən bizi bəxtəvərliyə salacaqsan, yatmaq nədi.
- Иди, разбуди молодых, хватит им спать.
- Брата нет.
- А куда он ушел?
- На берег Куры.
- Ах, вот как?.. Тогда чего же мы здесь стоим, пойдём к ней.
- Жалко. Пускай она поспит.
- С чего это ей так долго спать?..

В данном диалоге вопрос ускоряется вторым диктором. До этого в реплике первого участника отмечается наличие III лица. В вопросе второго диктора спрашивается о том, куда он ушел. В таком акте место, на которое переходит субъект, – объект вопроса. В предложении, заключающем общий вопрос, вопрос опирается на состояние и действие. Уточняется истинность или ложность информации. Следовательно, ответ на общий вопрос требует подтверждения или отрицания. В повествовательном предложении «*Qağam gedib*» – «Мой брат ушёл» содержится информация о том, что субъект покинул данное место. Реакция участника диалога на данную информацию имеет целью уточнение места, куда ушёл субъект.

Субъект может отправиться в город, деревню, магазин и т. д. Говорящий хочет уточнить конкретное место из множества различных мест. Здесь требуется расширение простого предложения наречием места. На вопрос даётся ответ «*Kür qırağına*» – «На берег Куры». Если дополнить ответ на уровне предложения, то получится предложение «*Kür qırağına gedib*» – «Он пошёл на берег Куры».

Исследование семантики вопросительного предложения в широком смысле подразумевает выделение контекста «вопрос-ответ».

В настоящей статье контекст «вопрос-ответ» передается в виде фрагмента текста, содержащего вопрос и ответ на него. Иногда такой контекст достаточен для анализа. В таких случаях необходимо рассмотрение контекста, расширенного частью, предшествующей вопросу.

С этой целью было проанализировано предложение первого участника диалога «*Qağam gedib*» – «Мой брат ушёл». Если оставить в стороне эту информацию, то в первом вопросительном предложении диалога возникает недостаток информации. Из предложения «*Naraya gedib*» – «Куда он ушёл?» не ясно, о ком идет речь и куда конкретно ушел данный человек.

Хотя вопрос в последнем предложении диалога адресован другому участнику, можно сказать, что он не требует ответа. Здесь использованы принятая в азербайджанском языке готовая модель и фразеологизм «*bəxtəvərliyə salmaq*» «осчастливить», модальное слово *deyəsal* «кажется» и тем самым выражено отношение говорящего к спящей девушке.

Если взять отдельно вопрос «Какой сон?», то он, естественно, имеет ответ. Скажем, адресат в ответе на этот вопрос может объяснить, каким бывает сон. Однако в тексте это вопросительное предложение является косвенным речевым актом.

Если невеста после брачной ночи встаёт поздно, то это считается неправильным поведением. В действительности, если вопрос адресован невесте, то она, вместо оценки поведения и соответствующего ответа на заданный вопрос, должна немедленно вскочить с постели. В этом смысле вопрос «*yatmaq nədir?*» «какой сон?» означает: спать нельзя, новобрачной не положено так долго спать; новобрачная должна с утра пораньше встать.

Поскольку вопрос адресован сестре парня, её реакция на косвенный вопрос совсем другая. Коммуникативное намерение задающего вопрос ясно и сестре. Вместе с тем, на его реакцию воздействуют экстралингвистические факторы, исходящие из конкретной ситуации и традиционных норм поведения. Это можно увидеть в последующих частях диалогической речи:

- Нехорошо нам самим заходить, подождём Шамхала.
- Э, кто такой Шамхал! – Новый приступ смеха заколыхал тетю [7, с. 59].

Первый из вышеуказанных экстралингвистических факторов: говорящий не хочет, чтобы девушка отдохала; другой же фактор связан с её отношениями с братом. Второй участник диалогической речи правильно понимает значение речевых актов первого участника, осознает наибольшую силу воздействия одного из факторов и по этой причине его очередной вопрос выражает отношение говорящего в данной ситуации: Вопрос «Э, кто такой Шамхал?» также является косвенным речевым актом. Направленность непосредственно на первоначальное значение вопроса или же прямой ответ говорящего на него вполне себя оправдывает. Ясно, что в вопросе «Э, кто такой Шамхал?» используемом в языке, ни с грамматической, ни с семантической точки зрения никаких нарушений нормы нет. Однако при подходе к проблеме с точки зрения конситуации процесса коммуникации очевидно, что она носит метафорический характер. Дело в том, что одна из участников диалога – сестра брата, другая – тетя по отцу (сестра отца). Принимая во внимание этнокультурологический фактор, азербайджанские обычаи и традиции, можно утверждать, что в данном случае сестра не может разбудить жену своего брата тогда, когда ей захочется. Сестра за это своё действие боится реакции своего брата. Однако согласно традиционным правилам поведения, статус *биби* (сестра отца) превышает статуса самого брата. Поэтому косвенный вопрос биби «Э, кто такой Шамхал?» означает: «Твой брат рядом со мной никто – «Твой брат не посмеет перечить мне»; «Пусть твой брат идёт и занимается своими делами».

В диалоге от адресата требуется не ответ на вопрос, а ответная реакция. Если биби будит жену своего племянника, то её племянница должно молча стоять. Она не смеет перечить или препятствовать своей тёте.

Р. Конрад обратил внимание на то, что для выражения косвенной просьбы «недостаточно просто построить вопросительное предложение, с определенным пропозициональным содержанием, поскольку осмысление в качестве косвенной просьбы возникает тогда, когда речевая ситуация «сама по себе становится ситуацией просьбы». То есть он указывает на, возможно, решающую в процессе коммуникации роль ситуации. Применительно к вопросительному предложению это означает, что его основная функция – «выражение вопроса» и, следовательно, вопросительное предложение «в том случае употребляется в соответствии со своей функцией, если оно употребляется в ситуации вопроса». Вопрос в транспорте типа «Вы сейчас выходите?» трактуется Р. Конрадом, как косвенное побуждение дать возможность пройти, хотя он может быть и чисто информационным вопросом. Особенностью данного вопроса является отсутствие структурной общности между пропозициональной частью вопросительного предложения и пропозициональным содержанием подразумеваемого императивного предложения [5, с. 363–364].

Для адресата неважно, выходит на следующей остановке стоящий перед ним пассажир или нет. Ему необходимо пройти к выходу, стоящий же перед ним пассажир преграждает ему путь. Следовательно, структура косвенного вопроса не имеет значения для говорящего. В перспективе утвердительный ответ на косвенный речевой акт в виде вопроса удовлетворяет говорящего. Если стоящий перед ним пассажир выходит, то путь к выходу свободен и побуждение говорящего к действию становится необходимым условием.

Многие косвенные речевые акты, выражающие просьбу, требование, приобрели форму моделей этикета, употребляющихся в определённых ситуациях. Поэтому реакция на значения в глубинных структурах данных вопросов бывает мгновенной. В процессе обычного поведения неуместное использование таких косвенных речевых актов иногда не принято. Это нарушает правила и иногда служит причиной ответной реакции адресата на новый косвенный речевой акт. Рассмотрим следующую ситуацию: человек, обедающий за столом, игнорируя находящуюся перед ним солонку, обращается к другому человеку с вопросом: «Вы не могли бы передать мне солонку?» тем самым как бы нарушая нормы поведения, т.е. возникает вопрос: а почему он не пользуется находящейся перед ним солонкой?

Рассмотрим ситуацию в несколько иной форме: человек, обращающийся к другому с косвенным речевым актом, не замечает находящуюся перед ним солонку или

же знает, что она пуста. В этом случае возникновение косвенного речевого акта обусловлено двумя факторами. Первый фактор – экстралингвистический: находящаяся перед ним солонка пуста. Второй фактор: он не может дотянуться до другой солонки. Если говорящий видит находящуюся перед ним солонку, то это создаёт другое препятствие.

Скажем, человек, к которому обращаются с вопросом, видя перед говорящим солонку, отвечает вопросом на вопрос: «Ваша солонка пуста?» Ответ может быть в интонативной и краткой форме, например: «Пустая». Во время обмена такими речевыми актами первый говорящий, или же автор первого косвенного вопроса вынужден дать утвердительный ответ на заданный ему вопрос. Если он не заметил солонку, то он вынужден объяснить причину своего поведения, не извиняясь перед собеседником. В том случае, когда говорящий не заметил солонку, он вынужден размышлять о глубинном значении заданного ему вопроса. Когда другой человек ему говорит: «Разве ваша солонка пуста?» он более внимательно смотрит на стол.

Такой подход к рассматриваемой проблеме подтверждает важную роль конситуации в использовании косвенных речевых актов. Успешность процесса коммуникации требует чёткого понимания конситуации участниками коммуникации.

В вышеприведённом фрагменте из художественного текста попытка разбудить невестку (жену брата) может перерасти в конфликт и без косвенного вопроса «Э, кто такой Шамхал?». Салатын осознает высокий статус тётушки, однако она в какой-то степени проявляет непочтительность, говоря: «Жалко, пускай поспит», и это несколько выходит за рамки, допустимые нормами поведения. В художественной литературе наблюдаются такие переходные процессы (от речевого акта к речевому акту извинения). Рассмотрим другой пример:

- Naçalnik deyir ki, bizi o taya keçir.
- Naçalnik olanda nə olar, su ağız-ağıza qovuşmur?
- Bəs öz adamlarınızı niyə keçirdirsən?
- Kim deyir onu?
- Mən.
- Yalaңçının atasına lənət.

Казачи тем временем подъехали и остановились рядом с лодкой. Офицер сперва посмотрел на лодку, на вздыбившуюся Куру, затем обратился к Годже:

- Перевези нас на тот берег.

Старик, ничего не поняв, пожал плечами. Тогда один из казаков выехал вперед и сказал по-азербайджански:

- Начальник просит перевезти нас на ту сторону.

Годжа улыбнулся:

- Пусть он начальник, но разве он не видит, как бурлит Кура.

- А почему перевозишь этих людей?

– Кто вам сказал, что я их перевожу? Проклятие тому, кто вам соврал, а также и его отцу [7, с. 300].

В этом дискурсе вопросов-ответов, выбранном из художественного произведения, начальный речевой акт первого участника является императивным речевым актом.

В предложении «Начальник нас просит перевезти на ту сторону» подразумевается, что слово начальника – закон. Ответ же старика является косвенным речевым актом: – Пусть он начальник, но разве он не видит, как бурлит Кура?

Здесь в имплицитной форме выражается протест. Кроме того, словами «разве он не видит, как бурлит Кура?» старик выражает невозможность переправы на другой берег.

Рассмотрим другой диалог:

- В горы с кем поедешь, со мной или с матерью?
- Ни с кем.
- Как так?
- У меня есть дела.
- Будешь караулить землянки? Или сторожить огороды?
- Дело найдется.

– Нельзя ли все же узнать, что ты называешь делом, из-за которого остаешься в деревне?

– Почему нельзя? Мы займемся школой, и ты должен нам помочь.

– Кому это вам?

– Мне и Ахмеду. И всем, кто хочет учиться.

– Чем помочь, дитя мое?

– Есть ли в нашей деревне человек богаче тебя?

– Ты что хочешь сказать?

– Сколько у нас земли?

– Говори яснее, что тебе надо.

– Есть ли в нашей деревне люди, которые совсем не имеют земли?

– Я сказал – говори, что тебе надо? [7, с. 400].

В данном диалоге два участника: отец и сын. Тематически диалог можно разделить на две части: в первой части отец с сыном говорят о поездке в горы на летнее пастбище. Диалог проходит в контексте вопросов-ответов. Вопросы задаются конкретно и ответы на них даются в соответствующей форме. В этой части ведущие вопросы задает отец. В одном из ответов сын употребляет местоимение «нам» (Ты должен нам помочь) и это местоимение во множественном числе не меняет направление реакции отца на речевой акт. Здесь вопросительный речевой акт отца приводит к смене темы. Отец не дает никакой информации о том, будет он помогать или нет, т.к. он уточняет, кому именно надо помочь.

Во второй части диалога изменение темы происходит в результате обновления визуальной ситуации в процессе коммуникации. Сын смотрит в сторону Куры, видит их земельные угодья и вспоминает о бедных, неимущих односельчанах, у которых нет ни клочка земли. И тут он задает вопрос отцу, и участники диалога меняются местами. Теперь сын занимает ведущую позицию в диалоге. В то же время вопрос сына содержит подтекст, и в данном случае реализуется косвенный речевой акт.

Прямой ответ на вопрос ясен и отцу, и сыну. Отцу трудно определить коммуникативное намерение сына в постановке вопроса, и для того, чтобы узнать это намерение, он отвечает вопросом на вопрос:

– Ты что хочешь сказать?

Однако сын не дает прямого ответа на этот вопрос и вновь озвучивает косвенный вопросительный речевой акт: «Сколько у нас земли?».

Этот вопрос несколько отличается от предыдущего. Сын может и не знать о том, сколько у них гектаров земли. Однако отец понимает, что сына не интересует количество земли: его коммуникативное намерение тождественно его предыдущим вопросам. Ответ отца опять направлен на уяснение коммуникативного намерения сына. Очередная реплика сына построена в форме вопросительного предложения, и он вновь скрывает своё коммуникативное намерение.

Ответ отца «Я сказал – говори, что тебе надо?» показывает, что его терпение иссякло. Статусное неравенство во взаимоотношениях отца и сына не позволяет сыну перейти к сути и открыто выразить свое коммуникативное намерение.

Как в прямых, так и в косвенных речевых актах коммуникативная ситуация, коммуникативное намерение, фоновые знания, пресуппозиция выявляют различные формы основных и скрытых значений вопросительных предложений. Здесь находит своё подтверждение мысль о том, что вопросительные предложения выражают не только просьбу, требование, но и побуждение.

Таким образом, исследование потенциальных возможностей речевых актов в форме вопросительного предложения в контексте многочисленных вопросов-ответов с учётом межличностных и социальных отношений коммуникантов весьма актуально.

Список использованной литературы

1. Белютина Ю.А. Прагматические и социолингвистические детерминанты нарушений в коммуникативном акте извинения / Ю.А. Балютина // Культура как текст. – М.: ИЯ РАН; Смоленск СГУ, 2007. – Вып VII. – С. 144–148.

2. Вежбицка А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 251–276.
3. Гордон Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Д. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 276–302.
4. Жинкин Н.И. Вопрос и вопросительное предложение / Н.И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1955. – № 3. – С. 22–34.
5. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 349–383.
6. Туфанова Ю.В. Лингвистическая вежливость как способ сохранения баланса интересов коммуникантов в речевой ситуации извинения / Ю.В. Туфанова // Вестник Башкирского государственного университета. Серия: Романо-германская филология. – 2010. – Вып. 11. – С. 102–106.
7. Шихлы И. Кура неукротимая / И. Шихлы ; пер. с азербайджанского Б. Солоухина. – М.: Художественная литература, 1976. – 420 с.
8. Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Р. Ратмайр ; перевод с немецкого Е. Араповой. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.
9. Brown P. Speech / P. Brown. – Cambridge: Cambridge university Press, 1979. – P. 33–62.
10. Kang L., Do cognitive and affective expressions matter in purchase conversion? A live chat perspective / L. Kang, Ch.-H. Tan, J.L. Zhao // Journal of the Association for Information Science and Technology. – 2020. – Vol. 71. – Issue 4. – P. 436–449. DOI: 10.1002/asi.24254.
11. Ajabshir Z.F. The Effect of Teachers' Scaffolding and Peers' Collaborative Dialogue on Speech Act Production in Symmetrical and Asymmetrical Groups / Z.F. Ajabshir, F. Panahifar // Iranian Journal of Language Teaching Research. – 2020. – Vol. 8. – Issue 1. – P. 45–61.
12. Cousens Ch. Are ableist insults secretly slurs? / Ch. Cousens // Language Sciences. – 2020. – Vol. 77. – Article no. 101252. DOI: 10.1016/j.langsci.2019.101252.
13. Franco P.L. Speech Act Theory and the Multiple Aims of Science / P.L. Franco // Philosophy of Science. – 2019. – Vol. 86. – Issue 5. – P. 1005–1015. DOI: 10.1086/705452.
14. Johnson-Laird P.N. Possibilities as the foundation of reasoning / P.N. Johnson-Laird, M. Ragni // Cognition. – 2019. – Vol. 193. – Article no. 103950. DOI: 10.1016/j.cognition.2019.04.019.
15. Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J. Searle. – N.-Y.: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
16. Evans N. Nen assentives and the phenomenon of dialogic parallelisms / N. Evans // Practical Theories and Empirical Practice: A Linguistic Perspective. – 2012. – Vol. 40. – P. 159–183.
17. Gallo C.M. Building Discursive Identity: The Case of Question-Answer-Follow up System in Two Interviews / C.M. Gallo // Revue Roumaine de Linguistique – Romanian Review of Linguistics. – 2016. – Vol. 61. – Issue 3. – P. 265–284.
18. Wood A. Detecting Speech Act Types in Developer Question/Answer Conversations during Bug Repair / A. Wood, P. Rodeghero, A. Armaly, C. McMillan // Esec/Fse'18: Proceedings of the 2018 26th ACM Joint Meeting on European Software Engineering Conference and Symposium on the Foundations of Software Engineering. – New York: Assoc Computing Machinery, 2018. – P. 491–502. DOI: 10.1145/3236024.3236031.
19. Santana K.C. The ironic impoliteness speech act on digital social network Facebook / K.C. Santana // Soletas. – 2020. – Issue 39. – P. 50–77.
20. Abdel-Raheem A. How to do things with images: the editor, the cartoonist, and the reader / A. Abdel-Raheem // Intercultural Pragmatics. – 2020. – Vol. 17. – Issue 1. – P. 77–108. DOI: 10.1515/ip-2020-0004.
21. Ridao Rodrigo S. Expressive speech acts in the social network Facebook / S. Ridao Rodrigo // Onomazein. – 2020. – Issue 47. – P. 225–239. DOI: 10.7764/onomazein.47.10.
22. Corredor C. Deliberative speech acts: An interactional approach / C. Corredor // Language & Communication. – Vol. 71. – P. 136–148. DOI: 10.1016/j.langcom.2020.01.005.

FEATURES OF SPEECH ACTS IN “QUESTION-ANSWER” DISCOURSES

Dzhamalya F. Huseynova, Baku State University (Azerbaijan)

e-mail: sahiba.gasanova@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-26

Key words: *discourse, question – answer, speech act, monologic speech, dialogical speech, Azerbaijani linguistics.*

Question-answer discourses are revealed in the process of realization of dialogical and monological speech. Most often, in communication, which takes the form of a dialogue, one of the participants, or announcers, turns to the other with a question suggestion, while the second announcer answers this question. Use of interrogative sentences in the meaning of request, demand, order, etc. widely studied in linguistics. Recently, in the theory of speech acts interrogative sentences are presented as indirect speech acts. In Azerbaijani linguistics, the study of interrogative sentences in the light of the theory of speech acts, we can say, has not been conducted. Interrogative sentences in the Azerbaijani language were studied on the basis of factual material and theoretical propositions of traditional grammars, however, their communicative functions were not given due attention to their semantics, methods and means of expression (request, order, etc.; replacing interrogative meaning with imperative). The values expressed by interrogative sentences, communicative surprise, perplexity of the person asking the question, the corresponding reaction to the question being asked, the manifestation of speech acts in different aspects require clarification of speech acts, their meaningful features in the discussions on the question-answer problem.

Dialogue in the form of a question-answer allows one to judge the communicative intention of the speaker and the response of the respondent (understanding or misunderstanding of intention). In this case, the researcher, knowing the question and the answer to it, gets the opportunity to clarify the situation, referring to a specific example. In both direct and indirect speech acts, the communicative situation, communicative intention, background knowledge, presupposition reveal various forms of the basic and hidden meanings of interrogative sentences. Here, the idea that interrogative sentences express not only a request, a demand, but also a motivation is confirmed.

Thus, the study of the potential of speech acts in the form of an interrogative sentence in the context of numerous questions and answers, taking into account interpersonal and social relations of communicants, is very relevant.

References

1. Beljutina, Ju.A. *Pragmaticheskiye i sociolingvisticheskiye determinanty narusheniy v kommunikativnom akte izvineniya* [Pragmatical and sociolinguistic determinants of infringements in the communicative certificate of an apology]. *Kultura kak tekst* [Culture as the text]. Moscow, IYA RAN; Smolensk SGU Publ., 2007, issue 7, pp. 144-148.
2. Vezhbicka, A. *Rechevye akty* [Speech acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1985, issue 16, pp. 251-276.
3. Gordon, D., Lakoff, D. *Postulaty rechevogo obshheniya* [Postulates of speech communication]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1985, issue 16, pp. 276-302.
4. Zhinkin, N.I. *Vopros i voprositel'noe predlozhenie* [Question and question sentences]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1955, no. 3, pp. 22-34.
5. Konrad, R. *Voprositel'nye predlozheniya kak kosvennye rechevye akty* [Question sentences as indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1985, issue 16, pp. 349-383.
6. Tufanova, Yu.V. *Lingvisticheskaya vezhlivost' kak sposob sohraneniya balansa interesov kommunikantov v rechevoy situacii izvineniya* [Linguistic politeness as a way of conservation of balance of communicants' interests in a speech situation of an apology]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Romano-germanskaya filologiya* [Bulletin of Bashkir State University. A set: The Romano-Germanic Philology], 2010, issue 11, pp. 102-106.
7. Shihly, I. *Kura neukrotimaja* [Irrepressible Kura]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Puvl., 1976, 420 p.
8. Ratmayr, R. *Pragmatika izvineniya: sravnitel'noye issledovaniye na materiale russkogo yazyka i russkoi kultury* [The pragmatist of an apology: comparative research on a material of Russian language and Russian culture]. Moscow, Yazyki slavjanskoy kultury Publ., 2003, 272 p.
9. Brown, P. *Speech*. Cambridge, Cambridge university Press, 1979, 362 p.

10. Kang, L., Tan, Ch.-H., Zhao, J.L. Do cognitive and affective expressions matter in purchase conversion? A live chat perspective. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 2020, vol. 71, issue 4, pp. 436-449. DOI: 10.1002/asi.24254.
11. Ajabshir, Z.F., Panahifar, F. The Effect of Teachers' Scaffolding and Peers' Collaborative Dialogue on Speech Act Production in Symmetrical and Asymmetrical Groups. *Iranian Journal of Language Teaching Research*, 2020, vol. 8, issue 1, pp. 45-61.
12. Cousens, Ch. Are ableist insults secretly slurs? *Language Sciences*, 2020, vol. 77, article no. 101252, DOI: 10.1016/j.langsci.2019.101252.
13. Franco, P.L. Speech Act Theory and the Multiple Aims of Science. *Philosophy of Science*, 2019, vol. 86, issue 5, pp. 1005-1015. DOI: 10.1086/705452.
14. Johnson-Laird, P.N., Ragni, M. Possibilities as the foundation of reasoning. *Cognition*, 2019, vol. 193, article no. 103950. DOI: 10.1016/j.cognition.2019.04.019.
15. Searle, J. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. New-York, Cambridge University Press, 1969, 203 p.
16. Evans, N. Nen assentives and the phenomenon of dialogic parallelisms. *Practical Theories and Empirical Practice: A Linguistic Perspective*, 2012, vol. 40, pp. 159-183.
17. Gallo, C.M. Building Discursive Identity: The Case of Question-Answer-Follow up System in Two Interviews. *Revue Roumaine de Linguistique – Romanian Review of Linguistics*, 2016, vol. 61, issue 3, pp. 265-284.
18. Wood, A., Rodeghero, P., Armaly, A., McMillan, C. Detecting Speech Act Types in Developer Question/Answer Conversations during Bug Repair // *Esec/Fse`18: Proceedings of the 2018 26th ACM Joint Meeting on European Software Engineering Conference and Symposium on the Foundations of Software Engineering*. New York, Assoc Computing Machinery, 2018, pp. 491-502. DOI: 10.1145/3236024.3236031.
19. Santana, K.C. The ironic impoliteness speech act on digital social network Facebook. *Soletas*, 2020, issue 39, pp. 50-77.
20. Abdel-Raheem, A. How to do things with images: the editor, the cartoonist, and the reader. *Intercultural Pragmatics*, 2020, vol. 17, issue 1, pp. 77-108. DOI: 10.1515/ip-2020-0004.
21. Ridao Rodrigo, S. Expressive speech acts in the social network Facebook. *Onomazein*, 2020, issue 47, pp. 225-239. DOI: 10.7764/onomazein.47.10.
22. Corredor, C. Deliberative speech acts: An interactional approach. *Language & Communication*, vol. 71, pp. 136-148. DOI: 10.1016/j.langcom.2020.01.005.

Одержано 15.11.2019.

УДК 811.161.42

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-27

А.Р. ИСКЕНДЕРОВА,
*докторант кафедры азербайджанского языка
Гянджинского государственного университета (Азербайджан)*

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу различных функциональных стилей с позиции текста и дискурса. Для более точного различения текста и дискурса необходимо рассматривать их с точки зрения текстов, относящихся к различным функциональным стилям (художественный, научный, деловой). В лингвистике также различаются понятия письменного и устного дискурса. Отличие понятий текста и дискурса особенно четко проявляется именно в данном подходе. Если в тексте находит отражение только вербальная часть дискурса, то в устном дискурсе присутствуют и невербальные средства. Когда мы читаем такой текст, видим только суть вопроса. Анализ языковых единиц и формально-делового стиля микротекста позволяет выявить здесь особенности этого стиля. Сюда входит точность, ясность терминов, информативность, стандартизация, наличие клише, унифицированность языка, отсутствие образности, и т. д. Анализ дискурса часто основывается на «тексте», но необходимо учитывать, что текст отражает только часть дискурса, поскольку понятие дискурса гораздо шире, чем текст. Хотя в словесном дискурсе используются вербальные и невербальные средства, а невербальные средства не отражаются в письменном дискурсе (в тексте), в некоторых случаях они передаются словесными средствами. В языкознании различаются концепции письменного и устного дискурса. В данном подходе различие между понятиями текста и дискурса особенно очевидно. Хотя предпринимаются попытки дифференцировать дискурсы по функциональным стилям, они не совсем удаются. Если в теории функциональных стилей разграничиваются только несколько стилей, то нет никакой возможности сделать конкретную классификацию в теории дискурса, потому что классификация зависит от подхода исследователя. Это также подтверждается анализом функциональных стилей с точки зрения текста и дискурса.

Ключевые слова: текст, дискурс, функциональность, стиль, вербальная часть дискурса.

Статтю присвячено аналізу різних функціональних стилів з позиції тексту і дискурсу. Для більш точного розрізнення тексту і дискурсу необхідно розглядати їх з точки зору текстів, що належать до різних функціональних стилів (художній, науковий, діловий). У лінгвістиці також розрізняють поняття письмового та усного дискурсу. Відмінність понять тексту і дискурсу особливо чітко виявляється саме в цьому підході. Якщо в тексті знаходить відображення тільки вербальна частина дискурсу, то в усному дискурсі присутні й невербальні засоби. Коли ми читаємо такий текст, бачимо тільки суть питання. Аналіз мовних одиниць і формально-ділового стилю мікротексту дозволяє виявити особливості цього стилю. Сюди входить точність, ясність термінів, інформативність, стандартизація, наявність кліше, уніфікованість мови, відсутність образності тощо. Аналіз дискурсу часто ґрунтується «на тексті», але необхідно враховувати, що текст відображає тільки частину дискурсу, оскільки поняття дискурсу набагато ширше, ніж текст. Хоча в словесному дискурсі використовуються вербальні і невербальні засоби, а невербальні засоби не відображаються в письмовому дискурсі (в тексті), у деяких випадках вони передаються словесними засобами. У мовознавстві розрізняються концепції письмового та усного дискурсу. У цьому підході відмінність між поняттями тексту і дискурсу особливо очевидна. Хоча робляться спроби диференціювати дискурси за функціональними стилями, вони не зовсім вдаються. Якщо в теорії функціональних стилів розмежовуються тільки кілька стилів, то немає жодної можливості зробити конкретну класифікацію в теорії дискурсу, тому що класифікація залежить від підходу дослідника. Це також підтверджується аналізом функціональних стилів з точки зору тексту та дискурсу.

Ключові слова: текст, дискурс, функціональність, стиль, вербальна частина дискурсу.

Текст и дискурс в художественном тексте. Как известно, для более точного разграничения текста и дискурса их необходимо рассматривать в контексте текстов, относящихся к различным функциональным стилям (литературный, публицистический, научный, деловой). В данной статье в качестве примеров мы обратились к текстам из азербайджанской художественной литературы.

В качестве художественного текста возьмем отрывок из романа Юсуфа Самедоглу «День убийства»:

«Звезды были все еще одиноки – серое небо было бледным, свет то мерцал, казалось, он хотел погаснуть, то начинал ярко сиять. Ветер еще не дул, но иногда с двойной вершины дерева срывался звук, подобный приливной волне, кажется, что рядом было море, и в то же время от этого звука все вздрагивали. Все, кто были здесь, знали, что очень далеко, где-то на другом конце света ветер подымается со своего лежбища, яростно забьется в кромешной тьме Баба Кахи, выйдет оттуда, чтобы дать бой этому многострадальному миру, преодолевая пространство то тяжелыми шагами, то ползком, делая глубокие борозды в земле своими пудовыми якорями, завывая у подножия скал и гор. Кто бы ни был здесь, он слышал угрозы ветра, который, будучи еще очень далеко, готовился к прыжку: да чтоб вы все сгнули, о двуногие слуги божьи!» [1, с. 11]. **Рассмотрим этот отрывок (микротекст) с точки зрения дискурса.** Тема этого дискурса – «Лес и ветер». Основная идея – описать лес перед рассветом. Основная задача, стоящая перед автором, – передать надвигающееся чувство страха и опасности в тишине и молчании ночи.

Ключевые слова здесь – это серое небо, бледный свет, звуки, ветер, Баба Каха, многострадальный мир, двуногие слуги божьи.

Смысловые ряды составляют доминантную часть дискурса: автор именно так представляет предрассветный лес.

При просмотре этого отрывка с точки зрения текста возникает совершенно иная картина. Тема микротекста: «Ночь в лесу». Одной из главных особенностей микротекста является единство темы предложений. Помогает отделению одного микротекста от другого обращение от предыдущего предложения к последующему со смысловым вопросом. Если невозможно задать смысловой вопрос, это говорит о том, что микротекст заканчивается, и затем начинается новый микротекст, и подобные вопросы возможны уже внутри него.

Тематическое или смысловое единство микротекста указывает на то, что все включенные в него предложения связаны с развитием мысли, единством смысла, для формирования микротемы, которая конкретизирует предмет высказывания, и сосредотачивает свое внимание на нем.

В отличие от дискурса, текст можно рассматривать с точки зрения различных языковых уровней (фонетический, морфемный, лексический, морфологический, синтаксический): каждая языковая единица, используемая автором, имеет дополнительное значение. Например, много используются в этом тексте звуки «s», «z», «k» (*ulduzlar təkəmseyrək, boz sətada bozumtul sönmək istəyirdi, əsmirdi, vələs, səs, külək, kim, Kaha, kökünüz kəsilsin* и т.д.), большинство согласных – глухие.

Лексические уровни этого микротекста представлены в основном повторениями (*boz-bozumtul, gah-gah, səsina bənzər bir səs, par-par parıldamaq, çox-çox, ağır-ağır, sürünə-sürünə, daş-qaya, uğultu sala-sala*, и т.д.).

На морфологическом уровне преобладают глаголы (*özəlayir, sönmək istəyir, parıldamağa başlayır, əsmir, səs qopur, diksindir, qaldırır, gərnəşir, açır, hazırlaşır*, и т.д.). Прилагательные (*boz, bozumtul*) и существительные (*ulduzlar, işıq, külək, vələs, ləpə döyən, səs*, и т.д.) также выполняют художественную функцию наряду с лексической и морфологической функцией. Хотя в микротексте всего четыре синтаксические конструкции, слово «*külək*» используется в трех из них, подчеркивая ужасную задачу природного явления, которое еще не началось и готовится начаться, находясь еще очень и очень далеко.

Что касается синтаксической структуры микротекста, то стоит отметить, что структура и организация предложений служат общей цели. Микротекст состоит из четырех предложений, и четыре из них имеют вид сложных синтаксических структур. В них есть подчинительные и сочинительные связи, союзные и бессоюзные конструкции, которые органически взаимосвязаны и в конечном итоге образуют единую художественную интонацию.

Таким образом, идея текста отличается от идеи дискурса: автор, используя скрытые значения, позволяет читателю расширить границы материального мира и подняться на уровень идей, архетипов, форм мышления идей с глубокими мифологемами и культурными корнями. «Язык художественной литературы, по сути, является неким обобщенным выражением в историческом контексте литературного языка народа и в то же время тесно с ним связан» [12].

Важно отметить, что если язык художественной литературы имеет сходство с каждым употребляемым в языке функциональным стилем, то есть его можно отнести к определенному типу социальной активности и определенному типу сознания, то он характеризуется следующими признаками: 1) широко используются различные единицы языка, не являющиеся его «родными»; 2) отличается спецификой языковых норм от функциональных стилей; 3) прежде всего, особой эстетической функцией от функциональных стилей, которые в основном выполняют практические функции. Язык художественной литературы на уровне предложений позволяет определять не саму языковую единицу, а принципы выбора и организации языковых единиц в микротексте.

В лингвистическом контексте художественные микротексты отличаются возможностью свободного самовыражения автора, использованием им всех стилей языка, индивидуальной, нестандартной лексики и уникальным стилем собственного письма.

«Художественность» микротекста создается сочетанием словесных выражений и отмеченных на эксплицитном уровне, однако еще не готовых к осмыслению реципиентами эксплицитных дополнительных значений, за счет объединения «межстрочных» явлений. «Поэтические средства скрыты в морфологической и синтаксической структуре языка...» [15, с.12]. Они также находятся на фонетическом, морфемном, словарном и лексическом уровнях языка. Первоначальное проявление эстетической функции языка наблюдается во всех случаях, когда автор сознательно обращал внимание на форму выражения и в некоторой степени проявил оценочное отношение.

Образность является главной отличительной чертой языка художественной литературы и задачей, которая стоит перед автором. Именно поэтому язык выступает в качестве материала в художественной литературе. Основное отличие эстетической функции языка от его «практических» функций (общение, передача информации), состоит в том, что форма выражения не только передает то или иное содержание, но и привлекает внимание к себе, своему совершенству. «Практические» функции языка требуют работы с языковыми единицами для предоставления более ясной, точной и понятной информации. Эстетическая функция языка требует от читателя работы над языковыми единицами, чтобы суметь раскрыть красоту самого слова.

Анализ функциональных книжных стилей в микротекстах открывает совершенно иную картину коммуникативно-мотивированного текста. Каждая функция языка определяет тот или иной стиль выражения (точный, объективный, специфический, описательный, информативный, деловой). Соответственно, при использовании того или иного функционального стиля из литературного языка выбираются языковые единицы (слова и выражения, формы и конструкции), которые могут наилучшим образом выполнять внутренние задачи этого стиля. В учебниках для средней школы функциональные стили часто разъясняют посредством анализа лексического содержания, поскольку различия между ними более выражены в лексике. Вместе с тем каждый функциональный стиль представляет собой сложную систему, которая охватывает все уровни языка и характеризуется специфическими особенностями, которые создаются набором языковых единиц. Анализ отдельных образцов функциональных книжных стилей позволяет выявить специфику использования языковых единиц разных уровней в каждом функциональном стиле, а с другой стороны, – определить языковые единицы, используемые в двух или трех стилях. Проанализированный микротекст как первичный материал показывает все средства связи, все, что соединяет язык, и все приемы, позволяя читателю осознать целостность исходного материала, в конечном итоге «отметить» микротекст с определенным функциональным стилем и определенной коммуникативной ориентацией. Рассмотрение литературного текста как дискурса может быть упрощено

понятием «текст», поскольку только антропоцентрический аспект различает соотношение «автор – текст – читатель», но исследуются лингвоцентрический («язык-текст») и текст-центрический аспекты.

Если художественный отрывок в первую очередь следует рассматривать с точки зрения текста, то публицистический текст – это, в первую очередь, дискурс. Задача автора здесь состоит в том, чтобы донести информацию до читателя и повлиять на него.

Рассмотрим пример: «На мероприятии проректор Азербайджанской государственной академии изобразительных искусств Салхаб Мамедов и депутат Милли Меджлиса Ильхам Мамедов говорили о важности выставки. Было отмечено, что на выставке будет представлено более 150 работ до 60 мастеров кисти, членов Ассоциации творческих женщин. Говоря о значении и содержании выставленных произведений искусства, докладчики сказали, что посетители на недельной выставке смогут увидеть различные портреты по живописи, масляной живописи, акварели и декоративному искусству» [16].

Сначала рассмотрим этот материал как дискурс. Тема может быть названа «Выставка». Идея состоит в том, чтобы продвигать творчество женщин-художников. Автор хочет донести эту идею до своих читателей. Все описано конкретно и сжато. Это тоже одна из главных особенностей публицистики. Дискурс носит исключительно информативный характер. Позиция автора и отношение к происходящему остаются на заднем плане.

При изучении этого микротекста необходимо, прежде всего, обратить внимание на синтаксическую схему. Структура предложений показывает, что конструкции здесь более просты и текст является более информативным. Доминирует перечислительная интонация. В морфологическом отношении преобладают существительные и глаголы. Поскольку речь идет не о частной, а о коллективной выставке, для полноты информации следует добавить еще сведений. Элементов художественности здесь недостаточно.

С синтаксической точки зрения преобладают простые информативные предложения. Расширение предложений происходит за счет однородных членов предложения. Используются клише, публицистические штампы. Поэтому не чувствуется пафоса, патетики. Основной вопрос, стоящий перед информативным текстом: «кто, что, где, как и почему?». Когда дело доходит до ответа на вопросы, автор не выходит за рамки этой формы.

Теперь обратимся к официальному деловому тексту и возьмем в качестве примера преамбулу Закона Азербайджанской Республики «Об образовании»: «Настоящий Закон определяет основные принципы государственной политики и общие условия регулирования образовательной деятельности, а также другие ключевые правовые акты о конкретных этапах образования и другие нормативные правовые акты в области обеспечения прав граждан на образование, закрепленные в Конституции Азербайджанской Республики. Образование в Азербайджанской Республике является светским и непрерывным, стратегически важным приоритетом, отражающим интересы граждан, общества и государства. Образование в Азербайджанской Республике основывается на международных конвенциях по правам человека и других международных договорах, ратифицированных Азербайджанской Республикой, которые развивают и интегрируют образование в мировую систему образования на основе приоритета национально-нравственных и общечеловеческих ценностей» [17].

Особенностью закона является однозначное толкование, то есть здесь используются шаблонные выражения, определенные клише, и поскольку точка зрения толкуется однозначно, здесь не остается места комментариям. Поэтому официально-деловой текст можно рассматривать только с точки зрения дискурса. Каждый клише используется в зависимости от ситуации. Это ограниченная форма высказывания, то есть дискурсивная.

Соотношение дискурса, текста и речевых понятий уже давно является предметом обсуждения. Этот вопрос в контексте теории стиля рассматривают А. Гнатчук [18], В. Баранов [19], О. Обдалова [20], А. Киклевич [21], Н. Рябцева [22], М. Мамич [23], Д. Иванов [24] и др. Эти понятия иногда различают как письменный текст и устный дискурс. Однако это значительно ограничивает объем градации данного понятия. Основой для этого разделения является использование или не использование письма.

На основе этой дихотомии некоторые исследователи различают дискурс-анализ и лингвистику текста: «существует тенденция... проводить жесткое различие между дискурсом и речью. Это отражено даже в двух названиях дисциплин, которые мы изучаем – дискурс-анализ и лингвистика текста» [3, с. 1–32]. Этот подход не оправдывает себя в ряде случаев, поскольку существуют материалы, доступные как в письменной, так и в устной форме. Например, доклад можно рассматривать как письменный текст и публичное выступление (коммуникативное событие). М. Хои также отмечает невозможность точного различия между дискурсом и текстом: «Иногда это может скрывать сходство в организации устного и письменного слова» [3, с. 1–32].

До 1970-х в европейской лингвистике понятия текста и дискурса часто использовались как взаимозаменяемые понятия. Только в начале 1970-х гг. к этим понятиям добавили категорию ситуативности, чтобы их дифференцировать. Таким образом, было предложено интерпретировать дискурс как «ситуацию плюс текст», а текст – как «ситуацию плюс дискурс» [9, с. 65–76; 6, с. 239–253]. Здесь нашла свое отражение общая тенденция к пониманию дискурс-анализа, как более широкого подхода к изучению языкового общения. Для этого, с одной стороны, делается акцент на более устойчивые по сравнению с предложениями части речи, а с другой стороны, – проявляется необходимое внимание к контексту социальной ситуации.

Дискурс-анализ исследует социокультурные и интерактивные аспекты языкового общения, но это не означает, что его интересы ограничены диалогом: любой фрагмент языкового общения, включая и обычный письменный текст, можно практически рассматривать под этим углом зрения.

В большинстве функционально направленных исследований дискурс и текст почему-то противопоставляются друг другу по ряду критериев: функциональность-структурность, процесс-продукт, динамичность-статичность, актуальность-виртуальность. Соответственно, структурированный текст различается как продукт и функциональный дискурсивный процесс (text as product, discourse as process) [2, с. 24].

По словам Дж. Лич, дискурс реализуется через текст дискурса: «дискурс посредством сообщения» [4, с. 59]. Таким образом, из сформированных понятий предложение и текст относятся к первой группе, а фразы и дискурсы – ко второй группе [см.: 7, с. 9; 8, с. 11; 5, с. 187]. Если мы признаем, что первое относится к уровню языка, а второе – к уровню языкового общения, такое различие имеет смысл и методологически полезно.

Другое решение проблемы было сформулировано В.В. Богдановым [10; 11], который рассматривает речь и текст как два неравных аспекта дискурса. Подобный подход встречается и у европейских авторов.

Не каждая речь может быть «закодирована», как текст, и не каждый текст может быть озвучен [10, с. 3; 13, с. 225–227]. В результате под дискурсом понимается все, что может быть сказано и написано, то есть то, что есть одновременно «речевой материал» [14, с. 29], причем в любой репрезентации – голосовой или графической. Под текстом (в узком смысле слова) понимается «языковой материал, зафиксированный в форме письма (обычно фонографического или идеографического) на том или ином носителе. Таким образом, термины речи и текст будут в некотором роде относиться к дискурсу, который их объединяет» [11, с. 5–6]. Отметим, что эти термины не создают дихотомию, которая кажется очевидной для оппозиции.

Этот подход, конечно, заслуживает внимания. По крайней мере, здесь подчеркивается обобщенный характер дискурса, устраняются любые ограничения с монологом или диалогом, устными или письменными признаками. Использование дискурса как своего родового понятия в отношении таких понятий, как речь, текст и диалог, становится все более распространенным явлением в лингвистической литературе.

Использование термина *дискурс* в качестве центрального понятия, определяющего специфику парадигмы, также влияет на метанаучные традиции.

Дискурс и текстовые определения не могут быть синонимами. Хотя их смысловое содержание пересекается, они не совпадают и представляют собой разные понятия. Текст также можно рассматривать как результат дискурса. Если это так, то текст является результатом дискурса и хранителем дискурса.

Список использованной литературы

1. Самедоглу Ю. Избранные произведения / Ю. Самедоглу. – Баку: Шарг-Герб, 2005. – 423 с.
2. Brown G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 272 p.
3. Hoey M. The place of clause relational analysis in linguistic description / M. Hoey // English Language Research Journal. – 1983. – Vol. 4. – P. 1–32.
4. Leech G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London: Longman, 1983. – 245 p.
5. Mey J.L. Pragmatics: An Introduction / J.L. Mey. – Oxford; Cambridge: Willey-Blackwell, 1993. – 418 p.
6. Östman J. Discourse analysis / J. Östman, T. Virtanen // Handbook of Pragmatics Manual. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. – P. 239–253.
7. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 272 p.
8. Werth P. Focus, Coherence and Emphasis / P. Werth. – London: Croom Helm Publ., 1984. – 293 p.
9. Widdowson H.G. Directions in the teaching of discourse / H.G. Widdowson // Theoretical Linguistic Models in Applied Linguistics. – London: Longman, 1973. – P. 65–76.
10. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. – 88 с.
11. Богданов В.В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 68 с.
12. Виноградов В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
13. Горелов И.Н. Вопросы теории речевой деятельности. Психолингвистические основы искусственного интеллекта / И.Н. Горелов. – Таллин: Валгус, 1987. – 190 с.
14. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 427 с.
15. Якобсон Р.О. Избранные произведения / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.
16. В Союзе художников открылась летняя выставка [Электронный ресурс] // Азертадж. – 2017. – 7 августа. – Режим доступа: <http://azertag.az/xeber/> (последнее обращение 03.03.2020).
17. Закон Азербайджанской Республики об образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.gov.az/az/page/72/302/> (последнее обращение 03.03.2020).
18. Gnatciuc A. Identification of English Styles on the Basis of Parts of Speech: A Case of Principal Component Analysis and Factor Analysis / A. Gnatciuc, H. Gnatciuc // Glottometrics. – 2020. – Vol. 48. – P. 52–66.
19. Баранов В.А. Когнитивно-прагматические характеристики языка научно-академического дискурса теоретико-групповой статистической реконструктивной диагностики / В.А. Баранов, В.К. Кулешов, Г.В. Смирнов, И.О. Недавний // Язык и культура. – 2019. – Вып. 48. – С. 8–31. DOI: 10.17223/19996195/48/1.
20. Обдалова О.А. Когнитивно-прагматические и лингвостилистические характеристики англоязычного устного научно-академического дискурса / О.А. Обдалова, О.В. Харापудченко // Язык и культура. – 2019. – Вып. 46. – С. 102–125. DOI: 10.17223/19996195/46/6.
21. Киклевич А.К. Теория дискурса и стилистика / А.К. Киклевич // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – Вып. 4. – С. 3–10. DOI: 10.20339/PhS.4-18.003.
22. Рябцева Н.К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» / Н.К. Рябцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2018. – Т. 17. – Вып. 2. – С. 33–43. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.2.4.
23. Mamich M., Shevchenko-Bitenska O. Edia Practice Legislation: Lingo-Stylistic and Lingo-cultural Aspects (on the Ukrainian Week Text Material) / M. Mamich, O. Shevchenko-Bitenska // Lingua Montenegrina. – 2019. – Vol. 24. – P. 105–113.
24. Иванов Д.И. Проблема стиля и методологические стратегии М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева / Д.И. Иванов, Д.Л. Лакербай // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – Т. 53. – С. 194–206. DOI: 10.17223/19986645/53/13.

FEATURES OF VARIOUS FUNCTIONAL STYLES ANALYSIS FROM THE POINT OF VIEW OF TEXT AND DISCOURSE

Abida R. Iskenderova, Ganja State University (Azerbaijan)

E-mail: abida8981@mail.ru

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-27

Key words: *text, discourse, functionality, style, verbal part of the discourse.*

The article is devoted to the analysis of various functional styles in terms of text and discourse. For a more accurate distinction between text and discourse, it is necessary to consider them from the standpoint of texts relating to various functional styles (artistic, scientific, business). Linguistics also distinguishes between the concepts of written and oral discourse. The difference between the concepts of text and discourse is especially clearly manifested in this particular approach. If only the verbal part of the discourse is reflected in the text, then non-verbal means are also present in the oral discourse. When we read such a text, we see only the essence of the issue. An analysis of linguistic units and the formal-business style of microtext reveals the features of this style here. This includes accuracy, clarity of terms, informativeness, standardization, the presence of cliches, the unification of the language, the lack of imagery, and so on. Discourse analysis is often based on "text," but it must be borne in mind that the text reflects only part of the discourse, since the concept of discourse is much broader than text. Although verbal and non-verbal means are used in verbal discourse, and non-verbal means are not reflected in the written discourse (in the text), in some cases they are transmitted by verbal means. In linguistics, the concepts of written and oral discourse are distinguished. In this approach, the difference between the concepts of text and discourse is especially obvious. While the text contains only the verbal part of the discourse, non-verbal means are also included in the oral discourse. Although attempts are made to differentiate discourses according to functional styles, they do not quite work out. If only a few styles are distinguished in the theory of functional styles, then there is no way to make a concrete classification in the theory of discourse, because the classification each time depends on the approach of the researcher. This is also confirmed by the analysis of functional styles in terms of text and discourse. The use of discourse as a generic concept in relation to concepts such as speech, text, and dialogue is becoming more common in linguistic literature. Discourse analysis examines the sociocultural and interactive aspects of linguistic communication, but this does not mean that his interests are limited by dialogue: any fragment of linguistic communication, including ordinary written text, can be practically viewed from this angle.

References

1. Samedoglu, Yu. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Baku, Sharg-Gerb Publ., 2005, 423 p.
2. Brown, G., Yule, G. *Discourse Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, 272 p.
3. Hoey, M. The place of clause relational analysis in linguistic description. *English Language Research Journal*, 1983, vol. 4, pp. 1-32.
4. Leech, G.N. *Principles of Pragmatics*. London, Longman, 1983, 245 p.
5. Mey, J.L. *Pragmatics: An Introduction*. Oxford; Cambridge, Willey-Blackwell, 1993, 418 p.
6. Östman, J., Virtanen, T. Discourse analysis. *Handbook of Pragmatics Manual*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1995, pp. 239-253.
7. Stubbs, M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Chicago, University of Chicago Press, 1983, 272 p.
8. Werth, P. *Focus, Coherence and Emphasis*. London, Croom Helm Publ., 1984, 293 p.
9. Widdowson, H.G. Directions in the teaching of discourse. *Theoretical Linguistic Models in Applied Linguistics*. London, Longman, 1973, pp. 65-76.
10. Bogdanov, V.V. *Rechevoe obshhenie. Pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [Speech communication. Pragmatic and semantic aspects]. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta Publ., 1990, 88 p.
11. Bogdanov, V.V. *Tekst i tekstovoe obshhenie* [Text and text communication]. Saint Petersburg, SPbSU Publ., 1993, 68 p.
12. Vinogradov, V.V. *O teorii hudozhestvennoy rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971, 240 p.
13. Gorelov, I.N. *Voprosy teorii rechevoj dejatel'nosti. Psiholingvisticheskie osnovy iskusstvennogo intellekta* [The field of speech activity theory. Psycholinguistic bases of artificial intelligence]. Tallin, Valgus Publ., 1987, 190 p.
14. Shcherba, L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost* [Language system and speech activity]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 427 p.

15. Jakobson, R.O. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1985, 455 p.
16. *V Sojuze hudozhnikov otkrylas letnyaya vystavka* [The Union of Artists opened a Summer Exhibition]. *Azertadzh* [Azertac]. 2017, August 7. Available at: <http://azertag.az/xeber/> (Accessed 03 March 2020).
17. *Zakon Azerbajdzhanskoj Respubliki ob obrazovanii* [The Law of the Republic of Azerbaijan on Education]. Available at: <http://edu.gov.az/az/page/72/302/> (Accessed 03 March 2020).
18. Gnatciuc, A., Gnatchuk, H. Identification of English Styles on the Basis of Parts of Speech: A Case of Principal Component Analysis and Factor Analysis. *Glottometrics*, 2020, vol. 48, pp. 52-66.
19. Baranov, V.A., Kuleshov, V.K., Smirnov, G.V., Nedavniy, I.O. Cognitive-Pragmatic Characteristics of the Language of Scientific and Academic Discourse of Group-Theoretic Statistical Reconstructive Diagnostics. *Yazyk i Kultura – Language and Culture*, 2019, issue 48, pp. 8-31. DOI: 10.17223/19996195/48/1.
20. Obdalova, O.A., Kharapudchenko, O.V. Cognitive Pragmatic and Linguistic Characteristics of English Scientific Academic Discourse. *Yazyk i Kultura – Language and Culture*, 2019, issue 46, pp. 102-125. DOI: 10.17223/19996195/46/6.
21. Kiklewicz, A.K. Discourse & Stylistics. *Filologicheskie Nauki. Nauchnye Doklady Vysshei Shkoly – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2018, issue 4, pp. 3-10. DOI: 10.20339/PhS.4-18.003.
22. Riabtseva N.K. Academic Paper Titles and their Dominating Patterns: A Russian-English Perspective. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2 – Yazykoznanie*, 2018, vol. 17, issue 2, pp. 33-43. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.2.4.
23. Mamich, M., Shevchenko-Bitenska, O. Edia Practice Legislation: Lingo-Stylistic and Lingocultural Aspects (on the Ukrainian Week Text Material). *Lingua Montenegrina*, 2019, vol. 24, pp. 105-113.
24. Ivanov, D.I., Lakerbai, D.L. The Style Problem and Methodological Strategies of M.M. Bakhtin and A.F. Losev. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2018, vol. 53, pp. 194-206. DOI: 10.17223/19986645/53/13.

Одержано 12.12.2019.

УДК 811.112'373.3:392.71
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-28

I. I. KOVAL,
*Doktorin, Oberlehrerin am Lehrstuhl
für Deutsche Philologie
Nationale Linguistische Universität Kyjiw*

DIE KONZEPTUALISIERUNG DER MENSCHENSCHÖNHEIT MIT DEN PHRASEOLOGISCHEN EINHEITEN DER DEUTSCHEN SPRACHE

Статтю присвячено дослідженню концептуалізації краси людини фразеологічними одиницями сучасної німецької мови. У фразеологічних одиницях відображається наївна картина світу, закріплені пам'ять та історія народу, його досвід пізнавальної діяльності, світогляд та психологія. Концепт SCHÖNHEIT нерозривно пов'язаний з поняттям зовнішності, поведінки, внутрішнього світу людини.

SCHÖNHEIT є базовим етнокультурологічним концептом німецької лінгвокультури, зміст якого постійно змінюється, доповнюється та розширюється: від розуміння краси як явища, притаманного виключно богам, фараонам, а також людям, до краси, властивої природі, одягу, спорудам. У сучасній німецькій лінгвокультурі краса сприймається як зовнішня форма – обличчя, одяг, приміщення, предмети побуту, предмети інтер'єру. Відбулося зрушення у системі у національно-культурних цінностей та, власне, у розумінні краси: зміщення від «красивий–божественний–світлий–унікальний» до «красивий–стрункий–спортивний–посередній».

Вибірка одиниць фактичного матеріалу здійснювалася відповідно до широкого тлумачення обсягу фразеології, тобто під фразеологічними одиницями розуміється не лише ідіоматика – центр фразеології, а й периферійні типи фразеологічних одиниць, зокрема ті, що мають структуру речення.

У розвідці для вивчення усталених виразів, які вербалізують концепт SCHÖNHEIT використано такі методи як фразеологічний аналіз, компонентний та інтерпретативний аналіз, метод фразеологічної ідентифікації та метод структурно-семантичного моделювання.

У результаті проведеного дослідження було встановлено, що підґрунтям концепту SCHÖNHEIT у німецькій мові є знання етносу про красу з позитивною естетичною оцінністю. Реконструйовано культурний архетип концепту SCHÖNHEIT у німецькій мові, а саме: міфічні образи (Афродіти, грацій, Вота-на, берсерків, Адоніса), біблійні (Марії, ангелів). Стереотипні ознаки краси як позитивної естетичної оцінності в німецькій мові тотожні войовничому духу, фізичній силі, високому зросту, міцній статури та стрункій фігурі.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, лінгвокультура, концепт, архетип, стереотип.

Der Artikel ist der Untersuchung der Konzeptualisierung menschlicher Schönheit mit den phraseologischen Einheiten des modernen Deutsch gewidmet. Phraseologische Einheiten widerspiegeln das naive Bild der Welt, das Gedächtnis und die Geschichte der Nation, ihre Erfahrung, Weltanschauung und Psychologie. Das Konzept SCHÖNHEIT ist untrennbar mit dem Begriff des Aussehens, des Verhaltens und der inneren Welt des Menschen verbunden.

SCHÖNHEIT ist das zentrale ethnokulturelle Konzept der deutschen Linguokultur, dessen Inhalt sich ständig ändert, ergänzt und erweitert: vom Verständnis der Schönheit als Phänomen, das nur Göttern, Pharaonen und Menschen eigen ist, bis zur Schönheit der Natur, Kleidung und Gebäuden. In der modernen deutschen Linguokultur wird Schönheit als äußere Form wahrgenommen – Gesicht, Kleidung, Haushalts- und Einrichtungsgegenstände. Man beobachtet die Verschiebung im System der nationalen kulturellen Werte und eigentlich im Verständnis von Schönheit: die Verschiebung von „schön-göttlich-hell-einzigartig“ zu „schön-schlank-sportlich-durchschnittlich“.

Das Material wurde gemäß einer breiten Interpretation des Umfangs der Phraseologie ausgesondert, d.h. unter phraseologischen Einheiten wird nicht nur Idiomatik verstanden – das Zentrum der Phraseologie, sondern auch periphere Arten von phraseologischen Einheiten.

Bei der Untersuchung der Phraseologismen, die das Konzept SCHÖNHEIT verbalisieren, wurden solche Methoden wie phraseologische Analyse, Komponenten- und Interpretationsanalyse, Methode der phraseologischen Identifizierung und struktur-semantische Modellierungsmethode verwendet.

Es wurde festgestellt, dass die Grundlage des Konzepts SCHÖNHEIT die Kenntnis des deutschen Ethnos über Schönheit mit einer positiven ästhetischen Bewertung ist. Der kulturelle Archetyp des Konzepts SCHÖNHEIT in deutscher Sprache wurde rekonstruiert, nämlich: mythische Bilder (Aphrodite, Grazien, Wotan, Berserker, Adonis), biblische (Maria, Engel). Die stereotypen Merkmale von Schönheit als positive ästhetische Bewertung in deutscher Sprache korrelieren mit dem kriegerischen Geist, der körperlichen Stärke, der hohen Statur, dem starken Körperbau und der schlanken Figur.

Schlüsselwörter: phraseologische Einheit, Linguokultur, Konzept, Archetyp, Stereotyp.

SCHÖNHEIT ist eines der zentralen Konzepte der deutschen Linguokultur, uns stellt eine universelle Kategorie dar, weil es für die meisten Völker der Welt universell und gleichzeitig national-spezifisch ist. Von großem Interesse ist die Untersuchung der Aktualisierung vom Konzept SCHÖNHEIT im phraseologischen Weltbild, weil die phraseologischen Einheiten, die das Konzept SCHÖNHEIT verbalisieren, nationale Stereotype bezeichnen, Geschichte, Kultur, Leben der Menschen widerspiegeln.

Viele ukrainische und ausländische Kulturwissenschaftler, Sprachwissenschaftler und Philosophen befassen sich mit dem Thema Schönheit, Geschichte der Schönheit, Menschenschönheit: U. Eco, W. Menninghaus, T. Macho, G. Pöltner, W. Posch, T. Siebers, E.V. Dovganuk, I.A. Zhivitska, Yu.V. Meshcheryakova, I.Yu. Pidgorodetska, O.M. Tsapok, L.F. Shcherbachuk und andere.

Das Ziel des Artikels besteht darin, die phraseologischen Einheiten, die Menschenschönheit bezeichnen zu untersuchen. Um das Ziel zu erreichen soll man folgende Aufgaben lösen: die Rolle des guten Aussehens in der modernen deutschen Kultur bestimmen, die modernen Vorstellungen über einen idealen Mann und eine ideale Frau beschreiben, die phraseologischen Einheiten, die die Menschenschönheit bezeichnen, analysieren.

Volksmund besagt, Schönheit sei subjektiv, dennoch behaupten einige Forscher, dass die Schönheit oder sogar die physische Attraktivität eines Menschen gemessen und berechnet werden können. Das bedeutet, dass es allgemeingültige Schönheitsmerkmale gibt, die alle Menschen unabhängig von ihrer Kultur und den damit verbundenen Schönheitsidealen, ihrem sozialen Status, ihrem Alter oder ihrem „persönlichen Geschmack“ als attraktiv empfinden [1, S. 2]. Gleichzeitig existieren die Schönheitsvorlieben, die gerade für diese oder jene Nation typisch sind.

Gutes Aussehen steigert den wirtschaftlichen Erfolg und hat positive Auswirkung auf die individuelle Lebenszufriedenheit [2]. Schöne Menschen haben materielle Vorteile, weil ihr Aussehen auf dem Arbeitsmarkt geehrt wird. Diesen Zusammenhang belegt eine neue Studie, die beim Institut zur Zukunft der Arbeit (IZA) im Jahr 2011 erschienen ist. Anhand von umfangreichen Daten aus Deutschland, Großbritannien, Kanada und den USA verdeutlicht die Untersuchung die Wechselwirkungen zwischen fremd beurteilter Schönheit und selbst empfundener Lebenszufriedenheit [3].

Es ist bekannt, dass ein besonderes Merkmal der Phraseologie die Betonung der meist relevanten Charakterzügen oder Eigenschaften des Menschen ist. Deswegen widerspiegelt Phraseologie einige Stereotype über Schönheit [4, S. 134], vor allem des Äußeren. Die modernen Studien in der Phraseologie von Urazayeva N.R. und Morozov E.A. [5], Khrabrova V.E. [6], Ljubimova N. [7], Staniewski P. [8], Gilyazeva E.N. [9], Holzinger H. [10] beweisen, dass Phraseologismen die wichtigsten Züge des Bewusstseins, die Lebensbedingungen einer Linguokultur betonen.

Die Forschung wird durch die unzureichende Kenntnis des Problems der wirklich funktionierenden Bilder des Bewusstseins von Vertretern englischer und deutscher ethnischer Gruppen bestimmt

Eine positive ästhetische Bewertung stützt sich auf einer positiven sensorischen Bewertung, die mit der visuellen Wahrnehmung verbunden ist, sowie auf einer positiven emotionalen Bewertung, die den psychologischen Zustand einer Person widerspiegelt, die von Schönheit, Attraktivität usw. fasziniert ist. Das ästhetische Gefühl ist also der Gesichtssinn. Das Sehen als der Hauptweg der ästhetischen Wahrnehmung wird durch solche Wendungen der deutschen Sprache ausgedrückt: *auf j-n, etw. ein Auge geworfen haben* [11, S. 56], *die Augen auf sich ziehen* [11, S. 56], *j-n, etw. mit den Augen verschlingen* [11, S. 59], *j-n des Augenlichtes berauben* [11, S. 60].

In jeder Kultur gibt es Vorstellungen darüber, wie ein idealer Mann und eine ideale Frau sein sollen. Sie umfassen Stereotypen, die sich in der Gesellschaft aufgrund ihres Wertesystems gebildet haben. Z.B., das ästhetische Ideal einer Frau in den Gemeinschaften, in denen der höchste Wert die Familie und die Fähigkeit einer Frau Kinder zu gebären ist, wird äußerliche Hinweise auf diese Fähigkeit enthalten. Ein charakteristisches Merkmal davon ist die mittelalterliche Silhouette einer weiblichen Figur mit rundem Bauch, wie die zahlreichen Kunstwerke jener Zeit belegen.

Um die ästhetische Bewertung zu äußern wendet man sich an die mythologischen und biblischen Gestalten, die die perfekte Schönheit symbolisieren: *Aphrodite, Adonis, Grazien, Maria, Engel*.

In der griechischen Mythologie versinnbildlicht **Adonis** Schönheit und Vegetation. In der modernen deutschen Publizistik wird Adonis in der Bedeutung eines schönen Mannes in folgenden Wendungen verwendet: *wie ein Adonis aussehen / ausschauen / wirken, ein Adonis sein*, z.B.: „Costa [Costa Cordalis] war immer ein absolut liebenswerter, netter und höflicher Mensch. Als er ihn einst kennengelernt habe, habe er gedacht: „Wow, sieht der gut aus. Wie ein Adonis“ (Spiegel-Online, 04.07.2019); *Er hatte keinen Job, und weil er „so jung und hübsch wie ein Adonis war“, fing er an, „Damen zu begleiten“* (Die Tageszeitung, 19.05.2016).

Aphrodite ist die griechische Göttin der Liebe und der Schönheit und steht für Geburt, Leben, Tod, Zeit und Schicksal. In ihr vereinen sich die Archetypen der Jungfrau, der Frau und der weisen Alten. Unter vielen Namen wurde sie in den unterschiedlichsten Ländern verehrt, wie zum Beispiel als Venus, Moira, Astarte [12, S. 99]. Dichter besangen die Schönheit ihres Gesichtes und ihres Körpers, goldene Farbe ihres Haares, leuchtende Augen und zarte Haut.

In der deutschen Sprache gibt es drei Wendungen, die sich auf das Bild der Aphrodite beziehen: *eine Venus ist schön, sollte sie auch in Lumpen gehen* [13, S. 1524]; *einer Frau den Apfel reichen* [13, S. 1140]; *aphroditische Schönheit (schön wie Aphrodite)* [14]: „Jede Menge Sonnenuntergänge. Ein prächtiger, schwarzer Wind-in-der-Mähne-Hengst, der über die Strandhügel galoppiert. Eine nackte Frau, schön wie Aphrodite, die den Schaumkronen der Meereswellen entsteigt“ (Süddeutsche Zeitung, 11.10.2007).

Die Idee der Anmut oder Grazie hat eine sehr lange Tradition. In der Antike wurde die Anmut durch die **drei Grazien** versinnbildlicht. Sie hießen *Euphrosyne* (Frohsinn), *Thalia*, die auf Üppigkeit der wachsenden Früchte verwies, und *Aglaia* (Pracht, Glanz). Das bedeutet: Die Anmut achtet das Augenscheinliche, sie hat einen Sinn für sichtbaren Glanz und äußere Pracht. Anmut zeigt sich in Fröhlichkeit, du hat etwas Großzügiges, Verschwendisches an sich [15, S. 56].

In der deutschen Sprache existiert die Wendung *die Grazien haben nicht an seiner Wiege gestanden*: sie haben ihm nicht die Eigenschaften als Patengeschenk verliehen, wodurch sie sich selbst auszeichnen: Anmut und Liebreiz. Gewöhnlich braucht man diese fast nur literarische Redensart nicht nur, um den Mangel angenehmer Gaben auszudrücken, sondern geradezu, um einen hässlichen oder groben, unhöflichen Menschen zu bezeichnen [16, S. 580]. Im modernen Deutsch verliert das Bild der Grazien nicht an der Bedeutung, z.B.: „Die vier Totems stehen in der Nähe des Belfrieds, nur wenige Schritte weiter tanzen drei Grazien, und vor dem Museum für Schöne Künste, dem Bam, stehen der Nana-Brunnen und das Nana-Haus II“ (Nürnberger Nachrichten, 15.11.2018).

Besonders hervorzuheben ist das Lexem **Maria** – der Name der Jungfrau Maria, das in deutscher Sprache die metaphorische Bedeutung von „einer Frau, die die Verkörperung von Keuschheit und Ergebenheit ist“ erhält. Darüber hinaus gibt es die Auferlegung eines zusätzlichen peripheren Sems ‚göttlich‘, so dass Maria eine Frau von göttlicher Schönheit ist.

Die Vorstellung von **Engeln** als unschuldige, sündenlose, absolute Schönheit entstand im Mittelalter und in der frühen Renaissance. Das sind Wesen, die vom Gott ausgesandt werden um mit den Menschen in Verbindung zu treten und ihnen eine Botschaft zu überbringen. Die Engel werden als überirdische Wesen beschrieben. Sie stehen gehorsam als „dienstbare Geister“ und „starke Helden“ Gott zur Verfügung. Ausgestattet sind sie mit tiefen Einsichten und großen Vollmachten [17, S. 127]. Im modernen Deutsch ist die Engelschönheit noch aktuell: „Als Herbert Kollak nach einem Date, das ihn nicht berührt, wieder auf den Heimweg ist, gehen vor ihm zwei Frauen. Eine von beiden „hat ein Gesicht wie ein Engel“, erzählt er. „Da habe ich mich sofort verknallt“ (Nürnberger Nachrichten, 20.11.2014).

Man unterscheidet himmlische und alltägliche Schönheit, für die nicht nur attraktives Äußeres, sondern auch das Verhalten, die Kommunikation, innere Eigenschaften relevant sind, die die Mängel des Äußeren aufwiegen können, z.B. die PhE *ein wahrer Engel* [11, S. 179], die die

Verbindung vom Ethischen und Ästhetischen, vom Inneren und Äußeren verbalisiert. Das korreliert mit dem Verständnis des Schönen von griechischen Ästhetikern, die der Meinung waren, „dass diejenigen Menschen schöner anzusehen wären, bei denen gute Eigenschaften durchscheinen“. Schönheit ist also ein Merkmal des guten Charakters [18, S. 7].

Überall auf der Welt herrscht das einzige Bild von vollkommener Schönheit als Schlankheit, wie die von den Medien vermittelt wird. Unabhängig vom sozialen Stand wird Deutschland immer schlanker und faltenfreier. Der Grund für die abnorme Vorstellung vom Ideal des Körpers liegt nicht einmal in den Covers von Hochglanzmagazinen, auf denen man schlanke Models sieht. Fett zu sein bedeutet für die Deutschen, faul und uninitiativ zu sein, schlank zu sein, ist im Gegenteil mit Disziplin, Selbstkontrolle und einer aktiven Lebensposition verbunden. Schlanke Menschen gelten sofort als diszipliniert, da sie ihre Ernährung kontrollieren und regelmäßige Sport treiben.

Körperliche Unversehrtheit, körperliche Funktionstüchtigkeit und körperliche Attraktivität gelten als Grundvoraussetzungen eines gelungenen Lebens, das am gesellschaftlichen Aufstieg orientiert ist, so Waltraud Posch. Der Körper ist momentan Ausdrucksmittel nicht nur der Platzierung eines Menschen in der Gesellschaft, sondern auch der Persönlichkeit, der Individualität und der Kreativität. Schönheit gilt jetzt als Spiegel der Selbstoptimierung und der Zurschaustellung eines gelungenen, eines am Aufstieg orientierten Lebens [19, S. 11–12].

Gute Figur spielt heute eine äußerst wichtige Rolle, wovon auch das Vorhandensein der PhE mit der Bedeutung „sehr schlank sein“ zeugt.

Zu den häufigsten PhE gehören: *(absolut) fit (sein)* [16, S. 453], *rank und schlank (gewachsen) sein* [20, S. 45], z.B.: „Mit dem Kleidchen, das Heidi Klum ... getragen hat, dürften alle Baby-Gerüchte vom Tisch sein: Rank, schlank und mit eng geschnürter Taille präsentierte sich die Germany's Next Topmodel-Gastgeberin am Arm ihres Verlobten Tom Kaulitz“ (Dolomiten, 28.02.2019).

Große Häufigkeit weisen auch die PhE *schlanke Linie (haben)* [21, S. 124], *auf schlanke Linie achten* [21, S. 124] und ihre Modifikationen *Wert auf schlanke Linie legen, schlanke Linie halten / behalten* auf, z.B.: „Wer auf seine schlanke Linie achten will, für den gibt es Möglichkeiten des Heilfasten nach Buchinger oder spezielle Diät-Kurse mit Ernährungsberatern“ (Berliner Kurier, 05.02.2017).

Nicht nur die Schlankheit, sondern auch proportionierter Körperbau ist für die Vertreter der deutschen Linguokultur von Bedeutung. Das spiegelt sich in den PhE *ideale Maße (haben)* [20, S. 45] und *gute Proportionen (haben)* [20, S. 45], z.B.: „Mit 1,55 Meter und 51,4 Kilo hat sie ideale Maße für die Sportart, die turnerisches Können, Mut, Kraft und Ausdauer verlangt“ (Berliner Morgenpost, 09.02.2016).

Unter den PhE, die das Konzept SCHÖNHEIT aktualisieren, sind sehr häufig Vergleiche mit Tieren und Pflanzen, und auch mit Gegenständen aus der realen Welt. Die stehenden Vergleiche sind zum überwiegenden Teil umgangssprachlich. Phytonyme und Zoonyme haben außer ihren nominativen Bedeutungen noch eine symbolische Bedeutung und widerspiegeln die Eigenart des Weltbildes der Nation. So, nennt man eine schlanke Person *schlank wie ein Reh (sein)* [20, S. 45], *schlank wie eine Tanne (sein)* [20, S. 45], *gerade (gewachsen) wie eine Tanne (sein)* [20, S. 45], *sie ist schlank wie die Pinie* [11, S. 108], *schlank wie eine Gerte sein* [Redensartenindex], *gertenschlank (sein)* [22], z.B.: „Die war nämlich schlank wie ein Reh. Braune Augen, schwarze Haare, die Haut aus Elfenbein“ (Jüdische Allgemeine, 18.04.2019).

Die grundlegenden Konzepte bilden sich entsprechen den kulturellen Archetypen, die die kulturellen Vorstellungen wiedergeben, die in den mythologischen Bildern und Motiven, in den religiösen Lehren, in den von den Philosophen verallgemeinerten nationalen Ideen gespeichert sind. So sonderet K. G. Jung als der grundlegenden kulturelle Archetyp der deutschen Linguokultur das Bild von **Wotan** aus. Der Gott Wodan (auch Wotan) ist bis heute der bekannteste Vertreter germanischer Religion [23, S. 121]. Dieser Archetyp ist heute noch für die ästhetische Attraktivität des Menschen aktuell: „Stefan Johansson sieht aus wie ein Wikinger groß und wild, seine langen blonden Haare und sein roter Zopfbart machen das Bild perfekt. Wenn er aber anfängt zu singen und zu spielen, spürt man, wie er seinen Zauber entfaltet, der aus Charme, Humor und Empathie besteht“ (Nordbayerischer Kurier, 17.05.2017); „Ein echter Wikinger, groß, mit blondem Bart und riesigen Augen hinter dicken Brillengläsern, seine Schirmmütze zieht er auch drinnen nicht aus“ (BRIGITTE Woman, 01.12.2017).

In den oben angeführten Beispielen ist der Mann dank seinem Äußeren und zwar dank großer Körperhöhe und kräftigem Körperbau mit einem Wikinger verglichen, dass als positive ästhetische Bewertung betrachtet wird. Dieser Stereotyp hat eine lange Tradition und ist mit den kriegerischen Stimmungen der altgermanischen Völker verbunden. Das hat sich in den PhE mit der Bedeutung „ein großer, kräftiger Mann mit eisernen Muskeln“ gespiegelt: *so groß wie das Heidelberger Faß sein* [24, S. 330], *ein Kerl wie ein Baum (sein)* [24, S. 405], *ein Mann / Kerl wie ein Kleiderschrank* [24, S. 414], *ein richtiger Kleiderschrank sein* [24, c. 414], *ein Riese von einem Mann* [20, S. 47].

Der Bär ist ein wichtiges Symbol in verschiedenen in der ganzen Welt. Bei den alten Griechen und Römern galten Bärinnen als Symbol der Mutterliebe. Man glaubte, dass sie durch ihr ständiges Lecken und Putzen die unförmigen Jungen „in Form brächten“ und nur durch ihre Anstrengungen kleine Bären entstünden. Dieser Glaube der Antike ging in die christliche Symbolik über: Der Mensch kann durch eigene Anstrengungen die Umwandlung zum gottgefälligen Christenmenschen erreichen. Auch die Tatsache, dass der Bär im Herbst in der Erde verschwindet, um im Frühjahr wieder verjüngt zu erscheinen, wurde zum Symbol von Auferstehung und Erlösung. Die Germanen dielten ihn sogar für den König **der Tiere**. Bei ihnen waren in Bärenfell gekleidete Krieger, die Berserker, wegen ihrer Wildheit und Kraft gefürchtet. Beowulf, der Held der keltischen Sage, ist der Sohn eines Bären und einer Menschenfrau [25, S. 7]. In den skandinavischen Mythen assoziierte man den Bären mit dem Gott Wodan. Infolgedessen entstanden Phraselogismen mit der Bedeutung „extrem stark sein“, die die Komponente *Bär* enthalten: *stark wie ein Bär sein* [20, S. 47], *eine Bärennatur haben* [20, S. 47], *Bärenkräfte haben* [24, S. 442], *Kräfte wie ein Bär haben* [24, S. 442], *Kraft / Kräfte wie ein Berserker haben* [24, S. 442], *ein richtiger / rechter Bär sein* [24, S. 59] und *ein Kerl / Mann wie ein Bär* [24, S. 405]. Die oben angeführten PhE haben positive ästhetische Bewertung, weil sie nicht nur auf die Kraft und Macht, sondern auch auf große Körperhöhe und kräftigen Körperbau hinweisen: „*Mohammed Jaber, ein Mann wie ein Bär, zwei Meter groß und mit Händen so breit und kräftig, dass er jemandem damit den Hals umdrehen könnte*“ (Badische Zeitung, 09.08.2017).

Das nächste Merkmal der Schönheit als positive ästhetische Bewertung gilt die Qualität und Farbe der Haare. Für den Kulturanthropologen und Kulturethologen sind Kopf und Haare von besonderem Interesse, denn mit Kopf und Haaren sind eine besondere Faszination und sogar Zauberkraft verbunden. In manchen Kulturen wird der Verlust der Haare als ernste Bedrohung des Lebens aufgefasst [26, S. 196].

Schöne Haare assoziiert man mit Glanz und Glattheit, wie in der PhE *Haar (weich) wie Seide* [20, S. 45] und ihrer Modifikation *seidenes Haar*, z.B.: *Es klopft an der Tür. Jungfrau Maria. Kurzer Rock, High Heels, Haar wie Seide* (Berliner Zeitung, 21.11.2015).

Die Popularität der hellen Farbe kann auch historisch erklärt werden. In Geschichten und Märchen, die heute noch erzählt werden, gibt es Hinweise auf den Zauber von Haaren, vor allem auf den von blonden Haaren. Der Blondkult ist allerdings nicht ganz so neu. Blond symbolisierte Unschuld und Güte, Fruchtbarkeit, Stärke, Makellosigkeit und Wert. Die seit jeher begehrte Haarfarbe Blond galt speziell bei den alten Griechen als „göttliche Haarfarbe“ [26, S. 196–197].

Obwohl die Haarfarbe bei den germanischen Frauen alle Schattierungen vom Dunkelrot bis zum hellsten Strohgelb aufwies, galt das germanische Blondhaar in Rom für äußerst schön. Darum bemühte sich die vornehme Weiblichkeit Roms, ein deutsches Blond durch Färben zu erzielen. Ebenso waren Perücken stark verbreitet. Der Germane liebte blond, und wo ihm die Natur diese Farbe versagt, da färbte er sein Haar mit einer Seife von Buchenasche und Ziegentalg. Blond waren die Blüten holder Weiblichkeit in allen Dichtungen des Mittelalters, schwarz und rot die Bösewichter beider Geschlechts [27, S. 18].

Ebenso wurde die perfekte weibliche Schönheit immer mit blondem Haar in Verbindung gebracht. Die Kunstgeschichte beweist dies: Wenn ein Künstler eine Frau von überirdischer Schönheit darstellen wollte, war sie immer eine Frau mit langen, blonden Haaren, sei es die Göttin der Liebe Aphrodite oder die Jungfrau Maria, Eva oder eine Nymphe oder Muse. Blond wurde als die perfekte Farbe angesehen, selbst in Kulturen, deren Bevölkerung dunkelhaarig war. Zum Beispiel ist Maria, eine Frau aus dem Nahen Osten, offensichtlich dunkelhaarig, wird aber überall als Blondine dargestellt. Blondes Haar ist auch mit Reinheit, Unschuld, Jugend sowie Sinnlichkeit und Erotik verbunden.

Nehmen wir, beispielsweise, die PhE *blondes Gift* „blonde, verführerische Frau“. Umfragen haben ergeben, dass blonde Frauen die Männer noch immer am meisten reizen. Filmstars und -ido-

le sind oft blond, vor allem, wenn sie in männerbetörenden Rollen auftreten wie z.B. Marlene Dietrich oder Marilyn Monroe [16, S. 269]. In der modernen Publizistik wird die PhE *ein blondes Gift* vorwiegend mit negativer Konnotation verbunden, um junge, schöne, verführerische, manchmal gewinnsüchtige Frauen zu bezeichnen. Manchmal wird aber diese Redewendung in Bezug auf blonde Männer verwendet: *Das ist für mich erst einmal ein autobiografischer Song, in dem es um einen blonden Mann geht, der für mich ein toxisches Verhältnis war...Aber natürlich hatte ich beim Schreiben ein deutschkulturelles Wortspiel im Sinn, bei dem ich das Bild vom blonden Gift, der deutschen Femme fatale, absichtlich männlich belege* (Die Tageszeitung, 11.05.2019).

Es sind auch Beispiele des Gebrauchs dieser PhE mit positiver Konnotation: *Eine Mischung aus Melodram und Tragödie, unterfüttert mit reichlich Nostalgie und Romantik, bietet „Wasser für die Elefanten“ (2011) von Francis Lawrence mit Christoph Waltz als grausamem Zirkusdirektor, Reese Witherspoon als betörendem blonden Gift und „Twilight“-Star Robert Pattinson* (Die Presse, 27.04.2016).

Die dunklen Haare fungieren als Gegensatz zum dominanten blonden Haar, zumindest wenn es um weibliche Schönheit geht. Dunkles Haar hat keine kulturelle Färbung und wird in der antiken und mittelalterlichen Literatur nur selten als Attribut der Schönheit erwähnt. In der alten Naturphilosophie galt dunkles Haar als Zeichen innerer Leidenschaft und sogar männlicher Schönheit. Wenn die Frau dunkelhaarig war, dann war dies offensichtlich das Gegenteil von Blondinen und war mit Hässlichkeit verbunden [28, S. 218]. In der deutschen Phraseologie ist aber eine PhE vorhanden, die sich auf das Bild von Schneewittchen bezieht und mit der Schönheit assoziiert wird: *Haar, (so) schwarz wie Ebenholz* [20, S. 45]: *„Haut so weiß wie Schnee, Lippen so rot wie Blut, Haare so schwarz wie Ebenholz“ – Schneewittchen ist eine Kulturikone, die mit ihrer natürlichen Anmut und ihrer hypnotischen Sinnlichkeit verzaubert* (Hannoversche Allgemeine, 26.10.2019).

Einmal hat es eine Zeit gegeben – es ist das 13.–16. Jahrhundert gewesen –, in der im westlichen Europa die grünen, smaragdgrünen, grasgrünen Frauenaugen als besonderes Schönheitsideal besungen worden sind [29, S. 18]. Die moderne Gesellschaft hat aber andere Vorbilder, und zwar: den Glanz in den Augen. Phraseologie ihrerseits weist auch auf dieses Merkmal hin: *Augen funkeln / leuchten wie (zwei) Sterne* [20, S. 47] (Modifikationen *Augen (strahlen / blitzen / glänzen) wie (zwei) Sterne*), *Augen funkeln / leuchten wie glühende Kohlen* [20, S. 47], z.B.: *Schwarz war ihr Haar, die Augen wie zwei Sterne so klar. Ich seh dir an, da schlummert ein Vulkan. Du wartest auf die Liebe* (St. Galler Tagblatt, 14.01.2019).

Ein guter Indikator für die Gesundheit eines Menschen ist die Haut, da sie stark von der Umwelt beeinflusst wird. So spielen die Gesundheit, die Textur und sogar die Farbe der Haut eine große Rolle für die Gesichtsattraktivität. Forscher fanden heraus, dass gesunde Haut und eine homogene Gesichtsfarbe als schön empfunden werden. Auch soll eine rötliche Färbung im Gesicht als gesünder und damit auch als schöner beurteilt werden, da diese mit sauerstoffreichen Blut in Verbindung gebracht werden soll [1, S. 4].

Ein weißes Gesicht und rote Wangen und Lippen galten im Mittelalter als Zeichen der weiblichen Schönheit und Gesundheit. Das spiegelt sich auch in der Theorie, die bestimmt, dass man solche Gesichter schön findet, die Merkmale reifer, essbarer und leckerer Früchte haben [18, S. 14]. In der deutschen Sprache gehören zu den häufigsten Phraseologismen diejenige, die gesunde Gesichtsfarbe verbalisieren: *gesunde / eine blühende / frische Farbe haben* [11, S. 196], *wie Milch und Blut aussehen* [13, S. 207], die sowohl hinsichtlich der Männer, als auch hinsichtlich der Frauen gebraucht werden: *Ein Mädchen, schön wie Milch und Blut, einst geflüchtet vor dem Krieg auf dem Festland, einsam, schön, mit Neigung zu herzerwärmender Bockigkeit...* (Welt am Sonntag, 28.01.2018).

Zusammenfassend muss man sagen, dass das Konzept SCHÖNHEIT eine der integralen Wertorientierungen der deutschen Gesellschaft ist und sich in der Phraseologie der deutschen Sprache widerspiegelt. Schönheit umfasst Begriffe wie Jugend, proportionierter kräftiger Körperbau, schlanke Figur, blondes, glattes Haar und gesunde Gesichtsfarbe. Das Konzept SCHÖNHEIT wird im Vergleich zu mythologischen und religiösen Gestalten sowie zu Vertretern der Pflanzen- und Tierwelt aktualisiert.

Die Aussichten für weitere wissenschaftliche Untersuchungen sehen wir in der vergleichenden Analyse des subjektiv-bewertenden und assoziativen Inhalts der Konzepte SCHÖNHEIT und BEAUTY in deutscher und englischer Sprache.

Literatur

1. Honstein M. Wie werden die Einstellungschancen durch die Schönheit eines Bewerbers beeinflusst?[Електронний ресурс] / M. Honstein. – 2012/2013. – Режим доступу: http://psychologielehrer.de/cnew/_data/Honstein.pdf (останнє звернення 30.04.2020).
2. Prengel H. Schönheit im Job [Електронний ресурс] / H. Prengel // Zeit Online. 04.06.2012. – Режим доступу: <https://www.zeit.de/karriere/beruf/2012-05/erfolg-aussehen-karriere> (останнє звернення 30.04.2020).
3. Schönheit macht erfolgreich und glücklich. IZA-Pressemitteilung. 2011. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.iza.org/press_files/IZAPress_20110329BeautyDP5600.pdf (останнє звернення 30.04.2020).
4. Капак Ю.М. Актуалізація гендерних візуальних образів у німецькій ідіоматиці / Ю.М. Капак // Мова і культура. – 2011. – Вип. 14. – Т. 4. – С. 133–140.
5. Уразаева Н.Р. Моделирование структуры концепта LICHT в немецкой картине мира / Н.Р. Уразаева, Е.А. Морозов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019. – № 59. – С. 87–109.
6. Храбова В.Е. Английские и немецкие фразеологические единицы с соматическим компонентом КУЛАК в свете лингвистики и национально-культурной специфики / В.Е. Храбова // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 440. – С. 35–44.
7. Ljubimova N. Politeness in Change: Phraseologically Motivated Reflections on the Changeability of Cultural Standards / N. Ljubimova // Phraseologie und Paromiologie der (Un)Hoeflichkeit: Session on Phraseology and Paremiology of (Im)Politeness: International Conference of the European-Society-of-Phraseology (Europhras). – Bialystok: Bialystok University, 2018. – P. 23–36.
8. Staniewski P. The Perceptual Lexicon and Aspects of Linguistic (Im)Politeness in Phraseology An Example Analysis of Idioms with the Components kalt/Kalte / P. Staniewski // Phraseologie und Paromiologie der (Un)Hoeflichkeit: Session on Phraseology and Paremiology of (Im)Politeness: International Conference of the European-Society-of-Phraseology (Europhras). – Bialystok: Bialystok University, 2018. – P. 207–220.
9. Gilyazeva E.N. Methaphor as the basis of the imaginary of phraseological units, containing the names of household items, in the English and German languages / E.N. Gilyazeva // AD ALTA. Journal of Interdisciplinary Research. – 2019. – Vol. 2. – P. 32–34.
10. Holzinger H. Cranberry Words or Phraseologically Bound Words? Answers from a Corpuslinguistic Perspective / H. Holzinger // Revista de Filologia Alemana. – 2018. – Vol. 26. – P. 199–213.
11. Німецько-український фразеологічний словник / Уклали В.І. Гаврись, О.П. Пророченко. – Київ: Радянська школа, 1981. – Т. 1. – 416 с.; Т. 2. – 382 с.
12. Minatti A. Wir kommen von den Sternen. Begegnungen mit den Geschwistern von der Venus / A. Minatti. – Dürrholz: AusZeit, 2009. – 197 S.
13. Wander K.F.W. Deutsches Sprichwörterlexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander / K.F.W. Wander, 2006. – 1 електр. опт. диск (CD-ROM).
14. Redewendungen aus der griechischen Mythologie [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://de.wikipedia.org/wiki/Redewendungen_aus_der_griechischen_Mythologie (останнє звернення 30.04.2020).
15. Fugmann H. Meditatives Bogenschießen. Traditionelles europäisches Bogenschießen als geistiger Übungsweg und Lebenshilfe / H. Fugmann. – Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2012. – 117 S.
16. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten / L. Röhrich. – Freiburg / Basel / Wien: Herder, 2006. – 1910 S.
17. Schmidt H. Die vergessene Bildersprache christlicher Kunst. Ein Führer zum Verständnis der Tier-, Engel- und Mariensymbolik / H. Schmidt, M. Schmidt. – München: C.H. Beck, 1995. – 346 S.
18. Fink B. Hauttextur und weibliche Schönheit. Der Einfluss der Hautoberfläche auf die Attraktivität von Frauengesichtern / B. Fink. – Hamburg: Diplomica, 2001. – 76 S.
19. Posch W. Projekt Körper: wie der Kult um die Schönheit unser Leben prägt / W. Posch. – Frankfurt / New York: Campus, 2009. – 261 S.

20. PONS. Synonymwörterbuch der deutschen Redensarten / Hrsg. v. H. Schemann. – Berlin / Boston: De Greyter, 2012. – 428 S.
21. Langenscheidt. 1000 deutsche Redensarten. Mit Erklärungen und Anwendungsbeispielen / Hrsg. von H. Griesbach, D. Schulz. – München: Langenscheidt, 2000. – 248 S.
22. Redensartenindex. Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, feste Wortverbindungen [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.redensarten-index.de/suche.php> (останнє звернення 30.04.2020).
23. Krause A. Die Geschichte der Germanen / A. Krause. – Frankfurt / New York: Campus, 2005. – 296 S.
24. PONS. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der Redewendungen im Kontext / Hrsg. v. H. Schemann. – Berlin / Boston: De Greyter, 2011. – 1176 S.
25. Gansloßer U. Bären / U. Gansloßer. – Nürnberg: Tessloff, 2003. – 54 S.
26. Girtler R. Mythos und Faszination der Haarfarbe Blond. Kulturanthropologische und kulturethologische Betrachtungen / R. Girtler // Matreier GESPRÄCHE: Kulturethologie zwischen Analyse und Prognose. – 2007. – S. 196–209.
27. Bauer M. Die deutsche Frau in der Vergangenheit [Електронний ресурс] / M. Bauer. – Berlin: ALFRED SCHALL. – Режим доступу: <http://books.google.ru/books?id=MqkTAAQBAJ&pg=PA18&dq=#v=onepage&q&f=false> (останнє звернення 30.04.2020).
28. Junkerjürgen R. Haarfarben: eine Kulturgeschichte in Europa seit der Antike / R. Junkerjürgen. – Köln: Böhlau, 2009. – 321 S.
29. Heinermann T. Die grünen Augen / T. Heinermann // Romanische Forschungen. – 1947. – Bd. 58/59. – S. 18–40.

THE CONCEPTUALIZATION OF HUMAN BEAUTY BY PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE GERMAN LANGUAGE

Iryna I. Koval. Kyiv National Linguistic University (Ukraine).

E-mail: irina.gliten@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-28

Key words: *phraseological unit, linguoculture, concept, archetype, stereotype.*

In this article is devoted to analysis of the conceptualization of human beauty by phraseological units of the German language. SCHÖNHEIT is one of the central concepts of German linguoculture. It represents a universal category and at the same time it is national-specific for the most people of the world. Of particular interest is the investigation of verbalization of the concept SCHÖNHEIT in a phraseological worldview, because the phraseological units that verbalize the concept SCHÖNHEIT denote national stereotypes, reflect history, culture and peoples' lives.

Good look increases an economic success and has a positive impact on individual life satisfaction. Beautiful people have material advantages because their look is honored on the job market that confirm different studies.

A positive aesthetic rating is based on a positive sensory rating associated with visual perception, as well as a positive emotional rating reflecting the psychological state of a person who is fascinated by beauty, attractiveness, etc. The main aesthetic feeling is the sense of sight.

In every culture, there are ideas about how an ideal man and an ideal woman should be. They include stereotypes that have developed in society due to their value system. To express the aesthetic evaluation the Germans turn to the mythological and biblical figures, which symbolize the perfect beauty: *Aphrodite, Adonis, Grazien, Maria, and Engel.*

Physical integrity, physical functionality and physical attractiveness are the basic prerequisites for a successful life that is based on social advancement. The body is currently a mean of expression for personality, individuality and creativity. Beauty is now seen as a mirror of self-optimization and it displays a successful life that is oriented towards advancement.

For the Germans, being fat means being lazy and lacking initiative, being slim, on the contrary, involves discipline, self-control and an active life position. Slim people are considered to be disciplined because they control their diet and exercise regularly.

Not only the slenderness, but also proportionate physique is important for the representatives of the German linguoculture. Among the phraseological units that verbalize the concept SCHÖNHEIT, there

are very often comparisons with animals and plants, and with objects from the real world. Most of the comparisons are colloquial. In addition to their nominative meanings, phytonyms and zoonyms have a symbolic meaning and reflect the peculiarity of the nation's worldview.

K. G. Jung, as the basic cultural archetype of German linguoculture, points out the image of Wotan. This archetype is still relevant to people's aesthetic appeal as a tall man with strong physique.

References

1. Honstein, M. *Wie werden die Einstellungschancen durch die Schoenheit eines Bewerbers beeinflusst?* [How are the chances of recruitment influenced by the beauty of an applicant]. 2012. Available at: http://psychologielehrer.de/cnew/_data/Honstein.pdf (Accessed 30 April 2020).
2. Prengel, H. *Schoenheit im Job* [Beauty in the job]. Zeit Online. 04.06.2012. Available at: <https://www.zeit.de/karriere/beruf/2012-05/erfolg-aussehen-karriere> (Accessed 30 April 2020).
3. *Schoenheit macht erfolgreich und gluecklich* [Beauty makes successful and happy]. IZA-Pressemitteilung. 2011. Available at: http://www.iza.org/press_files/IZA_Press20110329Beauty_DP5600.pdf (Accessed 30 April 2020).
4. Kapak, Yu.M. *Aktualizacija gendernyh vizual'nyh obraziv u nimec'kij idiomatyci* [Actualization of gender visual images in German idiomatics]. *Mova i kul'tura* [Language and culture], 2011, issue 14, vol. 4, pp. 133-140.
5. Urazayeva, N.R., Morozov E.A. Structural Modeling of the Concept Licht in the German View of the World. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Tomsk State University Journal of Philology*, 2019, vol. 59, pp. 87-109. DOI: 10.17223/19986645/59/6.
6. Khrabrova, V.E. English and German Phraseological Units with the Somatic Component Fist/Faust in Terms of Linguistic, National and Cultural Specific Features. *Tomsk State University Journal*, 2019, vol. 440, pp. 35-44. DOI: 10.17223/15617793/440/5.
7. Ljubimova, N. (2018). Politeness in Change: Phraseologically Motivated Reflections on the Changeability of Cultural Standards. *Phraseologie und Paromiologie der (Un)Hoeflichkeit: Session on Phraseology and Paremiology of (Im)Politeness: International Conference of the European-Society-of-Phraseology (Europhras)*. Bialystok, Bialystok University Publ., 2018, pp. 23-36.
8. Staniewski, P. The Perceptual Lexicon and Aspects of Linguistic (Im)Politeness in Phraseology an Example Analysis of Idioms with the Components kalt/Kalte. *Phraseologie und Paromiologie der (Un)Hoeflichkeit: Session on Phraseology and Paremiology of (Im)Politeness: International Conference of the European-Society-of-Phraseology (Europhras)*. Bialystok, Bialystok University Publ., 2018, pp. 207-220.
9. Gilyazeva, E.N. Metaphor as the basis of the imaginary of phraseological units, containing the names of household items, in the English and German languages. *AD ALTA. Journal of Interdisciplinary Research*, 2019, vol. 2, pp. 32-34.
10. Holzinger, H. Cranberry Words or Phraseologically Bound Words? Answers from a Corpuslinguistic Perspective. *Revista de Filologia Alemana* [Journal of German Philology], 2018, vol. 26, pp. 199-213. DOI: 10.5209/RFAL.60149.
11. Gavrys', V.I., Prorochenko, O.P. (ed.) *Nimec'ko-ukrai'ns'kyj frazeologichnyj slovnyk* [German-Ukrainian phraseological dictionary]. Kyiv, Radyanska shkola Publ., 1981, vol. 1., 416 p., vol. 2., 382 p.
12. Minatti, A. *Wir kommen von den Sternen. Begegnungen mit den Geschwistern von der Venus* [We come from the stars. Encounters with the Venus siblings]. Dürrholz, AusZeit Publ., 2009, 197 p.
13. Wander, K.F.W. *Deutsches Sprichwoerterlexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander* [German proverb lexicon by Karl Friedrich Wilhelm Wander]. 2006. CD-Rom.
14. *Redewendungen aus der griechischen Mythologie* [Expressions from Greek mythology]. Available at: http://de.wikipedia.org/wiki/Redewendungen_aus_der_griechischen_Mythologie (Accessed 30 April 2020).
15. Fugmann, H. *Meditatives Bogenschiessen. Traditionelles europaeisches Bogenschiessen als geistiger Uebungsweg und Lebenshilfe* [Meditative archery. Traditional European archery as a spiritual practice and life aid]. Norderstedt, Books on Demand GmbH Publ., 2012, 117 p.
16. Röhrich, L. *Lexikon der sprichoertlichen Redensarten* [Dictionary of proverbial idioms]. Freiburg, Basel, Wien, Herder Publ., 2006, 1910 p.
17. Schmidt, H. *Die vergessene Bildersprache christlicher Kunst. Ein Fuehrer zum Verstaendnis der Tier-, Engel- und Mariensymbolik* [The forgotten visual language of Christian art. A guide to understanding of symbols of animal, angel and Marie]. München, C.H. Beck Publ., 1995, 346 p.
18. Fink, B. *Hauttextur und weibliche Schoenheit. Der Einfluss der Hautoberflaeche auf die Attraktivitaet von Frauengesichtern* [Skin texture and feminine beauty. The influence of the skin surface on the attractiveness of female faces]. Hamburg, Diplomica Publ., 2001, 76 p.
19. Posch, W. *Projekt Koerper: wie der Kult um die Schoenheit unser Leben praegt* [Project body: how the cult of beauty shapes our lives]. Frankfurt, New York, Campus Publ., 2009, 261 p.

20. Schemann, H. (ed.) *PONS. Synonymwoerterbuch der deutschen Redensarten* [PONS. Synonym dictionary of German idioms]. Berlin, Boston, De Greyter Publ., 2012, 428 p.
21. Griesbach, H., Schulz, D. (ed.) *Langenscheidt. 1000 deutsche Redensarten. Mit Erklærungen und Anwendungsbeispielen* [Langenscheidt. 1000 German sayings. With explanations and examples]. München, Langenscheidt Publ., 2000, 248 p.
22. *Redensartenindex. Woerterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdruecke, feste Wortverbindungen* [Idiom index. Dictionary of idioms, idiomatic expressions, set expressions]. Available at: <http://www.redensarten-index.de/suche.php> (Accessed 30 April 2020).
23. Krause, A. *Die Geschichte der Germanen* [The history of Germans]. Frankfurt, New York, Campus Publ., 2005, 296 p.
24. Schemann, H. (ed.) *PONS. Deutsche Idiomatik: Woerterbuch der Redewendungen im Kontext* [PONS. German idioms: dictionary of idioms in context]. Berlin, Boston, De Greyter Publ., 2011, 1176 p.
25. Gansloßer, U. *Bären* [Bears]. Nürnberg, Tessloff Publ., 2003, 54 p.
26. Girtler, R. *Mythos und Faszination der Haarfarbe Blond. Kulturanthropologische und kulturethologische Betrachtungen* [Myth and fascination of blonde hair color. Cultural anthropological and cultural ethological study]. *Matreier Gespraech: Kulturethologie zwischen Analyse und Prognose* [Matreier talks: cultural ethology between analysis and prognosis], 2007, pp. 196-209.
27. Bauer, M. *Die deutsche Frau in der Vergangenheit* [The German woman in the past]. Berlin, Alfred Schall Publ. Available at: <http://books.google.ru/books?id=MQkTAAQBAJ&pg=PA18&dq=#v=onepage&q&f=false> (Accessed 30 April 2020).
28. Junkerjürgen, R. *Haarfarben: eine Kulturgeschichte in Europa seit der Antike* [Hair colors: a cultural history in Europe since ancient times]. Köln, Böhlau Publ., 2009, 321 p.
29. Heinermann, T. *Die grünen Augen* [Green eyes]. *Romanische Forschungen* [Romanic research], 1947, vol. 58/59, pp. 18-40.

Одержано 8.11.2019.

УДК 811.161.2'374.2

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-29

І.В. МІЛЕВА,

*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української мови
та мовної підготовки іноземних громадян
Харківського національного університету будівництва та архітектури*

М.О. ХОДАКІВСЬКА,

*старший викладач кафедри української мови
та мовної підготовки іноземних громадян
Харківського національного університету будівництва та архітектури*

ВИКОРИСТАННЯ АСОЦІАТИВНОГО ПСИХОЛІНГВІСТИЧНОГО ЕКСПЕРИМЕНТУ ДЛЯ ВИЗНАЧЕННЯ ЕВФЕМІСТИЧНОСТІ ВИСЛОВІВ

У статті схарактеризовано евфемістичні вислови як естетично доцільні засоби передавання інформації, що замінюють неприйнятні для якоїсь комунікативної ситуації прями найменування. Звернено увагу, що на позначення негативного денотата застосовують і евфемістичні, і дисфемістичні вислови, які інколи важко розрізнити. Зазначено, що більшість учених розглядають їх разом, чітко не поділяючи і лише наголошуючи на їхній основній функції – замінювати пряме найменування. Підкреслено, що деякі дослідники наголошують на ознаках, які диференціюють евфемізми і дисфемізми, адже ці мовні одиниці, по-перше, по-різному оцінюють асоціат, а по-друге, їм властивий різний ступінь експресивності та емоційності. Чіткішу демаркаційну лінію між евфемізмом і дисфемізмом може допомогти провести асоціативний психолінгвістичний експеримент, який певною мірою має виявити статус асоціата сучасними носіями мови. За його результатами проаналізовано основні чинники, що сприяють різній, по суті протилежній, інтерпретації одного мовного феномена: вторинне найменування «поліпшує» пряму назву, «погіршує» її або, можливо, перебуває на тому часовому зрізі, коли втрачає евфемістичну функцію і переходить у пряму назву або дисфемізм, тобто на межі опозиції. Психолінгвістичний експеримент «Оцінювання асоціата» проведено серед студентів I–II курсів Харківського національного університету будівництва та архітектури. Було запропоновано три синонімічні ряди широкоживаних висловів зі значенням «старий» (10), «товстий» (12) і «дурний, розумово обмежений» (20). Зроблено докладний аналіз усіх отриманих результатів. Виявлено, що існують принаймні два чинники, що сприяють «розмитості» межі між евфемізмом та дисфемізмом: 1) індивідуальне сприйняття одного асоціата; 2) зближення асоціата з денотатом у семантичній структурі евфемізму з одночасною втратою асоціатом нейтральної чи позитивної конотації.

Ключові слова: евфемізм, дисфемізм, вислів, асоціат, денотат, пряме найменування.

В статье охарактеризованы эвфемистические выражения как эстетически целесообразные средства передачи информации, которые заменяют неприемлемые для какой-либо коммуникативной ситуации прямые наименования. Обращено внимание, что для обозначения отрицательного денотата применяются и эвфемистические, и дисфемистические высказывания, которые иногда трудно различить. Отмечено, что большинство ученых рассматривают их вместе, четко не разделяя, только подчеркивают их основную функцию – заменять прямое наименование. Подчеркнуто, что некоторые ученые отмечают признаки, дифференцирующие эвфемизмы и дисфемизмы, ведь эти языковые единицы, во-первых, по-разному оценивают ассоциат, а во-вторых, им присуща разная степень экспрессивности и эмоциональности. Более четкую демаркационную линию между эвфемизмом и дисфемизмом может помочь провести ассоциативный психолингвистический эксперимент, который

в некоторой степени должен выявить статус ассоциата современными носителями языка. По его результатам проанализированы основные факторы, способствующие разной, по сути противоположной, интерпретации одного языкового феномена: вторичное наименование «улучшает» прямое название, «ухудшает» его или, возможно, находится на том временном срезе, когда теряет эвфемистическую функцию и переходит в прямое название или дисфемизм, то есть на грани оппозиции.

Психолингвистический эксперимент «Оценивание ассоциата» проведен среди студентов I–II курсов Харьковского национального университета строительства и архитектуры. Было предложено три синонимичных ряда широко используемых выражений со значением «старый» (10), «толстый» (12) и «глупый, умственно отсталый» (20). Осуществлен подробный анализ всех полученных результатов. Обозначено, что существуют по крайней мере два фактора, способствующие «размытости» границы между эвфемизмом и дисфемизмом: 1) индивидуальное восприятие одного ассоциата; 2) сближение ассоциата с денотатом в семантической структуре эвфемизма с одновременной потерей ассоциатом нейтральной или положительной коннотации.

Ключевые слова: эвфемизм, дисфемизм, выражение, ассоциат, денотат, прямое наименование.

Значне місце серед українських висловів посідають евфемістичні – замітники деяких назв понять, прямі номінації яких у певній мовленнєвій ситуації є небажаними. Це приємні або хоча б нешкідливі альтернативи, які оратори або письменники вживають за краше не використовувати під час виконання певного комунікативного наміру [1]. Уживання евфемізмів у мові тісно пов'язане із намаганням замінити соціально або психологічно неприйнятні номінації на аналогічні, але з більш нейтральним значенням, тому евфемізми можна розглядати як естетично доцільні засоби передавання інформації [2, с. 212–215].

Поряд з евфемістичними, «пом'якшувальними», одиницями мови, що «поліпшують» негативний денотат, в усному мовленні уживають численні грубі, зневажливі надслівні утворення, в основі яких лежить негативний асоціат, – дисфемістичні стійкі образні вислови. Аналіз процесів евфемізації і дисфемізації дає можливість визначити взаємозумовленість емпіричних знань і оцінки, що нерозривно поєднані, розкрити кумулятивну функцію висловів, які експлікують суспільний досвід та особливості менталітету.

Звичайно під час аналізу евфемізмів учені розглядали й дисфемізми, не розділяючи їх, за словами В. Ужченка, «за традицією». Те саме спостерігаємо і в працях зарубіжних учених (К. Лоос, Й. Крамер, Д. Наполі [3], Й. Чонанець [4]). У деяких випадках аналізують лише власне евфемізми, як, наприклад, З. Дубинець у праці «Теми та сфери евфемізації в сучасній пресі» [5]. Інколи лінгвісти намагаються відокремити евфемізми від дисфемізмів (В. Москвін, О. Януш; Б. Крузіць, Г. Фалетар [6] та ін.). Головну ознаку в такому протиставленні вчені бачили в оцінюванні асоціата: якщо евфемізми «поліпшують» негативний денотат за рахунок позитивного асоціата, то дисфемізми, навпаки, «погіршують» денотат за рахунок негативного асоціата [7, с. 57]. Виділяють ще одну диференційну рису: дисфемізми значно більшою мірою, ніж евфемізми, характеризуються експресією, оцінністю, вони обов'язково містять емоційний компонент значення; евфемізми ж можуть характеризуватися і нейтральністю, і певною експресією (А. Халанська).

Така доволі чітка лінія розмежування евфемізмів і дисфемізмів іноді зневиразнюється під час аналізу великої кількості специфічних заміників. Так, В. Мокієнко, виділяючи лексико-тематичні групи вульгарної та лайливої лексики і фразеології (найменування осіб з очевидно негативними характеристиками: «дурний», «підлий», «нікчема», «проститутка»; найменування «непристойних», соціально табуйованих частин тіла; найменування фізіологічних функцій; найменування «результатів» фізіологічних відправлень [8, с. 50–73]), іноді подає приклади-ілюстрації, які підлягають сумніву. Наприклад, насправді низка зафіксованих дослідником висловів на позначення нерозумної людини – рос. *дубина стоеросовая, с тараканом в котелке, сибирский валенок* – є образливими, лайливими, а тому дисфемістичними. Але запропоновані образні фразеологічні замітники на позначення фізіологічних актів людини – рос. *ходить по-маленькому (за маленьким), справлять малую нужду, ходит на (во) двор* тощо – навряд чи можна назвати «лайливими». Вони замінують пряму «неприємну» назву, відволікаючи увагу від негативного денотата, і не відзначені грубою, вульгарною конотацією. Можливо, доречніше їх було б розглядати в рідше евфемізації. Такі розбіжності у визначенні статусу замітника – евфемістичного чи дисфемістичного – наводять на думку про надто складний характер цих мовних одиниць.

Мета нашої статті – за допомогою асоціативного психолінгвистичного експерименту проаналізувати основні чинники, що сприяють різній, по суті, протилежній, інтерпрета-

ції одного мовного феномена. Такий експеримент має допомогти виявити статус (оцінку, функційну настанову) асоціата сучасними мовцями: 1) асоціат «поліпшує» денотат; 2) асоціат «погіршує» денотат; 3) асоціат перебуває на тому часову зрізі, коли втрачає евфемістичну функцію і переходить у пряму назву або дисфемізм, тобто на межі опозиції.

Експеримент «Оцінювання асоціата» проводився серед студентів I–II курсів Харківського національного університету будівництва та архітектури (усього 100 осіб). Після вступного тренінгу на прикладі заміників, що не ввійшли до контрольного реєстру, було запропоновано три синонімічні ряди висловів на позначення «старий», «товстий» і «дурний, розумово обмежений».

Результати експерименту відображено в табл. 1, 2, 3.

Таблиця 1

Оцінювання асоціата на позначення «старий»

№	Вислів	Кількість відповідей (на 100 інформантів)		
		Евфемізм	Дисфемізм	Суміжне явище
1	у (в) літах	83	0	17
2	сто літ в обід	5	55	40
3	труха сиплеться	1	97	2
4	не першої молодості	75	5	15
5	у віці	80	1	19
6	у суботу сто років	49	10	41
7	пліснявою покритий	1	92	7
8	годи накривають	46	10	44
9	пеньок трухлявий	0	97	3
10	пісок обсипається	24	70	6

Обробка даних свідчить, що яскраво виражену евфемістичну функцію виконують заміники у *літах* та у *віці*, яким майже не властива пейоративна конотація. Лише інколи у свідомості мовців вони уявляються як субститути, що вже починають втрачати «пом'якшувальну» функцію. Доволі делікатно для аудиторії звучить вислів *не першої молодості*. Вислів *сто літ в обід* більшістю інформантів визначений як дисфемістичний, що пояснюється, можливо, асоціацією з числівником *сто*, який узагальнено означає «дуже багато». Подібний фразеологізм із цим же компонентом (у *суботу сто років*), за даними експерименту, «звучить» не так грубо. Як виразні дисфемізми постають фразеологізми *труха сиплеться*, *пісок обсипається*, *пліснявою покритий*, *пеньок трухлявий*, що зумовлено, імовірно, уживанням слів-компонентів, які викликають негативні асоціації (*труха*, *пліснява*, *пеньок*). У таких висловах деактуалізація значень компонентів майже не помітна, адже й у вільному використанні такі мовні одиниці позначені яскраво вираженою пейоративною конотацією.

Таблиця 2

Оцінювання асоціата на позначення «товстий»

№	Вислів	Кількість відповідей (на 100 інформантів)		
		Евфемізм	Дисфемізм	Суміжне явище
1	сарай з припічком	2	90	8
2	баба Пихтя	6	81	13
3	ударити – не промажеш	3	69	28
4	бочка з дустом	0	98	2
5	бочка з варенням	15	30	55
6	бочка з пивом	4	65	31
7	возом не об'їдеш	9	79	12
8	що вшир що вздовж	9	60	31
9	корова громадська	1	72	27
10	наїстися галушок	65	11	24
11	ні грама лишнього	55	16	29
12	як колобок	62	6	44

На відміну від попередніх результатів, де яскраво подано всі три типи реакцій, на цей раз замітники сприймаються здебільшого як дисфемістичні. Лише у висловах *ні грама лишнього, як колобок, наїстися галушок* переважає евфемістичний компонент.

Для того, щоб визначити, якою мірою впливає компонентний склад на оцінювання асоціата, ми запропонували три вислови: *бочка з дустом, бочка з варенням, бочка з пивом*. Перший з них абсолютна більшість інформантів сприйняла як власне дисфемістичний – без жодного натяку на пом'якшення ознаки, що, імовірно, зумовлено пейоративно забарвленим компонентом *дуст*. У вислові *бочка з пивом* дисфемістичний елемент семантики дещо послаблюється, а у вислові *бочка з варенням* 15% інформантів домінантним визначила вже евфемістичний характер, імовірно, завдяки позитивно забарвленому компоненту *варення*. Такий розподіл залежить від визначника, який розгортає образний «негативний» конкретизатор *бочка*. Як бачимо, компоненти сталого вислову, безсумнівно, «регулюють» його конотацію, формуючи евфемістичне або дисфемістичне нашарування.

Каламбурне псевдоутворення *баба Пихтя* теж віднесений до дисфемістичних (внутрішня форма вислову зумовлена грубувато розмовним *баба* та іронічним *Пихтя* – віддієслівне утворення від *пихтіти*).

До дисфемістичних, за даними експерименту, належить і вислів *корова громадська*. Це приклад тих численних висловів, у яких відбулася транспозиція сем, а потенційні семи компонентів, що були на периферії, вийшли на передній план. Так, значення вислову *корова громадська* «дуже товста жінка» сформувалося насамперед унаслідок транспозиції сем першого компонента (*корова*), де актуалізувався диференціальний смисловий елемент «товста, велика», перейшовши в ранг родової семи замість колишньої архісеми «тварина» [9, с. 21]. У розмовному мовленні фіксуємо велику кількість сталих висловів з концептами-зоонімами, де семантична структура назв містить високий потенціал пейоративного навантаження, а експресивний компонент лексеми додається до загального експресивного фразеологічного значення, максимально посилюючи виразність, пор. загальноновживані як *корова* «дуже товстий», (*кричати*) як *скажена корова* «дуже, голосно», а також іронічні (*сидіти*) як *корова на велосипеді* «незручно, невпевнено», *личити як корові підкови* «звсім не личити». Можна припустити, що такі вислови теж могли бути схарактеризовані як дисфемістичні.

Таблиця 3

Оцінювання асоціата на позначення «дурний, розумово обмежений»

№	Вислів	Кількість відповідей (на 100 інформантів)		
		Евфемізм	Дисфемізм	Суміжне явище
1	як сто свиней	2	93	5
2	півень без гребінця	7	33	60
3	неповний розумом	38	23	39
4	труха в голові	0	85	15
5	Богом обділений	57	2	41
6	бугай на прив'язі	0	72	28
7	вальти стьобають	0	91	9
8	валянком прибитий	3	94	3
9	дерев'яний віник	0	75	25
10	не всі вдома, а в гостях	9	40	51
11	з дерева впасти	12	21	67
12	не дружити з головою	19	36	45
13	не доганяє	1	63	36
14	Альоша пітерський	24	53	23
15	Вася з водокачки	2	57	41
16	Федя приморожений	0	91	9
17	Дунька з-під заводу	0	89	11
18	Манька в сливах	0	81	19

У надзвичайно широкому синонімічному ряді «дурний, розумово обмежений» теж превалюють дисфемізми. Виняток становлять лише замітники *неповний розумом* та *Богом обділений (обіжений)*, які сприймаються реципієнтами здебільшого як евфемістичні.

Евфемізм *неповний розумом* побудований на основі заперечення. Саме цей спосіб (після запозичення) Б. Ларін називає одним з найголовніших способів евфемізації [10, с. 101–110]. Евфемістичний характер вислову *Богом обділений*, зумовлений, можливо, компонентом *Бог*, який зазвичай завжди «поліпшує» семантичну структуру вислову, пор. ще: *божа душа* «божевільна людина» (про спокійну, тиху), *Бог дав* «про народження дитини» тощо. Це пов'язано з вірою в магічну силу слова (давнє табу).

Значне місце серед наведених висловів посідають стилістично знижені, жаргонні вислови (*бугай на прив'язі, вальти стьобають, валянком прибитий, дерев'яний віник* тощо), які активно використовує сучасна молодь. Інформанти віднесли їх здебільшого до дисфемізмів або суміжних мовних одиниць. Доволі часто жаргонні вислови містять компоненти, що в організованому усному мовленні сприймаються як іносистемні елементи [11, с. 110]. Опрацьований матеріал свідчить про активно вживаний студентський жаргон. І хоча, на думку деяких дослідників, молодіжного жаргону як стійкої системи не існує, й кожне нове покоління вживає нові слова [12, с. 114–115], вивчення жаргонних елементів є важливим для дослідження інтенсивності та характеру поповнення мовної системи.

Зазвичай жаргон відносять до системи дисфемізмів (В. Мокієнко, В. Ужченко та ін.), але певні мовознавці дотримуються іншої думки щодо статусу жаргону та сленгу. «Грубість сленгізмів, – зауважує А. Кацев, – визначається не їх предметною співвіднесеністю, а лише стилістичною належністю. Стилістична зниженість не заважає основній функції евфемізмів – камуфлювати неприємний зміст. Зовні грубувата форма, як і вишукана, витончена, у ряді випадків свідомо обирається для маскуванню певного денотата» [7, с. 56]. Як евфемістичні іноді подаються жаргонізми й у деяких словниках, про що свідчить позначка «евф.».

Важливу роль у формуванні пейоративної конотації, як видно з табл. 3, відіграють антропонімічні назви. Вислови з жіночими іменами в жодному випадку не асоціювалися з «пом'якшенням» ознаки: *Дунька з-під заводу* (89 відповідей), *Манька в сливах* (81 відповідь). Узуальний конотативний антропонім *Дунька (Дуня)* формує численний ряд дисфемістичних висловів в українській мові. Активність його вживання, можливо, пояснюється одним з етапів апелятивізації – фонетичною будовою імені, експресивно-смісловими потенціями, закладеними у звуковій подобі слова. На особливості фонетичної будови евфемізмів звертали увагу й зарубіжні вчені, зокрема [3]. Пор. ще: *Дунька з переулку, Дунька з-під земгазу, як Дунька з-за бугра, Дуня з шляхопроводу* [13, с. 92]. Як антропонім з інтралінгвальною конотацією й широким діапазоном відомості (Є. Отін), це ім'я «формує» те чи інше значення вислову. У словнику Є. Отіна зафіксовано: *Дунька* – 1) некультурна, малоосвічена, безцеремонна жінка (звичайно провінціалка); 2) некультурна людина, символ безкультур'я. Укладач подає й вислови, що вживаються з першим названим значенням: *Дунька с мыльного завода, Дунька толстопятая*. Вислів *Дунька в Європе* дослідник пояснює так: «про поведінку радянської жінки за кордоном» [14, с. 131–132].

Серед чоловічих імен «найевфемістичніше» звучить ім'я *Альоша*, яке разом з варіантами *Альошка, Альоха* звичайно пейоративно забарвлене. Вони постають символами «дурнуватої, пришелепуватої, недалекої людини», формуючи доволі простору низку усномовних висловів [13, с. 22; 14, с. 40]. Такі реакції цілком збігаються з характеристикою та оцінкою подібних висловів лінгвістами. Так, наприклад, у фразеологічному словнику В. Ужченка та Д. Ужченка зафіксовано доволі просторий варіантно-синонімічний ряд висловів з назвами розмовних варіантів імені Олексій на позначення нерозумної людини: *Альоша гулий, Альоша заторможений, Альоша митькуватий, Альоша прибамбурений, Альоша (Олекса) приморожений, Альоха запальонний, Льоха перельотний, Льошка з водокачки* тощо [13, с. 22] (у словниковій статті не застосовано ремарки «евф.»). Оними в таких дисфемістичних субститутивах переходять до розряду апелятивів, постаючи синекдохами щодо загальної назви, і малоймовірно, що пов'язані з конкретними фактами дійсності. Яскравим засобом виразності та експресивності названий онім став і в інших дослідженнях, пор. білоруське *Алеша з батонамі* [15, с. 25]. Конотативні відтінки розмовних варіантів імені *Олексій* проаналізовані Є. Отіним («Словарь коннотативных собственных имен», 2004). Серед

значень названі такі: а) приїжджий із сільської місцевості, б) дурна, наївна, безголова, тупа людина; в) товариш; г) жертва злочину тощо [13, с. 39–40], пор.: укр. жарг. *Альоша* «дурень» [16, с. 30]. За лінгвокраєзнавчою класифікацією Є. Верещагіна й В. Костомарова, ім'я *Олексій* належить до популярних, модних і стилістично нейтральних [17, с. 171–172]. Можливо, пейоративна конотація властива саме вищеназваним формам цього імені.

Згадані в табл. 3 замітники *Вася з водокачки*, *Федя приморожений* та інші переконують, що конотативні власні імена сприймаються як пейоративні оцінні одиниці не лише в ізольованому вживанні, а й відповідним чином забарвлюють сталий вислів. Негативне забарвлення фразеологізму залежить і від ситуації, контексту, часом доволі широкого. Адже те, що в одній комунікативній ситуації може вважатися неприпустимими грубощами, в іншій є нормою; те, що вчора було вульгарним, сьогодні не отримує суворої соціальної оцінки. Мовленнєві зміни завжди мають складний характер.

У розвитку дисфемізації помітний і контактний білінгвізм, який виявляється на рівні діалектної фразеології в аномативності, непrestiжності, стихійності функціонування. Якщо взяти до уваги, що дисфемізації притаманна певна недосконалість, стилістична зниженість, а сам суржик як форма просторіччя є мовленнєвим виявом низького культурно-освітнього рівня носіїв [18, с. 48], то можна вважати, що, якщо й не безпосередньо, то опосередковано існування суржику не може не впливати на укорінення субелементів у фразеологічній системі, а отже, і на становлення дисфемізації.

Як свідчить аналіз отриманих даних, дисфемістичні вислови створюються багатьма способами, серед яких найпоширенішими постають такі, як уживання субелементів у складі фразеологізму, певних власних назв, компонентів-символів чогось непривабливого. Таке дисфемістичне нашарування значною мірою завдячує саме «слівності» компонентів.

Отже, результати асоціативного психолінгвістичного експерименту окреслюють принаймні два чинники, що сприяють «розмитості» межі між евфемізмом та дисфемізмом: 1) індивідуальне сприйняття одного асоціата: чи як такого, що маскує певне неприємне явище (тоді це евфемізм), чи як такого, що акцентує на негативних рисах (тоді це дисфемізм); 2) зближення асоціата з денотатом у семантичній структурі евфемізму з одночасною втраченою асоціатом нейтральної чи позитивної конотації, що відбувається внаслідок тривалого та інтенсивного використання замітника як евфемістичного. Замітник повністю чи частково переходить у спільну з табуйованим словом лексичну систему і сам стає забороною унаслідок частого використання та втрати його евфемістичного характеру, тобто відбувається девальвація евфемізмів. Дисфемістичний характер висловів доволі часто визначається компонентним складом вислову, зокрема стилістично зниженими компонентами та власними назвами.

Перспективи дослідження вбачаємо в аналізі інших шляхів, які б допомогли розмежувати власне евфемізми і суміжні явища, зокрема розглянути місце евфемізмів у лексикографічних працях та особливості використання лексикографами позначки «евф.».

Список використаної літератури

1. Al-Sharafi A.G. Assessing the Quality of the Translation of Sex-Related Euphemisms in the Holy Qur'an: A Pragmatic Study / A.G. Al-Sharafi, S. Abu Khader // *Jordan journal of modern languages & literature*. – 2019. – Vol. 11. – Issue 2. – P. 167–192.
2. Великорода В.Б. Механізми поповнення евфемістичної лексики / В.Б. Великорода // Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. – 2017. – № 4. – С. 212–217.
3. Loos C. The linguistic sources of offense of taboo terms in German Sign Language / C. Loos, J.M. Cramer, D.J. Napoli // *Cognitive linguistics*. – 2020. – Vol. 31. – Issue 1. – P. 73–112.
4. Chovanec J. Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of blue-on-blue / J. Chovanec // *Lingua*. – 2019. – Vol. 225. – P. 50–62.
5. Дубинець З.О. Теми та сфери евфемізації в сучасній пресі / З.О. Дубинець // Вісник Запорізького національного університету. – 2012. – № 1. – С. 159–163.
6. Kruzic B. Metaphor, metonymy, phraseological units and euphemisms – what do we talk about when we talk about death? / B. Kruzic, G.T. Faletar // *Jezikoslovlje*. – 2019. – Vol. 20. – Issue 2. – P. 391–418.
7. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия / А.М. Кацев. – Л.: Наука, 1988. – 79 с.

8. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное / В.М. Мокиенко // Русистика. – 1994. – № 1/2. – С. 50–73.
9. Алефіренко М.Ф. Теоретичні питання фразеології / М.Ф. Алефіренко. – Харків: Видавництво Харківського університету, 1987. – 135 с.
10. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание / Б.А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
11. Чабаненко В. Стилїстика експресивних засобів української мови: монографія / В. Чабаненко. – Запоріжжя: ЗДУ, 2002. – 351 с.
12. Борисова-Лукашанец Е.Г. О лексике современного молодежного жаргона / Е.Г. Борисова-Лукашанец // Литературная норма в лексике и фразеологии. – М.: Наука, 1983. – С. 104–119.
13. Ужченко В.Д. Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу / В.Д. Ужченко, Д.В. Ужченко. – Луганськ: Альма матер, 2002. – 263 с.
14. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк: Юго-Восток: ЛТД, 2004. – 412 с.
15. Данілович М.А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М.А. Данілович. – Гродна: ГрДУ, 2000. – 267 с.
16. Ставицька Л. Короткий словник жаргонної лексики української мови / Л. Ставицька. – К.: Критика, 2003. – 336 с.
17. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
18. Труб В.М. Явище «суржик» як форма просторіччя в ситуації двомовності / В.М. Труб // Мовознавство. – 2000. – №1. – С. 46–58.

USE OF ASSOCIATIVE PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT FOR DETERMINING THE EUPHEMISTICITY OF PHRASES

Iryna V. Mileva, Kharkiv National University of Civil Engineering and Architecture (Ukraine)
E-mail: mileva_i@ukr.net

Mariia O. Khodakovska, Kharkiv National University of Civil Engineering and Architecture (Ukraine)

E-mail: khodakovskaya@i.ua

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-29

Key words: *euphemism, dysphemism, expression, associate, denotation, direct name.*

Euphemistic expressions are characterized as aesthetically appropriate means of transmitting information that replace direct names that are unacceptable for some communicative situation. Attention is drawn to the fact that both euphemistic and dysphemistic statements are used to indicate negative denotation, which are sometimes difficult to distinguish. It is noted that most scientists consider them together, not clearly separating, only emphasize their main function – to replace the direct name.

It is emphasized that some scholars note signs that differentiate euphemisms and dysphemism, because these language units, firstly, have different opinions on associates, and secondly, they have a different degree of expressiveness and emotionality. A clearer demarcation line between euphemism and dysphemism can be helped by an associative psycholinguistic experiment, which to some extent should reveal the status of an associate by modern native speakers. Based on its results, the main factors contributing to a different, essentially opposite, interpretation of one linguistic phenomenon are analyzed: the secondary name “improves” the direct name, “worsens” it, or, possibly, is on that time slice when it loses the euphemistic function and goes into the direct name or dysphemism, that is, on the verge of opposition.

The psycholinguistic experiment “Associate Assessment” was conducted among students of I–II courses of Kharkov National University of Construction and Architecture. Three synonymous series of widely used expressions were proposed with the meanings of “old” (10), “fat” (12) and “stupid, mentally retarded” (20). A detailed analysis of all the results obtained was carried out and it was proved that the definition of a phrase as euphemistic largely depends on the component composition, for example, onyms – male and female names – are inherent in dysphemistic language units. It has been revealed that there are at least two factors that contribute to the “blurring” of the border between euphemism and dysphemism:

1) the individual perception of one associate: either as one that disguises a certain unpleasant phenomenon (then it is a euphemism), or as one that emphasizes on negative features (then it is a dysphemism); 2) the approximation of the associate with the denotate in the semantic structure of euphemism with the simultaneous loss of the associate of a neutral or positive connotation, which results from the prolonged and intensive use of the substitute as a euphemistic one.

References

1. Al-Sharafi, A.G., Abu Khader, S. **Assessing the Quality of the Translation of Sex-Related Euphemisms in the Holy Qur'an: A Pragmatic Study.** *Jordan journal of modern languages & literature*, 2019, vol. 11, issue 2, pp. 167-192.
2. Velykoroda, V.B. *Mekhanizmy popovnennia evfemistychnoi leksyky* [Mechanisms of euphemistic vocabulary replenishment]. *Naukovyj chasopys NPU imeni M.P. Dragomanova* [Scientific journal of MP Dragomanov NPU], 2017, no. 4, pp. 212-217.
3. Loos, C., Cramer, J.M., Napoli, D.J. The linguistic sources of offense of taboo terms in German Sign Language. *Cognitive Linguistics*, 2020, vol. 31, issue 1, pp. 73-112.
4. Chovanec, J. Euphemisms and non-proximal manipulation of discourse space: The case of blue-on-blue. *Lingua*, 2019, vol. 225, pp. 50-62.
5. Dubynets, Z.O. *Temy ta sfery evfemizatsii v suchasnij presi* [Topics and Areas of Euphemism in the Contemporary Press]. *Visnyk Zaporiz'koho natsional'noho universytetu* [Journal of Zaporizhzhya National University], 2012, no. 1, pp. 159-163.
6. Kruzic, B., Faletar, G.T. Metaphor, metonymy, phraseological units and euphemisms - what do we talk about when we talk about death? *Jezikoslovlje*, 2019, vol. 20, issue 2, pp. 391-418.
7. Kacev, A.M. *Jazykovoe tabu i jevfemija* [Linguistic taboo and euphemia]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 79 p.
8. Mokienko, V.M. *Russkaja brannaja leksika: cenzurnoe i necenzurnoe* [Russian swear words: censored and obscene]. *Rusistika* [Russian studies], 1994, no. 1/2, pp. 50-73.
9. Alefirenko, M.F. *Teoretychni pytannia frazeolohii* [Theoretical questions of phraseology]. Kharkiv, Vydavnytstvo Kharkivskogo Universitetu Publ., 1987, 135 p.
10. Larin, B.A. *Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie* [History of the Russian language and general Linguistics]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1977, 224 p.
11. Chabanenko, V. *Stylistyka ekspresyvnykh zasobiv ukrains'koi movy: Monohrafiia* [Stylistics of Expressive Means of the Ukrainian Language: Monograph]. Zaporizhzhia, ZDU Publ., 2002, 351 p.
12. Borisova-Lukashanec, E.G. *O leksike sovremennogo molodezhnogo zhargona* [On the vocabulary of modern youth jargon]. *Literaturnaja norma v leksike i frazeologii* [Literary norm in vocabulary and phraseology]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 104-119.
13. Uzhchenko, V.D., Uzhchenko, D.V. *Frazeolohichnyj slovnyk skhidnoslobozhans'kykh i stepovykh hovirok Donbasu* [Phraseological dictionary of East Slavic and steppe dialects of Donbass]. Luhans'k, Al'ma mater Publ., 2002, 263 p.
14. Otin, E.S. *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of connotative proper names]. Donetsk, Yugo-Vostok LTD Publ., 2004, 412 p.
15. Danilovich, M.A. *Slovník dyalektnaj frazeolohii Hrodzenshchyny* [Dictionary of dialect phraseology of Hrodzenshchyna]. Hrodna, HrDU Publ., 2000, 267 p.
16. Stavyts'ka, L. *Korotkyj slovnyk zhargonnoi leksyky ukrains'koi movy* [A short dictionary of Ukrainian language jargon]. Kiev, Krytyka Publ., 2003, 336 p.
17. Vereshhagin, E.M., Kostomarov, V.G. *Lingvostranovedcheskaja teorija slova* [Linguistic and Terrestrial Word Theory]. Moscow, Russky yazyk Publ., 1980, 320 p.
18. Trub, V.M. *Yavysche „surzhyku“ iak forma prostorichchia v sytuatsii dvomovnosti* [“Pidgin” phenomenon as a form of speech in a bilingual situation]. *Movoznavstvo* [Linguistics], 2000, no.1, pp. 46-58.

Одержано 10.12.2019.

УДК 811.111'42

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-30

Л.О. МОЛГАМОВА,
викладач кафедри германської філології
Сумського державного педагогічного університету імені А.С. Макаренка

ФРЕЙМОВА МОДЕЛЬ ІМЕНІ КОНЦЕПТУ DEATH

У статті систематизовано різні підходи до визначення «фрейма». Проаналізовано останні дослідження і публікації з теми, які доводять, що згідно із сучасним науковим поглядом на міждисциплінарність когнітивної науки теорія фреймів у її класичному розумінні охоплює не всі виміри концепту, оскільки являє собою концептуальну модель стереотипних предметних ситуацій і не має нічого спільного з концептуальним аналізом, який звертається до знань про світ, у якому концепт функціонує в пізнавальній та комунікативній діяльності індивіда та реалізується у певному мовленнєвому акті, а отже, має бути в полі зору останнього разом з усіма зовнішніми зв'язками. У ході дослідження було поставлено мету побудувати фреймову модель імені концепту DEATH, яка була б здатна пояснити сутність феномена смерті в англійській картині світу, спираючись на мовні факти про досліджуване явище. Для досягнення мети було виділено логічні предикати денотативного значення лексеми *death* і угруповано на ґрунті базових пропозиціональних схем; аргументовано припущення щодо фрактальної рекурсивності фреймової моделі імені концепту – змістової та схематичної самоподібності. Було обґрунтовано, що концептуальна модель імені концепту DEATH має такі характеристики, як складність, динамічність, рекурсивність, наявність зворотного зв'язку та можливість входу й виходу з будь-якої точки. Також було зроблено висновок, що понятійна основа імені концепту DEATH за даними лексикографічних джерел являє собою досить узагальнену інформацію, джерелом якої є сфера предметно-логічної діяльності індивіда. Перспективним вважається додати до нього конкретний соціальний індивідуально-емоційний компонент із емоційної сфери діяльності індивіда з метою побудови модусу імені концепту DEATH і отримання всебічного уявлення про поняття «смерть» в англійській картині світу.

Ключові слова: фрейм, базисні фрейми, схеми пропозиції, концепт, фрактальність.

В статье систематизированы различные подходы к определению «фрейма». Проанализированы последние исследования и публикации по теме, которые доказывают, что согласно современному научному взгляду на междисциплинарность когнитивной науки теория фреймов в ее классическом понимании охватывает не все измерения концепта, поскольку представляет собой концептуальную модель стереотипных предметных ситуаций и не имеет ничего общего с концептуальным анализом, который обращается к знаниям о мире, где концепт функционирует в познавательной и коммуникативной деятельности индивида и реализуется в определенном речевом акте, а следовательно, должен быть в поле зрения последнего вместе со всеми внешними связями. В ходе исследования была поставлена цель построить фреймовую модель имени концепта DEATH, которая была бы способна объяснить сущность феномена смерти в англоязычной картине мира, опираясь на языковые факты об исследуемом явлении. Для достижения цели были выделены логические предикаты денотативного значения лексемы *death* и сгруппированы на почве базовых пропозициональных схем; аргументировано предположение о фрактальной рекурсивности фреймовой модели имени концепта – смыслового и схематического самоподобия. Было обосновано, что концептуальная модель имени концепта DEATH имеет такие характеристики, как сложность, динамичность, рекурсивность, наличие обратной связи и возможность входа и выхода с любой точки. Также был сделан вывод, что понятийная основа имени концепта DEATH по данным лексикографических источников представляет собой достаточно обобщенную информацию, источником которой является сфера предметно-логической деятельности индивида. Перспективным считается добавить к нему конкретный социальный индивидуально-эмоциональный компонент из эмоциональной сферы деятельности индивида с целью построения модуса имени концепта DEATH и получения всестороннего представления о понятии «смерть» в англоязычной картине мира.

Ключевые слова: фрейм, базисные фреймы, схемы предложения, концепт, фрактальность.

У науковий обіг термін «фрейм» було введено у 1955 р. Г. Бейтсоном як засіб інтерпретації людськими поведінками один одного. Засновник теорії фреймів, М. Мінський (1974) визначив фрейм як структуру даних для подання стереотипних ситуацій у вигляді мереж із вузлів і зв'язків між ними, де кожен вузол – ті або інші характерні риси ситуації. Фрейм як економний прискорений засіб передавання і оброблення інформації привертає увагу Ч. Філмора, який першим пов'язав фрейм з лінгвістикою, визначив його як «будь-яку систему лінгвістичних виборів, які можуть асоціюватися з прототипними зразками сцен» і зробив висновок, що люди асоціюють певні концепти з певними лінгвістичними фреймами [1, с. 140].

Фрейми структурують мовні значення, а також їхні фрагменти, демонструючи «найбільш загальний принцип категоризації і організації вербалізованої інформації» [2, с. 13]. Представляючи концепти, які належать до основних понятійних категорій, фрейми тим самим упорядковують мовну картину світу і вміщують у собі не лише інформацію про лінгвістичне буття досліджуваного концепту, а й певний соціальний сюжет.

Лінгвокультурний концепт DEATH завжди цікавив науковців як одне із найвагоміших універсальних теософських ментальних утворень з абстрактною семантикою в концептуальному просторі різних мов. Висвітленням особливостей цього концепту займались Л.В. Гнаповська [1], Л.К. Суворова [4], Д. Янус [9], А. Приходько [14], А. Уberman [17], Д. ван Екер [19]. Останні розглядають концепт DEATH з точки зору певної лінгвокультури і моделюють у вигляді фрейма з метою виокремлення найбільш вагомих характеристик його внутрішньої структури [14, с. 169]. Дослідники однакові в тому, що з-поміж багатьох засобів зображення реальності, когнітивні моделі (фрейми) є найбільш інформативними, оскільки охоплюють не тільки культурно зумовлену інформацію, а й опис дій та засобів пов'язаних з нею лінгвокогнітивних процесів [17, с. 428].

Аналіз останніх досліджень і публікацій доводить, що згідно із сучасним науковим поглядом на міждисциплінарність когнітивної науки теорія фреймів у її класичному розумінні охоплює не всі виміри концепту, оскільки являє собою, як зазначено вище, концептуальну модель стереотипних предметних ситуацій і не має нічого спільного з концептуальним аналізом, який звертається до знань про світ [2, с. 11], у якому концепт функціонує в пізнавальній та комунікативній діяльності індивіда та реалізується у певному мовленнєвому акті [3, с. 135], а отже, має бути в полі зору останнього разом з усіма зовнішніми зв'язками.

Мета нашої наукової розвідки – побудувати таку фреймову модель імені концепту DEATH, яка була б здатна пояснити сутність феномена смерті в англійській картині світу, спираючись на мовні факти про досліджуване явище.

Для досягнення мети було поставлено такі завдання: систематизувати різні підходи до визначення «фрейма»; виділити логічні предикати денотативного значення лексеми *death* і угрупувати їх на ґрунті базових пропозиціональних схем; побудувати фреймову мережу імені концепту DEATH; довести його фрактальність; зробити висновок про зміст понятійної основи імені досліджуваного концепту.

Використовуємо для цього метод побудови концептуальних мереж на основі базових фреймів, методика якого детально описана С.А. Жаботинською [2, с. 8].

Об'єктом дослідження постає концепт DEATH, лексикалізований в сучасній англійській мові.

Предметом дослідження є лексико-семантичні аспекти концепту DEATH в англійській мові лексикографічних джерелах та англійському художньому дискурсі.

Зважаючи на вищевикладене, актуальною, на нашу думку, є методика побудови концептуальних мереж на основі базових фреймів С.А. Жаботинської, яка узгоджується з основними дисциплінами когнітивної науки і має міждисциплінарну перспективу, необхідну для сучасних лінгвістичних досліджень [2]. На думку дослідниці, базові фрейми мають здатність утворювати концептуальні мережі завдяки різноманітним комбінаціям пропозиціональних схем. Зокрема, дослідниця виокремлює:

– предметний фрейм, у якому одна й та сама сутність (дехто, дещо) характеризується за своїми кількісними, якісними, буттєвими, локативними, темпоральними параметрами, поєднує **буттєві схеми** – квантитативну «X є СТІЛЬКИ-кількість», квалітативну «X є ТАКЕ-якість», локативну «X існує/діє ТАМ / LC-локатив (початок, шлях або місце, кінець)», темпоральну «X існує тоді / TM-темпоратив (початок, відрізок або момент часу, кінець)» та схему способу буття «X існує так-СПОСІБ»;

– *акціональний фрейм*, у якому декілька предметів об'єднуються зв'язками та наділяються аргументними ролями, включає **акціональні схеми стану/процесу** «AG-агенс діє», **контактною дії** «AG-агенс діє на PT-пацієнс/AF-афектив» та **каузації** «CR-каузатор здійснює FT-фактив». Наведені схеми може бути розширено за рахунок аргументних ролей *сирконстант* (різновиди: AT-супровідник, AD-помічник, CG-контрагент, IN-інструмент, MD-медіатив), *стимул* (GL-мета, CS-причина), *передумова* (CD-умова, CS-поступка), *реципієнт* (AD-адресат, BN-бенефактив/ML-малефактив), а також за рахунок локативної та темпоральної схем;

– *посесивний фрейм*, у якому ДЕЩО-власник має ДЕЩО-тим, чим володіє, конституюється **посесивними схемами паритивності** «WH-ціле має PR-частину», **інклюзивності** «CR-контейнер має СТ-вміст» / «СТ-вміст має CR-контейнер» та **власності** «OW-власник має OD-власність» / «OD-власність має OW-власника»;

– *ідентифікаційний фрейм*, у якому постійні таксони предметної сутності є темпоральними непостійними таксонами, поєднує **ідентифікаційні схеми персоніфікації** «ID-індивід є PS-персоніфікатор (власна назва)», **класифікації** «ID-індивід / вид є CL-класифікатор: вид / рід» та **характеризації** «ID-індивід є CH-характеризатор»;

– *компаративний фрейм*, який формується зв'язками тотожності, подоби та подібності, поданий **компаративними схемами тотожності / метаморфози** «CV-компаратив є /ніби/ MS-корелят», **подібності / аналогії** «CV-компаратив є ніби AN-корелят» та **подоби / метафори** «CV-компаратив є нібито MT-корелят» [Жабот, имя как текст].

Згідно з концепцією базових фреймів С.А. Жаботинської, для побудови концептуальної мережі імені концепту DEATH аналізуємо стислий до основних ознак зміст лексеми *death* у різноманітних словниках англійської мови і виділяємо логічні предикати денотативного значення лексеми *death*:

1) Old English *dea* “total cessation of life, act or fact of dying, state of being dead; cause of death”, from Proto-Germanic *dauthuz, from verbal stem **dau-*, which is perhaps from PIE root **dheu-* “to die”, with Proto-Germanic *-*thuz* suffix indicating “act, process, condition” [10];

2) the cessation of all vital functions of the body including the heartbeat, brain activity (including the brain stem), and breathing [9];

3) the permanent cessation of physical and mental processes in an organism [4];

4) the degeneration or disintegration of a biological cell [4];

5) the state of being dead (=of no longer living) [6];

6) the permanent cessation of all biological functions that sustain a living organism [13];

7) the irreversible cessation of all vital functions especially as indicated by permanent stoppage of the heart, respiration, and brain activity, the end of life [12];

8) the act of ceasing to exist [12];

9) something that is the cause of one's ultimate failure or loss of life [12];

10) an occasion when someone dies [8];

11) the time when something ends or the fact that it ends [8];

12) the end of the life of a person or animal [7];

13) a particular case when someone dies [7];

14) end of life [11].

Наступним кроком групуємо їх на основі базових пропозиціональних схем, що мають найвищий рівень узагальнення (схемності) та являють собою первинні категорії мислення і типи реляцій між ними. Тип пропозиційної схеми визначаємо за її приналежністю до одного з п'яти базових фреймів – предметного, акціонального, посесивного, ідентифікаційного та компаративного, які комбінуються один з одним, утворюючи інтегративні концептуальні моделі:

1) **буттєва квалітативна схема** «DEATH є ТАКА-якість»: total, permanent, irreversible, particular, ultimate;

2) **буттєва локативна схема** «DEATH є ТАМ-місце»: functions of the body, biological functions, vital functions, physical and mental processes, living organism, organism, biological cell, someone, something;

3) **буттєва темпоральна схема** «DEATH є ТОДІ-темпоратив»: end of life, loss of life, someone dies, something ends;

4) **акціональна схема контактною дії** «DEATH діє на ДЕЩО»: including the heartbeat, brain activity (including the brain stem), and breathing; indicated by permanent stoppage of the heart, respiration, and brain activity, the end of life;

- 5) ідентифікаційна схема класифікації «DEATH є ВИД/РІД/РОЛЬ»: a case, an occasion, the act, the state, the cause, fact, time;
6) компаративна схема «DEATH є МОВ/МОВБИ»: cessation, degeneration, disintegration.
На основі проведеного дослідження будуємо фреймову мережу імені концепту DEATH (рис. 1).

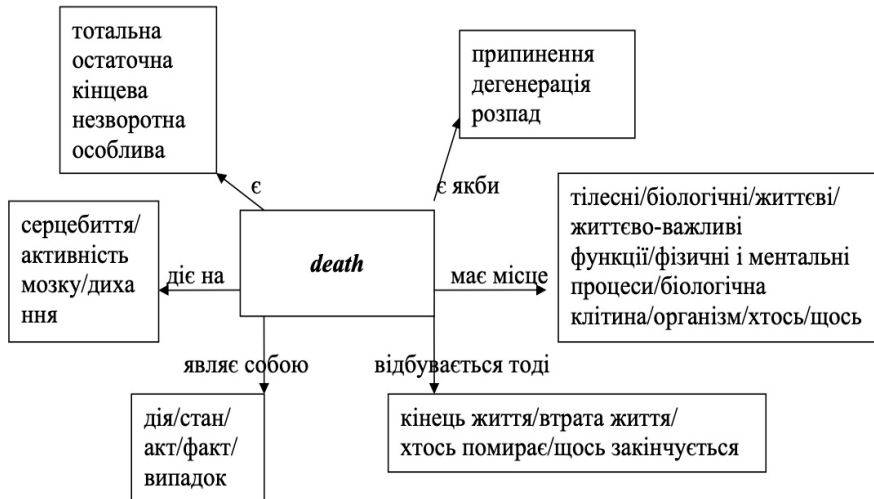

Рис. 1. Фреймова мережа імені концепту DEATH.

В умовах зміни наукової парадигми, коли посилюється інтерес до міждисциплінарних досліджень, нам близька теорія Н.В. Таценко, яка вважає, що «єдність усіх розміщених у концептуальній мережі підструктур забезпечується телескопічною організацією за принципом вкладеності одних компонентів в інші» [3, с. 207]. На думку дослідниці, смисл окремої схеми (ідентифікаційної, буттєвої, акціональної, компаративної тощо) вміщує смисл усіх інших схем, узагальнюючи або передбачаючи їх. За будь-якою зі схем можливе відновлення всієї мережевої концептуальної конструкції з його складників [3, с. 208]. Інакше кажучи, в основу наведеної моделі покладено процедуру фрактальної рекурсії – змістову та схематичну самоподібність. Слідом за Н.В. Таценко, маємо стверджувати, що мережева концептуальна модель імені концепту DEATH має такі характеристики, як складність, динамічність, рекурсивність, наявність зворотного зв'язку та можливість входу й виходу з будь-якої точки.

Спробуємо проілюструвати фрактальність концептуальної моделі імені концепту DEATH на матеріалі художнього англомовного дискурсу. Для аналізу візьмемо ситуацію з оповідання сучасного англомовного дискурсу як показового з точки зору наявної присутності в ньому теми смерті – це «The School» by Donald Barthelme (1981) («Школа» Дональда Бартелмі): «Billy Brandt's father who was knifed fatally when he grappled with a masked intruder in his home» [5, с. 2]. На батька Біллі автор відводить лише два рядка у своєму оповіданні, читаючи які ми розуміємо, що сталося щось жахливе, спираючись на понятійний зміст імені концепту, який стоїть за денотативним значенням лексеми *death*, вербалізованої пропозиційною схемою способу буття «DEATH існує так-СПОСІБ»: *was knifed fatally*. Зі значення лексеми *fatally* (in a way that causes death [7]) ми розуміємо, що відбулось «тотальне/остаточно/кінцеве/незворотне/особливе» «припинення/дегенерація/розпад» «тілесних/біологічних/життєвих/життєво важливих функцій/фізичних і ментальних процесів/біологічної клітини/організму/когось/чогось». «Кінець життя/втрата життя/хтось помер/щось закінчилось» відбулось в ході нещасного випадку (пропозиція акціональної схеми контактної дії «DEATH діє на ДЕЩО»: *grappled with a ... intruder*). Таким чином, автор навіть не вживає лексему *death*, але ми відновлюємо зміст цілого концепту з одного складника.

Висновки цього етапу наукової розвідки такі. У процесі проведеного дослідження було побудовано фреймову модель імені концепту DEATH та аргументовано припущення щодо її фрактальної рекурсивності. Також було зроблено висновок, що понятійна осно-

ва імені концепту DEATH за даними лексикографічних джерел являє собою досить узагальнену інформацію, джерелом якої є сфера предметно-логічної діяльності індивіда. Перспективним вважається додати до нього конкретний соціальний індивідуально-емоційний компонент із емоційної сфери діяльності індивіда з метою побудови модусу імені концепту DEATH і отримання всебічного уявлення про поняття «смерть» в англomовній картині світу.

Список використаної літератури

1. Гнаповська Л.В. Лінгвокогнітивні ознаки англomовної метафоричної репрезентації концепту «Смерть» / Л.В. Гнаповська // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету ім. В. Винниченка. Серія: Філологічні науки. – 2008. – Вип. 75 (4). – С. 55–58.
2. Коляденко О.О. Термін фрейм у лінгвістиці / О.О. Коляденко // Термінологічний вісник. – 2013. – № 2 (1). – С. 139–145.
3. Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) / С.А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2013. – № 6. – С. 47–76. DOI: 10.26565/2218-2926-2013-06-04.
4. Суворова Л.К. Концепт смерті в оповіданні Л. Яновської «Смерть Макарихи»: філософсько-культурологічні підтексти / Л.К. Суворова // Науковий вісник Миколаївського державного університету імені В.О. Сухомлинського: зб. наук. праць. – 2012. – Вип. 4.10. – С. 183–186.
5. Таценко Н.В. Емпатія в сучасному англomовному дискурсі: когнітивно-синергетичний вимір: дис. ... д-ра філол. наук / Р.В. Таценко. – Харків, 2018. – 472 с.
6. APA dictionary of psychology [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://dictionary.apa.org/death> (останнє звернення 25.02.2020).
7. Barthelme D. *The School* / D. Barthelme [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://legacy.npr.org/programs/death/readings/stories/bart.html> (останнє звернення 25.02.2020).
8. Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.synonyms.com/synonym/death> (останнє звернення 25.02.2020).
9. Janus D. *Phraseologie und Paromiologie der (Un)hoeflichkeit* / D. Janus // *Studia Phraeologica et Paroemiologica*. – 2014. – Vol. 1. – P. 235–249.
10. Longman dictionary of contemporary English online [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/death> (останнє звернення 25.02.2020).
11. Macmillan dictionary (free English dictionary and thesaurus online) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/death> (останнє звернення 25.02.2020).
12. Medical dictionary [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/death> (останнє звернення 25.02.2020).
13. Online etymology dictionary [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.etymonline.com/word/death> (останнє звернення 25.02.2020).
14. Prihodko A, Prykhodchenko O. Frame Modeling of the Concepts of Life and Death in the English Gothic Worldview / A. Prihodko, O. Prykhodchenko // *Lege Artis-Language Yesterday Today Tomorrow*. – 2018. – Vol. 3. – Issue 2. – P. 164–203.
15. Thesaurus.com. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.thesaurus.com/browse/death?s=t> (останнє звернення 25.02.2020).
16. TransLegal dictionary [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.translegal.com/dictionary/en/?search=death> (останнє звернення 25.02.2020).
17. Uberman A. *Death in Metaphorical Language* / A. Uberman // *Lege Artis-Language Yesterday Today Tomorrow*. – 2016. – Vol. 1. – Issue 2. – P. 171–211.
18. Uberman A. Frame Analysis of the Concept of Death across Cultures / A. Uberman // *Lege Artis-Language Yesterday Today Tomorrow*. – 2018. – Vol. 3. – Issue 1. – P. 417–447.
19. Van Acker D. An Etymological and Semantic Reconsideration / D. Van Acker // *Journal of Northwest Semitic Languages*. – 2017. – Vol. 43. – Issue 2. – P. 97–123.
20. Death // Wikipedia, the free encyclopaedia. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://en.wikipedia.org/wiki/Death> (останнє звернення 25.02.2020).

FRAMEWORK MODEL OF THE NAME OF THE DEATH CONCEPT

Lilia O. Molhamova, Sumy A.S. Makarenko State Pedagogical University (Ukraine)

E-mail: molgamova.lil@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-30

Key words: *frame, base frames, propositional schemes, concept, fractal.*

Different approaches to the definition of “frame” have been systemized in the article. Recent studies and publications on the subject have been analyzed that prove the current scientific view of the interdisciplinarity of cognitive science. It has been pointed out that the frame theory in its classic sense does not cover all dimensions of the concept because it is a conceptual model of stereotypical subject situations and has nothing to do with conceptual analysis which refers to knowledge about the world in which the concept functions in cognitive and communicative activities of the individual and is realized in a speech act and therefore must be in sight of the latter together with all external connections. The goal was set to build a frame model of the name of the DEATH concept, which would be able to explain the essence of the phenomenon of death in the English-speaking world picture, based on linguistic facts about the studied phenomenon. To achieve the goal logical predicates of the denotative meanings of lexeme death were chosen and analysed on the basis of basic propositional schemes. The type of each propositional scheme was determined by its belonging to one of the five basic frames – the subject, action, possessive, identification and comparative, which are combined with each other, forming an integrative conceptual model: 1) existential quantitative scheme of “DEATH is SUCH-quality”: total, permanent, irreversible, particular, ultimate; 2) existential locative scheme “DEATH is THERE-place”: the functions of the body, biological functions, vital functions, physical and mental processes, living organism, organism, biological cell, someone, something; 3) existential temporal scheme of “DEATH is THEN-time”: end of life, loss of life, someone dies, something ends; 4) subject-predicate scheme contact action “DEATH acts on smb”: including the heartbeat, brain activity (including the brain stem), and breathing; indicated by permanent stoppage of the heart, respiration and brain activity the end of life; 5) identification classification scheme, “DEATH is the SPECIES/GENDER/ROLE”: a case, an occasion, the act, the state, the cause, fact, time; 6) comparative scheme of “DEATH is AS/LIKE”: cessation, degeneration, disintegration.

In the course of the study, we have substantiated the assumption of a fractal recursiveness of frame model of the name of the concept – semantic and schematic self-similarity. It has been proven that the conceptual model of the name of the DEATH concept has such characteristics as complexity, dynamism, recursivity, the presence of feedback and the possibility of entry and exit from any point. It has also been concluded that the conceptual basis of the name of the DEATH concept according to lexicographic sources is generalized information, the source of which is the scope of subject-logical activity of the individual. It is promising to add to it a specific social individual-emotional component of the emotional sphere of activity of the individual in order to build a modus of the name of the DEATH concept and to get a comprehensive understanding of the concept in the English-language picture of the world.

References

1. Hnapovs'ka, L.V. *Linhvokohnityvni oznaky anhlomovnoyi metaforychnoyi reprezentaciyi konceptu «Smert»* [Linguocognitive signs of metaphoric representation of the death concept in English]. *Naukovi zapysky Kirovohrads'koho derzhavnoho pedahohichnoho universytetu im. V. Vynnychenka. Seriya Filolohichni nauky* [Scientific Notes of Kirovohrad State Pedagogical University. Series of Philological Sciences], 2008, no. 75 (4), pp. 55-58.
2. Koliadenko, O.O. *Termin freim u linhvistytsi* [The term “frame” in linguistics]. *Terminolohichni visnyk* [Terminological Bulletin], 2013, no. 2 (1), pp. 139-145.
3. Zhabotynskaia, S.A. Name as text: conceptual networks of lexical meaning (analysis of the name of emotion). *Cognition, Communication, Discourse*, 2013, pp. 47-76. DOI: 10.2656 5/2218-2926-2013-06-04.
4. Suvorova, L.K. *Koncept smerti v opovidanni L. Yanovs'koyi «Smert' Makaryxy»: filososf'ko-kul'turolohichni pidteksty* [The death concept in the story “Death” by L. Yanovska]. *Naukovi vistnyk Mykolaiivs'kogo derzhavnoho universytetu* [Scientific Bulletin of Mykolaiv State University], 2012, pp. 183 – 186.
5. Tacenko, N.V. *Empatiia v suchasnomu anhlomovnomu dyskursi: kohnityvno-synerhetychnyi vymir*. Diss. dokt. filol. nauk [Empathy in modern English discourse: cognitive-synergetic aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Kharkiv, 2018, 472 p.
6. APA dictionary of psychology. Available at: <https://dictionary.apa.org/death> (Accessed 25 February 2020).
7. Barthelme, D. The School. Available at: <https://legacy.npr.org/programs/death/readings/stories/bart.html> (Accessed 25 February 2020).

8. Complete Dictionary of Synonyms and Antonyms. Available at: <https://www.synonyms.com/synonym/death> (Accessed 25 February 2020).
9. Janus, D. Phraseologie und Paromiologie der (Un)hoefflichkeit. *Studia Phraseologica et Paroemiologica*, 2014, vol. 1, pp. 235-249.
10. Longman dictionary of contemporary English online. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/death> (Accessed 25 February 2020).
11. Macmillan dictionary (free English dictionary and thesaurus online). Available at: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/death> (Accessed 25 February 2020).
12. Medical dictionary. Available at: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/death> (Accessed 25 February 2020).
13. Online etymology dictionary. Available at: <https://www.etymonline.com/word/death> (Accessed 25 February 2020).
14. Prihodko, A, **Przychodchenko, O. Frame Modeling of the Concepts of Life and Death in the English Gothic Worldview.** *Lege Artis-Language Yesterday Today Tomorrow*, 2018, vol. 3, issue 2, pp. 164-203.
15. Thesaurus.com. Available at: <https://www.thesaurus.com/browse/death?s=t> (Accessed 25 February 2020).
16. TransLegal dictionary. Available at: <https://www.translegal.com/dictionary/en/?search=death> (Accessed 25 February 2020).
17. Uberman, A. Death in Metaphorical Language. *Lege Artis-Language Yesterday Today Tomorrow*, 2016, vol. 1, issue 2, pp. 171-211.
18. Uberman, A. Frame Analysis of the Concept of Death across Cultures. *Lege Artis-Language Yesterday Today Tomorrow*, 2018, vol. 3, issue 1, pp. 417-447.
19. Van Acker, D. An Etymological and Semantic Reconsideration. *Journal of Northwest Semitic Languages*, 2017, vol. 43, issue 2, pp. 97-123.
20. Death. Wikipedia, the free encyclopaedia. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/Death> (Accessed 25 February 2020).

Одержано 19.12.2019.

УДК 811.112.2'42=161.2:808.51
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-31

Н.І. ПАЛАМАР,
кандидат філологічних наук, доцент
асистент кафедри міжкультурної комунікації та перекладу
Львівського національного університету імені Івана Франка

ОСОБЛИВОСТІ КІНЦІВКИ ПОХВАЛЬНОЇ ПРОМОВИ

У статті розглянуто особливості кінцівки похвальної промови (лаудації) на основі німецької та української мов, проаналізовано тематичний матеріал висновків похвальних промов, виокремлено відмінності у формуванні цієї частини промови в німецькій та українській мовах, здійснено кількісний аналіз фактичного матеріалу, який використали у похвальних промовах обох досліджуваних мов.

Кінцівка (заклучна частина) належить до трьох основних складових будь-якої промови. Вона разом зі вступом формують так зване обрамлення промови. Ці складові за розміром звичайно поступаються основній частині промови, що містить докази на користь відповідної позиції, проте, не варто применшувати вагу і вступу, і заключної частини. Функція вступу похвальної промови полягає у своєрідному введенні в тему, а заключної частини – підбити підсумки сказаного. Коли співвідношення частин виступу порушується, ефективність промови знижується [5, с. 201].

Заклучній частині похвальної промови в німецькій та українській мовах притаманна активація почуттів аудиторії (радості, любові й поваги до адресата лаудації). Основними темами кінцівки, що зустрічаються у досліджуваних лаудаціях, є такі: вітання адресата, побажання йому усіляких гараздів, вдячність за діяльність та особлива заслуга саме його у певній галузі, виокремлення певних якостей адресата, які виділяють його з поміж інших, вираз почуттів та емоцій до адресата, віршовані рядки, сформовані на честь адресата, цитати та заклики до подальших звершень.

Ключові слова: епідейктична промова, похвальна промова, лаудація, виступ, кінцівка, висновки, композиція, тематично-змістовий матеріал.

В статье рассмотрены особенности концовки похвальной речи (лаудации) на основе немецкого и украинского языков, проанализирован тематический материал выводов похвальных речей, выделены различия в формировании этой части речи в немецком и украинском языках, осуществлен количественный анализ фактического материала, который был использован в похвальных речах обоих исследуемых языков.

Ключевые слова: эпидейктическая речь, похвальная речь, лаудация, выступление, концовка, заключная часть, композиция, тематически содержательный материал.

Актуальність теми проведеного дослідження зумовлена тенденцією сучасного мовознавства до системності вивчення мовлення як невід'ємної складової людської життєдіяльності. З цього погляду, похвала – комунікативне явище, нерозривно пов'язане з параметрами мови та мовлення, їх когнітивного та соціального середовища, феномен із специфічними властивостями, які не можна повністю пізнати без поглибленого вивчення та систематизації. Вагомість дослідження визначається також тим, що його предмет перебуває на перетині інтересів декількох лінгвістичних дисциплін – соціо-, прагма-, етно- та психолінгвістики, теорії мовленнєвої діяльності. Актуальність роботи зумовлена й тим, що похвала на матеріалі сучасної німецької мови та української не була предметом спеціального дослідження. Аналіз різних типів промов є актуальним сьогодні, оскільки відображає дослідження суспільно-побутових ситуацій, цікавих для обговорення [10–19].

Метою статті є виявлення, системний опис та обґрунтування характерних ознак однієї зі структурних частин похвальної промови – кінцівки на основі вибірки німецьких та українських промов. Досягнення поставленої мети зумовило необхідність розв'язання таких завдань: розглянути особливості кінцівки похвальної промови, проаналізувати тематичний матеріал, виокремити відмінності у формуванні цієї частини промови в німецькій та українській мовах, здійснити кількісний аналіз фактичного матеріалу, який використали у похвальних промовах обох досліджуваних мов.

Об'єктом дослідження є кінцівка похвальної промови; предметом – її структурні та тематичні характеристики.

Похвала – це аксіологічна категорія, одна із мовленнєвих стратегій для висловлення позитивної думки та схвалення. Вона безпосередньо пов'язана з емоційністю та експресивністю, що разом із оцінкою формують конотативний аспект мовних одиниць. Похвала може реалізуватись різними типами мовленнєвих актів, які формують його комунікативну мету – вираження позитивного ставлення мовця до дій, учинків, якостей адресата. Різновекторний лінгвопрагматичний статус похвали зумовлений її комплексною природою: ознаки похвали виходять за межі мовленнєвого акту і екстраполюються в мовленнєвому жанрі чи типі тексту. Характеристика мовленнєвого жанру похвала передбачає розгляд мовленнєвої ситуації з урахуванням чинників комунікативного минулого та майбутнього, взаємодії автора та адресата, вертикального та горизонтального розгортання. Ілюкативну мету досліджуваного явища можна зафіксувати і в межах похвальної промови. Її трактуємо як тип тексту, що характеризується публічним процесом реалізації, безпосередністю комунікації, відсутністю спонтанності та монологічністю.

Аналіз похвальних промов у пропонованій статті здійснюється за принципами і підходами риторики. Проте матеріалом слугують лише тексти промов, тому їхня характеристика стосується переважно лінгвістики тексту. Розгляд промови в межах дискурсу не реалізований у пропонованому дослідженні, однак, такий підхід можливий у подальших розвідках.

Вивчення лаудації передбачає визначення поняття «промова». Його розуміють як публічний виступ з певного приводу, текст такого публічного виступу. Це усний виступ із метою висвітлення інформації та впливу на розум, почуття чи волю слухачів. На відміну від наукового реферату або доповіді, промова не має на меті повчати та спонукати за допомогою певних аргументів, а хоче переконати публіку, щоби здобути її прихильність [1, с. 66].

Похвальна промова належить до трьох основних типів промов, котрі вперше розмежував та схарактеризував Арістотель, – *дорадчу (політичну), судову й епідейктичну (урочисту)*. Мета дорадчої промови – схилити або відмовляти, судової – звинувачувати чи виправдовувати, епідейктичної – хвалити або осуджувати [4, с. 70–81]. Власне, остання з її особливостями та характеристиками становить для пропонованого дослідження предмет зацікавлення.

Відповідно до назви промови визначається її тема – похвала особи. Текст лаудації спрямований на масову комунікацію із характерними ознаками – безпосередністю комунікації, часовою та просторовою необмеженістю, відсутністю спонтанності, монологічністю. У похвальній промові має місце комунікативна тріада, що складається з мовця, адресата і аудиторії. Лаудації притаманні три функції: інформативна, апелятивна та контактна. Тематичний матеріал у промовах різний і змінюється залежно від особи автора, адресата, відносин між ними, діяльності адресата тощо та варіює у такому діапазоні: *професія, результати діяльності, посада, звання, страждання, утиски, біографічні дані, характер, багатогранність адресата* та ін. Тематичний матеріал, викладений у промовах за допомогою певних методів викладу матеріалу. Один з них – *хронологічний*, який відображає природний порядок елементів та їхню реалізацію в житті: попередні постають причиною для подальших, а подальші – наслідком попередніх. Увесь сюжет промови розгортається у вигляді ланцюжка подій та фактів. Використання цього методу в лаудації спостерігаємо у послідовності головних тем, які зазвичай описують у похвальній промові: *життя – творчість – особистість*. Частини цієї тріади містяться у промові не компактно, а розподілені впродовж усієї промови. Однак така послідовність викладу містить загрозу втрати уваги та зацікавлення аудиторії, що унеможливує досягнення автором

комунікативної мети. Тому значно частіше використовують методи викладу матеріалу, що передбачають стимуляцію уваги слухачів і промовця, зокрема *фабулярний метод викладу* зі штучним порядком організації фактів, що потребує від автора мистецтва групування матеріалу не за послідовністю їх виникнення, а за сутністю. *Дедуктивний метод* – розгортання від загального до конкретного. Спочатку подана загальна характеристика тієї чи іншої галузі, а відтак місце, здобутки і значення адресата для неї.

Однією з основних вимог кожної промови з давніх давен була її чітка структура та внутрішня зв'язаність між частинами. Загальноприйнятою вважалася статична композиція промови, а саме: *вступ, основна частина та кінцівка (заклучна частина)* [4, с. 110]. Розглянемо особливості останньої з трьох частин на основі лаудаційних промов у німецькій та українській мовах, зокрема її функцію та тематичне наповнення. Для аналізу слугує вибірка зі 100 промов (50 українських та 50 німецьких), виголошених під час ювілеїв видатних діячів науки і культури та вручення різноманітних премій. Необхідно зазначити, що більша частина україномовних похвальних промов не опубліковані, а зібрані з приватних джерел. Тому у деяких прикладах відсутні посилання.

Кінцівка разом зі вступом утворює обрамлення промови. Її мета залежать головню від виду виступу і конкретних обставин. За Ф. Прокоповичем, кінець складається з двох частин – переліку сказаного та збудження почуттів [5, с. 240]. Однак згідно з аналізом корпусу, кінцівці лаудації в німецькій та українській мовах притаманна лише активація почуттів аудиторії. Підсумовуючи, промовець повинен викликати у слухачів почуття радості, любові та поваги до особи, про яку йдеться.

До одного із варіантів завершення лаудації, належить вітання адресата зі знаменною подією (32% німецької вибірки, 20% української):

(1) *In diesem Sinne, mein lieber Jurko, möchte ich dir zu diesem schönen Preis gratulieren, du hast ihn wahrlich verdient. Daher: Hoch die Geige! Und natürlich auch das eine oder andere Glas oder, wienerisch gesagt, Glasl. Witaju tebe i twoje zdrowja!* [6, с. 129].

(2) *Тож, велелюдна спільнота Наукового товариства ім. Шевченка та його Президія щиросердечно вітають Вас, високоповажна Олександро Антонівно, з нагоди славного ювілею повноліття!* [О. Купчинський: лаудація О. Сорбенській до 70-ліття, 2007].

У кінцівці лаудацій української вибірки автор найчастіше реалізує побажання адресатові (56% корпусу), зокрема, В. Снітинському:

(3) *Вельмишановний Володимире Васильовичу! [...] Ваш внесок у розбудову незалежної Української держави, її освіти та науки вже сьогодні є вагомим, результативним і гідним поваги та пошанування. Тож хай множаться Ваші славні діла на добро та славу Вашому університету, його студентству та всій Україні!* [3, с. 14].

Підсумовуючи, лаудатор інколи виголошує вдячність адресатові за його діяльність. Подяка може бути загальна, наприклад, від імені всієї наукової галузі або певного закладу чи особиста вдячність лаудатора за допомогу, співпрацю тощо (28% німецької вибірки, 8% української):

(4) *Ich kenne nicht viele Übersetzer, auf deren neue Bücher ich mich freuen kann wie auf die neuen der anderen Autoren. Dafür, liebe Frau Edl, den herzlichsten Dank!* [8, с. 45].

(5) *Прийміть щирю подяку за високе служіння обраній справі, невтомний творчий пошук, самовідданість, добро і щедрість Вашої душі* [3, с. 60].

Підсилює дію лаудації на слухачів озвучення наприкінці цитати, яка підтверджує значення адресата (2% німецької вибірки, 2% української). У прикладі (6) промовець цитує молодого Г. Лукаса, який писав про С. Бовеншен, а в українському прикладі (7) проілюстрована цитата І. Калинця стосовно А. Содомори:

(6) *Der Essayist, schreibt der junge Georg Lukas, den Silvia Bovenschen zitiert, spricht «immer von den letzten Fragen der Lebens [...] aber doch immer in dem Ton, als ob [...] nur von den wesentlichen und hübschen Ornamenten des Lebens die Rede wäre. So scheint es, als ob jeder Essay in der größtmöglichen Entfernung von dem Leben wäre, und die Trennung scheint und so größer zu sein, je brennender und schmerzlicher die tatsächliche Nähe der wirklichen Wesen beider fühlbar ist»* [6, с. 112].

(7) *«Ми щасливі, що живемо в час Андрія Содомори», – сказав Ігор Калинець. Я думаю, що ми всі присутні одноставно підтримаємо ці слова* [М. Комарницький: лаудація А. Содомори з нагоди вручення ордена «За інтелектуальну відвагу», 2009].

У кінцівці промовець може висловити особливу заслугу адресата в його діяльності (12% німецької вибірки, 2% української):

(8) *Die jiddische Literatur ging niemals in einer Shtetl-Romantik auf; sie gehört mit vielen ihrer Texte ganz und gar in die komplexe Geschichte der – im emphatischen Sinn – modernen Literatur. Auf die Rettung auch dieser Erinnerung zu zielen: das ist vielleicht die besondere Signatur der Arbeit von Arnim Eidherr.* [6, с. 57].

(9) «Живу між Україною та Італією» – сказала якось наша почесна гостя. Живе в умовах, коли, за її словами, «реальна зустріч між Україною та Європою досі ще не відбулася». Ми, галичани, добре знаємо, як це непросто бути місточком поміж берегами, які норовлять розійтися. Але вони все-таки зійдуться – **і коли зійдуться, то в цьому буде заслуга також і Оксани Пахльовської.** Передумовою цього об'єднання буде те, що так активно обстоює п. Оксана: «*In libertate coniuncti*» – «Об'єднані свободою» [М. Мариневич: лаудація О. Пахльовській, орден за «Інтелектуальну відвагу», 2009].

У заключній частині промови лаудатор може сконцентрувати увагу на якостях адресата, особливо тих, які вирізняють його з-поміж інших (8% німецької вибірки, 2% української):

(10) *Indem die Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Kurt Flasch für seine wissenschaftliche Prosa auszeichnet, ehrt sie auch sich selbst, denn es sind nicht viele, die an deutschen Universitäten ihre Sprache beherrschen wie er, die erzählen, verdichten, Pfade durch das Gestrüpp schlagen, uns auf Lichtungen führen, uns die Augen öffnen und ein springlebendiges großes Mittelalter zeigen, die uns auch helfen, die bösen Geister zu beschwören, welche bekanntlich nichts mehr fürchten als die Lächerlichkeit* [6, с. 121].

(11) Серед сучасників – організаторів освіти і науки, громадських і державних діячів – **Володимира Снітинського вирізняє його внутрішня динаміка, мобільність, творча піднесеність у розв'язанні найскладніших завдань, які висуває дійсність.** Безсумнівною є знаковість його імені на культурно-освітній мапі Незалежної України [3, с. 37].

Вираження почуттів у лаудації спостерігаємо у випадку, коли особи автора й адресата перебувають у близьких, дружніх відносинах (6% німецької вибірки, 4% української):

(12) *Mit Hans Keilson lebt noch ein später «Reüräsentant des bürgerlichen Zeitalters» unter uns, wie Thomas Mann 1932 Goethe genannt hat. Freuen wir uns an ihm, und freuen wir uns mit ihm, daß er heute den Johann–Heinrich–Merck–Preis entgegennehmen kann, der ihm wahrlich gebührt* [9, с. 107].

(13) **Дорогий наш ювіляре, ми тішимся з Вашої творчої енергії, активної педагогічної діяльності та зичимо надалі великого здоров'я, радості від життя і щедрості від рідних, близьких, друзів і учнів!** [О. Купчинський: лаудація С. Козакові до 70-ліття, 2007].

Яскравою кінцівкою кожної лаудації будуть віршовані рядки, написані на честь адресата. У такий спосіб підсумовується характеристика і наголошується на ключових моментах життя та діяльності (2% німецької вибірки, 6% української). Приклад реалізації такої кінцівки міститься у промові В. Сулиму (14), а також у вітальній промові В. Снітинському (15):

(14) *WOŁODYMYR SULYM zum 50. Geburtstag
Seht, wie viele Menschen drängen
Heute zum Dekan dort hin.
Schlägt er nicht um viele Längen,
Alles, was da steht um ihn?
Denn zu Recht wird er gepriesen
Der Fakultät als glänzend Zier.
Bis zur Stund' hat er bewiesen:
Wort und Tat gehör'n nur ihr.
Sein Wirken ist zu spüren[...]
[R. Brunner: Laudatio auf W. Sulym, zum Jubiläum, 2009].*

(15) *Були в нас предки – скіфи, анти, арії,
Але усі вони були аграрії!!!
Всі від землі діла свої вели –
Тому вони й великими були.*

*Земля Подільська Вас благословила,
Дала в науці і любові сили,
Щоб мудрість предків Ви в собі плекали
І молодим серцям передавали [...] [3, с. 82].*

Аналіз фактичного матеріалу засвідчив, що кінцівка може завершуватись веселим жартом, хоча лише у німецьких лаудаціях (8% вибірки):

(16) [...] *eine Laudatio ist eine ernste Sache; darum gegenbalanciere ich am Schluß meiner Glückwunschdepesche meinen Beitrag durch einen Schuss Fröhlichkeit und leihe mir von Konrad Adenauer den Spruch: «Alle menschlichen Organe werden einmal müde – nur die Zunge nicht». Da hat er aber nicht Recht, [...] denn die Zunge meines Kollegen und Freundes Professor Bohdan Maksymtschuk ist jetzt müde und möchte sich unbedingt mit einem Schluck köstlichen Getränks auf das Wohl unseres Geburtstagskindes Wolodymyr Sulym und auch auf unser aller Wohl erquilen [R. Brunner: Laudatio auf W. Sulym, zum 50. Geburtstag, 2009].*

Підсумуємо варіативність кінцівки лаудації в німецькій та українській мовах з погляду кількісного аналізу (табл. 1).

Таблиця 1

Тематика кінцівки лаудацій в німецькій та українській мовах

Тема кінцівки	Німецька мова, %	Українська мова,%
Вітання	32	20
Побажання	0	56
Вдячність	28	8
Особлива заслуга	12	2
Якості	8	2
Жарт	8	0
Вираження почуттів	6	4
Віршовані рядки	2	6
Цитата	2	2
Заклик	2	0

На основі зазначеної вище таблиці можна зробити висновки про множинність варіантів заключної частини похвальної промови: від вітань та побажань до жартів та закликів на майбутнє. Проте функція цієї частини промови в обох досліджуваних мовах залишається сталою – викликати позитивні емоції в адресата лаудації. Відмінності, що спостерігаємо у обох мовах, можна пояснити тематикою зібраних похвальних промов, національними особливостями та менталітетом.

Список використаної літератури

1. Абрамович С.Д. Риторика загальна та судова / С.Д. Абрамович, В.В. Молдован, М.Ю. Чикарькова. – К.: Юрінком Інтер, 2002. – 416 с.
2. Аристотель Риторика. Поэтика / Аристотель ; пер. с древнегреч. О. Цыбенко, В. Аппельрот. – М.: Лабиринт, 2000. – 224 с.
3. З любов'ю до людей, з вірою в Україну: Зб. на пошану Володимира Снітинського ; упоряд. А. Куза. – Львів: ЛНАУ, 2008. – 340 с.
4. Мацько Л.І. Риторика / Л.І. Мацько, О.М. Мацько. – К.: Вища школа, 2003. – 311 с.
5. Прокопович Ф. Філософські твори / Ф. Прокопович [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://litopys.org.ua/procop/proc106.htm> (останнє звернення 10.03.2020).
6. Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2000-2001 / Red. Michael Assmann. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2001. – 264 S.
7. Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2002 / Red. Michael Assmann. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2002. – 256 S.

8. Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2005 / Red. Michael Assmann. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2005. – 231 S.
9. Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2009 / Red. Michael Assmann. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2009. – 288 S.
10. Iffy L. Laudation to the midwives / L. Iffy // *Orvosi Hetilap*. – 2018. – Vol. 159. – Issue 26. – P. 1079–1083. DOI: 10.1556/650.2018.31160.
11. Lurson B. Politics and Rhetoric at the End of the Eighteenth Dynasty / B. Lurson // *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*. – 2019. – Vol. 146. – Issue 2. – P. 164–208. DOI: 10.1515/zaes-2019-0017.
12. Prihodko G. Specific Nature of Evaluative Speech Acts / G. Prihodko // *Advanced Education*. – 2018. – Issue 9. – P. 201–205. DOI: 10.20535/2410-8286.128232.
13. Pepe C. (Re)discovering a Rhetorical Genre: Epideictic in Greek and Roman Antiquity / C. Pepe // *Res Rhetorica*. – 2017. – Issue 1. – P. 17–31. DOI: 10.29107/rr2017.1.2.
14. Dionne J. Greening epideictic speech / J. Dionne // *Environmental Communication Pedagogy and Practice*. – Oxford: Routledge, 2017. – P. 223–228.
15. Petlyuchenko N. Features of Expressive Female Speech in the Political Discourse of Spain and Latin America / N. Petlyuchenko // *Advanced Education*. – 2019. – Issue 12. – P. 212–219. DOI: 10.20535/2410-8286.155500.
16. Turyshcheva O. Lexeme Mein- Part-Of-Speech Appurtenance in the Modern German Grammar in the Framework of Optimality Theory / O. Turyshcheva // *Advanced Education*. – 2017. – Issue 7. – P. 51–56. DOI: 10.20535/2410-8286.92455.
17. Atkins Ju. “Strangers in their own Country”: Epideictic Rhetoric and Communal Definition in Enoch Powell’s “Rivers of Blood” Speech / Ju. Atkins // *Political Quarterly*. – 2018. – Vol. 89. – Issue 3. – P. 362–369. DOI: 10.1111/1467-923X.12548.
18. Шаповалова Т.А., Витютнева А.С. Манипулятивный потенциал эпидейктической речи / Т.А. Шаповалова, А.С. Витютнева // *Вестник Томского государственного университета. История*. – 2015. – Вып. 6. – С. 74–78. DOI: 10.17223/19988613/38/12.
19. Balot R.K. Epideictic Rhetoric and the Foundations of Politics / R.K. Balot // *Polis*. – 2013. – Vol. 30. – Issue 2. – P. 274–304. DOI: 10.1163/20512996-90000542.

SPECIFICITIES OF THE LAUDATORY SPEECH CLOSING PART

Nataly I. Palamar, Ivan Franko Lviv National University (Ukraine)

E-mail: pryn_natalie@yahoo.de

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-31

Key words: *epideictic speech, praise speech, laudation, public address, composition, Closing part, conclusion, thematic-content material.*

The laudatory speech is the key form of realisation of “praise” delivered on the occasion of solemn anniversary celebrations, prize awards, etc. The study of “praise” in terms of rhetorics is completely justifiable and quite natural since *the laudatory speech* belongs to *the three main types of speeches* first distinguished and outlined by Aristotle: *deliberative (political), judicial, and epideictic (ceremonial)*. The aim of the deliberative (political) speech is to encourage or discourage, the judicial speech accuses or acquits, and the epideictic speech praises or blames [2, p.70-81]. The last one of the three main types of speeches with its specific features and characteristics is the subject matter of the current paper.

The laudatory speech is a common text type, a form of social interaction realized in public, a direct (face-to-face) type of communication unrestricted by any temporal and spatial boundaries, which is characterised by the absence of spontaneity and is monologic by its nature. *The text of the speech* is formed by sets of complex speech acts, and it can be described as a conventional typical combination of contextual (situational), communicative-functional, and structural (grammatical and thematic) features.

Already since antiquity and hence, one of the key demands for any speech has been its clear logical structuring and internal coherence between its structural parts. The universal static (invariant) *compositional structure of any speech* has always been considered to be the one consisting of the following parts: *the Introduction, the Main Body and the Closing part*. Each part has its own specific features which

are taken into account at the preparation stage. *The Introduction (the opening part) and the Closing part* form the so-called framing of the speech and perform a crucial function in exerting a particular influence on the addressee.

The article provides a detailed overview of the peculiarities of *the Closing part of the laudatory speech (Laudation)* based on the analysis of its functioning in German and Ukrainian. *The Closing part (the Conclusion)* is one of the three integral components of any speech type, which along with *the Introduction* forms the so-called framing of the speech. These structural components are obviously smaller in size than *the Main Body*, i.e. the layout of the speech, which contains arguments supporting a particular standpoint; yet the role of *the Introduction* as well as that of *the Closing part* should not be underestimated. The function of *the Introduction* to the laudatory speech lies in a specific presentation of the topic (the setting of the scene), while the function of *the Closing part* is to recap and conclude all the things mentioned. Violations in the structural component proportions of the speech reduce its effectiveness [5, p. 201].

The aim of *the Closing part* depends primarily on the type of speech and specific circumstances. Following F. Prokopovych, *the Closing part* consists of two structural components: the enumeration of the things mentioned and the excitement of feelings [5, p. 240]. Yet, according to the factual data coming from the analysed corpus of *laudatory speeches*, it is only the latter that is attributable to *the Closing part of the laudatory speech* in the Ukrainian and German languages, which is directed only at evoking feelings. While summing up, the speaker strives to arouse in the audience the feelings of joy, love, and respect towards a particular person.

The main *closing part* topics of the studied laudatory speeches are as follows: congratulations of the addressee, well-wishing, gratitude for the accomplishments and a significant contribution in a certain sphere of activity, reference to particular distinctive personal traits that make the addressee an outstanding person, expression of emotions and feelings towards the addressee, poetic verses composed in honour of the addressee, wisdom quotes and a plea for further remarkable achievements.

References

1. Abramovych, S.D. *Rytoryka zahalna ta sudowa* [General rhetoric and court rhetoric]. Kyiv, Yurinkom Inter Publ., 2002, 416 p.
2. Aristotle. *Rytoryka. Poetyka* [Rhetoric. Poetics]. Moscow, Labirynt Publ., 2000, 224 p.
3. Kusa, A. (ed.) *Z ljubowju do ljudej, z wiroju w Ukrajynu* [With love to the people, with belief in Ukraine]. Lviv, LNAU Publ., 2008, 340 p.
4. Macko, L.I., Macko O.M. *Rytoryka* [Rhetoric]. Kyiv, Vyscha shkola Publ., 2003, 311 p.
5. Prokopovych, F. *Filosofski tvory* [Philosophical works]. Available at: <http://litopys.org.ua/procop/proc106.htm> (Accessed 10 March 2020).
6. Assmann, M. (ed.) *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2000-2001*. Göttingen, Wallstein Verlag, 2001, 264 p.
7. Assmann, M. (ed.) *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2002*. Göttingen, Wallstein Verlag, 2002, 256 p.
8. Assmann, M. (ed.) *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2005*. Göttingen, Wallstein Verlag, 2005, 231 p.
9. Assmann, M. (ed.) *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung Darmstadt. Jahresbuch 2009*. Göttingen, Wallstein Verlag, 2009, 288 p.
10. Iffy, L. Laudation to the midwives. *Orvosi Hetilap*, 2018, vol. 159, issue 26, pp. 1079-1083. DOI: 10.1556/650.2018.31160.
11. Lurson, B. Politics and Rhetoric at the End of the Eighteenth Dynasty. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*, 2019, vol. 146, issue 2, pp. 164-208. DOI: 10.1515/zaes-2019-0017.
12. Prihodko, G. Specific Nature of Evaluative Speech Acts. *Advanced Education*, 2018, issue 9, pp. 201-205. DOI: 10.20535/2410-8286.128232.
13. Pepe, C. (Re)discovering a Rhetorical Genre: Epideictic in Greek and Roman Antiquity. *Res Rhetorica*, 2017, issue 1, pp. 17-31. DOI: 10.29107/rr2017.1.2.
14. Dionne, J. Greening epideictic speech. *Environmental Communication Pedagogy and Practice*. Oxford, Routledge, 2017, pp. 223-228.
15. Petlyuchenko, N. Features of Expressive Female Speech in the Political Discourse of Spain and Latin America. *Advanced Education*, 2019, issue 12, pp. 212-219. DOI: 10.20535/2410-8286.155500.
16. Turysheva, O. Lexeme Mein- Part-Of-Speech Appurtenance in the Modern German Grammar in the Framework of Optimality Theory. *Advanced Education*, 2017, issue 7, pp. 51-56. DOI: 10.20535/2410-8286.92455.

17. Atkins, Ju. "Strangers in their own Country": Epideictic Rhetoric and Communal Definition in Enoch Powell's "Rivers of Blood" Speech. *Political Quarterly*, 2018, vol. 89, issue 3, pp. 362-369. DOI: 10.1111/1467-923X.12548.

18. Shapovalova, T.A., Vitjutneva, A.S. Manipulative Potential of the Epideictic Speech. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Istoriya – Tomsk State University Journal of History*, 2015, vol. 6, pp. 74-78. DOI: 10.17223/19988613/38/12.

19. Balot, R.K. Epideictic Rhetoric and the Foundations of Politics. *Polis*, 2013, vol. 30, issue 2, pp. 274-304. DOI: 10.1163/20512996-90000542.

Одержано 6.12.2019.

УДК 82.0:821.161.2

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-32

О.М. ТУРЧАК,
*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри англійської філології та перекладу
Університету імені Альфреда Нобеля (м. Дніпро)*

ЕПІТЕТ ЯК ТВОРЧИЙ ЕЛЕМЕНТ ІДІОСТИЛЮ ГРИГОРА ТЮТЮННИКА

У статті аналізується мова творів Григора Тютюнника. Увагу зосереджено на особливостях функціонування епітетів з погляду їхніх художньо-виражальних можливостей, залежності від контексту та індивідуально-авторського використання. Епітети є важливим показником індивідуального стилю Григора Тютюнника. Вони допомагають зрозуміти створені автором мовні картини світу.

У сучасній лінгвістиці вивчення епітета акцентується на його обмежувальній та описово-поширювальній функціях. Роль обмежувальної функції – виокремити певний предмет із низки однорідних, тобто індивідуалізувати його. Роль описово-поширювальної функції – дати додаткову оцінну або образну характеристику. У творах Григора Тютюнника вдало переплелися обидві функції епітетів.

Епітети письменником використовуються як поліфункціональна одиниця, оскільки багатство своєї реалізації вони отримують у художньому тексті й зумовлені естетичним світосприйняттям автора. Епітети акцентують увагу читача не на типовій ознаці, а на особливості, властивій для конкретного моменту мовлення. Завдяки такій особливості епітета зростає і його роль у відображенні індивідуально-авторської картини світу.

Основою епітетів Григора Тютюнника зазвичай є прикметники. Велику кількість серед них становлять назви кольорів. Характерною прикметою ідіостилю письменника є використання кількох епітетів в одному відрізку тексту. У творах Григора Тютюнника використовується складна природа епітета, у якій поєднуються та взаємодіють різні чинники: мовні, стилістичні, психологічні. Це дає можливість зрозуміти еволюцію свідомості письменника, його мислення, особливості ставлення до світу.

Ключові слова: епітет, художнє означення, контекст, ідіостиль.

В статье анализируется язык произведений Григора Тютюнника. Внимание сосредоточено на особенностях функционирования эпитетов с точки зрения их художественно-выразительных возможностей, зависимости от контекста и индивидуально-авторского использования. Эпитеты являются важным показателем индивидуального стиля Григора Тютюнника. Они помогают понять созданные автором языковые картины мира.

В современной лингвистике изучение эпитета акцентируется на его ограничительной и описательно-расширительной функциях. Роль ограничительной функции – выделить определенный предмет из ряда однородных, то есть индивидуализировать его. Роль описательно-расширительной функции – дать дополнительную оценочную или образную характеристику. В произведениях Григора Тютюнника удачно переплелись обе функции эпитетов.

Эпитеты писателем используются как полифункциональная единица, поскольку богатство своей реализации они получают в художественном тексте и обусловлены эстетическим мировосприятием автора. Эпитеты акцентируют внимание читателя не на типовом признаке, а на особенности, присущей конкретному моменту речи. Благодаря такой особенности эпитета растет и его роль в отражении индивидуально-авторской картины мира.

Основу эпитетов Григора Тютюнника обычно составляют прилагательные. Большое количество среди них – это цвета. Характерной особенностью идиостиля писателя является употребление нескольких эпитетов в одном отрезке текста. В произведениях Григора Тютюнника используется сложная природа эпитета, в которой сочетаются и взаимодействуют различные факторы: языковые, стилистические, психологические. Это дает возможность понять эволюцию сознания писателя, его мышления, особенности отношения к миру.

Ключевые слова: эпитет, художественное определение, контекст, идиостиль.

Художні засоби образності своїми витокami сягають часів античності. Звісно, відтоді вони зазнали змін, адже змінилася й манера письма та подання інформації в цілому. Але основна функція художніх засобів – естетична, завдання якої – прикрасити мову, урізноманітнити її, збагатити уяву читача різноманітними асоціаціями, залишається без змін.

Люди віддавна пізнавали предмети через їхні властивості, тому варто припустити, що одним із перших тропів був епітет. Хоча до сьогодні точаться суперечки щодо «пальми першості» між епітетом та метафорою. У цьому разі не можна не погодитися з думкою О.М. Фрейденберг, що метафора не могла утворитися відразу, бо не була готовою величиною, і саме епітет був для неї основою [1, с. 72–74].

Епітет неодноразово ставав предметом для вивчення в різні епохи та періоди розвитку мовознавчої науки. До з'ясування особливостей семантики епітетів, їхнього частиномовного вираження та функціонування в художньому тексті зверталися Ф.І. Буслаєв [2], О.М. Велосовський [3], О.О. Потебня [4], С.Я. Ермоленко, С.П. Бибик, Л.О. Пустовіт [5], Н.М. Сологуб [6], В.В. Красавіна [7].

Різномічне вивчення епітетів максимально припадає на кінець XIX – початок XX ст. Кінець XX ст. знаменується більшим приверненням уваги до інших засобів образності, зокрема метафори, метонімії та порівняння. Епітет у цей період, відповідно, дещо відстає в плані дослідження, але аж ніяк не зникає з поля зору мовознавців. Активно досліджують епітети В. Москвін [8; 9], Т. Онопрієнко [10; 11], Б. Томашевський [12]. С.Я. Ермоленко, С.П. Бибик та Л.О. Пустовіт укладено «Словник епітетів української мови» [5].

Наведемо декілька визначень епітета різних мовознавців. «Епітет – один із основних тропів, художнє образне означення, що підкреслює характерну рису, визначальну якість предмета, поняття, дії» [13, с. 76]. Епітет – це «будь-яке художнє означення, призначення якого, як свідчить його етимологічне походження, виявляється в тому, щоб надати предмету поетичності та живопису, тобто визначити індивідуальну якість предмета, яка належить лише йому одному і не переноситься на інші предмети» [5, с.1]. «Епітет – стилістична фігура, троп, що є означенням чи обставиною в реченні як атрибут предмета, дії, стану й характеризується високою емотивно-експресивною зарядженістю, оціннісністю й образністю» [14, с.145].

Ми вважаємо, що епітет – це лексема, яка завдяки образному баченню письменника допомагає іншому слову набуті нового значення або відтінку, підкреслити особливу емоційну, експресивну або оцінну рису поняття, а це, відповідно, проявляється у свідомості читача у вигляді певних художніх образів. Епітети не лише увиразнюють та конкретизують авторське бачення реалій світу, але і є засобом суб'єктивного сприйняття дійсності читача.

Актуальність нашого дослідження полягає в з'ясуванні ролі епітетів у творах Григора Тютюнника.

Метою статті є різномічний аналіз епітетів у творах Григора Тютюнника з обов'язковим урахуванням контексту.

Мета статті передбачає розв'язання таких завдань:

- визначити епітети, характерні для творів Григора Тютюнника;
- з'ясувати роль епітетів у мовній палітрі творів письменника;
- описати стилістичне навантаження епітетів у творах Григора Тютюнника;
- виявити особливості контекстуального використання епітетів майстром художньої деталі;

– проаналізувати їх з погляду просторової організації художнього твору.

Об'єкт дослідження – новели, оповідання та повісті Григора Тютюнника.

Предмет дослідження: структурно-семантичні, семантико-стилістичні особливості епітетів у мовотворчості Григора Тютюнника.

Методи дослідження: структурний метод; описовий метод, який допомагає виявити особливості семантики епітетів; метод контекстуального аналізу, який дає можливість дослідити функціонування епітетів з урахуванням контексту та з'ясувати їхнє функціонально-стилістичне навантаження.

Григора Тютюнника неспроста називають «майстром художньої деталі». Він дійсно віртуозно уміє використати епітет, віднайти в загальновідомому унікальне, неповторне, об-

разно-виразне. Читаючи твори Григора Тютюнника, постійно згадуєш рядки з вірша Ліни Костенко «Страшні слова, коли вони мовчать»: «Людей мільярди і мільярди слів, а ти їх маєш вимовити вперше!» [15]. Так от Григор Тютюнник умів віднайти в буденних словах нові відтінки, надати їм нового звучання. Тому можна з упевненістю сказати, що новели, повісті та оповідання письменника – «це завжди неповторність, якийсь безсмертний дотик до душі» [15].

Епітети є важливим показником індивідуального стилю письменника, адже вони допомагають зрозуміти створені автором мовні картини світу.

У сучасній лінгвістиці вивчення епітета зосереджується на його обмежувальній та описово-поширювальній функціях. Роль обмежувальної функції – виокремити певний предмет із низки однорідних, тобто індивідуалізувати його. Роль описово-поширювальної функції – дати додаткову, оцінну або образну характеристику. У творах Григора Тютюнника вдало переплелися обидві функції епітетів.

Основою епітетів Григора Тютюнника зазвичай є прикметники. Емоційність виписаного образу в епітетах настільки вдало проникає в суть зображуваного, що розкриває в ньому нові, несподівані грані. Багато епітетів побудовані на грі корисничій семантиці. У них майстерність письменника виявляється не лише в тому, щоб знайти вдалий компонент, який не тільки б підкреслив несподіваність асоціацій, а й був би джерелом народження виразного емоційно-оцінного змісту колористичної назви. Багатство барв навколишнього світу письменника надзвичайне. Автором використовуються й традиційні однокомпонентні кольори: **жовтий, голубий, білий, червоний, зелений, рожевий, сірий** тощо, і кольори, утворені повторенням слів та складанням основ: **білий-білий, темно-зелений, синій-пресиний, жовто-зелений, червоно-рожевий** тощо. Крім того, є й індивідуально-авторські епітети-кольороназви: **червоно-сумний, скам'яніло-бузковий, жовтувато-медовий, місячно-рожевий**. Окрему категорію становлять епітети, які виражають неповноту вияву ознаки: **золотенький, синюватий, зеленісінкий, золотавий, червоненький** тощо.

Письменник милується красою природи, підкреслюючи її найрізноманітніші кольори, як, зокрема, у повісті «Климко»: «По дну вибалка поміж камінням справді біг струмок, мив боки тому камінню, полоскав **зеленісінку** травицю, що клалася на воду рівними чубчиками, і ніс **жовте** листя» [17, с. 90] або в оповіданні «На згарищі» в реченнях: «В розщепину провалилась **жовтенька** падалиця» [16, с. 25]; «З-за лісу підіймалася хмарина, і сонце сіяло в долину **жовту** каламуть – мабуть, на дощ. А скрізь на обрії небо було чисте й **голубе**, лише де-не-де лежали на ньому **золотаві** хмарки, мов огребки соломи після жнив» [16, с. 25].

Скільки кольорів, надзвичайно своєрідних і неповторних, існує в навколишньому світі. І таке ж багатство кольорів помічаємо у творах Григора Тютюнника. Надзвичайно описово в повісті «Климко» автор подає осіннє небо: «Климко прокинувся від холодної роси, що впала йому на босі ноги (видно, кидався уві сні), і побачив над собою **скам'яніло-бузкове** небо, яким воно буває лише восени на сході сонця, – без жайворіння, без легких з позолотою хмарок по обр'ю, без усміхненої радості пробудження» [17, с. 78]. В оповіданні «Устим та Оляна» бачимо інший, не менш незабутній колір осені: «В хаті стояла **молочно-синя** імла й ледь відчутна прохолода, що вбирається під осінь до людей, у кого не дерев'яна підлога, а долівка і стіни вутлі, тільки на глини й тримаються» [16, с. 243].

Незвичайними звуками, барвами, характерними прикметами сповнений у письменника ліс, як, наприклад, в оповіданні «На згарищі»: «Сонце заходило червоно. Дощові крапельки на деревах і в травах мерехтіли **червоно-зеленими** іскорками, сповнювали ліс **тоненьким** дзвоном. Хмара сповзла за річку і зупинилася там, розгорнувши над лісом **велетенські ворони** крила. Десь далеко вгорі, над ожередами соломи, скидалися блискавки, поторохувало» [16, с. 30] або в оповіданні «Прослідок» із циклу «Крайнебо»: «Іду узвозом від **глухенької** пристані до крайнеба, що он воно, либонь, близько вже, стоїть між дніпровими кручами, як у **велетенських** воротах, урочисто святе перед ніччю, і на ньому – **тоненька бузкова** підківчина місяця **молодого** з **однісінкою** зорею в парі, теж **бузковою**. Смеркає. На **сивій** од роси траві по долу пасуться коні» [16, с. 243].

Емоційне забарвлення лексем **золотенький** та **червонобокенький** досягається засобами словотвору: «А вже ж і яблук у мене вродило!.. Листя не видно. Наче бджолиний рій

обсів – **золотенькі та червонобокенькі**» [16, с. 163]. За допомогою цих епітетів Григор Тютюнник виділяє в зображуваному характерні риси та ознаки, індивідуалізує його, викликає певне ставлення до нього.

Григор Тютюнник, як майстер художньої деталі, уміє віднайти в одному слові різні відтінки його звучання залежно від контексту. Наприклад, епітет **молоденький** в оповіданні «Деревій» підкреслює особливість природи навесні: «...Тихі весняні повені зійдуть з лук та лугових видолинків, полишивши на **молоденькій** траві рудий слизькуватий мул, занесений хтозна-звідки, з яких земель...» [16, с. 234]. Ця сама лексема в іншому контексті змальовує красу пробудження природи: «У затінках попід гінкою ліщиною (рибалки тут щоосені вудлища собі ріжуть) прозоро-зелені шпичаки конвалій, кропива з-під торішнього листя пнеться, **молоденька**, ще не жалка, якраз на борщ, сям і там стримлять замшілі пні, що пахнуть, як їх вивернути, старими грибами й трошечки йодом» [16, с. 40]. У реченні «Сходив місяць, і було видно, як над водою струмує прозорими пасомцями **молоденький туман**, а в пуцах зблискує дрібна, ще недорідна роса» [16, с. 132] епітет **молоденький** наголошує на неповторній красі вечірнього пейзажу. Замальовка ранішнього пейзажу на основі прикметника **молоденький** постає й у таких рядках: «Я дивлюся на хрести і уявляю собі, куди сягла їхня тінь, коли сонце тільки-но зійшло. А сягла вона, це я недавно бачив, аж на дальні, вкриті **молоденькою** зеленню приподільські кручі, на яких з ранку до вечора гасає дівтора з м'ячем: кручі ті найраніше зустрічають весну» [17, с. 173].

В оповіданні «Холодна м'ята», у якому йдеться про чарівну недовомовленість і складність взаємин Андрія та Лесі, що тільки намічаються і, можливо, ніколи не розвинуться, пейзажна замальовка відповідає настрою героїв: «Над обрієм дотліла і згасла сонячна заграва. Наступила та передвечірня пора, коли повітря стає **джерельно-прозорим** і навіть якісь непомітні досі **тоненькі** дубчики, що там і сям стриміли у заплавах, набрали соковитих контурів і непорушно відбилися на воді, створюючи враження **бездонної глибочини**» [16, с. 54].

У творах Григора Тютюнника є різні відтінки кольору сонця, наприклад, у повісті «Климко»: «Сонце ... заходило супроти куреня **червоно-сумне** і велике. Воно заходило за гори, і гори з цього боку потемнішали, взялися голубою тінню» [17, с. 92]. У повісті «Облога» спостерігаємо таку картину: «Уранці мене розбудило сонце. Його **жовтувато-медове** проміння, що ледь тремтіло на стіні, на якусь мить воскресило в мені тиху, давно забуту радість, котрою я зустрічав зимові ранки в нашій з бабусяю хаті...» [17, с. 21].

У повісті «Облога» багато епітетів, але всі вони різнобарвні та неповторні. Наприклад, художні означення **нуднувато-гарячий, приємний** відтворюють незвідане раніше почуття Харитона: «Піймавши себе на тому, що надто довго, з якимось **нуднувато-гарячим** приливом у грудях дивлюся туди, де ворушиться Катина сорочка, я хутко відвернувся до віконця, відчуваючи, як щоби мені обсипав жаром од незнаного раніше **приємного** сорому...» [17, с. 55]. Епітети **тихий, лагідний** передають ліризм розповіді: «Я любив ці **тихі, лагідні** розповіді про тата, чув їх від багатьох людей і часто думав собі: чому ж ніхто не заступився за нього?» [17, с. 49].

Часто функціонують у творах Григора Тютюнника художні означення з позитивним забарвленням. Наприклад, в оповіданні «Нюра» вони підкреслюють характерні риси героїні, вказують на її вдачу, поведінку: «Вона-бо й справді **найчепурніша** з-поміж усіх трьох нюрівських дівчат: на зріст, як і Нюриха, низенька, дебела, очі чорні, хоча й без материного пороку в зіницях, а вдачі – батькової, **лагідної і полохливої**» [16, с. 220]. Подібну функцію виконують епітети **добрий** та **лагідний** в оповіданні «Устим та Оляна»: «... Син Петько, **добрий лагідний** хлопець, худий і носатенький, як і Устим (він працював у Полтаві шофером на молоковозі)» [16, с. 243].

Використання кількох епітетів, їхнє вдале поєднання, насиченість великою кількістю епітетів одного відрізка тексту – це характерна прикмета ідіостилію письменника. Наприклад, особливу пейзажну замальовку можна спостерігати в такому уривку: «Іду узвозом від **глухенької** пристані до крайнеба, що он воно, либонь, близько вже, стоїть між дніпровими кручами, як у **велетенських** воротах, урочисто **святе** перед ніччю, і на ньому – **тоненька бузкова** підківчина місяця **молодого** з **однісінькою** зорею в парі, теж **бузковою**. Смеркає. На **сивій** од роси траві по долу пасуться коні» [16, с. 234].

Автор уміє опоетизувати пейзаж, знайти незвичайне в буденному, як наприклад в описі зимової природи в повісті «Облога»: «У полудень туман зійшов. З-за хмар прозирнуло сонце, і стало видно **далекі сірі, в голих деревах, села, ріденькі переліски, припушені інеем, та чорну смугу дороги попереду, що п'ялася посеред снігів на гору**» [17, с. 65].

Не оминув автор і теми про нещасливу долю людей, про їхнє важке й виснажливе життя в роки війни. Зі сторінок повісті «Климко» постає перед нами хлопчик, який виявив у свої роки таку силу волі, що не всім дорослим до снаги. Климкові властиві такі загальнолюдські якості, як доброта, душевне тепло, милосердя, співчуття до знедолених. Саме через його світосприйняття Григир Тютюнник передає власні роздуми про людське горе, тут відчувається особистий біль письменника. Цей біль обмежений життєвими обставинами, змінити які неможливо: «Климко пішов за ними і скоро побачив базар. Він почунався старцями, що густо сиділи й стояли попід вицвілим зеленим парканом. Були тут зрячі й сліпі, безногі, безрукі, старі й молоді. Кухлики, картузи, пелени, простягнуті коритцем жмені...

– Пода-айте...подайте...подайте... – линуло понад парканом, як одна й та сама **скорботна і жалібна пісня**» [17, с. 103].

Інколи письменник в одному образі, створеному за допомогою епітетів, поєднує різнопланові поняття. Це дозволяє Григорові Тютюннику за допомогою контрасту передати роздуми людини про вічні матерії – життя і смерть, як, наприклад, в оповіданні «Поминали Маркіяна»: «**Та сумна і велична синювата далечінь наверху Маркіянових односельців до думки про власну смерть, і розмова про небіжчика якось сама собою увірвалася**» [16, с. 108]. Додає загадковості в мовній картині світу епітет **синюватий**. Аналогічну функцію виконує епітет **нещасний** у новелі «Три зозулі з поклоном»: «**Соню! Не суди мене гірко. Але я ніколи нікому не казав неправди і зараз не скажу: я чую щодня, що десь тут коло мене ходить Марфина душа нещасна. Соню, сходи до неї і скажи, що я послав їй, як співав на ярмарках Зінківських бандуристочка сліпий, послав три зозулі з поклоном, та не знаю, чи перелетять вони Сибір несходиму, а чи впадуть од морозу. ... Сходи, моя єдина у світі Соню! Може, вона покличе свою душу назад, і тоді до мене хоч на хвилюк приїде забуття**» [16, с. 284]. У «Степовій казці», щоб описати натруджених і виморених щоденною працею людей, Григир Тютюнник використовує епітет **вморений**, який вдало підкреслює висловлену письменником думку й тим самим вказує на майстерне володіння прозаїка словом: «**Вечорами перед Куреневими дверима горіло вогнище, збиралися вморені люди і співали вморених пісень**» [16, с. 296].

Художнє означення **ніжний** в оповіданні «На переказі» передає почуття Павлентія, коли він допоміг дітям утекти від жорстокого та підступного Шашла, для якого взагалі не-притаманне співчуття до людей: «**Німий, різко налягаючи на весло, погнав човна за хлопчиками, легко, одною рукою, повитягав їх з води, висадив на берег і, доки вони підтюпцем бігли до села, хляпаючи мокрими холішками, задумливо дивився їм услід, і в горлі у нього перекочувалися якісь ніжні, нікому не зрозумілі звуки...**» [16, с. 130].

Слід відзначити, що в мовній канві Григора Тютюнника використовується складна природа епітета, у якій поєднуються та взаємодіють різні чинники: мовні, стилістичні, психологічні. Це дає можливість зрозуміти еволюцію свідомості письменника, його мислення, особливості ставлення до світу. Наприклад: «**І на якусь єдину мить між народженням і смертю блискавиці він уздрів на тлі хмари білі стіни своєї старенької хати, перехнябленої, з потрисканою низькою призьбою, по якій спантеличено снували червоненькі божі корівки, ховаючись від негоди у призьбяні шпарки. Скаженіючий вітер торгикав ворітьми, оббивав на акаціях руді плюсклі млиночки, і вони хурчали в повітрі, як джмелі**» [16, с. 28].

Нерідко основою епітетів виступають складні прикметники, у яких поєднуються дві емоційно забарвлені лексеми, наприклад: **розумно-лагідний, весело-заохочувальний, зморено-тривожний, спантеличено-здивований**. Ці епітети досконало довершені й прекрасно вмотивовані в тканину тексту. Художнє означення **весело-заохочувальний** в оповіданні «Грамотний» підкреслює тональність голосу: «**Молоді хлопці-механізатори, що стовпилися під «гальоркою» і пихкали цигарками, зареготіли, хтось із-поміж них крикнув весело-заохочувальним баском...**» [16, с. 279]. **Зморено-тривожний** – так передає пись-

менник у повісті «Облога» зусилля людини, які вона докладає для досягнення певної мети: «Його захриплий від горілки гучний голос, що линув аж з-під стелі, розлягався по обох кімнатах, перекриваючи стогін вітру за стінами, тріск рації й **зморено-тривожне** допитування Коті в когось далекого, невідомого...» [17, с. 51].

Отже, епітети створюють своєрідність мови та стилю Григора Тютюнника. У художніх означеннях виразно проявляється конкретний оціночний момент, що передає ставлення письменника до героїв, подій, явищ, допомагає повніше розкрити характер персонажів. Письменник уміє дібрати потрібне слово, підмітити деталь, яка є важливою в створенні словесного образу. Автор віртуозно виділяє найбільш істотне, яскраве, що допомагає виразити художню мову. Місткі, насичені епітети надають реченням інформативності й водночас стислості та точності оповіді, наповнюючи її ліричним струменем.

Як бачимо, у використанні епітетів прослідковується оригінальний підхід автора, мета якого – висловити власні міркування, передати своє світобачення. Ефективність епітета в мові творів письменника посилюється контекстом та асоціаціями самих читачів, які у своїй уяві малюють власні картини прочитаного, надаючи суб'єктивної оцінки особам, предметам, явищам об'єктивної дійсності. Отже, роль епітетних лексем насамперед експресивно-оцінна, підсилювальна та уточнювальна.

Епітети у творах Григора Тютюнника є засобом деталізації ознаки та її інтенсивності. Специфіка виявляється й у доборі епітетів. Це може бути як низка різнопланових художніх означень, так і виділення та актуалізація того самого слова. Яскравою особливістю є оказіональні епітети, наприклад **розумно-лагідний, весело-заохочувальний, зморено-тривожний**.

Дослідження функціонування епітетів у творчості Григора Тютюнника дозволяє зробити такі висновки:

– епітети письменником використовуються як поліфункціональна одиниця, оскільки багатство своєї реалізації вони отримують у художній тканині твору й зумовлені естетичним світосприйняттям автора;

– епітети – це спосіб художнього освоєння навколишнього світу. Тільки-но змінюється художнє відображення дійсності, змінюється й функція епітета, і, відповідно, його значення. Це було продемонстровано на прикладі однієї лексеми-епітета **молоденький**. У цьому випадку можна навіть говорити про постійний епітет;

– епітети акцентують увагу читача не на типовій ознаці, а на особливості, властивій для конкретного моменту мовлення. Завдяки такій особливості епітета зростає й його роль у відображенні індивідуально-авторської картини світу.

Список використаної літератури

1. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. – М.: Наука, 1978. – 800 с.
2. Буслаев Ф.И. Предмет и его эпитет / Ф.И. Буслаев // Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 289–291.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 404 с.
4. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – К.: Синто, 1993. – 343 с.
5. Словник епітетів української мови / За ред. С.П. Бибик, С.Я. Єрмоленко, Л. О. Пустовіт. – К.: Довіра, 1998. – 430 с.
6. Сологуб Н.М. Мовний портрет Яра Славутича / Н.М. Сологуб. – К.: Дніпро; Вінніпег: Українська Вільна Академія Наук, 1999. – 152 с.
7. Красавіна В.В. Структурно-семантичні, стилістичні та текстові функції епітета в історичному романі (на матеріалі творів другої половини XIX – першої половини XX ст.): автореф. дис... канд. філол. наук / В.В. Красавіна. – К., 2005. – 20 с.
8. Москвин В. Метафора и эпитет / В. Москвин // Русская метафора. Очерк семиотической теории. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – С. 24–33.
9. Москвин В. Эпитет в художественной речи / В. Москвин // Русская речь. – 2001. – № 4. – С. 28–32.

10. Онопрієнко Т. Епітет у системі тропів сучасної англійської мови (Семантика. Структура. Прагматика): автореф. дис... канд. філол. наук / Т.М. Онопрієнко. – Харків, 2002. – 19 с.
11. Онопрієнко Т. Епітет як первісний троп і системоутворюючий центр тропіки / Т. Онопрієнко // Вісник Житомирського державного педагогічного університету. – 2001. – № 8. – С. 127–130.
12. Томашевский Б. Эпитет / Б. Томашевский // *Стилистика*. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. – С. 195–204.
13. Ганич І.Д. Словник лінгвістичних термінів / І.Д. Ганич, І.С. Олійник. – К.: Вища школа, 1985. – 360 с.
14. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.
15. Костенко Л. Страшні слова, коли вони мовчать [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ukrcenter.com/> (останнє звернення 09.03.2020).
16. Тютюнник Г.М. Твори: у 2 книгах / Г.М. Тютюнник. – К.: Молодь, 1984. – Кн. 1: Оповідання. – 328 с.
17. Тютюнник Г.М. Твори: у 2 книгах / Г.М. Тютюнник. – К.: Молодь, 1985. – Кн. 2: Повісті. – 328 с.

EPITET AS A CREATIVE ELEMENT OF HRYHIR TIUTIUNNYK'S IDIOSTYLE

Olena M. Turchak, Alfred Nobel University, Dnipro (Ukraine)

E-mail: olena.duep@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-32

Key words: *epithet, artistic definition, context, idiosyncrasy.*

The article analyzes the language of Hryhir Tiutiunnyk's works. Attention is focused on the peculiarities of the functioning of epithets in terms of their artistic and expressive capabilities, depending on the context and individual authorial use. Epithets are an important indicator of Hryhir Tiutiunnyk's individual style. They help to understand the linguistic pictures of the world created by the author.

In modern linguistics, the study of the epithet emphasizes its restrictive and descriptive-disseminating functions. The role of the limiting function is to separate a certain object from a number of homogeneous ones, to individualize it. The role of the descriptive-disseminating function is to give an additional, evaluative or figurative characteristic. In the works of Hryhir Tyutyunnik both functions of epithets were successfully intertwined.

Epithets are used by the writer as a multifunctional unit, because the richness of their realization they receive in the literary text and due to the aesthetic worldview of the author. Epithets do not focus the reader's attention on a typical feature, but on the features inherent in a particular moment of speech. Due to this feature of the epithet, its role in reflecting the individual author's picture of the world is growing.

The basis of Hryhir Tiutiunnyk's epithets are usually adjectives. A large number of them are colors. A characteristic feature of the writer's idiosyncrasy is the use of several epithets in one piece of text. The works of Hryhir Tiutiunnyk use the complex nature of the epithet, which combines and interacts different factors: linguistic, stylistic, psychological. This makes it possible to understand the evolution of the writer's consciousness, his thinking, the peculiarities of the attitude to the world. The writer is able to combine diverse concepts in one image created with the help of epithets. This allows Hryhir Tiutiunnyk to convey human thoughts about eternal matter with the help of contrast.

The use of epithets traces the original approach of the author, whose goal is to express their own opinions, to convey their worldview. The effectiveness of the epithet in the language of the writer's works is enhanced by the context and associations of the readers themselves, who in their imagination draw their own pictures of what is read, giving a subjective assessment of persons, objects, phenomena of objective reality. Thus, the role of epithet tokens is primarily expressive and evaluative.

References

1. Freudenberg, O.M. *Mifi literatura drevnosti* [The myth and literature of antiquity]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 800 p.
2. Buslayev, F.I. *Predmet i ego epitet* [Subject and its epithet]. In: Buslayev, F.I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959, pp. 289-291.

3. Veselovsky, A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 404 p.
4. Potebnya, A.A. *Mysl i yazyk* [Thought and Language]. Kiev, Sinto Publ., 1993, 343 p.
5. Bibik, S.P., Yermolenko, S.Ya., Pustovit, L.O. (eds.) *Slovník epitetiv ukrajinskoyi movi* [Dictionary of epithets of Ukrainian language]. Kiev, Dovira Publ., 1998, 430 p.
6. Sologub, N.M. *Movnij portret Yara Slavuticha* [Language portrait of Yar Slavutych]. Kiev, Dnipro; Vinnipeg: Ukrayinska Vilna Akademiya Nauk Publ., 1999, 152 p.
7. Krasavina, V.V. *Strukturno-semanticni, stilistichni ta tekstovi funkciyi epiteta v istorichnomu romani (na materialii tvoriv drugoyi polovini XIX – pershoi polovini XX st.)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Structural-semantic, stylistic and textual functions of the epithet in a historical novel (based on the works of the second half of the 19th – first half of the 20th century)]. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Kiev, 2005, 20 p.
8. Moskvín, V. *Metafora i epitet* [Metaphor and epithet]. In: Moskvín, V. *Russkaya metafora. Ocherk semioticheskoy teorii* [Russian metaphor. Essay on semiotic theory]. Moscow, LENAND Publ., 2006, pp. 24-33.
9. Moskvín, V. *Epitet v hudozhestvennoj rechi* [Epithet in Art Speech]. *Russkaya rech* [Russian Language], 2001, no. 4, pp. 28-32.
10. Onopriyenko, T. *Epitet u sistemi tropiv suchasnoyi anglijskoyi movi (Semantika. Struktura. Pragmatika)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Epithet in the system of tropes of modern English (Semantics. Structure. Pragmatics)]. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Kharkiv, 2002, 19 p.
11. Onopriyenko, T. *Epitet yak pervisnij trop i sistemoutvoryuyuchij centr tropiki* [Epithet as the original trope and the system-forming center of the tropics]. *Visnik Zhitomirskogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu* [Bulletin of Zhytomyr State Pedagogical University], 2001, no. 8, pp. 127-130.
12. Tomashevsky, B. *Epitet* [Epithet]. In: Tomashevsky, B. *Stilistika* [Stylistics]. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta Publ. 1983, pp. 195-204.
13. Hanych, I.D., Olijnyk I.S. *Slovník linhvistychnykh terminiv* [Dictionary of linguistic terms]. Kiev, Vyscha shkola Publ., 1985, 360 p.
14. Selivanova, O.O. *Suchasna lingvistika: terminologichna enciklopediya* [Modern linguistics: terminological encyclopedia]. Poltava, Dovkilya-K Publ., 2006, 716 p.
15. Kostenko, L. *Strashni slova, koli voni movchat* [Terrible words when they are silent]. Available at: <http://www.ukrcenter.com/> (Accessed 09 March 2020).
16. Tiutiunnyk H.M. *Tvory: u 2 knyгах* [Works: in 2 volumes]. Kiev, Molod` Publ., 1984, vol. 1, 328 p.
17. Tiutiunnyk H.M. *Tvory: u 2 knyгах* [Works: in 2 volumes]. Kiev, Molod` Publ., 1984, vol. 2, 328 p.

Одержано 6.12.2019.

УДК 811.133.1'42.373
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-33

I.V. TSYMBAL,
*Candidat ès Sciences Psychologiques,
enseignante du département de théorie, pratique et traduction du français
à l'Université technique nationale d'Ukraine
"Institut polytechnique Igor Sikorsky de Kiev"*

LES PARTICULARITÉS LEXICALES ET STYLISTIQUES DES TITRES DE LA PRESSE D'ACTUALITÉ FRANÇAISE DANS LE CONTEXTE DE L'ÉPIDÉMIE DE CORONAVIRUS

L'article est consacré à l'étude des particularités lexicales et stylistiques des titres de la presse d'actualité française dans le contexte de l'épidémie de coronavirus.

Le rôle et les fonctions des titres sont déterminés. L'étude a montré que les titres de la presse française pendant l'épidémie de coronavirus ont les fonctions nominative, informative et expressive. Le titre nomme donc l'article, reflète son idée principale, intéresse les lecteurs et attire leur attention sur le problème traité.

Les titres des journaux français tels que Le Monde, Le Figaro, L'Opinion, Libération, Les Echos, La Provence, Le Parisien du 9 mars au 15 avril ont été analysés. Les types de titres les plus courants dans la presse française sont identifiés: titres-constatation et résumé, titres-citations, titres-intrigue et sensation. D'autres types de titres largement utilisés dans les journaux français ont également été révélés: les titres contenant une question et les titres contenant le mot-clé de l'article à leur début.

Les titres des journaux français se caractérisent par l'emploi des moyens expressifs différents: les plus fréquents sont allusions, inclusions intertextuelles, jeu de mots, rime, métaphores. Ces moyens servent à attirer l'attention du lecteur sur l'article, rendre la page entière plus positive et à rééquilibrer l'information négative et positive du journal.

Les journalistes emploient des métaphores dans les titres des articles, utilisent des mots comme virus, épidémie, contagion au sens figuré. Les auteurs rendent les titres de leurs articles plus expressifs en utilisant les expressions idiomatiques associées aux activités professionnelles des personnes de l'article.

De plus les auteurs de la presse d'actualité française cachent des allusions aux expressions idiomatiques, proverbes, etc. en les modifiant selon le contexte de l'article afin de rendre le titre plus original. Un grand nombre d'inclusions intertextuelles, d'allusions à des œuvres littéraires, cinématographiques, etc. témoignent de l'éducation des lecteurs de la presse française et de leurs intérêts divers.

Mots-clés: titre, presse d'actualité française, allusion, expressions idiomatiques.

Статтю присвячено дослідженню лексико-стилістичних особливостей заголовків французької новинної преси в умовах епідемії коронавірусу.

Заголовки найчастіше подаються у вигляді короткого речення, структура якого є стислою, структурною та граматичною засоби прості, аби заголовок, так само як і вся стаття, могли однаково легко сприйматись будь-яким читачем. **Окреслено роль та функції заголовків новинної преси. Дослідження показало, що заголовкам французької новинної преси періоду епідемії коронавірусу притаманні більшою мірою номінативна, інформативна та експресивна функції: заголовок має відображати основну думку тексту, зацікавити читача та привернути його увагу до статті.**

Матеріалом дослідження були заголовки французьких газет, таких як Le Monde, Le Figaro, L'Opinion, Libération, Les Echos, La Provence, Le Parisien. Визначено найбільш поширені види заголовків у французькій новинній пресі: заголовок-констатація і резюме, заголовок-цитата, заголовок-інтрига і сенсація.

Окрім заголовків-констатацій і резюме, що передають основний зміст викладеної інформації, французькі газети характеризуються емоційно-забарвленими, експресивними заголовками. Серед

експресивних засобів, найбільш частотні – алюзії (інтертекстуальні вклучення), гра слів, рима. Вони служать для того, аби привернути увагу читача до статті та збалансувати подачу негативної та позитивної інформації у виданні. Журналісти вживають у заголовках статей французької новинної преси метафори, використовують такі слова як *virus*, *épidémie*, *contagion* у переносному значенні. Автори надають більшої експресивності заголовкам своїх статей, модифікуючи ідіоматичні вирази, пов'язані з професійною діяльністю людей, про яких йде мова у статті, адаптуючи ідіому до ситуації, описаної у статті, приховують у своїх заголовках алюзії на ідіоматичні вирази, прислів'я тощо. Велика кількість інтертекстуальних вклучень, алюзій на франко- та англomовні літературні, кінематографічні твори, пісні та ін. свідчить про освіченість читачів французької новинної преси та широке коло їхніх інтересів.

Ключові слова: заголовок, французька новинна преса, алюзія, ідіоматичні вирази.

Introduction. La presse d'actualité est un moyen traditionnel d'apprendre des nouvelles du monde entier à l'époque des journaux et magazines numériques. En temps d'épidémie et de quarantaine la presse devient un moyen fiable de la diffusion de l'information importante et actuelle dans les conditions du confinement.

Bien que les titres de la presse française et ses particularités lexicales, sémantiques, stylistiques, grammaticales et d'autres ont été étudiées par plusieurs linguistes: A. Georgieva et Ju. Ol'hovikova, V. Kuporosova, A. Kurmygina, E. Plaksina et M. Kusova, A. Podvalova et E. Jurina [1; 2; 3; 4; 5] et beaucoup d'autres, il reste beaucoup d'aspects à examiner. Et notamment l'influence du flux de nouvelles inquiétantes lié à l'épidémie de coronavirus sur les titres de la presse d'actualité française.

De nombreux chercheurs étrangers ont abordé le thème des titres (rôle de la presse écrite et son influence sur les lecteurs, emploi des moyens linguistiques manipulateurs dont le but est d'attirer l'attention des lecteurs et créer des nouvelles sensationnelles etc.) ce qui confirme leur intérêt pour le problème [6; 7; 8; 9; 10].

Le but de l'article est d'étudier les particularités lexicales et stylistiques des titres de la presse d'actualité française et, en particulier, les moyens d'exprimer l'information négative dans le contexte de l'épidémie de coronavirus.

Les titres de journaux aident le lecteur à parcourir les nombreux articles de journaux, à trouver les articles et l'information les plus importants et intéressants uniquement pour eux et, en conséquence, l'incite à acheter ce journal, surtout à l'époque où la presse écrite traverse des moments difficiles face à la concurrence des éditions numériques. Si le titre de l'article a intéressé un lecteur, il va décider de lire ou non le tout de l'article.

Les titres de la presse d'actualité sont présentés le plus souvent sous forme d'une phrase courte dont la structure est concise, les moyens structurels et grammaticaux sont simples afin que tout lecteur puisse saisir du premier coup le sens du titre et, par conséquent, de tout l'article.

Quant aux fonctions des titres, d'après l'étude d'A. Podvalova et E. Yurina ce sont les fonctions nominative, informative et expressive qui sont propres aux titres des journaux d'actualité français [5]. Donc, dénommant l'article, le titre doit refléter l'idée principale du texte, intéresser le lecteur et attirer son attention sur le matériel publié.

Les titres des journaux français tels que *Le Monde*, *Le Figaro*, *L'Opinion*, *Libération*, *Les Echos*, *La Provence*, *Le Parisien* publiés du 9 mars au 15 avril ont été étudiés afin d'analyser leurs particularités lexicales et stylistiques. Les définitions des lexèmes et expressions idiomatiques cités dans notre article sont prises des dictionnaires en ligne renommés [11; 12; 13].

Donc, l'analyse des titres de la presse d'actualité française a montré que parmi les types des titres selon la classification de M. Chostak [14] les plus répandus sont les titres-constatation et résumé, titres-citations pourtant on trouve également des titres-intrigues et sensations.

Le but de ceux derniers et d'épater le lectorat et des les intriguer: eg. *À Mougins, la vague de décès à la maison* [15]; *Coronavirus: la Grèce redoute le pire* [15] et par conséquent l'inciter à lire cet article jusqu'au bout.

Les titres-constatation et résumé ayant la fonction nominative et informative en même temps – *La désinfection des rues a commencé hier* [16] en une phrase présentent le thème principal de l'article.

Les titres-constatation et résumé ont deux structures: le titre-phrase, contenant le sujet et le prédicat (*Le plan d'urgence pour l'économie va atteindre 100 milliards d'euros* et le titre-groupe de mots (*Petite lueur; Retracer la course du virus dans un établissement* [15]).

Les titres-citations dont le but est aussi d'attirer plus d'attention sont de trois types:

1) *Gérald Darmanin: "Je lance un appel à la solidarité nationale"* [15]. **A côté du discours direct** on donne le nom de la personne qu'on cite pour que cette citation ne soit pas impersonnelle surtout si cette personne est connue aux lecteurs (homme d'état, une personne publique etc.)

2) *"Nous avons défini un niveau minimum de fonctionnement des services publics"* [17]. Le nom de la personne citée reste inconnu, soit le nom de la personne citée ne dira rien au lecteur ou il est peu important pour les lecteurs, soit ces paroles **réflètent les idées d'un groupe de personnes**.

3) *Face au confinement, "il faut surtout jouer collectif et faire preuve de bienveillance"* [15]. *Député et confiné, "je passe ma vie au téléphone"* [18]. La citation est partielle et coupe le titre en deux parties.

Parmi les titres-citations on trouve plusieurs titres-sensations: eg. *"Je me serais coupé un bras pour une bouffée d'air frais": le calvaire des Chinois qui ont survécu à l'épidémie* [18].

On révèle de même d'autres types de titres les plus répandus **dans les journaux d'actualité** français:

– titre contenant une question: *Que sera la "Liberté enchaînée" aujourd'hui?* [16];

– titre contenant le mot-clé de l'article, le problème ou le pays (ville) en question en tête: *Coronavirus: les citoyens demandent des mesures strictes* [15]. Ce type de titre indiquant le thème-clé, le problème traité ou le pays dont on parle accentue la problématique de l'article et ainsi attire l'attention du lecteur.

Le principal principe stylistique du journalisme est défini par V. Kostomarov comme la combinaison de l'expression et de la norme, qui constitue les spécificités du discours des journaux [19, p. 346]. Dans le contexte de la pandémie à côté des titres standardisés ne contenant que la constatation, on trouve ceux expressifs où les auteurs utilisent des moyens expressifs différents comme, par exemple, périphrase (eg. *Journal de crise des blouses blanches* (c'est à dire des médecins) [18].

L'inclusion des unités culturelles étrangères aussi bien que celles françaises est un phénomène répandu pour les titres des journaux français [2]. **On a trouvé nombreuses inclusions intertextuelles**, allusions aux:

1) œuvres littéraires françaises: À la recherche du temps perdu [15] au roman de Marcel Proust; Splendeur et misère du journalisme en cinq séries [15] au roman d'Honoré de Balzac "Splendeurs et misères des courtisanes".

Le titre "Vendredi, maman est morte": le carnet de deuil des victimes du coronavirus [18] réfère à l'incipit du roman L'Étranger d'Albert Camus "Aujourd'hui, maman est morte".

2) œuvres littéraires étrangères: Maintenir ou ne pas maintenir: telle est l'élection [20], ce titre rappelle la phrase célèbre prononcée par le héros du chef-d'œuvre de William Shakespeare, Hamlet: "Être ou ne pas être: telle est la question". Il est à noter que cette citation modifiée par les journalistes français est largement utilisée dans les titres de journaux.

Tendre est la nuit [15]: l'article annonce la sortie du nouvel album d'Yael Naim "Nightsongs" ("les chansons de nuit" en français) en faisant allusion au roman de l'auteur américain Francis Scott Fitzgerald "Tender is the Night".

L'auteur de l'article *Paul Léautaud, le vieil homme et l'amer* [15] utilise le calembour dans son titre, en jouant avec les homonymes (les noms (la) mer et (l') amer) et en faisant ainsi allusion au roman d'Ernest Hemingway "Le Vieil Homme et la Mer".

Coronavirus. La foire politique aux vanités [21] est une inclusion intertextuelle, allusion au roman de William Makepeace Thackeray "La foire aux vanités".

3) œuvres cinématographiques: Le livreur sonne toujours deux fois [18]: "Le facteur sonne toujours deux fois" ("The postman always rings twice" en anglais) est un film américain, adaptation du roman homonyme de James M. Cain tourné en 1946 et puis en 1981; *La mission impossible de Jérôme Salomon* [18].

4) contes et faibles:

Nanoparticules, mille et un usages et autant de craintes [15]; *La cigale malade et la fourmi frugale* [18].

5) chansons: *Savez-vous planter les clous?* [18] allusion à la chanson populaire et comptine enfantine française "Savez-vous planter les choux?"

Un grand nombre d'inclusions intertextuelles prouve la thèse que les lecteurs français ont une compétence intertextuelle élevée, ils sont ouverts au dialogue culturel [2] et de plus, seuls les lecteurs cultivés pourraient comprendre ces illusions cachées dans les titres.

On constate que les auteurs d'articles font également allusion au domaine où les héros de leurs articles travaillent ou à l'activité dont ils s'occupent (eg. L'article *L'effet boeuf sur les cours n'aura pas lieu* [17] **sur les éleveurs américains de bétail: les prix du bétail aux Etats-Unis ont chuté** de 30 % depuis fin janvier 2020 ce qui a provoqué un effet boeuf (un effet colossal).

Les apiculteurs ont le bourdon [18] sur les agriculteurs élevant et soignant des abeilles et qui n'ont pas le moral ("ont le bourdon") suite à la crise du coronavirus.

Le monde du cirque sur la corde raide [18] **décrit la situation difficile (équivalent à l'expression idiomatique "être sur la corde raide")** où se trouvent les circassiens à cause de l'épidémie.

L'article *De fil en aiguille, toute la France coud* [22] **présente les milliers de personnes fabriquant progressivement ("de fil en aiguille") des masques artisanaux.**

On trouve également des allusions aux expressions idiomatiques modifiées d'après le contexte de l'article et qui rend le titre du dernier plus original.

Pour le meilleur après le pire [15]: **l'auteur de cet article a modifié l'expression "Pour le meilleur et pour le pire"** qui signifie "pour toutes les circonstances de la vie, les bonnes et les mauvaises" souvent prononcée lors des cérémonies de mariages. Dans cet article il s'agit des mariages postconfinement et des amoureux qui se sont déjà mariés dans les conditions du confinement.

Le titre *L'économie française de mal en PIB* [15] fait allusion à l'expression figée "aller de mal en pis" (de plus en plus mal), qui a presque la même prononciation et qui illustre d'une manière implicite le problème traité dans cet article.

Quand Edouard Philippe coupe la table en deux [21]: l'expression idiomatique "couper la poire en deux" signifie "partager par moitié risques et profits; transiger, faire un compromis" et dans le contexte de l'article le titre a double sens: d'un côté le Premier ministre Edouard Philippe a approuvé l'idée du patron des sénateurs de séparer les présidents de groupe et responsables de parti lors des réunions, organisées par le chef du gouvernement français et, d'un autre côté ils ont ainsi trouvé un compromis.

A Paris, la boucherie tire son onglet du jeu [20]: **article sur un boucher dont le chiffre d'affaires a bondi** depuis le début du confinement et qui en a profité. Ce titre contient l'expression idiomatique "Tirer son épingle du jeu" (se retirer adroitement et à temps d'une affaire délicate, d'une partie périlleuse) d'un côté et d'un autre côté – le terme "onglet" (un morceau de viande de boeuf tiré des muscles du diaphragme et fournissant un bifteck apprécié).

Elections / Un premier tour de farce [20]: l'expression "tour de force" – action difficile remarquablement réussie; exercice relevant d'une disposition physique particulièrement extraordinaire) – et remplacée par le nom "farce" ce qui crée un effet tout à fait opposé. Et de plus le nom "tour" a encore une acception: "chacune des consultations dans un vote, qui peut en comporter plusieurs". Ainsi chacun comprendrait le sens de ce titre à sa propre manière.

Ayant analysé les titres des journaux d'actualité en temps d'épidémie on constate que les journalistes recourent au jeu de mots moins souvent qu'auparavant.

On trouve les titres: *Île-de-France. Île de souffrance* [20]; *Roissy. Des airs au désert* [20]; *S'en sortir sans sortir* [18].

L'auteur de l'article *L'Opéra de Paris au hit parade* [20] joue avec les noms "parade" dans l'expression "être au hit parade" (figurer au palmarès des meilleurs succès de vente dans le domaine des disques de variétés et de rock etc.) et "parade" (état marqué par de grosses difficultés, en particulier financières) en créant ainsi l'effet tout à fait opposé.

Christian Louboutin, l'homme au talent haut [15]: **ce titre a double sens et bien qu' "au talent haut" ne se prononce pas identiquement qu' "au talon haut"** (qui se rapporte aux chaussures), il nous rappelle que Christian Louboutin est un créateur de chaussures renommé.

Bas les masques! Le système D pour lutter contre la pénurie [16]: l'expression "Bas les masques" s'emploie pour qu'une personne révèle sa fausseté et qui, dans le contexte de l'épidémie du coronavirus, prend une signification nouvelle (le masque de protection contre le coronavirus).

Les titres rimés étant très expressifs sont aussi bien répandus même dans le contexte de l'épidémie de coronavirus: eg. *Les petites entreprises connaissent bien la crise* [20]; *Livraison de masques: arnaques et micmacs sur le tarmac* [20].

Le confinement, un os pour les noces [20]: où le nom “os” signifie “difficulté, problème” afin de décrire le temps difficile pour les citoyens qui ont dû annuler leur mariage à cause de l'épidémie.

Facebook: fake news à foison, modérateurs à la maison [21]. Ce titre fait allusion au proverbe “À Noël au balcon – À Pâques au tison” qui a la même structure.

En mai, ne fais pas ce qu'il te plaît [16]. En effet, cette phrase est la suite du proverbe “En avril, ne te découvre pas d'un fil; En mai fais ce qu'il te plaît” qui a été modifié selon le contexte de l'article en question. Donc on y parlera du déconfinement à partir du 11 mai 2020 qui aura quelques restrictions.

Déconfinement. L'école s'y colle [20] au lieu de dire que les écoles rouvrent leurs portes le 11 mai, l'auteur de l'article a choisi ce titre rimé qui inclut une expression familière rimant avec le nom de l'établissement d'enseignement en question.

Il est évident que les titres en temps de pandémie de coronavirus abondent en termes tels que virus, coronavirus, Covid-19, épidémie, pandémie, quarantaine, confinement. Examinons de près:

Plusieurs titres d'articles analysés contiennent les expressions avec le mot “face”: *face à quelque chose, à quelqu'un (faire face à)* qui, d'un côté signifie “se présenter devant quelqu'un pour s'opposer à lui, faire front; accepter des risques” et, d'un autre côté, elles font allusion à la contamination du coronavirus: *Face au coronavirus, la vérité des chiffres s'avance masquée* [15]; *Faire face, face à l'épidémie, au virus, à la pénurie* [18]; *Face au président Donald Trump, le docteur Anthony Fauci, la voix de la raison* [18]. Ainsi les auteurs de ces articles soulignent, mettent l'accent sur les difficultés de la crise du coronavirus que les gens doivent surmonter. *Port du masque: la grande volte-face des autorités* [15]: “volte-face” est une calque de l'italien “voltafaccia” “demi-tour”, composée de volta, impératif de voltare (volter) et de faccia (face).

On constate que les journalistes utilisent souvent des métaphores, en utilisant le terme “virus” et d'autres au sens figuré: *Le virus de la récession* [17], *A l'Armory Show de New York, le virus de l'art sévit toujours* [18]; *Le virus de la décroissance* [21]; *Chloroquine, masques, piratages... Epidémie d'escroqueries* [20]; *La majorité surveille la contagion de la colère* [18].

A côté du terme “coronavirus” on trouve ses dérivés: “*Coronadettes*”: *qui va payer?* [18]; *Les religieux “coronasceptiques” font de la résistance* [22].

Confinement. La Mélancovid [20]: **mélancovid est un mot-valise se composant de “mélancolie” et “Covid”**, terme désignant l'état psychologique d'une personne qui reste depuis longtemps confinée.

On trouve également l'emprunt de l'anglais: *Coronabonds: le test de solidarité pour l'Europe* [21]: ce néologisme a été créé par analogie avec “eurobond”.

Les anglicismes sont pourtant assez rares: *La start-up Magic Leap aimerait se vendre... 10 milliards de dollars* [15]; *Coronavirus: les newsletters se multiplient Pat McGrath, “game changer” du maquillage* [15]; *Et Emmanuel Macron se mit à retweeter des anonymes* [21].

Afin de donner une information incertaine, qui n'a pas été confirmée, on emploie le Conditionnel présent qui est quand même assez rare par rapport au Présent indicatif et Passé composé: “*Notre vaccin pourrait être injecté aux soignants à l'automne*” [15]; *Le coronavirus serait plus dangereux pour les hommes* [16]; *Un million et demi de Français pourraient avoir contracté le virus* [17].

Les journaux plus récents présentent des scénarios de la sortie du pays du confinement après la pandémie, et on appelle cette période différemment:

Le Quai d'Orsay s'inquiète du rôle de Pékin le “jour d'après” [21]; *Comment construire le monde d'après* [15]; *Préparer l'après-coronavirus* [15]; “*Travailler plus*”: *le gouvernement prépare les Français à un “après” difficile* [20]; *La rentrée des classes post-confinement dans le viseur des gauches* [20].

A côté du terme “confinement” on trouve son opposé – *Le déconfinement, terrain glissant pour l'exécutif* [15].

Conclusions. Ayant analysé les titres de la presse d'actualité française dans le contexte de l'épidémie de coronavirus, on a tiré des conclusions suivantes.

Parmi les termes les plus répandus qu'on trouve parmi les titres des journaux examinés on en cite quelques-uns: coronavirus, virus, Covid-19, épidémie, pandémie, confinement, quaran-

taine, huis clos, télétravail, funérailles; parmi les adjectifs épithètes - dangereux, dévasté, grave; parmi les verbes - souffrir, paniquer, aggraver, paralyser, confiner. On constate que plus la crise s'aggrave, plus on trouve le lexique à connotation négative, les unes des journaux noircissent, et les titres par conséquent, deviennent plus sobres.

Afin de rendre la page d'un journal plus positive les journalistes utilisent les titres rimés, jeu de mots et d'autres moyens expressifs. Pour attirer l'attention du lecteur, les auteurs d'articles utilisent des allusions, métaphores. Pourtant en temps de pandémie du coronavirus, ces moyens sont plus rares en comparant avec les éditions des années précédentes, la plupart des titres des journaux d'actualité ne contiennent que la constatation des faits exposés dans l'article.

Bibliographie

1. Георгиева А.А. Лексико-стилистические особенности газетных заголовков современной французской прессы / А.А. Георгиева, Ю.А. Ольховикова // Молодой ученый. – 2015. – №10.5. – С. 38–39.

2. Купоросова В.В. Лингвокультурная специфика интертекстуальных включений (на материале французских газетных заголовков). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-spetsifika-intertekstualnyh-vklyucheniya-na-materiale-frantsuzskih-gazetnyh-zagolovkov> (останне звернення 30.04.2020).

3. Курмыгина А.О. Роль заголовка в современных франкоязычных СМИ / А.О. Курмыгина // Научные исследования и разработки молодых ученых. – 2015. – № 7. – С. 152–158.

4. Плаксина Е.Б. Языковые средства реализации воздействующей функции заголовков / Е.Б. Плаксина, М.Л. Кусова // Политическая лингвистика. – 2011. – 4 (38). – С. 117–120

5. Подвалова А.С. Функции и структурные типы новостных заголовков в современной французской прессе [Электронный ресурс] / А.С. Подвалова, Е.А. Юрина // Филология и культура. – 2019. – №1(55). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-i-strukturnye-tipy-novostnyh-zagolovkov-v-sovremennoy-frantsuzskoy-pressе> (останне звернення 30.04.2020).

6. Kusheva G. Linguistic Manipulation in Print Tabloid Editions: Some Methodological Implications for Media Classes / Gergana Kusheva // Media education-mediaobrazovanie. – 2020. – № 1. – P. 123–128. DOI: 10.13187/me.2020.1.123.

7. Franco I.D. Medellin in the headlines: The role of the media in the dissemination of urban models / Isabel Franco Duque, Catalina Ortiz // Cities. – 2020. – № 96. – Article no. UNSP 102431. DOI: 10.1016/j.cities.2019.102431

8. Bott L. Caveats in science-based news stories communicate caution without lowering interest / L. Bott, L. Bratton, B. Diaconu, R. C. Adams, A. Challenger, J. Boivin, A. Williams, P. Sumner // Journal of Experimental Psychology: Applied. – 2019. – № 25(4). P. 517–542. DOI: 10.1037/xap0000232.

9. Adams R.C. Claims of causality in health news: a randomised trial / R.C. Adams, A. Challenger, L. Bratton // BMC Medicine. – 2019. – № 17. – Article no. 91. DOI: 10.1186/s12916-019-1324-7.

10. Catalan-Matamoros D. Media and mistrust of vaccines: a content analysis of press headlines / Daniel Catalan-Matamoros, Carmen Penafiel-Saiz // Revista Latina de Comunicación Social. – 2019. – № 74. – P. 786–802. DOI: 10.4185/RLCS-2019-1357.

11. Larousse.fr: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.larousse.fr (останне звернення 30.04.2020).

12. Dictionnaire français: définitions faciles, synonymes, exemples. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.linternaute.fr> (останне звернення 30.04.2020).

13. Expressio: les expressions françaises décortiquées [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.expressio.fr> (останне звернення 30.04.2020).

14. Шостак М.И. Журналист и его произведение: практ. пос. / М.И. Шостак. – М.: ТОО «Гендальф», 1998. – 96 с.

15. Le Figaro – Actualité en direct et informations en continu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lefigaro.fr/> (останне звернення 30.04.2020).

16. La Provence: L'actualité politique, OM, sorties, sports à Marseille. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.laprovence.com/> (останнє звернення 30.04.2020).
17. Les Echos: Actualités en direct, Économie, Finance, Politique. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.lesechos.fr/> (останнє звернення 30.04.2020).
18. Le Monde.fr – Actualités et Infos en France et dans le monde [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.lemonde.fr/> (останнє звернення 30.04.2020).
19. Кожина М.Н. *Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский*. – 4-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
20. Libération. **Toute l'actualité en direct – photos et vidéos** [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.liberation.fr/> (останнє звернення 30.04.2020).
21. L'Opinion média quotidien, libéral, européen et pro-business [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://www.lopinion.fr/> (останнє звернення 30.04.2020).
22. Le Parisien: Actualités en direct et info en continu [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.leparisien.fr/> (останнє звернення 30.04.2020).

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF THE FRENCH NEWS PRESS HEADLINES IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS EPIDEMIC

Inna V. Tsymbal, National Technical University of Ukraine "Igor Sikorsky Kyiv Polytechnic Institute" (Ukraine)

E-mail: i.tsymbal2017@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-33

Key words: *headline, French news press, allusion, idiomatic expressions.*

The article is devoted to the study of lexical and stylistic features of the French news press headlines in the context of the coronavirus epidemic. The headlines are most often presented as a short sentence whose structure is concise, the structural and grammatical means are simple so that any reader can perceive at once the meaning of the headline and, consequently, of all article. The functions of headlines in the French news press have been outlined. According to the study of A. Podvalova and E. Yurina, the nominative, informative and expressive functions are typical for the French news newspapers headlines. So the headline names the article, reflects its main idea, interests the readers and draws their attention to the published material.

Newspaper headline helps the reader to navigate through many newspaper articles, find the most interesting articles and the important information for them, and therefore motivate them to buy the newspaper, especially when print editions faces competition from digital news editions. The headlines of French newspapers such as Le Monde, Le Figaro, L'Opinion, Libération, Les Echos, La Provence, Le Parisien from March 9 to April 15 have been analyzed. The most common types of headlines in the French news press have been identified: headline-statement and summary, headline-citation, headline-intrigue and sensation. Other types of headlines mostly used in French newspapers have also been revealed: headlines containing a question and headlines containing a keyword at its beginning.

It is obvious that the French news press headlines in the context of the coronavirus epidemic are characterized by words with a negative connotation such as *dangereux, dévasté, souffrir, paniquer, aggraver, paralyser*, and so on. The French newspapers headlines mostly contain a brief summary of the articles and their essential content, though many articles have emotionally colored, expressive headlines. Journalists use metaphors in headings of their articles, so such words as *virus, épidémie, contagion* have figurative meaning. Among expressive means used in the French news press headlines, the most frequent ones are allusions, intertextual inclusions, puns, rhyme. These means attract the reader's attention to the article and make the whole page more positive in comparison with all newspapers' content. Journalists make the headlines of their articles more expressive by using the idiomatic expressions associated with the professional activities of the people in the article, adapting the idiom in the headline to the situation described in the article. **Allusions to French idiomatic expressions and proverbs have been found, the authors of the articles modified these idioms and proverbs according to the context of the article so it makes the headline more original.** A large number of intertextual inclusions, allusions to novels, movies, songs etc. used in the French news press headlines indicates the readers' erudition and a wide range of their interests.

References

1. Georgieva, A.A., Ol'hovikova Yu.A. *Leksiko-stilisticheskie osobennosti gazetnyh zagolovkov sovremennoj francuzskoj pressy* [Lexical and stylistic features of newspaper headlines of the modern French press]. *Molodoy uchenyj* [Young scientist], 2015, no. 10.5, pp. 38-39.
2. Kuporosova, V.V. *Rol' zagolovka v sovremennyh frankojazychnyh SMI (na materiale francuzskih gazetnyh zagolovkov)* [Linguistic and cultural specificity of intertextual inclusions (the case study of French newspaper headlines)], 2011. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-spetsifika-intertekstualnyh-vklyucheniy-na-materiale-frantsuzskih-gazetnyh-zagolovkov> (Accessed 30 April 2020).
3. Kurmygina, A.O. *Rol' zagolovka v sovremennyh frankojazychnyh SMI* [The role of the headline in modern francophone media]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodyh uchenyh* [Scientific research and development of young scientists], 2015, no. 7, pp. 152-158.
4. Plaksina, E.B., Kusova, M.L. *Jazykovye sredstva realizacii vozdeystvujushhej funkcii zagolovkov* [Language means of implementing the affecting function of headlines]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics], 2011, no. 4 (38), pp. 117-120.
5. Podvalova, A.S., Jurina, E.A. (2019). *Funkcii i strukturnye tipy novostnyh zagolovkov v sovremennoj francuzskoj presse* [Functions and structural types of news headlines in the modern French press]. *Filologija i kul'tura* [Philology and Culture], 2019, no. 1(55). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/funksii-i-strukturnye-tipy-novostnyh-zagolovkov-v-sovremennoj-frantsuzskoy-presse>
6. Kusheva, G. Linguistic Manipulation in Print Tabloid Editions: Some Methodological Implications for Media Classes. *Media education-mediaobrazovanie*, 2020, vol.1, pp. 123-128. DOI: 10.13187/me.2020.1.123.
7. Franco, I.D., Ortiz, C. (2020). Medellin in the headlines: The role of the media in the dissemination of urban models. *Cities*, 2020, n. 96, article no. UNSP 102431. DOI: 10.1016/j.cities.2019.102431.
8. Bott, L., Bratton, L., Diaconu, B., Adams, R.C., Challenger, A., Boivin, J., Williams, A., Sumner, P. Caveats in science-based news stories communicate caution without lowering interest. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 2019, no. 25(4), pp. 517-542. DOI: 10.1037/xap0000232.
9. Adams, R.C., Challenger, A., Bratton, L. Claims of causality in health news: a randomised trial. *BMC Medecine*, 2019, n. 17, article no. 91. DOI: 10.1186/s12916-019-1324-7.
10. Catalan-Matamoros, D., Penafiel-Saiz, C. (2019). *Media and mistrust of vaccines: a content analysis of press headlines*. *Revista Latina de Comunicación Social*, 2019, no. 74, pp. 786-802. DOI: 10.4185/RLCS-2019-1357.
11. *Larousse.fr: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne* [Larousse.fr: free online encyclopedia and dictionaries]. Available at: www.larousse.fr (Accessed 30 April 2020)
12. *Dictionnaire français: définitions faciles, synonymes, exemples* [French dictionary: easy definitions, synonyms, examples]. Available at: <http://www.linternaute.fr> (Accessed 30 April 2020).
13. *Expressio: les expressions françaises décortiquées, explications sur l'origine, signification, exemples, traductions* [Expressio. French expressions, explanation on origin, signification, examples, translations]. Available at: <https://www.expressio.fr> (Accessed 30 April 2020).
14. Shostak, M.I. *Zhurnal'ist i ego proizvedenie: prakticheskoe posobie* [Journalist and his work: practical manual]. Moscow, Gendalf Publ., 1998, 96 p.
15. *Le Figaro* [Le Figaro]. Available at: <https://www.lefigaro.fr/> (Accessed 30 April 2020).
16. *La Provence* [La Provence]. Available at: <https://www.laprovence.com/> (Accessed 30 April 2020).
17. *Les Echos* [Les Echos]. Available at: <https://www.lesechos.fr/> (Accessed 30 April 2020).
18. *Le Monde* [Le Monde]. Available at: <https://www.lemonde.fr/> (Accessed 30 April 2020).
19. Kozhina, M.N. *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2008, 464 p.
20. *Libération* [Libération]. Available at: <https://www.liberation.fr/> (Accessed 30 April 2020).
21. *L'Opinion* [L'Opinion]. Available at: <https://www.lopinion.fr/> (Accessed 30 April 2020).
22. *Le Parisien* [Le Parisien]. Available at: <http://www.leparisien.fr/> (Accessed 30 April 2020).

Одержано 21.11.2019.

УДК 81:811.11-112
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-34

О.В. ШАПОЧКИНА,
*кандидат педагогічних наук,
доцент кафедри германської філології
Київського університету імені Бориса Грінченка*

ТИПОЛОГІЯ ІНЕРТИВНИХ КОНСТРУКЦІЙ З ДІЄПРИКМЕТНИКОМ II: НА МАТЕРІАЛАХ ГЕРМАНСЬКИХ МОВ (VI–XIII ст.)

Актуальність наукової розвідки полягає у тому, що давньогерманський матеріал надає лише спорадичні випадки використання дієприкметника II без службового дієслова у функції самостійного присудка. Дієприкметник II постає носієм граматичного станового значення пасивності. Вживання дієприкметника II у давньогерманських мовах можна простежити, аналізуючи різні типи контексту за різними синтаксичними параметрами. Саме тому метою статті є здійснення спроби осмислити станову специфіку конструкцій із дієприкметником II на прикладі давньогерманських мов різних ареалів – західногерманського і готто-скандинавського – та визначити спільні і відмінні особливості та ознаки, які сприяли формуванню станової парадигми загалом. У статті визначено, що у готській мові станові протокатегоріальні конструкції із дієприкметником II вживаються у самостійних відрізках складноурядного речення, їм притаманні відтінки результативності, одночасна переддія, охоплення суб'єкта процесом або відстороненість виконавця дії від процесу. Встановлено, що у подібних станових протокатегоріальних конструкціях давньогерманської мови, навпаки, спостерігаються лише відтінки результативності, наявні процесуальні відношення у зв'язку із завершеною дією у минулому, конкретизовано спрямованість на об'єкт. Однією із відмінностей було те, що у конструкціях із дієприкметником II у давньогерманській мові вживався і вказівний займенник, у тандемі таке поєднання означає передчасність дії або послідовність подій. Також виявлено ще одну відмітну рису, яка відрізняє станові протокатегоріальні конструкції такого типу від інших давньогерманських: поєднання скороченої та розгорнутої форм дієприкметника II в одному реченні. Проаналізовано давньоанглійські та давньоісландські тексти і виявлено значну кількість станових протокатегоріальних конструкцій такого типу. Тут відбувається поєднання елементів значень, що пов'язані з реальністю та осмислення ознаки, що виражається дієприкметником, як результату чиєїсь попередньої діяльності. Ураховуючи наведені положення, узагальнимо, що станові протокатегоріальні конструкції із дієприкметником II не мають абсолютного станового значення у давньогерманських мовах, однак відтінки становості їм певною мірою властиві.

Ключові слова: категорія стану, інертивна конструкція, дієприкметник II, давньогерманські мови, станові протокатегоріальні конструкції.

Актуальность научного исследования заключается в том, что древнегерманский материал предоставляет только спорадические случаи использования деепричастия II без служебного глагола в функции самостоятельного сказуемого. Деепричастие II является носителем грамматического залогового значения пассивности. Использование деепричастия II в древнегерманских языках можно проследить, анализируя различные типы контекста благодаря разным синтаксическими параметрами. Именно поэтому целью статьи является осуществление попытки осмыслить залоговую специфику конструкций с деепричастием II на примере древнегерманских языков разных ареалов – западногерманского и готто-скандинавского – и определить общие и отличительные особенности и признаки, которые способствовали формированию залоговой парадигмы в целом. В статье определено, что в готском языке залоговые протокатегоріальні конструкции с деепричастием II используются в самостоятельных отрезках сложносочиненных предложений, им присущи оттенки резуль-

тативности, одночасно преддєйствие, охват субъекта процессом или отстраненность исполнителя действия от процесса. Установлено, что в подобных залоговых протокатегориальных конструкциях древневерхненемецкого языка, наоборот, наблюдаются лишь оттенки результативности, имеющие процессуальные отношения в связи с **завершенным действием в прошлом, конкретизирована направленность на объект.** Одной из отличительных особенностей было то, что в конструкциях с деепричастием II в древневерхненемецком языке употреблялось и указательное местоимение, в тандеме такое сочетание означает преждевременность действия или последовательность событий. Также выявлена еще одна отличительная черта, которая отличает залоговые протокатегориальные конструкции такого типа от других древнегерманских: сочетание сокращенной и развернутой форм деепричастия II в одном предложении. В статье проанализированы также древнеанглийские и древнеисландские тексты и выявлено значительное количество залоговых протокатегориальных конструкций такого типа. Здесь происходит соединение элементов значений, связанных с реальностью, и осмысление признаков, которые выражаются деепричастием, как результата чьей-то предыдущей деятельности. Учитывая приведенные доказательства, обобщим, что залоговые протокатегориальные конструкции с деепричастием II **не имеют абсолютного залогового значения** в древнегерманских языках, однако оттенки залоговости им в определенной степени свойственны.

Ключевые слова: категория залога, инертивная конструкция, деепричастие II, древнегерманские языки, залоговые протокатегориальные конструкции.

Зіставлення станових систем давніх та сучасних германських мов дозволяє стверджувати, що парадигматика, яка презентована першими пам'ятками писемності, утворює своєрідне «ядро», до якого у процесі розвитку приєднувалися граматичні дієслівні конструкції, що спочатку знаходилися поза системою категорії стану, однак вже були носіями станового значення. Інертивні (бездіяльнісні) конструкції із дієприкметником II у давньогерманських мовах були одним із актуалізаторів розвитку категорії стану. Дієприкметник II у германських мовах належить до продуктивної категорії так званих «віддієслівних прикметників», які посідають проміжне місце між дієприслівниками та прикметниками. Специфічною ознакою дієприкметника є його творення від дієслівного кореня, а не від основи (схема побудови дієприслівника). Наша наукова розвідка спирається на діахронічні дослідження мовних змін парадигми давньогерманських мов (Г. Валькден [21], Х. Вальт [22], Н. Пименова [13], А. Шпацілова [18]), компаративний аналіз давньогерманських синтаксичних структур (Г. Ваксенбергер [23], Л. Сміт [16], Р. Шмітт [15]); генези партиципів у готській мові (Х. Йоон [24]); розвитку парадигми претерито-презентних дієслів (Е. Антонсен [7]); давньогерманських дієприкметників (В. Штайнберг [19]), компаративний аналіз давньогерманських дієприкметникових зворотів (Е. Прокош [5]), молодогограматичну концепцію генези давньогерманських дієприкметників (Б. Дельбрюк [2]), типологічний аналіз дієприкметників I та II у давньогерманських мовах (М. Гухман [1]), систему дієприкметникових зворотів (О. Потєбня [4]), різні процеси оформлення дієприкметника як присудка у реченні (О. Пешковський [3]), специфіку вживання дієприкметників у давньоісландській мові (А. Хойслер [6]) та ін.

У спеціальних граматах окремих індоєвропейських мов або у порівняльних граматах не завжди дотримано принцип виокремлення дієприкметників серед інших віддієслівних прикметників. М. Гухман презентовано досвід історико-типологічного дослідження у сфері дієприкметника II давньогерманських мов, де на основі різних типів контекстів проаналізовано конструкції, які містять дієприкметники різних сфер використання. Проте дослідницею не достатньо повно висвітлено станову природу конструкцій такого типу, їхні внутрішні зв'язки та дистрибутивні відношення. За твердженням М. Гухман, система використання дієприкметників у давньогерманських пам'ятках свідчить не про станову нейтральність, яка властива іменниковим утворенням, а про своєрідну співвіднесеність станової семантики з категоріями перехідності/неперехідності дієслова [1].

Зазвичай у дієприкметниках I та II співвіднесені елементи процесуальності та реальності, що є їхніми безпосередніми дієслівними та іменними характеристиками. Станові протокатегоріальні конструкції із дієприкметниками II у давньогерманських мовах набувають станових відтінків, тобто можна було виокремити певні відношення або опози-

цію. На прикладі аналізу двох готських дієприкметників спробуємо це довести, напр.: гот. 1) *daupjands* «той, хто хрестить» – 2) *daupibs* «хрещений». Завдяки зазначеним вище дієприкметникам можливо встановити такі розрізнявальні ознаки: за характером зв'язку із суб'єктом (носієм цієї ознаки): а) у першому випадку ознака залежить від суб'єкта, виконується ним; а у другому прикладі властивість, ознака не залежить від діяльності того суб'єкта, який цю ознаку характеризує; б) за спрямованістю того процесу, за яким ознака, що позначена дієприкметником, є співвіднесеною (у випадку із дієприкметником I – це відцентровість, а з дієприкметником II – це доцентровість); в) за способом реалізації ознаки, що виражена дієприкметником (у дієприкметнику I ця ознака є такою, що триває, а у дієприкметнику II поєднано наявність та потенційну результативність ознаки). Дієприкметник II виражав різні відтінки станового значення, тому наразі здійснимо спробу проаналізувати ці відтінки.

Давньогерманський матеріал надає лише спорадичні випадки використання дієприкметника II без службового дієслова, у функції самостійного присудка. Дієприкметник II постає носієм граматичного станового значення пасивності. Вживання дієприкметника II у давньогерманських мовах можна простежити, аналізуючи різні типи контексту за різними синтаксичними параметрами, а саме: 1) незалежний синтаксичний відрізок складносурядного речення, де дієприкметник є предикативним центром із власним підметом та поєднується за допомогою сполучника з іншими частинами речення; 2) злите речення, де дієприкметник та особова дієслівна форма співвіднесені з підметом, наявна відносна синтаксична рівноправність дієприкметника та дієслівної форми; 3) відокремлений предикативний або атрибутивний зворот, де дієприкметник утворює предикативний центр; 4) іменникові словосполучення, де дієприкметник виступає як атрибут з апозицією чи препозицією [1].

Такі конструкції можна вважати *«інертивними» (бездіяльнісними)*, оскільки суб'єкт, який активно діє, не виражений, спостерігаються лише процесуальні відношення, іноді із ознаками результативності. У межах дослідження ми здійснимо спробу осмислити станову специфіку конструкцій із дієприкметником II на прикладі давньогерманських мов різних ареалів – західногерманського та гото-скандинавського, спробуємо визначити спільні та відмінні особливості та ознаки, які сприяли формуванню станової парадигми загалом.

Окреслені типи контекстів зустрічаємо в усіх давньогерманських мовах, однак продуктивність та норми функціонування дієприкметників, їх станові відтінки нетотожні. Здійснимо спробу проаналізувати окреслену проблему. У готській мові дієприкметник II утворює самостійний відрізок складносурядного речення, тобто відповідає першому або третьому типам контексту. Щодо станових відтінків, то простежуються такі їх варіанти: а) відтінок результативності та одночасної переддії, напр.: гот. – *an aggwu þata daur jah þraihans wigs sa brigganda in libainai, jah fawai sind þai bigitandas þana* (Vulfila, M.VII, 14) – «вузькі є ці ворота та обмежено шлях, що веде до життя та небагато тих, хто їх знаходить» [14]; б) подвійна співвіднесеність процесу, напр.: гот. *þiunagus meins ligiþ in garda usliþa, harduba balwiþs* (Vulfila, M.VIII, 6) – «слуга мій лежить у будинку розслаблений, важко змучений» [14]; в) у розгорнутих означеннях спостерігаємо й станові відтінки охоплення процесом, у який суб'єкт не мав наміру бути задіяним, інакше кажучи, відстороненість виконавця дії від процесу, напр.: гот. *ei þanaseþs ni sijaima niuklahai uswagidi jah uswalogidai winda – ammeh laisenais* (Vulfila, E. IV, 14) – «щоб ми не були немовлятами, заколиханими та захопленими вітром кожного вчення» [14]; г) стан, де об'єкт фактично розшифровується як вказівка на джерело дії, результатом якого може бути виражена дієприкметникова ознака, напр.: гот. *arþan ni þatain, ak jah gatewiþs fram aikkesjom* (Vulfila, K.VIII, 19) «тільки прийнятий церквою» [14]; гот. *gaus fram winda wagicdata* (Vulfila, M.XI, 7) – «очерет, що коливається вітром» [14]; гот. *aipastaule unsara jus sijup, gamelida in hairtam unsaraim, kunþa jah anakunnaida fram allaim mannam* (Vulfila, K.III, 2) – «ви – лист наш, що написаний у серцях наших, відомий та прочитаний усіма людьми» [14].

Узагальнимо, що у зазначених вище трьох станових конструкціях із дієприкметником II об'єкт характеризує зовнішній фактор, що супроводжує виникнення ознаки, виражений дієприкметником і позначенням суб'єкта дієприслівникової конструкції. У готських текстах

дієприкметник зберігає елемент предикативності, тобто є носієм станового значення. Проте про наближення готського дієприкметника до самостійного присудка говорити неможливо, адже наявні лише елементи предикативності та атрибутивності.

Матеріал раних давньоверхньонімецьких пам'яток надає досить широкий спектр використання конструкцій із дієприкметником II. Загалом у «Ісидорі» конструкції із дієприкметником II зустрічаються 25 разів. Зазвичай такі конструкції виражають відтінки результативності, напр.: двн.-верхн.-нім. In dhemu heilegin daniheles chriscribe ist umbi dhea christes cumft ernustliihho araught endi iaar arzelidiu, ioh offonosindum sinu **zeihhan** dhes bifora **chichundidiu** (Isidor. XXV, 11) – «У писанні святого Даниїла без сумнівів доведено щодо приходу Христа, й роки **пораховані**, і його знамення **передбачені**» [11]. Водночас спостерігаються такі станові відтінки, що виражають дію, яка нещодавно здійснилася активно діючим суб'єктом, напр.: двн.-верхн.-нім. Dher simbles fona dhemu fater **chiuun** ist fona himile nidharquheman endi uphstigan (Isidor, IX, 9) – «Той, що **був надісланий** батьком, привчений спускатися та підійматися» [11]; двн.-верхн.-нім. Dhazs ist dhiu unmeina magad maria fona dauides uurzun **framquhoman** (Isidor. XXXIX, 22) – «це діва Марія, що **пішла** від кореня Давида» [11]. Характерними також є такі конструкції, де домінує коротка форма називного відмінка дієприкметника або простий апозитивний дієприкметник, вони виражають процесуальні відношення у зв'язку із завершеною дією у минулому, напр.: двн.-верхн.-нім. Nu ist fona goda **chiquhedan** got **chisalbot** (Isidor. V, 4) – «Тепер про бога **казано** – бог **помазаний**» [11]. Зокрема станові відношення транслюють станові протокатегоріальні конструкції із дієприкметником II та вказівним займенником, який надає результативній дії конкретизованої спрямованості на об'єкт, напр.: двн.-верхн.-нім. dazs **undarquhende** chibot (Isidor. XXIX, 2) – «**заборонена** заповідь» [12]; двн.-верхн.-нім. endi dhiu **chiborgonun** hort dhir ghibu (Isidor. VI, 3) – «і **захований** скарб тобі дам» [11].

У давньоверхньонімецькій пам'ятці «Татіан» відчувається значний вплив латинських та готських конструкцій, тому станові відтінки мають подібні із цими мовами паралелі, а саме: а) передчасність, напр.: двн.-верхн.-нім. Inti **gioffnoten** iro tresofazzon brahtum imo geba (Tatian. 8, 7) – «І коли скрині **були відкриті**, вони принесли йому подарунки» [20]; б) послідовність подій, напр.: двн.-верхн.-нім. Thesen **giquetanen** gieng stigentī zi Hierusalem (Tatian. 138, 15) – «Як це **було сказано**, пішов у Ієрусалим» [20]; в) орієнтованість на майбутню дію, залежну від суб'єкта, напр.: двн.-верхн.-нім. uuir gihortun inan **quedentan**, tigan zi uuerfan gotes tempal thaz mit henti gitanaz zimbron (Tatian. 189, 3) – «ми чули, як він казав, що може розбити храм Божий, руками **збудований**, й через три дні інший збудувати нерукотворний» [20]. Вартим уваги є випадок, коли у становій конструкції поєднувалися одразу дві форми дієприкметника II, скорочена та розгорнута, напр.: двн.-верхн.-нім. **Gebet**, thanne **gibit** iu, guat mez, gifultaz into giuegan (Tatian. 39,3) – «**Давайте** так само, як **дають** вам: гарну міру, повну та зважену» [20]. У такий спосіб описується стан або процес, який може бути логічно прогнозований у разі виконання певних дій. Зауважимо, що йдеться про скорочену та розгорнуту форми дієприкметника II. Варто відзначити, що скорочена форма тісно пов'язана із предикативною функцією, а розгорнута – опосередковано.

У «Пісні про Хільдебрандта» спостерігаються використання дієприкметника II без копули (препозитивне, апозитивне та у дієприкметникових зворотах), напр.: двн.-верхн.-нім. barn **unwahsan**, **wuntane** bauga, (Hildebrandslied, 20–35) – «**забраний** спадок.... **відмічений** зап'ясток» [10]. У творі «Муспіллі» дієприкметник зустрічається у тандемі із дієсловом *sten*, напр.: двн.-верхн.-нім. Stet pigungan (Muspilli, 64) – «стоїть засмучена» [12]; двн.-верхн.-нім. kitar nit stentit (Muspilli, 68) – «стоїть захований» [12]. Розглянуті зразки текстів містять складні повідомлення, які розподіляються на елементи із означальним зв'язком. У таких зворотах повідомляється про наявний стан (що виражає дієприкметник), який співвідноситься із певним предметом або особою, однак така конструкція не має сили самостійного висловлювання, оскільки форма цієї ознаки не виражає самостійної предикації, а ім'я, з яким комбінується дієприкметник, стоїть у непрямому відмінку. Лише поєднавшись із більш складним цілісним висловленням, ця конструкція набуває суто станового значення та самостійності.

При дослідженні станової природи конструкцій із дієприкметником II у давньоісландській мові можна спостерігати відмінності, притаманні синтаксичним відношенням

різножанрових мовних пам'яток, таких як героїчні пісні «Volospá», «Hávamál», «Baldrs», «Þrymskviða» із позиції. Апозитивне вживання дієприкметника II бачимо у Volospá, напр.: двн.-ісл. Þórr einn þar vá, þrúginn móði (Volospá, 26,1) – «тільки Тор вдарив, охоплений гнівом» [17]; двн.-ісл. Seið hon hvars hon kunni, seið hon hug leikinn (Volospá, 22,3) – «чаклувала, де могла, чаклунством **робила** розум **затемненим**» [17]; двн.-ісл. Stóð um vaxinn vollom hæri miór fagr, misilein (Volospá. 31,5) – «**здійнявшись** із землі вироста прекрасна омела» [17]. У творі «Hávamál», навпаки, спостерігається препозиція, напр.: двн.-ісл. með brennandom líósom os bornom víði (Hávamál, 110,4) – «із **палаючими** вогнями й **піднятими** факелами» [17]. В інших піснях Едди можна віднайти і апозитивне, і препозитивне розташування, напр.: двн.-ісл. ormr dreyrfáðr (Hávamál, 113,4) – «змія, що **заплямована** кров'ю» [17]; двн.-ісл. brúðr baugvarið (Hávamál, 134,4) – «дружина, **прикрашена** персями» [17] тощо. В «Едді» спостерігаються розгорнуті атрибутивні конструкції, напр.: двн.-ісл. Máeki liggja es sé míns vinar allan í dreyra drifinn (Grm. 52,4) – «я бачу, що лежить меч мого друга, весь **залитий** кров'ю» [17]; двн.-ісл. benvond of lét brúðdinn gulli (Hv. 5,7) – «меч поклав він, **оздоблений** золотом» [17] та ін. Проте всі наведені варіанти є синтаксично залежними, тому говорити про повноцінні станові відношення зарано. Особливий інтерес для нас становлять випадки використання дієприкметника II як самостійного синтаксичного відрізка, напр.: двн.-англ. Sia maþr hafpe spiót i hende ok gurþr saxe (Beowulf, 2839) – «Цей чоловік мав спис у руках та був **підперезаний** мечем» [8]; двн.-англ. þar fóru festar fram ok kveðit á brúllaupsstefna (Beowulf, 2818) – «трапилися тоді заручини й **призначено** весілля» [8]. Тут можна було помітити станові відтінки одночасності або відносну завершеність події тощо.

Аналіз мови «Беовульфа» з позицій станової природи конструкцій із дієприкметником II демонструє достатньо велику кількість конструкцій з розгорнутими предикативними атрибутами, де дієприкметнику II притаманна подвійна співвіднесеність до підмета та до присудка, тобто одночасність відношення до процесу дії та до суб'єкта, напр.: двн.-англ. nú sē wurm ligeð, swefed sære wund, since bereafod (Beowulf, 2745) – «тепер цей дракон **лежить**, **спить**, важко **поранений**, **ошуканий**» [8]; двн.-англ. Cōm þā tō recede rinc siðidan, dreatum bedæled (Beowulf, 720) – «**відправився** герой тоді додому, радості **позбавлений**» [8]. Також станові протокатегоріальні конструкції у творі «Беовульф» мають розгорнуті означення у ролі епітетів, зображень морального та фізичного станів суб'єкта, напр.: двн.-англ. Ða com in gan ealdor ðegna dædcene mon dome gewurþad (Beowulf, 1644) – «тоді **відправився** старший із воїнів, сміливий у справах чоловік, славою **прикрашений**» [8]; двн.-англ. on him byrne scan, searonet seowed smiþes orþancum (Beowulf, 405) – «у нього обладунки сяяли, **прикрашені** мистецтвом коваля» [8]. Зокрема у тексті «Беовульфа» є можливість віднайти приклади розгорнутого означення, які надають становий відтінок переддії процесу, що розгортається напр.: двн.-англ. his hyrsted sweord (Beowulf, 623) – «свій **прикрашений** меч» [8]; двн.-англ. brodgne beadusercean (Beowulf, 672) – «**плетена** броня» [8]; двн.-англ. hroden hildecumbor (Beowulf, 1022) – «**прикрашений** прапор» [8].

Слід зазначити, що у всіх розглянутих вище прикладах відзначено такі станові відтінки: одночасність подій, що повідомляються формою дієприкметника та формою головного присудка; відсутність відтінку завершеності, перфективності, оскільки процес, що викликає певний стан суб'єкта та його якість, не завершений, а триває паралельно із процесом головного присудка; відсутня абсолютна результативність, коли певний стан використовують як результат завершеної дії; залишається лише той своєрідний відтінок залежності пасивного стану щодо відношення до ознаки суб'єкта від дій зовнішньої причини, що є властивим для дієприкметника пасивного стану; лише у такій співвіднесеності із дією наявний певний елемент результативності, зумовлений не завершеністю дії, що передуює стану, а залежністю від цього стану. Зрозуміло, що у багатьох контекстах готської мови зберігається станова опозиція. Водночас готський дієприкметник II часто означав стан, викликаний дією, що передуює події, яка виражена головним присудком, напр.: гот. fraihaus þan fram Fareisaium: – an qimip andhof (Vulfila, Math., 156) – «**опитаний** тоді фарисеями **відповідав** після того» [14]. Співвідношення реальності ознаки та її залежності від будь-якої переддії також не у всіх давньогерманських мовах є однаковою. Чималу

роль тут відіграє найменування зовнішнього фактора, який викликав той чи інший стан: у таких випадках співвіднесеність із попередньою діяльністю стає особливо зрозумілою, а елемент реальності, що міститься у семантиці дієприкметника, завуальовується. Подібну роль виконує і поєднання способу дії або часу дії. У таких випадках виявляється й результативний відтінок значення цієї форми.

У давньоверхньонімецькій мові дієприкметник у самостійній позиції має ще вищий рівень однозначності. Тут дієприкметник II звичайно не вживається для позначення стану, викликаного процесом, що протікає курсивно (паралельно) із процесом головного присудка, тобто форма не вживається у значенні пасивного дієприкметника теперішнього часу, як ми це спостерігали у готській мові. Проте спільною із готською мовою була інша властивість – поєднання елементів значень, що пов'язані із реальністю та осмисленням ознаки, що виражена дієприкметником як результатом чієїсь попередньої діяльності. Схожі відтінки значення проявляються й у використанні дієприкметника у відповідних матеріалах давньоісландських саг та «Едди», напр.: двн.-ісл. *skialtu ub fatlaþR* «**підперезаний щитом**», *burniR fiakurum bruprum* «**народжені чотирма братами**» [17] тощо.

Для мови «Едди» більш типовим було домінування у значенні дієприкметника елементів, пов'язаних із відомою характеристикою якості і властивості стану як певної реальності, порівняно з використанням дієприкметника для вираження певної послідовності подій. Про це свідчать випадки широкого використання дієприкметників у функції означень, напр.: двн.-ісл. *brudr baugvarið* «дружина перснями прикрашена», *brotno sverði* «**зламаному мечу**» тощо. Вказівка на зовнішній чинник, який осмислюється як джерело процесу, що викликає певний стан, якість або властивість пасивного суб'єкта, виражених у дієприкметниковій формі, водночас підкреслює афіційованість суб'єкта ознаки, що позначена дієприкметником, та співвіднесеність цієї ознаки із попередньою дією, а результативність у цьому випадку переплітається із пасивністю. Матеріали давньоанглійського «Беовульфа» надають подібну сукупність значень, напр.: двн.-англ. *He gewergad sæt* (Beowulf, 1852) – «він **сидів втомлений**» [8]; двн.-англ. *þæt swæord gedeaf fān ond læted* (Beowulf, 2700) – «цей меч опустив блискучий та **прикрашений**» [8]. Характерною рисою семантики дієприкметника у давньоанглійських текстах є також і наявність синтаксичної самостійності, що вносить додатковий елемент співвіднесеності з попередньою дією та результативністю. Окрім того, у давньоанглійській, як і в інших давньогерманських мовах, поряд з дієприкметником є уточнення, що вносить елементи процесуальності, напр.: двн.-англ. *on breostum læg, golde gegyrwed* (Beowulf, 552) – «кольчуга плетена лежала на грудях, золотом **оздоблена**» [8].

У давньосаксонському «Хеліанді» (Спаситель) простежується значна кількість прикладів із використанням дієприкметника II без копули (дієслова-зв'язки). Такі конструкції здебільшого належать до парадигми активного стану, однак спостерігаються і пасивні відтінки, напр.: двн.-сакс. *Thō uuar{d} thiū tīd cuman, – [that] thar gitald habdun uuīsa man mid uuordun, – that scolda thana uuīh godes Zacharias bisehan* (Heliand, 95) – «Так настав час, хто дійсно представляє Мудреця зі словами, які повинні велич Бога прославити, Захарієм було **передбачено**» [9].

Беручи до уваги проаналізовані аспекти, узагальнимо, що дієприкметник II використовується у конструкціях парадигми категорії стану у давньогерманських мовах не тільки у тандемі і з копулами «бути» та «ставати», а й самостійно. Проте говорити про конструкції, що містять такий дієприкметник, як про абсолютно станові не є доцільним. Такі конструкції передають здебільшого станові відтінки, є носіями станових ознак, мають властивість передавати якості або певні відношення. Водночас способи вираження конструкцій із дієприкметником II у давньогерманських мовах не є тотожними.

Список використаної літератури

1. Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках: Опыт историко-типологического исследования родственных языков / М.М. Гухман. – М.: Наука, 1964. – 292 с.
2. Дельбрюк Б. Введение в изучение языка: Из истории и методологии сравнительно-языкознания / Б. Дельбрюк. – М.: УРСС Эдиториал, 2003. – 152 с.

3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
4. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. / А.А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1–2. – 534 с.
5. Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков / Э. Прокош / пер. с англ. Т.Н. Сергеевой. – М.: Либроком, 2010. – 384 с.
6. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах / А. Хойслер. – М.: Иностранная литература, 1960. – 488 с.
7. Antonsen E.H. Preterite-present verbs – morphological developments of a special-class of verbs in the old Germanic languages / E.H. Antonsen // *Journal of English and Germanic philology*. – 1992. – Vol. 91. – Issue 1. – P. 96–97.
8. Beowulf [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://norse.narod.ru/src/other/beowulf/beowulf.html> (останне звернення 03.01.20).
9. Heliand In Old Saxon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://northvegr.org/old%20icelandic%20old%20english%20texts/heliand%20in%20old%20saxo/001.html> (останне звернення 03.01.20).
10. Hildebrandslied [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://norse.ulver.com/src/other/hildebrand/bp.html> (останне звернення 03.01.20).
11. Isidor [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/ahd/isidor/isido.htm> (останне звернення 03.01.20).
12. Muspilli [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/doc/9607821/Muspilli-Mit-Ubersetzung-bzw-Ubertragung-ins-Neuhochdeutsche> (останне звернення 03.01.20).
13. Pimenova N.B. The concept of diachronic comparative semantic analysis of derivational models – **Weak masculine abstract nouns with an affix -an in Old Germanic languages** / N.B. Pimenova // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. – 2003. – Vol. 125, Issue 3. – P. 391–430. DOI: 10.1515/BGSL.2003.391.
14. Project Wulfila 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wulfila.be/gothic/browse/text/?book=5&chapter=12> (останне звернення 03.01.20).
15. Schmitt R. Variation and Change in the Syntax of the old Indo-Germanic Languages / R. Schmitt // *Gymnasium*. – 2017. – Vol. 124. – Issue 3. – P. 296–299.
16. Smith L.C. Old Frisian Renewed interest in an “old” Germanic language’ / L.C. Smith // *Daichronica*. – 2012. – Vol. 29. – Issue 1. – P. 98–115. DOI: 10.1075/dia.29.1.04smi
17. Snorra Edda [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://norse.ulver.com/src/edda/index.html> (останне звернення 03.01.20).
18. Spacilova L. **Old Germanic languages. Historical and grammatical overview** / L. Spacilova // *Listy filologicke*. – 2013. – Vol. 136. – Issue 1–2. – P. 281–284.
19. Steinberg W. *Elementarbuch des Gotischen*. – Heidelberg: Winter, 1920. – 196 S.
20. Tatian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/ahd/tatian/tatia.htm> (останне звернення 03.01.20).
21. Walkden G. Language contact and V3 in Germanic varieties new and old / G. Walkden // *Journal of comparative Germanic linguistics*. – 2017. – Vol. 20. – Issue 1. – P. 49–81. DOI: 10.1007/s10828-017-9084-2.
22. Waltz H. Language change and language structure: Older Germanic languages in a comparative perspective / H. Waltz // *Canadian Journal of Linguistics – Revue Canadienne de Linguistique*. – 1996. – Vol. 41. – Issue 4. – P. 407–414.
23. Waxenberger G. The Scripting of the Germanic Languages: A Comparative Study of “Spelling Difficulties” in Old English, Old High German and Old Saxon / G. Waxenberger // *Anglia-Zeitschrift für englische Philologie*. – 2017. – Vol. 135. – Issue 3. – P. 568–572. DOI: 10.1515/ang-2017-0052.
24. Yoon H. The substantive present participles in -nd- in Gothic: With a survey of other old Germanic languages / H. Yoon // *Journal of Indo-European Studies Monograph Series*. – 2005. – Vol. 50. – Issue 1. – P. 243–257.

TYPOLOGIE OF INERTIVE CONSTRUCTIONS WITH PARTICIPLE II: ON THE MATHERIALS OF THE OLD GERMANIC LANGUAGES (6-13th CENTURIES)

Olga V. Shapochkina, Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine)

E-mail: o.shapochkina@kubg.edu.ua

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-34

Key words: *category of state, inertive construction, participle II, Old Germanic languages, state protocategorial constructions.*

The relevance of scientific research is that the Old Germanic sources provide only sporadic cases of use of participle II without an auxiliary verb in a function of independent predicate. That is why the purpose of the article is to attempt to comprehend the state specificity of constructions with participle II on the example of the Old Germanic languages of different areas – West Germanic area and Gothic-Scandinavian area and to identify common and distinct features and peculiarities that contributed to the formation of the state paradigm in general.

The participle II becomes the bearer of the grammatical state meaning of passivity. The use of the participle II in the Old Germanic languages can be traced by analyzing different types of context according to different syntactic parameters, namely: 1) an independent syntactic segment of a compound sentence, where the participle is a predicative center with its own subject and combined with other parts of the sentence through a conjunction; 2) a merged sentence, where the participle and the personal verb form are correlated with the subject, there is a relative syntactic equality of the participle and the verb form; 3) a separated predicative or attributive phrase, where the participle forms the predicative center; 4) a noun phrase, where the participle acts as an attribute with apposition or preposition. Such constructions can be considered as “inert” (inactive) since the active subject is not expressed, only procedural relations are observed, sometimes with features of performance. We can find outlined types of contexts in the all Old Germanic languages, but the productivity and norms of functioning of the participles and their state shades are not identical.

The article also states that in the Gothic language protocategorial constructions of state with the participle II are used in independent segments of a complex sentence, they are characterized by shades of efficiency, simultaneous pre-action, and coverage of the subject by the process or removal of the action performer from the process. It is established that in such constructions of the Old High German language, on the contrary, there are only shades of performance, procedural relations connected with the completed action in the past, and object orientation are specified. One of the differences was that in constructions with the participle II in the Old German language the demonstrative pronoun was also used, in tandem such a combination means pre-action or sequence of events. Another distinct feature was also found, which distinguishes the state protocategorial constructions of this type from the other Old Germanic languages: the combination of the shortened and expanded forms of the participle II in one sentence. The Old English and the Old Icelandic texts have been analyzed and a significant number of state protocategorial structures of this type have been identified. This is a combination of value elements that are related to reality and comprehension of the feature expressed by the participle as a result of someone’s previous activity. Taking into account the statements mentioned above, we come to the conclusion that the state protocategorial constructions with the participle II do not have an absolute state meaning in the Old Germanic languages, but they possess peculiarities of state to some extent.

References

1. Guhman, M.M. *Razvitie zalogovyh protivopostavlenij v germanskih yazykah: Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniya rodstvennyh yazykov* [The development of collateral contrasts in the Germanic languages: Experience of historical-typological research of related languages]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 292 p.
2. Delbryuk, B. *Vvedenie v izuchenie yazyka: Iz istorii i metodologii sravnitel'nogo yazykoznaniiya* [Introduction to Language Learning: From the History and Methodology of Comparative Linguistics]. Moscow, URSS Editorial Publ., 2003, 152 p.
3. Peshkovsky, A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osvveshenii* [Russian syntax in scientific aspect]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956, 511 p.
4. Potebnya, A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike: v 4 tomah* [From notes on Russian grammar: in 4 volumes]. – Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958, vol. 1-2, 534 p.
5. Prokosh, E. *Sravnitel'naya gramatika germanskih yazykov* [Comparative Grammar of Germanic Languages]. Moscow, Knizhny dom “Librokom” Publ., 2010, 384 p.

6. Hofsler, A. *Germanisk geroichesky epos i skazanie o Nibelungah* [Germanic Heroic Epic and the Legend of the Nibelungs]. Moscow, Inostrannaya literature Publ., 1960, 488 p.
7. Antonsen, E.H. Preterite-present verbs – morphological developments of a special-class of verbs in the old Germanic languages. *Journal of English and Germanic philology*, 1992, vol. 91, issue 1, pp. 96-97.
8. Beowulf. Available at: <http://norse.narod.ru/src/other/beowulf/beowulf.html> (Accessed 03 January 2020).
9. Heliand in Old Saxon. Available at: <https://northvegr.org/old%20icelandic%20old%20english%20texts/heliand%20in%20old%20saxo/001.html> (Accessed 3 January 2020).
10. *Hildebrandslied* [Hildebrand Song]. Available at: <http://norse.ulver.com/src/other/hildebrand/bp.html> (Accessed 3 January 2020).
11. *Isidor* [Isidor]. Available at: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/ahd/isidor/isido.htm> (Accessed 3 January 2020).
12. *Muspilli* [Muspilli]. Available at: <https://ru.scribd.com/doc/9607821/Muspilli-MitUebersetzung-bzw-Uebertragung-ins-Neuhochdeutsche> (Accessed 3 January 2020).
13. Pimenova, N.B. **The concept of diachronic comparative semantic analysis of derivational models – Weak masculine abstract nouns with an affix -an in Old Germanic languages.** *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, 2003, vol. 125, issue 3, pp. 391-430. DOI: 10.1515/BGSL.2003.391.
14. *Project Wulfila 2004* [Project Wulfila 2004]. Available at: <http://www.wulfila.be/gothic/browse/text/?book=5&chapter=12> (Accessed 3 January 2020).
15. Schmitt, R. Variation and Change in the Syntax of the old Indo-Germanic Languages. *Gymnasium*, 2017, vol. 124, issue 3, pp. 296-299.
16. Smith, L.C. Old Frisian Renewed interest in an “old” Germanic language’. *Daichronica*, 2012, vol. 29, issue 1, pp. 98-115. DOI: 10.1075/dia.29.1.04smi.
17. *Snorra Edda* [Old Edda]. Available at: <http://norse.ulver.com/src/edda/index.html> (Accessed 3 January 2020).
18. Spacilova, L. Old Germanic languages. Historical and grammatical overview. *Listy Filologicke*, 2013, vol. 136, issue 1-2, pp. 281-284.
19. Steinberg, W. *Elementarbuch des Gotischen* [Elementary book of the Gothic]. Heidelberg, Winter Publ., 1920, 196 p.
20. *Tatian* [Tatian]. Available at: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/ahd/tatian/tatia.htm> (Accessed 3 January 2020).
21. Walkden, G. Language contact and V3 in Germanic varieties new and old. *Journal of Comparative Germanic linguistics*, 2017, vol. 20, issue 1, pp. 49-81. DOI: 10.1007/s10828-017-9084-2.
22. Waltz, H. Language change and language structure: Older Germanic languages in a comparative perspective. *Canadian Journal of Linguistics – Revue Canadienne de Linguistique*, 1996, vol. 41, issue 4, pp. 407-414.
23. Waxenberger, G. The Scripting of the Germanic Languages: A Comparative Study of “Spelling Difficulties” in Old English, Old High German and Old Saxon. *Anglia-Zeitschrift für Englische Philologie*, 2017, vol. 135, issue 3, pp. 568-572. DOI: 10.1515/ang-2017-0052.
24. Yoon, H. **The substantive present participles in -nd- in Gothic: With a survey of other old Germanic languages.** *Journal of Indo-European Studies Monograph Series*, 2005, vol. 50, issue 1, pp. 243-257.

Одержано 5.12.2019.

УДК 811.111-26

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-35

Н.Ю. ШИЯН,
*викладач кафедри англійської філології та перекладу
Університету імені Альфреда Нобеля (м. Дніпро)*

ГІПЕРО-ГІПОНІМІЧНІ ВІДНОШЕННЯ ТЕРМІНІВ (НА МАТЕРІАЛІ ТЕРМІНІВ БІОЛОГІЇ СУЧАСНОЇ АНГЛІЙСЬКОЇ МОВИ)

У статті здійснено аналіз гіперо-гіпонімічних відношень термінів сучасної англійської мови та їх функціонування у біології на матеріалі праць вітчизняних і зарубіжних авторів та підручника із загальної біології канадського автора С. Новічки. Використано теоретичні методи класифікації, індукції, а також структурно-функціональний, герменевтичний, статистичний і порівняльний підходи.

Більшість слів-термінів перебувають у гіпо-гіперонімічних відношеннях. Так, у біології яскравим прикладом можуть бути терміни класифікації тварин та рослин. Було знайдено та проаналізовано біологічні терміни, які вступають у відношення гіпо-гіперонімії, та класифіковані за такими параметрами: належністю до певної галузі біології, їх функціями, змістом, лінгвістичними параметрами (такими, як належність до певної частини мови, одно- чи багатоконпонентність, (не)вмотивованість, етимологія), частотністю, ступенем ієрархії. Гіперо-гіпонімічні системи було проаналізовано на предмет полі- або моноієрархічності та конфігурації семантичного поля. За основу було взято класифікацію Д. Лайонза. У статті дано огляд дослідження гіперонімії в сучасній англійській лінгвістиці, розкрито зміст понять «термін», «гіперонімія», «гіпонім», «гіперонім». Гіперонімія характеризується як різновид відношень термінів та аналізуються особливості взаємодії гіпонімів та гіперонімів у біологічній термінології сучасної англійської мови. Проведено практичний аналіз функціонування гіперо-гіпонімів у сучасній англійській терміносистемі біології, наведено їх кількісні показники, схарактеризовано основні типи та функції.

Ключові слова: термін, гіпонім, гіперонім, гіперонімія, біологія.

В статье осуществлен анализ гиперо-гипонимических отношений терминов английского языка и их функционирование в биологии на материале работ отечественных и зарубежных авторов и учебника по общей биологии канадского автора С. Новички. Используются теоретические методы классификации, индукции, а также структурно-функциональный, герменевтический, статистический и сравнительный подходы.

Большинство слов-терминов находятся в гипо-гиперонимических отношениях. Так, в биологии ярким примером могут служить термины классификации животных и растений. Были найдены и проанализированы биологические термины, которые вступают в отношения гипо-гиперонимии и классифицированы по следующим параметрам: принадлежности к определенной области биологии, их функциям, содержанию, лингвистическим параметрам (таким, как принадлежность к определенной части речи, одно- или многокомпонентность, (не)мотивированность, этимологии, частотности, степени иерархии. Гиперо-гипонимические системы были проанализированы на предмет поли- или моноиєрархичности и конфигурации семантического поля. За основу была взята классификация Д. Лайонз. Статья дает обзор исследования гиперонимии в современном английском языке, раскрывает содержание понятий «термин», «гиперонимия», «гипоним», «гипероним», характеризует гиперонимию как разновидность отношений терминов и анализирует особенности взаимодействия гипонимив и гиперонимов в биологической терминологии современного английского языка. Проведен практический анализ функционирования гиперо-гипонимов в современной англоязычной терминисистеме биологии, приведены их количественные показатели, охарактеризованы основные типы и функции.

Ключевые слова: термин, гипероним, гипоним, гиперонимия, биология.

Актуальність дослідження обумовлена підвищенням інтересом до питань лексикології в цілому та термінології зокрема в останні десятиліття як на території України, так і за її межами, що засвідчено науковими працями Т. Маршевої [1], С. Ракевичене [2], Т. Сарангової [3], О. Азначеєвої [4], О. Чеглінцевої [5] та ін. **Мета статті** – аналіз феномена гіперонімії та дослідження її функціонування у біологічній термінології сучасної англійської мови.

В англійській мові питання взаємодії термінів у англійській мові вивчається вже не перше десятиріччя, особливо треба відзначити праці таких дослідників, як Л. Брінтон [6], В. Фромкін [7], Дж. Лайонс [8], Дж. Скарбороу [9]. Сплеск інтересу до термінології припадає на двотисячні роки. Російські та українські лінгвісти дали ґрунтовну загальнотеоретичну базу щодо лексикології та термінології ще у середині минулого сторіччя. Феномену гіперонімії в Україні приділяється мало уваги. Його не вивчають у школах, терміни «*гіпонім*» та «*гіперонім*» можна зустріти суто у спеціалізованих філологічних виданнях. Гіперонімія глибоко вивчалася Є. Котцовою [10], але стосовно російської мови. Серед праць сучасних українських науковців, присвячених проблемі гіперонімії, що опубліковані за останнє десятиріччя, треба відзначити дослідження Н. Маштакової [11], М. Теплової [12], О. Коновалової [13], А. Шевчук [14],

Феномен гіперонімії посідає центральне місце у термінології як англійської мови, так і будь-якої іншої мови наукового спілкування. Більшість термінів вступають у гіпо-гіперонімічні відношення. Так, у біології класичним прикладом можуть бути терміни класифікації біологічних видів.

Гіперонімічні, або родо-видові відношення пов'язують слово, що позначає рід сутностей або явищ зі словами, які позначають види, що виділяються в рамках цього роду. Цими відношеннями пов'язані слова в парах *tree – maple; kinsman – nephew; colour – blue; move – walk; furniture – sofa*. **Слово, що виражає більш загальне поняття в цьому різновиді семантичних відношень, називається гіперонімом**, а слово, що позначає окремий випадок, вид зазначеного роду об'єктів або явищ, називається **гіпонімом**. Слова, що мають загальний гіперонім, називаються **согіпонімами** (або **когіпонімами**) [15, с. 478]. **Так, слово *tree* є гіперонімом щодо слів *maple, fir-tree, oak, birch, linden* і т. ін., які є согіпонімами.**

Між когіпонімами виникає відношення несумісності. Так, у несумісності перебувають слова *anatomy і zoology, eukaryotic і prokaryotic, river і pond* тощо. Ці слова несумісні в тому сенсі, що вони не можуть одночасно характеризувати одне і те ж явище, стосуватися одного і того ж об'єкта. Інакше кажучи, денотати слів, пов'язаних відношенням несумісності, не перетинаються, при тому що сигніфікат їх має спільну частину – сукупність ознак, що складають сигніфікат їх загального гіпероніма. У цьому відмінність несумісності від простої відмінності за змістом [15, с. 483].

Гіперонімами чи гіпонімами можуть виступати як загальнонавчальні слова, так і спеціалізовані терміни. На основі підручника із загальної біології канадського автора С. Новічки [16] та американського інтернет-ресурсу *Boundless. Biology Open Textbook* було здійснено аналіз функціонування гіперо-гіпонімів у сучасній англійській мові.

Було знайдено, проаналізовано терміни, які вступають у відношення гіпо-гіперонімії, та класифіковано за такими параметрами: належністю до певної сфери біології, їх функціями, змістом, лінгвістичними параметрами (такими як належність до певної частини мови, однокі багатокі компонентність, (не)вмотивованість, етимологія), частотністю, ступенем ієрархії. Гіперо-гіпонімічні системи було проаналізовано на предмет полі- або моноієрархичності та конфігурації семантичного поля. За основу було взято класифікації Д. Лайонза [8].

З майже 35000 біологічних термінів, що існують в англійській мові, було здійснено довільну вибірку, до якої увійшли 400 термінів, що належать до різних розділів біології та співвідносяться з різними частинами мови. Не було розглянуто терміни вузькопрофільних біологічних наук, терміни-архаїзми, концептуально-авторські терміни та ненормативні терміни.

З 400 термінів у виборці 372 терміни (93%) можуть вступати у гіперо-гіпонімічні відношення, і 28 (7%) не мають гіпонімів або гіперонімів (такі як *abiotic, canopy, clone*).

Більшість термінів, які не вступають у гіперо-гіпонімічні відношення, належать до прикметників (*adaptive*) та дієслів (*transmit*), вони зазвичай однокомпонентні (*phenotype, genome*), проте, можуть складатися і з декількох слів (*coral reef*).

Гіпоніми та гіпероніми було знайдено у словах, що належать майже до усіх сфер біології. Найяскравіший приклад – це систематична класифікація живих організмів, яку докладніше розглянуто у наступному пункті. Також гіперо-гіпонімічні відношення можуть встановлюватися між термінами, які належать до загальної біології (tissue, virus, навіть сам термін biology), анатомії (Hominini), ботаніки (dicot), зоології (roundworm), біохімії (chemosynthesis), екології (niche), генетики (X-chromosome). Вони можуть позначати назви тварин (crayfish, *Crocodylus niloticus*) чи рослин (cucumber, silver birch), або їх класів (reptilia), структурні компоненти клітин (cell membrane), систем (muscular system) та організмів (tissue), назви професій у сфері біології (oceanographer), фізіологічні (osmosis), біохімічні (photosynthesis), екологічні та інші процеси (plant adaptation), назви певних біологічних законів (law of independent assortment), характеристик організмів (eukaryotic) та систем (somatic), речовини (blood), назви спеціалізованих біологічних наук (proteomics) тощо.

Великий відсоток розглянутих гіперонімів (майже 30 %, або 110–115 термінів) перейшли до розряду загальноновживаної лексики, використовуються у повсякденному спілкуванні, навчанні, а також у популярних виданнях та інших засобах масової інформації. Прикладом термінів, які увійшли у повсякденне спілкування, можуть бути DNA, cell, desert, deciduous, evolution, instinct, leaf, protein, mutation, mollusk, global warming та ін. Цей процес пов'язаний з розвитком науки, загальною освіченістю населення, глобалізацією та підвищеним інтересом до питань екології та останніх наукових відкриттів.

За сферою використання більшість термінів є унікальними, вони зустрічаються тільки у біології, або певних її сферах. Це такі терміни, як monocots, microevolution, plasmid, somatic cell nuclear transfer, homologous chromosome. Проте біологія має зв'язки з багатьма науками: медициною, екологією, хімією та ін., тому на їх перетині зустрічається багато термінів-гіперонімів (гіпонімів), наприклад: biodiversity, viral diseases, lymphatic system, population density, deoxyribonucleic acid, carbon-based molecules. Також у біології використовуються певні загальнонаукові терміни-гіпероніми, такі як adaptation, investigation, explore, heritability, random sampling.

Як і в будь-якій іншій науці, серед гіперо-гіпонімів у біології можна виділити високочастотні (primate, viral infection, cell, biosphere, anatomy, asexual reproduction) та низькочастотні терміни (axes interval, codominance, sea cucumber, law of independent assortment). Переважно це залежить від ступеня спеціалізації терміна та частоти, з якою зустрічається явище, за яким цей термін закріплений. Варто зауважити також, що терміни, найбільш розповсюджені (а отже, частотні) у повсякденному спілкуванні, пов'язаному з біологією, можуть бути досить низькочастотними у наукових колах через функціонування іншого, більш прийнятого терміна. Так, замість загальноновживаного cucumber, у науковому спілкуванні будуть траплятися видові назви, наприклад, cucumber sativus.

Серед гіперонімічних термінів у біології більшість – терміни, які слугують для фіксації знання та терміни, які використовуються як предмет пізнання, проте, є невеликий відсоток термінів навчання, які використовуються замість більш складних термінів (так, спочатку школярам пояснюють термін inherited traits і тільки згодом вводять менш зрозумілий термін karyotype).

80 % слів, або майже 300 з 372 гіперо-гіпонімічних термінів запозичені. Інші 20% (або 70–80 слів) – терміни власне англійського походження. Прикладом можуть бути такі терміни: natural habitat, estuary, family. Зазвичай ці терміни більш загальноновживані, використовуються при навчанні та навіть у побутовому спілкуванні. Основними мовами – джерелами запозичення є латинська та грецька. Наприклад, грецьке походження мають терміни bathyal, arachnid, латинське походження мають терміни dominant, diffusion, algae. Але запозичення відбуваються і з інших мов. Так, з фінської мови походить слово tundra, з французької мови походить слово disease. Багато термінів походять від іншомовних коренів, але асимілювали, набуваючи англійських суфіксів і закінчень, утворюючи так звані «гібридні» терміни, наприклад, extinction, conservation, або утворені штучно з існуючих іншомовних коренів (biosphere).

Що стосується складу та формальної структури гіперо-гіпонімічних термінів, то серед них трапляються як однокомпонентні (echinoderm, flatworm, gene), так і двокомпонентні (population density, flowering plant, point mutation), і багатоконпонентні терміни (popula-

tion growth patterns, peripheral nervous system, deep sea sediment coring). Розподіл між термінами-словами, термінами-словосполученнями та багатослівними термінами у біологічній термінології англійської мови майже рівний. Так, усі терміни, що позначають біологічні види – двокомпонентні (*Betula pubescens*, або Downy Birch), зрідка національні назви видів – трикомпонентні (*Betula tortuosa* – Arctic White Birch). Часто трапляються дво- або багатоконпонентні терміни у назвах біологічних професій (conservation biologist, evolutionary biologist). Багатоконпонентні назви біологічних законів (law of independent assortment, law of segregation). Також багатоконпонентними є терміни, які позначають явища, названі на ім'я науковця (the Stroop Effect, Linnaean System of Classification). Однокомпонентні терміни-гіпероніми частіше переходять до розряду загальноновживаних, аніж багатоконпонентні. Вживаються у гіпонімічній біологічній термінології також терміни-скорочення (lab), терміни-аббревіатури (DNA, tRNA) і поєднання аббревіатур зі словами (DNA hybridization, transfer RNA (tRNA)), а також терміни специфічної формальної структури з використанням елементів штучних мов – символи-слова (X – chromosome, T-Cell). З однокомпонентних гіперонімів можна виділити кореневі (allele), похідні (extinction), складні (bioethics), складноскорочені (ecosystem).

Серед дво- та багатоконпонентних термінів за семантикою можна виділити стійкі гіперонімічні сполучення (Genetic Engineering, Linnaean System of Classification) та вільні поєднання (наприклад, geographic isolation). У більшості випадків слова у сполученні можна перекомбінувати (Lymphatic System Peripheral Nervous System, Vascular System), тобто більшість термінів – вільні сполучення слів, найбільш усталеними є терміни широкого вживання, такі як global warming.

У біології гіпо-гіперонімами можуть виступати як терміни спостереження (digestive system, fossil, grassland, hydra, zooplankton), так і теоретичні терміни (niche, class, biosphere, density, coevolution). Так, усі назви рослин, тварин, грибів, бактерій (e.g. birch, *Crocodylus niloticus*, Homo Sapiens) будуть термінами спостереження, а усі вищі ступені у систематичній класифікації (e.g. *betulaceae*, *hominidae*, *Crocodylomorpha*) – теоретичними термінами.

Більшість гіперонімів у біологічній термінології однозначні (habitat, haploid, lipid). Дво- та багатоконпонентні терміни майже завжди мають лише одне чітке значення (immune response). Одна й та сама форма може позначати різні частини мови (cross, lipid, model), проте, дуже рідко – різні поняття (fitness в екології людини – перебування у гарній фізичній формі, у молекулярній біології – здатність поєднуватися, наприклад, білкової основи та залишків кислоти; range – діапазон, ареал, або тваринний/рослинний ряд, як дієслово – класифікувати; selection – наука селекція або ж процес добору певних видових якостей).

Майже всі гіперо-гіпоніми у біології – невмотивовані (fungi, gradualism), або частково вмотивовані (double helix). Проте трапляються і повністю вмотивовані терміни (зазвичай це – вільні сполучення слів, де кожне слово зберігає своє первісне значення), наприклад, gene therapy, geographic isolation, carbon-based molecules. Можна виділити також помилково вмотивовані терміни: значення цілого слова не збігається зі значенням окремих його частин. Прикладом може бути слово crayfish: якщо перекладати частини слова окремо, то отримуємо частково вмотивоване слово з другою складовою «риба», тоді як ціле слово перекладається як річковий рак, лангуст.

Якщо класифікувати гіперонімічні терміни за частинами мови, то переважна більшість (майже 90% гіперо-гіпонімів) належить до іменників (daphnia, diploid, genetics, kingdom, replication, hominoid, insect, investigation). Невеликий відсоток гіперонімів належить до прикметників (coniferous, deciduous, eukaryotic, recessive), і найменша кількість гіперонімів у біології серед дієслів (test, explore, model, maintain). Жодного гіпероніма-прислівника у вибірку не потрапило, з чого можна зробити висновок: якщо серед біологічних термінів і трапляються гіпероніми-прислівники, то їх мізерно малий відсоток.

Щодня у біологію входять нові терміни, і серед неологізмів зустрічаються також гіперо-гіпоніми. Прикладом можуть бути видові назви нещодавно відкритих рослин, провідних біотехнологій (genetic screening, DNA microarray), нових речовин, які застосовуються у біохімії.

Більшість термінів у біології вступають у багаторівневі гіперо-гіпонімічні відношення. Тому більшість гіперонімів та гіпонімів будуть мати індекс другого чи більше ступеня ієрар-

xii. Лише для меншості пар можна вибудувати ланцюг лише з двох елементів – одного гіпероніма та одного гіпоніма. Яскравим прикладом є класифікація живих організмів. Так, для гіпонімічного терміна *species* (вид) можна виділити гіпероніми від першого до сьомого (а деякі дослідники виділяють класифікацію до одинадцятого) ступеня: **Family (род)**, **Superfamily (родина)**, **Order (ряд)**, **Superorder (надряд)**, **Class (клас)**, **Phylum (тип)**, **Kingdom (царство)**.

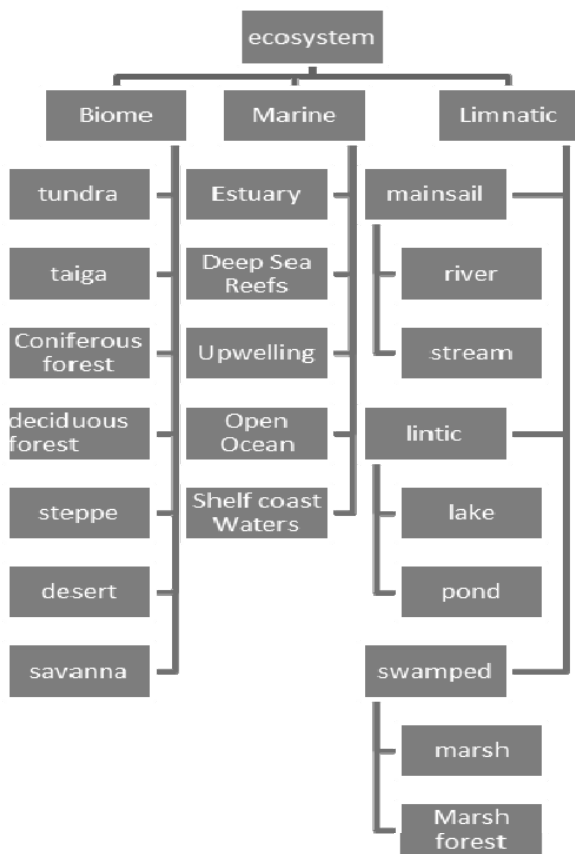

Рис 1. Радіальна конфігурація семантичного поля

Вступаючи у гіперо-гіпонімічні відношення, біологічні терміни утворюють певні конфігурації семантичного поля: ланцюгову, радіальну і радіально-ланцюгову. Ланцюгова конфігурація семантичного поля зустрічається у біологічних термінах рідше за інші дві, тому що у одного гіпероніма найчастіше буває декілька гіпонімів. Ланцюгову конфігурацію можна зобразити на прикладі класифікації людини: у гіпероніма *Hominidae* є тільки один гіпонім першого ступеня – *Hominini*, для якого, у свою чергу, існує тільки один гіпонім першого ступеня *Homo*. Для нього гіпонім теж тільки один – *Homo Sapiens* (тому що до роду *людина* входить тільки один вид: *Людина розумна*). Найпоширеніша конфігурація семантичного поля у гіперо-гіпонімічних відношеннях – радіальна, коли у кожного гіпероніма більше, ніж один гіпонім (рис. 1).

Так, для гіпероніма *ecosystem* існують три гіпоніми: **Biome**, **Marine** і **Limnatic**. У кожному з них, у свою чергу, є по декілька гіпонімів, наприклад, для терміна **Biome** це *tundra*, *taiga*, *coniferous forest*, *deciduous forest*, *steppe*, *savanna*, *desert*.

Трапляється і змішування цих двох типів конфігурацій (радіально-ланцюгова конфігурація). Тоді у деяких гіперонімів проміжної ланки буде лише один гіпонім, а в інших – по декілька. Так, для гіпероніма *Reptilia* існують декілька гіпонімів: *Crocodylia*, *Sphenodontia*, *Squamata* і *Testudines*, тоді як для *Crocodylomorpha* гіпонім тільки один – *Crocodylia*, а для *Testudines* їх вже два: *turtles and tortoises*.

Тому що не тільки в одного гіпероніма може бути декілька гіпонімів, а й один гіпонім може підпорядковуватися декільком гіперонімам, то гіперон-гіпонімічні відношення біологічних термінів можуть бути не тільки моноієрархічними, а й поліієрархічними. Так, гіпонім *desert* може підпорядковуватися як гіпероніму *Biome*, якщо мова йде про екосистеми, так і іншому гіпероніму – *Climate Zone*, який знаходиться на перетині біології з географією.

Так, ми бачимо, що більшість термінів у біології можуть вступати у гіперо-гіпонімічні відношення. Одна з причин – величезна кількість класифікацій, які є у біології та науках, суміжних з нею, термінами яких оперує біологія. Класичним прикладом гіперо-гіпонімічних відношень у біології є *Linnaean System of Classification* (система класифікації біологічних видів К. Ліннея). Найяскравіше гіпо-гіперонімічну ієрархію термінів у біології можна показати на прикладі цієї наукової класифікації.

Кожна вища ланка у класифікації є гіперонімом для усіх нижчих ланок, і навпаки, кожна нижча ланка є гіпонімом для усіх ланок, що знаходяться у класифікації вище. Так, нараховується від 7 до 11 ступенів гіперонімів для кожного гіпоніму – назви біологічного виду.

Гіпонім першого ступеня (видова назва) зазвичай є двокомпонентним та часто виражається засобами латинської мови (хоча для найбільш розповсюджених видів функціонують також англійські видові назви).

Нижче наводяться класифікації для таких біологічних видів, як *Homo Sapiens*, *Betula pumila* та *Crocodylus niloticus* (які з точки зору лінгвістичного аналізу виступають гіпонімами першого ступеня).

Kingdom:	Animalia
Phylum:	Chordata
Class:	Reptilia
Clade:	Crocodylomorpha
Order:	Crocodylia
Superfamily:	Crocodyloidea
Family:	Crocodylidae
Type species:	<i>Crocodylus niloticus</i>

Як ми бачимо, для гіпоніма *Crocodylus niloticus* існують 7 гіперонімів (першого, другого, третього і т. д. ступенів), які позначають вищі ланки у систематичній класифікації. Для гіпероніма *Animalia* буде існувати набагато більше, ніж 7 гіпонімів, бо до царства тварини входить декілька типів, як і до класу рептилій входить три надтипи. Тобто ця ланцюгова класифікація – лише частина більшої, радіальної семантичної мережі. Для типу *Crocodylia* існують 4 гіпероніми, проте, не лише 3 гіпоніми першого, другого та третього ступенів, а 3 гіпоніми першого ступеня, і декілька гіпонімів другого та третього ступенів. Тобто ця класифікація утворює складну радіально-лінійну семантичну мережу, яка складеться з семи рівнів гіпонімічного підпорядкування та семи рівнів гіперонімічного включення.

Схожу радіально-лінійну гіперо-гіпонімічну семантичну мережу маємо і для класифікації рослин (на прикладі лінійної семантичної мережі, яку утворює класифікація берези болотної – *Betula pumila*, або в англійській традиції *Swamp Birch*).

Kingdom:	Plantae
Division:	Magnoliophyta
Order:	Fagales
Family:	Betulaceae
Genus:	<i>Betula</i>
Species:	<i>Betula pumila</i>

У цій класифікації гіпонім *Betula pumila*, двокомпонентний гіпонім латинського походження, послідовно підпорядковується п'яти гіперонімам різних ступенів. Цей гіперо-гіпонімічний ряд – лінійна частина радіальної семантичної мережі, у якій кожен з гіперонімів має два або більше гіпоніми. Гіперонім *Plantae* має не п'ять, а сотні тисяч

гіпонімів, бо послідовні ряди гіпонімів розходяться від нього у вигляді графа. Тобто *Betula pumila* – лише один з 350000 гіпонімів п'ятого ступеня для гіпероніма *Plantae*. Гіперонім першого ступеня для *Betula pumila* – *Betula*, окрім нього підпорядковує ще 29 гіпонімів, які для *Betula pumila* будуть виступати у ролі коріпонімів, наприклад, *Betula austrosinensis* (South China Birch), *Betula chinensis* (Chinese Dwarf Birch), *Betula ermanii* (Erman's Birch).

Класифікація людини розумної – система гіперо-гіпонімів, яка утворює лінійну семантичну мережу (до третього рівня підпорядкування, вище – мережа перетвориться на радіально-лінійну за рахунок підпорядкування гіперонімом *Euprimates* більше ніж одного гіпоніма.

Family:	Hominidae
Tribe:	Hominini
Genus:	Homo
Species:	Homo sapiens

Таким чином, будь-яка класифікація біологічних видів являє собою складну гіперо-гіпонімичну систему з гіперонімами та гіпонімами різних ступенів підпорядкування. Гіпероніми у цій класифікації – це іменники або субстантивовані прикметники. Майже всі вони походять з латинської мови, проте, для найменування розповсюджених видів паралельно функціонує й національна номенклатура. Більшість термінів однокомпонентні, а видові назви – двокомпонентні, зазвичай це – кореневі або складені невмотивовані або частково вмотивовані терміни.

Список використаної літератури

1. Marsheva T.V. Gaps in the Lexical System of different-type Languages / T.V. Marsheva, S.M. Peretochkina, G.M. Gatiyatullina // *Revista Publicando*. – 2017. – Vol. 4. – Issue 13. – P. 459–468.
2. Rackeviciene S. Circumnavigating Non-Equivalence in Legal Languages: A Trilingual Case Study of Generic-Specific Concepts and Terms / S. Rackeviciene, V. Januleviciene, L. Mockiene // *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*. – 2019. – Vol. 7. – Issue 1. – P. 1–16. DOI: 10.22190/JTESAP1901001R.
3. Сарангова Т.А. Гиперо-гипонимические отношения терминологии, обозначающей связи с инвесторами (на материале тематической группы «номинация лиц, связанных с Investor Relations») / Т.А. Сарангова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. – 2015. – Вып. – 2. – С. 51–59.
4. Азначеева Е.Н. Пространственные концепты **Raum, Haus, Erde, Himmel, Weltinnenraum** в поэтической картине мира Р.М. Рильке / Е.Н. Азначеева, О.А. Радчук // *Научный диалог*. – 2019. – Вып. 11. – С. 9–22. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-9-22.
5. Чиглинцева Е.С. Синтактика и прагматика английских выражений признакового тождества модели NVASN / Е.С. Чиглинцева, Е.А. Викулова // *Вестник Томского государственного университета*. – 2019. – Вып. 443. – С. 66–71. DOI: 10.17223/15617793/443/8.
6. Brinton L.J. *The Structure of Modern English: A Linguistic Introduction* / L.J. Brinton. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 112 p.
7. Fromkin V. *Introduction to Language* / V. Fromkin, R. Robert. – Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 2013. – 624 p.
8. Lyons J. *Semantics* / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1977. – 384 p.
9. Scarborough J. *Medical Terminologies: Classical Origins Oklahoma Series in Classical Culture* / J. Scarborough. – Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1992. – 303 p.
10. Котцова Е.Е. Гипонимия в лексической системе русского языка (на материале глагола) / Е.Е. Котцова. – Архангельск: Издательство Поморского университета, 2010. – 365 с.
11. Маштакова Н.В. **Гіпо- і гіперонімичні** відношення у сфері фразеологізмів різноструктурних мов / Н.В. Маштакова // *Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка*. – 2012. – Вип. 64. – С. 212–215.
12. Теплова М.В. **Гіперонімія** в англійській термінології комплексу наукових екологічних знань / М.В. Теплова // *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія*. – 2014. – Вип. 11 (2). – С. 72–74.

13. Коновалова О. Гіперонімічний та еквонімічний різновиди мотивації англійських ентонімів / О. Коновалова // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка. Серія: Філологічні науки. – 2010. – Вип. 89 (3). – С. 307–311.

24. Шевчук А. Лексикографічна репрезентація гіперонімо-гіпонімічних зв'язків (на матеріалі дефініцій зоонімів) / А. Шевчук // Науковий вісник Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Мовознавство. – 2013. – № 20. – С. 52–55.

15. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 540 с.

16. Nowichki S. *Biology* / S. Nowichki. – Toronto: McDougal Littell, 2008. – 849 p.

HYPER-HYPONYMIC RELATIONSHIPS (ON THE MATERIAL OF BIOLOGICAL MODELS IN MODERN ENGLISH)

Natalia Yu. Shyian, Alfred Nobel University (Dnipro)

E-mail: n.shyian12@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-35

Key words: *term, hyponym, hyperonym, hyperonymia, biology.*

The article analyses the hypero-hyponymic relations between the terms of modern English and their functioning in biology based on the works of Ukrainian and foreign authors, a textbook on general biology by Canadian author S. Novichki, and the American online resource Boundless. *Biology Open Textbook*. Biological terms that are related to hypo-hyperonymia have been found and analyzed and are classified according to the following parameters: belonging to a particular field of biology, their functions, content, linguistic parameters (such as belonging to a particular part of language, single or multi-componentness) motivation, etymology), frequency of usage, degree of hierarchy, hyper-hyponymic systems were analyzed for poly- or mono-hierarchy and semantic field configuration. The classification was based on the classification of D. Lyons.

The article gives an overview of the study of hyperonymy in modern English linguistics, reveals the meaning of the terms “term”, “hyperonymia”, “hyponym”, “hyperonym”, characterizes hyperonymy as a kind of relations of terms, and analyzes the peculiarities of interaction between hyponyms and hyperonymia in biology. A practical analysis of the functioning of hyper-hyponyms in the modern English-language term system of biology, their quantitative indicators, the main types and functions are characterized. The phenomenon of hyper-hyponymy is very common in the biological terminology of English; more than 90% of biological terms can be hyper-hyponymic with other terms. The vast majority of hyper-hyponyms in terms (about 90%) belong to the category of nouns or are phrases with the main noun word. There are also adjective hyperonyms (which are also often substantiated) and verb hyperonyms. Adverbial hyperonyms have not been found in biological terminology.

Hyper-hyponymic terms in biology can be one-component, two-component and multi-component; equally shared. A very large number of biological terms in general, and hyper-hyponyms in particular (about 80%), have been borrowed from other languages, mainly Latin. Almost all hyper-hyponyms in biology are unmotivated or partially motivated. However, there are also completely motivated and false motives. In hyper-hyponymic terms, the terms form a certain configuration of the semantic field. Most often, the terms of biology form a radial network, rarely – radially linear. Linear configuration is relatively rare. Hyper-hyponymic systems in biology are usually complex, there exist hyperonyms of the seventh (or even more) degree. Biological terms are more characteristic of mono hierarchical hyper-hyponymic relationships, but if one hyponom has different not consecutive hyperonyms, then we are talking about poly hierarchical relationships. The most typical example of the hyper-hyponymic relations of terms in biology is the systematic classification of biological species, where each successive link acts as a hyperronym with respect to the previous one and as a hyponym with respect to the next, forming a multi-stage hyper-hyponymic radial-linear radinos.

References

1. Marsheva, T.V., Peretochkina, S.M., Gatiyatullina, G.M. Gaps in the Lexical System of different-type Languages. *Revista Publicando*, 2017, vol. 4, issue 13, pp. 459-468.

2. Rackeviciene, S., Januleviciene, V., Mockiene, L. Circumnavigating Non-Equivalence in Legal Languages: A Trilingual Case Study of Generic-Specific Concepts and Terms. *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*, 2019, vol. 7, issue 1, pp. 1-16. DOI: 10.22190/JTESAP1901001R.

3. Sarangova, T.A. Hyper-Hyponymic Relations in Terminology Expressing Investor Relations. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2015, issue 2, pp. 51-59.
4. Aznacheeva, E.N., Radchuk, O.A. Spatial Concepts Raum, Haus, Erde, Himmel, Weltinnenraum in the Poetic Picture of the World R.M. Rilke. *Nauchnyi Dialog*, 2019, issue 11, pp. 9-22. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-11-9-22.
5. Chigliintseva, E.S., Vikulova, E.A. Syntactic and Pragmatic Features of English Equality Sentences NVasN. *Tomsk State University Journal*, 2019, issue 443, pp. 66-71. DOI: 10.17223/15617793/443/8.
6. Brinton, L.J. **The Structure of Modern English: A Linguistic Introduction.** Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2000, 112 p.
7. Fromkin, V., Robert, R. *Introduction to Language.* Fort Worth, Harcourt Brace College Publishers, 2013, 624 p.
8. Lyons, J. *Semantics.* Cambridge, **Cambridge University Press**, 1977, 384 p.
9. Scarborough, J. *Medical Terminologies: Classical Origins Oklahoma Series in Classical Culture.* Oklahoma, University of Oklahoma Press, 1992, 303 p.
10. Kottsova, Ye.Ye. *Hyponymia v leksycheskoj sisteme russkogo iazyka (na materyale hlahola)* [Hyponymy in lexical structure of the Russian language (on the material of the verb)]. Arkhangel'sk, Pomorsky universit Publ., 2010, 365 p.
11. Mashtakova, N.V. *Hipo- i hiperonimichni vidnoshennia u sferi frazeologizmiv riznostrukturnykh mov* [Hyponic and hyperonic relations in the field of phraseological units in varied structure languages]. *Visnyk Zhytomyrskoho derzhavnogo universytetu imeni Ivana Franka [Ivan Franko Zhytomyr State University Journal]*, 2012, no. 64, pp. 212-215.
12. Teplova, M.V. *Hiperonimiia v anhlijs'kij terminologii kompleksu naukovykh ekolohichnykh znan* [Hyperonimy in the English terminology of the complex of scientific ecological knowledge]. *Naukovyj visnyk Mizhnarodnoho humanitarnoho universytetu. Serii Filolohiya* [International Humanitarian University Herald. Philology], 2014, no. 11 (2), pp. 72-74.
13. Konovalova, O. *Hiperonimichnyj ta ekvonimichnyj riznovydy motyvatsii anhlijs'kykh entomonimiv* [Hypernomic and equonimic varieties of English entomonym motivation]. *Naukovi zapysky Kirovohrads'koho derzhavnogo pedahohichnoho universytetu imeni Volodymyra Vynnychenka. Serii: Filolohichni nauky* [Volodymyr Vynnychenko Kirovohrad State University Journal. Philology Series], 2010, no. 89 (3), pp. 307-311.
14. Shevchuk, A. *Leksykohrafichna reprezentatsiia hiperonimo-hiponimichnykh zv'iazkiv (na materialy definitsij zoonimiv)* [Lexicographic representation of hyper- and hyponic relations (on the material of definitions of zoonyms)]. *Naukovyj visnyk Skhidnoevropejskoho natsional'noho universytetu imeni Lesi Ukrainky. Filolohichni nauky. Movoznavstvo.* [Lesya Ukrainka Eastern European National University Scientific Journal. Philology Series. Linguistics], 2013, no. 20, pp. 52-55.
15. Lyons, J. *Vvedenye v teoretycheskuiu lynchvystyku* [Introduction to the theoretical linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, 540 p.
16. Nowichki, S. *Biology.* Toronto, McDougal Littell Publ., 2008, 849 p.

Одержано 29.10.2019.

УДК 811.112.2' 367' 42
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-36

Е.И. ШТАТНАЯ,
*преподаватель кафедры германской филологии
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГолоВочНОГО КОМПЛЕКСА

У статті розглянуто структурно-синтаксичні особливості заголовкового комплексу онлайн-повідомлень у тижневику «Шпигель».

Вибір теми дослідження було зумовлено зростанням інтересу до мови засобів масової комунікації. Як елемент композиційної структури тексту заголовок був об'єктом низки лінгвістичних досліджень на матеріалі різних мов і стилей. Тенденцією останніх досліджень стало вивчення особливостей функціонування заголовкового комплексу, до якого входять: надзаголовок, власне заголовок, підзаголовок і внутрітекстові заголовки. Кожен елемент заголовкового комплексу має свої особливості. Для опису синтаксичної структури у статті вважається доцільним використання певних символів і скорочень.

Перший елемент – надзаголовок – являє собою переважно односкладне номінативне речення, основна функція якого визначається як загальна орієнтація читача відносно повідомлення. Надзаголовки можуть вказувати на подію, місце, організацію, партію. Як підкреслюється в статті, важливим компонентом надзаголовка є географічні назви і власні імена. Найчастіше зустрічається синтаксична структура з одного іменника у називному відмінку, який можна розглядати як основний компонент надзаголовка.

Більшість заголовків онлайн-повідомлень являють собою двосоставні дієслівні речення з прямим порядком слів, що може бути пов'язано з відображенням комунікативної структури з розмежуванням теми і реми. Типовою є синтаксична структура $S_n + V_f + S_a/S_d$. Основний акцент припадає на другу частину заголовка, яка містить основну інформацію. Спостерігається певний розподіл навантаження у синтаксичній структурі: якщо перший компонент – іменник у називному відмінку – містить одне або два слова, то другий компонент – дієслово із залежними від нього словами – може ускладнюватися за рахунок залежних від дієслова слів, що дозволяє збільшити інформативність заголовка. Інформативна насиченість таких заголовків дозволяє розглядати їх як самостійний жанр. Слід зауважити, що заголовки відрізняються різноманіттям синтаксичних структур (односоставні номінативні, підрядні речення).

Підзаголовок містить, як правило, одно-два речення: прості поширені або складні. Що стосується внутрітекстових заголовків, то вони являють собою прості поширені речення, часто питальні. Послідовність *надзаголовок – заголовок – підзаголовок – внутрітекстові заголовки* відображає структурну організацію подачі інформаційного матеріалу в онлайн-повідомленнях. Кожен елемент заголовкового комплексу несе своє функціональне навантаження. Оскільки заголовковий комплекс онлайн-повідомлень (крім внутрітекстових заголовків) просторово відокремлений від онлайн-тексту, це, а також інформативна насиченість дозволяють йому функціонувати як самостійному повідомленню.

Ключові слова: заголовок, заголовковий комплекс, синтаксична структура, преса, німецька мова.

В статье рассмотрены структурно-синтаксические особенности заголовочного комплекса онлайн-сообщений в еженедельнике «Шпигель». Выбор темы исследования был обусловлен ростом интереса к языку средств массовой коммуникации. Как элемент композиционной структуры текста заголовок был объектом ряда лингвистических исследований на материале разных языков и стилей. Тенденцией последних исследований стало изучение особенностей функционирования заголовочного комплекса, в который входят: надзаголовок, собственно заголовок, подзаголовок и внутритекстовые заголовки. Каждый элемент заголовочного комплекса имеет свои особенности. Для описания синтаксической структуры заголовочного комплекса в статье считается целесообразным использование определенных символов и сокращений.

Первый элемент – надзаголовок – представляет собой преимущественно односоставное номинативное предложение, основная функция которого определяется как общая ориентация читателя относительно сообщения. Как подчеркивается в статье, важным компонентом надзаголовков являются географические названия и имена собственные. Чаще всего встречается синтаксическая структура, состоящая из одного имени существительного в именительном падеже, которое можно рассматривать в качестве основного компонента надзаголовка.

Большинство заголовков онлайн-сообщений представляют собой двусоставные глагольные предложения с прямым порядком слов, что может быть связано с отображением коммуникативной структуры с разграничением темы и ремы. Типичной является синтаксическая структура Sn +Vf +Sa/Sd. Основной акцент переносится на вторую часть заголовка, содержащую основную информацию. Наблюдается определенное распределение нагрузки в синтаксической структуре: если первый компонент – имя существительное в именительном падеже – содержит одно или два слова, то второй компонент – глагол с зависимыми от него словами – может усложняться за счет зависимых от глагола слов, что позволяет увеличить информативность заголовка. Информативная насыщенность таких заголовков позволяет рассматривать их как самостоятельный жанр. Следует отметить, что заголовки отличаются разнообразием синтаксических структур (односоставные номинативные, придаточные предложения).

Подзаголовок содержит, как правило, одно-два предложения: простые распространённые или сложные. Что касается внутритекстовых заголовков, то они представляют собой простые распространённые предложения, часто вопросительные. Последовательность *надзаголовок – заголовок – подзаголовок – внутритекстовые заголовки* отображает структурную организацию подачи информационного материала в онлайн-сообщениях. Каждый элемент заголовочного комплекса несет свою функциональную нагрузку. Поскольку заголовочный комплекс онлайн-сообщений (кроме внутритекстовых заголовков) отделен пространственно от онлайн-текста, это, а также информативная насыщенность позволяют ему функционировать как самостоятельному сообщению.

Ключевые слова: заголовок, заголовочный комплекс, синтаксическая структура, пресса, немецкий язык.

Журнал «Шпигель» относится к информационным еженедельникам, имеющим разностороннее влияние на общество и рассчитанным на самые широкие слои читательской аудитории.

Сообщение о событии для печатного информационного еженедельника является не конечным результатом журналистской работы, а исходной точкой. У редакции печатного журнала есть 5–7 дней для того, чтобы осмыслить факт, увидеть событие в развитии, связать его с другими событиями, подготовить сопутствующие и дополняющие материалы [8; 12].

Иное дело новостной сайт журнала, а онлайн-журнал «Шпигель» позиционирует себя как «ведущий новостной сайт Германии» («Deutschlands führende Nachrichtenseite»), где требуется оперативная обработка информации, постоянное ее обновление ежечасно и даже поминутно. В этом качестве «Шпигель» занимает особое место в среде журнальной периодики, стремясь к максимальной оперативности, публикации самых важных новостей, для чего существует раздел «Aktuelle Nachrichten».

В современном мире человеку становится все труднее ориентироваться в постоянно увеличивающемся потоке информации, все сложнее разобраться и выделить главное в вопросах политики, экономики, науки, культуры и т.д. Кроме того, у современного человека просто не хватает времени для чтения больших статей.

Поэтому важную роль играет заголовок, а точнее, заголовочный комплекс, под которым понимается совокупность надзаголовка, основного заголовка, подзаголовка и (если они есть) внутритекстовых заголовков. Заголовочный комплекс позволяет читателю ориентироваться в потоке информации, выделить главное в новостях.

Каждый заголовочный комплекс в новостном сайте заканчивается ссылкой на *mehr/подробнее*, где дается развернутый текст сообщения с детальным анализом события.

Как элемент композиционной структуры текста заголовок неоднократно становился объектом лингвистических исследований на материале разных языков и стилей. Так, изучались структурно-синтаксические, лексические и прагматические особенности заголовков газетных, художественных и научных текстов, их функции, а также лингвистический статус заголовка (А.С. Попов, В.С. Мужев, Л.А. Коробова, О.С. Толомасова, М.А. Шамелашвили, О.М. Максютлова, Л.Ф. Грицюк, Л.А. Ноздрина, С.П. Суворов).

Тем не менее ряд вопросов остаются по-прежнему открытыми, в частности, лингвистический статус заголовка.

Заголовки рассматриваются либо как «структурно автономні, предикативно самодостатні іменування, тематично зорієнтовані на певний предметний чи ситуативний об'єкт чи текстовий масив» [1, с. 52] либо «незалежно від його синтаксичної структури, заголовок журнального мікротексту-повідомлення набуває статусу речення, оскільки має предикацію через його включення до вищої комунікативної одиниці – тексту й реалізує комунікативну інтенцію адресанта» [3, с. 4].

Заголовок становится объектом лингвистики текста, в рамках которой рассматривается как неотъемлемый компонент композиционной структуры текста, имеющий статус предложения. Заголовок занимает особое место среди компонентов текста, будучи призванным выразить основную цель сообщения, установить контакт с читателем, привлечь его внимание к теме публикуемого материала [9; 10; 11; 14].

Первый элемент заголовочного комплекса – надзаголовок – представляет собой в большинстве случаев односоставное номинативное предложение, состоящее из одного-пяти слов. Основная функция надзаголовка заключается в общей ориентации читателя относительно сообщения. Надзаголовки могут указывать на:

- событие – *Englands Gruppensieg (S., 20.06.19)*;
- место действия – *New York (S., 11.07.19)*;
- организацию, партию – *AfD (S., 04.09.18)*;
- действующее лицо, его статус – *Xi Jinping bei Kim Jong Un (S., 20.06.19)*;
- характеристику действия – *Radikale Abschottung (S., 11.07.19)*;
- субъекта, высказывающего свое мнение по определенному поводу – *Professor über angehende Lehrer (S., 20.08.19)*.

Важным компонентом надзаголовка являются имена собственные и географические названия, которые играют конкретизирующую роль и содержат существенную информацию. Это преимущественно имена представителей государств и организаций, названия государств и городов, прилагательные, образованные от них.

Для описания синтаксической структуры надзаголовков можно использовать следующие символы и сокращения:

Sn, Sg, Sd, Sa – имя существительное в именительном, родительном, дательном и винительном падеже;

pS – имя существительное с предлогом;

Vf – спрягаемая форма глагола;

Part 1 – причастие 1;

Part 2 – причастие 2;

Adj – имя прилагательное;

Adv – наречие [6, с. 47].

Знак + обозначает непосредственную синтаксическую связь между двумя компонентами структуры.

Наиболее часто встречается синтаксическая структура, состоящая из одного существительного в именительном падеже. Его можно рассматривать как основной или «ядерный» компонент надзаголовка [3, с. 5]: *Handelsstreit (S., 26.4.19)*, *AfD (S., 4.9.18)*. В ряде случаев надзаголовок может рассматриваться как рубрика: *Ufologie (S., 20.6.19)*, *Der Morgen live (S., 16.04.18)*.

Однако чаще всего эта структура усложняется за счет прилагательного или причастия в функции определения и/или приложений, выраженных именами собственными, географическими названиями: *Islamischer Terror (S., 4.9.18)*, *Kultserie Alf (S., 26.6.19)*, *Boeing 737 Max*; *Ex-DDR-Staatschef Egon Krenz (S., 11.7.19)*, *Tödlich verunglückter Fußballprofi Sala (S., 20.6.19)*.

В этой связи исследователи говорят о тенденции к компрессии, которая проявляется прежде всего в довольно объемной группе существительного [13, с. 45].

Следующий по частоте употребления синтаксический тип **Sn+in Sg**, где зависимое существительное с предлогом указывает на место события: *Landtagswahl in Sachsen (S., 15.7.19)*, *Autofahren in Saudi-Arabien (S., 20.6.19)*.

Довольно часто встречается структура Sn + Sg: *Chinareise des nordkoreanischen Diktators* (S., 28.3.18).

Синтаксические структуры Sn + über Sa, Sn + zu Sd, Sn + mit Sd, Sn + von Sd используются для введения прямой или косвенной речи, называя говорящего и выражая тематику его выступления: *Interview mit Kenneth Clarke zum Brexit* (S., 7.12.19), *Neues Enthüllungsbuch über Trump* (S., 11.8.19); *DDR-Dissident zu Chemnitz* (S., 11.8.18), *Professor über angehende Lehrer* (S., 26.6.19).

Большая группа примеров представлена синтаксической структурой Sn + pSd/Sa, где p – один из возможных предлогов (vor, gegen, über, für, durch, an, nach, auf, bei, aus: *Streit über Kurs der CDU* (S., 14.3.19), *Neues Bündnis gegen USA und China* (S., 26.6.19), *Madonna-Video gegen Waffengewalt* (S., 26.6.19).

Обращает на себя внимание структура Sn + am Sd, где am Sd – это указание на день, когда происходит событие: *Die Lage am Mittwoch* (S., 28.3.18).

В отдельных случаях надзаголовков представлен двусоставным глагольным предложением: *Xi Jinping besucht Nordkorea* (S., 20.6.19), *Video zeigt Schiffsversenkung* (S., 26.6.19), *Handelskrieg bremst* (S., 15.7.19).

Единичными примерами представлены надзаголовки, не содержащие в качестве основного компонента имя существительное в именительном падеже. Здесь возможны следующие синтаксические структуры:

– Part2 Ausgebüsst (S.), pSa – Für Werbung (S., 26.6.19);

– pSd – Nach Anschlägen von Christchurch (S., 20.6.19), *Im konservativen Süden der USA* (S., 21.3.19);

– Adv + Part1 – Manchmal aufregend (S.,), pSd + Part2 – Mit dem Jeep überfahren (S., 26.6.19).

Встречаются эллиптические конструкции с эллипсом вспомогательного глагола в пассиве. Пропущенный компонент легко устанавливается по смыслу и грамматической форме: Sn + Vinf/Part2 – *Silberschatz auf Rügen gefunden* (S., 16.4.18).

Возможны усеченные придаточные предложения: *Was an Bord von MH370 geschah* (S. 14.6.18).

Современный читатель чаще всего не читает все тексты, а знакомится в первую очередь с их заголовками. Внимание потенциального читателя направлено преимущественно на визуально выделенные заголовки, которые помогают читателю ориентироваться в информационном потоке. Поэтому в большинстве случаев онлайн-заголовки выделяются с помощью более крупного и жирного шрифта.

В отличие от надзаголовков и заголовков печатных сообщений, где преобладают односоставные номинативные предложения, большинство заголовков онлайн-сообщений представляют собой двусоставные распространенные глагольные предложения с прямым порядком слов, что очевидно связано с отражением коммуникативной структуры с четким разграничением темы и ремы: подлежащее с распространителями или без них (Sn) – тема, сказуемое или группа сказуемого – рема (Vf). Типичной является синтаксическая структура (Sn + Vf + Sa/Sd), причем основной акцент переносится на вторую часть заголовка, содержащую основную информацию.

Чтобы у читателя не возникало сомнений, о чем пойдет речь в сообщении, автор стремится сразу назвать предмет сообщения и, по возможности, идентифицировать его, опираясь на фонд «общих знаний», который может быть у читателя и автора. Поэтому нередко в качестве первого компонента заголовка (Sn) выступают названия государств, международных организаций, органов власти, имена глав государств, других политических и общественных деятелей, которые в силу своей повторяемости в средствах массовой информации становятся общеизвестными. Обязательным является компонент (Sa), выражающий прямое дополнение:

Abramowitsch bekommt kein Visum für Großbritannien (S., 14.6.18)

Polizei kontrolliert Schulschwänzer am Flughafen (S., 14.6.18)

Bundesregierung erwartet neue Zölle auf Stahl und Aluminium (S., 26.4.18)

Trump twittet sein Veto gegen Entscheidung des Senats (S., 14.3.19).

Наблюдается определенное распределение нагрузки в синтаксической структуре: если первый компонент Sn – имя существительное в именительном падеже – выражен од-

ним или двумя словами, то второй компонент – глагол с зависимыми словами – усложняется за счет своего рода «нанизывания» зависимых от глагола слов, что позволяет повысить информативность заголовка: *Brexit: Briten beziffern Schulden bei EU auf nur 37 Milliarden Pfund* (S., 15.3.18).

Впрочем, возможен акцент и на первом компоненте, который приобретает тогда разного рода определения, выраженные прилагательным или существительным с предлогом:

Mutmaßlicher Absender von Bombenbriefen bekennt sich schuldig (S., 21.3.19).

Встречаются заголовки с усложненными первым и вторым компонентами. Информативная насыщенность такого заголовка позволяет рассматривать его как самостоятельный жанр – хронику или телеграмму:

Pilot der 737 Max bat schon direkt nach dem Start um Notlandeurlaubnis (S., 14.3.19).

Двусоставные нераспространенные заголовки (Sn + Vf) представлены единичными примерами: *US-Regierung widerspricht sich* (S., 14.6.18)

Заголовки с обратным порядком слов также весьма немногочисленны. На первом месте оказывается обстоятельство места, выраженное либо наречием либо существительным с предлогом: *In Florida droht Neuauszählung – Trump twittert: „Wahlbetrug!“* (S., 9.11.18)

Hier gibt es Studienplätze auch ohne Super-Abi (S., 26.6.19)

Im Süden und Osten drohen Unwetter (S., 26.6.19).

Заголовки онлайн-сообщений могут представлять собой также односоставные номинативные предложения, структура которых включает обычно существительное в именительном падеже:

Merkel und die Separatisten (S., 28.3.18)

Tote und Verletzte bei Bombenanschlag auf Polizeizentrale (S., 7.6.18)

SPD offen für Ende von Hartz IV (S., 28.3.18).

Односоставные неноминативные заголовки представлены единичными примерами: *Adv + Inf + pSd – Sicher landen mit Christian Wulff* (S., 26.4.18),

in Pd + Sg – Im Bann des CO2-Monsters (S., 4.9.18)

Adv + Adv – Immer wieder zurück auf null (S., 21.3.19).

Весьма разнообразны синтаксические структуры заголовков-цитат, которые выделяются кавычками: *„Ich war ziemlich ausgebrannt, ja“* (S., 20.6.19)

„Kim wird das zu nutzen wissen“ (S., 20.6.19)

„Es hilft nichts, immer auf die Deutschen zu schimpfen“ (S., 22.3.18)

„Alles ist verrückt hier“ (S., 11.8.18)

„Sehen Sie hier einen verbitterten Mann?“ (S., 11.7.19)

„Ich liebe diesen Größenwahn“ (S., 11.7.19).

Ряд заголовков представляют собой сложные предложения или усеченные придаточные предложения:

а) придаточные дополнительные

In Indien entscheidet sich, ob die Klimakatastrophe zu verhindern ist (S., 11.7.19);

б) условные

Wenn es eng wird, ist er am besten (S., 15.7.19);

в) определительные

Ein Syrer, der zur begehrten Fachkraft wurde (S., 4.9.19).

Усеченные сложноподчиненные предложения вводятся, как правило, вопросительными словами:

Wieso so viele Menschen den größten Irrsinn glauben (S., 11.8.18)

Wie Trump an der Grenze zu Mexiko das Asylrecht abschafft (S., 11.7.10).

Таким образом, заголовки обладают определенным грамматико-стилистическим своеобразием, их функциональное назначение обуславливает экономию языковых средств при максимальной информативности [7, с. 48].

Основная цель подзаголовка заключается в детализации, объяснении, уточнении основного заголовка. Как отмечают исследователи, подзаголовок характеризуется большей информативной ёмкостью по сравнению с заголовком, большей линейной протяженностью и предназначен для развертывания структуры газетного текста [5, с. 133].

Подзаголовок содержит, как правило, одно-три предложения. Это могут быть простые распространенные предложения: *Kaufhof und Karstadt haben offiziell ihren Zusammenschluss verkündet. Laut einem Medienbericht könnten bis zu 5000 Jobs wegfallen (S., 11.8.18).*

Подзаголовок может включать два простых распространенных предложения, которые объединяются в структуре сложного предложения. Цель такого объединения – донести до адресата как можно более детальную информацию об определенном факте:

Nach der Nerven-Attacke auf den russischen Ex-Spion Skripal greift die britische Regierungschefin May hart durch: 23 russische Diplomaten werden des Landes verwiesen (S., 15.3.18).

В подзаголовке нередко встречается вопросительное предложение: *Die Anschläge vom 11.September 2001 haben einen gewaltigen Schub an Verschwörungstheorien ausgelöst; auch in Deutschland gibt es viele Anhänger kruder Gedankenkonstruktionen. Woher kommt das Phänomen? (S., 11.8.18).*

К внутритекстовым заголовкам читатель обращается лишь в том случае, если его заинтересовали первые компоненты заголовочного комплекса:

– надзаголовок *Eklat um Jim Acosta;*

– заголовок *Der CNN-Journalist, mit dem sich Trump anlegte;*

– подзаголовок *CNN-Chefreporter Jim Acosta darf nach seinem öffentlichen Schlagabtausch mit dem US-Präsidenten nicht mehr ins Weiße Haus. Wer ist dieser Journalist und warum ist er ein rotes Tuch für Donald Trump?;*

– внутритекстовые

заголовки *Wann begann die Auseinandersetzung zwischen Trump und Acosta?*

Wer ist Jim Acosta? Hat die Trump-Regierung schon zuvor Journalisten verbannt?

Wie reagieren Kollegen und andere Medien auf die neue Eskalation?

Darf das Weiße

Haus überhaupt die Presseakkreditation entziehen? (S., 9.11.18).

Внутритекстовые заголовки выражаются преимущественно простыми распространенными предложениями, нередко вопросительными. Последние представляют собой вопросы, ответы на которые интересуют читателя.

Последовательность *надзаголовок – заголовок – подзаголовок – внутритекстовые заголовки* отражает структурную организацию подачи информационного материала в прессе. Каждый элемент заголовочного комплекса несет свою функциональную нагрузку [2, с. 5]. Сочетаемость заголовочного комплекса рассматривается как особое текстовое явление [4, с. 56]. Учитывая информативную насыщенность заголовочного комплекса, он может рассматриваться как самостоятельный газетный жанр.

Целесообразным представляется дальнейшее изучение заголовочного комплекса в его связи с основным текстом и исследование влияния заголовочного комплекса на массового читателя.

Список использованной литературы

1. Баранник Д.Х. Про актуальний спосіб синтаксичної номінації / Д.Х. Баранник // Мовознавство. – 2006. – № 2–3. – С. 50–54.
2. Зекиева П.М. Заголовочный комплекс в газете как макроструктура имени статьи [Электронный ресурс] / П.М. Зекиева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zagolovochnyy-komplex-v-kak-makrostruktura-imeni-stati> (последнее обращение 19.02.2020).
3. Коваленко А.М. Заголовок англоязычного журнального микротексту-повідомлення: структура, семантика, прагматика (на матеріалі тижневика Newsweek): автореф. дис. ... канд. філол. наук / А.М. Коваленко. – К., 2002. – 14 с.
4. Лазарева Э.А. Заголовок в газете / Э.А. Лазарева. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. – 96 с.
5. Лютая А.А. Заголовок, подзаголовок, текст газетной статьи: прагматика соотношений / А.А. Лютая // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2. – Ч. 1. – С. 133–135.
6. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) / О.И. Москальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 175 с.
7. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста / Е.А. Реферовская. – Л.: Наука, 1983. – 215 с.

8. Mylonas Y. Constructions of the opposition to `structural adjustment reforms` in the German mass-media / Y. Mylonas // *Journal of political ideologies*, 2018. – Vol 23. – Issue 2. – P. 223–240. DOI: 10.1080/13569317.2018.1449575.
9. Sharra A. “Vampires in the news”: A critical analysis of news framing in Malawi’s newspapers / A. Sharra // *African journalism studies*. – 2019. – Vol. 40. – Issue 2. – P. 67–82. DOI: 10.1080/23743670.2019.1656662.
10. Shuneyko A., Chibisova O. Specification of media representation of events in the regional information space / A. Shuneyko, O. Chibisova // *Mediaobrazovanie –Media education*. – 2018. – Vol. 3. – P. 147–158. DOI: 10.13187/me.2018.3.147.
11. Синелева А.В. Структура заголовочного комплекса в новостном дискурсе СМИ / А.В. Синелева // *Научный диалог*. – 2019. – Вып. 6. – С. 72–86. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-72-86.
12. Слесарев А.Г. К вопросу интерпретации статей журнала “Der Spiegel” / А.Г. Слесарев // *Филологические науки – научные доклады высшей школы*. –2016. – Вып. 6. – С. 93–96. DOI: 10.20339/PhS.6-16.093.
13. Sommerfeldt K.-E. Zur Syntax der Überschriften in Tageszeitungen: Verdichtungserscheinungen in der Zeitungssprache / K.-E. Sommerfeldt // *Sprachpflege*. – 1984. – No. 4. – S. 45–47.
14. Yoon S., Park K. Detecting incongruity between news headline and body text via deep hierarchical encoder / S. Yoon, K. Park, J. Shin, H. Lim, S. Won, M. Cha, K. Jung // *Thirty-third AAAI conference on artificial intelligence / Thirty-first innovative applications of artificial intelligence conference / Ninth AAAI symposium on educational advances in artificial intelligence*. – Palo Alto: AAAI Publ., 2019. – P. 791–800.

Список условных сокращений:
S. – Der Spiegel.

STRUCTURAL AND SYNTACTIC FEATURES OF THE HEADLINE COMPLEX

Yelena I. Shtatnaya, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine)

E-mail: shtatnaja@i.ua

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-36

Key words: *headline, headline complex, syntactic structure, the press, German language.*

The article addresses the structural and syntactic features of the headline complex in the German weekly “Der Spiegel”. The growing interest in mass media language resulted in choosing the topic of the research. The headline has been the subject of a number of linguistic studies as part of the compositional structure of texts of different languages and styles. Recent researches tend to study the functioning of the headline complex, which includes overheadline, headline itself, subheading and in-textual titles. Each part of the headline complex has its own features. To describe the syntactic structure of the headline complex, it is advisable to use certain symbols and abbreviations.

The overheading as the first element is predominantly a single-part nominative sentence, whose main function is to define the general readers’ orientation to the message. The article focuses on the fact that geographical and personal names are essential parts of the overheading. More often there is a syntactic structure with a noun in the nominative case, which can be considered the main component of the overheadline.

Unlike overheadings and headlines of printed messages, where one-part nominative sentences prevail, most of the headings in online messages are two-part developed predicative sentences with direct word order. It obviously reflects the communicative structure with a clear distinction between the theme and the rheme: subject with corresponding extensions or without them is the theme (Sn), the predicate or the group of the predicate is the rheme (Vf). The syntactical structure (Sn+Vf+ Sa/Sd) tends to be typical, where the main emphasis is on the second part of the headline including the essential information. There is a certain load distribution in the syntactic structure: if the first component – a noun in the nominative case – contains one or two words, then the second component – a verb with depending words – can be complicated by verb-dependent words, which can enhance the information content of the headline. The informative richness of such headlines allows us to consider them as an independent genre. It should be noted that the headlines are distinguished by a variety of syntactic structures (single-component nominative, subordinate clauses).

The subheading contains predominantly one or two sentences: simple developed or complex ones. In-text titles are simple developed sentences, mainly interrogative. The succession – overheadline – headline – subheading – in-textual titles – reflects the structural arrangement of supplying information in online messages. Each component of the headline complex has its own functional load. Since the headline complex in online messages (except for in-textual headings) is spatially separated from the online text, this, as well as information richness, allows it to function as an independent message.

References

1. Barannyk, D. *Pro aktualnyi sposib syntaksichnoi nominacii* [The Relevant Way of Syntactic Nomination]. *Movoznavstvo* [Linguistic], 2006, no. 2-3, pp. 50-54.
2. Zekiyeva, P.M. *Zagolovochnyj kompleks v gazete kak makrostruktura imeni stati* [Headline complex in newspaper as makrostructure of article title]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zagolovochnee-komplex-v-kak-makrostruktura-imeni-stati> (Accessed 19 February 2020).
3. Kovalenko, A.M. *Zagolovok anglomovnogo shurnalnogo mikrotekstu-povidomlennja: struktura, semantyka, pragmatyka (na materialy tyshnewyka Newsweek)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. [Headline of English-speaking magazine microtext-announcement: strukture, semantics, pragmatics (on the material of the weeklz Newsweek. Extended abstract of cand. philol. sci. diss.]. Kyiv, 2002, 14 p.
4. Lazareva, E.A. *Zagolovok v gazete* [Headline in newspaper]. Sverdlovsk, Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 1989, 96 pp.
5. Liutaya, A.A. *Zagolovok, podzagolovok, text gazetnoj stati: pragmatika sootnoshenij* [Headline, subheading, news article correlation pragmatics]. *Almanah sovremennoj nauki s obrasovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2008, issue 2, pp. 133-135.
6. Moskalskaya, O.I. *Problemy sistemnogo opisanija sintaksisa (na materiale nemeckogo jasyka)* [Issues of syntax systemic desription (on the material of German language)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 175 p.
7. Referovskaya, E.A. *Linguisticheskiye issledovaniya struktury teksta* [Linguistic researches of text structure]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 215 p.
8. Mylonas, Y. Constructions of the opposition to `structural adjustment reforms` in the German mass-media. *Journal of political ideologies*, 2018, vol. 23, issue 2, pp. 223-240. DOI: 10.1080/13569317.2018.1449575.
9. Sharra, A. "Vampires in the news": A critical analysis of news framing in Malawi`s newspapers. *African Journalism Studies*, 2019, vol. 40, issue 2, pp. 67-82. DOI: 10.1080/23743670.2019.1656662.
10. Shuneyko, A., Chibisova, O. Specification of media representation of events in the regional information space. *Mediaobrazovanie – Media education*, 2018, vol. 3, pp. 147-158. DOI: 10.13187/me.2018.3.147.
11. Sineleva, A. Structure of headline complex in news media discourse. *Nauchnyi dialog*, 2019, issue 6, pp. 72-86. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-72-86.
12. Slesarev, A.G. The main approaches to the interpretation of articles in the magazine "Der Spiegel". *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education (Filologicheskie nauki – nauchnye doklady vysshei shkoly)*, 2016, issue 6, pp. 93-96. DOI: 10.20339/PhS.6-16.093.
13. Sommerfeldt, K.-E. *Zur Syntax der Überschriften in Tageszeitungen: Verdichtungserscheinungen in der Zeitungssprache* [Headline syntax in daily newspapers]. *Sprachpflege* [Speech Culture], 1984, no. 4, pp. 45-47.
14. Yoon, S., Park, K., Shin, J., Lim, H., Won, S., Cha, M., Jung, K. Detecting incogruity between news headline and body text via deep hierarchical encoder. *Thirty-third AAAI coference on artificial intelligence / Thirty-first innovative applications of artificial intelligence conference / Ninth AAAI symposium on educational advances in artificial intelligence*. Palo Alto: AAAI Publ., 2019, pp. 791-800.

Одержано 10.12.2019.

СУЧАСНІ АСПЕКТИ ЛІНГВОДИДАКТИКИ

УДК 811.111.1:81'25

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-37

Н.М. ГРИЦІВ,

*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри прикладної лінгвістики
Національного університету «Львівська політехніка»*

Ю.І. ШИЙКА,

*кандидат педагогічних наук,
доцент кафедри прикладної лінгвістики
Національного університету «Львівська політехніка»*

ЕТНОКУЛЬТУРНА СКЛАДОВА У ДВОМОВНІЙ ОСВІТІ: ВСТУПНІ ЗАУВАЖЕННЯ

В останні десятиліття спостерігаємо перехід до компетентнісного підходу в навчанні філологів, що сприяє новим науковим пошукам у питанні міжкультурних та етнічних досліджень, пов'язаних з двомовною освітою в сучасному суспільстві. Увагу зосереджено на спробі впровадити сучасну інтеграційну модель навчання різних етносуспільних груп з метою об'єднання заради тісної взаємодії та особистісної комунікації задля успішного міжетнічного спілкування. Мета статті – простежити та виявити особливості співіснування різних етнічних спільнот на одному навчальному ґрунті та охарактеризувати етнолінгвістику як важливу дисципліну в сучасному багатоетнічному середовищі, яка покликана виплекати етнокультурну компетенцію. У межах аналізу проблеми поліетнічності та освітнього простору оперуємо поняттям етноцентризму (в рамках монокультурного та міжкультурного простору), що передбачає світогляд, який втілює риси, характерні для тієї чи іншої етнічної групи та проявляється в оцінці відмінностей між етносами.

Основну увагу зосереджено на важливості розвитку етнічних та культурних компетенцій для навчання двомовних студентів та перекладачів поряд з іншими компетенціями, такими як мовні та текстові, дослідницькі, технічні, інформаційні, тематичні та перекладацькі.

Ключові слова: етнолінгвістика, етнокультура, двомовність, філологія, переклад.

В последние десятилетия наблюдаем переход к компетентностному подходу в обучении филологов, что, в свою очередь, способствует новым научным поискам в вопросе межкультурных и этнических исследований, связанных с двуязычным образованием в современном обществе. Внимание сосредоточено на попытке внедрить современную интеграционную модель обучения различных этносоциальных групп с целью объединения ради тесного взаимодействия и личностной коммуникации для успешного межэтнического общения. Цель статьи – проследить и выявить особенности сосуществования различных этнических сообществ на одной учебной почве и охарактеризовать этнолингвистику как важную дисциплину в современной многоэтнической среде, которая призвана развить этнокультурную компетенцию. В рамках анализа проблемы полиэтничности и образовательного пространства оперируем понятием этноцентризма (в монокультурном и межкультурном пространствах), предусматривающим мировоззрение, воплощающее черты, характерные для той или иной этнической группы и проявляемое в оценке различий между этносами.

Основное внимание сосредоточено на важности развития этнических и культурных компетенций для обучения двуязычных студентов и переводчиков рядом с другими компетенциями, такими как языковые и текстовые, исследовательские, технические, информационные, тематические и переводческие.

Ключевые слова: этнолингвистика, этнокультура, двуязычие, филология, перевод.

з соціополітичного погляду сучасне суспільство найчастіше ґрунтується на об'єднанні та взаємодії кількох етносів у межах однієї держави.

У такому поліетнічному суспільстві мовний чинник, поряд з культурним, економічним та політичним, набуває важливого значення, серед іншого в освітніх процесах. Звідси – впровадження сучасної моделі інтеграції різних етносоціальних груп задля успішного міжетнічного спілкування.

Тому основне завдання нашої розвідки – виокремити та з'ясувати особливості співіснування різних етнічних спільнот на одному освітньому ґрунті, також охарактеризувати етнолінгвістику як важливу навчальну дисципліну в сучасному поліетнічному середовищі. У межах аналізу питання поліетнічності і освітнього простору оперуємо поняттям етноцентризму. В основі розвідки – розуміння етноцентризму, що передбачає світосприйняття, яке втілює особливості, що притаманні лише тому чи іншому етносу і проявляються в оцінці відмінностей між етносами. Поділяємо думку провідних етнолінгвістів Є. Бартмінські [1] та Дж. Андергіла [2, с. 17–40] стосовно потреби розширення меж вивчення етнолінгвістики, також відкритості й доступності отриманих результатів для студентів та молодих науковців. Особливо актуальна їхня суголосна теза, що належну увагу слід приділити міжкультурному зіставному (порівняльному) аналізу, найперше зосередитися на спільних цінностях, які поділяють різні етноси, тобто працювати в площині, так би мовити, транс-національної культури (за Є. Бартмінським) із залученням нових методологічних можливостей.

Сучасні тенденції розвитку міжнародної культурного співробітництва, а також прозорість кордонів сприяють подальшому співіснуванню і взаємодії культур етносів, які проживають на території однієї країни, їхнього сприйняття та визнання, яке закріплене законодавством. Таким чином, складні історико-культурні відносини національних громад у межах однієї держави можуть спричинити створення на території цієї країни мультикультурного простору.

Скажімо, сьогодні практика США та Канади у сфері розвитку двомовної школи та освіти має тривалу історію і ґрунтується на забезпеченні стабільності як об'єктивної необхідності безконфліктного співіснування в одній часовій та географічній площині.

Для поліетнічності та двомовності характерні різні аспекти порівнянь у філології: мовознавча, культурологічна, літературознавча, перекладознавча і дидактична [3]. Кожна з них спеціалізується на порівняльних зіставленнях різних складних явищ і використовує сталі – у міру можливостей – складові і з їх допомогою пояснює всю складність культури, оригінальної літератури і перекладу та освіти. З факту, що деякі явища повторюються, випливає висновок, що їх доречніше досліджувати у переплетінні. Загальним критерієм порівняння в цій сфері є синкретична одночасність.

Отже, стаття є спробою зіставити етноцентричність та поліцентричність як етнолінгвістичні категорії у проекції на двомовність, серед іншого – в освіті. Виходячи з розуміння, що етнолінгвістика – це вивчення того, як мова стосується суспільства, культури та етнічної приналежності, актуальним залишається питання двомовної освіти, з урахуванням факту розбіжності у світоглядних позиціях та етнокультурних відмінностей.

Методи дослідження об'єднують методи соціолінгвістики з методами соціальної та культурної антропології. Із соціолінгвістики запозичено припущення про різнорідну мовленнєву спільноту та аналіз форм мовлення всередині неї. Із соціокультурної антропології взято припущення про культурну відносність та здійснено спробу застосувати емічний (emic) погляд на ситуацію, тобто такий, який пропонується із середини етносуспільної групи, поряд з етичним (etic), зовнішнім описом контекстної дійсності. З антропології залучено етнографічний метод постійної інтерпретації, пов'язаний між собою способами розмови та розміщенням їх у контекстах, з яких вони отримують сенс, і якому вони надають значення.

Дво- та багатомовність визначають якісно новий рівень та завдання освіти і розглядаються як один з гарантів етнокультурної конвергенції у полікультурній національній спільноті. Двомовна освіта здебільшого має на меті розвивати в учнів достатній рівень умінь і навичок у володінні двома мовами, оскільки це, як відомо, важливо найперше для налагодження міжсоціумної міжкультурної комунікації поряд із забезпеченням службових, комунікативних та суспільних потреб. Двомовні громадяни, освоюючи другу мову, стають, тією чи іншою мірою, бікультурними, що дає їм змогу позбуватися упередженого став-

лення у спілкуванні. Навчальні програми для двомовної освіти, окрім мовної компетенції, спрямовані на впровадження та виклад матеріалу для розвитку різнобічного розуміння мов і культур, покликані сприяти комплексному розумінню і сприйняттю різноманітності етнічної самоідентифікації носіїв мови. Таким чином, двомовна освіта підвищує міжгрупове спілкування і культурну освіченість, а отже, толерантність, сприяє зростанню поваги до членів інших груп, зменшує ймовірність створення стереотипів, упереджень і дискримінації [4].

Двомовна освіта

Освітню систему, в якій мова національних меншин повноцінно функціонує поряд з мовою більшості, прийнято називати двомовною (білінгвальною) освітою [5]. Побутує переконання, що така освіта формує толерантність до інших мовних та культурних груп та сприяє комплексному розумінню людської різноманітності, оскільки двомовні навчальні програми забезпечують належний рівень загальної освіти послуговуючись двома і більше мовами із заглибленням у культуру й традиції відповідних етноспільнот.

Найчастіше співвідношення корінного і некорінного етносу визначає форму двомовної освіти.

«Слабкі» форми двомовної освіти реалізуються у школах, які мають на меті навчити дітей національних меншин мови більшості, викладаючи предмети винятково цією мовою. Кодувати такі школи як двомовні можна лише тому, що в них навчаються діти-білінгви, а не через те, що вони сприяють розвитку білінгвізму. «Слабкі» форми двомовної освіти асиміляційні за своєю природою. Їхня головна мета – перехід з рідної мови і культури на мову та культуру більшості.

На противагу «слабким» існують «сильні» форми двомовної освіти, які мають на меті навчити дітей двох мов. Мета полягає у збереженні в дітей володіння рідними мовами, мовами меншин, та виховання культурного плюралізму. Підтримка й удосконалення мови меншин, писемності та культурних навичок стає у школі пріоритетом. Цей аспект двомовної освіти – вирішальний для розуміння полеміки щодо політики і практики двомовності з дидактичною метою.

Різниця між «слабкою» та «сильною» формами двомовної освіти відображає відмінність між світоглядними позиціями монолінгва та білінгва. Також існують різні думки щодо мовних груп: одні підтримують асиміляцію мовних меншин з більшістю, інші ж – мультикультуралізм та мовну різноманітність в умовах глобалізації. Основні характеристики «слабких» та «сильних» форм білінгвальної освіти відображено в табл. 1 і 2 [4; 5].

Таблиця 1

«Слабкі» форми білінгвальної освіти

Тип програми	Статус у суспільстві	Мова навчання	Соціальна та навчальна мета	Очікуваний результат
Субмерсія (структурована імерсія)	Мовна меншина	Мова більшості	Асиміляція	Монолінгвізм
Субмерсія	Мовна меншина	Мова більшості	Асиміляція	Монолінгвізм
Сегрегація	Мовна меншина	Мова меншин (примусове навчання без права вибору)	Апартеїд (расова ізоляція)	Монолінгвізм
Перехідна	Мовна меншина	Перехід з мови меншин на мову більшості	Асиміляція	Відносний монолінгвізм
Загальна (з вивченням іноземної мови)	Мовна меншина	Мова більшості з уроками другої / іноземної мови	Обмежене вивчення	Обмежений білінгвізм
Сепаратиська	Мовна меншина	Мова меншин (без вибору)	Від'єднання / автономія	Обмежений білінгвізм

Варто наголосити на перевагах «сильних» форм двомовної освіти. Двомовна освіта зазвичай створює умови для досягнення вищого рівня володіння мовами. Це дає дітям змогу спілкуватися з різними поколіннями, регіонами і культурними групами [6]. Окрім того, двомовна освіта розвиває інкультурацію, тобто чуттєвіше сприйняття чужих вірувань та культур. Така система освіти зазвичай поглиблює зацікавлення культурами, що асоціюються з певною мовою, сприяючи розумінню відмінностей, запобігаючи розвитку расизму і формуванню стереотипів. Володіння навичками письма двома чи більше мовами додає мові більше функцій, розширює вибір літератури для читання, створює можливості для розуміння різних перспектив і точок зору, і приводить до глибшого розуміння історії та спадщини, традицій і звичаїв. Результати досліджень, проведених на базі двомовних шкіл, навчальних програм імерсії та двомовних навчальних програм спадщинних мов, свідчать, що діти, які добре володіють двома мовами, мають переваги когнітивного характеру. Вони – креативніші, чіткіші у висловлюваннях власних думок, бо глибше усвідомлюють потребу переходу з однієї мови на іншу. В умовах двомовної освіти також може підвищитися самооцінка дітей мовних меншин. І навпаки, коли рідна мова замінюється мовою більшості, самооцінка знижується. Якщо рідна мова використовується у школі, то діти можуть відчувати, що вони самі, їхній дім, сім'я чи громада акцептуються. У такий спосіб підвищується їхня самооцінка [7]. Двомовна освіта може мати на меті підвищення рівня визнання на місцевому, регіональному чи національному рівнях. У деяких регіонах (наприклад, у Каталонії чи Скандинавії) існують економічні переваги для двомовної (чи тримовної) освіти [8; 9]. Бути білінгвом важливо для працевлаштування у багатьох державних установах, особливо там, де передбачається спілкування з клієнтами, що є носіями двох чи більше мов.

Таблиця 2

«Сильні» форми двомовної освіти

Тип програми	Статус у суспільстві	Мова навчання	Соціальна та навчальна мета	Очікуваний результат
Імерсія	Мовна більшість	Білінгвізм з первинним наголосом на другу мову	Плюралізм та збагачення	Білінгвізм
Підтримка / збереження спадщинних мов	Мовна меншина	Білінгвізм з наголосом на першу мову	Підтримка, плюралізм та збагачення	Білінгвізм
Двостороння	Змішання мовних груп	Мова меншини та більшості	Підтримка, плюралізм та збагачення	Білінгвізм
Загальна білінгвальна	Мовна більшість	Дві мови більшості	Підтримка, плюралізм та збагачення	Білінгвізм

Упродовж останніх десятиліть у світі почала зростати роль мови меншин у шкільних навчальних програмах. Якщо школа не забезпечує жодного вивчення мови меншин, тоді вона стає для її представників «місцем, де не існує ні їхньої мови, ні культури, де їх, можливо, навіть не сприймають; місцем, де підривається та ставиться під сумнів їхня соціальна ідентичність» [10, с. 20]. Вважають також, що самооцінка дітей меншин знижується, якщо школа не розвиває писемність дітей мовою меншин [11; 12]. Коли діти меншин навчаються читати та писати тільки мовою більшості, тоді мова меншості вважатиметься другорядним засобом комунікації з елементарної меншовартості [13, с. 61]. Окрім того, побутує думка, що використання мови національних меншин як засобу навчання полегшує культурний шок, якого можуть зазнавати діти меншин при переході з рідної мови на іншу мову навчання. Саме мова меншин і є зв'язковою ланкою між дитиною і громадою. Цей аргумент також можна співвіднести з аргументом про розвиток дитячої самоповаги. Освіта мовою національних меншин – необхідна для розвитку рідної мови дитини, а це, у свою чергу, важлива передумова успішного оволодіння мовою більшості. Навчання мовою національних меншин допоможе запобігти примусовій лінгвістичній та культурній асиміляції. Культурний плюралізм можна розглядати як зба-

гачення суспільства загалом. Мови меншин часто виступають фундаментальною складовою культурної ідентичності суспільної меншини. Визнання мови (та культури) меншини поліпшує соціальні та культурні відносини між цими групами та рештою суспільства. Підсилення культурної ідентичності меншин (через визнання їхньої мови) сприяє зменшенню вірогідності поляризації суспільства та соціополітичних непорозумінь. Зокрема в країнах третього світу вивчення мови національних меншин є одним з найкращих шляхів залучення ізольованих груп суспільства. Їхні члени можуть навчатися писемності рідною мовою і мовою більшості, і загалом ознайомлюватися з культурою і традиціями країни. Це має свої переваги, бо в такий спосіб можна легше впливати на ці групи та спрямовувати їхній соціальний розвиток [13, с. 63–65]. Свого часу таким аргументом послуговувалися місіонери, які навчали корінне населення їхньою ж мовою для того, щоб сприяти їхньому розвитку та наверненню до християнства.

Етнокультурна складова у двомовній освіті: приклад Канади

Процес культурного виховання супроводжується вивченням мови, коли, наприклад, іммігранти вивчають культуру більшості населення; почуттям до двох культур; поведінкою відповідно до певної культури; обізнаністю й емпатією.

Коли говоримо про освіту корінного населення, яке найчастіше перебуває в етнічній меншості, то доречно зупинитися як на перевагах, так і недоліках двомовності у навчальних закладах.

Хоча на сьогодні в деяких країнах світу набуває популярності двомовна освіта корінного населення, яка має на меті збереження його мови та культури й водночас розвиток достатніх навичок володіння мовою більшості населення для успішного функціонування в іншомовному середовищі, проте є випадки, коли освіта, яку забезпечує уряд тієї чи іншої країни корінному населенню, стає важливим елементом у загальній політиці асиміляції. Вона виступила засобом певної маніпуляції, витіснення корінних мов, релігій, культурних традицій та цінностей.

Історичний аналіз індіанських народів Канади служить яскравим прикладом підміни культурних цінностей за допомогою освіти. Мова йде про спроби перших поселенців сучасної Канади нав'язати корінному населенню свою культуру, мову та релігію. Потреби та культура індіанських народів сформували власну етнокультурну концептосферу в тісному зв'язку з природою, на тлі якої випрацювали зрозумілу їм філософію освіти. В основі – антропоцентризм та гармонія з природою як світоглядні засади існування.

Свого часу, наукові спостереження за індіанськими мовами Північної Америки лягли в основу Гіпотези лінгвістичної відносності (також відомої як Гіпотеза Сепіра – Ворфа). Попри суперечності гіпотези з погляду сучасної антрополінгвістики, певні положення беззаперечні: за логікою будови мислення й пізнавальної здатності народу, америндські мови суттєво відрізняються від європейських.

Європейські переселенці, навпаки, дотримувалися зовсім іншої точки зору. В основі тогочасного євроцентризму – верховенство європейської культури та віра у винятковість.

Два світогляди і нині кардинально відрізняються: західна традиція тісно пов'язана з економічною та класовою структурою, індіанський світогляд ґрунтується на традиційному баченні світу.

Освіта, яку забезпечує уряд для корінних народів Канади, стала важливим елементом у загальній політиці асиміляції, зокрема у царині заміни туземних мов, релігій, історії і культурних традицій, цінностей та світоглядів на європейські, а також зміни цінностей індіанців через їхніх дітей, тобто найслабших членів суспільства, які не можуть чинити опору. Освіта використовувалася як засіб колоніального поневолення і подальшого послаблення індіанських народів, змушуючи дітей втрачати зв'язок з історією та духовними цінностями свого народу [14].

Освіта, яку контролював канадський уряд, завжди протистояла цілям та ідеалам індіанських народів. У політичному сенсі уряд через освіту, намагався підірвати авторитет туземних правителів, в економічному – змінити традиційний устрій життя на європейський, у духовному – прагнув замінити індіанську релігію та цінності на християнські. У певному сенсі, контроль за освітнім процесом можна прирівняти до контролю за виживанням нації.

Етнолінгвістика як навчальна дисципліна і переклад

Сприйняття певних мовних явищ обумовлене культурою. Мова про те, що в різних культурах одні і ті ж ідеї можуть переживатися, сприйматися, концептуалізуватися та класифікуватися по-різному. Дослідженням різних способів сприйняття і, так би мовити, певної категоризації та класифікації світу в різних культурах опікується етнолінгвістика (також етносемантика, етнонаука, етнографічна семантика та нова етнографія). Тобто етнолінгвістика – це маргінальна галузь мовознавства, яка вивчає взаємозв'язок між мовою і культурою та способом сприйняття світу різними етнічними групами. Іншими словами, етнолінгвістика – це поєднання між етнологією та лінгвістикою; етнологія вивчає спосіб життя цілої громади, тобто всіх характеристик, які відрізняють одну громаду від іншої [15].

Певним проявом двомовної освіти можемо вважати і вишкіл перекладачів у вищій школі, де друга іноземна мова вивчається і викладається на рівні з рідною, а лекційні та практичні заняття ведуться відповідною іноземною мовою (англійською, німецькою, французькою). Ці характеристики становлять культурні аспекти громади чи суспільства і суголосні з постулатами «сильної» форми двомовної освіти, об'єднані суспільною метою – плюралізмом та збагаченням.

Навчальні програми, найперше для перекладацьких відділів, зосереджені на міждисциплінарному вивченні дієвості етнічних та культурних компонентів і впровадженні їх в освіту, зокрема вищу [16]. Перевага курсу – успішна робота з двомовними етнотекстами та паралельними корпусами; здатність розпізнавати етномарковані мовні компоненти задля їхнього відтворення цільовою мовою, можливість застосовувати базові знання в галузі етнолінгвістики для вивчення семіотичних кодів та спроектувати їх на аналіз етнотекстів з точки зору міжкультурної та міжнаціональної комунікації; здатність розуміти та вміло використовувати поняття і терміни етнолінгвістичної галузі; змога використання відповідної теоретичної та критичної літератури для проведення філологічного аналізу, орієнтованого на етнічну приналежність [17–19].

У вищих навчальних закладах в Україні та світі впроваджують курс з етнолінгвістики. Студії функціонування етномовного дискурсу в системі освіти спрямовані на вирішення проблем у поліетнічному спільному масиві [20].

Курс зосереджується на галузі лінгвістичних досліджень, яка стосується взаємозв'язків між мовою, мисленням, способом життя та реальністю. Етнолінгвістика розглядає людську мову – особливо її словниковий запас – як джерело знань про людство та навколишній світ (часто історично пов'язані).

Серед завдань такого курсу – ознайомлення студентів з низкою питань, що стосуються взаємозв'язку мови, культури та етнічної приналежності, наприклад, між користувачами формальної мовної структури та рештою спільноти, яка використовує цю мову; ознайомлення студентів із сучасними підходами до вивчення етнолінгвістики як маргінальної галузі мовознавства, яка межує з етнологією, культурологією, психолінгвістикою, спрямованою на осмислення відображення мовних зразків, а також духовного культурного коду, кодіваних мовою задля фахового перекладу з урахуванням відмінностей у цільовій культурі і застосування найуспішніших методик перекладу [21]. Особлива увага приділяється об'єкту та предмету етнолінгвістики, основам та походженню дисципліни, ключовим поняттям етнолінгвістики у відношенні до інших філологічних дисциплін [21–23]. Після закінчення курсу студенти мають зрозуміти та диференціювати основні підходи до вивчення етнолінгвістики як наукової галузі, знати та використовувати основні навички під час роботи з двомовними етнотекстами.

Основна мета курсу полягає в поступовій інтеграції етнолінгвістичних принципів та категорій – насамперед теоретичних – у схеми знань студентів, вони опановують метамову і використовують її у науковому дискурсі.

У підсумку, першочергова необхідність – навчити студента бачити мову як важливий елемент культури певної спільноти і, таким чином, чітко розуміти, що мова складається не лише з граматичних правил, які керують словами, але, в першу чергу, є способом отримання та опису дійсності, яка є різною для різних етносів. Студента навчають гуманному ставленню до різних, відмінних між собою культур; вмінню виявляти етноцентричне, іноді упереджене, уявлення про іншу культуру в межах міжкультурної комунікації; перекладознавчому аналізу оригінальних етнотекстів та способам їхнього відтворення у цільовій культурі.

Список використаної літератури

1. Aspects of cognitive *ethnolinguistics* / ed. by J. Bartminski. – London: Equinox Publishing, 2009. – 272 p.
2. Underhill J. *Ethnolinguistics and cultural concepts: Truth, Love, Hate and War* / J. Underhill. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 248 p.
3. Larochele-Audet J. Intercultural and inclusive teacher training: the conceptualization and operationalization of professional skills / J. Larochele-Audet, C. Borri-Anadon, M. Potvin // *Education et Francophonie*. – 2016. – Vol. 44, issue 2. – P. 172–195. DOI: 10.7202/1039027ar.
4. Шийка Ю. Білінгвальна освіта в Канаді / Ю. Шийка. – Львів: ЗУКЦ, 2015. – 113 с.
5. Baker C. *Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education* / C. Baker, S. Jones. – Clevedon; Avon: Multilingual Matters, 1998. – 758 p.
6. *International Handbook of English Language Teaching* / ed. by J. Cummins. – New York: Springer Science & Business Media, 2007. – 1262 p.
7. Sabirova D. Republic of Tatarstan: Priorities of Schooling Foreign Language Education / D. Sabirova // *Edulearn 15: 7th international Conference on Education and New Learning Technologies*. – Valenica: Iated-Int Assoc Technology Education Publ., 2015. – P. 7865–7869.
8. Савченко І. Лингвокультурная динамика и образовательный процесс / И. Савченко, М. Викулина // *Язык и культура – Language and Culture*. – 2018. – Вып. 43. – С. 199–216. DOI: 10.17223/19996195/43/13.
9. *Concise Encyclopedia of Applied Linguistics* / ed. by M. Berns. – Oxford: Elsevier, 2010. – 571 p.
10. Toukoma P. The Intensive Teaching of the Mother Tongue to Migrant Children of Pre-school Age and Children in the Lower Level of Comprehensive School / P. Toukoma, T. Skutnabb-Kangas. – Helsinki: Finnish National Commission for Unesco, 1977. – 70 p.
11. Daldinova E. Implementation of Ethno-Lingual Didactics Approach in the Teaching of Foreign Languages / E. Daldinova, T. Buraeva, G. Bovaeva // *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*. – 2019. – Vol. 58. – P. 668–677. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.02.75.
12. Salimova D. Language Preferences of Children-Bilinguals in the Conditions of Disperse Accommodation of Ethnos / D. Salimova, E. Koudrjavitseva // *IFTE 2017. – 3rd International Forum on Teacher Education*. – Nicosia: Future Acad. Publ., 2017. – Vol. 29. – P. 763–775. DOI: 10.15405/epsbs.2017.08.02.87.
13. Appel R. *Language Contact and Bilingualism* / R. Appel, P. Muysken. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. – 228 p.
14. *Indian Education in Canada: in 2 vol.* / ed. by J. Barman, Y. Hebert, D. McCaskill. – Vancouver: University of British Columbia Press, 2013. – Vol. 2: The Challenge. – 265 p.
15. Жайворонок В. Українська етнолінгвістика: Нариси / В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2007. – 262 с.
16. Кононенко В. Формування етнолінгвістичної культури студента / В. Кононенко. – Івано-Франківськ: Плай, 1996. – 456 с.
17. Гриців Н. *Fundamentals of Ethnolinguistics* / Н. Гриців. – Львів: ПЛ ІКНІ, 2018. – 31 с.
18. Tuan Y. *Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, and values* / Y. Tuan. – New Jersey: Prentice Hall, 1974. – 272 p.
19. Sharifian F. *Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical Framework and Applications* / F. Sharifian. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. – 238 p.
20. Sharifian F. *Applied cultural linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication* / ed. by F. Sharifian, G. Palmer. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. – 170 p.
21. Bourdieu P. *The Field of Cultural Production* / P. Bourdieu. – Cambridge: Polity Press, 1993. – 322 p.
22. Chesterman A. *Causes, Translations, Effects* / A. Chesterman // *Target*. – 1998. – Vol. 10, issue 2. – P. 201–230.
23. Pluzhnik I. Building Russian University Students' National Identity in Multicultural Society (Analysis of Multicultural Nations' Experience) / I. Pluzhnik, T. Oskolova, T. Herrington // *Obrazovanie i Nauka – Education and Science*. – 2017. – Vol. 19, issue 8. – P. 128–146. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-8-128-146.

ETHNOCULTURAL COMPONENT IN BILINGUAL EDUCATION: INTRODUCTORY REMARKS

Nataliia M. Hrytsiv, Lviv Polytechnic National University (Ukraine).

E-mail: nataliia.m.hrytsiv@lpnu.ua

Julia I. Shyika, Lviv Polytechnic National University (Ukraine).

E-mail: julia-shyika@ukr.net

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-37

Key words: *ethnolinguistics, ethnoculture, bilingualism, philology, translation.*

Recent decade has seen the shift to competence-based approach in philologist training; and, thus, opened new vistas for scholars in the issue of intercultural and ethnic inquiries as related to bilingual education in modern society. From a socio-political perspective, modern society is often based on the unification and interaction of several entities within a single state. In such a multiethnic society, linguistic factors, along with cultural, economic and political ones, are equally important in educational processes. This resulted in the attempts to introduce a modern model of integration (unification for the sake of close proximity interaction) of different ethno-social groups for successful inter-ethnic communication. Therefore, our main task is to trace and identify the specificities of coexistence of different ethnic communities on the same educational ground, and to characterize ethno-linguistics as an important discipline in the modern multiethnic environment. Within the framework of the analysis of the issue of poly-ethnicity and educational space, we operate with the notion of ethnocentrism (within monoculture and intercultural), which implies a worldview that embodies features specific to one or another ethnic group and manifests itself in the assessment of differences between ethnicities.

Key focus of the article is based on the importance of developing ethnic and cultural competences for bilingual learners and translator training along with other competences, such as linguistic and textual, research, technical, information, thematic, and translation competences.

The analyzed subject matter focuses on the field of linguistic research that deals with interrelations between language, thinking, way of life, and the reality. Ethnolinguistics deals with the human language – especially its vocabulary – as a source of knowledge about humanity and the surrounding (often historically bound).

The competences to be advanced began with comparing students' knowledge and skills in the adjacent philological areas of Contrastive Linguistics, Applied Linguistics, Lexicology and Lexicography, Stylistics, Area and Culture Studies, Pragmatics. The assessment of student performance in selected discipline took place with the understanding, though, that students' success in study depends on a much wider range of competencies. Thus, prioritized competences provide a framework that can guide the longer-term extension of assessments into new competency domains.

Consequently, students are facilitated to develop their understanding of the given subject matter; they master their metalanguage, and eventually apply its rudiments into their scholarly discourse. Prioritized is the necessity to teach the student to see language as an important element of the culture of a given community and, thus, to clearly understand that a language does not only consist of grammatical rules that govern the words but, first and foremost, it is the way of receiving and describing the reality. The student is taught to accept diverse cultures and to be able to identify the ethnocentric attitude in the intercultural communication and, before everything else, to analyze its impact on the ethnotext translations.

References

1. Bartminski, J. (ed.) *Aspects of cognitive ethnolinguistics*. London, Equinox Publishing, 2009, 272 p.
2. Underhill, J. *Ethnolinguistics and cultural concepts: Truth, Love, Hate and War*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 248 p.
3. Larochelle-Audet, J., Borri-Anadon, C. Intercultural and inclusive teacher training: the conceptualization and operationalization of professional skills. *Education et Francophonie*, 2016, vol. 44, issue 2, pp. 172-195. DOI: 10.7202/1039027ar.
4. Shyika, Yu. *Bilinhval'na osvita v Kanadi* [Bilingual education in Canada]. Lviv, ZUKTs Publ., 2015, 113 p.
5. Baker, C., Jones, S. *Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual*. Clevedon, Avon, Multilingual Matters, 1998, 758 p.
6. Cummins, J. (ed.) *International Handbook of English Language Teaching*. New York, Springer Science & Business Media, 2007, 1262 p.
7. Sabirova, D. Republic of Tatarstan: Priorities of Schooling Foreign Language Education. *Edulearn 15: 7th international Conference on Education and New Learning Technologies*. Valenica, IATED-Int Assoc Technology Education Publ., 2015, pp. 7865-7869.

8. Savchenko, I., Vikulina, M. Linguocultural Dynamics and Educational Process. *Yazyk i Kultura - Language and Culture*, 2018, issue 43, pp. 199-216. DOI: 10.17223/19996195/43/13.
9. Berns, M. (ed.) *Concise Encyclopedia of Applied Linguistics*. Oxford, Elsevier, 2010, 571 p.
10. Toukoma, P., Skutnabb-Kangas, T. *The Intensive Teaching of the Mother Tongue to Migrant Children of Pre-school Age and Children in the Lower Level of Comprehensive School*. Helsinki, Finnish National Commission for Unesco Publ., 1977, 70 p.
11. Daldinova, E., Buraeva, T., Bovaeva, G. Implementation of Ethno-Lingual Didactics Approach in the Teaching of Foreign Languages. *Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism*, 2019, vol. 58, pp. 668-677. DOI: 10.15405/epsbs.2019.03.02.75.
12. Salimova, D., Koudrjavitseva, E. Language Preferences of Children-Bilinguals in the Conditions of Disperse Accommodation of Ethnos. *IFTE 2017 – 3rd International Forum on Teacher Education*. Nicosia, Future Acad. Publ., 2017, vol. 29, pp. 763-775. DOI: 10.15405/epsbs.2017.08.02.87.
13. Appel, R., Muysken, P. *Language Contact and Bilingualism*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2005, 228 p.
14. Barman, J., Hebert, Y., McCaskill, D. (eds) *Indian Education in Canada: in 2 vol.* Vancouver, University of British Columbia Press, 2013, vol. 2: *The Challenge*, 265 p.
15. Zhajvoronok, V. *Ukrains'ka etnolinhvistyka: Narysy* [Ukrainian Ethnolinguistics: essays]. Kyiv, Dovira Publ., 2007, 262 p.
16. Kononenko, V. *Formuvannia etnolinhvistychnoi kultury studenta* [Shaping ethnolinguistic culture of a student]. Ivano-Frankivsk, Play Publ., 1996, 456 p.
17. Hrytsiv, N. *Fundamentals of Ethnolinguistics*. Lviv, Applied Linguistics IKNI Publ., 2018, 31 p.
18. Tuan, Y. *Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, and values*. New Jersey, Prentice Hall, 1974, 272 p.
19. Sharifian, F. *Cultural Conceptualisations and Language: Theoretical Framework and Applications*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins, 2011, 238 p.
20. Sharifian, F., Palmer, G. (eds) *Applied cultural linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins, 2007, 170 p.
21. Bourdieu, P. *The Field of Cultural Production*. Cambridge, Polity Press, 1993, 322 p.
22. Chesterman, A. Causes, Translations, Effects. *Target*, 1998, vol. 10, issue 2, pp. 201-230.
23. Pluzhnik, I., Oskolova, T., Herrington, T. Building Russian University Students' National Identity in Multicultural Society (Analysis of Multicultural Nations' Experience). *Obrazovanie i Nauka – Education and Science*, 2017, vol. 19, issue 8, pp. 128-146. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-8-128-146.

Одержано 10.12.2019.

УДК 378.147.811.111

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-38

N.V. ZINUKOVA,
Doctor of Pedagogy, Associate Professor
Head of the English Philology and Translation Department
Alfred Nobel University (Dnipro)

PROFESSIONAL COMPETENCE IN CONSECUTIVE INTERPRETING FOR MASTERS OF ARTS IN PHILOLOGY: THEORETICAL BASIS

Здійснено теоретичне обґрунтування системи вправ для навчання усного послідовного перекладу студентів магістратури з урахуванням особистісних характеристик перекладача, які розвивають вміння презентації перекладу, виступи на публіці й передбачають набуття знань, необхідних для здійснення професійної діяльності. Основна увага приділяється встановленню типології ефективних вправ, що є важливою складовою оптимального управління навчальною діяльністю студентів для формування професійної компетентності усного перекладача. Очікуваними результатами й кінцевими цілями навчання магістрів-філологів усного перекладу є становлення професійної перекладацької компетентності у зовнішньоекономічній сфері, яка розуміється як здатність професійного перекладача креативно використовувати когнітивні ресурси своєї мовної свідомості для вирішення професійних завдань інтерпретації сенсу в ситуаціях міжкультурної ділової комунікації. У процесі створення системи вправ визначено три етапи навчання (підготовчий етап набуття знань і формування спеціальних навичок усного послідовного перекладу, тренувальний етап розвитку навичок і формування спеціальних і стратегічних умінь, автоматичний етап удосконалення спеціальних і стратегічних умінь усного послідовного перекладу в зовнішньоекономічній сфері. У статті описано результати експериментального навчання, наведено та інтерпретовано результати методичного експерименту з використанням різних методів математичної статистики. Результати контрольних заходів дозволяють констатувати об'єктивність і переконливість отриманих даних методичного експерименту та є аргументом для підтвердження ефективності розробленої методики навчання.

Ключові слова: усний послідовний переклад, професійна компетентність усного перекладача, система вправ, етапи навчання.

Представлено теоретическое обоснование системы упражнений для обучения устному последовательному переводу студентов магистратуры с учетом личностных характеристик переводчика, которые развивают умение презентации перевода, выступления на публике и предусматривают приобретение знаний, необходимых для осуществления профессиональной деятельности. Основное внимание уделяется установлению типологии эффективных упражнений, что является важной составляющей оптимального управления учебной деятельностью студентов для формирования профессиональной компетентности устного переводчика. Ожидаемыми результатами и конечными целями обучения магистров-филологов устного перевода является становление профессиональной переводческой компетентности во внешнеэкономической сфере, которая понимается, как способность профессионального переводчика креативно использовать когнитивные ресурсы своего языкового сознания для решения профессиональных задач интерпретации смысла в ситуациях межкультурной деловой коммуникации. В процессе создания системы упражнений определены три этапа обучения (подготовительный этап приобретения знаний и формирования специальных навыков устного последовательного перевода, тренировочный этап развития навыков и формирование специальных и стратегических умений, автоматический этап совершенствования специальных и стратегических умений устного последовательного перевода во внешнеэкономической сфере.

Ключевые слова: устный последовательный перевод, профессиональная компетентность устного переводчика, система упражнений, этапы обучения.

Introduction. To prepare future translators and interpreters for their professional activity acquired a promising character due to strengthening the processes of globalization, informatization of society, the emergence of new ways to create, preserve, transfer and use information, to expand communication contacts between specialists, the change of social order in the profession of translators and interpreters, and other requirements to train specialists in this area due to the tasks of European integration of Ukraine.

Today, one of the urgent needs for teaching interpreting is the lack of a structured linguistic and didactic system. And if, in the course of translation training, this situation is compensated by different models of teaching and teachers' own experiences, then for interpreting training, university lecturers are usually limited to a set of exercises that include mnemonics training, switching from one language code to another, training different types of coding, pace and fluency of interpretation, processing of an active skill of combination of transcription and interpreting, increase of an active stock of correspondences, exercises directed on the use of various transformations, including syntax development and speech compression. Training of future interpreters should ensure the acquisition of knowledge, formation and development of their skills and abilities. In the process of forming professional competence of the interpreter one could observe how the language individual can be created. Nevertheless, to realize such a training it is not enough to apply only language component. Properly and rationally selected exercises, their consistency and interconnection at all stages can contribute to the optimal learning process in higher education institutions.

The analysis of recent research and publications. A series of recent studies has indicated that traditional translation exercises have the character of recommendations and are aimed at overcoming individual translation difficulties. Thus, a number of authors (E.G. Babaskina, T.V. Ganiheva, V.I. Golyshv, A.A. Istomin, E.V. Krasilnikova, A.V. Pushkina, E.V. Sapiga, O.V. Starikova, K.A. Tazina, E.V. Tikhonova, O.V. Fedotova, A.A. Khrisolyubova, E.O. Chervinko) distinguished preparatory, pre-translation and translation exercises [1–13] and others.

Recently numerous researchers started apply some psychological component to analyze language and communication. This allowed to single out a so-called "language individual", which has become the key linguomethodological category. Nowadays, such a methodology has to explore the research results of linguistics, psychology, communication theory and linguodidactics. All these field of the humanities which accumulate the problems of interrelations of language and culture, thinking process and awareness, in other words, psycholinguistics.

Unfortunately, previous studies are limited by traditional concepts and they do not let solving all the aspects how to form professional competence of the interpreter to Masters of Arts in Philology during their university training.

Within the frame of our approach the educational process is based on professional needs of future interpreters and carefully selected study material covering modern translation problems and effective ways to solve them. The question now is how to the system of exercises for interpreters' training which is one of the important components of the overall educational process can be designed and developed to combine all the elements mentioned above.

The purpose of translation exercises is to develop skills and abilities to overcome some difficulties to solve a particular translation task. In addition, exercises for interpreters' training offered in didactic literature, analyzed by A.V. Pushkina, E.V. Tikhonova, O.V. Fedotova, A.A. Khrisolyubova, E.O. Chervinko, I.S. Alekseeva, T.A. Kazakova, S.Ye. Maksimov, O.V. Maksymenko, S.K. Fomin and others, can be described as being aimed at developing only transformational skills of interpreting [6; 10–18]. These exercises do not take into account any personal characteristics of future interpreters. So, we have to state that a more systematic and theoretical analysis is required.

The objective of the article is to give theoretical overview of this issue and present theoretical basis of the system of exercises for teaching consecutive interpreting to Masters of Arts in Philology. To form and develop professional competence in consecutive interpreting we should take into account some personal characteristics of the interpreter as a language individual, which develop the ability to present the translation text, speak in public and presuppose the knowledge necessary to fulfil their future professional activity.

Methods of the study. In our research we reviewed the studies on translation and interpreting competences; analysed the study programs and curricula; compared the evaluation forms of

stakeholders: graduates, industry representatives and trainers; amended study programs and the system of exercises to make them comparable on the basis of psycholinguistic methodology, and carried out the experiment.

Discussion and results. The practice shows that it is not enough to use separate traditional exercises aimed only at developing memory, attention, ability to quickly switch from one language to another, increase active vocabulary to train and form future professional interpreter. In our opinion, the traditional system does not include the basic elements that accompany the work of a professional interpreter: the ability to work in stress and be able to withstand it, to speak in public and present the final text of translation [19].

The analysis of the theory and practice of using exercises to teach translation leads to the conclusion that a rational approach to create the system of training should be differentiated. In other words, it such a system has to distinguish the stages of the development of skills, abilities and competences. The system cannot be made on the basis of only one type of exercises, but it must be aimed at the development of a whole complex of psycholinguistic mechanisms of translation text (TT) production. Therefore, to establish a typology of effective exercises is an important component of the optimal management of students' educational activities to form professional competence of the interpreter (PCI) [19]. So, the issue of selection of exercises focusing on the peculiarities and specificity of the organization of future interpreters' training in foreign economic activity (FEA) is in priority here.

The considerable development of the methodological framework for training interpreting during the last few years reveals that it requires to change general approach to teaching of this type of professional language mediation. According to the concept of our research, the necessity to improve students' personal qualities, their communication and professional skills, intercultural communication skills, special interpreting skills, ability to speak in public, knowledge of working languages, ability to solve professional tasks should be in focus in the process of training interpreters in FEA to Masters of Arts in Philology, Translation Studies.

So, the system of exercises to develop professional competence of the interpreter in FEA, based on our approach, has:

- to meet the final goals of teaching interpreting to Masters in Philology who will work in the field of foreign economic activity;
- to be built on the important principles of learning discussed above;
- to have a unified structure to form interpreting skills and abilities;
- be based on typical situations of real professional activity and texts of oral institutional Business English discourse, which is represented by such genres as business presentations, interviews, exhibitions, business talks, business conversation over the phone (Skype) and texts containing professionally directed vocabulary;
- to be the system of control, minding that certain interpreting skills and abilities are considered as the objects of control;
- to be organized according to the separate stages of interpreting activity.

As the learning outcomes and ultimate goals of training interpreting to Masters of Arts in Philology, Translation Studies are the development of professional skills of an interpreter in FEA, which can be understood as the ability of a professional interpreter to use creatively the cognitive resources of his linguistic consciousness to solve professional tasks of interpretation in the situations of intercultural business communication.

In the context of the subject-synergistic, cognitive and competency-based approaches that underpin the concept of our research we distinguish the following principles: *the communicative principle in bilingual environment, the principles of taking into account the native language and culture, nonlinearity, openness, observation, emergence of order through fluctuation, linguocognitive contrast, professional relevancy, holism, psychological and pedagogical individuality, independence and transferency.*

The above principles focus on creating conditions to acquire *bilingual, personal, subject, translation and strategic competences.* To add more, in the process of interpreters training these principles will master cross-cultural, hermeneutical and linguistic knowledge. The principles mentioned above predetermine the adoption and formation of professional values, assimilation and learning of professional roles of a future interpreter in the context of accumulation and re-

production of communicative and informational, analytical, discursive, intercultural and mediation, linguistic and cultural, operational strategies of managing their professional environment.

Structurally, we can present the professional competence of the interpreter as a special type of a bilingual as a synchronous synergistic mechanism that successfully functions and consists of elements that are in constant interaction – *bilingual, translational, personal, subject matter and strategic competences*. These elements are divided into information and pragmatic component. The content of these competences is represented by the abilities and skills that, based on a certain set of knowledge, allow a future specialist to carry out professional interpreting in the context of intercultural business communication.

The set of language skills and abilities of the future interpreter mentioned above should ensure the transfer of information in situations of intercultural business communication in accordance with the necessary requirements for the text translated. Professional intercultural business communication with the dominant of learning – oral bilingual business discourse – stipulates the main content of the training. Taking into account the specifics of oral bilingual business discourse caused by the peculiarities of speech and mental activity of a person, we created the corpus of texts which allows to study the use of lexical, grammatical and phraseological phenomena in natural language bilingual environment. Typical subject areas are “Export and Import of Goods”, “Services to Foreign Clients”, “Training Specialists”, “International Financial Transactions”, “Loans and Payments”, “Organization of Exhibitions, Auctions, Trade, Conferences and Workshops”, “Buying, Selling and Exchange of Currency”. It is necessary to mention some areas of business discourse divided into professional (negotiations, presentations, reports), academic and public (scientific-popular materials, reports, articles and others).

According to V.I. Golyishev, the ability to control, self-esteem and self-correct allows students not only to evaluate the product of translation activity from the point of view of correct language and the effectiveness of task achievement, but also to monitor the personal progress of the student [3, p. 13].

With regards to our approach we have to focus on the *partnership* between the student and the teacher, *creative attitude* to the learning process, *flexibility* and so on. From the standpoint of a synergistic approach to the language, namely the three-way process of learning “student, teacher, and the environment between them”, it should be included the following elements, such as continuous assessment and self-assessment of learning with some game forms. The training of each student in the group takes into account continuous assessment by the teacher and by other students. The idea of purposeful teacher-led training is not new to the methodology and didactics, but this method of training is not entirely familiar for interpreters.

The learning system includes the following elements: discussion, explanation, assessment, adjustment. As a concept of “assessment” we mean self-assessment, third-party evaluation and teacher’s assessment. In the process of self-assessment and third-party evaluation it is necessary to clarify the key skills and goals, highlight the strengths and weaknesses and translation strategies used. According to O.V. Starikova, the careful observation of the actions of other students and their own actions could train the skills of self-esteem and allows the students to develop the ability to feel the internal state of interlocutors [8, p. 19].

The system of exercises for training any activity should take into account its structure and specificity of professional activity. The sequence of interpreter’s actions in the phase of making a translation decision corresponds to the following scheme: comprehension of the original statement – making a decision on the translation – carrying out interpreting. Therefore, in the process of creating a system of exercises to form PCI, it is necessary to determine the stages of training. Taking into account the objective of our research and the approaches to the problem of systematization of exercises for training consecutive interpreting (CI) described above, we distinguish *three stages*. 1. Preparatory stage – knowledge acquisition and formation of special skills of CI. 2. The main stage – development of special skills and formation of strategic skills of CI. 3. The final stage – improvement of special and strategic skills of CI in FEA. That is, the system of exercises consists of three subsystems for: 1) **the formation of special skills of CI**; 2) **development of skills and formation of special and strategic skills of CI**; 3) **improvement of special and strategic skills of CI in FEA**.

As our system of exercises for teaching CI in FEA is intended for training students of the second (Master’s) level of higher education majoring in “Philology (Translation/Interpreting)”, we

take into account the fact that students have already acquired basic translation knowledge, they have already formed certain skills and abilities for carrying out CI, thus, our task is to increase the level of development of existing skills and to improve the special and strategic skills of CI. With regard to knowledge in FEA, we take into consideration the fact that the basic knowledge in this field was obtained by students during the study of subjects “Basics of Economics”, “Basics of Management”, “Basics of Marketing”, as well as in the course of Business English. The objective of the study in their major is to intensify and systematize special knowledge of students in this field through the selection of material taught.

The first subsystem of exercises for the acquisition of knowledge and skills of CI includes: (1.1) a group of exercises for the formation of special skills of CI and (1.2) a group of exercises for the formation of special skills of CI in FEA. The second subsystem of exercises to form the professional competence in interpreting in FEA for the formation and improvement of special and strategic skills in CI includes: (2.1) a group of exercises for the improvement of special skills in CI; (2.2) a group of exercises for the improvement of special skills in CI in FEA; (2.3) a group of exercises for the formation of strategic skills in CI in FEA; (2.4) a group of exercises for the formation of strategic capabilities of CI in FEA. The third subsystem for the development of special and strategic skills of CI includes: (3.1) a group of exercises for the development of strategic skills in CI in FEA; (3.2) a group of exercises to develop the strategic capabilities in CI in FEA (table 1).

Table 1

The system of exercises to form the professional competence of interpreter in foreign economic activity

Subsystem of exercises	The groups of exercises	Index
For the acquisition of knowledge and skills of consecutive interpreting	a group of exercises for the formation of special skills in consecutive interpreting	1.1
	a group of exercises for the formation of special skills in consecutive interpreting in foreign economic activity	1.2
For the formation and improvement of special and strategic skills of consecutive interpreting	a group of exercises for the improvement of special skills in consecutive interpreting	2.1
	a group of exercises for the improvement of special skills in consecutive interpreting in foreign economic activity	2.2
	a group of exercises for the formation of strategic skills of consecutive interpreting in foreign economic activity	2.3
	a group of exercises for the formation of strategic capabilities of consecutive interpreting in foreign economic activity	2.4
For the development of special and strategic skills of of consecutive interpreting	a group of exercises for the development of special skills of consecutive interpreting in foreign economic activity	3.1
	a group of exercises to develop the strategic capabilities of consecutive interpreting in foreign economic activity	3.2

The groups of exercises for the acquisition of knowledge and skills of CI of the first subsystem include exercises of the following types: exercises for perception, recognition, differentiation, identification of lexical units finding out the key information of the statement or the text; imitation of sentences; inserting lexical units; replacement of grammatical form; definition of the terms suggested; narrowing and expanding sentences; combining simple sentences into one complex; split a complex sentence into a few simple ones; working out theme-rheumatic entities; training different types of memory (mnemonics, non-associative and associative memory); shadowing; developing and improving skills of Universal Translation Notes (UTN); probable prediction at the semantic level, at the word level, and at the level of communication purport.

The groups of exercises to form PCI in FEA for the improvement of special skills and the formation of special and strategic skills of CI in the second subsystem include the following types: translation of separate words, phrases, sentences; reception of the content of the text fragment with a written fixation; reception of the program with written fixation, as well as reproductive speaking accompanied by reference reading; deciphering abbreviations; translation of geographical names; synonymic translation; antonymic translation; translation of conventional

discourse formulas; imitation of the sample text in the language of origin and translation; substitution; lexical and grammatical translation transformations; extension, text completion; translation-retelling of the text; combining of single-structured and multi-structured speech patterns into above phrase entity; compressing known information; language and speech compression and decompression of the text; reception of listening / reading in order to receive and highlight information; translation of the statement / text of the origin using translation transformations.

The groups of exercises for the development of special and strategic skills of CI in FEA in the third subsystem include exercises of the following types: one-way / bilateral consecutive interpreting without fixation (paragraph-phrase); one-way / bilateral consecutive interpreting with fixation (using UTN); reception (listening / reading) for one-way / bilateral consecutive interpreting. Exercises of the third subsystem are aimed at the group work of students in order to improve the skills required for each interpreter to work in a team and to synchronize their actions not only regarding the number of tasks simultaneously performed during consecutive interpreting, but also to adjust to the needs of their partner/s with whom he/she works. The exercises are intended to improve the ability to carry out CI in FEA with UTN, to define the terms and control speech fluency.

The last group contains special exercises to carry out the type of activity we teach – CI in FEA with the use of UTN and control of speech fluency. Here the skills previously acquired are developed. UTN is practiced during bilateral unprepared interpreting of dialogues from foreign to the native language and vice versa. In doing so, students improve their ability to use diagonal located translation notes. In addition, interpreting is performed with high fluency and in the fixed short-pause mode.

It should be noted that within the system and in each subsystem, the exercises are arranged in such a way that the system has become a system of interdependent learning actions increasing difficulty. Qualitative implementation of each operation and the correct identification of sequence of these operations, as well as their repetition in different combinations stipulate the quality of performing bilateral consecutive interpreting in FEA as a type of activity. Therefore, the exercises in the middle of our system are arranged according to the following scheme: comprehension of the initial statement – decision making for translation – performing the interpreting, which corresponds to the sequence of actions of the interpreter in the phase of making the translation decision during the process of interpreting.

It is assumed that performing exercises in each subsystem occurs consequently – from working out the separate elements of operations and their combinations, to performing the activity itself – the bilateral consecutive, professionally oriented interpreting. In this case each subsystem differs from the previous one by the level at which the exercises are performed. In the first subsystem the exercises are performed at the level of a word/word combination → phrase → above phrase entity; in the second subsystem the exercises are performed at the level of above phrase entity → minitext → text; in the third subsystem exercises are performed at the level of mini text → text.

To prove the hypothesis of our research we carried out the experiment which was held at Alfred Nobel University with 48 students of the English Philology and Translation Department, Master’s Degree during 2016-2017 academic year. There were four experimental groups (EG – 1, 2, 3, 4) applying two variants of the training model based on our approach (table 2). To carry out the pilot study it was formulated the hypothesis of the research, the objective, varied and non-varied (the sequence of exercises at the training stage) conditions of the experiment.

Table 2

Average indicators of pre-experiment and post-experiment

Group Index	Average learning rate		Increase in learning rate
	Pre-experimental indicator	Post-experimental indicator	
EG 1	0,62	0,82	0,20
EG 2	0,60	0,93	0,33
EG 3	0,61	0,81	0,20
EG 4	0,62	0,94	0,32

In our research there were presented and interpreted the results of methodological experiment with different methods of mathematical statistics (table 3).

Table 3

Calculation of the experimental groups criteria on the percentage of the learning rate according to Fisher's criterion (ϕ^*)

Group Index	Amount of points			
	Before the experiment	After the experiment	%	Total amount
Experimental groups EG 1, EG 3	123	163	46%	286
Experimental groups EG 2, EG 4	122	187	54%	309
Total amount				595

The results of the experiment reveal the objectivity and cogency of the data and are the argument to prove the efficiency of the training method developed.

Conclusions and prospects for further research. In conclusion, it would appear that training process of future interpreters at universities should be based on the acquisition of knowledge in translation studies and subject area, formation and development of general, special and specific skills, abilities and competences. In the process of training it is recommended to improve personal qualities and the most important skills (individual and social) of future interpreters, which include motivation, stress management, ability to concentrate and remember, tolerance and empathy. Our results demonstrate the strong effect of applying the system of exercises developed. As a result, the following specific aspects of interpretation are identified: the perception of speech as a motivated statement of a real person, which enhances the sense of personal involvement and responsibility for the results obtained; interpreting another student's speech from / into a foreign language.

To add more, this technique eliminates typical difficulties and errors in interpreting. So, translation notes do not distract the student, it is possible to achieve a relaxed concentration on concepts rather than on separate words, students are more aware of their own weaknesses and strengths, which leads to more efficient use of their resources, avoiding mistakes and gaps in knowledge. In the process of applying this approach, essential skills and competences are formed and developed faster compared with traditional methods.

Regardless, future research could continue to explore our approach, which help form and develop essential skills and competencies to future interpreters with different language pairs and in different subject areas.

Bibliography

1. Бабаскина Е.Г. Методика овладения переводческой стратегией посредством развития познавательной активности студентов: на примере дисциплины «Предпереводческий практикум»: дисс. ... канд. пед. наук / Е.Г. Бабаскина. – Курск, 2011. – 183 с.

2. Ганічева Т.В. Методика навчання майбутніх філологів усного англомовного двостороннього перекладу у галузі прав людини: дис. ... канд. пед. наук / Т.В. Ганічева. – Харків, 2008. – 182 с.

3. Голышев В.И. Методика развития исследовательских умений переводчика на основе деловой игры (английский язык, языковой вуз): автореф. дисс. ... канд. пед. наук / В.И. Голышев. – Тамбов, 2016. – 24 с.

4. Истомин А.А. Методика обучения студентов устному и письменному диалогическому взаимодействию средствами синхронной интернет-коммуникации (английский язык, неязыковой вуз): автореф. дисс. ... канд. пед. наук / А.А. Истомин. – М., 2013. – 23 с.

5. Красильникова Е.В. Методика формирования лингво-профессиональной компетенции у будущих гидов-переводчиков в системе дополнительного профессионального образования (на материале французского языка): автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Е.В. Красильникова. – Ярославль, 2011. – 24 с.

6. Пушкина А.В. Обучение устному последовательному переводу студентов-лингвистов в рамках программы «Второе высшее образование»: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / А.В. Пушкина. – М., 2015. – 23 с.

7. Сапига Е.В. Развитие эмпатийных умений у студентов-переводчиков в процессе профессиональной подготовки в вузе: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Е.В. Сапига. – Майкоп, 2006. – 30 с.
8. Старикова О.В. Методика реализации дифференцированного подхода в иноязычном образовании переводчиков на основе применения программно-педагогического средства: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / О.В. Старикова. – М., 2011. – 24 с.
9. Тазина К.А. Формирование готовности к письменному переводу / К.А. Тазина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4 (119). – С. 79–83.
10. Тихонова Е.В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Е.В. Тихонова. – Томск, 2014. – 28 с.
11. Федотова О.В. Формирование операциональной компетенции переводчиков в сфере профессиональной коммуникации (английский язык, экономическая специальность): дисс. ... канд. пед. наук / О.В. Федотова. – СПб., 2014. – 231 с.
12. Христолюбова А.А. Методика обучения студентов переводческих факультетов письменному переводу текстов экономической тематики: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / А.А. Христолюбова. – Н. Новгород, 2013. – 24 с.
13. Червінко Є.О. Методика навчання майбутніх філологів усного послідовного громадсько-політичного перекладу англійською мовою з українською з опорою на перекладацький скоропис: дис. ... канд. пед. наук / Є.О. Червінко. – Харків, 2013. – 274 с.
14. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика / И.С. Алексеева. – СПб.: Союз, 2004. – 288 с.
15. Казакова Т.А. Практические основы перевода / Т.А. Казакова. – СПб.: Союз, 2002. – 320 с.
16. Максимов С.Є. Усний двосторонній переклад (англійська та українська мови). Теорія та практика усного двостороннього перекладу для студентів факультету перекладачів та факультету заочного та вечірнього навчання / С.Є. Максимов. – К.: Ленвіт, 2007. – 416 с.
17. Максименко О.В. Усний переклад: теорія, вправи, тексти (французька мова) / О.В. Максименко. – Вінниця: Нова книга, 2008. – 168 с.
18. Фомин С.К. Последовательный перевод (английский язык) / С.К. Фомин. – М.: АСТ; Восток – Запад, 2006. – 253 с.
19. Зінукова Н.В. Усний переклад у зовнішньоекономічній сфері: теорія і методика навчання магістрів-філологів / Н.В. Зінукова. – Дніпро: Університет імені Альфреда Нобеля, 2017. – 424 с.

PROFESSIONAL COMPETENCE IN CONSECUTIVE INTERPRETING FOR MASTERS OF ARTS IN PHILOLOGY: THEORETICAL BASIS

Nataliia V. Zinukova, Alfred Nobel University (Dnipro, Ukraine).

E-mail: natzinukova@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-38

Key words: *consecutive interpreting, professional competence of an interpreter, system of exercises, stages of training.*

To prepare future translators and interpreters for their professional activity acquired a promising character due to strengthening the processes of globalization, informatization of society, the emergence of new ways to create, preserve, transfer and use information, to expand communication contacts between specialists, the change of social order in the profession of translators and interpreters, and other requirements to train specialists in this area due to the tasks of European integration of Ukraine.

The objective of the article is to substantiate the methodical system, to develop and verify experimentally the methodology of its realization to form and develop interpreter's professional competence in foreign economic field to Masters of Arts in Philology, Translation Studies.

Using findings of various research in linguistics, psychology, psycholinguistics, translation studies, teaching methods of translation and interpreting, there were described the mechanisms of professional competence, specified the requirements for professional competence in interpreting in the foreign economic field according to the degree of achievement of systematized knowledge, skills, and abilities necessary for interpreters to carry out their professional activity.

Psycholinguistics as a methodology is used in this research in the process of intercultural communication interpreting training. It aimed at mastering the highest level of interpreting skills through the formation of the unity of language and culture, thinking and consciousness, which leads to the learning outcomes of interpreters' training. It is achieved through three approaches (subjective synergetic, cognitive and competence), each of which forms a certain professional quality of the interpreter's personality, and a number of principles that are implemented in the process of selection of the didactic content of educational programs, in the typological and thematic content of training and the development of a system of tasks.

The problem of developing the typology of exercises for teaching students of the master's degree consecutive interpreting of in the foreign economic sphere is in the focus of linguistic didactics nowadays. Theoretical basis of the system of exercises for teaching consecutive interpreting in foreign economic activity to Masters in Philology take into account personal characteristics of an interpreter who develops the ability to present the text of translation and provides the acquisition of the knowledge necessary for his professional activity. The main attention is paid to the establishment of a typology of effective exercises, which is an important part of the optimal management of student learning activities for the formation of the professional competence of an interpreter. There were used the following methods: reviewing the studies on translation and interpreting competences; rethinking study programs and curricula; comparing the evaluation forms of stakeholders: graduates, industry representatives and trainers; and amending study programs and exercise systems to make them comparable. The expected learning outcomes and the ultimate goals of training interpreting to Masters in Philology are the formation of professional interpreting competence in the foreign economic field, which is understood as the ability of a professional interpreter to use the cognitive resources of his linguistic consciousness in a creative way to solve professional tasks of interpreting in situations of intercultural business communication. In the process of creating a system of exercises there were identified three stages of training (preparatory stage of knowledge acquisition and the formation of special skills of consecutive translation, main stage of skills development and the formation of special and strategic skills in consecutive interpreting, and final stage of improving the special and strategic skills of consecutive interpreting in foreign economic field.

The system is implemented through the stages of the interpreter's activities in the phase of translation decision-making that corresponds to the three stages of consecutive interpreting teaching, each of which contributes to the development of the appropriate element of the triad «language and culture - thinking - consciousness».

The research describes carrying out the pilot study; in the article there were presented and interpreted the results of methodological experiment with different methods of mathematical statistics. The results of the experiment proved the model of professional competence of an interpreter in the foreign economic field. The results of the experiment reveal the objectivity and cogency of the data and are the argument to prove the efficiency of the training method developed.

References

1. Babaskina, E.G. *Metodika ovladeniya perevodcheskoy strategiyey posredstvom razvitiya poznatelnoy aktivnosti studentov: na primere distsipliny «Predperevodcheskiy praktikum»*. Diss. kand. ped. nauk [Methods of Mastering Translation Strategy through the Development of Students' Cognitive Activity: The Example of the Discipline "Pre-translation Workshop". Cand. ped. sci. diss.]. Kursk, 2011, 183 p.
2. Ganicheva, T.V. *Metodyka navchannya maybutnix filologiv usnogo angломовного dvostoronn'ogo perekladu u galuzi prav lyudy`ny*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Methods of Future Philologists Training of Interpreting in Human Rights Extended abstract of cand. ped. sci. diss.]. Kharkiv, 2008, 182 p.
3. Golyishev, V.I. *Metodika razvitiya issledovatel'skikh umeniy perevodchika na osnove delovoy igry (angliyskiy yazyik, yazykovoy vuz) (Kandidatskaya dissertatsiya)*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Methods of Development of Research Skills of Translator on the Basis of Business Game (English, High School). Extended abstract of cand. ped. sci. diss.]. Tambov, 2016, 24 p.
4. Istomin, A.A. *Metodika obucheniya studentov ustnomu i pismennomu dialogicheskomu vzaimodeystviyu sredstvami sinhronnoy internet-kommunikatsii (angliyskiy yazyik, neyazykovoy vuz)*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Methods of Teaching Students Oral and Written Dialogic Interaction Using Synchronous Internet Communication (English, Non-linguistic University). Extended abstract of cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 2013, 23 p.
5. Krasilnikova, E.V. *Metodika formirovaniya lingvo-professionalnoy kompetentsii i buduschih gidov-perevodchikov v sisteme dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya (na materiale frantsuzskogo yazyika) (Kandidatskaya dissertatsiya)*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [The Methodology for the Formation of Linguistic and Professional Competence of Future Guide-Translators in The System of Additional Professional Education (Based on the French Language). Extended abstract of cand. ped. sci. diss.]. Yaroslavl, 2011, 24 p.
6. Pushkina, A.V. *Obuchenie ustnomu posledovatel'nomu perevodu studentov-lingvistov v ramkah programmy «Vtoroe vysshee obrazovanie»*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Consecutive Interpreting Training of Linguists "Second Higher Education". Extended abstract of cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 2015, 23 p.

7. Sapiga, E.V. *Razvitiye empativnykh umenii u studentov-perevodchikov v protsesse professionalnoy podgotovki v vuze*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Development of Empathic Skills of Student Translators in the Process of Vocational Training at a University. Extended abstract of cand. ped. sci. diss.]. Maykop, 2006, 30 p.

8. Starikova, O.V. *Metodika realizatsii differentsirovannogo podkhoda v inoyazyichnom obrazovanii perevodchikov na osnove primeneniya programmno-pedagogicheskogo sredstva*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [The Methodology for the Implementation of a Differentiated Approach in the Foreign Language Education of Translators Based on the Use of Program and Pedagogical Tools. Extended abstract of cand. ped. sci. diss.]. Moscow, 2011, 24 p.

9. Tazina, K.A. *Formirovanie gotovnosti k pismennomu perevodu* [Formation of Readiness for Translation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2012, vol. 4, issue 119, pp. 79-83.

10. Tikhonova, E.V. *Obucheniye budushchih lingvistov ustnomu posledovatel'nomu perevodu na osnove analiza diskursa audio- i videomaterialov (kitayskiy yazyk; profil' «Perevod i perevodovedenie»)*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Consecutive Interpreting Training to Future Linguists on the Basis of Discourse Analysis of Audio and Video (Chinese). Extended abstract of cand. ped. sci. diss.]. Tomsk, 2014, 28 p.

11. Fedotova, O.V. *Formirovanie operatsionalnoy kompetentsii perevodchikov v sfere professionalnoy kommunikatsii (angliyskiy yazyk, ekonomicheskaya spetsialnost)*. Diss. kand. ped. nauk [Formation of the Operational Competence of Translators in the Field of Professional Communication (English, Economic Specialty)]. Cand. ped. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2014, 231 p.

12. Khristol'yubova, A.A. *Metodika obucheniya studentov perevodcheskih fakultetov pismennomu perevodu tekstov ekonomicheskoy tematiki (Avtoreferat kandidatskoy dissertatsii)*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Methods of Teaching Students of Translation Faculties the Written Translation of Texts on Economic Subjects. Extended abstract of cand. ped. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2013, 24 p.

13. Chervinko, E.O. *Metodika navchannya maybutnikh filologiv usnogo poslidovnogo gromadskopolitichnogo perekladu angliyskoyu movoyu z ukrayinskoyi z oporoyu na perekladatskiy skoropis*. Diss. kand. ped. nauk [The Methodology of Starting Mayblog of Philological Studies of the Final, Enormous, Political English Translation from English to Ukrainian, Relying on Rewriting Cursive Script. Cand. ped. sci. diss.]. Kharkiv, 2013, 274 p.

14. Alekseeva, I.S. *Professionalniy trening perevodchika* [Professional Interpreters' Training]. Saint Petersburg, Soyuz Publ., 2004, 288 p.

15. Kazakova, T.A. *Prakticheskie osnovy perevoda* [Practical basis of translation]. Saint Petersburg, Soyuz Publ., 2002, 320 p.

16. Maksimov, S.Ye. *Usnyi dvostoronnyi pereklad (anglijs'ka ta ukrayins'ka movy)* [Consecutive Interpreting (English and Ukrainian)]. Kyiv, Lenvit Publ., 2007, 416 p.

17. Maksymenko, O.V. *Usnyi pereklad: teoriya, vpravy, teksty (francuz'ka mova)* [Interpreting: Theory, Exercises, Texts (French)]. Vinnytsa, Nova knyga Publ., 2008, 168 p.

18. Fomin, S.K. *Posledovatel'ny perevod (angliiskii yazyk)* [Consecutive Interpreting (English)]. Moscow, AST; Vostok - Zapad Publ., 2006, 253 p.

19. Zinukova, N.V. *Ustnyi pereklad u zovnishnoi ekonomichnoi sferi: teoriya navchannya magistriv-filologiv* [Interpreting in Foreign Economic Field: Theory of Training to Masters in Philology]. Dnipro, Alfred Nobel University Publ., 2017, 424 p.

Одержано 5.12.2019.

ПЕРЕКЛАДОЗНАВЧІ СТУДІЇ

УДК 811.162.3

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-39

О.М. МЕЛЬНИК,
*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри філології та перекладу
Івано-Франківського національного технічного університету нафти і газу*

Т.В. НІКІФОРОВА,
*магістрант спеціальності «Філологія»
Івано-Франківського національного технічного університету нафти і газу*

ВІДТВОРЕННЯ РЕАЛІЙ У НАУКОВО-ПОПУЛЯРНОМУ ТЕКСТІ (НА МАТЕРІАЛІ РОЗВІДКИ КЕЙТ ФОКС «СПОСТЕРІГАЮЧИ ЗА АНГЛІЙЦЯМИ»)

У статті розглянуто способи перекласти безеквівалентну лексику в науково-популярному виданні Кейт Фокс «Спостерігаючи за англійцями». З'ясовано, що в українському перекладі цієї антропологічної праці застосовано різні підходи до відтворення семантики іншомовних етнокультурних реалій. Активними є транскрибування / транслітерування, повне і часткове калькування, комбінована реномінація, вживання описових перифраз, ситуативних відповідників та мови оригіналу, гіперонімічне перейменування та ін.

Виявлено такі мовні одиниці, що є специфічною фоновою інформацією та допомагають краще пізнати англійську культуру: назви речей різних брендів, будівель, ономастичні реалії, назви субкультур, соціальних класів, просторіч, ігор та ін. Ступінь обізнаності з цими реаліями для носіїв української мови є і досить низький, і високий.

Запропоновано деякі варіанти, що мінімізують втрати національного колориту у розвідці про англійський характер. Зокрема проаналізовано особливості відтворення назв англійських національних ігор. Виявлено, що задля адекватного перекладу доречно дізнатися деталі та правила кожної гри.

Встановлено, за допомогою яких способів вдаєтьс я вдало відтворити конотації оригіналу, попри неминучі втрати етномовних компонентів (контекстуальне пояснення, примітки, буквальный переклад слова чи словосполучення, використання іншомовного матеріалу, сленгу). Розглянуто важливу частину семантики реалій – відомості про конкретні місцевість, час, традицію, а також оцінено обсяг інформації, яка зберігається в перекладі.

Акцентовано на тому, що в українському виданні бестселера Кейт Фокс комбіноване передавання реалій є найоптимальнішим, численні назви реалій увиразнюють культурну чужість та становлять неабиякий інтерес для читачів нехудожньої літератури, а тому перекладачка орієнтується на цільову аудиторію, намагаючись відтворити лексеми-маркери відповідно до місця і часу дії оригіналу.

Ключові слова: реалія, науково-популярний текст, етнокультурний маркер, переклад, безеквівалентна лексика.

В статье рассмотрены способы перевода безэквивалентной лексики в научно-популярном издании Кейт Фокс «Наблюдая за англичанами». Установлено, что в украинском переводе этого антропологического труда применены различные подходы к воспроизводству семантики иностранных этнокультурных реалий. Среди важных – транскрибирование / транслитерация, полное и частичное калькирование, комбинированная реноминация, употребление описательных перифраз, ситуативных соответствий и языка оригинала, гиперонимическое переименование и др.

Выявлены следующие языковые единицы, которые являются специфической фоновой информацией и помогают лучше узнать английскую культуру: названия вещей различных брендов, зданий, ономастические реалии, названия субкультур, социальных классов, просторечий, игр и др. Степень осведомленности с этими реалиями для носителей украинского языка и достаточно низкая, и высокая.

Предложены некоторые варианты, минимизирующие потери национального колорита в исследовании об английском характере. В частности проанализированы особенности воспроизведения названий английских национальных игр. Обнаружено, что для адекватного перевода уместно узнать детали и правила каждой игры.

Установлено, с помощью каких способов удается удачно воспроизвести коннотации оригинала, несмотря на неизбежные потери этноязычных компонентов (контекстуальное объяснение, примечания, буквальный перевод слова или словосочетания, использование иноязычного материала, сленга). Рассмотрена важная часть семантики реалий – сведения о конкретной местности, времени, традиции, а также оценен объем информации, которая сохраняется в переводе.

Акцентируется внимание на том, что в украинском издании бестселлера Кейт Фокс комбинированное воспроизводство реалий является самым оптимальным. Примечательно, что многочисленные названия реалий подчеркивают культурную чуждость и составляют большой интерес для читателей нехудожественной литературы. Именно поэтому переводчица ориентируется на целевую аудиторию, пытается воспроизвести лексемы-маркеры в соответствии с местом и временем действия оригинала.

Ключевые слова: реалия, научно-популярный текст, этнокультурный маркер, перевод, безэквивалентная лексика.

Увагу дослідників привертають способи передавання реалій життя іншого народу, вдалі стратегії відтворення лексем-маркерів, специфічні підходи до перекладу безеквівалентної лексики. Такі прийоми є важливими рисами перекладацького методу, що допомагають вирішити проблему збереження в перекладах національного колориту. Не втратити територіальну і часову самотність за допомогою зрозумілих читачеві мовних одиниць – особливо актуальна перекладацька настанова.

У цьому контексті цікавим матеріалом для дослідження є антропологічна праця Кейт Фокс про коди розмов та правила поведінки «Спостерігаючи за англіцями». У книзі, яка розрахована «на широке коло» нефаківців, перекладацький вибір неодмінно пов'язаний з чинником адресата, здатен гарантувати читабельність тексту й утримувати пізнавальний інтерес.

Щоб об'єктивно оцінити адекватність перекладу, вчені враховують особливості семантичної структури реалій, визначають збережений у перекладі обсяг інформації, виявляють складові емоційного, смислового та стилістичного характеру, що властиві оригінальним назвам. Р.П. Зорівчак підкреслює естетичну цінність і пізнавальне значення етнолексики, її особливе стилістичне навантаження в художньому тексті. Через неминучу дилему («або показати специфіку і впасти в екзотику, або зберегти звичність і втратити специфіку») перекладачі долають мовні труднощі: «Від того, як поведеться перекладач з реаліями, чи не найбільшою мірою залежить, що вийде з-під його пера: переклад чи переспів, наслідування, травестія чи навіть пародія» [1, с. 43]. Дослідниця зазначає, що доречно говорити не про буквальный переклад, і доходить висновку про дев'ять способів перейменування: гіперонімічне, комбіноване, транскрипцію / транслітерацію, описову перифразу, калькування, уподібнення, контекстуальний переклад, розтлумачення, міжмовну транспозицію на конотативному рівні [1, с. 93].

На думку Т.А. Погрібної, важливим етапом є трансформація реалій з одного культурного поля в інше, адже системи смислів двох культур ніколи не бувають абсолютно симетричними: «...ідеться про необхідність виокремлення етнокультурних маркерів для віддзеркалення смислу реалій» [2, с. 276]. Досліджуючи проблеми перекладності чеських реалій, авторка відзначає, що в перекладах зі слов'янських мов, зокрема для власних назв, через близькість мов і подібність звучання виправданими є транскрипція і транслітерація.

Т. Авдеєнко характеризує варіативність мовної форми англійських реалій, розглядає окрему сему – культурологічний компонент, який є носієм етноспецифічної ознаки: «Наявність культурологічного компонента у структурі лексичної одиниці дає підстави віднести її до слів-реалій» [3, с. 7]. В.Р. Савчин виявляє у перекладах Миколи Лукаша

протилежні підходи до реалій, коли внаслідок перекладацького перетворення змішуються національні колорити, а метод уподібнення зумовлює появу великої кількості українських назв, сплав чужого і свого: «Уведення в текст перекладу українських реалій призводить до небажаної українізації твору, втрати його специфічного національного колориту» [4, с. 151]. Зарубіжні дослідники [5–9] вирізняють специфічні риси складових національно-культурного контексту.

Мета робот – розкрити особливості відтворення семантики іншомовних етнокультурних реалій у науково-популярному тексті. Щоб досягти поставленої мети, необхідно виконати такі завдання: 1) виявити мовні одиниці, що є специфічною фоною інформацією, та зіставити їхню семантичну структуру з оригінальними назвами; 2) проаналізувати перекладацький підхід до чужомовних реалій (на матеріалі бестселера «Спостерігаючи за англійцями» Кейт Фокс).

Для аналізу обрано видання, покликане допомогти українцям краще пізнати властиві риси англійців, їхню етнічну свідомість і темперамент, базову особистість і національні почуття. У перекладі популярної розвідки про етнічні стереотипи поведінки мінімізувати втрату значень реалій пасивно задля повноцінного розуміння задуму авторки, яка аналізує і статичні, і мінливі психічні характеристики своєї спільноти.

Щоби перекласти назви самотніх ігор, потрібно спочатку дізнатись їхні правила, аби передати ідентичність реалій. У перекладі функціонують дублети: «Fortunately for me, this scornful tourist had only noticed about a dozen or so typical pub games, and had not heard of all the more obscure regional eccentricities such as Aunt Sally, wellie-throwing, shove ha’penny, marrow-dangling, conger-cuddling and Wetton Toe Wrestling» [10]; «На щастя для мене, цей в’їдливі турист зауважив тільки з десяток ігор, якими ми бавимось в пабах, і ні сном, ні духом не відає про чудернацькі місцеві ігри на кшталт «Тітки Саллі» («Aunt Sally»), гумовцьожбурляння («wellie-throwing»), шафлборду («shove ha’penny»), кабачкометання («marrow-dangling»), вугрецьвохкання («conger-cuddling») і Ветонської боротьби на пальцях ніг («Wetton Toe Wrestling»)» [11, с. 350].

«Aunt Sally» була поширена в середині ХХ ст. Твердими кульками з дерева або пряжі, обшитої шкірою, треба вибити курильну трубочку з рота ляльки. Кожен гравець зазвичай мав шість спроб. Примітка з коротким описом могла б допомогти читачеві зрозуміти особливості гри. Гумовцьожбурляння («wellie-throwing») складається з двох компонентів, «wellie» – це скорочення від «Wellington boots» (гумові чоботи), їх назвали на честь герцога Веллінгтона, який доручив лондонському шевцю зробити нові черевики з м’якої телячої шкіри. У перекладі назви взуття втрачено частину значення, яка розкриває історію її появи. Метою розваги є жбурнути гумовий черевик якомога далі. На нашу думку, переклад «гумовцьожбурляння» дає читачеві змогу чітко уявити правила гри. Shove ha’penny виникла у Старій Англії в пабах: два гравці чи команди змагалися, кидаючи монети або диски на настільній дошці. Шафлборд виник на основі цієї гри, в нього вже грали аристократи, використовуючи кії та шайби. Тож можна транскрибувати цю реалію і подавати примітку, що вона подібна до шафлборду.

За правилами кабачкометання («marrow-dangling»), двоє людей стоять на перевернутих квіткових горщиках і намагаються збити відро з голови опонента підвішеним гарбузом. Кабачкометання повністю не відображає реалію, як, скажімо, описова перифраза «збий відро з голови». Вугрецьвохкання («conger-cuddling») схоже на попередню гру, але тут використовують вугра, щоб збити горщик. Перша частина «conger» означає «вугор», а «cuddling» – «міцні обійми». Оскільки ця гра з’явилась давно, то достеменно невідомо, чому назва пов’язана з міцними обіймами. На нашу думку, можна використати також назву «бій вуграми», щоб відтворити основне правило гри.

Назву «Торіграф» національній газеті «Телеграф» дав англійський сатиричний журнал «Private eye» через послідовну підтримку політики партії Топі: «Both The Times and the Daily Telegraph are somewhat to the right of centre – although the Telegraph, also known as the Torygraph, is regarded as more right-wing than The Times» [10]; «І «Таймз», і «Дейлі Телеграф» тяжіють до правих, щоправда, «Телеграф», який частенько називають «Торіграф», має славу «правішої», аніж «Таймз» [11, с. 325]. Транскрипція передає звучання назв періодичних видань у мові оригіналу. Іноді затранскрибована реалія може бути не зовсім зрозумілою

для читача. Наприклад, «Teddy boys, students and arty types had their own distinctive styles in the 1950s...» [10]; «У 1950-х свій виразний стиль мали тедді-бойз, студенти та молоді митці» [11, с. 399]. У цьому реченні є назва субкультури «тедді-бойз». Словник подає таке визначення цього поняття: «a young man, especially in the 1950s in the UK, who typically dressed in narrow trousers, a long, loose jacket, and shoes with thick soles» [12] (молодий чоловік у 1950-х роках у Великобританії, який, як правило, одягався у вузькі штани, довгу вільну куртку та мав взуття на товстій підошві). Примітка у кінці сторінки могла би коротко пояснити, про який стиль йдеться в уривку «Мейнстрімні правила та племінна уніформа».

У двох підрозділах книги вжито різні відповідники лондонського передмістя «Clapham Junction»: «Do you know if this is the right platform for Clapham Junction?» [10]; «Підкажіть, будь ласка, з цієї платформи їде поїзд на Клахем Джанкшн?» [11, с. 218]. «I now look at the ticket-counter queues at Clapham Junction and see, well, perhaps not quite War and Peace, but...» [10]; «Коли я дивлюсь на чергу до каси, десь на Клепхем Джанкшн, знаєте, що я бачу?» [11, с. 243]. Якщо порівнювати відтворення по-українськи з транскрипцією слова, то, мабуть, доречніше вживати «Клепхем». Р.П. Зорівчак зазначає: коли мова йде про нефонетичні мови (щодо правопису), то краще використовувати метод транскрипції, бо транслітерація не відтворює справжнього звучання слів вихідної мови [1, с. 93].

Комбіноване перейменування поєднує транскрипцію і перифразу, тобто перекладач пояснює реалію зразу в контексті або у примітці. Наприклад, «with his cool scooter, loud music, sexy model wife, Cockney brashness and laddish...» [10]; «в мене є крутий скутер, я слухаю круту музику, у мене сексуальна дружина-модель, я говорю на кокні як крутий перець і брутальний мачо...» [11, с. 427]. У примітці зазначено, що кокні – лондонське просторіччя, яким послуговуються представники робочого класу, тож читачі розуміють, про що йде мова. Комбіновану реномінацію застосовано щодо назв речей різних брендів. «There was recently, for example, a series of television advertisements for Marmite...» [10]; «Наприклад, недавно була ціла серія рекламних роликів «Марміту» [11, с. 271]. Внизу сторінки перекладачка додає відомість, що це солоня брунатна паста, виготовлена з побічних продуктів бродіння солоду. Розташування приміток теж має значення, скажімо, М.В. Воробйова зазначає, що примітки у кінці тексту можуть порушувати цілісну картину тексту [13, с. 33].

Гіперонімічний переклад передає семантичне значення реалії, але водночас можлива втрата семи «локальності». Наприклад, «Take a typical, undistinguished suburban or 'residential-area' street, with the usual two rows of smallish, nondescript semi-detached or terraced houses...» [10]; «Подивімося на типову, нічим не примітну вуличку десь у передмісті або в «райончику з особняками», де в два ряди вишикувалися невеличкі, нічим не примітні спарені особняки чи багатоповерхівки...» [11, с. 195]. Словосполучення «terraced houses» має таке значення: «one of a row of houses that are joined together» (один із рядів будинків, які з'єднані між собою). Іменник «багатоповерхівка» означає «будинок, який має багато поверхів (зазвичай багатоквартирний); багатоповерховий будинок». «One does not boast about one's purchase of a beautiful Cotswold cottage or even a château in France...» [10]; «Вихвалитись купівлею прекрасного котеджу на Котсвольдських пагорбах чи замком десь у Франції не можна...» [11, с. 188]. Реалія «château» у тлумачному словнику має три значення: 1) a feudal castle or fortress in France (феодалний замок чи фортеця у Франції); 2) a large country house (великий замський будинок); 3) a French vineyard estate (французький маєток з виноградниками). Іменник «замок» дещо втрачає колорит реалії, тому можна використати і метод транскрипції. Часто перекладачка описує реалію декількома словами, щоб передати її значення, застосовуючи метод дескриптивної перифрази. Наприклад, «Aslet then betoans the decline in popularity of Harris tweed...» [10]; «Також Аслет розпачує, що картатий твід з островів Гарріс втрачає популярність...» [11, с. 387]. Так ми дізнаємося і про забарвлення твіду, і про конкретне поширення на островах Гарріс.

Калькування – особливий підхід, коли структурно-семантичні моделі мови-джерела відтворюють поелементно засобами мови-сприймача. Калькування буває повне, а також часткове (одну частину реалії перекладають буквально, іншу – використовуючи іншомовний матеріал). «Among the educated classes, the eighteenth-birthday rites are now often followed by the Gap Year...» [10]; «У середовищі освічених класів одразу по обряді вісімнадцятиліття практикують рік-на-паузу...» [11, с. 523]. The Gap Year – a year between leaving school and

starting university that is usually spent travelling or working [13] (пік між закінченням школи та початком університету, який зазвичай проводять у подорожах або на роботі). Англійські школярі відпочивають у цей час, щоб зрозуміти, ким вони хочуть стати в майбутньому. «Gap» означає «a period of time spent doing something different» (період часу, витрачений на щось інше). Другу частину реалії відтворено буквально, а в першій відображено її семантичне значення.

«We indignantly disapprove of those who avoid work – from the minor royals at the top of the social scale...» [10]; «Ми обурено засуджуємо нероб – включно з другорядними членами королівської родини на верхівці соціальної драбини...» [11, с. 264]. У Великій Британії члени королівської сім'ї виконують різні обов'язки, тож можуть належати до «senior royals» та «minor royals». Minor royals мають другорядні обов'язки, зазвичай вони працюють на звичайній роботі і ведуть неpubлічне життя. «Minor» буквально означає «неважливі»; на нашу думку, у перекладі вдало відтворено це поняття словом «другорядні».

«Page three is a tradition, an institution, somehow reassuringly familiar, like The Archers or rainy Bank Holidays» [10]; «Сторінка номер три – це традиція, це ціла інституція, така заспокоїливо знайома, як радіопрограма «The Archers» або дощ на банківські вихідні» [11, с. 502]. Bank Holiday – an official holiday when banks and most businesses are closed for a day (офіційне свято, коли банки та більшість підприємств закриті на день). Переклад «банківські вихідні» не передає повністю значення реалії, тому читачеві буде важко зрозуміти, що є державні свята, під час яких всі банки закриті. Вважаємо, що доцільно додати примітку задля повного розуміння контексту твору. Контекстуальне розтлумачення передбачає, що реалію пояснюють у найближчому контексті. Наприклад: «You will find that his father (or even grandfather – these prejudices are passed down the generations) was a petit-bourgeois middle-class businessman of some sort – perhaps a successful shopkeeper or sales manager or even a well-off car dealer...» [10]; «От побачите, що його батько (чи дідусь – класові упередження передаються з покоління у покоління) був petit-bourgeois середнього штибу і мав свою справу – може, успішну крамничку чи салон з продажу автомобілі, а може, був кмітливим комівояжером» [11, с. 249]. В англійській мові «petit-bourgeois» означає «belonging to the lower middle social class, or having the characteristics that are considered typical of this class, such as thinking money and possessions are more important than other things, and not trusting new or different ideas» [13] (той, що належить до низів середнього класу або має характеристики, які вважають типовими для цього класу, наприклад, думають, що гроші та володіння важливіші за інші речі, і не довіряють новим чи іншим ідеям). У тексті реалію описано словами «класові упередження передаються з покоління у покоління», що сповна відображають оригінальне значення.

В інших випадках перекладачка обирає відповідник, який відтворює семантику реалії у контексті, але поза ним має інше значення. Наприклад, «Drinking pint glasses of beer would classify you as a 'ladette'...» [10]; «Випивши цілу пінту пива, ви одразу потрапляєте під класифікацію «чувіхі» («ladette»)» [11, с. 376]. Іменник «ladette» означає «a young woman who drinks a lot of alcohol, uses rude language, and behaves in a noisy way» [13] (молода жінка, яка п'є багато алкоголю, вживає грубу мову і поводить шумно), а сленгове слово «чувіха» є звертанням зі зневажливим відтінком. Часто вжито лексеми мовою оригіналу, які особливо засвідчують іншомовну присутність. Наприклад: «...the homes of the wealthiest working-class nouveaux-riches are full of extremely expensive items that the uppers and upper-middles regard as the height of vulgarity» [10]; «Домівки nouveaux-riches, вихідців із робочого класу, битком напхані дорожезними дурничками, які в очах аристократії та верхівки середнього класу виглядають справжньою вульгарщиною» [11, с. 181]. «Nouveaux-riches» – «people from a low social class who have recently become very rich and like to show this publicly by spending a lot of money» [13] (люди низького соціального класу, які останнім часом стали дуже багатими і люблять демонструвати це публічно, витрачаючи великі гроші).

Привертають увагу деякі переклади заголовків, як-от «The Modesty Rules – and the «Vimpex» School of Advertising» («Правило скромності і реклама в стилі «На тобі, небоже, що мені не гоже»). «Бампікс» – це вигадана марка соку, яку своєрідно прорекламував Джордж Мікеш: «Спробуйте щастя з фруктовим соком «Бампікс». Мало хто його любить. Ви можете стати винятком» [11, с. 272]. Описовий метод може призвести до втрати части-

ни інформації, однак суть незвичного виду реклами, яка не хвалиться, не є виключною чи занадто прямою, цілком відображено в приказці. У заголовку «Похибка на культуру блінг-блінг» («The Bling-bling Exception») є назва прикрас, які привертають увагу, тому що дуже помітні і дорогі. В українській мові немає відповідного слова з таким значенням, тому читач пізнає особливість цієї субкультури із самого тексту про осіб, які навмисне виставляють напоказ своє багатство. Заголовок «Правила молоді та правила молодьожі» («Youth Rules and Yoof Rules») вказує на стильну молодь робочого класу: «Leaving aside the occasional upper-class exceptions, sartorial differences between middle-class youth and working-class 'yoof' are generally a matter of degree» [10]; «Залишимо в спокої окремих ексцентриків з верхівки класової драбини і зосередьмося на молоді із середнього класу та молодьожі («yoof») робочого класу – тут вся відмінність у манері одягатися криється в деталях» [11, с. 408]. «Yoof» стосується молодих людей, особливо тих, на кого впливають останні модні тенденції та ідеї. Тобто «yoof» можна використовувати щодо молоді, яка належить до будь-якого класу, в українській мові ж немає іменника, який би точно відтворив це поняття.

«Якби ж англійські лицедії наважилися порушити неписане правило, їх би одразу затюкали, присвоїли статус «солоденького мамія» («luvvie»)» [11, с. 109]; «Any English thespian who dares to break these unwritten rules is ridiculed and dismissed as a luvvie» [10]. «Luvvie» має два значення: 1) **дорогенький**; 2) **актор, який говорив і діє дуже самозакохано**, а в українській мові «мамій» означає «розпещений, винижений син». Перемикання кодів в українському реченні увиразнює елемент «чужого», як і в низці випадків: «бінарний поділ суспільства на «верхи» й «неверхи» (U and non-U)»; «телевізор вони називають телек / TV чи telly»; «це дуже «smart» фокус!»; «їхні вітальні living rooms скидаються на приймальні стоматологічних клінік»; «фраза «От так завжди!» («typical») вслід за словом «миленько» («nice») – одна з найпотрібніших і найгожіших в англійській мові», «Тест на «Marks&Spencer»»; «Фатична розмова – Bonding-talk» та ін. «Train-station coffee shop» («кавовий магазинчик на залізничній станції») перекладено словом «кофі-корнер», що відображає новітні тенденції у розвитку лексики: «Одна з моїх «польових» писульок саме стосується черги до кофі-корнера на двірці» [11, с. 241]; «One of my many scribbled fieldwork notes on this subject concerns a queue in a train-station coffee shop» [10, с. 38]. Інші приклади усталювання в перекладі запозичених слів: філери, кежуал, треш, триб'ют, мемом, фейлів, стендап-шоу, фейкове, мідли (мідла, мідлами), прокрастинувала та ін.

Отже, перекладач науково-популярного тексту має враховувати фонові знання читачької аудиторії, яка не обізнана з вузькою проблематикою етнопсихології та антропології, сприймає нові для себе відомості про англійську ментальність, тож численні назви реалій здатні підсилювати пізнавальний інтерес. У книзі «Спостерігаючи за англійцями» продуктивними способами відтворення етнокультурних маркерів стали комбіноване перейменування, контекстуальне розтлумачення, транскрипція і транслітерація, контактне вживання відповідників, калькування, описові перифрази, використання лексем мовою оригіналу та приміток. Перекладені реалії почасти втрачають етномовну складову, однак загалом адекватності перекладу досягнуто завдяки збереженню конотацій оригіналу. Описові варіанти вважаємо ефективними засобами, які полегшують розуміння і сприйняття розвідки Кейт Фокс. Питомі відповідники, які добирає перекладачка, засвідчують виражальний потенціал української мови; лексеми мовою оригіналу підкреслюють культурну чужість і привертають увагу своїм колоритом. Перспективою дослідження є аналіз інших сучасних перекладів науково-популярних видань, виявлення лексем, які є етнокультурними маркерами, та розгляд способів відтворення семантики іншомовних реалій.

Список використаної літератури

1. Зорівчак Р.П. Реалія і переклад / Р.П. Зорівчак. – Львів: Вид-во при Львівському державному університеті, 1989. – 216 с.
2. Погрібна Т.А. Реалії як етнокультурні маркери в художньому тексті та їх переклад / Т.А. Погрібна // Актуальні проблеми філології та перекладознавства. – 2016. – Вип. 10 (2). – С. 276–281.
3. Авдеєнко Т. Лінгвокультурологічні особливості англійських мовних реалій / Т. Авдеєнко // Актуальні питання іноземної філології. – 2014. – № 1. – С. 5–9.

4. Савчин В.Р. Микола Лукаш – подвижник українського художнього перекладу / В.Р. Савчин. – Львів: Літопис, 2014. – 374 с.
5. Amiri E.S. The Study of English Culture-Specific Items in Persian Translation Based on House's Model: The Case of Waiting for Godot / E.S. Amiri, H.H. Tabrizi // International Journal of English Linguistics. – 2018. – Vol. 8, issue 1. – P. 135–145.
6. Camargo K.A.F. The Study of Cultural Specific Items in Au Pays De L'or Noir's Travel Report / K.A.F. Camargo, A.R. de Souza // Revista Da Anpoll. – 2018. – Vol. 1, issue 44. – P. 207–219.
7. Durand M.L. Culture-Specific Loanwords in the Text: Apposition as a Linking Form / M.L. Durand // Sprache und Sprachen in Forschung und Anwendung. – 2018. – Issue 6. – P. 423–431.
8. Junker M.O. A Native American View of the "Mind" as Seen in the Lexicon of Cognition in East Cree / M.O. Junker // Cognitive Linguistics. – 2003. – Vol. 14, issue 2–3. – P. 167–194.
9. Morev V.A. Russian Nationally-biased Units in the Sphere of Transportation in German Travel Notes of the XIX Century / V.A. Morev, A.V. Moreva // Procedia Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 200. – P. 324–329.
10. Fox K. Watching the English [Електронний ресурс] / K. Fox. – London: Hodder and Stoughton Ltd, 2004. – Режим доступу: http://www.ignaciodarnaude.com/textos_diversos/Fox,Kate,Watching%20the%20English (останнє звернення 05.03.2020).
11. Фокс К. Спостерігаючи за англіцями / К. Фокс; пер. з англ. Марти Госовської. – Львів: Видавництво Старого Лева, 2018. – 608 с.
12. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (останнє звернення 05.03.2020).
13. Воробйова М.В. Французькі варваризми у сучасній британській прозі: специфіка перекладу російською мовою (на матеріалі творчості Дж. Барнса) / М.В. Воробйова, К.Ю. Боконья // Нова філологія. – 2017. – № 69. – С. 30–34.

REPRODUCTION OF NATIONALLY BIASED UNITS IN THE POPULAR-SCIENTIFIC TEXT (ON THE MATERIAL OF KATE FOX'S RESEARCH "WATCHING THE ENGLISH")

Oksana M. Melnyk, Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas (Ukraine).
E-mail: melmon142@gmail.com

Tetyana V. Nikiforova, Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas (Ukraine)
DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-39

Key words: *nationally biased unit, popular-scientific text, ethnocultural descriptor, translation, non-equivalent vocabulary.*

The article views the ways of translating the non-equivalent vocabulary in the scientific popular publication. An interesting study material is Kate Fox's "Watching the English", an anthropological work on the conversation and behavior codes. The translation choice in a book written for a wide range of non-specialists is inevitably connected to the addressee's factor.

The publication, that helps Ukrainians better understand the specific features of the English, their ethnic consciousness and temperament, basic personality and national feelings, was chosen for the analysis. It is important to minimize the loss of nationally biased units meaning in the popular research of behavior ethnic stereotypes in order to understand completely the idea of the author, who analyzes both the static and the changing mental characteristics of her community. It is determined that in the Ukrainian translation of this anthropological work different approaches to the reproduction of the semantics of foreign-language ethno-cultural nationally biased units are used. Transcription / transliteration, loan translation, combined renomination, descriptive paraphrases usage, situational correspondences and original languages, hyperonymic renaming, etc. are mostly used.

The following linguistic units, which contain specific background information and help to better understand English culture have been identified, such as: names of things of different brands, buildings, onomastic nationally biased units, names of subcultures, social classes, speeches, games, etc. The level of awareness of these nationally biased units for native speakers is both quite low and high.

Some options have been suggested to minimize the loss of national color in the research of English character. In particular, the peculiarities of the reproduction of the names of English national games are analyzed. It has been found that for an adequate translation it is appropriate to know the details and rules of each game.

It is determined, what methods enable to successfully reproduce the connotations of the original text, despite the inevitable loss of ethnic components (contextual explanation, notes, literal translation of a word or phrase, foreign language material usage, slang). An important part of the semantics of nationally biased units is considered, in particular information about specific location, time, tradition.

It is emphasized that in the Ukrainian edition of the best-seller by Kate Fox the combined transformation of nationally biased units is the most used one. Numerous names of nationally biased units express cultural foreignness and are of great interest for readers of non-fiction, and therefore the translator focuses on the target audience, trying to reproduce lexeme markers according to time and place of the original.

Particularly relevant guidance for translators is not to lose the territorial and temporal identity using language units that are understandable to the reader.

References

1. Zorivchak, R.P. *Realii i pereklad (na materialii anhlovnykh perekladiv ukr. Prozy)* [Nationally Biased Units and Its Translation (on the Material of English Translation of Ukrainian Prose)]. Lviv, Vydavnytstvo pry Lvivskomu derzhuniversityteti Publ., 1989, 216 p.
2. Pohribna, T.A. *Realii yak etnokulturni markery v khudozhnomu teksti ta yikh pereklad* [Realities like Ethnocultural Descriptors in the Literary Text and Its Translation]. *Aktualni problemy filolohii ta perekladoznavstva* [Current Issues of Linguistics and Translation Studies], 2016, no. 10 (2), pp. 276-281.
3. Avdieienko, T. *Linhvokulturolohichni osoblyvosti anhliiskyykh movnykh realii* [Linguistic and Cultural Peculiarities of English Language Realia]. *Aktualni pytannia inozemnoi filolohii* [Current Issues of Foreign Philology], 2014, no. 1, pp. 5-9.
4. Savchyn, V. *Mykola Lukash - podvyzhyk ukrainskoho khudozhnogo perekladu* [Mykola Lukash – a Companion of Ukrainian Literary Translation]. Lviv, Litopys Publ., 2014, 374 p.
5. Amiri, E.S., Tabrizi, H.H. The Study of English Culture-Specific Items in Persian Translation Based on House's Model: The Case of Waiting for Godot. *International Journal of English Linguistics*, 2018, vol. 8, issue. 1, pp. 135-145.
6. Camargo, K.A.F., de Souza, A.R. The Study of Cultural Specific Items in Au Pays De L'or Noir's Travel Report. *Revista Da Anpoll*, 2018, vol. 1, issue 44, pp. 207-219.
7. Durand, M.L. Culture-Specific Loanwords in the Text: Apposition as a Linking Form. *Sprache und Sprachen in Forschung und Anwendung*, 2018, vol. 6, pp. 423-431.
8. Junker, M.O. A Native American View of the "Mind" as Seen in the Lexicon of Cognition in East Cree. *Cognitive Linguistics*, 2003, vol. 14, issue 2-3, pp. 167-194.
9. Morev, V.A., Moreva, A.V. Russian Nationally-biased Units in the Sphere of Transportation in German Travel Notes of the XIX Century. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 200, pp. 324-329.
10. Fox, K. *Watching the English*. London, Hodder and Stoughton Ltd, 2004. Available at: http://www.ignaciodarnaude.com/textos_diversos/Fox,Kate,Watching%20the%20English (accessed 05 March 2020).
11. Foks, K. *Sposterihaiuchy za anhliitsiamy* [Watching the English]. Lviv, Vydavnytstvo Staroho Leva Publ., 2018, 608 p.
12. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (accessed 05 March 2020).
13. Vorobiova, M.V., Bokovnia, K.Yu. *Frantsuzki varvaryzmy u suchasni brytanskii prozi spetsyfika perekladu rosiiskoiu movoiu (na materialii tvorchosti Dzh. Barnsa)* [French Barbarisms in Modern British Prose: the Peculiarities of Translation into the Russian Language (Case Study: Works by J. Barnes)]. *Nova filolohiia* [New Philology], 2017, no. 69, pp. 30-34.

Одержано 5.09.2019.

РЕЦЕНЗІЇ, ХРОНІКИ НАУКОВОГО ЖИТТЯ

УДК 82.0, 82-1/-9, 82-1/29, 821.161.1

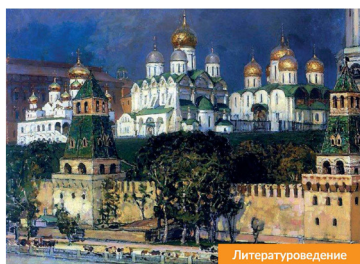
Э.Г. ШЕСТАКОВА,
доктор филологических наук
(г. Донецк)

«НО ОСТАЛИСЬ СТИХИ – ТОНКИЙ ПЕПЕЛ ПЕВУЧЕГО СЕРДЦА...» Рецензия на книгу: Daniel Andrzej Banasiak «Поэтический ансамбль “Русские боги” Даниила Андреева в аспекте интертекстуальности». – Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2019. – 293 с.

Daniel Andrzej Banasiak

«ПОЭТИЧЕСКИЙ АНСАМБЛЬ»
РУССКИЕ БОГИ ДАНИИЛА
АНДРЕЕВА В АСПЕКТЕ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Литературоведение
История и теория литературы

Чувства, подтолкнувшие написать рецензию на книгу г-на Banasiak, сложны по своей природе и обусловлены литературоведческими вопросами: в них изначально и неразрывно смешались удивление и опасения гуманитария.

Как только увидела обложку присланной книги, то по привычке зацепилась взглядом за фамилию – «Андреев» и подумала, что г-н Banasiak удачно выбрал писателя, с которым хочет вести диалог. Как бы там ни было, но филолог всегда и неизбежно попадает под влияние того материала, которым занимается, выбирает для исследования то, что ему близко, что с ним говорит: иначе невозможно профессиональное понимание и коммуникация. Филология – зачастую слишком личностная наука или, как справедливо утверждал М. Бахтин, «гуманитарные науки – это науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный)» [1, с. 304].

Зная по конференциальному общению, что г-н Banasiak – филологически образованный, милый и умный собеседник, занимающийся эссеистикой Ольги Седаковой, ему присущее то, что Ромен Гари назвал европейским воспитанием, настроилась на встречу с интересной интерпретацией русского модернизма рубежа XIX–XX вв. Затем мой взгляд скользнул по обложке дальше и уперся в название: «Русские боги». Тотчас пришло неожиданное понимание, что речь в книге пойдет о творчестве сына Леонида Андреева – Даниила и его произведении, жанр которого автором изначально определен и обоснован как поэтический ансамбль по аналогии с архитектурой. Сразу же наметились вопросы. Безусловно, ни к филологической культуре, тактичности, умению работать с текстами г-на Banasiak, в них для

меня нет сомнения, а к другому, что определяется литературоведческими проблемами, которые всё острее и очевиднее обнаруживаются в современной гуманитаристике.

Даниил Андреев – не только традиционно сложный и по своей личной судьбе, и перипетиям социальной жизни, и специфике творчества художник, ведь иных, пожалуй, в России и нет. Он – другой. Скорее всего, Д. Андреев – другой художник в том смысле, который в это понятие вкладывал его современник, литературовед, философ с не менее трудной судьбой М. Бахтин. В небольшой заметке, датируемой первой половиной 40-х гг., «[К вопросам самосознания и самооценки...]» М. Бахтин, как бы вскользь, в скобках апеллируя к словам Паскаля о специфическом неверии человека в свою смерть, размышляет о том, что такое границы я и свободы. Он пишет: «...я не могу *весь* войти в мир, а потому не могу и *весь* выйти (уйти) из него. Только мысль локализует меня целиком в бытии, но живой опыт не верит ей. Как разрешается этот конфликт между мыслью и живым опытом, между миром мысли, в котором я внутри, и миром вне меня, на касательной к которому я нахожусь. <...> Мое тело, мое лицо; какие чувства и оценки себя могут быть мною только узурпированы у других. <...> Мир *весь* передо мною, и другой целиком в нем. Для меня он – кругозор, для другого – окружение. <...> С “объективной” точки зрения существует человек, личность и т. п., но различие между я и другими относительно: все и каждый является я, все и каждый является другим» (курсив автора – Э.Ш.) [1, с. 242]. Напряженно-трагические, странные, не всегда понятные для окружающих, однако заполненные поиском высших морально-нравственных, духовных смыслов, взаимоотношения я и мира – это не только основная тема творчества Д. Андреева, но и способ, даже единственная возможность для него переживания жизни. Произведение Д. Андреева – это всегда предельно личностные попытки найти и представить уравновешенность мысли, которая локализует человека в бытии, и живого опыта; кругозора и окружения в их бахтинском толковании. Жена Д. Андреева так определила основу его творчества: «Сделать это трудно, потому что придется говорить о вещах недоказуемых. Те, для кого мир не исчерпывается видимым и осязаемым (в крайнем случае, логически доказуемым), для кого иная реальность – не меньшая реальность, чем окружающая материальная, поверят без доказательств. Если наш мир не единственный, а есть и другие, значит, между ними возможно взаимопроникновение – что же тут доказывать?» [2, с. 19]. Понимание, интерпретация произведений такого художника – дело не только сложное и ответственное, но и изначально предполагающее четкое определение исследовательской позиции и дистанции по отношению к их внутреннему миру.

Д. Андреев – и оголенное я творца, вынужденного жить, писать в эпоху социального катаклизма, и *другой* художник, *другой* мыслитель, который в первой половине XX в. в СССР позволяют (через стихи, философские трактаты, общественно значимые и бытовые поступки) проявиться русскому культурному самосознанию в некоем рафинированном состоянии. Д. Андреев – это не только автор одной из известнейших мифологических концепций, уходящих корнями в традиции Серебряного века, но и художник, живущий, творящий в пространстве, которое мало соприкасается с советской действительностью в том её виде, который доминировал в идеологии и литературе социалистического реализма. Более того, произведения Д. Андреева остросоциальные, несмотря на мифологическую, религиозную, порой откровенно мистическую природу многих их образов, трактовок истории, исторических личностей и ситуаций. Неразрывно переплетенные в едином тексте жизнь и творчество Д. Андреева – это один из примеров того, как, вследствие чего рождаются и разрешаются те конфликты между возможностью *войти, выйти* из мира, пребывать в нём, между особенностями позиций я и другого, о которых размышлял М. Бахтин. Д. Андреев – художник предельно обнаженного самосознания и честной самооценки, для которого важно показать процесс их зарождения, разворачивания. Другими по отношению к лирическому герою Д. Андреева на равноценных позициях могут быть и реальные исторические личности, и лирические герои русских поэтов, писателей. Поэтому не удивительно, что и жанр «Русских богов» он определил по аналогии с архитектурным ансамблем, когда значим и процесс постепенного строительства, и процесс восприятия готового творения, и процесс воссоздания-постижения его смысла через позицию смотрящего, его диалога с другими.

Д. Андреев – бесконечно русский художник, по своему мироощущению и мировоззрению укорененный прежде всего в толще ментальных, а затем фольклорных, культур-

но-исторических, общественно-идеологических, религиозных, повседневных смыслов, идей, образов. Чтобы понять движение мысли Д. Андреева, надо находиться с ним в одном мире, образовывать с ним ансамблевое единство я – другой, чтобы мочь узурпировать, в бахтинском понимании, у него идеи, чувства и оценки себя и для себя. В отношении Д. Андреева как нельзя точно подходит рассуждение М. Бахтина о том, что всегда «человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [1, с. 304].

Разумеется, что и литературоведческое исследование житнетворчества Д. Андреева – это тоже поступок, смысл которого осуществляется только на границе двух сознаний: мастера и ученого, их кругозоров и культур. Это уже серьезная гносеологическая, когнитивная, методологическая проблема филологической и шире – современной гуманитарной науки, которая порождает следующие вопросы.

Возможно ли, при каких условиях и с какой идеологической позиции профессиональное понимание, восприятие польским литературоведом текста житнетворчества Д. Андреева? Ведь слишком различающиеся миры у современного филолога, представляющего западноевропейскую культурную традицию, и Д. Андреева – русского человека, художника с трагической судьбой и слишком специфическим восприятием реальности и её отображением в тексте. В какой литературоведческой системе координат может удачно состояться исследование г-ном Banasiak интертекстуальности «Русских богов», если учесть, что такого рода анализ предполагает не только хорошее знание исследуемых художественных текстов, умение профессионально видеть и выделять в них чужие тексты, голоса, отзвуки, легкое эхо исторических, культурных, бытовых событий, ситуаций, намеков на них. Интертекстуальный анализ нацелен на понимание и непрерывный процесс диалога со сложным, семантически объемным многоголосием чужих текстов, сплетенных в единый целостный и стройный эстетический, мировоззренческий ансамбль, на максимальную погруженность в культуру, породившую и питающую художественное произведение. Интертекстуальность предполагает еще и хорошую ориентацию в повседневности, сформировавшей и художника, и его произведения; в традициях, движении, сломах этой повседневности, наполненной единством, сложным сплавом бытовых, социальных событий, «устных» историй. При интертекстуальном подходе изначально и неустранимо важным оказывается не столько видение, процесс вычленения чужого слова, следа, сколько ощущение и осознание того, почему именно это чужое слово, след оказались отысканными, припомненными и затем органично вплетенными художником в его текст и шире – внутренний мир произведения. Интертекстуальный анализ – это погружение в глубины *генетической памяти литературы* (С. Бочаров), когда за каждым сюжетно-мотивным комплексом, каждой литературной ситуацией стоит смысловой, эстетический повтор, присущий национальному словесно-культурному процессу, образующий и охраняющий его целостность. Провести интертекстуальный анализ – это во многом значит выявить и обосновать те начала, принципы, смыслы, образы, которые позволяют говорить и о «национальной топике», и «большом тексте» литературы (С. Бочаров). Интертекстуальный анализ – это неизбежно поиск ответов на вопросы: как, вследствие чего и вопреки чему встреча и диалог своего и чужого, забытого и припомненного, утраченного и обретенного, настойчиво требующего воспроизведения в виде самоповторов, существовавшего искони и пришедшего из иной культурной среды образовали естественное и эстетически целостное явление. В процессе такого рода поисков приходится прибегать и к методам компаративистики, и расширяя, и ограничивая предмет исследования, всё глубже и более детально проявляя его особенности. В конце концов, интертекстуальный подход – это всегда балансирование на тонкой и провокационной грани анализа и интерпретации в их разумении, разграничении, предложенных М. Гаспаровым.

Возможно ли профессионально ответственное интертекстуальное, а значит, и эстетическое, мировоззренческое осмысление «Русских богов» литературоведом, для которого родной является западноевропейская культура, да еще и насыщенная традициями, мировосприятием католицизма? Литературоведа, для которого русская ментальность и сформированные ею привычки, образность, традиции – чужие, воспринимаемые извне? Гуманитария, для которого память о величии России и уверенность в её мессианстве воспри-

нимається, не як осознание личностной причастности к этому геополитическому, культурному пространству, а как один из социальных мифов, традиционная идеологема, присутствующая почти всем народам и государствам? Человека, который не пережил, не прочувствовал отголосков перипетий гибели российской империи, катаклизмов становления и падения СССР, для которого сталинизм – социально-политический феномен соседнего государства, переставшего существовать более 30 лет тому назад, и который, в конце концов, прорыв к иному типу социальности и повседневности?

Безусловно, что г-н Banasiak, выбрав и такого художника, и такой аспект исследования, предпочел идти по сложному, трудному и повышенно ответственному литературоведческому пути. Прошел он его достойно с помощью нескольких основных и неуклонно соблюдаемых принципов.

Во-первых, г-н Banasiak изначально занял позицию традиционного литературоведа, которому присущи критический настрой, аналитический подход, умение анализировать научную литературу и принципы ведения профессионального диалога. Для него важно сразу четко определить и обосновать тот понятийно-категориальный аппарат, основные теории интертекстуальности, которые будут работать в течение всего исследования на основную концепцию и не позволят распасться книге на «собранье пёстрых глав». Понимая, что современное литературоведение выработало множество подходов, взглядов на одно явление, понятие, г-н Banasiak стремится показать и знание ведущих концепций, и аргументировать выбор своей литературоведческой точки зрения. Этому посвящено логически убедительно структурированное и информационно плотное «Введение». Оно – добротный базис всего последующего исследования. Его интересно читать не только потому, что автору удалось стройно, доказательно систематизировать современные подходы, методы, концепции интертекстуальности, показать знание и русского, и польского корпуса научных текстов, но и потому, что получилось эту весьма объёмную библиографию упорядочить легко и понятно. Г-н Banasiak цитирует в основном то, что отвечает его литературоведческим убеждениям, на чем необходимо сфокусировать внимание читателя, что потом будет проявляться при анализе поэтического материала, а информацию о массе полезных, дополнительных, уточняющих, конкретизирующих источников дает в виде ссылок. Естественно, что за этим стоит упорный труд и умение группировать, классифицировать внушительный и зачастую, на первый взгляд, разнохарактерный научный материал. Это же касается и разделов «Введения», посвященных обоснованию выбора темы и теоретико-методологической основы исследования.

Такая четкость, последовательность и убедительность определяются жестким и вызывающим уважение самоограничением: г-н Banasiak не позволяет себе отвлечений, излишних рассуждений по поводу одной концепции, подхода в противовес другим. Уравновешенность и пропорциональность – это одна из основных характеристик профессиональной позиции г-на Banasiak. Это позволяет ему изначально создать и задать ту теоретико-литературоведческую перспективу и дистанцию, которые впоследствии дадут возможность не «утонуть», не разменяться на частности и не застрять в деталях в трудном с точки зрения смыслового напряжения, композиции и образно, идеологически, эстетически объёмном, порой подобном лабиринту поэтическом ансамбле «Русских богов».

Во-вторых, г-н Banasiak, понимая и специфичность жизни, творчества Д. Андреева, и плотную идейно-образную насыщенность «Русских богов» (яркой иллюстрации идеи «эхо-камеры» Р. Барта), и особенность своей позиции по отношению к предельно русскому художнику и произведению, во «Введении» сформулировал одну из целей исследования с опорой на французский постструктурализм. В присущей ему четко-лаконичной манере он так обосновывает и цель, и методологическую базу исследования: «типологизировать интертекстуальные отношения, согласно методологии Женетта (паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, послесловию, эпиграфу и т. д.; метатекстуальность как комментирующая и/или критическая ссылка на свой предтекст; архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов)» [3, с. 25]. Таким образом увиденная цель представляется весьма удачной находкой, позволившей избежать, казалось бы, неминуемого и провокационного углубления в русскую мифологию, философичность, необходимость развернутого обращения к трудам В. Соловьева, Н. Федорова, Вяч. Иванова и отвлечения на ин-

терпретацию, пояснения их взглядов, концепций, цитат из их работ. Это бы и расширило, и обозначило больше философских, этических, религиозных, социально-культурных, поэтических смыслов, выходов для интерпретации, но одновременно и разрушило бы литературоведческую стройность и последовательность работы г-на Banasiak. Он видит и обозначает эти выходы, философско-культурные истоки «Русских богов» в целом, и в отдельных произведениях, но не позволяет себе увести анализ в какое-либо интересное, перспективное, но частное наблюдение. Для польского коллеги важнее иное: цельный, системный анализ поэтического ансамбля Д. Андреева. Такому подходу способствует выбранный литературоведческий язык.

Г-н Banasiak, зная идеи, традиции советско-русского литературоведения, включая работы и последних лет, не стал опираться только на них как на то, что, казалось бы, естественно должно доминировать при разговоре о творчестве Д. Андреева. То, что он изначально предопределил цели и позицию французской филологической традицией, а не стал замыкаться советско-российским литературоведением с характерной для него философско-культурной доминантой, дало польскому коллеге определенного рода преимущество. Так, г-н Banasiak смог и привлечь к анализу, интерпретации концепции русских поэтов, философов Серебряного века, и труды по истории, мифологии, но при этом удержаться в границах филологической науки. Более того, это вполне убедительно продемонстрировало, что произведения даже такого крайне специфического художника, как Д. Андреев, успешно «отзываются» на неклассические литературоведческие подходы. Язык структурализма и особенно постструктурализма, которым целенаправленно и удачно пользуется г-н Banasiak, привел к значимому, с литературоведческой точки зрения, выводу. В нём естественным, продуктивным и, главное, перспективным образом совмещаются разнородные ипостаси поэтического ансамбля «Русских богов»: «Его координаты не только подобны существующим в реальном мире, но также “мыслимы в границах человеческой культуры” и в оригинальных философско-мистических творениях самого автора» [3, с. 38]. Польскому коллеге удалось уловить и продемонстрировать через возможности интертекстуального подхода поэтическую сущность «Русских богов»: за мифологической, мистической образностью прослеживается естественная и непрерывная художественно-литературная традиция, включающая и поэзию Д. Андреева. Г-н Banasiak, через цитаты, выявленные реминисценции, аллюзии, включает «Русских богов» в поэтический ряд, заданный лирикой А. Фета, В. Соловьева, Андрея Белого, А. Блока с присущей им культурой и масштабом осмысления общественно-исторических событий, явлений. Такая специфическая черта «Русских богов» определяется точной характеристикой: мифо-поэтический мир, для которого свойственно постоянное сочетание реального и ирреального.

Примечательно и то, что, используя преимущественно литературоведческие подходы, приемы, язык структурализма и постструктурализма, польский коллега, с одной стороны, не ограничился хотя и скрупулезным, но всё же тривиальным подсчетам семантики названий и жанров произведений «Русских богов», обосновывая паратекстуальность заглавий «поэтического ансамбля». С другой стороны, и не пришел к банальному выводу о том, что «Русские боги» – это одна из предтеч русского постмодернизма. Хотя композиция, образность, принципы, логика соединения различных частей поэтического ансамбля, позиция автора, различные ипостаси лирического героя, казалось бы, настойчиво подталкивали к такой идее. Однако г-н Banasiak на протяжении всего исследования придерживается, и как представляется, вполне справедливого в отношении творчества Д. Андреева мнения: «Прежде, чем мы приступим к описанию картины художественного мира Андреева, считаем необходимым отметить воздействие на поэта культуры Серебряного века в целом и русского символизма в частности. Поэзия символизма в ее творческих интенциях, на наш взгляд, становится неким глобальным “текстовым объектом”, повлиявшим на создание общей атмосферы андреевского текста» [3, с. 38]. Это польскому коллеге позволило не только сосредоточиться на поэзии, философии, мифологии Серебряного века, но и под его ценностным углом зрения правомерным литературоведческим путём выйти на «большой текст», «национальную топику» (С. Бочаров) русской словесности, включая и художественные тексты XIX в., и знаковую «Историю государства Российского» Н. Карамзина.

Такого рода приоритет литературоведческих принципов, подходов с последовательным фокусированием внимания и на жанровых, и формально-содержательных, и функциональных, и структурных основах поэтического ансамбля «Русские боги» дал интересный и перспективный результат. Прежде всего, это умение удержаться в литературоведческой системе координат, даже ведя речь о наиболее религиозно-мифологических, мистических аспектах мировидения Д. Андреева и особенностях их воплощения в художественном тексте. Г-н Banasiak точно характеризует его как поэта-«мифотворца», акцентируя при этом внимание на оригинальности созданной им концепции мира: «Будучи поэтической в своей основе, она включает в себя как мифические представления об устройстве мира, его происхождении и развитии, так и антропологические» [3, с. 48]. Активно и уместно привлекая к анализу, интерпретации и в целом «Русских богов», и почти каждого произведения этого поэтического ансамбля источники по мифологии, истории, культуре, философии, музыке, архитектуре, г-н Banasiak не позволяет себе увлечься развёрнутыми философско-культурологическими экскурсами или же толкованиями. Для него важен любой источник как возможность и средство для прояснения поэтической сущности художественного произведения с литературоведческой позиции. Комментируя текст Д. Андреева, давая развернутые пояснительные цитаты, отсылая к работам по истории, теории культуры, мифологии, истории, г-н Banasiak все усилия концентрирует на том, чтобы показать собственно поэтическую сущность «Русских богов», истоки их образов, возможности и функции интертекстуальности как основы внутреннего мира именно традиционного художественного произведения.

Однако при всей нацеленности на язык структурализма и постструктурализма г-н Banasiak убедительно демонстрирует важность и традиционного историко-литературного метода. Без знаний и постоянных отсылок к истории русской литературы, начиная с фольклора и древнерусских летописей, заканчивая романами Ф. Достоевского и поэтами Серебряного века, рассматриваемых с позиции историко-литературной эволюции, – невозможно понять и поэтическую сущность, и художественно-литературные традиции, подготовившие и отразившиеся в «Русских богах». Это один из лейтмотивов книги г-на Banasiak, с которым трудно не согласиться. При этом историко-литературный метод применяется не для того, чтобы тривиальным образом трактовать литературный процесс как отражение социально-исторических, культурно-политических катаклизмов и событий, а как возможность обозначить самостоятельность и специфику движения художественно-литературного процесса. Это позволяет избежать вульгарности и тривиальности при трактовке, например, важнейших исторических событий и ситуаций эпох Ивана Грозного, Смутного времени, крестьянских бунтов, сталинских времен, Ленинградской блокады в поэтическом ансамбле Д. Андреева. История и её художественно-литературное отображение взаимосвязаны не напрямую, а через сложную призму и индивидуально-авторского (андреевского), и важного для него коллективного национального мифа, созданного одновременно и русскими поэтами, писателями, и историками. Эта призма существует благодаря многоголосию, которое и анализирует г-н Banasiak, ответственно обращаясь со сложными и крайне неоднозначными историческими событиями, фактами, личностями, а также их трактовками с различных историко-идеологических позиций.

Анализируя жанровые особенности «Русских богов» в разделе «Архитекстуальность: жанровые отношения в “поэтическом ансамбле”», польский коллега удачно пошел вслед за логикой выстраивания ансамбля самим Д. Андреевым, что характерно не только для этого раздела, но и всей книги. Это позволило ему не запутаться (и не запутать читателя) в тонкостях и перипетиях идей, мотивов, образов художника, не утратить внутренней последовательности развития столь объёмного мифологически, исторически и идейно-смыслового целого. Г-н Banasiak сумел уловить и передать сущность «Русских богов» именно как поэтического ансамбля, о чем особо переживал и заботился Д. Андреев. Мне кажется, что это стало возможным именно благодаря принципам уравновешенности, самоограничения, умению вычленивать и не отпускать лейтмотив в диалоге с текстом и превалирования структуральных подходов, которые избрал г-н Banasiak. В результате этого книга г-на Banasiak – это тоже своего рода ансамбль, но уже не поэтический, а научный. Но при этом, как и для андреевских «Русских богов», неизменной остаётся важность одного из принципов архитектуры: «...архитектура есть, с одной стороны, самое материальное, самое вещественное и, с дру-

гой, самое абстрактное искусство. <...> архитектор читает план не в двух, а в трех измерениях, и что ещё важнее – он воспринимает план не снизу вверх, как это свойственно профану, а сверху вниз. Это восприятие пространства сверху вниз и составляет один из самых неопровержимых и самых глубоких признаков архитектурного творчества» [4, с. 352, 360], который охарактеризовал еще один современник Д. Андреева – Ю. Виппер в работе 40–60-х гг. XX в. По законам архитектурного творчества в целом, как и каждая его часть в отдельности, построен поэтический ансамбль «Русские боги». Д. Андреев, выстраивая в видимом другом мире образ макрокосма, движется от небес, святых камней, демиургов, праведников через земные, вполне реальные города, соборы, леса, дома, комнаты, ситуации, людей к темным глубинам, демонам и заключительному аккорду – «Солнечной симфонии». Аналогично поступил и г-н Banasiak: он движется от литературоведческого видения принципов интертекстуальности через общую, системную историко-культурную, поэтическую характеристику «Русских богов» к литературоведческому анализу, толкованию отдельных глав, мотивов. В итоге поэтический и научный ансамбль получились коррелирующими.

В-третьих, для польского коллеги неизменно определяющим является художественный текст, слово Д. Андреева. Иногда может показаться, что г-н Banasiak даёт чрезмерно много цитат из «Русских богов». Однако, учитывая, с одной стороны, основного адресата книги (польскую научную аудиторию), с другой стороны, то, что философский трактат «Роза мира», поэтическое творчество, как и само имя Д. Андреева относительно недавно вошли в круг широких интересов гуманитариев, а с третьей – семантическую, идейную насыщенность и сложность андреевских стихов, такого рода сомнения уходят на маргиналии. Г-н Banasiak, как представляется, поступил вполне продуманно, насыщая книгу строками Д. Андреева, давая возможность читателю не только увидеть мастерство интерпретации, но и услышать само поэтическое слово, оставить больше возможностей для толкования тем, кто захочет вступить в диалог. С уверенностью можно утверждать, что, прибегая к такому приему, г-н Banasiak понял, насколько для андреевского мироощущения значима самостоятельность слова художника. Не случайно, Д. Андреев, обращаясь в поэтическом диалоге к А. Блоку, так передает ощущение его подлинной сущности и значимости: «Но остались стихи – тонкий пепел певучего сердца...». Пожалуй, это в полной мере можно отнести и к книге польского коллеги: г-н Banasiak сумел уловить и передать в литературоведческом анализе с позиции интертекстуальности «тонкий пепел певучего сердца» Д. Андреева.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
2. Андреев Д.Л. Собрание сочинений: в 3 т. / Д.Л. Андреев; сост. А.А. Андреева. – М.: Московский рабочий; Фирма Алеся, 1993. – Т. 1: Русские боги: Поэтический ансамбль. – 463 с.
3. Banasiak D.A. Поэтический ансамбль «Русские боги» Даниила Андреева в аспекте интертекстуальности / D.A. Banasiak. – Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2019. – 293 с.
4. Виппер Б.Р. Статьи об искусстве / Б.Р. Виппер. – М.: Искусство, 1970. – 592 с.

References

1. Bakhtin, M. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk*. [Author and hero. To the philosophical foundations of the humanities]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 336 p.
2. Andreev, D.L. (1993) *Sobranie sochinenij: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vol.]. Moscow, Moskovskiy rabochiy; Firma Alesya Publ., 1993, vol. 1, 463 p.
3. Banasiak, D.A. *Pojeticheskij ansambl' «Russkie bogi» Daniila Andreeva v aspekte intertekstual'nosti* [The poetic ensemble “Russian Gods” by Daniel Andreev in the aspect of intertextuality]. Lodz, University of Lodz Publ., 2019, 293 p.
4. Whipper, B.R. *Stat'i ob iskusstve* [Articles about Art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1970, 592 p.

Одержано 21.11.2019.

IN MEMORIAM

ПАМ'ЯТИ ВАЛЕНТИНИ ДАНИЛОВНЫ НАРИВСКОЙ (1946–2020)

3 червня 2020 року пішла з життя Валентина Данилівна Нарівська – доктор філологічних наук, професор, відомий вчений у філологічних колах не лише в Україні, а й за її межами. Те, наскільки значущою була ця людина для багатьох, свідчить миттєва реакція на сумну новину про її смерть, відгуки співчуття, які находили майже з усіх куточків України, з Росії, Білорусі, Польщі, зворушливий некролог Наєнка Михайла Кузьмовича, який надійшов наступного дня до Дніпровського університету. Як і за життя, згуртованою командою предстали у ці дні всі ті, кому Валентина Данилівна відкрила шлях до наукових обривів – її учні-аспіранти, вже кандидати і доктори наук.

Усе життя Валентини пройшло у стінах Дніпровського (Дніпропетровського) університету, в якому вона з характерною для неї наполегливістю долала різні щаблі своєї майбутньої викладацької та наукової діяльності: від студентки до доктора філологічних наук, від лаборанта до завідувачки кафедри. Останні роки Валентина Данилівна працювала

професором кафедри зарубіжної літератури, ніякою мірою не випадаючи з контексту навчальних та наукових завдань. Навпаки, компаративні студії, якими Валентина Данилівна була завжди зацікавлена, були в цьому контексті дуже гармонійними і плідними як для тем студентських та аспірантських наукових розвідок, так і для фундаментальних і спеціальних курсів з історії літератури. Ці теми завжди відрізнялися оригінальним поворотом дослідницького мислення, новизною сприйняття вже відомого матеріалу, введенням до наукового обігу того, що невідомо або того, що залишається на маргінесі наукових пошуків.

Професійність та ерудиція були тими ознаками Валентини Данилівни, що відзначали всі, як би хто до неї не ставився – з ніжністю й дружньою участю чи із зовсім іншими, протилежними почуттями. Були і такі. Але для всіх тих, хто з нею спілкувався й співпрацював, Валентина Данилівна залишається частиною життя, яскравим й незабутнім кольором на палітрі життєвого досвіду. Вона завжди була у центрі подій, яким надавала дотепну, лаконічну оцінку. Не випадково друзі про себе звали Валентину Данилівну «мадам Жванецька», поцінюючи цю дотепну філософську мудрість її висловлювань. Їх виток, безумовно, у тих народних, національних джерелах, які жили світосприйняття і світовідчуття професора Нарівської. І, мабуть, тому головним об'єктом її наукових досліджень були проблеми національного характеру. Вона сама втілювала цей національний характер – з жартами-примовками, з вибухом гніву, з трепетною ніжністю, вихлюпуючи свої почуття з дитячою щирістю. Вона вийшла з народних джерел і повернулася туди, побажавши бути похованою там, де і народилася – на Павлоградщині.

До останнього дня Валентина Данилівна тримала руку на пульсі того, що відбувалося на кафедрі, в університеті, науці. Кожного разу колеги відчували хвилювання, коли йшли відвідувати Валентину Данилівну, яка мужньо боролася з тяжкою хворобою, що знерухомила її. Боролася з тією мужністю, з якою, мабуть, її батько, двічі орденоносець Нарівський Данила Фе-

дорович, мічман, малоземелець, боровся за визволення Севастополя, Праги, Будапешта, добувши на полях битви до самого кінця війни. Але через хвилину після зустрічі Валентини Данилівни у неї вдома, всі забували про її фізичний стан, розпочинаючи розмову про усе на світі, про університетські справи, про наукові проблеми і про життя взагалі, з приводу чого наша «мадам Жванецька», знову ж, іскрилася своїми дотепностями, мов би підбадьорюючи того, хто був з нею поруч, не залишаючи відвідувачу ані секунди на співчутливий погляд чи слово.

Такою вона і залишиться в нашій пам'яті, а рідна земля, безумовно, буде для неї пухом.

*Тетяна Миколаївна Потніцева,
доктор філологічних наук,
професор кафедри зарубіжної літератури
Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара*

ТАКАЯ ЖИВАЯ И НАСТОЯЩАЯ...

В уход Валентины Даниловны Наривской, дорогой Валечки, до сих пор не верится. Ее образ никак не вяжется ни со смертью, ни даже с болезнью, хотя последние годы она мужественно боролась с ней – и преодолевала. И казалось, это будет всегда.

Долгие годы мы с Валею дружили, хотя это было чуть позже студенческих лет – в аспирантуре, докторантуре, в годы преподавания на филологическом факультете ДГУ (ныне – ДНУ) и с 93 года вплоть до ее ухода в годы, когда я стала работать в МГУ. За плечами – участие в различных конференциях Украины и России, несколько совместных работ и гораздо больше – совместных обсуждений прочитанного – и в художественной, и в специальной литературе, и просто – разговоров о жизни, о друзьях, о близких. Добрая, внимательная, остроумная Валентина была необычайно интересным собеседником, верным другом, от нее всегда можно было получить помощь в профессиональных и житейских делах. Никогда не забуду, как она поддержала меня во время кончины моей матери, никогда не утихнет боль от того, что меня не было рядом с ней, когда прощалась с жизнью она – пусть даже это произошло совсем не по моей вине, а по обстоятельствам высшей силы.

Широта эрудиции и огромный интерес В.Д. Наривской к разным явлениям культуры, к философии, живописи, музыке, к украинской, русской, французской, английской, немецкой, испанской и другим литературам обусловил в значительной мере то, что она стала прекрасным специалистом по компаративистике. Ее пытливые внимание к новым исследованиям, переводам зарубежных книг, публикации ранее неизданного реализовались и в ее научных статьях, нередко обращающихся к совсем неизученным или очень мало изученным феноменам, к спорным проблемам, и в интереснейших темах, которые она давала для изучения своим аспирантам, и, наконец, в том, что не только Днепр, но, кажется, вся Украина знала, что у Валентины Даниловны можно найти самые свежие публикации по литературоведению, философии, истории, культурологии, каких еще нет, а, быть может, и вовсе не будет даже в киевских библиотеках. И они не просто куплены и привезены ею из разных уголков Украины, России, Беларуси, Польши (о, эти всегда нагруженные сумки с книгами, поражающие воображение проводников поезда «Дніпро!»), но прочитаны и осмыслены, участвуют в рефлексии ученого, способствуют рождению порой абсолютно новых, но всегда убедительных концепций.

Валентина Даниловна щедро делилась своими идеями и была внимательна к мнениям, гипотезам, наблюдениям других коллег. Она открыла для меня, в частности, интереснейший роман друга Виктора Некрасова, харьковского писателя Гелия Снегирева, написала о нем статью, которая до сих пор является единственным серьезным научным анализом этого произведения. Единственной и не менее серьезной научной работой доныне является другая статья В.Д. Наривской – о романе, получившем престижные литературные премии – «Краткая история тракторов по-украински» М. Левицкой. В круг ее научных интересов входили Котляревский и Пушкин, Шукшин и Довженко, Кальдерон и

Йогансен, Антуан-Франсуа Прево и Всеволод Петров, Валентин Распутин и Мария Башкирцева, Ярослав Галан и Иван Шмелев и т. д. – все перечислить трудно. И все ее работы носили отпечаток ее незаурядной личности.

С уходом Валентины Даниловны Наривской ее друзья, коллеги, ученики понесли невосполнимую утрату. И фраза «светлая память...» по отношению к ней отнюдь не носит дежурного характера. Она была светлым человеком, а значит, память о ней будет светлой – и вечной...

*Наталья Тиграновна Пахсарьян,
доктор филологических наук,
профессор кафедры истории зарубежной литературы
филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН*

ВАЛЮШЕ НАРИВСКОЙ

Когда уходят лучшие друзья, то солнце перестает ярко светить, птицы петь, цветы радовать. И есть только одно – боль утраты и горечь потери.

Веселый и остроумный человек, заботливая мама, такая, что и коня на скаку, и в горячую избу...

С ней было тепло и уютно. Ее шутки и задорный смех, ее остроумные и колкие ремарки. Валя. Валюша, Валентина Даниловна. Искренняя. Порой жесткая и резкая, непримиримая к фальши и лжи. Ты всегда была очень верным и преданным другом. Настоящим.

Я не стану подчеркивать научные достижения Вали. Пусть о них говорят ее ученики и коллеги. Я ее знаю, прежде всего, как прекрасную подругу, которая ценила и любила мою сестру, меня, всех наших родных и близких. Я буду всегда помнить ее как добрую, веселую, готовую прийти на помощь и поддержать.

Ты рано ушла, Валечка. Я надену подаренную тобой шаль. Я посмотрю в небо и скажу: я никогда не забуду. Спасибо, что ты была.

*Галина Тиграновна Безкоровая
кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Иностранные языки»
Московского политехнического университета,
высшей школы печати и медиаиндустрии*

ГОРИЛА СОСНА...

Уходят люди моей генерации. Большие ученые, литературоведы от Бога. Мои друзья, мои соратники. Старшая современница, человек необыкновенной душевности Амина Газизова... Философ по натуре, саркастический юморист Толя Нямцу... Вот теперь Валентина Наривская.

Мы, живя в разных городах и республиках тогдашнего Союза, были большой и дружной когортой ученых-филологов образца 1980-х. Открывали новые темы, когда еще не все было дозволено. Исследовали творчество авторов, которые не вписывались в Систему. Становились докторами в 40 с небольшим, когда средний возраст профессора-литературоведа был за 60. Не было в нас осторожности и страха перед необъятным пространством литературного (и не только) мира. Мы были сообществом тех, кто дерзнул поднимать неудобные проблемы литературоведения. И не было между нами ни соперничества, ибо ощущали свое призвание как общее служение науке, ни зависти, ибо верили, что успех каждого зависит от всех нас. И также искренне верили, что время не властно над нами. Но мы ошибались.

И вот ушла Валентина Даниловна... Валя... И горько, что последние годы мы так редко общались. Я боялась звонить после нескольких не ответвленных попыток, а может, надо было быть настойчивей...

Первая встреча с Валентиной Даниловной была давным-давно, в прошлом веке. Сейчас даже не вспомню, на какой из конференций я, увидев статную темноволосую женщину, подумала: «Какая колоритная казачка». Почему-то именно такой мне виделась шолоховская Аксинья.

От той первой встречи осталось ощущение, что с этим человеком не страшно ни в какой переделке. В ней чувствовалась внутренняя сила, уверенность в себе. И готовность помочь каждому, кому помощь потребуется. Я не ошиблась в своем первом впечатлении. Человек широкой души, Валентина Даниловна щедро делилась своими знаниями и опытом со студентами и аспирантами, вырастив целую плеяду кандидатов филологических наук, создав школу молодых ученых, опекая их и окружая почти семейным теплом и заботой.

Для своих учеников она была почти мамой. Для меня – мудрой подругой, чьи советы помогали плыть в житейском море. Она была замечательным собеседником, умеющим слушать и слышать. Немало алуштинских вечеров мы провели в разговорах обо всем на свете: о выслушанных докладах, о перспективах Шмелевских чтений, о подвижницеской работе в музее И. Шмелева Валерия и Людмила Цыганников, о судьбах наших приятелей, о наших детях. И чувствовалось в ее вопросах о моей семье, о здоровье родителей не любопытство, а искренняя заинтересованность в том, чтобы все было хорошо.

Наша дружба завязалась на конференции, которую проводил Володя Хазан в тогда еще мирном и гостеприимном Грозном. Окончание конференции мы отмечали в каком-то замечательно красивом горном месте, где за огромным столом, уставленным арбузами, дынями, виноградом, мы продолжали наши научные дискуссии. Оказалось, что Валентина Даниловна не только глубокий ученый, но и веселый человек. Ее чувство юмора, а особенно украинские песни, которыми она, голосистая, как большинство украинок, заставляла заслушаться, делали ее центром внимания. Как веселы и как беспечны мы были! Сколько солнца, тепла излучала чеченская земля! А через год мы с Валею с болью следили за событиями в Чечне, переживали за грозненских друзей, старались узнать об их судьбе, если понадобится – помочь им.

Мы перезванивались, знали о семейных делах друг друга, встречались на конференциях. Каждая встреча была драгоценна, оставляла ощущение радости. И после каждой оставались подарки-памятки: то колечко, то расписанная в украинском стиле тарелка, то вышиванка, то мягкая обволакивающая шаль. С грустью смотрю на них, несущих в себе частички Валиной душевной теплоты.

Память не непрерывная лента. Она высвечивает эпизоды, сценки, фрагменты нашей общей жизни-встречи. И почему-то не в хронологическом порядке, а бессознательно выдвигая на первый план наиболее яркое.

Минск. Начало 1990-х. На филологическом факультете Белорусского государственного университета, где я тогда работала, проходит конференция. А после всех подготавливающих торжеств – встреча узкого круга близких по духу людей в моей небольшой квартире на ул. Веры Хоружей. Наши литературные посиделки, где бы то ни было, всегда сопровождались песнями. Каждый исполнял песню своего народа на родном языке. Я и сейчас слышу прекрасный по своей глубине голос Вали, когда она вместе с моим старшим сыном – студентом-первокурсником юрфака пела украинскую «Горіла сосна, палала», а шестилетний младший, распахнув свои большие глаза, как зачарованный смотрел на тетю Валею. Сегодня, когда я сообщила об уходе Валентины Даниловны, он сказал: «Сгорела, как та сосна». Вот ведь какая сила воздействия была, что и через 30 лет уже взрослый мужчина помнит нерасторжимую связь песни и образа певуны. Не певицы, а именно певуны.

Почему-то прежде всего вспоминаются не ее всегда научно выверенные, аргументированные выступления на конференциях, а пение, голос. Помню, после конференции по славянским литературам Антонина Шелемова, тогда еще доцент филфака Белорусского университета, пригласила некоторых участников к себе на белорусское блюдо – картофельные пирожки, и там состоялось своеобразное певческое соревнование между Ва-

лей и московским тургенеvedом Ириной Величкиной (тоже уже ушедшей), когда звучали то «Конфетки, бараночки», то «Несе Галя воду», а потом общее «Дивлюсь я на небо тай думку гадаю».

Валя умела видеть небо, не отрываясь от земли. Как сосна из песни, она горела, пала. Сосна, сгорая, согревает людей и искрами улетает в глубокое и далекое небо. И пусть Валиной душе будет в этом небе тихо и спокойно.

*Галина Львовна Нефагина,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой русской филологии
Поморской академии (Польша)*

ОНА БЫЛА СЧАСТЛИВА САМОЙ ВОЗМОЖНОСТЬЮ ПОДЕЛИТЬСЯ...

Двадцать пять лет назад Валентина Даниловна Наривская стала моим научным руководителем, почти сразу я оказалась в кругу ее постоянного общения. Сегодня эта четверть века кажется целой жизнью со своими вехами и поворотами.

Думаю, все ее аспиранты, докторанты, выпускники могут подтвердить, что она была больше, чем научный руководитель. Скорее – старший товарищ, Учитель, для которого важны не только отчеты и соблюдение сроков сдачи очередной главы. Наши и свои собственные работы она иронично называла «бессмертными трудами», без всякой иронии, но увлеченно обсуждая ученические наблюдения и делаясь собственными идеями – на равных. А мы охотно рассказывали ей о рутинных заботах, связанных с профессиональной деятельностью, семьей, увлечениями, рассчитывая на поддержку, а то и помощь. Валентина Даниловна приветствовала и отмечала любые достижения подопечных (даже, когда они выходили из этого статуса формально): ее радовали новости о публикациях и докладах, о замужествах и женитьбах, о новом месте работы... Она всегда помнила дату дня рождения каждого из нас и всегда очень тепло поздравляла именинника одной из первых.

Ее ученикам было довольно просто обратиться к ней за советом (в том числе вполне житейским) и легко получить приглашение в гости. Если возникал требующий разрешения вопрос, он не откладывался в долгий ящик, не растворялся в потоке профессорской занятости, поэтому меня всегда удивляло, как она находит силы и время так активно общаться с большим количеством людей и находить это общение важным, безотлагательным.

Личная библиотека Валентины Даниловны долгие годы служила многим, поскольку даже редкими и новейшими изданиями она легко делилась и никогда их не прятала, высоко ценя знание и считая его общим достоянием. Начитанностью и памятью Валентина Даниловна обладала феноменальными, поэтому ее рекомендации к чтению всегда были максимально точными и уместными, вплоть до указания страницы для поиска нужной цитаты. Она была счастлива самой возможностью поделиться: угощением, книгой, идеей. И я благодарна судьбе за то, что мой научный руководитель стал для меня и других близким человеком, о котором думаешь и вспоминаешь без специального повода.

*Яна Викторовна Галкина,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и перевода
Университета имени Альфреда Нобеля (г. Днепро)*

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНЫ ДАНИЛОВНЫ НАРИВСКОЙ

Встреча с Валентиной Даниловной была случайной и в то же время судьбоносной, поскольку изменила мою жизнь. Познакомились мы в 2011 году в стенах больничной палаты – моя бабушка проходила курс лечения и в силу обстоятельств соседкой оказа-

лась Валентина Даниловна. С первых слов у меня возникло ощущение, что мы знакомы вечно, и что Профессор всегда была в моей жизни. Я зачарованно слушала красивую речь Ученого, внимая каждому слову и ощущая невероятную внутреннюю силу и волю сидящей передо мной женщины, ее глаза светились добротой, глубокой мудростью и в то же время теплотой и спокойствием. Этот взгляд и сейчас передо мной.

Валентина Даниловна открыла для меня дверь в храм науки и стала тем мудрым и терпеливым наставником, которого мне так не хватало. Школа профессора Наривской – это сочетание классики и новаций, органическое соединение традиционных и современных подходов в литературоведении, неординарное сочетание стандартов восприятия и новых веяний в науке, это всегда на шаг впереди, это бренд. И я безгранично благодарна за возможность стать частью этого движения вперед.

А еще это дружная, сплоченная и многогранная научная семья, где поддержка, совет, искренность, сопереживание и радость успеха – незыблемые устои. В доме у Валентины Даниловны всегда приветливо и радушно встречают дорогих гостей, и нет ничего душевнее, чем чашечка восхитительного ароматного кофе в кругу ее семьи и беседы обо всем: от современных подходов к изучению детективного жанра до захватывающих дух жизненных историй, которыми щедро делилась Профессор.

Я очень скучаю... Мне не хватает общения с Валентиной Даниловной, а рука все еще тянется к телефону, чтобы набрать ее номер... Но я все равно ощущаю присутствие дорогого мне человека. Она навсегда в моем сердце, в моей памяти, в моей душе.

*Дарья Александровна Голубь,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и перевода
Университета имени Альфреда Нобеля (г. Днепро)*

МОЯ ДАНИЛОВНА

Не верится и неосознается. Она была из тех людей, с образом которых слово «небытие» соотносится плохо, поскольку всем существом она излучала радость жизни. Встреча с ней изменяла твоё существование, наполняла его смыслом и, конечно, оставляла след.

Валентина Даниловна Наривская была моим учителем еще со студенческой скамьи. Но судьбоносная для меня встреча с ней произошла в 2002 г. по дороге в университетскую библиотеку. Прошло 4 года с тех пор, как я защитила кандидатскую.

– Хватит собак гонять, – сказала мне Даниловна. – Пора писать докторскую. Приходи, будем учиться на ученого.

Это выражение прочно вошло в мой словесный обиход. Я слышала его и всякий раз, когда от нее уходила с ворохом записей после консультаций: «Иди, Аня, учись на ученого», и частенько в ответ, когда интересовалась, чем она занята: «Учусь на ученого». В этой фразе была вся суть Наривской – учиться постоянно, непрерывно, охватывать все новые и новые горизонты, досконально знать новейшие методологии исследования и обязательно – познанным делиться.

И началась наша с ней научная жизнь. Началась эра конференций. Это действительно была эра. Даниловна «вывозила меня в свет» и потихоньку вводила в мир науки. Ее научный мир был огромным географически – Украина, Россия, Белоруссия, Польша, Словакия, Германия, Франция – и содержательно. Он включал ученых разных специальностей и научных интересов. Но всех этих людей объединяло одно – умение служить науке в самом высоком смысле этого слова. Благодаря Даниловне я узнала этот мир и этих людей. Я не буду их здесь перечислять – их очень много. Скажу лишь, что я очень благодарна Даниловне за то, что она меня им представила, а этим Ученым – за то, сформировали меня как доктора наук и стали частью моей жизни. Я училась у них писать и училась у них служить. И до сих пор учусь, конечно же, больше всего – у Даниловны.

Алушта, 2004. Моя первая совместная поездка с Даниловной и первые для меня «Шмелевские чтения». Я с интересом слушаю ее рассказ о том, как создавалась эта кон-

ференция, как создавался открытый в 1993 г. музей И.С. Шмелева. Слушаю о директоре музея – инициаторе конференции, о том, как в 90-е, когда рушилось все, он созидал, вопреки всему стараясь сохранить и приумножить культурное наследие. Даниловна много лет была его верной соратницей. Ее стараниями изначально локальная конференция охватила практически всю Украину, Шмелев стал известен и изучаем у нас в контексте и украинской литературы, и литературы эмиграции. Сейчас эта конференция объединяет ученых из Франции, Украины, России, Польши, Беларуси, Канады, Македонии, Норвегии, Хорватии, Словакии. Много лет Даниловна была ее неизменным соорганизатором, принимала деятельное участие в разработке программ, непосредственной ее подготовке, много усилий приложила для того, чтобы конференция стала обязательным ежегодным мероприятием и очень скоро – международным. В этой ее неутомимой деятельности ощущалось стремление объединить научную мысль посредством ученых из разных стран, создать научную школу для молодых исследователей, каковой эта школа стала и для меня.

Одесса, 2006. На этой конференции, посвященной проблемам символизма, я впервые оказалась в одной секции с Даниловной. Обратила внимание на то, что людей в помещении гораздо больше, чем заявлено в программе. Спросила, почему? Получила ответ – они хотят прочитать доклады в секции, которой руководит Наривская. Я впервые увидела, как она ведет секцию. Она никого не перебивала, не следила за регламентом, всем давала высказаться. Несколькими ремарками создавала интересную и жаркую полемику вокруг докладов докторов, молодым определяла направление исследования. Я не оговорила. То, что говорила Даниловна докладчикам, нельзя назвать замечаниями – это были полноценные научные консультации к написанию диссертаций.

Она внимательно слушала старательный ученический доклад совсем юной аспирантки:

– А Вы не пробовали посмотреть на эту проблему еще под одним углом зрения? Недавно вышла монография...

За 5–7 минут Даниловна назвала ей еще с десяток работ и вывела структуру диссертации. Вернувшись в Днепропетровск, отправила девочке нужные книги.

И на секцию к ней приходили все, кто понимал, что именно здесь и именно так происходит настоящая апробация твоей работы. Здесь не будет формальности, как на других конференциях, вроде «Вопросов нет? – Следующий докладчик». Здесь каждому расскажут о сильных и слабых сторонах работы, «проедутся по ней танком» (ее выражение) и дадут исчерпывающую консультацию.

Часто слышу, что Наривскую боялись. Это правда, но боялись те, кто небрежно и недобросовестно относился к науке, создавая не труды, а поделки. Халтура не вписывалась в парадигму служения Наривской, и тут она действительно могла, не стесняясь в выражениях, «рассказать, как надо Родину любить» (еще одно ее любимое выражение). Те же, кто работал серьезно и добросовестно, уважали ее безмерно за широчайшую научную эрудицию, профессионализм высшей пробы, научный талант, а главное – за готовность помочь. Ко всем, кто к ней обращался, она относилась, как к собственным аспирантам и докторантам. Не жалела ни времени, ни сил, понимая, что помощь молодым талантам реализовать – это святое и необходимое для будущего отечественной науки.

Я была свидетелем многих таких консультаций, вычитки бесконечных работ. У меня в компьютере – планы двух ее монографий, интересных замыслов, на реализацию которых так и не хватило времени. Его всегда хватало для всех, кроме нее самой...

Слупск (Польша), 2007. Долгая дорога на очередную конференцию. Даниловна в поезде перечитывает свой доклад, потом долго смотрит в окно.

– Нет, это совсем не то, давай ручку, буду переделывать.

На переделку ушли остаток дороги и два дня, которые планировалось провести в прогулках перед началом конференции. Переделка, доработка, а точнее – переписывание статьи – были ее стилем работы. С компьютером она так и не подружилась, писала по старинке от руки. Я набирала статьи на компьютере и отправляла ей чистенький текст готовой и, как мне казалось, законченной статьи. Примерно через неделю получала этот текст обратно – на нем не было живого места от перефразировок, примечаний, дописанных между строк вставок. Статья разрасталась, обретая целостность и законченность. Гораздо более чем к своим ученикам, она была требовательна к себе и к собственным трудам, стараясь

все довести до совершенства, до законченности мысли. Перед выступлениями на конференциях всегда очень волновалась. Будучи именитым доктором наук, всегда уважала всех, кто будет ее слушать. Как воспримут? Будет ли народу интересно? – Эти вопросы я слышала всякий раз, когда мы выезжали на конференцию. Этими же вопросами учила задаваться и меня.

Москва, 2009. Андреевские чтения. Зима, лютый мороз. После насыщенных конференционных заседаний – ежедневное паломничество по книжным магазинам. Научных новинок было много, покупали столько, сколько в буквальном смысле могли унести. Себе и обязательно коллегам («Там девочка на западной Украине пишет по этой теме, ей пригодится»). Так было каждый раз, когда мы приезжали в Москву. Театры? Выставки? – Только, если оставались время и деньги после покупки книг. Когда ездить уже не могла: «Там в Москве (Питере...) книга вышла, как бы нам ее достать?». Доставали. Привозили (друзья-коллеги передавали поездом). Себе и другим. Ее об этом никто не просил, понимая, что это хлопотно и дорого. Но она все равно покупала, потому что знала – книги нужны, их ждут. В Украине их не купишь, а наука не должна замыкаться в собственной местечковости, должна интегрироваться в мировую науку. Украинских ученых нужно знакомить с трудами как российских, так и западных исследователей, которые в России массово издавались в переводах, а у нас по тем временам крайне редко.

Алушта, 2011. Пленарное заседание. Шмелевские чтения. На сцене докладчица – автор одной из первых защищенных диссертаций по творчеству И. Шмелева. Мы сидим в зале с Даниловной и еще одной очень нами любимой днепропетровской коллегой – известным шмелеведом. Я слушаю доклад, и меня не покидает ощущение, что я это уже где-то слышала. Обращаюсь к коллеге:

– Это ж твой прошлогодний доклад (на этой же конференции)!

Она невозмутимо:

– Ну да.

– Так нужно же что-то делать! Она же стоит напротив тебя и в твоём присутствии воспроизводит твой же текст, выдавая его за свою диссертацию. – Моему возмущению не было предела.

– Успокойся, – сказала мне Даниловна. – Нехай вони роблять своє, а ми будемо робити своє.

Это был единственный раз, когда речь зашла о плагиате. К подобным прецедентам она относилась философски и не читала лекций своим аспирантам о том, что это табу и позор. Писать самостоятельно и этим своим примером учить других было естественно, как дышать. Иного просто было не дано – это был не ее путь. Не столько потому, что это было ниже ее достоинства, не потому, что для нее ныне затертое слово «честь» имело смысл, и уж тем более не потому, что за это могли наказать. А из глубокого уважения к чужой мысли, из стремления создавать свое, дополнить собственными найденными смыслами уже существующие смыслы, создать то настоящее, подлинное, что оставит след на бесконечном полотне научного текста.

Мы прожили с Вами много таких коротких и таких интересных лет, и продолжаем жить с Вами дальше. Учить других и делиться с ними тем, чем Вы так щедро делились с нами – знаниями, опытом, мудростью и что осталось в нас и живет в нас. На этом была выстроена школа – Ваша школа. И «помним, скорбим» здесь не уместно – забыть не получится, потому что Вы давно стали частью нас.

*Анна Аркадьевна Степанова,
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии и перевода
Университета имени Альфреда Нобеля (г. Днепро)*

НАШІ АВТОРИ

Аббасова Вюсяля Васіф кизи – докторант кафедри лінгвокультурології Азербайджанського університету мов (м. Баку).

Анненкова Олена Сергіївна – доктор філологічних наук, професор кафедри світової літератури та теорії літератури Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова (м. Київ).

Багірова Айнур Сіябхан кизи – старший викладач кафедри азербайджанської мови та методики її викладання Сумгаїтського державного університету (Азербайджан).

Бахшалієва Ільхама Тофік кизи – докторант відділу азербайджанської літератури ХХ століття (радянський період) Інституту літератури імені Нізамі Національної Академії Наук Азербайджану (м. Баку).

Богданова Ольга Володимирівна – доктор філологічних наук, професор, провідний науковий співробітник Інституту філологічних досліджень Санкт-Петербурзького державного університету, провідний науковий співробітник Науково-дослідного інституту освітнього регіонаознавства Російського державного педагогічного університету.

Буряк Олена Федорівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та зарубіжної літератури Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка (м. Кропивницький).

Василик Оксана Борисівна – кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри української та іноземних мов Уманського національного університету садівництва.

Венгринюк Мирослава Іванівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри філології та перекладу Івано-Франківського національного технічного університету нафти і газу.

Гарашева Єгяна Муса кизи – кандидат філологічних наук, викладач кафедри англійської мови гуманітарних факультетів Бакинського державного університету (Азербайджан).

Гордій Оксана Мирославівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри філології та перекладу Івано-Франківського національного технічного університету нафти і газу.

Гречухіна Ірина Дмитрівна – кандидат філологічних наук, доцент, доцент кафедри міжнародного туризму, готельно-ресторанного бізнесу та іншомовної підготовки Університету імені Альфреда Нобеля (м. Дніпро).

Гриців Наталія Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики Національного університету «Львівська політехніка».

Гусейнова Джамала Фархад кизи – викладач кафедри англійської мови природничих факультетів Бакинського державного університету (Азербайджан).

Євграфова Людмила Володимирівна – аспірант кафедри російської літератури Російського державного педагогічного університету (м. Санкт-Петербург).

Жила Вікторія Григорівна – асистент кафедри мов і літератур Далекого Сходу та Південно-Східної Азії Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Зінуква Наталія Вікторівна – доктор педагогічних наук, доцент, завідувач кафедри англійської філології та перекладу Університету імені Альфреда Нобеля (м. Дніпро).

Іскендерова Абіда Рафік кизи – докторант кафедри азербайджанської мови Гянджинського державного університету (Азербайджан).

Коваль Ірина Ігорівна – кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри німецької філології Київського національного лінгвістичного університету.

Кулакевич Людмила Миколаївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри українознавства, заступник декана факультету харчових та хімічних технологій Українського державного хіміко-технологічного університету (м. Дніпро).

Кулієва Діляра Рустам кизи – викладач кафедри азербайджанської мови та методики її викладання Сумгайтського державного університету (Азербайджан).

Лаврусенко Марія Іванівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української та зарубіжної літератури Центральноукраїнського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка (м. Кропивницький).

Мамедова Рена Гамід кизи – викладач кафедри іранської філології Бакинського державного університету (Азербайджан).

Мельник Оксана Михайлівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри філології та перекладу Івано-Франківського національного технічного університету нафти і газу.

Мілева Ірина Володимирівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови та мовної підготовки іноземних громадян Харківського національного університету будівництва та архітектури.

Молгамова Лілія Олексіївна – викладач кафедри германської філології Сумського державного педагогічного університету імені А.С. Макаренка.

Мусаєва Ірада Аюб кизи – доктор філософії з філології, доцент, докторант Національного музею азербайджанської літератури імені Нізамі Гянджеві Національної Академії Наук Азербайджану (м. Баку).

Нікіфорова Тетяна Віталіївна – магістрант спеціальності «Філологія», Івано-Франківського національного технічного університету нафти і газу.

Оляндер Луїза Костянтинівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри слов'янської філології Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки (м. Луцьк).

Паламар Наталя Ігорівна – кандидат філологічних наук, доцент, асистент кафедри міжкультурної комунікації та перекладу Львівського національного університету імені Івана Франка.

Пасько Людмила Валентинівна – кандидат філологічних наук, доцент Центру наукових досліджень та викладання іноземних мов Національної академії наук України (м. Київ).

Потніцева Тетяна Миколаївна – доктор філологічних наук, професор кафедри зарубіжної літератури Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара.

Раковська Ніна Михайлівна – кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри світової літератури Одеського національного університету імені І.І. Мечникова.

Сахно Ірина Панасівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри германської філології Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара.

Сініло Галина Веніамінівна – кандидат філологічних наук, професор кафедри культурології, доцент кафедри зарубіжної літератури Білоруського державного університету (м. Мінськ).

Турчак Олена Михайлівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології та перекладу Університету імені Альфреда Нобеля (м. Дніпро).

Федоренко Лариса Олександрівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри германської філології та зарубіжної літератури Навчально-наукового інституту іноземної філології Житомирського державного університету імені Івана Франка.

Ходаківська Марія Олександрівна – старший викладач кафедри української мови та мовної підготовки іноземних громадян Харківського національного університету будівництва та архітектури.

Цимбал Інна Валеріївна – кандидат психологічних наук, викладач Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут імені Ігоря Сікорського».

Шапочкіна Ольга Володимирівна – кандидат педагогічних наук, доцент кафедри германської філології Київського університету імені Бориса Грінченка.

Шевченко Людмила Олексіївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов економічного факультету Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Шестакова Елеонора Георгіївна – доктор філологічних наук (м. Донецьк).

Шийка Юлія Іванівна – кандидат педагогічних наук, доцент, доцент кафедри прикладної лінгвістики Національного університету «Львівська політехніка».

Шиян Наталія Юріївна – викладач кафедри англійської філології та перекладу Університету імені Альфреда Нобеля (м. Дніпро).

Штатна Олена Іванівна – викладач кафедри германської філології Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара.

OUR AUTHORS

Vyusalya V. Abbasova – PhD Doctorant, Azerbaijan University of Languages (Azerbaijan).

Yelena S. Annenkova – Doctor of Philology, Full Professor, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine).

Ainura S. Bagirova – Lecturer, Sumgait State University (Azerbaijan).

Olga V. Bogdanova – Doctor of Philology, Full Professor, Saint Petersburg State University (Russian Federation).

Olena F. Buriak – PhD in Philology, Associate Professor, Central Ukrainian State Pedagogical University named after Volodymyr Vynnychenko (Ukraine).

Ilhama T. Bakhshaliev – PhD Doctorant, National Academy of Sciences (Azerbaijan).

Larysa O. Fedorenko – PhD in Philology, Associate Professor, Zhytomyr Ivan Franko State University (Ukraine).

Yegyana M. Garasheva – PhD in Philology, Baku State University (Azerbaijan).

Iryna D. Grechukhina – PhD in Philology, Associate Professor, Alfred Nobel University (Ukraine).

Oksana M. Hordii – PhD in Philology, Associate Professor, Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas (Ukraine).

Nataliia M. Hrytsiv – PhD in Philology, Associate Professor, Lviv Polytechnic National University (Ukraine).

Dzhamalya F. Huseynova – Lecturer, Baku State University (Azerbaijan).

Abida R. Iskenderova – PhD Doctorant, Ganja State University (Azerbaijan).

Mariia O. Khodakivska – Lecturer, Kharkiv National University of Civil Engineering and Architecture (Ukraine).

Iryna I. Koval – PhD in Philology, Kyiv National Linguistic University (Ukraine).

Lyudmyla M. Kulakevych – PhD in Philology, Associate Professor, Ukrainian State University of Chemical Technology (Ukraine).

Dilyara R. Kuliyeva – Lecturer, Sumgait State University (Azerbaijan).

Maria I. Lavrusenko – PhD in Philology, Associate Professor, Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University (Ukraine).

Rena H. Mammadova – Lecturer, Baku State University (Azerbaijan).

Oksana M. Melnyk – PhD in Philology, Associate Professor, Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas (Ukraine).

Iryna V. Milieva – PhD in Philology, Associate Professor, Kharkiv National University of Civil Engineering and Architecture (Ukraine).

Lilia O. Molhamova – Lecturer, Sumy A.S. Makarenko State Pedagogical University (Ukraine).

Irada A. Musaeva – PhD in Philology, Associate Professor, National Museum of Azerbaijan Literature named after N. Ganjavi of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan).

Tetyana V. Nikiforova – Master in Philology, Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas (Ukraine).

Luiza K. Oliander – Doctor of Philology, Full Professor, Lesya Ukrainka Eastern European National University (Ukraine).

Natalya I. Palamar – PhD in Philology, Associate Professor, Ivan Franko National University of Lviv (Ukraine).

Liudmyla V. Pasko – PhD in Philology, Associate Professor, Research and Educational Center for Foreign Languages of the National Academy of Sciences (Ukraine).

Tatyana N. Potnitseva – Doctor of Philology, Full Professor, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine).

Nina M. Rakovskaya – PhD in Philology, Associate Professor, Odessa I.I. Mechnikov National University (Ukraine).

Iryna P. Sachno – PhD in Philology, Associate Professor, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine).

Olga V. Shapochkina – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

Eleonora G. Shestakova – Doctor of Philology, Donetsk (Ukraine).

Ludmila O. Shevchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

Yelena I. Shtatnaya – Lecturer, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine).

Natalia Yu. Shyian – Lecturer, Alfred Nobel University (Ukraine).

Julia I. Shyyka – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Lviv Polytechnic National University (Ukraine).

Galina V. Sinilo – PhD in Philology, Full Professor, Belarusian State University (Belarus).

Inna V. Tsymbal – PhD in Psychology, National Technical University of Ukraine “Igor Sikorsky Kyiv Polytechnic Institute” (Ukraine).

Olena M. Turchak – PhD in Philology, Associate Professor, Alfred Nobel University, Dnipro (Ukraine).

Oksana B. Vasylyk – PhD in Philology, Uman National University of Horticulture (Ukraine).

Myroslava I. Venhryniuk – PhD in Philology, Associate Professor, Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas (Ukraine).

Ludmyla V. Yevgrafova – PhD Doctorant, Russian State Pedagogical University (Russian Federation).

Viktoriya G. Zhyla – PhD Doctorant, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

Nataliia V. Zinukova – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Alfred Nobel University (Ukraine).